

STUDIA RUSSICA
XXVI

BUDAPEST
2018

INSTITUTUM PHILOLOGIAE RUSSICAE
INSTITUTUM PHILOLOGIAE UCRAINICAE
FACULTATIS PHILOSOPHICAE
IN UNIVERSITATE BUDAPESTINENSI
DE ROLANDO EÖTVÖS NOMINATA

STUDIA RUSSICA
XXVI

REDIGUNT
L. JÁSZAY ET A. ZOLTÁN

BUDAPEST
2018

Készült
az ELTE BTK
Orosz Nyelvi és Irodalmi Tanszékének
és
Ukrán Filológiai Tanszékének
közös műhelyében

БУДАПЕШТСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Л. ЭТВЕША
ФАКУЛЬТЕТ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
КАФЕДРА УКРАИНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

STUDIA RUSSICA
XXVI

Ответственные редакторы
А. Золтан и Л. Ясаи

Будапешт
2018

A szerkesztőbizottság tagjai – Члены редколлегии:
HEGEDŰS Iván, JANURIK Szabolcs, PÁLOSI Pldikó, ZOLTÁN András

Technikai szerkesztő – Технический редактор:
PÁLOSI Pldikó

Orosz nyelvi lektor – Литературный редактор
MIRIEVA Nailya

A szerkesztőség címe – Адрес редакции:
Будапештский университет им. Л. Этвеша
Кафедра русского языка и литературы
Кафедра украинской филологии
Eötvös Loránd Tudományegyetem
Orosz Nyelvi és Irodalmi Tanszék
Ukrán Filológiai Tanszék
✉ H-1088 Budapest, Múzeum krt. 4/D.
☎ Tel./fax: (36-1) 485-52-10
✉ E-mail: ruslex2017@gmail.com

HU ISSN 0139–0287

ISBN 978-963-489-048-5

Материалы
Международной лингвистической конференции
«Русская лексика: история и современность»
Будапешт, 20–21 октября 2017 г.

**Активные процессы
в лексике русского языка**

Н. А. ЕМЕЛЬЯНОВА – Л. Н. НОРЕЙКО

Англицизмы в современном русском языке

Основные тенденции в освоении новой лексики

English borrowings in modern Russian

The main trends in adaptation of new lexics

Abstract: this article is devoted to English borrowings in Russian nowadays. The authors conducted a study of the semantic and grammatical adaptation of English words. Word-formation activity of new words in Russian is considered to be an important criterion of their adaptation in a new context of usage. It is pointed out that a borrowed word takes its special place in the lexical system of modern Russian.

Keywords: borrowings, adaptation of new lexical items, context of usage, word-formation activity, criteria of adaptation

Динамическое развитие общества в наши дни вызывает значительные изменения в лексике современного русского языка. Главным источником происходящих изменений является английский язык, наибольшее влияние которого проявляется в деловом общении, средствах массовой информации, социальных сетях. В результате этого русский язык постоянно пополняется новыми словами и выражениями, которые моментально получают широкое распространение. Но этим не ограничивается проникновение английского языка в русский: заимствуется не только лексика, но и темп и организация речи, синтаксические конструкции, модели построения текстов и их иноязычные форматы (примером этого могут служить образцы интернет-сайтов, форматы изложения новостей, а также теле- и радиопрограмм). Однако в рамках данной статьи основной акцент ставится на изучении основных тенденций в освоении новой заимствованной лексики.

На интенсивность заимствования в наши дни влияет открытость общества, активизация международных контактов, появление большого числа новых явлений и форм социального взаимодействия (КРЫСИН 2002: 27–29). Это не означает, что все заимствования, пришедшие в русский язык в последнее время, останутся в нем на длительный срок. Верно утверждение о том, что язык – самоочищающаяся система, и в нем остается только то, что действительно значимо, оправдано с точки зрения своего особого расположения в лексической системе и вступило в парадигматические и синтагматические отношения с другими языковыми средствами. Интенсивность международных социальных контактов наблюдается в разных профессиональных и общественных сферах (в политике, экономике, информационных технологиях, спорте, искусстве).

Главных причин заимствования может быть две: объективная (для нового понятия или предмета нет нужного обозначения в принимающем языке) и субъективная (новое слово обладает особой выразительностью, большей привлекательностью или точностью, по мнению говорящего, по сравнению с исконно русским). Так, например, в языке рекламы чаще всего предпочтительно употребление заимствованного слова именно в силу своей новизны и притягательности для потребителя (например, употребление слова *донатсы* вместо *пончики*).

Попадая в русский язык, новое заимствованное слово проходит определенный путь до того, как займет свое место в системе (в случае если оно нашло свою уникальную нишу). Так, до недавнего времени относительно старое заимствование *парковка* (имеющее широкий словообразовательный ряд в русском языке) конкурировало с новым – *паркинг*. Некоторое время они употреблялись в аналогичных контекстах и дублировали друг друга. Однако в последнее время наблюдается очевидная дифференциация в употреблении данных слов. Каждое из рассматриваемых слов приобрело свой определенный контекст и нюанс значения: *парковка* означает ‘наземную горизонтальную стоянку машин’, а *паркинг* – ‘многоуровневое вертикальное расположение машин’. Появление заимствованного слова может быть вызвано такими субъективными причинами, как неспособность говорящего или пишущего (например, при переводе) подобрать существующий в русском языке эквивалент для иностранного слова. Так возникают ошибочные кальки: в поликлинике нужно сдать *тесты*; город *финального* назначения; молодежные *идолы*; молодежь стала *хедлайнером* важнейших событий в стране. Однако появление других английских слов в русском контексте вполне оправдано, так как в русском языке нет точного однословного соответствия английскому понятию или явлению. Частотность употребления таких слов, как *драйв*, *челендж*, *фрустрация* объясняется именно отсутствием нужного эквивалента в русском языке. Можно утверждать, что подобные слова становятся частью лексической системы русского языка, так как получают широкое распространение в разных стилистических контекстах. Они активно функционируют в разговорном, публицистическом и литературно-художественном стилях современной русской речи.

В наши дни наблюдается и другая тенденция, когда заимствованное слово остается принадлежностью речи людей определенной профессиональной сферы и не выходит за рамки данной сферы. Так, в спортивной среде используется слово *трансфер* с ударением на первом слоге. Оно остается неактуальным и неизвестным для представителей других профессиональных групп. В туристической сфере встречается подобное слово, но с другим значением и с акцентом на втором слоге. Однако мы оставляем вне рассмотрения профессиональную терминологию и жаргон. Это поле для отдельного исследования. Нас же прежде всего интересуют процессы, происходящие в повседневной речи, в языке СМИ и интернета. Именно эти сферы дают интересные примеры вхождения нового слова в обиход и его освоения русским языком. Так, например, массовым сознанием слова *подросток* и *тинейджер*

воспринимаются как равнозначные по смыслу: «*Психологически он вечный подросток – говоря сегодняшним языком, тинейджер*» (Федор Марченко. 4 возраста вампира // «Психология на каждый день», 2010. НКРЯ). Из приведенного примера ясно, что заимствованное слово оценивается как новое, актуальное, “сегодняшнее”. Однако в форме прилагательного узус демонстрирует разграничение в сочетаемости и передаваемом значении: *подростковый* возраст / период, но *тинейджерский* жаргон/стиль: «*Стиль Юли тинейджерский, спортивный. Любит носить джинсы, широкие штаны, футболки, кеды*» (Л. Васильева. Хулиганка Юлия Савичева стала пайдевичкой // Комсомольская правда, 2004.07.19. НКРЯ).

Критерием освоения иноязычного слова является его словообразовательная активность и его вовлеченность в систему грамматических классов русского языка (КРЫСИН 2004: 23–27). У заимствованного слова должны быть формы рода, числа, а также способность принимать падежные окончания. Большинство освоенных заимствованных слов обладает всеми необходимыми грамматическими признаками: *франчайзинг, бренд, автобан, свитиот, шоу-рум, франшиза*.

Словообразовательная активность свидетельствует о вхождении заимствованного слова в лексическую систему языка, о его востребованности и частотности употребления в разного рода контекстах (*кредит – кредитный – кредитовать – кредитование – закредитованность; инвестиции – инвестировать – инвестор – инвестиционный*).

Кроме того, активно заимствуются и широко употребляются в языке иноязычные приставки: *гипер-* (*гиперактивность, гиперссылка, гипертекст*), *контр-* (*контрафакт, контрмеры*), *ре-* (*реновация, ремейк, ребрендинг*), *экстра-* (*экстраординарный, экстраполярный*).

Заимствования не сразу фиксируют словари, поэтому наиболее результативные наблюдения за функционированием иноязычного слова позволяет осуществить электронный ресурс – *Национальный корпус русского языка*, иллюстрирующий употребление той или иной лексической единицы в разных стилях и формах речи, а также в разных источниках.

Национальный корпус русского языка позволяет заключить, какой огромный объем иноязычной лексики вовлечен в порождение и передачу той или иной информации на русском языке. И в результате широкого распространения данной группы лексики и вхождения ее в разнообразные контексты употребления быстро нивелируется новизна и “иноязычность” заимствованной лексики.

По данным Национального корпуса очевидно, что одна часть этой лексики свойственна повседневной речи, другая часть закрепляется в определенной сфере деятельности или стиле речи и имеет ограниченное хождение среди специалистов или определенных социальных групп (студенческий сленг, язык офисных работников и др.).

В процессе систематизации новой лексики, пришедшей в русский язык из английского в последнее время, можно выделить следующие группы по характеру и способу освоения данной лексики в русском языке.

Первую группу составляют лексические единицы, заимствованные с сохранением первоначального значения.

- (1) *Шоу-рум* (show room) – ‘салон-магазин, где проводятся модные показы’. Здесь стоит заметить, что слово *шоу-рум* расширило свое употребление и перешло из мира моды в строительную сферу в связи с начавшейся реновацией старого жилого фонда. Появились *шоу-румы* квартир, спортивных площадок и жилой инфраструктуры. Причем это слово активно склоняется в узусе в соответствии с русскими падежными формами: *много шоу-румов, в шоу-румах можно ознакомиться с образцами*.
- (2) *Ребрендинг* (rebranding) – ‘изменение товара с целью его усовершенствования’.
- (3) *Лайк-шок* (like shock) – ‘чувство, которое возникает у человека, чей пост в соцсетях собрал гораздо больше “лайков”, чем он ожидал’.
- (4) *Драйвстеп* (drivestep) – ‘музыкальный ритм, под который хорошо вести машину’.

В отдельную группу стоит выделить слова, имеющие исконно русский эквивалент, но употребление заимствованного и русского слова отличается нюансами значений.

- (4) *Перерыв и кофе-брейк*, имея один и тот же ядерный смысл, разошлись по сферам употребления: *перерыв* характерен для академической и рабочей сферы (*обеденный перерыв*), а *кофе-брейк* сопровождает конференции, симпозиумы, деловые встречи.
- (5) *Образ и имидж* имеют разную сочетаемость и оттенки значений. Слово *имидж* характерно для рекламной сферы и обозначает намеренные спланированные действия по формированию необходимого восприятия компании или лица. Этим объясняется характерная сочетаемость этого слова: *имиджевая реклама, имиджевые ролики (фильмы)*.
- (6) *Послание и месседж* различаются контекстами употребления: *послание президента Федеральному собранию, послание декабристам (Пушкин), послание миру, но какой месседж транслирует национальное кино, авторский месседж, донести свой месседж до зрителя* (сфера искусства).
- (7) *Законный и легитимный* – в этой паре слов последнее приобретает уточняющий смысл – ‘обладать поддержкой народа’.
- (8) *Исключительный и эксклюзивный* – данные слова отличаются своей сочетаемостью: *исключительные меры, исключительный случай, исключительные права, но эксклюзивный показ (товар), эксклюзивное интервью*. В данном случае значение существительного, с которым сочетается прилагательное, определяет выбор исконно русского или заимствованного слова.
- (9) *Целевая и таргетированная реклама* – существование данной пары оправдано, так как *таргетированная реклама* представляет собой особый вид рекламы, размещается в соцсетях и направлена на группу пользователей с заданными параметрами.

Следует отметить, что сфера употребления слов имеет часто решающее значение в выборе того или иного эквивалента понятия. Так, в сфере торговли употребляется словосочетание *фальсифицированный товар*. Однако

в информационной сфере недостоверные новости принято оценивать как *фейковые*.

Отсутствие в русском языке стандартизированной терминологии в области компьютерных технологий, а также необходимых фирменных и рекламных терминов повлекло за собой тенденцию к появлению компьютерного сленга. Это слова, употребляемые людьми, имеющими непосредственное отношение к компьютерам в повседневной жизни. Они заменяют профессиональную лексику и отличаются разговорной, а иногда и грубо-фамильярной окраской (ЕРМАКОВА 2001: 3–8). Приведем несколько примеров из этой группы иноязычной лексики.

- (10) *Аскать* (от англ. “ask” – ‘спрашивать, задавать вопрос’).
- (11) *Початиться* (от англ. “chat” – ‘пообщаться в чате’).
- (12) *Юзать* (от англ. “use” – ‘использовать, пользоваться’).
- (13) *Кликать* (от англ. “click” – ‘щелкать’).
- (14) *Пиарить* (от англ. “PR” – ‘продвигать, популяризировать’).

Такой прием освоения английской лексики называется гибридизацией, так как представляет собой соединение английского корня с русскими морфемами: суффиксами, приставками. Таким образом освоенные слова и обозначаемые ими понятия (действия) изменяются в соответствии с правилами русской грамматики. Компьютерный сленг пополнился также рядом производных от английских терминологических слов: *мыло* (e-mail), *дрова* (вместо драйвера).

Среди активных лексических процессов в современном русском языке отмечают калькирование (КРЫСИН 2002: 32–33). В результате огромной популярности мобильной и электронной связи появился целый пласт особых калькированных обозначений различных феноменов, иллюстрирующих поведение пользователей этих средств. Среди наиболее распространенных и закрепившихся в языке выражений-калек следует назвать следующие.

- (15) *Телефонный зевок* (Phone-yawn) – ‘феномен, наблюдающийся, когда один человек достает телефон и смотрит на экран, в результате чего окружающие люди делают то же самое’.
- (16) *Хвастограм* (Gloatgram) – ‘пост в инстаграм, показывающий, как хороша жизнь автора, обычно это фотографии еды или путешествий’.
- (17) *Пост-призрак* (Ghost post) – ‘комментарий к статусу или фотографии, который был тут же удален автором из-за орфографической ошибки, глупости или неудачного подбора слов’.

К этой же группе следует отнести и кальки, возникшие в других сферах жизни, отражающие новые веяния в предпочтениях, интересах и вкусах людей: *спорткары*, товары *премиум класса*, жизнь в *таун-хаусах*.

Заслуживает особого внимания и широкое использование английских морфем для создания особой выразительности или в целях уточнения уже существующих понятий. Так появились слова *duxless*, *кросс-культурный*, *мегаинтересный*, *ультрасовременный*, *постсоветское пространство*. Актуализация английской морфемы *-инг* наблюдается в разных сферах жизни:

шоплифтинг (в сфере правонарушений); *виндсерфинг*, *кемпинг* (в сфере туризма и спорта); *фишинг*, *франчайзинг*, *мерчендайзинг* (в финансовой и деловой сферах).

Заимствованные морфемы обретают новую жизнь, соединяясь с исконно русскими морфемами, обозначая лицо, признак предмета или действия: *айтишник*, *топовый*, *суперский*. По мнению Л. П. Крысина, в словообразовательную морфему превращается слово *мейкер*: *имиджмейкерство*, *нюсмейкер*, *клипмейкер* (КРЫСИН 2004: 23–27).

Стремление к выразительности и экономии средств современных молодых носителей русского языка наполнило электронные каналы связи большим числом аббревиатур. Наибольшую активность приобрело сокращение *ИМХО* (*по моему скромному мнению* – выражение английского происхождения), которое в результате широты распространения (в том числе и в устной речи) получило падежные формы, а также форму множественного числа: *без имха*, *по имху*, *имхи*. Кроме того, появилось оценочное слово того же происхождения *имхоизм* как свойство при характеристике субъективности суждений.

Существует также и активно используется группа аббревиатур, сохраняющая вид и форму языка-источника: *ADN* (Any Day Now) – ‘теперь в любое время’; *GF* (Girlfriend) – ‘подружка’; *HTH* (Hope This Helps!) – ‘надеюсь, это поможет’.

В настоящее время аббревиация занимает все более прочные позиции в разных языках мира, получая широкое распространение в различных областях науки и искусства, общественной и политической жизни общества и особенно в интернете. В качестве причин возникновения и широкого распространения аббревиации на современном этапе исследователи называют закон экономии языковых средств и времени. Помимо средства экономии времени говорящего, аббревиатура является также средством экспрессии и концентрации информации (КОСАРЕВА 2004: 56–63).

Если анализировать язык социальных страт, то станет очевидным, что молодежная среда наиболее восприимчива к заимствованиям. Молодежный сленг пестрит словами английского происхождения, являющимися принадлежностью повседневной речи: *гоу*, *изи*, *тру*, *сори*.

Анализ распространения и освоения англицизмов в русском языке представляет множество интересных примеров заимствования и взаимодействия языков. Многие из приведенных примеров заимствования уже стали частью лексической системы и, вероятно, в ближайшие годы будут иметь широкое распространение в различных контекстах коммуникации на русском языке. Большая часть приведенных в данном материале примеров еще не фиксируется словарями. В этом смысле наличие электронного ресурса *Национального корпуса русского языка* является ценным вкладом в изучение современных процессов, происходящих в лексике.

Главным выводом проведенного исследования является понимание того, что процесс заимствования и освоения новой лексики следует оценивать позитивно. Заимствования позволяют передавать новую информацию

более точно, учитывать нюансы значений, придавать речи большую степень выразительности, обеспечивать передаваемым смыслам современное звучание. Самое главное заключается в том, что современный носитель языка получает возможность выбора для более точного решения различных коммуникативных, стилистических и контекстных задач.

На основе анализа функционирования заимствованных лексических единиц можно также прийти к заключению о том, что считать оправданным заимствованием. Иноязычное слово должно сообщать новую информацию, либо иметь особый смысловой или стилистический оттенок. Носитель, употребляющий заимствованные слова, должен ориентироваться на подготовленную аудиторию и руководствоваться чувством меры и языковым вкусом. Кроме того, употребление заимствованных слов, как правило, определено стилем и сферой общения: в этом случае действует принцип уместности включения в речь иноязычных слов (даже если они уже считаются частью лексической системы языка). Актуальная лексика, пришедшая из другого языка (в данном случае из английского), должна занять свою нишу в языковой системе и адаптироваться к словообразовательным и словоизменительным моделям принимающего языка. Заимствование должно сформировать новое смысловое поле и открыть новые возможности для носителей русского языка в интерпретации существующей действительности и выражении своих мыслей.

Заимствование можно считать оправданным, с нашей точки зрения, и в том случае, когда оно пополняет словообразовательные средства принимающего языка и расширяет таким образом возможности понимания незнакомых слов в языке-источнике.

Однако неточный перевод иноязычных слов, а также чрезмерное употребление английских корней (например, в студенческом сленге) лишает речь смысла и выразительности и не может считаться оправданным.

Актуальность исследования появления и функционирования заимствований в русском языке заключается в том, что все большее число носителей языка сталкивается с необходимостью их правильного восприятия и воспроизведения в своей речи. Знание и понимание происходящих в языке процессов станет ориентиром в формировании языкового вкуса, осознанного выбора языковых средств и культуры речи в целом.

Литература

- ЕРМАКОВА 2001 = ЕРМАКОВА О. И. *Особенности компьютерного жаргона как специфической подсистемы русского языка*. Москва, 2001.
- КОСАРЕВА 2004 = КОСАРЕВА О. Г. Аббревиатура как средство экономии и экспрессии речи. *Иностранные языки в школе* 2004/2: 56-63.
- КРЫСИН 2002 = КРЫСИН Л. П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий. *Вопросы языкознания* 2002/6: 27-33.
- КРЫСИН 2004 = КРЫСИН Л. П. *Русское слово, свое и чужое*. Москва: «Языки славянских культур», 2004.

Источники

Национальный корпус русского языка. www.ruscorpora.ru

Материалы СМИ: телевизионные программы, периодические издания, реклама, интернет

Повседневная речь носителей русского языка

Л. В. ЕНИНА

**Практики употребления слов *русские, россияне, Россия*
для номинации национальной общности
в дискурсе СМИ**

**The practice of using the words *Russians, Russian People, Russia*
to designate the national community
in the media discourse**

Abstract: the article considers the national community self-name options, the choice of which depends on who the speaker is – a journalist or an invited expert. It is established that the practices of using the words *Russians* and *Russian people* compete among themselves in the right to determine the national community in the current period. The nomination *Russia* constructs the political and territorial community of the inhabitants of Russia and, as a rule, is influenced by *information war* discursive concept.

Keywords: identity, discourse, mass media language.

В статье частично представлены результаты исследования проекта, поддержанного Отделением гуманитарных и общественных наук РФФИ, «Национально-гражданская идентичность россиян в дискурсе СМИ: концепт «информационная война» как мобилизационный фактор идентификации». Методологически наше исследование связано с конструктивистским пониманием идентичности, которая рассматривается как дискурсивная категория, обладающая свойствами ситуативности и смысловой подвижности. Наше исследование не претендует на анализ массового сознания и построение национальной картины мира, а посвящено поиску текущих закономерностей формирования идентичности россиян в разных текстах дискурса современных российских СМИ. В этом смысле мы ведем исследование в русле лингвистики дискурса, как это понимает О. Г. Ревзина:

«лингвистику дискурса не занимает вопрос о связанном, завершённом тексте, о принципах его устройства; ее измерение — это проникновение сквозь разные тексты. Нужно выйти к той форме бытования языка, которая дана не на уровне конструктов (порождение, понимание — то, что происходит в сознании субъекта, и то, что непосредственно недоступно наблюдению), а на уровне материальной телесности. Этим уровнем является реально высказанное, произнесенное, закрепленное “на белизне бумаги”» (РЕВЗИНА 1999: 27).

Идентичность россиян, конструируемая в медиадискурсе, представляется разновидностью *воображаемого сообщества*. Социолог Б. Андерсон подчеркивает этим термином, что члены такого сообщества воображают (не столько в смысле *выдумывают*, сколько в смысле *создают, творят*) связь друг с другом в плане солидарности, объединения за счет общего пространства, времени, языка (АНДЕРСОН 2001). Для нации как воображаемого сообщества, помимо разделяемых большинством ценностей, должна быть принимаемая членами сообщества общая номинация, самоназвание. Но как показал эмпирический материал, в текстах российских СМИ жители России как члены национально-гражданского сообщества не имеют закрепленной номинации. Используется ряд конкурирующих номинаций – *россияне, русские*, а также *Россия* в высказываниях с метонимическим переносом, например: *Россия встает с колен*.

В этой статье мы хотим представить выявленные закономерности употребления этих номинаций в текстах СМИ.

Если обратиться к *Толковому словарю русского языка*, то за словом *россияне* закреплено два значения. Первое значение ‘то же, что русские’ (устар., обычно высок.) (ТСРЯ 2008: 840); второе значение ‘общее название населения России’ (ТСРЯ 2008: 840). Первое значение, отнесенное к пассивному словарному запасу и имеющее стилистическое ограничение, тождественно этнониму *русские*: ‘народ, составляющий основное коренное население России’ (ТСРЯ 2008: 840). Второе значение фиксируется как общепотребительное, нейтральное и принадлежащее активному словарному запасу. Оно нивелирует этническую семантику и объединяет всех жителей России, соответственно в этом значении рекомендуется употреблять его в качестве коллективного идентификатора нации.

В этом же словаре грамматические формы множественного и единственного числа разведены семантически. Толкование слова *русские* приведено выше. Слово *русский* в первом значении имеет отсылку к этнониму *русские*, тогда как во втором значении объединяет этническую и национальную семантику: ‘относящийся к русскому народу, к его языку, национальному характеру, образу жизни, культуре, а также к России, ее территории, внутреннему устройству, истории; такой, как у русских, как в России’ (ТСРЯ 2008: 840), что неизбежно влечет за собой смысловую двойственность в речевой практике.

Анализ текстов журналистского дискурса показывает, что практики употребления коллективных идентификаторов *россияне* и *русские* зависят от двух факторов.

Первым фактором для выбора номинации выступает субъектная позиция дискурса. «Дискурсы всегда предписывают людям позиции, которые они должны занимать как субъекты <...> В соответствии с этими позициями уже существуют определенные ожидания о том, как действовать, что говорить и что не говорить» (Филлипс–Йоргенсен 2008: 80). В СМИ основные субъектные позиции распределены между журналистом, на котором лежит ответственность соблюдения правил данной сферы общения, и экспертом –

тем, кто дает оценку фактам и событиям, опираясь на профессиональные знания в конкретной области, подкрепленные авторитетом в профессиональном сообществе.

Можно сказать, что со стороны журналистов утвердился стандарт употребления номинации *россияне*. В ведущих российских СМИ журналисты используют слово *россияне* в текстах на разные общественно-политические темы. Приведем в пример заголовки новостных текстов:

- (1) Социологи рассказали об ожиданиях россиян в связи с присоединением Крыма (Lenta.ru. 23.03.2015).
- (2) Почему россияне хотят помогать Сирии? (Вести.ру. 12.10.2017).
- (3) Россияне начали избавляться от валюты (РБК, 25.03.2015).

Если в текстах на политические темы, номинация *россияне* сопрягается с позитивной оценкой политического курса страны, то в текстах на экономическую тематику слово *россияне* часто обнаруживает соседство со словами, передающими смыслы низкого качества жизни:

- (4) Россияне тупеют и все больше верят в чудеса (Lenta.ru.07.10.2017).
- (5) Пожилые россияне пожаловались на бедность и одиночество (Сноб. 06.10.2017).
- (6) Россияне компенсируют падение доходов новыми кредитами (Ведомости. 11.10.2017).
- (7) Россияне все чаще ходят в лес за едой (Независимая газета. 12.10.2017).

Иными словами, конструируемые смыслы для номинации *россияне* обнаруживают разрыв между политической и экономической тематикой в дискурсе СМИ. Однако будет несправедливо утверждать строгое разграничение оценочных практик употреблении слова *россияне*, речь идет о наблюдаемой тенденции.

Со стороны экспертов, напротив, слово *россияне* подвергается рефлексии, выражающей негативную субъективную оценку:

- (8) Когда кто угодно — президенты, писатели, политики и политтехнологи, — когда все они (к месту и не к месту) — произносят главное слово нашего времени — россияне — делается противно (Александр Минкин. Русские или россияне? МК. 02.11.2016).
- (9) «Само слово «россиянин» отвратительное. Может, оно и прижилось, но «россиянка», «россияне» даже чисто лингвистически отвратительно звучит», — заявил режиссер, рассуждая об идее принять закон о российской нации (Говорухин назвал слово «россиянин» отвратительным. Газета. Ru. 17.11.2016).

Эксперты активно используют слова *русские*, *русский*, при этом контекст употребления этого слова не всегда позволяет выявить то значение, в котором оно использовано. Приведем фрагмент высказывания Михаила Веллера на радиостанции «Эхо Москвы» в программе «Особое мнение»:

«...это одна из форм, один из моментов нашей идеологической и политической борьбы с «проклятой западной цивилизацией», которая сейчас нас не любит, которая говорит, что надо нас душить санкциями; которые говорят, что «эти русские агрессивные и не знают, что они хотят: они нарушают договора, оккупируют чужие территории и так далее. Мы же должны с ними как-то бороться?» (Эхо Москвы. 23.03.2015).

Здесь обратим внимание на два момента: первое, Михаил Веллер, как и многие другие эксперты, вместо коллективного идентификатора использует местоимение *мы, нас*. Это, с одной стороны, является морфологическим показателем устной разговорной речи, а с другой стороны, мы интерпретируем это как отказ, осознанный или неосознанный, от выбора коллективного идентификатора. Второй момент: слово *русские* в контексте может быть понято и как этноним, и как коллективный идентификатор для членов национального сообщества. При этом перечисленные отрицательные характеристики «агрессивные» и пр. говорятся не имени эксперта, а от лица предполагаемого западного оппонента. Это позволяет нам перейти ко второму фактору, влияющему на практики употребления номинаций.

Вторым фактором является контекстная близость концепта *информационная война*. Е. В. Каблуков вводит определение информационной войны как дискурсивного концепта, который функционирует в дискурсе СМИ как часть технологии борьбы за власть (КАБЛУКОВ 2017: 33). Этот концепт служит последовательному и систематическому конструированию реальности, в которой какому-либо объекту и/или *его образу*, функционирующему в медиадискурсе, приписываются резко негативные характеристики, тем самым создается образ врага, а для аудитории СМИ конструируется роль жертвы враждебных действий. Присутствие в тексте дискурсивного концепта *информационная война* может быть определено как по базовому имени *информационная война*, так и по ряду его лингвистических маркеров: негативные оценки, военные метафоры, отрицательно-оценочная, в том числе стилистически сниженная, лексика по отношению к политическим, идеологическим оппонентам.

Контекстная близость концепта *информационная война* и в речи журналиста, и в речи эксперта оборачивается выбором номинации *Россия* взамен других коллективных идентификаторов. Эта метонимическая замена обеспечивает широкое распространение смысла сплоченного политического единства.

- (10) К России в этой организации (Межпарламентский союз – Л. Е.) традиционно позитивное отношение. Страны Азии, Африки, особенно Латинской Америки никогда за всю историю не выступали с агрессивными заявлениями в адрес России (Федеральное собрание меняет ПАСЕ на Межпарламентский союз. Известия. 23.03.2015).
- (11) У России нет изоляции, а идёт манипулирование общественным сознанием через цифровые технологии, которыми американцы владеют блестяще. Это тоже подчёркивает Обама в своей последней речи в Вест-Пойнте, об этом говорят американские политики (Сенатор Морозов

уверен, что Франция подорвет свой имидж на рынке вооружений. РСН. Позиция. 23.03.2015).

Роль концепта *информационная война* в дискурсе СМИ состоит в том, чтобы учредить истину дискурса. Он востребован как способ разделять истинные и ложные – с позиции субъекта речи – высказывания в условиях множества разнородных информационных потоков, которые невозможно блокировать или контролировать в современных условиях распространения информации. Объявление каких-либо суждений ложными, а фактов вымышленными происходит за счет отсылок к тому, что против России и ее граждан ведется информационная война. То, что не согласуется с сообщениями представителей власти России и официальных российских СМИ, объясняется актом ведения информационной войны против России и позволяет не заниматься опровержением на основе логики и фактов.

При этом негативные оценки, приписываемые России, даже превышают частотность позитивных, поскольку для поддержания реальности, сформированной *информационной войной*, требуется тиражирование негативных характеристик России как свидетельства действий враждебной стороны:

«Каждый политический лидер в Америке со времени прихода Путина к власти говорил: мы не должны позволить России какую-либо сферу интересов. Это, кстати, и любимое выражение вице-президента Байдена: „Россия не может иметь сфер влияния”» (В Конгрессе США предложили забыть о ненависти к России. Россия 24. 29.03.2015).

Этот концепт задает логику конструирования коллективной идентичности россиян на уровне международного субъекта, и соответственно, политические и территориальные смыслы становятся ведущими для коллективной идентичности в практиках употребления номинации *Россия*. В основном потоке текстов российских СМИ политическая тематика является доминирующей. Слово *Россия* становится метонимической заменой для номинации сплоченной политической общности без конкретизации политико-идеологического течения – коммунистического, демократического, социал-либерального или какого другого.

В. А. Тишков, разделяющий конструктивистский взгляд на нацию, пишет:

«...нация – это тогда, когда появляется сам концепт в общеразделяемом членами сообщества смысле. Если нет слова, то нет и нации. Если есть слово, тогда есть исходное условие для нации. Когда это слово (акт речи) становится компонентом коллективного самосознания (идентичности), тогда и появляется нация именно как форма идентичности» (Тишков 2016: 8).

Исходя из этого тезиса, в дискурсе российских СМИ одновременно конструируются две коллективные идентичности: практики употребления слов *русские* и *россияне* конкурируют между собой в праве номинации национальной общности с заметным распределением в зависимости 1) от субъектной позиции журналиста или эксперта и 2) от контекстной близости

дискурсивного концепта *информационная война*. На наш взгляд, в текущей общественно-политической ситуации в качестве компромиссного варианта выбирается номинация *Россия* со смыслом политического единства взамен смыслов национально-гражданского единения жителей России.

Словари

ТСРЯ = ШВЕДОВА Н. Ю. (ред.) *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов*. Москва: «Азбуковник», 2008.

Литература

АНДЕРСОН 2001 = АНДЕРСОН Б. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. Москва: «КАНОН-Пресс», 2001.

КАБЛУКОВ 2017 = КАБЛУКОВ Е. В. «Информационная война» как дискурсивный концепт в российских СМИ. В кн.: ЧЕПКИНА Э. В. (ред.) *Проблемы конструирования идентичности россиян под влиянием концепта «информационная война»*. Москва–Екатеринбург: «Кабинетный ученый», 2017.

РЕВЗИНА 1999 = РЕВЗИНА О. Г. Язык и дискурс. *Вестник Московского университета*. Сер. 9. Филология. 1999/1: 25–33.

ТИШКОВ 2016 = ТИШКОВ В. А. Усложняющее разнообразие: как его понимать и упорядочивать. В кн.: ТИШКОВ В. А., ФИЛИППОВА Е. И. (ред.) *Культурная сложность современных наций*. Москва: «Политическая энциклопедия», 2016.

ФИЛЛИПС–ЙОРГЕНСЕН 2008 = ФИЛЛИПС Л. Дж., ЙОРГЕНСЕН М. В. *Дискурс-анализ: теория и метод*. Харьков: «Гуманитарный центр», 2008.

Источники

АЛЕКСАНДР МИНКИН. *Русские или россияне?* Московский комсомолец. 02.11.2016.

В Конгрессе США предложили забыть о ненависти к России. Россия 24. 29.03.2015.

Говорухин назвал слово «россиянин» отвратительным. Газета.Ru. 17.11.2016.

МИХАИЛ ВЕЛЛЕР. *Особое мнение*. Эхо Москвы. 23.03.2015.

Пожилые россияне пожаловались на бедность и одиночество. Сноб. 06.10.2017.

Почему россияне хотят помочь Сирии? Вести.ру. 12.10.2017.

Россияне все чаще ходят в лес за едой. Независимая газета. 12.10.2017.

Россияне компенсируют падение доходов новыми кредитами. Ведомости. 11.10.2017.

Россияне начали избавляться от валюты. РБК. 25.03.2015

Россияне тупеют и все больше верят в чудеса. Lenta.ru. 07.10.2017.

Сенатор Морозов уверен, что Франция подорвет свой имидж на рынке вооружений. Русская Служба Новостей. Позиция. 23.03.2015.

Социологи рассказали об ожиданиях россиян в связи с присоединением Крыма. Lenta.ru. 23.03.2015.

Федеральное собрание меняет ПАСЕ на Межпарламентский союз. Известия. 23.03.2015.

Е. А. ЕСИНА

**Языковые аномалии как средство выражения оценки
в медиатекстах Шоу «Уральские пельмени»**

**Anomalies of language as an instrument to express
evaluation in media texts of the show «Ural dumplings»**

Abstract: The lexical and phraseological level of Russian language is often exposed to authorial transformations. The creation of occasional words and the transformation of the well-known texts there are new language units that are understood by researcher's as anomalies of language. An author distinguishes two cases of substitution: substituting by the common word of colloquial vocabulary and substituting by a common word acquiring additional negative connotations in a context. The formation of occasional words used in the following ways: suffixal; a prefixal-suffixal; contamination; separation of words into two parts. In conclusion the author claimed that the anomalies of language in media texts contain a negative evaluation.

Keywords: language anomalies, media text, evaluative connotations.

Лексический и фразеологический уровень русского языка часто подвергается авторским преобразованиям, с помощью которых реализуется креативный потенциал русского языка. Результатом словообразовательных преобразований и трансформаций общеизвестных текстов, являются новые языковые единицы, которые понимаются нами как языковые аномалии. Языковые аномалии, в широком понимании (АПРЕСЯН 1990; РАДБИЛЬ 2012) есть отклонение от нормы, общего стандарта (ЖЕРЕБИЛО 2010). Словообразовательные аномалии (в терминологии Т. Б. Радбиля) в медиатекстах Шоу «Уральские пельмени», как разновидность языковых аномалий есть производные лексические единицы, образованные в результате структурного, семантического и прагматического преобразования словообразовательной структуры отдельной языковой единицы или словообразовательной модели в целом (ЕСИНА 2016: 101). Фразеологические аномалии возникают в результате структурного, семантического и прагматического преобразования отдельной фразеологической единицы/прецедентного текста.

Ниже мы рассмотрим наиболее частотные случаи употребления языковых аномалий в медиатекстах Шоу «Уральские пельмени», в семантике которых прослеживается негативная оценка явлений современной жизни россиян.

Так, среди трансформаций прецедентных текстов (1) можно выделить два случая субституции компонентов прецедентного текста: (1.1) замена на

узуальное слово разговорной лексики и (1.2) замена на узуальное слово, приобретающее дополнительные негативные коннотации в контексте.

1.1. Трансформация прецедентного текста путем субституции компонента прецедентного текста и узуального слова, преимущественного разговорного. Например, в выражении *Музыка нас слизала (связала)* (выпуск №67 *Музыка нас слизала*), компонент прецедентного текста – названия песни *Музыка нас связала* российской поп-группы *Мираж* заменен на слово *слизать* ‘украсть’ (АБРАМОВ 2002). Единицы разговорной лексики обнаруживаются в медиатекстах *Красота спасет мыр* (выпуск №25 *Красота спасет мыр*) и *Семь богатырей и хранящая красавица* (выпуск №28 *Очень страшное смешно!*). Так, употребление слов *мыр* ‘некрасивая женщина’ (ССЛЖС 2014) и *хранящая* ‘та, что издает неприятные звуки во сне’ (СРЯ 1988), по видимости, является средством юмористической характеристики российских женщин, в то время как субстантивированный компонент *бухали* ‘употреблять спиртные напитки’ (ССЛЖС 2014) в названии известного советского фильма *Служили два товарища* (режиссер Е. Карелов), характеризует российских мужчин (медиатекст *Бухали два товарища* в выпуске №28 *Очень страшное смешно!*).

1.2. Местоимение *эти* ‘употребляется при выражении неодобрительного, иронического отношения говорящего к какому-либо лицу или предмету’ (СРЯ 1988) в аномалии *Отцы и эти* (выпуск №18 *Отцы и эти 7*) иллюстрирует пренебрежительное отношение авторов к имплицитному слову *дети*, обнаруживающемуся в составе прецедентного текста *Отцы и дети* И. С. Тургенева. Таким образом, название выпуска юмористической передачи определяет ее тематику: конфликт поколений, который является архетипом (см., например, СИНИЛО 2015: 223–225. РАДЬ 2001: 3–160). Конфликт отцов и детей в русской культуре актуализуется и в публицистических текстах:

- (1) У всех, с кем встречалась, я спрашивала: «Что такое — свобода?» Отцы и дети отвечали по-разному. У тех, кто родился в СССР, и тех, кто родился не в СССР, нет общего опыта (АЛЕКСИЕВИЧ 2013).
- (2) Отцы и дети принадлежали не только к разным поколениям, но и к разным мирам, которые, в силу крепкой семейной традиции и семейных уз, никогда один с другим не сталкивались (ШАЛИТ 2003).

В рассматриваемом медиатексте явно прослеживается негативное отношение к одной из сторон конфликта поколений – детям. Неодобрительное отношение к молодому поколению в юмористическом ключе реализуется через номера: *Коляски, Сын, Бабки на скамейке, Отцы в детском саду; Песня про Бабушку и Песня «Безотцовщина*.

Компонент *FIFA* в контексте «*Посмотри, какая FIFA!*» (выпуск №20 «Пинг-понг жив») теряет исходную семантику – франц. “*Fédération Internationale de Football Association (FIFA)*” – и наделяется новым значением, характерным для русского омофона – лексемы *фифа* ‘пустая, легкомысленная девушка или молодая женщина, думающая только о развлечениях и

нарядах' (СРЯ 1986). Данное значение реализуется, например, в следующем контексте:

(3) «Через мой труп эта *фифа* будет сниматься в «Рабочем поселке»» — сказал он Венгеру (Гурченко 1996).

В рассмотренном примере употребление омофонов не только создает комический эффект за счет графического выражения, но и привлекает реципиента (зрителя, читателя) ярко выраженной экспрессивной семантики.

Словообразовательные аномалии – окказиональные слова, имеющие негативную оценку представлены в медиатекстах *Шоу «Уральские пельмени»* широким диапазоном. В данной работе рассмотрим некоторые из них. Так, образование окказиональных слов (2) можно разделить по следующим способам: суффиксальным (2.1.); префиксально-суффиксальным (2.2.); контаминация (2.3.); разделение слова на две части (2.4).

2.1. Суффиксальный способ образования исследуемых аномалий включает использование суффиксов с негативной оценкой. Один из компонентов словообразовательных аномалий содержит в семантике оценочную коннотацию (например, пренебрежения, неодобрения и др.), либо является единицей разговорной лексики, просторечия или арго. Так, окказионализм *смешняги* образован по следующей словообразовательной модели: прилагательное + *-яг(а)* 'лицо, характеризующееся признаком, названным мотивирующим словом' (РГ 1980: 172). Данный тип словообразования является продуктивным и несет фамильярную окраску (ср.: *бедняга, добряга, здоровага*).

2.2. Окказиональное слово *начинач* (выпуск № 57 *Грачи пролетели*) реализовало следующую словообразовательную модель: глагол + *-ач* 'лицо, производящее действие, названное мотивирующим словом'. Данный тип является продуктивным в разговорной и просторечной речи (РГ 1980: 144).

2.3. Префиксально-суффиксальный способ образования окказиональных слов основан на антонимической парадигме приставок. В частности, аномалия *надкаблучник* (выпуск №39, №40 *Женское — щас я!*) образована путем мены приставки *под-* со разговорным уничижительным значением 'лица, находящегося ниже того, под тем, что названо мотивирующим словом' (РГ 1980: 231) на приставку *над-* со значением 'лица, находящегося выше того, под тем, что названо мотивирующим словом' (РГ 1980: 225).

2.4. В результате контаминации также образуются слова с ярко выраженной оценочной коннотацией. К слову с нейтральной семантикой присоединяется либо разговорное слово, либо слово других компонентов русского национального языка. Например, в монографии А. Вежбицкой *Язык. Культура. Познание* (1997 г.) русское слово *негодяй* рассматривается в числе трех широко употребляемых имен русского языка, выражающих категорическое моральное осуждение (ВЕЖБИЦКАЯ 1997: 70–83). Аномалия *снегодняи*, образованная в результате контаминации слов *снег* и *негодяй*, сохраняя оценочную коннотацию слова негодяи, за счет форманта *снег* указывает на тематику выпуска №22 *Снегодняи*, посвященного празднованию Нового года в России.

Первые компоненты гибридных образований *ПОРШивцы*, *ЛендЛузеры*, *Маздахисты*, полученных в результате контаминации, представляют собой транслитерированные названия марок автомобилей Porsche (Порш), Land Cruiser (Ленд Крузер) и Mazda (Мазда). Вторые компоненты в своей семантике называют лиц, обладающих каким-либо свойством. Ср.: *паршивец* прост. ‘дрянной человек’ (ССЛЖС 2014); *лузер* ‘неудачник, невезучий человек’ (ССЛЖС 2014); *мазохист* ‘тот, кто наделен мазохизмом (извращенным чувством)’ (ЕФРЕМОВА 2000).

Словообразовательная аномалия *Хламур* (выпуск №25 *Красота спасет мьыр*) акцентирует внимание на дополнительном значении компонента *хлам* в переносном значении ‘недоброкачественный, низкопробный товар’ (СРЯ 1986), имеющего дополнительные пометы разговорности.

2.5. Качественная редукция звуков и разделение слова на две части наблюдается в названии выпуска *Женское – щас я!*, посвященному Международному женскому дню. Преимущественное употребление разговорного *щас* ‘сейчас’ авторами шоу приписывается женскому полу, так как обыгрывается стереотип – долгие сборы женщины перед выходом в свет. Авторы следующим образом объясняют название выпуска №45 «*Май-на!*»:

- (4) «Итак, сегодня строительный концерт. Называется «Май-на!». Это не значит «кирдык» (характерный жест кулаком с отставленным большим пальцем горизонтально в районе шеи), это просто «опускай помалу» (жест с опущенным большим пальцем), да. Это «вира» (жест с поднятым большим пальцем). Строительные термины» (Шоу «Уральские пельмени» 2006–2016).

В качестве «строительного термина» (СРЯ 1986) междометие *майна* используется, например, в следующих контекстах:

- (5) «Выволокли диванчик, и с грузчицкими воплями — вира! *майна!* — пусть слышат эти гады — утопили в Обводном канале» (РУБИНА 2017).
(6) «На мгновение страшный груз беспомощно завис в воздухе, а потом вполне по-мирному раздался крик стоящего внизу юного сержанта: — *Майна, майна!* Сюда давай!» (СУХОВ 2007).

Таким образом, употребление междометия *майна*, использующегося в профессиональной сфере строителей, обозначает объект юмористического описания в данном выпуске, а разделение слова *майна* на две части *май* и *на* в заголовке выпуска телепередачи позволяет обозначить еще одну (сопутствующую) тему – майские праздники. Частица *на* придает выражению экспрессию, как, например, в следующих контекстах:

- (7) — Если бы случилось тебе везти на гору Леонада, — говорил ему философ, — ты поступил бы с ним иначе, нежели со мною. — Вот-*на!* — отвечал Скотаз (ФОНВИЗИН 1959);

или

- (8) – Вот тебе *на!* Еремеевна печально кивнула головою (ФОНВИЗИН 1952).

Как показал анализ, исследуемые аномалии содержат негативную оценку, которая в юмористическом контексте направлена на высмеивание объекта изображения. Номинативные единицы, подвергшиеся авторскому переосмыслению, в лаконичной форме выражают не только авторскую оценку (в данном случае коллектива авторов медиатекстов *Шоу «Уральские пельмени»*) явлений действительности, но и отношение социума к той или иной реалии современной российской действительности.

Словари

- АБРАМОВ 2002. = АБРАМОВ Н. Словарь русских синонимов. Москва: «Грамота.Ру», 2002. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/abr/>.
- ЕФРЕМОВА 2000 = ЕФРЕМОВА Т. Ф. Толковый словарь. 2000. <http://ru-dict.ru/slovar-efremovoy.html>.
- ЖЕРЕБИЛО 2010 = ЖЕРЕБИЛО Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: «Пилигрим». URL: https://lingvistics_dictionary.academic.ru/.
- СРЯ 1986 = Словарь русского языка: в 4-х т. Т. 4. Москва: «Русский язык», 1986.
- СРЯ 1988 = Словарь русского языка: в 4-х т.2. Москва: «Русский язык», 1988.
- ССЛЖС 2014 = Словарь современной лексики, жаргона и сленга. 2014. <http://slovonovo.ru/>.

Литература

- АПРЕСЯН 1990 = АПРЕСЯН Ю. Д. Языковые аномалии: типы и функции. *Res Philologica: Филологические исследования*. Москва; Ленинград: «Наука», 1990: 50–71.
- ВЕЖБИЦКАЯ 1991 = ВЕЖБИЦКАЯ А. *Язык. Культура. Познание*. Москва: «Русские словари», 1997.
- ЕСИНА 2016 = ЕСИНА Е. А. Языковые аномалии как средства конструирования юмористического медиатекста (на материале медиатекстов «Шоу “Уральские пельмени”»). *Научный диалог*. Екатеринбург: «Центр научных и образовательных проектов», 2016/12: 98–106.
- РАДБИЛЬ 2012 = РАДБИЛЬ Т. Б. *Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие*. Москва: «Флинта», 2012.
- РАДЬ 2001 = РАДЬ Э.А. *Конфликт поколений и ситуация выбора в произведениях литературы Древней Руси и XVIII века: К истории сюжета о блудном сыне*: Автореф. Дисс... канд. филол. наук. Самара. 2001.
- РГ 1980 = *Русская грамматика*. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. Москва: «Наука», 1980.
- СИНИЛО 2015 = СИНИЛО Г. В. *Библия и мировая культура*. Минск: «Вышэйшая школа», 2015.

Источники

- АЛЕКСИЕВИЧ 2013 = АЛЕКСИЕВИЧ С. *Время second-hand*. Москва: «Время», 2013. <https://www.litres.ru/svetlana-aleksievich/vremya-sekond-hend/chitat-onlayn/>.
- ГУРЧЕНКО 1994 = ГУРЧЕНКО Л. *Аплодисменты*. Москва: «Центрполиграф», 1996. <http://lib.ru/MEMUARY/GURCHENKO/gurch.txt>.

- ШОУ «УРАЛЬСКИЕ ПЕЛЬМЕНИ» 2006–2016 = ШОУ «УРАЛЬСКИЕ ПЕЛЬМЕНИ». *Май-на!* (часть 1). 2006–2016. <https://www.youtube.com/watch?v=sAMB2MVii5w>.
- РУБИНА 2009 = РУБИНА Д. И. *Белая голубка Кордовы*. Сайт Дины Рубиной. 2017. <http://www.dinarubina.com/texts/golubka.html>.
- СУХОВ 2007 = СУХОВ Е. *Делу конец – сроку начало*. Москва: «Эксмо», 2007. <https://www.booklot.ru/authors/suhov-evgeniy-evgenevich/book/delu-konets-sroku-nachalo/>.
- ФОНВИЗИН 1952 = ФОНВИЗИН Д. И. *Недоросль*. Москва: «Гос. изд. детской литературы», 1952. <http://www.lib.ru/LITRA/FONWIZIN/nedorosl.txt>.
- ФОНВИЗИН 1959 = ФОНВИЗИН Д. И. *Каллисфен*. Собрание сочинений в двух томах. Москва–Ленинград: «Издательство художественной литературы», 1959. <http://rvb.ru/18vek/fonvizin/01text/vol2/01prose/247.htm>.
- ШАЛИТ 2003 = ШАЛИТ Ш. *Россия далекая, образ твой помню....* Вестник США. 2003. <http://www.vestnik.com/issues/2003/0625/koi/shalit.htm>.

Л. Е. КРУГЛИКОВА

**Источники пополнения словарного состава
русского литературного языка
на современном этапе его развития: мифы и реальность**

**Sources of replenishment of the vocabulary
of the Russian literary language
at the present stage of its development: myths and reality**

Abstract: The author refutes the widely-spread statement that "Russian language is in a state of deep decline, that its degeneration takes place". This statement is based on the fact, that the Russian language allegedly lives at the expense of borrowings from the English language and is replenished chiefly with criminal lexicon. This article argues that borrowing is not as much as it seems at first glance that Russian is enriched in the majority at the expense of own resources, and formations of criminal origin are single.

Keywords: Russian language, neologisms, vocabulary

Если обратиться к Всемирной паутине, чтобы выяснить, как развивается русский язык, то можно с удивлением узнать, что он остановился в своем развитии, что его словарный запас катастрофически уменьшается, что приток новых слов минимален, а те слова, которые все же пополняют русский язык, имеют блатное происхождение или являются заимствованиями. А вот английский язык развивается семимильными шагами. Но если приглядеться повнимательней, то окажется, что эти мысли с необъяснимым упорством стремится внушить пользователям прежде всего один человек – М. Н. Эпштейн, выпускник филологического факультета МГУ, эмигрировавший в 1990 году в США. Вероятно, его целью было доказать превосходство США и в отношении языка. При этом он не гнушается передергиванием фактов.

Доказательству того, что русский язык по количеству слов ничуть не уступает английскому, а даже его превосходит, что рост количества слов в русском языке превышает рост числа новых слов в английском, были посвящены мои выступления на конференциях и публикации: (КРУГЛИКОВА 2014; КРУГЛИКОВА 2016).

В данной статье я более детально остановлюсь на вопросе о том, за счет каких языковых единиц пополняется в настоящее время русский язык, действительно ли это только заимствования и блатные слова, как утверждает М. Н. Эпштейн (ЭПШТЕЙН 2006: 193, 195; ЭПШТЕЙН 2008 и др.).

Прежде всего напомним, что заимствование – это естественный процесс. Сейчас США является одной из передовых стран, чем и объясняется обилие в последнее время слов из английского языка (прежде всего его американского варианта) не только в русском языке, но и в других языках.

Так ли уж велико число заимствований в русском языке, как декларирует М. Н. Эпштейн?

С. А. Беляева в своем исследовании, посвященном английским заимствованиям в русском языке XVI–XX вв., указывает на примерно 2 000 таких слов (БЕЛЯЕВА 1984: 6).

Н. Б. Шариповой из лексикографических источников русского языка конца XIX–начала XXI веков путем сплошной выборки были отобраны все лексические единицы, когда-либо испытавшие на себе влияние английской языковой системы. Их оказалось более 3000 (ШАРИПОВА 2008: 5).

В исследовании Е. В. Мариновой, посвященном иноязычной лексике на современном этапе развития русского языка (конец XX–начало XXI в.), фигурирует цифра 2000 лексем. Она включает не только лексику, пришедшую в русский язык в конце XX–начале XXI в., но и слова, заимствованные в более ранние периоды и актуализировавшиеся в последнее время (*истеблишмент, дансинг, колледж*), а также единицы, образованные с помощью ресурсов самого русского языка, от заимствованных слов (МАРИНОВА 2008: 5–6).

Н. В. Ваганова, исследовавшая слова, заимствованные из английского языка в конце XX–начале XXI века, и их производные, образованные в современном русском языке, отмечает, что было выявлено в общей сложности 708 слов, включая как непосредственные заимствования, так и их производные, образованные уже в русском языке (ВАГАНОВА 2005: 8). В отличие от Е. В. Мариновой ею не брались в расчет более ранние заимствования, актуализировавшиеся в последнее время.

С данными Н. В. Вагановой в определенной степени согласуются результаты исследования О. С. Хлыновой, которая анализировала заимствования не только из английского, но и из других германских языков, употребляющиеся в периодических изданиях 1991–2000 гг. Сплошная выборка из газет дала 4 558 контекстуальных примеров (ХЛЫНОВА 2001: 9). Число языковых единиц меньше, т. к. каждая встречалась не по одному разу. Можно говорить о примерно 1500 германизмов за последнее десятилетие XX века.

Упомянем еще две работы, которые посвящены заимствованиям из английского языка, но уже в целом, независимо от времени их появления в русском языке.

М. Ю. Семенова выявила в русском языке более 5000 англицизмов, извлеченных методом сплошной выборки из 49 словарей различных типов или зафиксированных преимущественно в языке СМИ, а также в речи носителей языка (СЕМЕНОВА 2007: 5). Но в это число входят следующие типы слов: «1) слова, представляющие собой имена собственные: названия фирм, моделей автомобилей, марок одежды, телепрограмм, мировых брендов и т. д. (например, *Вискас, Адидас*, и т. п.); 2) нарицательные имена существительные, произошедшие от имен собственных и сохранившие в русском языке

свою мотивированность (например, Дарвин – *дарвинизм* и т. п.); 3) лексические и семантические кальки, а также полукальки (например, *мышка*, *всемирная паутина* и т. д.); 4) слова с сомнительной этимологией (например, определяемые по этимологическому словарю как слова французского и английского или немецкого и английского происхождения: *блок*, *блокада*, *айсберг* и т. п.); 5) новейшие англицизмы, еще не ассимилировавшиеся в русском языке и не получившие широкого распространения в речи (*сюрвайер*, *флэринг* и т. д.)» (СЕМЕНОВА 2007: 20). Исключение ею данных разрядов слов привело к тому, что в ее *Словарь англицизмов* вошло 1500 единиц» (СЕМЕНОВА 2007: 20).

Словарь английских заимствований русского языка А. И. Дьякова отражает заимствования до 2015 года включительно. С этим словарем можно ознакомиться на авторском сайте <http://anglicismdictionary.dishman.ru/>. Количественный состав словаря не совсем ясен. На сайте в разделе *О словаре* указывается цифра более 17000 словарных статей. Там же, чуть ниже, читаем: «Новая версия словаря, которая ждет своего издания, содержит уже более 13000 словарных статей, по сравнению с 9 000 словарных статей, представленных в предыдущем издании [2010 года. – Л. К.]», а в его статье, где анализируется словарь, в этой же фразе вместо 13000 фигурирует цифра 15000 (Дьяков 2015: 75). Наверное, не случайно речь идет о словарных статьях, а не языковых единицах. Дело в том, что в словаре варианты лексем подаются в разных словарных статьях, например, *афтенпати* и *афтерпати*.

В словарь включаются и номенклатурные наименования (*Альберт-холл*, *Анкл Бенс*, *Манчестер Юнайтед* и др.), число которых весьма велико. Кроме того, целый ряд слов, заявленных в словаре А. И. Дьякова в качестве англицизмов, таковыми не являются. Следовательно, количество англицизмов намного меньше по сравнению с теми данными, которые он приводит. Да и сам автор отдает себе отчет «в субъективности процесса включения / невключения в него [словарь. – Л. К.] тех или иных англицизмов» (<http://anglicismdictionary.dishman.ru/O-slovar>).

Расхождения в количественных данных исследователей объясняются принципами отбора иноязычных слов для изучения, а также обращением к словарям или же газетному материалу. Но при этом у всех авторов число заимствований не превышает 4%. Исключение составляет лишь работа А. И. Дьякова – 10% англицизмов, но она не отличается достаточной научностью.

Как видим число заимствований невелико. Это при том, что М. Н. Эпштейн голословно провозглашает другое: «Заимствования со средней скоростью 6–7 слов в день продолжают вливаться в русский язык, и так происходило на протяжении почти всего XX века» (Эпштейн 2006: 198). Не правда ли, странное заявление? Если взять не век, а, как говорит Эпштейн, почти век, например 80 лет, то получается, что в русском языке около 180 000 заимствований. Не сходятся концы с концами: ведь, по мнению Эпштейна, весь словарный состав русского языка равен 40 тысячам слов (Эпштейн 2006: 194).

Этому выводу М. Н. Эпштейна предшествует его высказывание о том, что «из 3000 неологизмов, которыми в 1981 году пополнился русский язык, примерно 80% – иноязычного происхождения» (ЭПШТЕЙН 2006: 194). Я обратилась к тому же источнику, которым пользовался М. Н. Эпштейн (Сл. м.) и у меня получилась другая цифра – 26 слов без учета образований с интернациональными компонентами типа *авиасмотр*, *автопатруль* (замечу, что применительно к английскому языку таковые образования иноязычными он не считает) и примерно 400 с учетом их, а также большинства тех безусловно образованных в русском языке слов, в составе которых имеется давно освоенный русским языком корень, например, *внутритерриториальный*, *закредитоваться*. Даже в этом случае получаем только 13% заимствований в данном источнике. Откуда появилось 80% слов иноязычного происхождения, остается только догадываться. К тому же издание, которым оперирует М. Н. Эпштейн, представляет собой ежегодник, т. е. его целью было зафиксировать все, что встретилось в публикациях за 1981 год, включая и единичные употребления. Так, в число 26 заимствований попали, единичные случаи, например, *сэрвайверс* ‘выживальщик’, номенклатурные наименования: *трайидент* ‘ядерная ракета американского производства для оснащения подводных лодок’. Ряд слов характеризуется четко закрепленной принадлежностью к определенной стране, национальности, например, *кос-кор* ‘антисоциалистическая организация в Польской Народной Республике, активно действовавшая в 1979–1981 гг.’, *дэли* ‘старинная монгольская верхняя мужская и женская одежда’... Все указанные слова находятся на периферии словарного запаса русского языка.

Таким образом, из 26 иноязычных слов востребованными общенародным языком оказались *ай-кью*, *атташе-кейс*, *бэби-бум*, *ксерокс*. При этом существительное *атташе-кейс* сейчас воспринимается как устаревшее: оно было вытеснено словами *кейс* и *дипломат*.

Тем не менее год от года М. Н. Эпштейн нагнетает ситуацию. Так, через три года, в ноябре 2009 года, он уже говорит не о 80% заимствований среди неологизмов в русском языке, а о том, что «99% слов, возникших в русском, – это заимствования, чаще всего – из английского языка» (АДАМОВИЧ 2010). А еще через 3 года заявляет, что «русский находится под угрозой вымирания», что «язык перестал рождать новые слова» и «живет за счет импорта из английского языка» (ТУРКОВА 2012).

И все это при том, что «по уровню заимствования в сравнении с другими языками русский язык относится к языкам с умеренной открытостью к влиянию извне» (Володарская 2009: 23). Замечу, что зарубежные лингвисты (Х. Брэдли, О. Есперсен, Дж. Гринаф, Г. Китридж, Л. Смит, И. Викли и др.) считают, что основным источником обогащения английского языка служат именно заимствования из других языков, прежде всего латинского, французского, скандинавских языков. Вот, например, как резко об этом высказывается Д. Гримонд:

«English is a mongrel language that keeps its vitality by absorbing new words, uses and expressions. It promiscuously plunders other languages and delights in neologisms»¹. (ГРИМОНД 2008).

Интересно сопоставить доли заимствований в русском и английском языках среди новых слов? По данным Г. Кэннона, заимствования среди новых слов английского языка составляют 7,5% (CANNON 1986). Эта информация относится к последней трети XX века. Примечательно, что Н. З. Котелова упоминает ту же цифру (7,5 % заимствований) применительно к количеству новых языковых единиц в *Слов. нов. сл.* (КОТЕЛОВА 1978: 19). Сразу нужно заметить, что к числу новых слов и в русских и в английских словарях относят не только недавно появившиеся единицы, но и те, которые ранее не были зафиксированы в словарях.

В последнее время отмечается количественный рост заимствований в русском языке. Русский язык в этом отношении не является каким-то исключением. Аналогичная картина наблюдается в других языках: контакты между людьми усилились. При этом большинство современных заимствований носит интернациональный характер.

Периодические издания выступают в качестве основного материала для словарей новых слов (как у нас, так и за рубежом), а значит, они отражают новообразования преимущественно в одном из стилей литературного языка – публицистическом и частично научном, т. к. СМИ рассказывают о достижениях в сфере науки и техники. По результатам исследования в отношении полного списка новых слов (1887 единиц), выбранных из газетного материала 90-х годов XX века (около 1 миллиона 350 тысяч словоупотреблений), доля заимствований составляет 9,11% (КУКУШКИНА–ПОЛИКАРПОВ–ТОКТОНОВ 2006).

При создании же толковых словарей наибольшее внимание уделяется языку художественной литературы, который, как известно, совмещает в себе все стили литературного языка, а часто выходит и за его пределы. При этом в художественной речи особо широко представлен разговорный стиль. По этой причине мои количественные данные, основанные на толковых словарях, несколько отличаются от приведенных выше. Мною был произведен подсчет числа слов в отрезке от *ракетный* до *распутие* в ССРЛЯ и БАС. Если в первом их 666, то во втором на 297 слов больше – 963. Как видим, русский язык не остановился в своем развитии. Заимствований среди вновь зафиксированных слов (297) насчитывается 12, т.е. 4%. Эта цифра коррелирует с данными выше упомянутых исследований. При этом все заимствования в проанализированном мной отрезке принадлежат не к основному фонду словарного состава русского языка, а к его периферии – специальной лексике (*ракья, ралли, рамбутан, рами, рампада, ратид, раппорт*¹ и *раппóрт*², *раскардаш, распатор, рампетка, рамплиссаж*).

¹ Перевод: Английский является смешанным языком, который сохраняет свою жизнеспособность, поглощая новые слова, употребления, выражения. Он без разбора грабит другие языки и наслаждается неологизмами (перевод – Л. Е. Кругликова).

Из уже приведенных количественных данных ясно, что основным источником пополнения русского языка остаются его собственные ресурсы. И это отнюдь не образования блатного происхождения, как утверждает М. Н. Эпштейн:

«На тысячи заимствований придется едва ли больше десятка-двух словообразований от исконных корней, в основном блатного происхождения, типа «отморозок», «беспредел», «разборка», «наезжать». Их можно перечислить на пальцах двух рук, в основном, слова уголовного сообщества» (АДАМОВИЧ 2010).

Эти 4 примера кочуют у него из публикации в публикацию на протяжении целого ряда лет. Но кто сейчас помнит, что они пришли из бандитского жаргона? Их язык переварил. Ведь обмен словами происходит не только между разными языками, но и между разновидностями одного языка. Так что ничего удивительного в этом нет. Причем это характерно и для других языков. Так, британский лексикограф Э. Партридж, занимавшийся изучением криминального аргю в английском языке, показал переход слов из него в сленг, а затем и в литературный язык (PARTRIDGE 1970). А. И. Ускова, исследовавшая современное состояние аргю в английском языке, отмечает активное расширение сферы его использования (УСКОВА 2014: 3).

Действительно ли, как утверждает М. Н. Эпштейн, новых слов, не являющихся заимствованиями и к тому же не блатного происхождения, за 15–20 лет наберется не более двух десятков? Данные о числе заимствований уже свидетельствуют о том, что это не так. Приведу примеры языковых единиц, появившихся за 1 год, из того источника, на основании которого Эпштейн делал свой вывод (Сл. м.). Это прежде всего слова, образованные от словосочетания с помощью суффикса *-к(а)*: *гримерка, марлевка, непутяшка, пятиэтажка...* А также: *безлюднеть, бережливец, беспланово, бить в одну точку, болванка** (здесь и далее знак * указывает на новое значение слова), *бубухать, буквалист, ветеранский, вычислить кого-л., горбатиться, гусарствовать, десант*, документализм, домофон, доставальщик, дурновкусие, ежесуточно, жиделяга, жизнеописатель, жиртрест, забить*, загерметизировать, законтачить, залихорадить, затаривание, звездомания, исповедально, кассетник, кроссворд*, купиться на что-л., кучковаться, льготник, молоток*, накрутить*, нарисовать*, неумытость, носатик, обнародовать, отзаседаться, перепрофилировать, подставиться, поехать*, подустать, половинчато, пооглядеться, потрясный, поюморить, пузырьёк*, разварить*, разукрупнение, распломбировать, самиздатовский, самозапись, самоорганизоваться, сверхбережливость, скоординированность, съехать*, тачка*, тупарь, удавка*, фирменный*, хмырь, хозблок, циркач*, с бородой, взять за рупь двадцать, перевозка воздуха, на одной волне, выпасть в осадок, до осточертения, открытый урок, отслеживание данных, на пальцах объяснить, полная семья, порох жечь, проголосовать ногами, пропустить через свои руки, от пуза, быть у кого-л. в генах, давить на психику, детская филармония, дудеть во все трубы, от дурака, за жизнь, заказывать музыку, зимнее время, летнее время, не колышет, сказать пару ласковых, мостить*

путь чем-л., наводить мосты, в связке, довести до ума, до форточки, на халяву и др.

Почему, если попросить носителя русского языка назвать слова, появившиеся в последнее время, он будет называть прежде всего заимствованные слова и будет затрудняться в приведении примеров с исконными корнями? Да только потому, что иноязычные слова воспринимаются как нечто инородное, а значит, бросаются в глаза, всегда на виду. Что же касается исконных слов, то они настолько привычны, что кажется, что их употребляли всегда.

В заключение процитирую слова израильянина А. Эскина о результатах проведенного в их стране исследования о влиянии разных языков на формирование интеллекта:

«Именно русский язык в наибольшей степени дает созидательную свободу для интеллекта. [...] Можно смело говорить не только о том, как благотворно сказывается знание русского языка на развитии мышления, но и о качестве мышления, которое дарует сопричастность русскому миру. [...] Русский язык требует творческих усилий для полноты владения им. И все это через укрепление свободы выбора и чувства персональной ответственности. Уж не свободы ли мысли в таком случае боятся те, кто видит угрозу для себя в русском языке и в русской культуре» (ЭСКИН 2017).

Сокращения

БАС = *Большой академический словарь русского языка*. Т. 1–24. Москва; Санкт-Петербург: «Наука». 2014–2024.

Сл. м. = КОТЕЛОВА Н. З. (ред.) *Новое в русской лексике. Словарные материалы-81. «Русский язык»*, 1986.

Слов. нов. сл. = КОТЕЛОВА Н. З, СОРОКИН Ю. С. (ред.) *Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов*. Москва: «Советская энциклопедия», 1971.

ССРЛЯ = *Словарь современного русского литературного языка*. Т. 1–17. Москва; Ленинград: «Наука», 1948–1965.

Литература

АДАМОВИЧ 2010 = АДАМОВИЧ М. Круглый стол «Русский язык в современном мире». *Новый журнал* 2010/258. <http://magazines.russ.ru/nj/2010/258/ru19.html>

БЕЛЯЕВА 1984 = БЕЛЯЕВА С. А. *Английские слова в русском языке XVI–XX вв.* Владивосток: «Изд-во ДВГУ», 1984.

ВАГАНОВА 2005 = ВАГАНОВА Н.В. *Современные заимствования из английского языка: семантико-словообразовательный аспект (на материале англицизмов конца XX–начала XXI в. в современном русском языке)*. Дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2005.

ВОЛОДАРСКАЯ 2009 = ВОЛОДАРСКАЯ Э. Ф. Лингвистический и социологический образ русского языка: прошлое и настоящее. В кн.: ВОЛОДАРСКАЯ Э. Ф., РЕМНЕВА М. Л. (ред.). *Словарь истории русских слов*. Т.1. Москва: «Изд-во Ин-та иностранных языков», 2009. 3–26.

- Дьяков 2015 = Дьяков А.И. Особенности «Словаря англицизмов русского языка». *Вестник Северного (Арктического) федерального университета*. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015/1: 73–81.
- КОТЕЛОВА 1986 = КОТЕЛОВА Н. З. Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов. В кн.: КОТЕЛОВА Н. З. (ред.). *Новые слова и словари новых слов*. Ленинград: «Наука», 1978. 5–26.
- КРУГЛИКОВА 2014 = КРУГЛИКОВА Л. Е. Достаточно ли в русском языке слов для выражения мыслей? *Русский язык за рубежом*. 2014/4: 44–52.
- КРУГЛИКОВА 2016 = КРУГЛИКОВА Л. Е. Интенсивность пополнения лексического состава русского и английского языков (по материалам словарей). В кн.: БУЦЕВА Т. Н., (ред). *Неология и неография: современное состояние и перспективы (к 50-летию научного направления)*. Санкт-Петербург: «Нестор-История», 2016. 97–105.
- КУКУШКИНА–ПОЛИКАРПОВ–ТОКТОНОВ 2006 = КУКУШКИНА О. В., ПОЛИКАРПОВ А. А., ТОКТОНОВ А. Г. *Анализ системных характеристик словообразовательного процесса (на основе анализа новых лексических единиц газетного материала «Полистилевого корпуса современного русского языка»)*.
<http://www.philol.msu.ru/~humlang/articles/novgazlex.html>
- МАРИНОВА 2008 = МАРИНОВА Е. В. *Иноязычные слова в русской речи конца XX–начала XXI века: проблемы освоения и функционирования*. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Москва, 2008.
- СЕМЕНОВА 2007 = СЕМЕНОВА М. Ю. *Принципы изучения лексики англоязычного происхождения в современном русском языке (к проблеме составления словаря англицизмов)*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2007.
- ТУРКОВА 2012 = ТУРКОВА К. «Создание новых слов — это магическое средство пробуждения воли к жизни». *Московские новости*. 2012/9 января.
<http://www.mn.ru/society/77122>
- УСКОВА 2014 = УСКОВА А. И. *Статус аргю в английском языке и художественной речи*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2014.
- ХЛЫНОВА 2001 = ХЛЫНОВА О. С. *Лексико-грамматическая адаптация германских заимствований в русском языке конца XX века (на материале прессы 1991–2000 гг.)*. Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001.
- ШАРИПОВА 2008 = ШАРИПОВА Н. Б. *Траектория англоязычных заимствований и их лексическое значение в русском языке (на материале лексикографических источников конца XIX – начала XXI веков)*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2008.
- ЭПШТЕЙН 2006 = ЭПШТЕЙН М. Н. Русский язык в свете творческой филологии разыскания. *Знамя* 2006/1: 192–207.
- ЭПШТЕЙН 2008 = ЭПШТЕЙН М. Н. Русский язык: система и свобода. *Новый журнал* 2008/250. <http://magazines.russ.ru/nj/2008/250/ep10.html>
- ЭСКИН 2017 = ЭСКИН А. *Муру – русский мир!* <http://rusvesna.su/news/1498413845>
- CANNON 1986 = CANNON G. *Historical changes in English Word-formation: New vocabulary, items*. New York: Peter Lang Publishing Group, 1986.
- GRIMOND 2008 = GRIMOND J. English. marks a million. *The Economist* 2008/Nov 19th.
<https://www.economist.com/news/2008/11/19/english-marks-a-million>
- PARTRIDGE 1970 = PARTRIDGE E. *Slang Today and Yesterday*. London: Routledge and Kegan Paul, 1970.

NAM HYE HYUN

Употребление советизмов в современной русской речи как знаковый феномен

Use of sovietisms in modern Russian speech as a symbolic phenomenon

Abstract: There exist negative and nostalgic attitudes towards the Soviet nowadays in Russia. Such diverse relations to the previous regime are reflected in various spheres of life, including the use of language. The falling of authority, norms of Soviet language and termination of lexicon designating the Soviet reality can be observed within the framework of desovietization. On the other hand, sovietisms are still actively reproduced as precedent texts. In particular, this study focuses on sovietisms, which have vivid ideological connotations. Mostly they are used for nostalgic motives and wordplays.

Keywords: sovietism, desovietization, nostalgia, wordplay. keyword, keyword, keyword, keyword, keyword

1. Вводное слово

Сегодня все, что связано с советским прошлым, – актуально и мало кого оставляет равнодушным. Подтверждением служит горячее обсуждение проблем советской истории и советской повседневности в Интернете. Подобный интерес к советскости вызывает проблемы с отношением к символам предыдущего общественного строя. По мнению А. В. Воробьева и Е. М. Раскатова, отношения к советскости проходили несколько этапов развития и трансформации. В первые годы после падения СССР наблюдалась коллективная надежда на то, что за "неправильным" советским прошлым настанет "хорошее" будущее, и потому в оценках советского наследия доминировали негативные тона. В конце 1990-х–начале 2000-х годов эмоциональная тональность научных работ уступила место более объективным исследованиям. В это время сформировалось новое научное направление – феноменология советской культуры. А уже с начала 2000-х гг. наметились ностальгические настроения по всему «советскому», которые выражены в коммерческих проектах, использующих советские символы (ВОРОБЬЕВА–РАСКАТОВ 2009: 22–24). Самое популярное объяснение этого явления состоит в том, что для старшего поколения – это воспоминание о молодости, а для младшего – о чем-то таком, чего они не переживали, а потому интересном (СОМОВ 2015: 13).

Таким образом, сегодня в российском обществе существует двойное отношение к советскому, т.е. негативистское и ностальгическое (ОЗИМКО 2015). Подобное разнородное отношение отражается в различных сферах жизни, в том числе, в использовании языка. Как отмечают ученые, в узусе современного русского языка ярко проявляется тенденция десоветизации, т.е. стремления избавиться от следов языка советской эпохи. В рамках десоветизации происходит *деактуализация советизмов* – перевод советизмов в пассивный словарный запас. К десоветизации можно отнести и актуализацию архаических, периферийных слов, которые вышли из активного употребления в советский период, прежде всего профессиональной лексики, лексики сферы рыночных отношений. Большинство таких слов имело в словарях советского времени пометки «ист.», «устар.».

Но, в то же время, наряду с десоветизацией, в дискурсах различных сфер, советизмы еще не совсем исчезли и употребляются в качестве прецедентных текстов. В связи с этим, И. А. Седакова высказала интересную мысль. По ее мнению, диглоссия, существовавшая ранее, характерна и для современных носителей русского языка. Если раньше в советское время "диглоссия" основывалась на параллелизме официального и неофициального, то в постсоветский период диглоссия состоит в том, что носители по-прежнему владеют "лексическим богатством" советского языка, и кроме того, уже овладели новшествами речевого узуса. Далее автор отмечает:

«Советское – это огромное поле для сравнения: от чего мы ушли, но ушли не окончательно, отказываемся, но отказаться не можем. А вся сложность и неоднозначность отношения к советскому прошлому проявляется и в использовании советизмов в речи» (СЕДАКОВА 1995: 226–227).

Справедливости ради отметим, что разнонаправленные отношения к советскому прошлому наблюдаются не только в современной России, но и во всех новых государствах постсоветского пространства. Скорее всего, двойное отношение к прошлому строю и его отражение в языке характерны для всех посттоталитарных обществ, в которых произошел радикальный исторический разрыв.¹

Если мы считаем одной из задач современной лингвистики осмысление ближайшей истории русского языка, то функционирование советизмов в современной русской речи является наиболее актуальным вопросом, который выходит за пределы лексики и связан с историей русской культуры XX и XXI вв. Здесь мы будем рассматривать употребление советизмов в современной русской речи как знаковый феномен, указывающий на разнонаправленное отношение к советскости. В первую очередь, нас интересуют советизмы, имеющие яркие идеологические коннотации, т.е. официальные лозунги,

¹ Функционированию единиц тоталитарного языка в посттоталитарных обществах было посвящено несколько работ. Самой объемной работой является *Legacies of Totalitarian language in the discourse culture of the Post-Totalitarian era* (ANDREWS 2011). Данный сборник включает статьи о наследии тоталитарного языка в таких посттоталитарных странах, как Чехия, Польша, Молдавия, Румыния, Болгария, Китай и др.

клише, цитаты «великих» вождей и т. д. Поскольку они были ключевыми единицами официального советского языка, которому была свойственна сакральность, их употребление в современной русской речи всегда создает определенные реминисценции, либо передает ностальгию по идеальному прошлому, либо ироничную профанизацию сакрального.

Итак, ниже, во второй части мы обсудим сакральность советского официального языка и советизмы как его центральную часть и в третьей части рассмотрим употребление советизмов в современном узусе, в частности, в газетных и рекламных текстах. В четвертой части обобщаются все высказанные положения.

2. Советский сакральный язык и советизмы как его ключевые единицы

Как пишет итальянский историк Э. Джентиле, тоталитарный режим сакрализовал идеологию и политический режим и тем самым превращался в некую политическую религию (GENTILE 2000: 40–49). Подобную мысль находим у Н. А. Бердяева. В своей книге *Истоки и смысл русского коммунизма* он пишет, что коммунизм как религия фанатически враждебен всякой религии, и он сам хочет быть религией, идущей на смену христианству. В частности, автор подчеркивает особую религиозность русской революции, обращая внимание на следы старой русской мессианской идеи (БЕРДЯЕВ 1990: 129).

Поэтому советский официальный язык воспринимался как ритуальный и сакральный язык.² Публичные речевые действия в этом языке происходили обязательно в определенных и заранее установленных рамках, при этом, не допуская ничего непредсказуемого, что могло бы разрушить ритуал. О сакрализующем отношении к советскому официальному языку свидетельствует пуристическая языковая политика и целенаправленные усилия по стандартизации языка. В то время совершенное владение этим официальным языком воспринималось как проявление патриотизма, а защита его от всех, кто засоряет, портит его, стала способом дискредитации врагов (НАМ 2015: 157).

Неотъемлемой частью этого сакрального языка являются идеологические советизмы. Как констатирует Ю. А. Резвухина, в русском языкознании термин «советизм» появился по аналогии с такими словами, как *англицизм*, *галлицизм*, *германизм*. В советской публицистике первой половины XX в. слово *советизм* встречалось в значении 'советская идеология', 'советская власть'. Его терминологизация в значении «советская лексика» происходила

² В сакральности советского официального языка можно убедиться, сопоставив его с церковнославянским – образцовым сакральным ритуальным языком. Как церковнославянский язык пользовался особым пиететом, так и советский ритуальный язык был строго кодифицирован и являлся объектом языкового пуризма. Помимо этого, в связи с ориентацией на исходный образец, как в церковнославянском, так и в советском ритуальном языке происходила частая имитация, переписывание канонических текстов, которыми служили высказывания первых лиц страны, революционные лозунги, фрагменты из произведений революционных писателей и поэтов (НАМ 2018).

прежде всего в переводческой литературе, но в 70–80-е годы этот термин стал активно использоваться в работах различных лингвистов (И. Ф. Протченко, Н. М. Шанского и др.) (РЕЗВУХИНА 2014: 67–68).

При определении советизмов мы опираемся на дефиниции Н. А. Купиной – автора словаря *Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции* (1995). Н. А. Купина включает в круг советизмов лексические единицы, связанные с социалистической организацией власти Советов и общества эпохи диктатуры рабочего класса, а также номинации явлений и событий, происходивших в СССР, свойственных социалистической системе во всех сферах жизнедеятельности (КУПИНА 2009: 35–40).³ Иными словами, советизмы, это языковые единицы, обозначающие собственные реалии советской жизни, предметы и явления, обусловленные советской культурой и политическим режимом.

На советизмы, как на неотъемлемую часть советского языка, у исследователей были противоположные взгляды. Многие советские ученые, придерживаясь официальной идеологической позиции, высоко оценивали советизмы как язык революции. Однако, некоторые ученые, в частности, работавшие в эмиграции, полагали, что новые слова и выражения навязываются и насаждаются государством (ФЕСЕНКО–ФЕСЕНКО 1955: 22). Предлагая термин «слова-фигуры», И. Земцов пишет, что советизмы выявляют не объективные общественные процессы и явления, а лишь идейное мифотворчество (ЗЕМЦОВ 1985: 18).

Работы по изучению функционирования советизмов в постсоветской речевой практике пока немногочисленны. Основная часть этих исследований относится к концу XX века. Из недавних исследований заслуживают внимания работы (ПИХУРОВА 2005), (САНДЖИ–ГАРЯЕВА–РОМАНЕНКО 2009) и (ПАВЛОВА 2011). Также вышли несколько словарей советизмов (МОКИЕНКО–НИКИТИНА 1998, СКЛЯРЕВСКАЯ 2001, КОЗИНЕЦ–САНДЖИ–ГАРЯЕВА 2009).

Результаты предыдущих исследований о советизмах в современной русской речи можно обобщить следующим образом: большинство советизмов ушло и уходит в пассивный лексикон, став архаизмами и историзмами, а некоторые слова остались в речи, перестав ассоциироваться с советскими реалиями. Значит, с советизмами постоянно происходит архаизация, нейтрализация и ресемантизация. С таким зыбким характером семантических процессов вокруг советизмов связаны главные трудности их словарного представления. А наиболее сложный и прихотливый путь проходят именно советизмы с идеологическим компонентом (САНДЖИ–ГАРЯЕВА–РОМАНЕНКО 2009: 283). Именно о них речь пойдет ниже.

³ Существует более широкое понимание советизмов. И. А. Седакова к советизмам относит не только слова, возникшие в результате появления в советской действительности новых предметов и понятий, но и специфические для того времени просодические (особенности интонации и ударения) и паралингвистические единицы (жестикуляция) (СЕДАКОВА 1995: 225). Нам представляется, что подобный подход излишне расширяет количество этих явлений и не имеет четких лингвистических границ.

3. Мотивы употребления советизмов

Сегодня советизмы часто употребляются в качестве прецедентных текстов по двум мотивам, а именно: апелляция к ностальгии по всему советскому и ироническая игра с советскими знаками. В частности, советизмы, имеющие идеологические коннотации, будучи наиболее яркими символами советскости, сегодня вызывают ностальгические чувства или некую иронию.

3.1. Ностальгический мотив употребления советизмов

Как было уже сказано выше, ностальгические настроения по всему советскому ярко выражены в коммерческих проектах. Особенно часто ностальгическое употребление советской символики наблюдается в названиях заведений досуга. В этом случае, советская номинация ассоциируется с концептами содружества, социальной защищенности и равенства. Например: рестораны "Ударник" в Перми, "СССР-Красный" в Волгограде, "Коммуналка" в Туле, рестораны "СССР" и "Дача" в Екатеринбурге, сеть ресторанов "Колхоз" в Ростове-на-Дону, кафе "Правда", рестораны "Зов Ильича", "Столичный" и "Советский Союз" в Санкт-Петербурге, "Жигули", "Квартира 44" в Москве и др.⁴

Также примечательно намеренное сохранение советских брендов. «Серп и молот», «Красный октябрь», «Большевичка» являются известными советскими брендами и благополучно существуют до сих пор. По мнению М. В. Голомидовой, сохранение советских брендов объясняется тем, что многие россияне воспринимают пафосные советские названия как знак незыблемости деловой репутации предприятий и проверенного качества (ГОЛОМИДОВА 2009: 335–336).

В рамках ностальгического мотива можно выделить и пропангандистское употребление советизмов, так как оно тоже основывается на положительной памяти о советском прошлом. С. В. Павлова отмечает, что и по сей день многие советизмы активно используются в политическом дискурсе в той же роли, что и в советской пропаганде (ПАВЛОВА 2011: 19–20).

Естественно, в пропангандистских целях советизмы употребляют, главным образом, чиновники и политики среднего и преклонного возраста. В их речи сохранились бюрократические штампы советского времени. Ученые выделяют в современной политической коммуникации такие наиболее заметные направления, как власть – демократическая оппозиция – прокоммунистическая оппозиция. Из них пропангандистское употребление советизмов чаще всего наблюдается в языке власти и прокоммунистической оппозиции (КИТАЙГОРОДСКАЯ–РОЗАНОВА 2003: 168–170, 174–177). Пример (1) – отрывок с сайта «Молодая гвардия Единой России» включает типичные советизмы.

⁴ Рестораны в советском стиле. URL: http://www.gastronom.ru/article_resto.aspx?id=1001653 (accessed: 03.07.20173).

- (1) *Под мудрым руководством Дмитрия Медведева и Владимира Путина, продолжающих историческое дело Петра I, Екатерины Великой и Александра II, Россия взяла курс на модернизацию. Мы не можем медлить ни дня, ни минуты. Опоздать – значит лишиться статуса великой державы, откатиться на обочину мировой политики, вернуться назад в лихие 90-е, когда кучка бандитов-олигархов и воря рангом пониже опутала нашу Родину своими сетями, и подобно паукам-кровопийцам, тянула из нее все живительные соки* (<http://www.molgvardia.ru/marginal/2010/06/18/18658>).

Современная политическая реклама тоже часто базируется на советской риторике. Например, в советский период было свойственно сакральное употребление лексемы *план*, а лозунг поддержки *плана Путина* был одним из основных в предвыборной кампании партии «Единая Россия» в преддверии парламентских и президентских выборов в 2007 и 2008 гг. Особенно часто положительные советизмы используются для констатации достижений в области экономики, промышленности, спорта. В связи с этим, актуализируются такие устойчивые словосочетания с советизмами: *перевыполнить план, ударные темпы* и др. (ПАВЛОВА 2011).

- (2) В Вологде делают оборудование не хуже, но пока что *передовиками* в технологиях все же являются немцы (Вологда.рф. 07.07.2017).
- (3) Во времена СССР хоккейную команду Третьяка называли *красной машиной*. Сборная России по хоккею снова стала лучшей на планете. На Западе говорят о возвращении *красной машины* (Новости 1-го канала. 12.05.2009).
- (4) *Мы идем ударными темпами* с точки зрения количества. У нас нет опасений по поводу закрытия бюджетных мест (Вести 22. 07.07.2017).

Безусловно, такой ностальгический мотив употребления советизмов возможен для тех, кто прошел социализацию еще в советское время. Однако, в случае текстов, адресованных молодежи, не знакомой с советской реальностью, действует другой мотив – игровой.

3.2. Игровой мотив употребления советизмов

Как известно, в эпоху постмодернизма для публицистических текстов характерна интертекстуальность и пародия на прецедентные тексты. Правда, пародирование языка было и в советское время. Тогда ироничное отношение к власти особенно ярко воплощалось в жанре политических анекдотов. Однако пародирование, трансформация советизмов выражались сдержанно, ограниченно и завуалированно.

Но уже в конце XX в., когда исчезла официальная цензура со стороны государства, игровое употребление языка резко актуализировалось. Такую тенденцию можно объяснить усиленной языковой рефлексией в постсоветский период. Языковая рефлексия понимается как критическое отношение к самому языку и активное проявление авторского «я» как создателя текста. Поэтому она часто воплощается в субъективной модальности, которая соотносится с оценочностью, эмоциональностью, экспрессивностью. В постсо-

ветский период языковая рефлексия настолько усилилась, что Е. А. Земская оценила ее следующим образом:

«В тоталитарные времена язык засушили, ему недоставало животворной влаги, теперь – перенасытили ею... Раскрепощение, возможность свободно выражать свои мысли и чувства, игры с языком и при помощи языка – вот что характерно для русского языка нашего времени» (ЗЕМСКАЯ 2001).

Ироничному переосмыслению часто подвергаются идеологические советизмы как наиболее яркие знаки советской эпохи. Поскольку они были ключевыми единицами официального сакрального языка, их игровое употребление воспринимается как профанизация сакрального. В целом, при комическом употреблении советизмов используются почти те же самые приемы, как пародирование советизмов в советское время, т. е. ироничные деформации советских аббревиатур, известных клише, лозунгов и помещение идеологических советизмов в дискурс иного характера.⁵

Вставка идеологически насыщенных советизмов в текст иного характера, чаще в текст бытовой тематики, является средством снижения их сакрального смысла, осмеивания его и создает эффект своеобразного ерничества. Ироничное употребление советизмов часто наблюдается в оппозиционной прессе, которая постоянно намекает на сходство современной власти с советскими структурами. Там происходит перенос советских номинаций на современных политических деятелей, например, *вождь*, *соратник*, *генсек*, *чекист* (САНДЖИ–ГАРЯЕВА–РОМАНЕНКО 2009: 287).

- (5) Встревоженная женщина *во имя светлого будущего* своего родственника была согласна расстаться с кругленькой суммой и сама продиктовала сообразительному жулику свой адрес (Комсомольская правда.04.05. 2011).
- (6) *Учиться, учиться и еще раз учиться* Власти страны быстро поняли: поток инвестиций когда-нибудь прекратится, ресурсы копирования не бесконечны, а народ не всегда будет работать за три копейки (Комсомольская правда. 15.03. 2012).
- (7) Но делиться доходами с персоналом магнаты почему-то не спешат, хотя даже государство считает, что *жить в России уже стало лучше, жить стало веселее...* (Труд-7. 24.04.2007).
- (8) Очевидна политическая цель внезапного возрождения советской парадной традиции: на трибуне бок о бок два *вождя-соратника...* (Независимая газета. 24.04.2008).

Игровой мотив употребления советизмов также активно действует в рекламных текстах. Он характерен прежде всего для рекламы, ориентированной на молодежь, так как для молодых «советское» представляет то,

⁵ На материале политических анекдотов Н. А. Купина рассматривает ироничные приемы деформаций ключевых единиц тоталитарного языка – клише, аббревиатур, прецедентных текстов и т. д. Приведем наиболее частотные приемы: 1) переосмысление аббревиатур; 2) семантическое преобразование ключевых слов тоталитарного языка, 3) деформация прецедентных текстов, например лексическая замена одного из слов, словосочетания или предложения (КУПИНА 1996: 98–123).

через что они не проходили, и потому привлекательное. Например, имена вождей, которые в советское время воспринимались почти как святые, сегодня часто употребляются в коммерческих номинациях, связанных с индустрией молодежных развлечений. См.: *Karl Marx Coffee, Клуб Ленин, Рок-клуб Ленин, Интернет-клуб Ленин.*

4. Выводы

В русском языке, в рамках десоветизации можно наблюдать падение авторитета советского языка, его нормы и уход лексики, обозначающей советскую реальность. Одновременно с этим активно воспроизводятся советизмы в качестве прецедентных текстов. Главным образом, они употребляются по ностальгическому и игровому мотивам. В частности, употребление советизмов, имеющих яркие идеологические коннотации, нацелено, с одной стороны, на реконструкцию советской реальности как идеальной временно-пространственной сущности, а с другой стороны – направлено на выщучивание советскости и пародирование.

При этом для нас более интересен второй случай, поскольку он является результатом творческой языковой рефлексии, одной из ярких черт современного русского узуса. Ведь в XVII в., когда разрушилась диглоссия между церковнославянским языком и русским языком, смеховая литература пародировала сакральные религиозные тексты, нарушая все привычные ассоциации, связанные с этой языковой формой. Подобно этому, с падением советского режима происходила карнавализация советского, т. е. высмеивание вышестоящих ценностей, пародирование норм поведения советского периода. Данный процесс происходил и в языковой сфере.

Необходимо отметить, что частотность советизмов в речи и их функциональная нагрузка зависят от возрастной категории говорящего. Поэтому в целом советизмы обречены на вымирание. Уже сегодня в текстах встречается отсылочный комментарий к советизмам, что свидетельствует об их устаревании и маргинализации.

Словари

Козинец–Санджи–Гаряева 2009 = Козинец С. Б. Санджи–Гаряева З. С. *Словарь советизмов. Наименования лиц.* Пробный выпуск. Саратов: «Наука», 2009.

Мокиенко–Никитина 1998 = Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. *Толковый словарь языка Совдепии.* Санкт-Петербург: «Фолио-Пресс», 1998.

Скляревская 2001 = Скляревская Г. Н. *Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия.* Санкт-Петербург: «Изд-во РАН», 2001.

Литература

- БЕРДЯЕВ 1990 = БЕРДЕВ Н. А. *Истоки и смысл русского коммунизма*. Москва: «Наука» 1990.
- БОРИСОВА 2013 = БОРИСОВА Е. Г. Ритуальные компоненты в политической коммуникации. В кн.: ФЕДОРОВА Л. Л. (ред.) *Ритуал в языке и коммуникации*. Москва: «Знак», 2013. 25–34.
- ВОРОБЬЕВА–РАСКАТОВА 2009 = ВОРОБЬЕВА А. В., РАСКАТОВА Е. М. «Советское» в постсоветском культурном пространстве: структурно-типологический аспект. *Вестник Гуманитарного факультета Ивановского государственного химико-технологического университета*. 2009/4: 22–28.
- ГОЛОМИДОВА 2009 = ГОЛОМИДОВА М. В. Вербальные символы СССР в современной коммерческой номинации. В кн: КУПИНА Н. А., МИХАЙЛОВА О. А. (ред.) *Советское прошлое и культура настоящего*. Екатеринбург: «Издательство Уральского университета», 2009. 332–348.
- ЗЕМСКАЯ 2001 = ЗЕМСКАЯ Е. А. *Активные процессы в русском языке последнего десятилетия*. 2001. http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/russianworld/28_55
- ЗЕМЦОВ 1985 = ЗЕМЦОВ И. Г. *Советский политический язык*. Лондон: «Overseas Publications Interchange Ltd», 1985.
- КИТАЙГОРОДСКАЯ–РОЗАНОВА 2003 = КИТАЙГОРОДСКАЯ М. В., РОЗАНОВА Н. Н. Современная политическая коммуникация. *Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация*. Москва, 2003. 151–240.
- КУПИНА 1995 = КУПИНА Н. А. *Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции*. Екатеринбург-Пермь: «Издательство Уральского университета», 1995.
- КУПИНА 2009 = КУПИНА Н. А. Советизмы: к определению понятия. *Политическая лингвистика*. Екатеринбург, 2009/2: 35–40.
- НАМ 2015 = НАМ ХЕ ХЕН. Языковой пуризм и его социальный смысл: на примере языковой политики СССР. В кн.: ГРЕЧКО В., КИМ СУ КВАН, НОНАКА С. (ред.) *Far East, Close Russia: The Evolution of Russian Culture – A View from East Asia*. Belgrade-Seoul-Saitama: Logos, 2015. 151–164.
- НАМ 2018 = НАМ ХЕ ХЕН. Некоторые размышления о сакрализации советского ритуального языка в сопоставлении с церковнославянским языком. *Русская культура под знаком революции*. Belgrade-Seoul-Saitama: Logos, 2018.
- ОЗИМКО 2015 = ОЗИМКО К. Россия на распутье: десоветизация или советизация? <http://politrussia.com/society/rossiya-na-raspute-418/>
- ПАВЛОВА 2011 = ПАВЛОВА С. В. *Оценочные советизмы в современном публицистическом тексте (на материале изданий «Коммерсантъ» и «Российская газета» 2000-2010 гг.)* Автореф. дис. канд. филол. наук. Москва, 2011.
- ПИХУРОВА 2005 = ПИХУРОВА А. А. *Судьба советизмов в русском языке конца XX – начала XXI в.: на материале словарей и текстов*. Дис. канд. филол. наук. Саратов, 2005.
- РЕЗВУХИНА 2014 = РЕЗВУХИНА Ю. А. 2014. *Колымская региональная лексика 20-х – начала 30-х годов XX века*. Дис. канд. филол. наук. Магадан.
- САНДЖИ-ГАРЯЕВА–РОМАНЕНКО 2009 = САНДЖИ-ГАРЯЕВА З. С., РОМАНЕНКО А. П. Современные динамические процессы в сфере советизмов: словарное состояние и функционирование. В кн.: ДМИТРИЕВА О. И. (ред.) *Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка. Материалы III республиканского научного семинара*. Саратов: «Наука», 2009. 278–289.

- СЕДАКОВА 1995 = СЕДАКОВА И. А. О советизмах в современной русской речи. В кн.: КУРЕННАЯ Н. М. (ред.) *Знакомый незнакомец. Социалистический реализм как историко-культурная проблема*. Москва: «Изд-во РАН», 1995. 225–235.
- СОМОВ 2015 = СОМОВ В. А. Феномен советскости: историко-культурный аспект. *Социологические исследования* 2015/2: 12–20.
- ФЕСЕНКО–ФЕСЕНКО 1955 = ФЕСЕНКО А. В. ФЕСЕНКО Т. П. *Русский язык при советах*. New-York: Rausen Bros, 1955.
- ANDREWS 2011 = ANDREWS E. Introduction. In: ANDREWS E. (ed.) *Legacies of Totalitarian Language in the Discourse. Culture of the Post-Totalitarian Era*. Lanham, Md.: Lexington Books. 2011. 1–13.
- GENTILE 2000 = GENTILE E. The Sacralization of politics: Definitions. Interpretations and Reflections on the Question of Secular Religion and Totalitarianism. *Totalitarian Movement and Political Religions*. 2000/1: 18–55.

И. В. НЕЧАЕВА

**Новые иноязычные заимствования в русском языке
и их письменное освоение**

**New foreign loanwords in the Russian language
and their written adoption**

Abstract: The paper deals with graphic and orthographic problems of loanword adaptation. The problem of graphic adoption arises from the necessity of phonemographemic conversion of the words belonging to a different graphic system. The orthographic adoption problem is due to the uncertainty of the notion of correctness for loanwords: the rules in force do not take into account the specificity of the words of foreign origin, which are not objects of separate codification and are described like native words, resulting in multiplication of dictionary codification cases. In this case, the loanwords adoption may be complicated by the instability of their phonemic set when transferred into Russian, by the features of positional phonetic variations in the source language, by a discrepancy between Russian and foreign orthographic traditions, etc.

Keywords: foreign loanword, orthography, written loanword adoption.

Прошедшие десятилетия предоставили нам богатый материал для изучения процессов иноязычного заимствования в русском языке. Помимо общих представлений об этих процессах и их влияния на русский язык в целом, наиболее актуальными направлениями такого изучения являются вопросы использования заимствований и вопросы их освоения.

Если говорить об *использовании* иноязычных слов, то в условиях их активного притока в русский язык время от времени делаются попытки взять под контроль их употребление. Задача эта не вполне лингвистическая, однако вопросы по использованию иноязычий возникают постоянно. Существуют рекомендации ограничить употребление в русском языке тех заимствований, у которых есть русский аналог. Но надо сказать, что подобные рекомендации лингвистически не вполне состоятельны (не говоря уже об их практической невыполнимости). Дело в том, что аналоги – это слова не взаимозаменяемые: у аналогов, как и у синонимов, есть семантические нюансы, отличающие их друг от друга. Так, *лифт* не вполне то же самое, что *подъемник*, *убийца* – лишь не вполне точный синоним *киллера*, *женщина*, *дама*, *леди* представляют собой различные понятия, и т. п. Проблема использования заимствований не может быть решена директивно.

Что касается *освоения* заимствований, то его признаками принято считать: а) графемно-фонетическую передачу иноязычного слова средствами

заимствующего языка, б) соотнесение его с грамматическими категориями, в) семантическую самостоятельность слова, формирование определенного лексического значения, г) регулярное употребление (КРЫСИН 2004: 50). Этот ряд признаков следует дополнить: поскольку при заимствовании из языка с иной графической системой (например латиницей) полностью меняется план выражения слова (передача русскими фонетическими средствами в устной речи и графическими на письме), – очевидно, что без орфографической адаптации слова процесс заимствования нельзя считать завершенным.

Фонемно-графемная передача при заимствовании с использованием иного алфавита часто дает большую вариативность (что мы и наблюдаем в последние 25–30 лет). Заимствование слов, как известно, происходит в три этапа: 1) определение фонемного состава иноязычного слова, 2) нахождение фонемных соответствий в русском языке, 3) запись полученного русского фонемного состава с помощью правил графики и орфографии (СУПЕРАНСКАЯ 1978: 103). На 2-м и 3-м этапах в ряде случаев возможны различные решения. Поэтому одним из признаков освоения заимствованного слова следует считать обретение им постоянного графического облика в письменной речи.

Орфографическая проблема заимствований связана с представлением о *правильном* в орфографии. Это проблема ортологическая. При этом понятие правильности в правописании для заимствований не имеет таких четких очертаний, как для исконных слов. Дело в том, что иноязычные слова у нас не являются самостоятельным объектом кодификации. С этим можно спорить, но так сложилось. Заимствования подвергаются кодификации в соответствии с теми нормами, которые отражаются в основном в правилах, *общих* для русских и иноязычных слов; правилах, которые посвящены определенным орфографическим проблемам: это традиционно относится к удвоенным согласным, распределению написаний с «э/е», правописанию сложных слов, «j» с последующим «о» (например, *батальон*, «*тойота*»), гласных после шипящих (например, *жюри*) и некоторых других (ПРАВИЛА 2009: 19–20; 23–24; 29–30; 31; 95; 107–111).

С учетом тех значительных изменений, которые произошли в области заимствования в течение трех последних десятилетий, я думаю, что такой подход не соответствует времени. Этап фонетико-графического переложения (перекодирования) этимона на русский язык создает дополнительные осложнения. Правила русской орфографии этого не учитывают, подразумевая, что фонемный состав слова уже является установившимся, хотя для иноязычий зачастую дело обстоит иначе. Примеров более чем достаточно, это слово *аккаунт* / *экаунт* (англ. account [ə'kaunt]), *хеллоуин* / *хелуин* (англ. Halloween [hælə'win]), слова, в которых есть звук [w], передаваемый по-русски как [в] и как [у], слова со среднемягким европейским [l] (*никсел(ь)*) и др. Поэтому относительно заимствований правила эти довольно беспомощны, что выражается в постоянных отсылках к словарю. Отсюда, естественно, и неопределенность представлений об орфографической норме для иноязычных слов.

Что же фактически влияет на формирование орфографии заимствований, определяет их орфографическую неустойчивость? Это две группы дестабилизирующих факторов: факторы внешние и факторы внутренние.

К *внешним* факторам относится в целом иноязычное влияние, усилившееся в последние десятилетия, прежде всего со стороны основного языка-источника (английского). Это влияние проявляется и на частном, и на общем уровне. Появились новые *частные* явления, уникальные для русского языка, как, например, слова с консонантным исходом на *ш(е)н / ж(е)н* (*экишн / экишен, фешн / фешен, фьюжн / фьюжен, ресепшн / ресепшен, продакшн / продакшен* и т. п.) или такие сложные случаи, как слово *имейл / е-мейл* (англ. *e-mail*). Это явления, для которых в русском правописании нет правила и подходящего языкового прецедента. Под влиянием английского активизировались и *общие* словообразовательные модели для композитов с начальной частью в виде аналитического прилагательного (типа *интернет-проект, бизнес-реклама, шоу-бизнес, веб-дизайн, блиц-опрос, премиум-класс, татумейкер, фан-клуб* и т. п.), что вполне соответствует тенденции к интернационализации как словаря, так и способов образования слов, которая уже не раз отмечалась (ГОЛАНОВА 1998: 35). При этом в узусе появились такие орфографические аномалии, как раздельное написание композитов различной структуры (напр. *супер хит, биг мак*). Таким образом, обострилась проблема слитно-дефисных написаний у существительных.

К *внутренним* факторам относится состояние нашей кодифицирующей базы, неготовность ее к такому обилию иноязычных вхождений, которое имеет место на сегодняшний день. Помимо правил орфографии, малоинформативных для заимствований (о чем уже говорилось), существует представление о безальтернативности письменной нормы, в соответствии с которым допускается только одно нормативное написание слова в рамках жесткой орфографической дихотомии «норма – ошибка». Таким образом, есть противоречие между жестким орфографическим императивом и неопределенностью критериев правильности написаний.

Типичные орфографические проблемы в области заимствований уже не раз становились предметом лингвистического описания; приведем несколько примеров на относительно сложные случаи.

1. Сложность может заключаться в конкурирующем влиянии на написание произношения, с одной стороны, и графики и орфографии иноязычного слова – с другой. Считается, что приоритетным при передаче заимствований в настоящее время является произношение, однако варианты типа *девайс / дивайс* (англ. *device* [di'vaɪs]) продолжают появляться в языке: первый соответствует написанию, а второй – произношению в языке-источнике (из более ранних заимствований такого плана можно назвать, например, *ремейк / римейк* (англ. *remake* ['ri:meɪk])). Что касается уже упомянутого слова *имейл / е-мейл* (англ. *e-mail*) в двух вариантах написания, то здесь сохранение иноязычной графики проявляется в употреблении дефиса и начальной гласной, что для русского письма имеет обоснование в виде соответствия написанию этимона (и одновременно отражения его словообразовательной

структуры). Этот вариант весьма распространен в узусе, хотя некоторые словари, например *Русский орфографический словарь*, этим пренебрегают, фиксируя лишь вариант – *имейл*.

2. Другой случай – усложненная фонетико-графическая передача, когда вопрос состоит в том, следует ли учитывать позиционные изменения звука в английской фонетике при передаче слова по-русски. Это касается, например, существительных с конечным глухим, озвончаемым при образовании плюральных форм, таких как *пентхаус* (англ. *penthouse*, мн. ч. *penthouses*). Русская языковая система иная: по ней, как известно, орфографически отражается звук, находящийся в сильной позиции. Это создает орфографическую коллизию. В правилах отсутствует информация о способах передачи англицизмов в подобных случаях.

Усложнение фонетико-графической передачи касается и упомянутых слов с исходом на *...иен/ин*, *...жен/жн* (*эки(е)н* [англ. *action*], *нон-фикш(е)н* [англ. *non-fiction*], *ресепш(е)н* [англ. *reception*], *феш(е)н* [англ. *fashion*], *фьюж(е)н* [англ. *fusion*] и др.). Здесь также фонетическое и орфографическое освоение слова происходит одновременно, а не последовательно.

3. Следующий пример являет собой один из случаев межъязыковых противоречий. Этот случай уже не раз обсуждался, но точка в данном вопросе так и не поставлена. Речь идет о слове *гексоген* (*gexogen*) (в *Русском орфографическом словаре* – *гексаген*). В соответствии с традициями русской орфографии следует соотнести написание этого слова с другими словами на *гекса* с конечным «а» (*гексаэдр*, *гексагональный*, *гексаграмма* и др.); если же следовать этимологии, то здесь должна быть буква «о». Дело в том, что этимологически слово *Hexogen* является результатом слияния корней *hex(a)+(nitr)ogen*, т. е., буквально «шестиазотное вещество», которое было впервые синтезировано в Германии. Термин образован с наложением вторых гласных корней *hexa* и *nitrogen*. Поэтому букву «о» здесь следовало бы сохранить как напоминание о значении и происхождении слова. Из какого языка непосредственно заимствовано это слово – напрямую из немецкого или опосредованно через английский, – в данном случае не имеет значения.

4. Еще одно межъязыковое противоречие касается употребления / неупотребления дефиса в слове *минивэн* (*minivan*). Слова на *мини-* по правилам русской орфографии имеют дефисное написание, и это правило еще недавно воспринималось как универсальное (казалось неважным, что собой представляет вторая часть сложения: исконное слово или иноязычное); однако этому не подчиняется неологизм *минивэн* (англ. *minivan*) со слитно пишущимся этимомом, а также еще несколько слов: *минимаркет*, *миницикл*, *минитьяно* (НЕЧАЕВА 2012(а): 81–82).

5. Следующий случай связан с проблемой правописания сложных слов. Представляется очевидным, что освоенное иноязычное слово *эконом-класс* является калькой с английского *economy class*, а не сложносокращенным словом типа *медпункт*, *спортивный инвентарь*. Поскольку этимологически оно восходит к словосочетанию и коррелирует с тематической парой *бизнес-класс* (а также в некоторых предметных сферах со словами *премиум-класс* и

комфорт-класс), уместно по-русски писать его с дефисом. Так его в основном и пишут в спонтанном узусе. Однако в соответствии с другим подходом данная лексема ассоциируется с правилом о сложносокращенных словах и в некоторых словарях до сих пор пишется слитно.

6. Пример другого рода – но также случай неподчинения иноязычного по происхождению слова правилам русской орфографии, несмотря на попытки заставить его подчиниться: это аббревиатура *vip* (от англ. *very important person*) – как самостоятельное слово и как составная часть словосложений типа *vip-персона*, *вин-зона*, *vip-эскорт* и т. п. Правила и словарь рекомендуют написание прописными: *ВИП*, как пишется большинство русских аббревиатур, но так мало кто пишет. Да и лингвистических оснований это написание не имеет, поскольку является нарочитым выделением того, что в таком выделении не нуждается (НЕЧАЕВА 2017: в печати).

Разумеется, у каждого орфографиста есть мнение по поводу того, какое написание во всех этих случаях (и ряде других) будет более правильным. Но *общепринятых* критериев правильности написаний для иноязычных слов в настоящее время не существует. Я бы сказала, что данная ситуация является одновременно и одной из причин, и следствием проблем с освоением иноязычных слов.

Таким образом, иноязычное, внешнее, с одной стороны, и внутриязыковое влияние на процессы адаптации, с другой – являются собой два конкурирующих фактора в механизме освоения заимствованного слова. Подобная ситуация – естественное лингвистическое оправдание орфографической вариативности. Но если мы все же стремимся выбрать какой-то один вариант и придать ему статус нормативного, нужно будет отдать предпочтение либо этимологической, либо внутрисистемной адекватности написаний. В одном случае приоритетом является точность (фонетическая и графическая) передачи иноязычного слова, его этимологических свойств. В другом случае берется синхронный срез лексической системы, и решение по написанию принимается путем соотношения свойств интересующей нас лексической единицы с другими, в данный момент существующими в языке и в чем-то ей подобными. В этом явлении – двоякой орфографической мотивации, неоднозначности трактовок (НЕЧАЕВА 2012(б): 148–153) – и состоит актуальный ортологический конфликт, связанный с правописанием заимствований. И по истечении прошедших 25–30 лет тенденции к уменьшению вариативности в целом не наблюдается. Поэтому на частном уровне, т. е. на уровне отдельных написаний, этот конфликт окончательно не разрешить. Нужны специальные правила для иноязычных слов.

Словари

ИВАНОВА О. Е., ЛОПАТИН В. В., НЕЧАЕВА И. В., ЧЕЛЬЦОВА Л. К. *Русский орфографический словарь: около 200 000 слов*. Издание 4-е. Москва: «АСТ-ПРЕСС КНИГА», 2012.

Литература

- ГОЛАНОВА 1998 = ГОЛАНОВА Е. И. О “мнимых сложных словах” (развитие класса аналитических прилагательных в современном русском языке). В кн.: *Лики языка*. Москва: «Наследие», 1998. 31–39.
- КРЫСИН 2004 = КРЫСИН Л. П. Некоторые теоретические вопросы заимствования. В кн.: КРЫСИН Л. П. *Русское слово, свое и чужое*. Москва: «Языки славянской культуры», 2004. 15–71.
- НЕЧАЕВА 2012(а) = НЕЧАЕВА И. В. О шоп(п)инге, мини(-)вэне и тайнах орфографической кодификации. *Русский язык в научном освещении* 2012/1(23): 72–89.
- НЕЧАЕВА 2012(б) = НЕЧАЕВА И. В. О явлении и случаях двойной орфографической мотивации. В кн.: *Вопросы культуры речи*. Вып. XI. Москва: «Языки славянской культуры», 2012. 148–154.
- НЕЧАЕВА 2017 = НЕЧАЕВА И. В. Употребление прописной графемы: аргументы и факторы. В кн.: *Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Культура русской речи*. 2017/13 (в печати).
- ПРАВИЛА 2009 = ЛОПАТИН В. В. (ред.) *Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник*. Москва: «АСТ-ПРЕСС КНИГА», 2009.
- СУПЕРАНСКАЯ 1978 = СУПЕРАНСКАЯ А. В. *Теоретические основы практической транскрипции*. Москва, «Наука», 1978.

Т. Б. РАДБИЛЬ

**Активные процессы
в лексике современного русского языка
и проблема культурной апроприации заимствований**

**Active processes in modern Russian lexis
and a problem of cultural appropriation of adoptions**

Abstract: The work studies basic principles of cultural appropriation of foreign elements in speech practice of contemporary Russian native speakers. The point that a sort of distorting semantic and axiological spheres of loanwords as signs of “alien” values or diverse cultural models of behavior is quite typical of Russian language as reflection of typically Russian ways to look at things is discussed. The author considers specificity of word-formative adoption of foreign nomination, that is phenomena of occasional derivation by typically Russian models of expressive word-formation in the basis of foreign stems, such as *smile-*, *self-*, *friend-*etc. The culturally conditioned connotative-evaluative increments of sense in derivative word with foreign components use primordially Russian cultural sets and evaluative stereotypes.

Keywords: active processes, adoptions, cultural appropriation, Russian language

Работа представляет собой фрагмент продолжающегося исследовательского проекта по анализу активных процессов в русском языке через призму исконно русских культурных моделей языковой концептуализации мира, в их соотношении с так называемыми «ключевыми идеями» русской языковой картины мира.

Не вызывает никакого сомнения, что за последние годы под влиянием резко меняющейся социокультурной среды и в условиях постоянно возникающих новых коммуникативных потребностей русский язык претерпел и продолжает претерпевать серьезные изменения на всех уровнях языковой системы и ее речевой реализации в разных типах дискурса. Во многом эти изменения обусловлены активной экспансией заимствований, главным образом — из английского языка. Однако, оценивая в целом активные процессы в современной русской речи последних лет, мы не можем однозначно утверждать, что, в плане именно способов языковой концептуализации мира, русский язык окончательно подпал под влияние чуждых ему ментальных, социокультурных и поведенческих моделей.

Мы исходим из того, что для русского языка как отражения типично русского способа смотреть на вещи происходит своего рода «переиначивание» семантики и оценочной сферы заимствованных слов как знаков «чужих» ценностей или инокультурных моделей поведения. «Знаковые»

в каком-либо отношении заимствованные слова (реалии новой действительности, термины, идеологемы, аксиологемы и пр.) в дискурсивных практиках современных носителей языка подвергаются обязательной культурной апроприации в духе исконно русских моделей языковой концептуализации мира.

В работах А. Вежбицкой, А. Д. Шмелева, А. А. Зализняк, И. Б. Левонтиной и др. были выявлены разнообразные базовые доминанты «семантического универсума» русского языка (ВЕЖБИЦКАЯ 1996; ЗАЛИЗНЯК–ЛЕВОНТИНА–ШМЕЛЕВ 2005). Назовем некоторые из них, наиболее значимые в плане нашего исследования. Это, например, установка на эмпатию (выраженная в субстантивных и адъективных диминутивах), чрезмерная гиперболизация (интенсификаторы и аугментативы), гипертрофия общей, моральной или эстетической оценки при номинации лиц, объектов и событий («моральная страстность», по А. Вежбицкой), острая реакция на ложные, с точки зрения носителя языка, ценности или претензии, соотношенность самых простых вещей, свойств, процессов или явлений с духовным идеалом, ироническое «остранение» карнавального типа и пр.

Указанные тенденции активно «работают» и при вхождении заимствованных элементов в русскую речевую практику, о чем свидетельствуют особенности семантического и деривационного освоения в русском языке заимствованной номинации, а именно — образование окказиональных дериватов по типично русским моделям экспрессивного словообразования на базе иноязычных основ. При этом в заимствовании возникают культурно-обусловленные коннотативно-оценочные приращения смысла, которые как бы «обнуляют» заимствованный характер этого слова, приобщают его к фонду типично русских способов вербальной реакции на действительность, концептуально интерпретации явлений внешнего и внутреннего мира в словесном знаке. Слово становится элементом «русского мира».

В настоящей статье мы коснемся только одного аспекта указанных тенденций, а именно — чрезмерная гиперболизация (интенсификаторы и аугментативы) и установка на эмпатию (выраженная в субстантивных и адъективных диминутивах).

Например, зададимся вопросом, в какой мере воспринимается как заимствованная такая лексема, как аугментатив *безлимитище*? Совершенно очевидно, что, несмотря на наличие формально иноязычного корня, сам характер деривации этого слова с размерно-оценочным суффиксом *-ище-* на базе исходного прилагательного *безлимитный (тариф)* свидетельствует о его вхождении в типично русские модели номинации ситуации. Здесь мы видим сложный и нерасчлененный комплекс смыслов, с одной стороны, одним словом как бы схватывающих целый фрейм — систему опций и предпочтений при приобретении телефонного тарифа, а с другой — регламентирующих для говорящего и адресата определенное отношение к этому объекту номинации, вписывающих его в систему ценностных установок сложной природы (здесь можно видеть уже указанную выше чрезмерную гиперболизацию и даже гипертрофию эмоциональной реакции на в целом-то нейтральный объект, какую-то неформальность и «свойскость», де-

лающую изначально внеоценочный денотат чем-то близким, родным). Обратим внимание и на нейтрализацию своего рода концептуального нарушения: показатель увеличительности присоединяется к основе со значением отсутствия объекта номинации (более естественно было бы *лимитище* — понятие, названное производящим словом, увеличенного размера).

Очевидно, что носители языка в своей речевой практике как бы присваивают (БЕНВЕНИСТ 1974: 292–294) иноязычные элементы как знаки инокультурного бытия. Языковое сознание словно не позволяет слову ничего не значить и не иметь никаких коннотативно-оценочных возможностей. Поэтому, например, и изначально несклоняемые иноязычные аббревиатуры приобретают русские диминутивные суффиксы, что тут же погружает их в систему национальных «языковых привычек» выражать определенные культурно значимые эмоциональные и ценностные приоритеты: *USB* становится *юзсбишкой*, *CD-ROM* превращается в *сидюк*, а *PC* (аббревиатура *PC* — от *personal computer*) — в *писюк*. Раз уж корень ничего не значит для меня, и с этим изначально ничего не поделаешь — центр вторичной семантизации перемещается на экспрессивный аффикс, становящийся главным носителем эмоционально-оценочных смыслов (как это, например, характерно для исконно русских слов с десемантизованным конем типа *ухайдокать* или *припеться*).

Однако наибольший интерес в плане семантической или словообразовательной «аккультурации» иноязычных элементов представляют слова — выразители каких-либо значимых культурных ценностей (или анти-ценностей). Многими исследователями отмечается «триумфальное шествие» по пространству русского языка таких лексем, как *гламурный* или *экслюзивный* — см. об этом, например, в книге М. А. Кронгауза (КРОНГАУЗ 2008: 20–23). О специфике аккультурации английского *glamour* на русской почве обстоятельно рассказано в статье О. И. Северской «... слово *гламур* ... явно превратилось из иностранного в русское слово, образовав целое «гламурное» словообразовательное гнездо» (СЕВЕРСКАЯ 2011: 51).

Весьма примечателен тот факт, что *гламур* и *экслюзив* как знаки «чужих» ценностей образуют окказиональные дериваты по типично русским моделям экспрессивного словообразования, о специфике которых именно в плане выражения русского национального характера говорит А. Вежбицкая, размышляя о русских суффиксах субъективной оценки, выражающим специфически русскую черту — *эмпатию* по отношению к объекту номинации. Реально подобные словообразовательные показатели в русском языке могут передавать очень широкий спектр чувств: восторг, очарование, привлекательность, жалость, интерес и др. Поэтому, чтобы объяснить столь широкий разброс допустимых интерпретаций, А. Вежбицкая и вводит в толкование представление о неопределенном свободно плавающем ‘хорошем чувстве’, не обязательно направленном на человека или вещь: ‘когда я думаю о X, я чувствую что-то хорошее’. При этом в иноязычном по происхождению слове возникают типично русские коннотативно-оценочные приращения смысла (ВЕЖБИЦКАЯ 2011: 349–354).

Это, например, такой дериват, как *гламурненько*. О его распространенности свидетельствует наличие сайта *Гламурненько.ру*, серии книг «*Гламурненько*», названия произведений сетературы (например «*Как выглядит гламурненько!*») и даже песен и т. п. Здесь мы видим нерасчлененный семантический комплекс из некоторого несерьезного, но полного «неопределенно хорошего чувства» и вместе с тем ироничного отношения к объекту номинации. О продуктивности такой модели свидетельствуют разнообразные *готичненько*, *экслюзивненько* и пр., которые порождены на базе «чужеродных» *готов*, *экслюзива* и т.д.

Именно о вписанности заимствования *гламур* в систему исконных способов языковой концептуализации мира и свидетельствует разветвленная модель деривации на базе этого слова, которая проходит исключительно по типично русским «лекалам»: в уже цитированной работе О. И. Северской, помимо *гламурненько*, встречаем безаффиксный отадъективный экспрессивный дериват *гламурь*, квази-собирательный суффиксальный дериват *гламурьё*, имена деятеля *гламуричик*, *гламурица*, глагол *гламурить* и пр., которые, как верно отмечено в статье, имеют оценочный характер, как, впрочем, и исходное слово *гламур*. Применительно же к заимствованию *экслюзивный* мы также, например, в разнообразных блогах и даже на рекламных сайтах встречаем дериват *экслюзивчик* (причем с разнообразным денотативным потенциалом: так может именоваться магазин, портал, стихотворение и пр.) (СЕВЕРСКАЯ 2011: 51–53).

В целом такая исконно русская модель освоения чужого слова как-то элиминирует его «чужеродность», переинтерпретируя его в духе специфически русского способа языковой концептуализации мира, а именно – в духе особо эмоционально окрашенного и теплого отношения к объектам номинации, которые в норме не подлежат никакой эмоционально-экспрессивной и оценочной реакции. Отметим характерную для подобного рода словаксиологем десемантизацию этих производных лексем, где экспрессивная семантика самой словообразовательной модели и форманта (суффикса) вытесняет номинативное значение производящей основы. При этом на стыке первоначальной книжно-возвышенной стилистической отмеченности производящей основы и принципиально разговорного характера форманта возникает некое игровое, карнавальное ее переименование, которое как бы дезавуирует изначально пафосное, серьезное значение лексем *гламурный* или *экслюзивный* как носителей «новых ценностей» жизни.

Поскольку имена с показателями субъективной оценки, диминутивами или аугментативами, а также с иными средствами экспрессивного словообразования, имеют значительную частотность и широкую распространенность в русской речи, А. Вежицкая даже в свое время сформулировала положение о том, что они в значительной мере определяют общую эмоциональную окраску и тональность русской речи: «То, какое именно чувство передается, зависит каждый раз от контекста, но в целом эмоциональная температура текста весьма высокая — она гораздо выше, чем у английского текста, и выше, чем в других славянских языках» (ВЕЖИЦКАЯ 1996: 54–55).

Обратим внимание и на такой, по видимому культурно-обусловленный признак аугментативов или диминутивов, образованных на базе заимствованных элементов по подобным моделям, как их семантическая емкость и многоплановость. В таких словах выделяется своего рода *диктумная часть*, актуализующая номинативное содержание понятия, выраженное заимствованным элементом, и *модусная часть*, представляющая точку зрения говорящего на объект номинации, сложный комплекс оценочной реакции говорящего на данное понятие — эмпатии, выраженный исконно-русским формантом. Т.е., с точки зрения логического анализа естественно языка, это скрытая предикация, задающая смысловую двуплановость как рефлекс такой черты русской языковой картины мира, как «концептуальное двоемирие», отмечавшееся нами в наших предыдущих исследованиях (РАДБИЛЬ 2016: 153–158). Семантическая насыщенность этих неолексем также является знаком их культурной апроприации в мире русского слова.

В этом мы видим проявление тенденции эмоционально-экспрессивного и оценочного отношения к миру вообще, той самой *эмпатии*, атмосферы особой эмоциональной насыщенности и личностной вовлеченности в номинацию вещей и событий, которая распространяется даже на самые обычные вещи, окружающие человека, которые в норме не подлежат какому-либо оцениванию или эмоциональному переживанию их бытия (нас окружают носики чайника, ножки стола, письменные ручки, форточки, зонтики, валики, ролики и пр. — каждый из нас легко продолжит этот список). Вполне обычная фраза учительницы младших классов: «А здесь мы поставим скобочки». Или название знаменитой песни: «Синенький скромный платочек». Ни в одном случае речь не идет на указание на малый размер объекта (едва ли носик чайника меньше носа человека, а платочек в песне вовсе был не маленький, носовой, а вполне себе обычный платок).

Заимствованные лексемы естественным образом вовлекаются в этот круг тотальной эмпатии русского дискурса. Любопытно в этом смысле слово *смайлик*, которое в общем даже совсем не похоже на заимствование, потому что здесь иноязычный корень изначально вовлекается в сферу семантических и словообразовательных процессов, присущих русскому языку, т.е. приобретает несвойственное ему в языке-источнике структурное оформление, словообразовательный показатель — размерно-оценочный суффикс *-ик*, при отсутствии исходного *смайл* (в отличие, например, от модели *стол* → *столик*). Этот элемент *-ик* должен быть квалифицирован как субморф, но он является важным для понимания слова *смайлик*, потому что отражает типично русскую конфигурацию смыслов, характерную для полноценных уменьшительно-ласкательных суффиксов — указание на малый размер, совмещенное с особым эмоциональным, душевным отношением говорящего к объекту номинации и к ситуации общения в целом. Ничего подобного не обнаруживаем в слове, ставшем источником для данного заимствования: *smiley* (1. прил. 'улыбчивый' → 2. перен. *смайлик*; 'эмотикон, обозначающий улыбку'). Понятно, что и в английском языке-источнике имплицитно

содержится указание на малый размер и особую экспрессию, но в русском языке эти смыслы эксплицированы в показателе *-ик*.

Сразу отметим, что различие между сразу возникшим *смайликом* и, например, *эксклюзивчиком*, возникшим через ступень *эксклюзив*, весьма условное. Ведь даже если иноязычное слово зафиксировано в нашем языке в том же виде, что и в языке-источнике, все равно оформляется по законам нашей грамматики, т. е. приобретает ранее неприсущие ему, новые грамматические характеристики (грамматическая неодушевленность и мужской род лексемы *эксклюзив* на фоне невыраженности этих категорий в английском языке).

Кстати, примерно так же в свое время в русскую речь вошло заимствованное слово *зонтик*, которое в языке-источнике, как известно, не содержало ровно никакого указания на уменьшительность и, следовательно, концептуальной двуплановостью не отличалось.

В этом плане интересны дериваты от заимствованного слова *селфи*, в первоначальном виде, видимо, не имеет экспрессивных или оценочных сем, означая вполне нейтральную конфигурацию смыслов: 'фотография самого себя с помощью предназначенных для этого технических устройств'. Однако иную картину мы наблюдаем в субстантивных дериватах этого слова по модели экспрессивного суффиксального словообразования с помощью диминутивов, когда спонтанно возникают экспрессивно-оценочные смыслы. При этом имеются дериваты как мужского рода — *селфишко* (по модели *домшко*, *бельишко*), см. пример (1), так и женского — *селфишка* (по модели *землишка*, *мелочишка*), см. пример (2):

(1) И как же без новогоднего *селфишка* (www.imgrum.net/user/jeka_anik/)

(2) Самый дорогой человек в моей жизни!!! *Селфишка* с папашкой!!! (<https://m.ok.ru/profile/>).

Обнаружен даже сниженно-разговорный экспрессивный фонетический вариант, маркированный по женскому роду — *селфя*:

(3) *Селфя* с сегодняшнего хеллоуинского концерта... (www.diary.ru/~iolly/p206570911.htm).

Как уже было сказано выше, использование размерно-оценочных суффиксов свидетельствует о наличии эмпатии — эмоционально окрашенного отношения говорящего в выражаемому понятию.

В плане общей оценки рассмотренных процессов аккультурации заимствованных слов можно утверждать, что разные уровни языка обладают разной степенью релевантности в плане апроприации инокультурных концептуальных структур. Вполне естественно, что в условиях новых социокультурных реалий и коммуникативных потребностей изменения именно в сфере лексики представляются наиболее активными. Но в плане языковой концептуализации мира лексические заимствования носят относительно поверхностный характер, тогда как именно изменения в сфере так называемой «языковой облигаторности» (словообразовательных моделей, грамматиче-

ских категорий и под.) как глубинного концептуального каркаса мысли о мире, запечатленной в коллективном языковом сознании, представляются наиболее релевантными с этой точки зрения. А в этой сфере мы все же наблюдаем доминирование именно традиционно русских способов концептуализировать мир в слове, хотя некоторые «иноментальные» влияния прослеживаются и в этой области. Проще говоря, вместе с иноязычным компонентом усваивается некий общий денотативный или сигнификативный слой, необходимый для заполнения имеющейся лакуны в когнитивной базе этноса или для обозначения появившейся в нашей жизни реалии: затем он подлежит концептуальному переосмыслению и эмоционально-оценочной трансформации уже в соответствии с исконно русскими моделями языкового освоения действительности.

Таким образом, свидетельством культурной апроприации заимствованных элементов по русским моделям языковой концептуализации мира на разных уровнях языка и его дискурсной реализации выступают следующие признаки:

1) *на уровне коммуникативно-дискурсивном* — актуализация установки на эмпатию как черты русской языковой картины мира в конкретных речевых ситуациях употребления;

2) *на уровне лексико-семантическом* — смысловые и эмоционально-оценочные приращения, в сравнении с языком-источником; «скрытая предцирированность» модусно-диктумного характера (смысловая двуплановость, совмещающая обозначение предмета и точки зрения на него);

3) *на уровне словообразовательном* — вовлеченность в типично русские модели словообразования, в том числе экспрессивного;

4) *на уровне грамматическом* — грамматическая оформленность по законам русской морфологии (утрата несклоняемости, категоризация по роду и пр.).

Итак, русский язык и стоящий за ним русский «взгляд на мир» пока еще вовсе не собирается сдавать позиции под напором иноментальных и инокультурных влияний. Более того, наши наблюдения показали, что наиболее фундаментальные способы познания и оценивания мира и наиболее типичные речеповеденческие модели поведения даже расширяют свою активную «представленность» в языковом сознании этноса последних лет за счет включения в зону своей «семантической активности» лексики заимствованного происхождения, которая осваивается и даже присваивается носителями языка как часть их естественной речевой практики.

Литература

- БЕНВЕНИСТ 1974 = БЕНВЕНИСТ Э. *Общая лингвистика*. Москва: «Прогресс», 1974.
ВЕЖБИЦКАЯ 1996 = ВЕЖБИЦКАЯ А. *Язык. Культура. Познание*. Москва: «Русские словари», 1996.
ВЕЖБИЦКАЯ 2011 = ВЕЖБИЦКАЯ А. *Семантические универсалии и базисные концепты*. Москва: «Языки славянских культур», 2011.

- ГАК 1966 = ГАК В. Г. *Беседы о французском слове (Из сравнительной лексикологии французского и русского языков)*. Москва: «Международные отношения», 1966.
- ЗАЛИЗНЯК–ЛЕВОНТИНА–ШМЕЛЗЕВ 2005 = ЗАЛИЗНЯК А. А., ЛЕВОНТИНА И. Б., ШМЕЛЕВ А. Д. *Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сборник статей*. Москва: «Языки славянской культуры», 2005.
- КРОНГАУЗ 2008 = КРОНГАУЗ М. А. *Русский язык на грани нервного срыва*. Москва: «Знак; Языки славянских культур», 2008.
- РАДБИЛЬ 2016 = РАДБИЛЬ Т. Б. Концептуальное «двоемирие» как основа русского языкового менталитета. В кн.: *Филологическое образование в современных исследованиях: лингвистический и методический аспекты: Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XVII Кирилло-Мефодиевские чтения», 24 мая 2016 г.* Москва; Ярославль: «Ремдер», 2016. 153–158.

М. ХЕНЦЕЛЬМАНН

Гибридность как лексический вариант в русском языке

Hybridity as Lexical Variety in Russian

Abstract: In this paper, I will discuss possibilities of classifying Turkic hybrid structures in Russian vocabulary. First, I will submit a short overview of how Turkic loans are classified. Second, morphological mechanisms of integration of foreign elements into the Russian language will be presented. Finally, some specific aspects of the interaction between hybrid forms and their stylistic functionality will be demonstrated.

Keywords: Hybridity, Lexical Structure in Russian, Lexical Variety

1. Введение

Традиционно в исследовании русского языка особое внимание уделяется проблеме лингвистической гибридности. Это особенно касается тех словарных статей, которые являются прямым следствием языкового контакта (см. HINNENKAMP 2010, KUBE 2012, STACHOWSKI 2014, BÖHNISCH 2018 и многие др.). В связи с этим возникает вопрос, какую роль играют гибридные формы на лексическом уровне. Предполагается, что гибридные формы относятся к низкому или к нейтральному стилю языка, но такая трактовка представляет собой слишком обобщенный взгляд на наблюдаемые феномены, которые могут рассматриваться более детально во многих аспектах. Исходя из того, что с точки зрения стилистики заимствованные единицы могут применяться иерархически, то, следовательно, наблюдаются разные тенденции при их использовании. На данный момент мы не находим абсолютно конкретных категоризаций относительно стилистической интеграции гибридных форм. Поэтому целью данной статьи является попытка классификации лингвистической гибридности с точки зрения лексических и стилистических особенностей.

2. Гибридность и лексика русского языка

Подход к обозначенной проблематике требует в первую очередь принятия во внимание различных параметров, устанавливающих связь между гибридностью и стилистикой. Их взаимосвязь состоит в том, что гибридные формы часто являются стилистически маркированными. В этом смысле следует рассматривать соотношения между устной и письменной, рутинной и ситуативной речью, а также учитывать участников коммуникации, тексто-

вые и дискурсивные формы, лексику, синтаксис и стиль речи в целом. Последнее определяет Р. Конрад следующим образом:

«Стиль: способ письменного или устного употребления языка, характеризующийся посредством выбора всех языковых средств. Их выбор обусловлен целью (см. функциональный стиль, жанр), а комбинирование подчиняется правилам данного языка, самой стилистике и историческим изменениям общества» (CONRAD 1985: 231 – пер. М. Х.).

Болгарская исследовательница лексикологии В. Кристева различает два основополагающих сушностных признака в рамках стилистики:

«Мы определяем стилистическое разграничение словаря по двум показателям:

1. Функционирование слова в данном разнообразии речи (поле использования).
2. Эмоционально-выразительные и другие стилистические признаки» (КРЪСТЕВА 2003: 12).

Далее приводится целый ряд дополнительных элементов, способных оказывать влияние на гибридные языковые структуры. К ним относятся, в частности, устная речь, диалекты, устаревшая лексика, профессиональный вокабуляр, неологизмы и заимствованная лексика (КРЪСТЕВА 2003: 12–13). Здесь следует дополнить, что в особенности для русского языка важную роль играет то, в каких условиях, городских или сельских, осуществляются языковые контакты. Так, для тюркскоязычных районов, которые будут находиться в фокусе данной статьи, характерны такие специфические условия, как языковая компетентность, влияние ислама (и соответствующей специфической лексики) на повседневную жизнь, близость или удаленность определенных населенных пунктов, что в свою очередь может влиять на языковой трансфер (TROVESI 2012: 86–87). Если же происходят внутренние языковые интеракции и в результате возникают гибридные структуры, то наблюдаются определенные феномены, подробно описанные В. Хинненкампом:

«Языковая гибридность и поликультурная самоидентификация представляют собой постмодернистские панданы по отношению к интерэтническому размежеванию и классическому эссенциалистическому понятию культуры [...]. Тот, кто смешивает, соединяет, скрещивает и т. д., противоречит и даже противится – как всегда фиктивному – закону чистоты. Однако за отказом от чистоты скрываются ни в коем случае не слабости, беспомощность или несовершенство, а – и в этом мой тезис – имплицитные и эксплицитные самоидентификации» (HINNENKAMP 2010: 231 – пер. М. Х.).

На основании этого возникает особенно интересный вопрос, как можно классифицировать отдельные гибридные явления, и возможно ли это сделать в полной мере? Вероятно, следует предпринять попытку, не претендующую на исчерпывающую классификацию, но аккуратно приближающую к теме, которой до сих пор очень редко уделялось внимание. При этом речь будет идти не о чистых лексических или морфосинтаксических языковых трансферах, а об их функциях как гибридных единств в рамках славянской системы языка.

3. Гибридность и лексика русского языка

То, что гибридность и языковой контакт находятся в тесной взаимосвязи, подробно показано в монографии (ЗОЛТАН 2014), в которой, в частности, анализируются внутреннеславянские структуры и их взаимная восприимчивость. Кроме того, существует множество работ, посвященных контакту русского языка с тюркскими языками (VASMER 1953; ЮНАЛЕЕВА 2000; КОЖЕВНИКОВА 2009; ЗОЛТАН 2014; STACHOWSKI 2014; BÖNNISCH 2018 и мн. др.). У С. Стаховского мы находим хронологическую классификацию, показывающую различия в пределах общеславянского ареала. Автор говорит о трех фазах, в которых весьма по-разному протекали языковые контакты (см. STACHOWSKI 2014: 1199–1200). Первая фаза длилась до VII века и принесла некоторые заимствования, как, например, **toporъ* (< тр. < иран. *tapar-*); **tлмаѣ* (< тр. *tylmač*). Сегодня они являются неотъемлемой частью общеславянского ареала и поэтому характерны не только для русского языка. В заимствованиях второй фазы, длившейся с VII в. по XIV в., наблюдаются различные активные процессы. Сначала болгарские турки селятся на средней Волге, затем перемещаются западнее и основывают, наконец, балканскую Болгарию, в которой быстро ассимилируются. В X в. южнорусские степи населяются печенегами, что также приводит к интенсивному языковому контакту в этом регионе. Так, благодаря различным миграционным процессам русский язык неизбежно вступал в контакт с тюркскими языками. Третья фаза в восточно- и западнославянских землях длилась с XIV в. по XVII в., а в южнославянских землях – вплоть до XX в. С. Стаховский говорит также о различных наславиваниях, которые доминируют в языковых контактах в определенные исторические моменты и показывают, от каких именно тюркских языков происходят конкретные заимствования (STACHOWSKI 2014: 1200–1202). Наиболее важное умозаключение относительно заимствованных структур состоит в том, что тюркизмы как единого гомогенного класса заимствований не существует, а для их интегрирования в славянские языковые системы применяются различные адаптации. В этом вопросе морфосинтаксическая система, составленная автором, может выступать ведущей для последующих исследований (STACHOWSKI 2014: 1204–1207). В отношении морфологических и других структурных элементов Е. А. Кожевникова утверждает:

«Необходимость исследования в совокупности этнокультурной лексики русского и тюркских народов диктуется самим материалом: данные по отдельным языкам дополняют друг друга и позволяют определить генезис и пути развития целого ряда понятий и выражений. Русский и тюркские языки и народы за последнее тысячелетие [...] развивались в одинаковых или весьма схожих социально-политических и хозяйственно-экономических условиях, входили в состав одних и тех же государственных образований: Болгарию (Поволжскую Болгарию), Золотую Орду, Казанское ханство и Российскую Империю. Это обстоятельство предопределило интенсивное взаимовлияние» (КОЖЕВНИКОВА 2009).

То, что тюркизмы имеют решающее значение для современного русского языка, особенно интересно проявляется при рассмотрении гибридных языковых форм, состоящих из славянских и тюркских компонентов. В них могут наблюдаться различные мутации и комбинации, в основе которых лежат следующие модели:

1. Заимствованные слова и их морфологическая интеграция. В данную наиболее важную группу объединены множественные заимствованные понятия, которые своим формобразованием наиболее вписываются в русские парадигмы. Эта группа в свою очередь делится на две подгруппы (ЮНАЛЕЕВА 2000: 7), первая из которых: лексемы обозначения широко употребительных реалий. Данные лексемы обозначают предметы, для которых в русском языке не существует понятий (или существуют синонимичные, но все же заимствованные являются преимущественно или единственно употребляемыми номинациями), например, *башимак*, *кабан*, *халат*, *лошадь*, *товар*, *деньги*, *чемодан*, *стакан*, *балалайка*, *кирпич*, *утюг*, *чугун*, *каблук*, *шашилык* и другие. При этом сохраняется парадигматика русского языка, например, *башимак-и* (а не **башимак-лар*). Вторая подгруппа: редкие понятия, диалектизмы или разговорная лексика. Они менее распространены и, в отличие от первой подгруппы, несомненно являются стилистически маркированными. Например, *кизьяк* „навоз в форме кирпича“, *саман* „измельченная солома“, *бахилы* „вид обуви“, *башка* и др.

2. Заимствованные слова, перенятые из тюркских языков и их вторичные гибридные формы. В данную группу входит лексика, которая в первую очередь была заимствована тюркскими языками из многих других языков. В данном контексте следует указать такие донорские языки, как персидский и арабский, лексика которых проникла в русский через тюркские языки и позже была адаптирована к морфосинтаксической системе, что отчетливо видно в следующих примерах:

- (1) Персидский: *диван* > *диваны*, *нефть* > *нефтяной*, *шахматы* > *шахматный*, *базар* > *базарный* и мн. др.
- (2) Арабский: *халат* > *халаты*, *халва* > *халвы* (род. падеж), *кофе* > *кофейный* и мн. др.

Несмотря на то, что в некоторых формах уже проявляются процессы мутации и адаптации (как, например, в *pluralia tantum шахматы* с уже интегрированным русским окончанием множественного числа), тем не менее, наблюдается приспособление заимствованной лексики к русскому языку посредством суффиксов (детально об этом и с большим количеством примеров см. STACHOWSKI 2014).

3. Тюркский корень со славянским суффиксом. Особенность данной группы заключается в том, что в ней активируются многочисленные категории суффиксации с целью морфологического расширения продуктивности тюркских заимствованных слов. При этом корень часто является, в одних случаях, единственной или широкораспространенной номинацией предмета,

а в других случаях, редко используемой номинацией. Суффиксация в данных случаях является следствием необходимости наименования новых конкретных или абстрактных явлений. Так, русские или общеславянские суффиксы маркируют и классифицируют понятия как существительные (*фисташк-а, хозяйств-о*), глаголы (*утюж-и-ть*), прилагательные (*кирпичн-ый, балканск-ий*) и др. В данных случаях особенно отчетливо проявляется гибридность (детально об этом и с большим количеством примеров см. STACHOWSKI 2014).

4. Славянский корень с тюркским суффиксом. Особенно интересно было бы обнаружить такие гибридные примеры, в которых славянский корень получает тюркский суффикс, например, *-лык*. Не исключено, что в русском языке существуют подобные гибриды, однако наиболее часто тюркские суффиксы встречаются в формах первого и второго типа и передают полную заимствованную форму, как, например, в слове *шашлык* и др. В подобных примерах свойства и функции исходных суффиксов полностью теряются. В любом случае было бы интересно исследовать, какую словообразовательную продуктивность могут сохранять заимствованные суффиксы в разговорной речи. В этом отношении в Национальном корпусе русского языка можно найти информацию о том, что суффикс *-лык* не встречается (см. НКРЯ и СРНГ)¹.

5. Тюркский корень с заимствованным суффиксом. В данной группе встречаются некоторые единичные гибридные примеры, в том числе междunarодного употребления. Суффиксы являются преимущественно греческого или латинского происхождения и характеризуют различные мировые процессы, тенденции и существенные изменения, например, *балканизация, исламизация* и т. д.

6. Заимствованный корень с тюркским суффиксом. Примеры подобных гибридных образований встречаются очень редко. Частными случаями являются понятия, выступающие как лексические варианты и маркирующиеся стилистически, например, *чайхана* как употребляемый в разговорной речи вариант азиатской чайной.

4. Заключение

В результате можно утверждать, что тюркизмы и их множественные гибридные формы играют ключевую роль во всех лексических областях современного русского языка и встречаются на всех стилистических уровнях. Следующая схема иллюстрирует существующие возможности классификации:

¹ Я сердечно благодарю доктора филологических наук Александра Грищенко за информацию, что в инферсионном индексе к *Словарю русских народных говоров* такого суффикса нет.

Данная схема показывает, что заимствованные единицы являются или полноценными лексемами, или элементами гибридных форм. Для полноценных лексем характерно либо существование славянских синонимов (*лошадь* – *конь*) либо их отсутствие, что делает заимствованную лексему единственной или единственно употребимой номинацией. Так, например, лексема *вепрь* в современном русском языке считается устаревшей и, следовательно, стилистически маркированной, что значительно ограничивает ее функциональность (в отличие от западнославянских языков, где данный корень активно употребляется: ср. пол. *mięso wieprzowe*, чеш. *vepřové maso* „свинина“). В гибридных формах часто проявляются различия с точки зрения стиля. В них также обнаруживаются формы со славянскими синонимами и без них, которые также употребляются с различной функциональностью (*люлька* – *трубка*). Тем не менее, очевидно, что они относятся к литературному стилю в тех случаях, когда не имеют славянских синонимов или последние употребляются очень редко.

Данная классификация, само собой разумеется, не претендует на завершенность, однако показывает возможность классифицирования гибридных языковых форм и документирования их продуктивности. Поэтому в дальнейшем стоит углубиться в детальное изучение следующих вопросов: существуют ли тенденции уклонения от гибридных слов с тюркскими элементами? Приняты ли в русском языке чистые тюркизмы больше, чем гибридные формы? Как влияют устные формы на лексический фонд (диалекты и т. д.)? Но даже небольшое поверхностное исследование явно показывает, что в русском языке гибридность очень тесно связана с вопросом вариантности лексических единиц.

Словари

- АЛЕКСАНДРОВА 1995 = АЛЕКСАНДРОВА З. Е. *Словарь синонимов русского языка: Практический справочник: около 11000 синоним. рядов.* Издание 8-е. Москва: «Русский язык», 1995.
- КРЪСТЕВА 2003 = КРЪСТЕВА В. *Тълковен речник на турцизмите в българския език.* София: «Скорпио», 2003.
- СРНГ = *Словарь русских народных говоров.* Выпуск 1–49. Санкт-Петербург: «Наука», 1965–2016.
- Vasmer 1953 = Vasmer M. *Etymologisches Wörterbuch der russischen Sprache.* Heidelberg: «Carl Winter – Universitätsverlag», 1953.

Литература

- ЗОЛТАН 2014 = ЗОЛТАН А. *Interslavica. Исследования по межславянским языковым и культурным контактам.* Москва: «Индрик» (Slavia Christiana), 2014.
- КОЖЕВНИКОВА 2009 = КОЖЕВНИКОВА Е. А. Тюркизмы в современном русском языке. *Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ «Грани познания»* 2009/1(2).
- НКРЯ = *Национальный корпус русского языка.* <http://ruscorpora.ru/>.
- ЮНАЛЕЕВА 2000 = ЮНАЛЕЕВА Р. А. *Тюркизмы русского языка (проблемы полиаспектного исследования).* Казань: «Таглитат», 2000.
- BÖHNISCH 2018 = BÖHNISCH A. Ein kurzer Abriss zum russisch-uralischen Sprach- und Kulturkontakt. In: HENZELMANN M. (red.) *Linguistik als diskursive Schnittstelle zwischen Recht, Politik und Konflikt.* Studienreihe Schriften zur Slavistik 42. Hamburg: Dr. Kovač, 2018. 155–165.
- CONRAD 1985 = CONRAD R. (ред.). *Lexikon sprachwissenschaftlicher Termini.* Leipzig: Bibliographisches Institut, 1985.
- HINNENKAMP 2010 = HINNENKAMP V. 2010. Sprachliche Hybridität, polykulturelle Selbstverständnisse und „Parallelgesellschaft“. In: HENTGES G., HINNENKAMP V., ZWENGEL A. (red.) *Migrations- und Integrationsforschung in der Diskussion. Biografie, Sprache und Bildung als zentrale Bezugspunkte.* 2. Aufl. Wiesbaden: «VS Verlag für Sozialwissenschaften», 2010. 231–254.
- KUBE 2012 = KUBE H. 2012. *Kulturwissenschaftliche Linguistik. Eine Einführung.* Göttingen: UTB, 2012.
- STACHOWSKI 2014 = STACHOWSKI S. 2014. Türkischer Einfluss auf den slavischen Wortschatz. In: KEMPGEN S. eds. (red.) *Die slavischen Sprachen. The Slavic Languages. Ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Geschichte und ihrer Erforschung. An International Handbook of their Structure, their History and their Investigation.* Berlin: De Gruyter Mouton, 2014. 1198–1210.
- TROVESI 2012 = TROVESI A. 2012. Per una storia comparata dei turchismi in bulgaro e bosniaco/bosgnaco. *Studi Slavistici* 2012/9: 85–110.

**Лексикографические вопросы изучения
русской лексики**

Н. П. АНДРЮШИНА

**Лексикографические аспекты формирования
лексических минимумов
по русскому языку как иностранному**

**Lexicographical aspects of lexical minima
in Russian as a foreign language le in English**

Abstract: Gradual series of lexical minima (LM) for Russian as a foreign language is a new direction of educational lexicography: the scope and content of the dictionaries for the first time focused on specific level of proficiency in the Russian language, the principle of continuity in the presentation of the material. During the development of the minima not only lexical units were selected, but also the main lexicographic constants were defined, functionally significant applications system was proposed.

Keywords: lexical minimum of Russian as a foreign language, educational lexicography, phraseological minimum, application in the system LM.

Как известно, учебная лексикография является полноправным компонентом современной лексикографии. Данное направление сложилось в середине XX века и стало особенно актуальным в эпоху глобализации. По определению В. В. Морковкина, учебным словарем сегодня называется «лексикографическое произведение любого типа и объема, предназначенное для оказания помощи в изучении языка...» (МОРКОВКИН 1990: 9). В России были разработаны учебные словари различных типов. Например, словари, ориентированные на изучение русского языка как неродного в национальных школах, на изучение русского языка как иностранного (РКИ) на подготовительных факультетах российских вузов и др.

В конце XX века в России была разработана государственная система тестирования по русскому языку как иностранному. Создание системы и ее введение в международное образовательное пространство обусловило появление новой большой группы пользователей учебными словарями – это иностранные граждане, изучающие русский язык с целью сертификации достигнутого уровня владения. В связи с этим возникла необходимость представить лексику в словарях, учитывающих новые потребности пользователей, т. е. в словарях, соответствующих конкретному уровню владения языком.

На значимость «фактора адресата», т. е. необходимость учета запросов пользователя обращают внимание многие лексикографы, указывая на развитие прагматического аспекта лексикографии. Данному требованию вполне

отвечает Градуальная серия лексических минимумов по русскому языку как иностранному, которая стала признанным элементом российской учебной лексикографии.

В процессе формирования словарей подобного типа составители должны были решить ряд теоретических и практических вопросов, касающихся описания лексики в учебных целях. Прежде всего определить базу, на которой можно было бы осуществлять строительство градуальной серии. При ее разработке в основу концепции легли следующие положения: а) полное соответствие содержания и объема словаря выделенным в системе тестирования уровням владения русским языком¹; б) последовательное (обоснованное) увеличение объема и сложности материала; в) системность; г) функциональность.

В настоящее время опубликованы лексические минимумы (ЛМ), описывающие лексику Элементарного, Базового, Первого и Второго уровней. В начале 2018-го года в издательстве «Златоуст» выйдет ЛМ Третьего уровня. Каждый из минимумов информирует о содержании лексики и границах соответствующего уровня, обеспечивая, во-первых, адекватную подготовку иностранцев к сертификационному тестированию, во-вторых, конструирование качественных (с точки зрения лексического наполнения) тестовых материалов, в-третьих, предоставляя необходимые ориентиры авторам поуровневых учебников и учебных пособий. Все ЛМ могут использоваться также и в учебном процессе как в образовательных учреждениях России, так и за ее пределами.

В серии ЛМ реализована определенная логика в представлении всех лексических подсистем и лексикографических аспектов: объем лексики последовательно увеличивается по сравнению с предыдущим примерно в 2 раза (с небольшими отклонениями, которые носят закономерный характер), при этом все слова предыдущего словника входят в состав словаря последующего, обеспечивая преемственность в подаче материала. Способ предъявления лексических единиц не остается неизменным: на первых трех уровнях все слова даны с переводом на 5 языков (английский, немецкий, французский, испанский, китайский), слова Второго уровня переведены только на английский язык, в ЛМ Третьего уровня перевод отсутствует, поскольку пониманию представленной в словнике лексики будут способствовать а) иллюстрации к отдельным лексическим значениям, б) знание словообразовательных моделей, в) лексическая догадка, сформированная за годы изучения языка.

Усложняется и структура ЛМ. На Элементарном, Базовом и Первом уровнях она одинакова: ЛМ состоят из 3 частей. Первая часть – алфавитный словник. Вторая часть – тематические группы. Тематическая классификация соответствует общепринятой традиции идеографического описания лексики. Лексические единицы сгруппированы в тематические классы, которые пред-

¹ Система представляет собой шестиуровневую иерархию: Элементарный (А1), Базовый (А2), Первый (В1), Второй (В2), Третий (С1), Четвертый (С2) уровни владения.

ставляют собой понятия, отражающие объективную картину мира (“Человек”, “Природа” и др.).

В каждой теме второй части ЛМ выделяются подтемы, в рамках которых слова разграничены по частям речи. Таким образом, иностранный пользователь получает несколько входов в тезаурус: по алфавиту, по тематической принадлежности слова, по принадлежности к лексико-грамматическому ряду. Это значительно облегчает ему работу со словарем.

Третья часть данных ЛМ содержит несколько приложений. Первое приложение – наиболее употребительные русские мужские и женские имена. Включение данного приложения в состав лексических минимумов продиктовано стремлением помочь иностранным пользователям овладеть правилами речевого употребления личных имен и хотя бы в малой степени компенсировать, по выражению П. Н. Денисова, «дискриминацию собственных имен», царящую в словарях (ДЕНИСОВ 1988: 49). В этой связи стоит упомянуть и о тематической группе во II части лексических минимумов, в которую вошли названия континентов и некоторых стран. Вероятно, в дальнейшем было бы целесообразно более широко представить в ЛМ имена собственные, поместив хотя бы в ограниченном объеме российскую топонимику, поскольку она культурологически значима. Во втором и третьем приложениях содержатся синонимические и антонимические пары. В четвертом приложении инофоны могут познакомиться с лингвистическими терминами, которые переведены на пять языков.

Несколько иначе выглядит структура ЛМ Второго (АНДРЮШИНА 2014) и Третьего уровней. Отсутствуют тематические группы. Их планируется издать отдельно. Таким образом, ЛМ высоких уровней состоят лишь из 2 частей – алфавитного словника и приложений. В связи с усложнением лексического наполнения состав последних существенно изменен.

В первое приложение вместо русских имен введены наименования лиц по национальности и месту проживания. Во втором и третьем приложениях данных уровней, как и приложения предыдущих ЛМ, представлены синонимические и антонимические пары. Естественно, их объем значительно расширен, синонимические и антонимические ряды пополнены (в ограниченном объеме) стилистически маркированными единицами.

В состав приложений Второго уровня впервые внесен перечень фразеологизмов и устойчивых словосочетаний. Первоначально его объем составил 145 единиц, однако апробация, проводимая до и после выхода книги, показала, что столь ограниченный объем не может в нужной мере обеспечить выполнение требований, предъявляемых к лексической компетенции инофона на данном уровне общего владения РКИ. При переиздании скорректированный объем данного приложения составит 300 единиц. Аналогичное приложение ЛМ Третьего уровня имеет объем около 700 единиц.

Вводя в ЛМ фразеологизмы, составители стремились к тому, чтобы иностранец смог лучше понимать русскую языковую личность, культурную коннотацию лексических единиц.

В пятом приложении ЛМ Второго уровня содержится список лингвистических терминов, который в отличие от аналогичного приложения предыдущих уровней не имеет перевода на другие языки.

Еще более усложнена структура приложений в ЛМ Третьего уровня. В него введен новый раздел – «Аббревиатуры, общепринятые сокращения», в который наряду с такими известными аббревиатурами, как *РФ, МГУ, ООН, ЕГЭ*, вошли общепринятые графические сокращения типа *г* – год, *кг* – килограмм, *и т.д.* – и так далее, а также внутрисловные сокращения (*нац., зав., спец., напр.*) и фрагментарно сокращенные слова (*минфин*). Решение включить данный раздел в ЛМ продиктовано тем, что в последние десятилетия аббревиация стала активным словообразовательным способом, часто аббревиатуры употребляются в качестве самостоятельных единиц, вызывая у инофонов трудности при общении с носителями языка. Преподавателям, работающим с иностранцами, хорошо известны проблемы, возникающие у инофонов как в понимании лексического значения аббревиатур, так и при их чтении и произнесении, поскольку а) правила произношения аббревиатур часто устанавливаются с отступлением от общих произносительных норм (Гяч–Павлов 1976: 152), б) русские аббревиатуры часто обладают характерными грамматическими свойствами.

При работе над ЛМ оставители не могли оставить без внимания процессы, происходящие в сфере стилистики современного русского языка. Многие лексикологи пишут о «жаргонизация» русского языка, употребление сниженной лексики становится нормой². В ЛМ Третьего уровня данное явление отражено в виде приложения «Разговорно-сниженная лексика». Лексические единицы, вошедшие в приложение (*блин, подонок, спятить, быдло, глючить, косячить* и т. д.), рекомендованы в основном для рецептивной речевой деятельности инофона. Подобная лексика часто встречается и в средствах массовой информации (особенно в Интернете), и в художественных фильмах, и в речи носителей русского языка. Приложение поможет иностранцам правильно интерпретировать реплики и мотивацию поступков действующих лиц при просмотре фильмов и телепередач, а также понимать собеседников при коммуникации с носителями языка в различных ситуациях общения.

Таким образом, система приложений в ЛМ Третьего уровня пополнилась двумя новыми частями, что обеспечивает нужную степень усложнения лексической компетенции на данном уровне. Разработка системы приложений представляется весьма значительной новацией в серии учебных словарей.

Лексические минимумы по РКИ вкпе составляют систему взаимосвязанных словарей, построенных по принципу градуальности и ориентированных на определенные уровни владения РКИ. Система характеризуется, с одной стороны, общими принципами подачи и минимизации информации, с другой, – постепенным усложнением составляющих ее элементов.

² См. работы Г. Н. Складневской, И. Т. Вепревой и др.

Например, последовательно расширялась лексическая база представленных в словарях тем, словообразовательных моделей, стилистически окрашенных слов.

Рассматривая лексические минимумы с точки зрения функциональной нагрузки, отметим, что микроструктура словарей характеризуется следующими элементами:

1) ударение на заголовочных словах (основной показатель фонетического облика слова);

2) словоизменительные особенности лексических единиц (например, беглые гласные, чередования согласных, нестандартные модели формообразования и т. д.);

3) видовые пары глаголов, если таковые имеются;

4) сильное управление глаголов (с помощью вопросов и с помощью указания на предлог);

5) выделение полужирным шрифтом лексики, рекомендованной для продуктивных видов речевой деятельности, то есть различаются слова, которые рекомендованы для активного усвоения, и слова для пассивного усвоения.

Заголовочные слова даны без толкования. Лексическое значение конкретизируется при помощи иллюстраций. Естественно, иллюстративный материал играет важную роль, демонстрируя не только значение слова, но и его лексическую сочетаемость. В качестве иллюстраций используются синтагмы и предложения.

В целом создание градуальной серии ЛМ говорит о формировании нового направления учебной лексикографии. В процессе работы над лексическими минимумами авторы решали и практические, и теоретические задачи. Так, по-новому высветились проблемы подхода к составлению фразеологических минимумов для иностранцев, ориентированных на определенный уровень владения русским языком; вопросы отражения в словарях динамики освоения аббревиатур и стилистически маркированной лексики.

Разработка этих (и ряда других) аспектов поуровневых ЛМ, несомненно, будет способствовать дальнейшему развитию учебной лексикографии.

Сокращения

ЛМ – лексический минимум

РКИ – русский язык как иностранный

Литература

Андрюшина 2014 = Андрюшина Н. П. (ред.) и др. *Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Второй сертификационный уровень. Общее владение*. Издание 2-е. Москва–Санкт-Петербург: «Златоуст», 2014.

- Гяч–Павлов 1976 = Гяч Н. В., Павлов В. М. Некоторые вопросы лексикографического отображения аббревиатур. В кн.: БАБКИН А. М., СЕРГЕЕВ В. Н. (ред.) *Современная русская лексикография 1975*. Ленинград: «Наука», 1976. 145–158.
- ДЕНИСОВ 1988 = ДЕНИСОВ П. Н. Единицы словаря. – В кн.: КАРАУЛОВ Ю. Н. (ред.) *Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре*. Москва: «Наука», 1988. 48–52.
- МОРКОВКИН 1990 = МОРКОВКИН В. В. *Основы теории учебной лексикографии*. Автореф. Дис. ... доктора филол. наук. Москва. 1990.

Е. Э. БАБАЕВА

**Антонимия: проблемы лексикографического описания
(на примере оппозиции *правый VS левый*)***

**Antonyms: problems of the lexicographic description
(on the example of the opposition *right vs. left*)**

Abstract: The present paper deals with the problem of lexicography of adjectives, which denote the spatial concepts "right" and "left" on the background of existing concepts of antonymy. In the European lexicography it is customary to consider the adjectives *right* and *left* as antonyms forming a microsystem. This microsystem has repeatedly been the subject of study in the etymological, historical, cultural and semiotic perspective. In this paper, his microsystem will be examined in a lexicographical perspective. First, are of interest to examine the approaches to the interpretation of the basic spatial significance of adjectives. Secondly, it is of interest to comprehend the interpretation by lexicographs of the expansion of the adjective's polysemy *right* and *left*.

Keywords: semantic, polysemy, antonymy, theory of lexicography, history of lexicography.

Оппозиция *правый VS. левый* многократно привлекала внимание исследователей¹. В настоящей статье мне хотелось бы обратиться к аспекту, который, насколько мне известно, еще ни разу не затрагивался лингвистами. Речь пойдет о лексикографировании прилагательных, обозначающих понятия 'правый' и 'левый'. Материалом для настоящей работы послужили некоторые национальные европейские лексикографические традиции, прежде всего, французская — как самая богатая, но также русская, английская и немецкая.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований (РФФИ), проект № 16-04-00302.

¹ В фокусе рассмотрения оказывались, во-первых, типология номинаций для пространственных координат 'правый' и 'левый' и, во-вторых, соотнесение данных понятий с оппозицией 'хороший' VS. 'плохой', имеющее конкретные «прочтения», воплощения в различных языках и культурах.. См. также: CUILLANDRE 1927; CUILLANDRE 1944; HOOPS 1950; ШАЙКЕВИЧ 1959; ФИНКЕЛЬ 1963; МИХАЙЛОВСКАЯ 1964; ТОЛСТОЙ 1997 (первое издание 1965); ГАРДНЕР 1967; RIGHT AND LEFT 1973; УСПЕНСКИЙ 1973; ТОЛСТАЯ–ТОЛСТОЙ 1974; ИВАНОВ–ТОПОРОВ 1978; ИВАНОВ 1982; ГАМКРЕЛИДЗЕ—ИВАНОВ 1984; WINTER 1985; ТОЛСТОЙ 1987; ПРОСКУРИН 1990; УСПЕНСКИЙ 1996; LEEUWEN–TURNOVCOVÁ 1990; МИХАЙЛОВА 1993; ЦЕЙТЛИН 1996; ТОЛСТАЯ 1998; ГЕНЕРАЛОВА 1998; ЯКУШКИНА 2002; УСПЕНСКИЙ 2004; УСПЕНСКИЙ 2006, НИФАНОВА 2012; КИСЕЛЕВА 2012.

Уже в ранней европейской лексикографии прилагательные *правый* и *левый* рассматривались как соотносимые единицы, образующие своего рода микросистему. Отражением представления о глубинной «спаянности» этих прилагательных можно считать представленную в словарях практику пояснять одно слово через другое. Так, в четвертом издании *Словаря Французской Академии* (1762 г.) *правый* толкуется как «противоположный» левому («opposé à gauche»), а *левый* — как «противоположный» правому («opposé à droit»); см. в: DAF 1762: I)². Такое же решение представлено в опубликованном примерно в эти же годы словаре английского языка Самюэля Джонсона (*left* как «not right», а *right* — как «not left» (JOHNSON 1768), а также в появившемся чуть позже первом издании *Словаря Академии Российской*, где *левый* толкуется как «противолежащий правой стороне», а *правый* — как «противолежащий левому» (САР 1792: III; САР 1793: IV); эта традиция продолжается во всех русских академических лексикографических памятниках XIX века; ср. в: (САР 1814: III; (1822: V; Словарь церковнославянского и русского языка 1847: II, III).³

Однако достаточно быстро толкования одного слова через другое, направленные исключительно на то, чтобы выявить тесную связь между *правым* и *левым*, в европейской лексикографической практике сменяются поисками более содержательных описаний. Эти описания связаны с антропоцентрическим осмыслением *правого* и *левого*, т. е. с восприятием данных пространственных координат на фоне анатомии человека.

В корпусе толкований, основанных на соотношении правого и левого с тем или иным органом человека, представлено несколько основных вариантов решений.

1. Толкуется прилагательное со значением ‘левый’, прилагательное, обозначающее ‘правый’, определяется через ‘левый’ при помощи компонента смысла ‘противоположный’. В качестве основного органа, служащего ориентиром для ‘левый’, выбирается селезенка. Такое решение представлено, например, в первом издании *Словаря Французской Академии* (DAF 1694), в котором *gauche* определено следующим образом: «говорится о той стороне человека, где расположена селезенка» («se dit dans l'homme du costé ou la rate est située»). Заметим, однако, что слово *rate* толкуется как название для внутреннего органа, расположенного в «левом подреберье» («placé à l'hypochondre gauche») (DAF 1694).

2. Как и в предыдущем случае, толкуется прилагательное со значением ‘левый’, а прилагательное, обозначающее ‘правый’, определяется через ‘левый’ при помощи компонента смысла ‘противоположный’. В качестве основного органа, служащего ориентиром для ‘левый’, выбирается сердце. Впервые такое толкование встречается в словаре Жана-Франсуа Феро: «у человека та сторона, где находится сердце» («c'est dans l'homme le côté où

² При цитировании словарей ссылка дается на соответствующую словарную статью, поэтому страница не указывается.

³ Следует отметить также, что в ранних русских толковых словарях пара *правый* / *левый* регулярно соотносится с маркированной как церковнославянской парой *десный* / *шуйй*.

est le coeur») (FÉRAUD 1787: II). По всей вероятности, именно восприятием сердца как средоточия жизни, как самого важного органа человека, объясняется тот факт, что данное решение постепенно становится основным; именно оно доминирует в современной лексикографии. Ср. определение *левого* в словарях XIX–XX веков: «il se dit dans l'homme du côté où se font sentir les battements du coeur» (DAF 1835); «relating to, situated on, or being the side of the body in which the heart is mostly located» (*Webster Online Dictionary*); «von gliedmaszen oder körpertheilen, auf der herzseite liegen» (DWB); «situé du côté du coeur» (TLFi); «расположенный с той стороны тела, где находится сердце» (СУш II); количество подобных примеров легко увеличить.

3. Толкуются оба прилагательных, причем в качестве органов, служащих ориентирами, выбираются печень и сердце. Так устроено толкование слов в *Кратком толковом словаре русского языка* Петра Евстафьевича Стояна: «правый, находящийся со стороны печени»; «левый, со стороны сердца находящийся» (СТОЯН 1913), который, по всей видимости, ориентировался на пятое издание Словаря Французской Академии, вышедшее в 1798 году: «Droit [...] c'est dans l'homme le côté du foi»; «gauche [...] c'est dans l'homme le côté où est le coeur» (DAF 1798: I).

4. При сохранении в целом антропоцентрического принципа пространственные координаты 'правый' и 'левый' могут описываться в связи со сторонами света. В данном случае основным ориентиром оказывается положение человека в пространстве, а точнее, та сторона, куда направлен его взгляд. Так, в словаре английского языка семейства Collins (2004) понятие 'левый' связывается с западной стороной при том, что человек (или другой ориентир) обращен лицом к северу ('denoting the side of something or someone that faces west when the front is turned towards the north'), а понятие 'правый' с восточной стороной ('of or on the side of something or someone that faces east when the front is turned towards the north').

5. В некоторых словарях совмещены разные принципы описания; ср. например, толкование *gauche* в словаре Пьера Лярусса, где используются два ориентира: сердце и восточная сторона при том, что человек обращен лицом к югу («qui est situé du côté du coeur par rapport à l'homme, ou du côté où le Soleil se lève quand on regarde le midi») (LAROUSSE VIII). А, например, Эмиль Литтре в своем словаре использовал при описании прилагательного *gauche* сердце и восточную сторону («qui est du côté où le coeur bat, ou bien qui est du côté de l'ouest quand on regarde le nord») (LITTRÉ II).

Как видно из предложенного беглого обзора толкований, представленных в европейских словарях, лексикографы пытаются соотнести координаты *правый* и *левый* с важнейшими органами человека: сердцем, печенью и селезенкой. Вместе с тем, ни одно из этих толкований не дает возможности логического перехода к другим, оценочным значениям этих прилагательных.⁴

4 Как хорошо известно, селезенка осмыслялась как орган, ответственный за меланхолию и мрачные мысли. Об этом, в частности, говорит этимология слова *сплин* (ср. лат. *splen*, др.-греч. *Σπλην* 'селезёнка') такое объяснение потребовало бы слишком сложного культурно-исторического комментария.

Считается, что начало изучению связи между пространственными и оценочными значениями прилагательных положил Я. Гримм в своем труде 1848 г. *Geschichte der deutschen Sprache*. Однако есть более ранний текст, *Критический обзор словарей французского языка* Шарля Нодье, который появился на 20 лет раньше. Шарль Нодье писал: «По-моему, никто еще не задался вопросом: что вынудило человека отдать предпочтение правой руке? Очевидно, однако, что все языки единодушно передают представление о ловкости, а также противоположное представление о несовершенстве словами, переносными от этих первых слов. Более того, идея несчастья часто примешивается к идее неловкости, как у латинского слова *sinister*, и это в целом неплохое решение»⁵ (Nodier 1828: 138).

Действительно, прилагательные *правый* и *левый* имеют симметричные фрагменты многозначности, связанной с положительной и отрицательной оценкой. Хорошо известно, что ассоциации 'правого' с положительным, а 'левого' с отрицательным началом считается семантической универсалией. Н. И. Толстой указывал на то, что в некоторых славянских диалектах смысл 'правый' может передаваться лексемой, восходящей к **dobrъ*, а смысл 'левый' – лексемой, восходящей к **худъ* (Толстой 1997: 145). Считается, что ассоциация 'правого' с хорошим, а 'левого' с плохим, неблагоприятным, сводится к различению *правой* и *левой* руки человека, которые не равны физиологически (ГАМКРЕЛИДЗЕ–ИВАНОВ 1984: 785). Функциональная выделенность правой руки очевидна, предполагается, что она уходит корнями в далекую древность: известно, что первые инструменты, изобретенные человеком, были рассчитаны на действие, совершаемое правой рукой (МИХАЙЛОВА 1993: 52). В литературе многократно цитировалась теория, выдвинутая еще в конце 50-х годов А. Я. Шайкевичем. Согласно этой теории, в основе возникновения понятия 'правый' лежит появление и регулярное использование некоторого эпитета к слову *рука*. При постоянном использовании этого эпитета происходит постепенное ослабление первоначального значения прилагательного, выступающего в этой роли, после чего элемент, обозначающий собственно руку, может отпадать, в результате чего и возникает особая номинация для правой руки (ШАЙКЕВИЧ 1959: 656–656).

Праиндоевропейская основа для 'правого' (**t(h)ek(h)s-*), отраженная, в частности, в старослав. *десница*, восходит к глаголу, который, как считают некоторые исследователи, имел смысл 'изготавливать, обрабатывать' (ср. хеттское *takš-* 'делать, соединять', греч. *τέχνη* 'ремесло'); см. в: (МИХАЙЛОВА 1993: 57). Ср. другую точку зрения, согласно которой древняя основа **t'ek'h-s-* передавала смысл 'поднимать руку' > 'читать' (ГАМКРЕЛИДЗЕ–ИВАНОВ 1984: 783–786; РОКОРНЫ I: 236). Название для руки как части тела человека вообще часто оказывается этимологически связано с каким-л.

⁵ «Je n'ai vu traîner nulle part cette intéressante question: "Quels motifs ont déterminé l'homme à l'emploi privilégié de la main droite?"», mais il est certain que toutes les langues s'accordent à désigner l'ardesse, ou l'imperfection qui y est contraire, par des mots figurés de cette première acception. On est allé plus loin: l'idée de malheur s'est mêlée souvent à celle de gaucherie, comme dans le *sinister* des Latins, et cela n'est pas si mal trouvé».

действием; ср. общегерманское **handus*, семантика которого связывается с глаголом ‘хватать’ или балто–славянское название руки **rānka*, восходящее к глаголу *renk*– ‘собирать’. В типологической перспективе, блестяще представленной в работе А. Я. Шайкевича, важно также, что во многих языках в названии для ‘правый’ закрепляется представление о том, что правой рукой едят: в языке суахили *kulia* ‘правый’, производное от корня *La* ‘есть’; ср. также готландский диалект шведского языка, где засвидетельствовано слово *suphand* – ‘правая рука – рука, которой едят суп’ (ШАЙКЕВИЧ 1959: 56). Возможны номинации, указывающие и на другие функции правой руки, проявляющиеся, в частности, в условиях войны; ср., например, описание правой руки в гомеровском эпосе как несущей копье (ВИДАЛЬ–НАКЭ 2001: 97); в древнеанглийских памятниках правая рука может описываться как агрессивная, держащая меч (ПРОСКУРИН 1990: 39). Исследователь отмечает возможность на определенном этапе табуирования названий для правой руки именно в связи с ее восприятием как агрессивной, угрожающей; в этом случае левая рука как держащая щит выступала в качестве защищающей (ПРОСКУРИН 1990: 43); ср. также в языке индейцев атакапа *wóc te* – ‘рука’ + ‘лук’, т. е. ‘рука, которой стреляют из лука’ (ШАЙКЕВИЧ 1959: 56). В других случаях номинация для правой руки связана с общим смыслом ‘удобный’ (ср. швед. *Höger*), ‘наиболее подходящий’ (ср. в языках банту номинации *dzanja la manja* «рука рук» или *dzanfa la kwene* «настоящая рука»; см. подробнее в: (МИХАЙЛОВА 1993: 55). На протяжении всего древнеанглийского периода самым распространенным словом в значении ‘правый’ было прилагательное *swidra*, образованное от формы сравнительной степени прилагательного *swid* ‘сильный’ (ПРОСКУРИН 1990: 38).

Детей учат различать право и лево при помощи руки: как правило, им предлагается соотнести правую руку с каким–л. наиболее привычным действием (рука, которой едят; рука, в которой держат ложку; рука, которой пишут и т. д.). Н. И. Толстой замечал, что для различения правой и левой руки еще в начале XX века крестьянскому ребенку нужно было перекреститься, при этом он вспоминал, что и его самого именно так обучали находить правую руку (ТОЛСТОЙ 1997: 149); ср. также определение левой руки в словаре В. Даля как «некрещенной» (ДАЛЬ II).

Первый, кто учел разные функции рук при толковании прилагательных *правый* и *левый*, был французский лексикограф Антуан Фюретьер (1690). В своем словаре в статье *droit* он отмечал, что правую сторону следует соотносить с правой рукой, которая является обычно сильнее левой: «signifie [...] le costé ou la main est ordinairement la plus forte et de laquelle on se sert naturellement pour faire quelques ouvrages qu'on fait d'une seule main» [FURETIÈRE 1690, I]. Толкование дополняет указание на то, что правая сторона является «почетной» («le costé droit est le plus honorable»). [FURETIÈRE 1690, I]. Подобный подход встречается еще в нескольких словарях: в немецком словаре Иоганна–Кристофа Аделунга (1774–1786, 2-е изд. 1793–1801), в словаре американского языка Ноа Уэбстера (1828), а также в оксфордском *New English Dictionary*.

Можно сказать, что единственная возможность связать воедино многозначность прилагательных, обозначающих 'правое' и 'левое', состоит в том, чтобы использовать в толковании основного пространственного значения в качестве ориентира именно руку. В этом случае толковаться должно соответствующее значение слова *правый*: 'расположенный с той стороны тела, что и рука, которой большинство людей выполняют физические действия', а основное пространственное значение слова *левый* носить отсылочный характер: 'расположенный с той стороны тела, которая противоположна правой' (БАБАЕВА 2010: 226).

Словари

Даль I–IV = Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. I–IV. Москва: «Государственное издательство иностранных и национальных словарей», 1955–1956.

САР 1789–1994 = *Словарь Академии Российской*. Ч. I–VI. Санкт–Петербург: «Типография Императорской Академии Наук», 1789–1994.

САР 1806–1822 = *Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный*. Ч. I–VI. Санкт–Петербург: «При Императорской Академии Наук», 1806–1822.

САР 1891 = *Словарь русского языка*. Составлен Вторым отделением Императорской Академии Наук. Т. I, Вып. 1, Санкт–Петербург: «Типография Императорской Академии Наук», 1891.

Словарь церковнославянского и русского языка = *Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением императорской Академией Наук*. Санкт–Петербург: «Типография Императорской Академии Наук», 1847. Т. I–IV.

Стоян 1913 = Стоян П. Е. *Краткий толковый словарь русского языка*. Санкт–Петербург: «Типография К. П. Шрадер», 1913.

СУш I–IV = УШАКОВ Д. Н. (ред.) *Толковый словарь русского языка*. Т. I–IV. Москва: «Государственное издательство иностранных и национальных словарей», 1934–1940.

ADELUNG 1811 = ADELUNG J. C. *Grammatisch–kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart*. Band 1–4. Wien, 1811.

BESCHERELLE 1856 = BESCHERELLE L.–N. *Dictionnaire national ou Dictionnaire universel de la langue française*. Tome 1. Paris: chez Garnier frères, 1856.

BOISTE 1829 = BOISTE PIERRE–CLAUDE–VICTOIRE. *Dictionnaire universel de la langue française. Pan–Lexique*. 7 éd., Complément. Paris: Verdier, 1829.

CAWDREY 1604 = CAWDREY R. A *Table alphabeticall of hard usual english words*. London, 1604. <http://www.library.utoronto.ca/utel/ret/cawdrey/cawdrey0.htm>].

COLLINS 2004 = *Collins English Dictionary Complete and Unabridged*. Glasgow, 2004 www.collinslanguage.com.

DAF 1694 = *Le Dictionnaire de l'Académie française*. I–II. Paris: Vve J. B. Coignard et J. B. Coignard, 1694.

DAF 1762 = *Le Dictionnaire de l'Académie française*. I–II. Paris: Vve B. Brunet, 1762.

DAF 1798 = *Le Dictionnaire de l'Académie française*. I–II. Paris: J. J. Smits, 1798.

DAF 1835 = *Le Dictionnaire de l'Académie française*. I–II. Paris: Imprimerie et Librairie de Firmin Didot Frères, 1835.

- DHLF I–III = REY A. (dir.) *Dictionnaire historique de la langue française*. I–III. Paris, 2000.
- DWB = GRIMM J., GRIMM W. *Deutsches Wörterbuch*. 16 Bde. in 32 Teilbänden. Leipzig, 1854–1961. Quellenverzeichnis Leipzig, 1971. woerterbuchnetz.de/DWB.
- FÉRAUD 1787–1788 = FÉRAUD J.–F. *Le Dictionnaire critique de la langue Française*. T. I–III. Paris: France-expansion, 1787–1788.
- FURETIÈRE 1690 = FURETIÈRE ANTOINE. *Dictionnaire universel, contenant généralement tous les mots françois tant vieux que modernes, et les termes de toutes les sciences et des arts*. T. I–II. La Haye: A. et R. Leers, 1690.
- JOHNSON 1768 = JOHNSON SAMUEL. *A Dictionary of the English Language*. 3rd edition. Dublin: W. G. Jones, 1768.
- HATZFELD–DARMSTETER 1895. HATZFELD A., DARMSTETER A. *Dictionnaire général de la langue française du commencement du XVIIIe siècle jusqu'à nos jours, précédé d'un traité de la formation de la langue*. Paris: C. Delagrave, 1895.
- LAROUSSE VIII = LAROUSSE P. *Grand dictionnaire universel du XIXe siècle*. T. VIII. Paris: Administration du grand Dictionnaire universel, 1872.
- LITTRÉ II = LITTRÉ É. *Dictionnaire de la langue française*. T. II. Paris: L. Hachette, 1874.
- MONET 1636 = MONET P. *Invantaire des deus langues, françoise et latine : assorti des plus utiles curiositez de l'un et de l'autre idiome*. Lyon: C. Obert, 1636.
- NEW ENGLISH DICTIONARY = *A New English Dictionary on Historical Principles*. By the Philological Society. Oxford Clarendon Pressxforde, Vol. I. 1888; Vol. VI, Part I: L, 1908. Vol. VIII, Part I: O–R, 1914.
<https://archive.org/details/ANewEnglishDictionaryOnHistoricalPrinciples.10VolumesWithSupplement>.
- POMEY 1716 = POMEY F.–A. *Le Dictionnaire royal, augmenté de nouveau, et enrichi d'un grand nombre d'expressions élégantes [...]* Dernière édition, nouvellement augmentée de la plus grande partie des termes de tous les arts. Lyon:L. Servant, 1716.
- TLFI = *Trésor de la langue française informatisé*. <http://atilf.atilf.fr/tlf.htm>.
- WEBSTER 1828 = WEBSTER N. *American Dictionary of the English Language*. V. I–II. New–York, 1828. <http://webstersdictionary1828.com>.

Литература

- БАБАЕВА 2010 = БАБАЕВА Е. Э. Антонимия: проблемы толкования и реконструкции становления (на примере прилагательных с сильно развитой многозначностью). В кн: АПРЕСЯН Ю. Д. (ред.). *Перспектив активниогво словаря*. Москва: «Языки славянских культур», 2010. 221–283.
- ВИДАЛЬ–НАКЭ 2001 = ВИДАЛЬ–НАКЭ П. Эпаминонд – пифагореец, или проблема правогво и левогво фланга. В кн: ВИДАЛЬ–НАКЭ П. *Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире*. Москва: «Ладомир», 2011. 91–106.
- ГАМКРЕЛИДЗЕ–ИВАНОВ 1984 = ГАМКРЕЛИДЗЕ Т. В., ИВАНОВ Вяч. Вс. *Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко–типологический анализ праязыка и протокультуры*. Ч. I–II. Тбилиси: «Издательство Тбилисского университета», 1984.
- ГАРДНЕР 1967 = ГАРДНЕР М. *Этот правый, левый мир*. Москва: «Мир», 1967.
- ГЕНЕРАЛОВА 1998 = ГЕНЕРАЛОВА Е. В. *Лексическое выражение понятийной оппозиции «прямое–кривое» в истории русского языка*. Автореф. Дис. ... канд. филол. наук. Санкт–Петербург, 1998.

- ИВАНОВ 1982 = ИВАНОВ Вяч. Вс. Левый и правый. В кн.: *Мифы народов мира. Энциклопедия*. Т. 2. Москва: «Советская энциклопедия», 1982. 43–44.
- ИВАНОВ–ТОПОРОВ 1978 = ИВАНОВ Вяч. Вс., ТОПОРОВ В. Н. О языке древнего славянского права. В кн.: *Славянское языкознание: VIII Международный съезд славистов (Загреб – Любляна, сентябрь 1978 г.). Доклады советской делегации*. Москва: «Наука», 1978. 221–241.
- КИСЕЛЕВА 2012 = КИСЕЛЕВА И. В. *Правый и левый в русской языковой картине мира*. Автореф. Дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2012.
- МИХАЙЛОВА 1993 = МИХАЙЛОВА Т. А. О понятии «правый» и лингвоментальной эволюции. *Вопросы языкознания*, 1993/1: 52–63.
- МИХАЙЛОВСКАЯ 1964 = МИХАЙЛОВСКАЯ Н. Г. Прилагательные правый – десный – лъвыи – шуи в русском языке XI–XVII вв. В кн.: *Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка*. Москва: «Наука», 1964. 43–58.
- НИФАНОВА 2012 = НИФАНОВА Т. С. Обозначение сторон света как лингвистическая проблема. *Вестник северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*, 2012/2: 81–84.
- ПРОСКУРИН 1990 = ПРОСКУРИН С. Г. О значениях «правый – левый» в свете древнегерманской лингвокультурной традиции. *Вопросы языкознания*, 1990/5: 37–49.
- ТОЛСТАЯ 1998 = ТОЛСТАЯ С. М. Культурная семантика слав. *kriv-. В кн.: *Слово и культура. Памяти Н. И. Толстого*. Т. II. Москва: «Индрик», 1998. 215–230.
- ТОЛСТАЯ–ТОЛСТОЙ 1974 = ТОЛСТАЯ С. М., ТОЛСТОЙ Н. И. К семантике правой и левой стороны в связи с другими символическими элементами. В кн.: *Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам I (5)*. Тарту, 1974. 42–45.
- ТОЛСТОЙ 1987 = ТОЛСТОЙ Н. И. О природе бинарных противопоставлений типа правый – левый, мужской – женский. В кн.: *Языки культуры и проблемы переводимости*. Москва: «Наука», 1987. 169–184.
- ТОЛСТОЙ 1997 = ТОЛСТОЙ Н. И. Из географии славянских слов. 3. правый–левый. В кн.: *Толстой Н.И. Избранные труды. Т. I. Славянская лексикология и семасиология*. Москва: «Языки русской культуры», 1997. 144–152.
- УСПЕНСКИЙ 1973 = УСПЕНСКИЙ Б. А. «Правое» и «левое» в иконописном изображении. В кн.: *Сборник статей по вторичным моделирующим системам*. Тарту, 1973. 137–145.
- УСПЕНСКИЙ 1985 = УСПЕНСКИЙ Б. А. Анти-поведение в культуре Древней Руси. В кн.: *Успенский Б. А. Избранные труды. Т. I. Семиотика истории. Семиотика культуры*. Москва: «Языки русской культуры», 1996. 460–477.
- УСПЕНСКИЙ 2004 = УСПЕНСКИЙ Б. А. *Крестное знамение и сакральное пространство: Почему православные крестятся справа налево, а католики – слева направо?* Москва: «Языки славянской культуры», 2004.
- УСПЕНСКИЙ 2006 = УСПЕНСКИЙ Б. А. *Крест и круг. Из истории христианской символики*. Москва: «Языки славянских культур», 2006.
- ФИНКЕЛЬ 1963 = ФИНКЕЛЬ А. М. С левой стороны. В кн.: *Лексикографический сборник*. Вып. VI. Москва: «Наука», 1963. 153–159.
- ЦЕЙТЛИН 1996 = ЦЕЙТЛИН Р. М. *Сравнительная лексикология славянских языков X/XI – XIV/XV вв. Проблемы и методы*. Москва: «Наука», 1996.
- ШАЙКЕВИЧ 1959 = ШАЙКЕВИЧ А. Я. Слова со значением «правый» и «левый» (опыт сопоставительного анализа). *Ученые записки I–го Московского государственного педагогического института иностранных языков*. Т. XXIII. 1959: 55–74.

- ЯКУШКИНА 2002 = ЯКУШКИНА Е. И. Оппозиции прямой–кривой и прямой–обратный и их культурные коннотации. В кн: *Признаковое пространство культуры*. Москва: «Индрик», 2002. 163–184.
- CUILLANDRE 1927 = CUILLANDRE J. La Droite et la Gauche dans l'orientation bretonne. *Annales de Bretagne*, 1927, 37. 263–277.
- HOOPS 1950 = HOOPS F. «Right» and «left» in Germanic languages. *Etudes germaniques*. 1950/3. 81–96.
- LEEUWEN–TURNOVCOVÁ 1990 = LEEUWEN–TURNOVCOVÁ J. VAN. *Rechts und links in Europa. Ein Beitrag zur Semantik und Symbolik der Geschlechterpolarität*. Berlin: Harrassowitz, 1990.
- NODIER 1828 = NODIER CH. *Examen critique des dictionnaires de la langue française ou Recherche grammaticales et littéraire sur l'orthographe, l'acception et l'etymologie des mots*. Paris: La librairie romantique, 1828.
- POKORNY I–II = POKORNY J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. I–II. Bern: Francke, 1959–1969.
- Right and left* 1973 = NEEDHAM R (ed.) *Right and left. Essays on dual symbolic classification*. Chicago; London: University of Chicago Press, 1973.
- WERNER 1904 = WERNER A. Note on the terms used for "right hand" and "left hand" in the Bantu languages. *Journal of the African Society*, 13 (1904). 112–116.
- WINTER 1985 = WINTER WERNER. 'Left' or 'right'? В кн: BERLIN J. FISIÁK (ed.) *Historical Semantics, Historical Word-formation. Papers of the International conference on historical semantics and historical word formation, held at Blażejewko, Poland, 28–31 March 1984*. Berlin, N.Y., Amsterdam: Mouton, 1985. 583–595.

Т. М. ВОРОНИНА

**Проблемы представления ситуаций речевой
деятельности в идеографических словарях***

**Problems of representation of speech activity situations
in ideographic dictionaries**

Abstract: the paper presents results of studying possibilities and ways of modeling the sphere of speech in Russian ideographic dictionaries. The author explores such questions as ways of dividing and subdividing of this sphere; lexicographical decisions about intersections of word classes denoting speech with other word classes. The materials of ideographic dictionaries made by the Ural semantic school under the supervision by Ludmila Babenko are specially considered.

Keywords: words denoting speech, lexicography, ideographic dictionary

Идеографические словари с функциональной точки зрения являются словарями активного типа, ориентированными на говорящего: одна из их основных целей – «подсказать правильное слово для нужного концепта в необходимом контексте» (ДУБИЧИНСКИЙ 2008: 82). В теоретическом аспекте идеографические словари являются одним из важнейших источников информации о языковой картине мира:

«тезаурус задает соответствие между единицами мышления – понятиями, концептами – и семантическими единицами языка – значениями слов – и тем самым показывает, как конкретный язык членит информацию о действительном мире, образующем общую материальную основу всех содержательных категорий» (КОБОЗЕВА 2000: 126).

При этом исследователи подчеркивают, что в зависимости от разных факторов (теоретико-методологические установки авторов словаря, объем словника, степень дробности лексикографического описания и т. д.) количество и состав выделяемых в словаре классов слов может различаться.

Рассмотрим способы моделирования денотативной сферы «Речь» в различных идеографических словарях русского языка. Прежде всего отметим, что классификации строятся преимущественно на семантическом основании – в отличие, например, от классификации глаголов речи, представленной Л. М. Васильевым, в основу которой положена структура коммуникативного

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-02005).

акта Р. О. Якобсона, т. е. определенная теоретическая концепция (см. об этом: КОБОЗЕВА 2000: 126 и след.). Так, в предисловии к *Русскому семантическому словарю* подчеркивается языковая природа лексических множеств и соответственно формирование словаря вслед за языковым материалом – в отличие от словарей, который строятся «“от понятий”, по-разному собранных и представленных лексикографом» (ШВЕДОВА 1988: Электр. ресурс). Л. Г. Бабенко, характеризуя подход к классификации лексики, представленный в *Большом толковом словаре русских глаголов*, также акцентирует внимание на том, что в основе деления глагольной лексики на группы лежит семантический критерий: «основанием выделения лексико-семантических групп является одновременно категориально-лексическая сема и уточняющий ее существенный семантический признак» (БАБЕНКО 2016: 7); в соответствии с этим в подполе «Речевая деятельность» выделяются следующие группы: *глаголы характеризованной речевой деятельности, глаголы речевого сообщения, глаголы речевого общения, глаголы обращения, глаголы речевого воздействия*. Впоследствии, с учетом опыта идеографического описания имен прилагательных и в особенности имен существительных, «которые в первую очередь ориентированы на отображение объектов действительности, на определенные предметные области бытия» (БАБЕНКО 2016: 10), Л. Г. Бабенко для проекта *Большого идеографического словаря-тезауруса русского языка* была разработана новая синоптическая схема (БАБЕНКО 2015). В ней в денотативно-идеографической сфере «Речь» выделяются следующие группы: *характерные особенности произношения, выговора, манеры речи; характерные особенности изложения, текста, стиля; речевое сообщение; речевое общение; речевое воздействие, характеристика человека по особенностям речи*. Как видим, распределение слов по группам связано с выполняемыми речью функциями (информация – коммуникация – воздействие), а также с характеристиками устной/письменной речи и самого говорящего. В IV томе Русского семантического словаря под ред. Н. Ю. Шведовой (РУССКИЙ СЕМАНТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ 2007) глаголы классифицированы прежде всего исходя из следующих противопоставлений: *информация, сообщение, речь, 1) характеризующие / не характеризующие по содержанию* (и далее по типу речевого акта или функции высказывания), *2) характеризующие по способу осуществления и передачи*. Следует отметить, что речевые действия на следующем, более высоком уровне иерархии объединены с неречевыми – ср. название группы «Поведение, контакты, информация».

Другой тип идеографической репрезентации речи предлагает *Толково-понятийный словарь русского языка* (ШУШКОВ 2008), построенный по принципу аналогического словаря, в котором слова «объединяются в смысловые группы, соотнося последние с определенными словами-центрами, место которых в словаре диктуется алфавитом» (ДУБИЧИНСКИЙ 2008: 85). В нем среди смыслов, связанных со сферой речи, выделены следующие: *говорить, молчать, обещать, оскорбление, объявлять, объяснять, описывать, отвечать, отказываться, подробный, подчеркивать, правда* и нек. др.; в каждую

группу включаются основные наиболее употребительные слова и выражения с краткими толкованиями и примерами употребления. Такое расположение единиц позволяет подобрать слово или выражение, наиболее подходящее для выражения смысла в той или иной ситуации; однако при алфавитном расположении целостная система этих смыслов, их отношения друг с другом не видны.

Специфику представления материала в *Функционально-когнитивном словаре русского языка* (ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОГНИТИВНЫЙ СЛОВАРЬ 2006) составляет включение сведений о сочетаемости лексем, а также фразеологизмов и речевых формул (*язык развязался, крыть нечем, Скажите на милость!* и т. п.). При этом принцип расположения групп лексем не вполне ясен: например, группа *переводить/перевести на какой-л. язык* расположена раньше группы *говорить/сказать что*, далее следует группа *голос*, и в самом конце сферы «Речь» снова группа *говорить громко, тихо, низким голосом, высоким голосом*; группы *говорить злые слова (ехидничать, насмешка)* и *смеяться, насмехаться* также видим в начале и в конце сферы, и под.

В зависимости от задач того или иного словаря возможно более/менее детальное представление типов речевых ситуаций. Например, в семантической разметке *Национального корпуса русского языка* (НКРЯ) внутри глаголов речи более мелкие группы не выделяются; в классификации *Русского семантического словаря* под ред. Н. Ю. Шведовой (РУССКИЙ СЕМАНТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ 2007) в ситуации обмена информацией выделяются *вопрос/ответ; узнавание, разузнавание, выведывание; разговор, беседа; спор, дискуссия*. В проспекте *Универсального идеографического словаря* под рук. Л. Г. Бабенко (УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ИДЕОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ 2015) в группе «Речевое общение» выделены ключевые слова *разговаривать, спрашивать, отвечать, обсуждать, соглашаться, отказываться*, которые, в свою очередь, организуют вокруг себя соответствующие подгруппы слов. Каждая подгруппа соотносится с микроситуацией, выделяемой прежде всего на основании целей участников общения (обменяться информацией, узнать информацию, сообщить информацию в ответ, высказать мнения и прийти к определенному решению, выразить согласие, выразить несогласие).

Еще одна проблема, касающаяся представления сферы «Речь» в идеографических словарях, связана с тем, что во многих случаях речевая деятельность сопряжена с другими видами деятельности. Л. Г. Бабенко, рассматривая глаголы сложной полипропозитивной семантики, отмечает: «Семантика полипропозитивных глаголов содержит знания о регулярных связях различных процессов в действительности и, следовательно, о пересеканности концептосфер» (БАБЕНКО 1997: 47). В лексико-семантической плоскости «пересекаемость парадигм» проявляется в следующем:

«одно и то же слово в общем случае может входить в несколько классов тезауруса, во-первых, потому, что оно может иметь несколько разных узуальных значений, а во-вторых, потому, что даже в одном из своих узуальных значений оно может быть связано не с одной, а с несколькими понятийными сферами» (КОБОЗЕВА 2000: 124).

Рассмотрим на материале идеографических словарей Уральской семантической школы под рук. Л. Г. Бабенко случаи пересечения классов слов, относящихся к сфере «Речь», с другими сферами, такими как «Интеллект», «Эмоции», «Социальная деятельность», «Звук», «Универсальные смыслы, представления и отношения» и нек. др., и варианты лексикографических решений относительно таких пересечений. Прежде всего, конечно, случаи пересечения наблюдаются при обозначении ситуаций и характеристик звучащей речи – одни и те же лексемы и синонимические парадигмы могут быть одновременно отнесены и к сфере «Речь», и к сфере «Звук»; при этом необходимость отражения этих случаев пересекаемости подчеркивается и самим составом синонимических рядов, и семными различиями, отражаемыми в толкованиях. Сравним синонимические ряды с доминантой *внятный* в рамках двух указанных сфер; здесь и далее примеры синонимических рядов из (БОЛЬШОЙ ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ СИНОНИМОВ).

- (1) *Внятный, отчетливый, чеканный, четкий, членораздельный, явственный, ясный* ‘без труда понимаемый, хорошо слышимый, различаемый во всех подробностях в тишине или на фоне других звуков (о речи, манере говорить или о произносимой фразе)’;
- (2) *Внятный, отчетливый, четкий, ясный* ‘хорошо слышимый, без труда воспринимаемый слухом, хорошо различимый в тишине или на фоне других звуков’.

В данном случае имеются различия в составе ряда, в сочетаемости и соответственно в толковании семантической идеи каждого ряда.

Кроме того, фактически вся группа «Речевое воздействие» включает единицы с комплексной семантикой, поскольку речевое воздействие может иметь различный перлокутивный эффект: изменение эмоционального состояния или знания, мнения адресата, побуждение его к определенному действию и т. д. В этом случае, т. к. вся группа носит комплексный характер, а тип воздействия обязательно формулируется в словарных толкованиях, нет необходимости включать одни и те же лексемы (и синонимические ряды) в другие семантические классы, кроме речи. При этом, конечно, доминантная сема – речевая, поскольку называемые действия невозможно осуществить другим способом, кроме речевого. Приведем примеры подобных рядов:

- (3) *Приказывать/приказать*, несов. и сов. *велеть, командовать/скомандовать, распоряжаться/распорядиться*, книжн. *диктовать*, книжн. *предписывать/предписать*, устар. *повелевать/повелеть*, устар., разг. *указывать/указать*, разг. *наказывать/наказать* ‘обращаться/обратиться к кому-л. с требованием выполнения определенных действий, соблюдения тех или иных правил, установления какого-л. порядка, положения и т. п.’ – воздействие социальное;
- (4) *Уязвлять/уязвить, жалить, задевать/задеть, колоть и укалывать/уколоть и кольнуть*, разг. *поддевать/поддеть*, разг. *подкалывать/подколоть*, разг. *подковыривать/подковырнуть*, разг. *подкусывать/подкусить*, разг. *подцеплять/подцепить*, разг.-сниж., сов. *уедать/уесть* ‘произносить/произнести

насмешливое замечание в чей-л. адрес с целью обидеть' – воздействие эмоциональное; и т. п.

Естественным образом пересекаются сферы «Речь» и «Интеллект», и в этом случае чаще всего совпадающие лексемы или синонимические ряды включаются в обе сферы, с акцентированием различных семантических компонентов в толковании. Сравним формулировку семантической идеи синонимического ряда с доминантой *объяснять/объяснить* в рамках двух сфер:

- (5) 'делать/сделать ясным, понятным, известным, изложив сущность, подробности, детали' (сфера «Интеллект», группа «Понимание») и
- (6) 'сообщать/сообщить кому-л. какую-л. информацию (факты, сведения, подробности, детали и т. п.), необходимую для того, чтобы сделать что-л. более ясным, легким для понимания, использования и т. п.' (сфера «Речь», группа «Сообщение»).

Возможны и пересечения сферы «Речь» со сферой «Универсальные смыслы, представления и отношения» – точнее, в данном случае речь идет об отношениях скорее включения, чем пересечения. Например, сравним синонимические ряды с семантикой проявления: проявление чего-л. с помощью речевого действия является частным случаем внешнего проявления в широком смысле:

- (7) *Выражать/выразить, высказывать/высказать, выливать/вылить, выплескивать/выплеснуть, изливать/излить*, книжн. *изъявлять/изъявить* 'сообщать/сообщить, передавать/передать кому-либо в словесной (устной или письменной) форме свои чувства, мысли, переживания' (сфера «Речь», группа «Сообщение»);
- (8) *Проявлять/проявить, выражать/выразить, показывать/показать*, книжн. *демонстрировать/продемонстрировать*, книжн. *обнаруживать/обнаружить*, устар. *выявлять/выявить*, устар., книжн. *изъявлять/изъявить*, устар., высок. *являть/явить*, разг. *выказывать/выказать* 'каким-л. внешним проявлением, действием, поступком сделать явным, заметным для окружающих какое-л. свое качество характера, склонность, способность к чему-л., свойство, настроение, мысль, намерение и т. п.' (сфера «Универсальные смыслы», группа «Проявление состояния, признака, качества»).

Существуют и другие проблемы репрезентации сферы «Речь» в идеографических словарях, связанные с антропоцентрическим характером самой этой сферы, такие как способы словарного представления прагматических компонентов значения слов с семантикой речи, экспликация и репрезентация способов непрямого, метафорического отображения ситуаций речевой деятельности и нек. др. Эти вопросы также требуют самостоятельного изучения. В данной же статье были рассмотрены способы стратификации указанной сферы и соответственно выделения в лексико-семантической системе классов, групп, подгрупп слов; а также лексикографические решения относительно пересечений классов слов, относящихся к сфере «Речь», с другими классами.

Словари

- БОЛЬШОЙ ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ СИНОНИМОВ = БАБЕНКО Л. Г. (ред.) *Большой толковый словарь синонимов русской речи: идеографическое описание, антонимы, фразеологизмы* [проект].
- РУССКИЙ СЕМАНТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ 2007 = ШВЕДОВА Н. Ю. (ред.) *Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т. 4.* Москва: «РАН ИРЯ», 2007. <http://slovari.ru>
- УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ИДЕОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ 2015 = БАБЕНКО Л. Г. (ред.) *Универсальный идеографический словарь русского языка: проспект.* Москва; Екатеринбург: «Кабинетный ученый», 2015.
- ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОГНИТИВНЫЙ СЛОВАРЬ 2006 = *Функционально-когнитивный словарь русского языка (сферы «Говорить», «Мыслительная деятельность»)*. Ч. 3. Уфа: «РИО БашГУ», 2006.
- ШУШКОВ 2008 = ШУШКОВ А. А. *Толково-понятийный словарь русского языка: 600 семантических групп: ок. 16 500 слов и устойчивых выражений.* Москва: «АСТ», «Астрель», 2008.

Литература

- БАБЕНКО 2015 = БАБЕНКО Л. Г. Синописис (свод) идеографической классификации русской лексики (общая глобальная структура словаря). В кн.: *Универсальный идеографический словарь русского языка: проспект.* Москва; Екатеринбург: «Кабинетный ученый», 2015. 22–42.
- БАБЕНКО 2016 = БАБЕНКО Л. Г. Интерпретация лексико-семантических множеств в контексте Уральской идеографической лексикографии. В кн.: *Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке: материалы докл. и сообщ. Междунар. науч. конф., посвящ. юбилею Заслуж. деят. науки РФ, д-ра филол. наук, проф. Л. Г. Бабенко, 28–30 сент. 2016 г., Екатеринбург, Россия.* Москва; Екатеринбург: «Кабинетный ученый», 2016. 3–16.
- ДУБИЧИНСКИЙ 2008 = ДУБИЧИНСКИЙ В. В. *Лексикография русского языка: учеб. пособие.* Москва: «Наука», «Флинта», 2008.
- КОБОЗЕВА 2000 = КОБОЗЕВА И. М. *Лингвистическая семантика.* Москва: «Эдиториал УРСС», 2000.
- НКРЯ = НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОРПУС РУССКОГО ЯЗЫКА. Раздел: Семантика. <http://www.ruscorpora.ru/corpora-sem.html>.
- ШВЕДОВА 1998 = ШВЕДОВА Н. Ю. Предисловие. В кн.: ШВЕДОВА Н. Ю. (ред.) *Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т. 1.* Москва: РАН ИРЯ, 1998. <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=283>.

И. Ю. ГРАНЕВА

**Русское местоимение «МЫ» в свете проблемы
«лексикографического портретирования»**

**The Russian pronoun "WE" in the light of the
problem of "lexicographic portraying"**

Abstract: The work represents problems of complex lexicographic description of Russian personal pronoun “we”. Such description is to combine both “system-language” and communicative-pragmatic, functional and referential characteristics of meaning and usage of the pronoun. Novelty of proposed approach is described by the fact, that there is just deictic unit of language in sphere of complex lexicographic description: semantics of unit of this kind is used to consider non-constant depending on the speaker’s position. The term *type of usage* related to reference is on basis of our complex approach to lexicographic description of pronoun “we” in different communicative conditions of usage. We separated primary and secondary referent usages and non-referent usages. We reveal 32 types of usage of pronoun “we”.

Keywords: lexicographic description, pronoun “we”, communicative-pragmatic aspect

В работе предлагается пример комплексного, «интегрального» лексикографического описания русского личного местоимения МЫ, в котором предполагается совместить как системно-языковые, так и коммуникативно-прагматические, функциональные и референциальные характеристики значения и употребления этого местоимения. Новизна предпринятого подхода обусловлена тем, что в сферу комплексного лексикографического описания вовлекается дейктическая единица языка, семантика которой традиционно считается переменной, зависящей от позиции говорящего субъекта.

В конце XX века новое содержание получает идея целостного описания отдельной языковой единицы, в результате чего «произошел прорыв в две совершенно новые области: на одном направлении — в макромир, или лингвистику текста, на другом — в микромир, или лингвистическое портретирование» (АПРЕСЯН 1995: 487).

В настоящее время направление «лингвистического портретирования» в теории и практике отечественной лексикографии развивается как в количественном плане (в Московской семантической школе счет «лексикографических портретов» отдельных слов давно идет на тысячи), так и в качественном плане — в сферу «лексикографического портретирования» вовлекаются не только полнозначные лексические единицы, но и модальные слова, союзы, предлоги и т. п.

Предлагаемое лексикографическое описание местоимения МЫ представляет собой определенную разновидность «лексикографического портретирования», под которым Ю. Д. Апресян понимает «по возможности исчерпывающую характеристику всех лингвистически существенных свойств лексемы, выполненную в рамках интегрального описания языка» (АПРЕСЯН 1995: 503–504).

В свою очередь, интегральное описание языка предполагает, в частности, что

«каждой лексеме должны быть явным образом приписаны все свойства, обращения к которым могут потребовать какие-либо лингвистические правила. В число последних включаются, естественно, не только собственно грамматические, но и семантические, прагматические, коммуникативные и иные правила» (АПРЕСЯН 1995: 504).

В этом случае в описание лексемы входят просодические, прагматические и коммуникативные свойства. При этом и чисто семантическая информация существенно возрастает в объеме.

Второе отличие лексикографического портрета от обычного словарного описания заключается в способе организации информации: необходимо, чтобы «в словарной статье была представлена более сложная картина взаимодействия различных ипостасей лексемы» (АПРЕСЯН 1995: 505).

Наконец, третьей особенностью, является иной принцип толкования лексического значения слова:

«Обычные словарные толкования представляют собой однослойные семантические структуры: все используемые в них элементы трактуются как равноправные. Однако исследования последних десятилетий показали, что в языковых значениях имеется несколько различных слоев смысла <...> Особенности различных слоев смысла и различных компонентов внутри одного слоя состоят в том, что они по-разному реагируют на другие встречающиеся в высказывании смыслы. Все такие факты должны, конечно, найти адекватное отражение в лексикографическом портрете» (АПРЕСЯН 1995: 507–508).

Принципы предлагаемого в настоящей работе описания местоимения МЫ в своей основе базируются на идеях Ю. Д. Апресяна, в частности — на идее интегрального описания языка. В нашу задачу входит прежде всего объяснить реальное многообразие значений и употреблений местоимения МЫ в разных типах современной русской речи, которое выходит далеко за рамки чисто словарных описаний (многие виды информации об этом слове с точки зрения лексикографической здесь могут считаться излишними).

Поэтому в предлагаемом нами коммуникативно-прагматическом подходе к словарному толкованию лингвистические свойства единицы (в нашем случае — местоимения МЫ) выводятся из ее прагматических и коммуникативных свойств, а классификация значений и типов употреблений имеет референциальную, т. е. внеязыковую основу. Это также вытекает из семантической специфики местоимения МЫ, которое, в отличие от полнозначных

лексических единиц, имеет особый, неавтономный, дейктический тип семантики, контекстно зависимой и конситуативно обусловленной, при описании которого просто нельзя обойтись без привлечения внеязыковых факторов в качестве основы для такого описания. Соответственно, «лексикографический портрет» лексемы *мы* — это по возможности полная характеристика семантических особенностей этой лексемы, базирующаяся на анализе употребления лексемы в самых разных условиях.

Такой подход позволяет включить в описание информацию о неканонических, нетипичных значениях МЫ, о разного типа семантических преобразованиях этого местоимения в разных коммуникативных условиях, т. е. о семантических процессах, в которых участвует местоимение МЫ, в рамках «порождающей семантики» (ПАДУЧЕВА 2000; КУСТОВА 2004). «На выходе» предполагается получить своеобразный «лексикографический портрет» местоимения МЫ, где будут представлены все выявленные нами типы употребления МЫ в виде системы иерархически связанных ЛСВ. В основу этих связей будут положены разные референциальные возможности разных типов употребления. Кроме этого, предполагается включить информацию об асистемных употреблениях МЫ.

В основу избранного нами комплексного подхода к лексикографическому описанию местоимения МЫ в разных коммуникативных условиях положено понятие *типа употребления* по отношению к референции. Понятие «тип употребления» обобщает традиционные понятия «значение», «оттенок смысла», «лексико-семантический вариант» и др.: имеется в виду определенный тип значения единицы, возникающего в типовых же коммуникативных и прагматических условиях в конкретных речевых актах, который отражает только одну сторону ее общей семантики — а именно «семантический объем», т. е. объект / объекты внеязыковой действительности, на которые указывает данное словоупотребление.

Наиболее общая классификация на этом основании — это деление всех употреблений на *референтные* и *нереферентные употребления*. Применительно к местоимению МЫ это может означать, что можно выделить, условно говоря, «референтное» *мы* и «нереферентное» *мы*. Главным критерием разграничения «референтного» и «нереферентного» *мы* является его употребление или по отношению к лицам, которые являются непосредственными участниками коммуникации (соответственно могут стать объектами конкретной референции), или по отношению к неопределенному множеству лиц, не участвующих в акте коммуникации непосредственно.

В свою очередь, референтные употребления МЫ далее можно разделять на употребления МЫ в *первичной* и во *вторичной референтной функции* (или *первичные референтные* и *вторичные референтные употребления* МЫ). Первичная референтная функция так или иначе соотносит употребление *мы* с говорящим в момент непосредственного осуществления речевого акта, а вторичная референтная функция нейтрализует или вообще исключает позицию говорящего (тогда местоимение *мы* употребляется в роли указания на другое лицо, участвующее или не участвующее в акте коммуникации —

используется вместо Я или вместо ТЫ/ВЫ).

Отсюда, например, ясно, что только МЫ в первичной референтной функции следует считать исходным, а значит, правы составители словарей и авторы грамматик, квалифицирующие значение ‘служит говорящему для обозначения нескольких или многих лиц, включая и себя’ в качестве первого, основного. С точки зрения нашего подхода, в эту формулировку следовало бы добавить ‘в непосредственном акте коммуникации’, т. к., как будет показано далее, МЫ часто употребляется в опосредованной («редуцированной») коммуникации (ПАДУЧЕВА 1996).

Вторичная референтная функция употребления МЫ реализуется в ситуациях, когда МЫ, по тем или иным причинам, указывает либо на Я, либо на ТЫ/ВЫ, но при этом все же сохраняется референция к непосредственным участникам коммуникации (только несвойственным для МЫ в обычном употреблении).

К нереперентным употреблением МЫ относятся случаи его использования не для непосредственного ситуационного персонального дейксиса, когда говорящий употребляет МЫ не по отношению к непосредственным участникам коммуникации. Нереперентное употребление *мы* связано с отсутствием отсылки к непосредственному участнику речевой ситуации, когда *мы* обозначает неопределенное множество людей, не подлежащее параметризации по объему — в этом случае можно говорить о своего рода вытеснении дейктической функции номинативной функцией.

Как уже отмечалось выше, Е. В. Падучева выделяет следующие типы нереперентных употреблений («денотативных статусов»): экзистенциальные (в разновидностях: дистрибутивные, неконкретные, общеэкзистенциальные), универсальные, атрибутивные, родовые (ПАДУЧЕВА 1985: 94).

Мы не может по природе своей выступать в *атрибутивном* нереперентном употреблении, поскольку этот тип нереперентного употребления предполагает указание на характерный признак предмета, т. е. присущ только словам с номинативной семантикой. Однако МЫ может реализовать другие типы нереперентного употребления.

В частности, *экзистенциальное* нереперентное употребление МЫ (соответствует квантору существования: *есть некоторые S...*, *существуют S...*) предполагает, что это употребление очерчивает некий класс лиц, объединяя говорящего вместе с лицами одного с ним круга, одних с ним взглядов, убеждений и т. п. (здесь и далее примеры берутся из НКРЯ):

- (1) *Мы* граждане великой России ...

Здесь МЫ примерно означает: ‘я + некоторая группа людей’; его можно условно именовать «ценностным», «идеологическим» МЫ. *Универсальное* нереперентное употребление МЫ (соответствует квантору всеобщности: *все S...*, *для всех S...*) предполагает указание на множество всех лиц, включая говорящего, и реализуется в так называемом «обобщенно-личном» МЫ:

- (2) Для чего *мы* живем на этой земле? (= Для чего *все* живут...).

Такое МЫ обычно употребляется в суждениях обобщающего типа, так называемых «генерализованных высказываниях» (ЗОЛотова–ОНИПЕНКО–СИДорова 1998).

Дальнейшая классификация употреблений МЫ внутри выделенных основных групп строится в зависимости от разного «поведения» местоимения МЫ в разных *условиях употребления*. Разные типы актуализации исходного значения местоимения МЫ в речевой деятельности зависят от различной актуализации (или, напротив, нейтрализации) в конкретном речевом акте его базовых *семантических параметров* (иначе они называются «смысловые компоненты», или «тематические компоненты») — ср., например: «Кроме собственно местоименного компонента в значение МЫ входят др. смысловые компоненты — обычно абстрактного типа (тематические компоненты), например, «предметность», «одушевленность», «мужской пол» и др.» (Крылов–Падучева 1995: 294).

Местоимение МЫ, как и другие единицы языка, активно участвует в разного рода семантических преобразованиях, в результате которых в ряде употреблений становятся возможными окказиональные речевые значения этого местоимения.

В результате исследования была получена словарная статья для местоимения МЫ, учитывающая системные связи и отношения между его различными значениями (включая как «системно-языковые», так и «собственно речевые»). Всего выделено 32 типа употребления (29 «системно-языковых» и 3 «собственно речевые», т. е. окказиональные, разновидности). Полная словарная статья, в рамках комплексного подхода к лексикографическому описанию местоимения МЫ, представлена в диссертационном исследовании «Местоимение «МЫ»: коммуникативно-прагматический подход» (Граниева 2010).

Данное описание, на наш взгляд, имеет определенные преимущества над традиционными толкованиями, представленными в большинстве существующих словарных и грамматических описаний в научной литературе и лексикографической практике, потому что оно построен с учетом реальных коммуникативно-прагматических условий реализации местоимения МЫ в разнообразных дискурсивных практиках носителей современно русского языка, референциальные возможности данного местоимения в осуществлении дейктических функций, присущих не только II лицу мн. ч., его экспрессивно-оценочный потенциал, а также разные направления семантических преобразований данного местоимения в аспекте «семантической деривации».

Литература

- АПРЕСЯН 1995 = АПРЕСЯН Ю. Д. *Избранные труды*. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. Москва: «Языки русской культуры», 1995.
- ГРАНЕВА 2010 = ГРАНЕВА И. Ю. *Местоимение МЫ в современном русском языке: коммуникативно-прагматический подход*. Дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород. 2010.

- ЗОЛОТОВА–ОНИПЕНКО–СИДОРОВА 1998 = ЗОЛОТОВА Г. А., ОНИПЕНКО Н. К., СИДОРОВА М. Н. *Коммуникативная грамматика русского языка*. Москва: «Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова», 1998.
- КРЫЛОВ–ПАДУЧЕВА 1990 = КРЫЛОВ С. А., ПАДУЧЕВА Е. В. Местоимение. В кн.: ЯРЦЕВА В. Н. (ред.) *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва: «Сов. энциклопедия», 1990. 294–295.
- КУСТОВА 2004 = КУСТОВА Г. И. *Типы производных значений и механизмы языкового расширения*. Москва: «Языки славянской культуры», 2004.
- ПАДУЧЕВА 1985 = ПАДУЧЕВА Е. В. *Высказывание и его соотношенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений)*. Москва: «Наука», 1985.
- ПАДУЧЕВА 1996 = ПАДУЧЕВА Е. В. *Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива)*. Москва: «Языки русской культуры», 1996.
- ПАДУЧЕВА 2000 = ПАДУЧЕВА Е. В. О семантической деривации: слово как парадигма лексем. В кн.: КРЫСИН Л. П. (ред.) *Русский язык сегодня*. Вып. 1. Сб. статей. Москва: «Азбуковник», 2000. 395–417.

Источники

НКРЯ = *Национальный корпус русского языка*. [http:// www.ruscorpora.ru](http://www.ruscorpora.ru)

Ж. Н. ЖУНУСОВА

**Об учебном
Русско-казахском идеографическом словаре
для адаптации студентов-репатриантов
в современном поликультурном казахстанском
социуме**

**On the educational
Russian-Kazakh ideographic dictionary
for the adaptation of students-repatriates
in the modern multicultural Kazakhstan society**

Abstract: The article refers to the use of educational linguistic dictionaries, primarily ideographic (thematic) in the Russian language classes, which will enable the students to develop the need to refer to the reference literature and learn to master new knowledge independently.

Keywords: students-repatriates, educational dictionaries, teaching languages in a foreign audience

После обретения суверенитета в демографической динамике Казахстана, а также политические и этнические тенденции в обществе привели к изменениям причины миграции и эмиграции. Этому также способствовали и другие внешние благоприятствующие факты – новые экономические, геополитические и социокультурные реалии, активизация диалога культур, мультиполярность мира, потребовавшие модернизации системы казахстанского образования с гибкой траекторией обучения, подготовку специалистов со знанием нескольких языков, использующие их в качестве реального средства коммуникации. В Казахстане интенсивно поддерживается и расширяется трехязычное обучение.

Для людей, не владеющих русским языком, в первую очередь для репатриантов, которые вернулись на историческую родину, нужны общедоступные грамматики и справочные пособия, «обеспечивающие процесс обучения русскому языку» (ВАСИЛЬЕВА 2010: 49). Одним из аспектов социально-культурной адаптации репатриантов является развитие образования на языках, общепринятых в данном социуме, так как, в первую очередь, они сталкиваются с языковой проблемой в новых условиях проживания.

С появлением в студенческом контингенте высших учебных заведениях репатриантов возникла острая необходимость разработки адаптированной методики преподавания русского языка для этой категории обучающихся.

Так, в Евразийском национальном университете им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан) для обучения студентов-репатриантов русскому языку выделены еще и дополнительные занятия во внеурочное время, подготовлены учебно-методические материалы, рабочие программы, справочные и учебные пособия. В рамках проекта *Культурно-языковая адаптация молодого поколения репатриантов-казахов в условиях современного Казахстана* (2015–2017 гг.) на кафедре теоретической и прикладной лингвистики подготовлен к изданию *Русско-казахский идеографический словарь*, который предназначен для студентов-репатриантов всех специальностей вуза по языковой подготовке. Участники проекта – преподаватели кафедры – работали основным алгоритм создания первого учебного идеографического словаря для этой группы обучающихся.

Как считают казахстанские ученые, для скорейшей социальной адаптации репатриантов необходимо планомерно обучать русскому языку, помогать в адаптации в новых обстоятельствах, «объяснить реалии нашей жизни, разъяснять моменты, вызывающие у них культурный шок и предупреждать возникновение конфликта культур» (АЗИМБАЕВА 2007: 38).

В учебных целях при составлении переводных словарей составителям необходимо, прежде всего, «повышать прагматическую значимость лексикографических источников» и учитывать «коммуникативную значимость слов и их употребительность в речи, частотность» (ЖУНУСОВА И ДР. 2017: 342). Авторская концепция структуры комплексного учебного идеографического словаря учитывает решение практической задачи – систематизация знаний и лексических единиц. Организована по тематическому принципу, включающему наиболее актуальные основные сферы повседневной деятельности человека (*Времена года, Дом и быт, Здоровье, Продукты питания, Природа, Транспорт* и др.). Подготовленный словарь предназначен для активной работы со словарным запасом, расширения и систематизации знаний лексики русского языка, полезен при самостоятельном изучении языка в качестве дополнительного пособия к основному курсу.

Макроструктура анализируемого словаря представлена традиционным образом: предисловие, словарные статьи, вокабулы и их разработка, иллюстративный материал, заромбовая зона. Отбор единиц в словник словаря осуществляется по критериям частотности и методической значимости, так как данный справочник ориентирован на пользователя, изучающего русский язык на определенном этапе обучения.

Микроструктура каждой тематической группы, как правило, состоит из словарных статей, каждая из которых унифицирована. Вербальные иллюстративные, в основном, составительские примеры присутствуют во всех словарных статьях представленных тематических групп. По мере возможности приведены идиоматические выражения после знака ромба, что позволяет расширить образовательную и познавательную ценность словаря.

В качестве входных единиц рецензируемого словаря выбирались отдельные слова, которые представлены в исходной форме, даются переводы на казахский язык, приведены синтаксические пометы и иллюстративные

примеры. Авторы в левой части использовали фонд электронной базы данных русского языка, толковые и переводные словари русского и казахского языков, а также словари фразеологизмов, поговорок. Иллюстрации в корпусе словарей позволят пользователям наглядно представить употребление того или иного слова в речи, что в последствии позволит избежать определенных ошибок в акте коммуникации при употреблении входных единиц.

Данный идеографический словарь для студентов-репатриантов позволит оптимизировать самостоятельную учебную деятельность по начальному усвоению русской лексики, входящих в лексический минимум на первых курсах вуза, послужит для выработки и закрепления навыков, так как имеет дидактическую направленность.

Издание данного словаря внесет определенный вклад в развитие отечественной двуязычной лексикографии, в первую очередь, учебной.

Современные требования, предъявляемые обществом к лексикографическому делу, приводят к необходимости совершенствования словарной техники, компьютеризации лексикографической деятельности, проведению социо- и психолингвистических исследований языкового сознания носителей языка и использования полученных результатов для корректировки данных словарных картотек, следует активнее пополнять банк национального корпуса языков, на основе которого будут развиваться новые направления – корпусная лингвистика и лексикография (Дубичинский 2009: 351).

Несомненно, самым актуальным участком лингвистики была и остается разработка и составление разных видов словарей, в том числе, двуязычных учебных словарей, применение которых в процессе преподавания языков будет способствовать развитию навыков устной и письменной речи, а также в переводческой деятельности.

Словарная работа в инонациональной аудитории должна проводиться на всех этапах занятия, так как будет способствовать развивающему и воспитывающему обучению. Понимание роли языков в современном мире с особой остротой ставит перед нами вопрос о результативности обучения языкам и повышении уровня языковой подготовки обучающихся.

Учебная лексикография в настоящее время приняла большой размах, достигла определенных успехов и представляет собой быстро изменяющуюся отрасль человеческой деятельности, которая всегда учитывает пользовательский запрос и ориентируется на определенного адресата «эра серьезных лексикографических исследований ... только начинается» (ВЕЖБИЦКАЯ 1996: 226).

Внимание широкого круга ученых-лингвистов привлекли актуальность проблем учебной лексикографии, которые стали предметом обсуждения: лексикография больших и малых форм; специфика учебной лексикографии; принцип наполняемости учебных словарей; объем учебного словаря; структура и содержание словарной статьи, минимизация больших словарей для создания учебных словарей.

Несмотря на определенные успехи в теории и практике лексикографии казахстанским ученым предстоит еще решить целый ряд научных и организационных вопросов, такие как: разработка общей типологии учебных словарей, объем словаря, иллюстративный материал, семантизация вокабулы и т. д. Совершенно ясно, что прежде чем решать такие проблемы, как объем словаря, принципы его отбора, характер сочетаемости слова, грамматической информации и т. д. необходимо выяснить, какой словарь в первую очередь нужен тем, кто изучает русский язык как иностранный, а эта проблема не столько лексикографическая, сколько методическая.

Следует разработать оптимальную модель учебного двуязычного словаря, необходимо координировать работу над созданием национальных вариантов учебных двуязычных словарей в соответствии с требованиями теории и практики современной лексикографии. Необходимо учитывать и четко определять при создании учебного двуязычного словаря его назначение, цель и задачи, при этом желательно было создавать их комплексными, комбинированными с элементами толкового и переводного типа словарей, четко определять отбор учебного лексического материала, который должен быть ясным, системным, сжатым, и в то же время информативным. В конечном счете, такая подача лексического материала в словарных статьях облегчит процесс усвоения новых слов, словосочетаний и целых конструкций из иллюстративного материала учебного словаря.

Теория составления комплексных двуязычных учебных словарей сейчас еще не достигла уровня научной теории, но уже пошел процесс формирования собственного понятийного аппарата, своей терминологии, не смотря на то, что учебная лексикография сформировались как теоретическая дисциплина в конце восьмидесятых годов прошлого века.

Современная языковая ситуация нашей страны сформировала потребность создания особого вида лексикографических изданий, выполняющих важную педагогическую и обучающую функцию. Лексикографию малых форм следует рассматривать как отдельную научную отрасль в ряду лингвистических дисциплин, как науку о создании, изучении и использовании словарей в дидактических целях.

Литература

- ВАСИЛЬЕВА 2010 = ВАСИЛЬЕВА Н. И. Проект создания специализированного двуязычного словаря (русско-болгарский морской словарь). *Теоретические и методические проблемы русского языка как иностранного в традиционной и корпусной лингвистике. Доклады и сообщения X международного симпозиума МАПРЯЛ*. Велико-Тырново (Болгария), 2010. 49–53.
- АЗИМБАЕВА 2007 = АЗИМБАЕВА Ж. А. К вопросу о создании учебно-методических пособий для студентов-оралманов с использованием новых технологий. *Материалы республиканской научно-практической конференции «Проблемы адаптации представителей казахской диаспоры в социально-информационном пространстве Казахстана»*. Алматы, 2007. 35–40.

- ВЕЖБИЦКАЯ 1996 = ВЕЖБИЦКАЯ А. *Язык. Культура. Познание*. Москва: «Русские словари», 1996.
- ДУБИЧИНСКИЙ 2009 = ДУБИЧИНСКИЙ В. В. *Лексикография русского языка*. Москва: «Флинта», 2009.
- ЖУНУСОВА И ДР. 2017 = ЖУНУСОВА Ж. Н., АГМАНОВА А. Е., АСМАГАМБЕТОВА Б. М. Межкультурный аспект современной переводной учебной лексикографии. *Международный научный симпозиум «Актуальные проблемы перевода в контексте межкультурной коммуникации*. Алматы, 2017. 340–344.

К. И. КОВАЛЕНКО

**Толкование «иностраннѣхъ рѣчей»
в азбуковниках Московской Руси***

(к вопросу о семантике некоторых иноязычных лексем)

**Explanation of Foreign Words
in the Lexicons of Muscovy**

(on the question of the meaning of some foreign words)

Abstract: Borrowing words is often a complicated and multistage process. Some words having functioned as foreign words from one language were loaned later from another one and as a result acquired different pronunciation and meaning. Later they could change their meaning during the process of the semantic development in the Russian language. Analysing word entries from the Russian handwritten lexicons of the 17th century help us to trace the history of some loaned Russian words and to know more about their phonetical and semantic fluctuations.

Keywords: foreign words, loanwords, semantics, lexicons, manuscript, Muscovy

«Проходяще б(ож)ественная писания, обрѣтаемъ в них нѣкия рѣчи иностранными гла(гола)нии положены ова сирьски, ова еллински, ина же римски и иных многих языкъ, ихъже древнии преводници не изволиша на руский преложити языкъ или не удоволиша, и за се намъ, сло//вяном, тѣ рѣчи не удоб разумны; да не како тья своим смыслом толкующе, криво та протолкуемъ и вмѣсто свѣта тму приемем»¹ (Погод. 1642, л. 1–1об.)

— так объясняли лексикографы XVI–XVII вв. цель и назначение своих лексиконов, или, в современной терминологии, азбуковников. И действительно, основным объектом толкования в азбуковниках, возникших в конце XVI века на основе глоссариев, приточников и ономастиконов, являлись иноязычные слова, проникающие в русский язык через переводную литературу. Среди них оказывались транслитерированные кириллицей греческие и латинские лексемы, а также лексемы из старославянского, болгарского, сербского языка и простой мовы — книжно-письменного языка Великого княжества Литовского. При этом одни слова не распространялись за пределы

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-34-01008 «Русские рукописные словари как культурный феномен: история бытования и литературный контекст».

¹ При цитировании рукописных источников надстрочные буквы вносятся в строку и выделяются курсивом, титла раскрываются, вставленные буквы пишутся в скобках.

переводной литературы, другие же проникали в русский язык и оставались в нем, а третьи, вначале не оставив заметного следа, были заимствованы позднее, иногда — из других языков и с другим значением.

К первой группе можно отнести такие лексемы, как *лихань* (от греч. *λίχανός* ‘указательный палец’) и *имармения* (от греч. *εἰμαρμένη* ‘судьба’), употребляемые в сочинениях Максима Грека (МАКСИМ ГРЕК 1859: 161, 369), южнославянские *крагуи* ‘ястреб’ и *кулва* ‘клетка’ из Лествицы (БАН 33.1.2, л. 142об. и 210), арамейские вкрапления в Евангелии *варь* ‘сын’, *еффафа* ‘откройся’, *корвана* ‘приношение’, *талифа*, *куми* ‘девица, встань’ (ЛЯВДАНСКИЙ), лексемы неизвестного происхождения *балшема* и *огенуксъ* из Летописца Еллинского и Римского (ЛЕТОПИСЕЦ 1999: 160).

Слова из второй группы продолжают употребляться и сейчас в тех же самых или близких значениях. Это лексемы, толкуемые в таких словарных статьях, как

- (1) Ев(ан)г(е)лие, бл(а)говѣстие (ПОГОД. 1143, л. 30об.),
- (2) Кардиналь, митрополит (ПОГОД. 1143, л. 35),
- (3) Пластыр, врачевное зелие (ПОГОД. 1143, л. 45),
- (4) Рыцер, воинъ (ПОГОД. 1143, л. 46),
- (5) Югъ, полуд(е)ньная страна (ПОГОД. 1143, л. 56).

Третью группу составляют слова, функционирующие в современном русском языке, однако по каким-либо причинам имеющие отличия в семантике. Именно они представляют, на наш взгляд, наибольший интерес для исторической лексикологии.

Абтыка, аптека, аптека...

Одним из слов, имеющих непростую историю проникновения в русский язык, является слово *аптека*, обозначающее ‘учреждение, где изготавливаются лекарства по рецептам врачей и производится продажа лекарств и предметов санитарно-гигиенического и косметического ухода’ (БАС1 1: 173). В ряде азбуковников отличается как фонетический облик слова, так и значение:

- (6) Апотеки, погребы (ПОГОД. 1143, л. 24об. и др. азбуковники Первого типа²),
- (7) Апотеки, погребы и житницы (ПОГОД. 1145, л. 35 и др. азбуковники Второго типа; ПОГОД. 1642, л. 18; АРХ. Д446, л. 25об.; ТИХОНР. 1, л. 49об.).

Источником приведенных словарных статей послужила глосса ко Второй книге Ездры в Геннадиевской библии (ссылка на нее сохранилась на полях азбуковников Второго типа), которая, как известно, была переведена с латыни (РОМОДАНОВСКАЯ). На полях рукописи с текстом Священного Писания к рассматриваемому слову добавлено пояснение: «И вся с(вя)щенныя съсуды г(оспод)ня и ц(а)рствъ аптеки [на поле: погребы или житницы]

² Используется классификация азбуковников, представленная в (КОВТУН 1989: 9–10), а также, с учетом новонайденных списков, в (КОВАЛЕНКО 2018: 12–14).

вземлющи взяша въ Вавилонъ» (2 Ездр. I, 54) (СлРЯ XI–XVII 1: 43), чему в латинском оригинале соответствует «et omnia sacra vasa Domini, et regales apothecas resumentes tulerunt in Babyloniam» (BIBLIA SACRA 1862: 949). Как это часто практиковалось составителями азбуковников, слово из текста без каких-либо изменений стало заголовочным словом словарной статьи, а глосса — толкованием. Однако в данном значении слово в русском языке не прижилось: в СлРЯ XI–XVII приводится лишь две цитаты — из Геннадиевской библии и азбуковника; в СДРЯ слово отсутствует; во втором издании *Церковного словаря* Петра Алексеева фиксируется употребление слова у Максима Грека (в форме *аповика*) (АЛЕКСЕЕВ 1: 29), у которого оно, по всей вероятности, являлось иноязычным вкраплением наряду со многими другими греческими лексемами, транслитерированными кириллицей.

Ближе к современному значению толкование в словарной статье

(8) Абтыка, домъ врачевный (СОЛОВ. 15/15, л. 23об. и др., а также ПОГОД. 1145, л. 35 и др. с заголовочным словом в форме *абдыка*).

Над заголовочным словом указан язык-источник — «ла», что значит «латинское», а также источник словарной статьи — «грамматика», под которой подразумевался «Лексис» Лаврентия Зизания, издаваемый вместе с его же грамматическим трактатом. В нем рассматриваемое слово не является заголовочным, а употреблено в толковании: «Врачебница, дом где лѣчат, и тыж аптыка» (ЛЕКСИС 1596: 14).

Одновременно в азбуковниках приводится название профессии аптекаря в разных фонетических вариантах:

(9) Абтека, тол. зелейщикъ врачевския хитрости (ПОГОД. 1651, л. 15об.).

(10) Абдекаръ, врачъ иже зелия врачевная составляютъ (!) (ПОГОД. 1145, л. 35, а также ПОГОД. 1660, л. 41–41об. с заголовочным словом в форме *авдекаръ*).

(11) Абтыка, зелии лѣкарскихъ составитель (ПОГОД. 1642, л. 20; АРХ. Д446, л. 28; сходное толкование в ЮД. 4, л. 7)

(12) Аптекаръ, составитель зелию врачевскому (СОЛОВ. 302/322, л. 248об.)

(13) Обтека, тол. лѣкарныхъ зелей составитель (БАН 33.9.1, л. 368об., а также ТИХОНР. 338, л. 206)

В Азбуковнике известного книжника Соловецкого монастыря Сергия Шелонина, помимо статьи (13) имеется еще одна словарная статья, где оба значения приписываются одному слову:

(14) Абтыка, тол, зелей лѣкарскихъ составитель, или двор лѣкарский (БАН 33.9.1, л. 95, а также ТИХОНР. 338, л. 49 с заголовочным словом в форме *абътыка*),

Такое же толкование представлено и в поздней редакции азбуковника Давида Замарая, составленной в конце XVII – начале XVIII в., однако заголовочное слово в обоих списках выступает в форме *автыка* (ТИХОНР. 1, л. 55; ПИСКАР. 198, л. 7).

Большое количество фонетических вариантов отчасти можно объяснить сложной историей заимствования слова. Попытка этимологизации была

предпринята еще в XVIII веке в первом Академическом толковом словаре русского языка: «слово от греческаго *Ανοθικα* происходящее, значущаго хранилище, кладовую. У нас означается им тот дом или покой, в котором всякия лекарства содержат, хранят, приготавлиют и продают. В старинных книгах называется лѣкарня» (САР1 1: 42). Современные этимологические словари описывают более сложный путь проникновения слова в русский язык: из нем. *Apotheke* через лат. *apotheca*, восходящее к греч. *ἀποθήκη* (ФАСМЕР 1: 82), а А.Е. Аникин предлагает польское посредство (АНИКИН 1: 248–249). Влиянием польского языка объяснял форму *аптека* и В. В. Виноградов — по его выражению, слово пришло «в польском фонетическом обличье» (ВИНОГРАДОВ 1999: 534), что подтверждается историческими данными польского языка: слово *apтека*, наряду с вариантами *артука* и *яртука*, фиксируется в польском языке XVI века в значении ‘лавка с травами, готовыми лекарствами, приправами, благовониями и косметическими средствами; место приготовления лекарств по рецепту’ (SPXVI 1: 199).

Некоторые другие фонетические варианты соотносятся с тем, как слово представлено в простой мове, где, помимо формы *аптыка* из *Лексиса* Лаврентия Зизания, имеется вариант *обтека* — в такой форме слово было записано в Лексиконе Памвы Берынды, а рассмотренная ранее форма *аптека* датируется в словаре началом XVIII века (ГСБМ 1: 132–133).

Фонетико-орфографические варианты *аптека*, *апотека*, *апѣтека*, *оптека*, *опѣтека*, *оптѣка*, по данным картотеки Словаря XVIII века, конкурировали еще в начале XVIII в., однако слово к тому времени имело уже устоявшееся значение — ‘место хранения, изготовления и продажи лекарств’ с оттенками ‘самый запас лекарств’ и ‘лекарства, медикаменты’ (СЛРЯ XVIII 1: 84).

Аномальный и аномалия

Довольно необычно развитие значения у слова *аномальный*. В ряде азбучников, составленных книжником Московского печатного двора Давидом Замараем, мы находим словарную статью

- (15) Аномалныхъ, недовѣдомыхъ (АРХ. Д446, л. 24, а также ПОГОД. 1642, л. 17об.),

которая в более поздней редакции была расширена неизвестным редактором:

- (16) Аномалныхъ, недовѣдомыхъ, или сумнителныхъ (ТИХОНР. 1, л. 48об.),

а затем была подправлена еще раз, так что значение одного из слов в толковании изменилось на противоположное:

- (17) Аномалныхъ, невѣдомыхъ (!) или несумнителныхъ (!) (ПИСКАР. 198, л. 3).

Очень вероятно, что слово, наряду с другими лексемами из простой мовы и греческого, попало в азбуковник из Грамматики Мелетия Смотрицкого, где в предисловии имеется следующее высказывание: «Вамъ оучителем власное, аномальных, мовлю, именъ и гл(агол)ъ зобране» (СМОТРИЦКИЙ 1619: 4), т.е. «вам, учителям, говорю собственное собрание неизвестных (?) именъ и глаголов» (в терминологии Смотрицкого *имена* и *глаголы* имеют значения, соответствующие современному русскому языку, ср.: «научить именъ склонения, а глаголовъ спряжения ведлугъ власности окончении»). При этом не совсем понятно, что имеется в виду, поскольку никакого словарика с толкованием трудных для понимания слов, как например, *Лексисъ* Лаврентия Зизания, следующего за его *Грамматикой*, к сочинению Смотрицкого не прилагалось.

В середине XVIII века лексема *аномалия* заимствуется уже как астрономический термин (СЛРЯ XVIII 1: 71), и только в Словаре Грота—Шахматова можно найти прилагательное *аномальный* в значении ‘неправильный, выходящий из ряда вон’ (СРЯ 1: 48), которое до некоторой степени соотносится со значением, предложенным в азбуковнике, но все же не тождественно ему.

Ассистенты

В отличие от предшествующих примеров, для слова *ассистенты* в азбуковниках удалось найти единственную фиксацию:

(18) Ассистенты, предстоящей вл(а)д(ы)цѣ (Юд. 4, л. 3об.).

Словарный свод в Юд. 4, составленный Давидом Замараем в 1626 году, отличается тем, что содержит большое количество слов из простой мовы, и не исключено, что *ассистенты* попало в азбуковник из нее: в «Материалах для древнерусского словаря» И.И. Срезневского, «Словаре древнерусского языка (XI–XIV вв.)», СЛРЯ XI–XVII, «Словаре обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков» оно отсутствует, в то время как в ГСБМ имеется однокоренное *ассыстенция* ‘совместное пребывание, сопровождение’ (1: 157). В русских исторических словарях слово впервые фиксируется лишь в начале XVIII века: «Ассистент 1710, ср.-лат. assistens, через пол. assystent, фр. assistant, нем. Assistant. Помощник при отправлении церемонии или должности; сопровождающий» (СЛРЯ XVIII 1: 107). В сходном значении оно дано в Словаре Грота—Шахматова: ‘лицо, назначаемое к участию в каком-либо обряде для придания ему особой торжественности: напр. во время процессий ассистенты при значках, знаменах, подушках с орденами и т. п.’, наряду с вытеснившим его впоследствии ‘лицо, состоящее при другом в качестве помощника в исполнении его должности. Так при врачах, имеющих обширную практику, и на испытаниях, в учебных заведениях, при главном экзаменаторе бывают ассистенты’ (СРЯ 1: 78). В последнем значении (с незначительными оттенками) оно и функционировало в течение XX века, и лишь в последнем издании БАСа первоначальное значение

вернулось в словарь, правда, в несколько суженном виде: ‘тот, кто входит в состав почетной охраны воинского знамени; помощник знаменосца’ (БАСЗ 1: 288).

Асфальт

Для слова *асфальт*, толкуемом в статье

(19) Асфальт, смола (О.XVII.40, л. 258об., а также ПОГОД. 1655, л. 21об. и др. азбукovníки Первого типа редакции Ермолая),

в качестве эквивалента дается перевод греч. этимона *ἄσφαλτος*. Это же значение, однако более конкретизированное, дается под первым номером в Словаре Грота–Шахматова: ‘ископаемое горючее вещество, твердое и сухое; горная смола, добываемая особенно с о. Тринидад и с берегов Мертвого моря (почему и называется иудейскою или жидовскою смолою), в России же из Нерчинских гор’ (СРЯ 1: 79). Здесь же, под вторым номером, приводится современное значение: ‘состав из горной смолы, дегтя и песка, употребляемый на мостовые, тротуары, полы и в виде цемента на мостах, кровлях и т. п.’, ср. в БАС1: ‘искусственная черная смолистая масса, употребляемая в строительстве для заливания тротуаров, дорог, полов и в некоторых отраслях химической промышленности’ (БАС1 1: 213). Развитие значения представляет собой типичный пример метонимического переноса.

Номеръ и нумеръ

Еще одно слово, которое имеет в азбукovníке фонетический облик в значении, отличные от современных, это *номер*. Оно фиксируется уже в ранних азбукovníках конца XVI века и переписывается практически без изменений из одного лексикографического свода в другой:

(20) Нумер, чинь (ПОГОД. 1143, л. 42, а также Юд. 4, л. 75 и многие др.).

(21) Нумеръ, чиновникъ (ПОГОД. 1660, л. 245об.)

(22) Нумер, чинь или чиновникъ (О.XVI.40, л. 255)

В ряде списков рядом со статьей написан источник — «геор м(у)ч(ени)к» (ПОГОД. 1143, л. 42) или «ц(а)рс(тво) елли(нское)» (ПОГОД. 1642, л. 106), т. е. *Летописец Еллинский и Римский*, где действительно мы можем найти рассматриваемую лексему в следующих контекстах: «[Мученик Георгий] тривунъ бысть нарочитаго нумера» (МУЧЕНИЕ СВ. ГЕОРГИЯ 1915: 864), «прочая вся воеводы и нумеромъ начальника, овы убо мечемъ погубиша, овы прогнаша до прѣдѣль римскихъ» и «ту идеже Феофилицъ онъ, сыи комисъ саномъ граду и нумеромъ» (ЛЕТОПИСЕЦ 1999: 275, 448). Представляется, что во всех этих контекстах *нумеръ* имеет значение, данное в СлРЯ XI–XVII: ‘в римском войске — отряд, составлявший 1/10 легиона; когорта; мн. войско, солдаты’ (11: 448), и на русский язык их можно перевести как «Мученик

Георгий был трибуном избранного отряда», «всех остальных воевод и начальника отрядов кого мечом погубили, а кого прогнали до римских границ» и «там шел этот сын Феофила, который был саном комит (военачальник) города и отрядов».

Значение 'чиновник' также было употребительно в текстах XVI века: «Нумерь же непреложение его видевъ повеле отсеци главу ему и тако мучению венець въсприять» (Пролог XVI века, цит. по САНДЛЕР 1961: 21) «созва вся воеводы... и нумеры и препоситы» (Родословная книга конца XVI века, цит. по ТАРАБАСОВА 1959: 181). А в значении 'чин', как заметил А.М. Сандлер, слово выступает в самих азбуковниках как название раздела, толкующего различные звания и должности. В зависимости от редакции, он называется «нумери, сиречь чины», «саномъ имена и нумеромъ», «нумери» или «чины» (САНДЛЕР 1961: 22).

К XVIII веку все эти значения утрачиваются, а главным в семантике становится 'число, количество' и связанные с этим значения (СлРЯ XVIII 15: 198–199). Этого нельзя сказать о фонетической форме слова, которая сохраняется на протяжении всего XVIII века, в первой трети варьируясь с формой *нуморь*. К последней трети с *нумеромъ* на равных начинает конкурировать *номеръ*³, который в дальнейшем и вытесняет первоначальный вариант.

Шельма

Поскольку слово *шельма* начинается на одну из последних букв алфавита, словарные сведения о лексеме крайне скудны: многими продолжающимися лексикографическими изданиями этот словарный материал еще не описан. В азбуковниках слова *шельма* толкуется в статье

- (23) Шельма, свѣрь (ПОГОД. 1145, л. 170 и др. азбуковники Второго типа, а также ПОГОД. 1642, л. 163; АРХ. Д446, л. 260; ТИХОНР. 1, л. 334, ПИСКАР. 198, л. 163об.; БАН 33.9.1, л. 507об.; ТИХОНР. 338, л. 293).

Значение, указанное в словарной статье, соответствует старопольскому *szelma* 'хищное животное' (употреблялось также переносно — по отношению к человеку) (SSTR 8, z. 7: 547). Слово могло быть заимствовано напрямую из польского языка, как предполагает М. Фасмер (ФАСМЕР 4: 426) или же через посредство простой мовы.

К XVIII веку слово *шельма* употреблялось исключительно в современном значении 'мошенник, плут' и имело словообразовательный вариант *шельмъ* мужского рода (по данным картотеки СлРЯ XVIII в.).

Таким образом, судьба слов, толкуемых в азбуковниках, была очень не одинакова. Лишь малое количество лексем вошло в русский язык, при том что большая часть осталась в качестве иноязычных вкраплений, так как

³ Об этимологии слова и причинах замены у на о см. в ТАРАБАСОВА 1959: 181, 182–183; САНДЛЕР 1961: 24; ФАСМЕР 3: 82.

«далеко не все, что возникает в речи, становится фактом и достоянием языка. Однако потенция, не ставшая реальностью в одну историческую эпоху, может реализоваться на другом историческом этапе» (БИРЖАКОВА И ДР. 1972: 12). И действительно, некоторые лексемы были заимствованы вторично, уже в Петровское время, а другие приобрели новые значения в процессе развития лексической системы русского языка.

Словари

- АЛЕКСЕЕВ = АЛЕКСЕЕВ П. *Церковный словарь, или Исползования речений славенских древних, також иноязычных без перевода положенных в Священном Писании и других церковных книгах*. В 3-х частях. Санкт-Петербург, 1773–1779.
- АНИКИН = АНИКИН А. Е. *Русский этимологический словарь*. Вып. 1–. Москва: «ИРЯ РАН», 2007–.
- БАС1 = *Словарь современного русского литературного языка*. В 17-ти тт. Москва–Ленинград: «Наука», 1948–1965.
- БАС3 = *Большой академический словарь русского языка*: в 20 т. Т. 1–. Москва; Санкт-Петербург: «Наука», 2004–.
- ГСБМ = *Гістарычны слоўнік беларускай мовы*. Тт. 1–. Мінск: «Навука і тэхніка», 1982–.
- ЛЕКСИС 1596 = ЛАВРЕНТИЙ ЗИЗАНИЙ. *Лексис*. Вильно, 1956.
<http://litopys.org.ua/zyzlex/zyz99.htm>.
- САР1 = *Словарь Академии Российской*. В 6-ти частях. Санкт-Петербург, 1789–1794.
- СЛРЯ XI–XVII = *Словарь русского языка XI–XVII вв*. Вып. 1–. Москва: «Наука», 1975–.
- СЛРЯ XVIII = *Словарь русского языка XVIII века*. Вып. 1–. Ленинград–Санкт-Петербург: «Наука», 1984–.
- СРЯ = ГРОТ Я. К., ШАХМАТОВ А. А. и др. (ред.) *Словарь русского языка* Тт. 1–9. Санкт-Петербург–Ленинград, 1891–1930. (Незавершенный академический словарь).
- ФАСМЕР = ФАСМЕР М. *Этимологический словарь русского языка*. В 4-х тт. Москва: «Прогресс», 1964–1973.
- SPXVI = *Słownik polszczyzny XVI wieku*. Wrocław: Ossolineum, 1966–1994; Warszawa, 1995–.
- SSTR = *Słownik staropolski*. Т. 1–11. Kraków: IJP PAN, 1953–2002.

Литература

- БИРЖАКОВА И ДР. 1972 = БИРЖАКОВА Е. Э., ВОЙНОВА Л. А., КУТИНА Л. Л. *Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования*. Ленинград: «Наука», 1972.
- ВИНОГРАДОВ 1999 = ВИНОГРАДОВ В. В. *История слов*. Москва: «Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН», 1999.
- КОВАЛЕНКО 2018 = КОВАЛЕНКО К. И. *Азбуковник Давида Замарая как источник по русской лексикографии XVII века*: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2018.
- КОВТУН 1989 = КОВТУН. Л. С. *Азбуковники XVI–XVII вв. Старшая разновидность*. Ленинград: «Наука», 1989.

- ЛЕТОПИСЕЦ 1999 = *Летописец Еллинский и Римский*. Вступит. ст., археограф. обзор и крит. аппарат изд. подгот. О. В. ТВОРОГОВЫМ. Т. 1: Текст. Санкт-Петербург: «Дмитрий Буланин», 1999.
- ЛЯВДАНСКИЙ = ЛЯВДАНСКИЙ А. К. Арамейский язык. В кн.: *Православная энциклопедия*. <http://www.pravenc.ru/text/75828.html>.
- МАКСИМ ГРЕК 1859 = *Сочинения Максима Грека, изданные при Казанской Духовной Академии*. Часть 1. Казань: «Типография Губернского правления», 1859.
- МУЧЕНИЕ СВ. ГЕОРГИЯ = Мучение святого и славного великомученика Георгия. В кн.: *Великие Минеи четыи, собранные всероссийским митрополитом Макарием*. Апрель, тетрадь 3, дни 22–30. Москва, 1915. 862–884.
- РОМОДАНОВСКАЯ = РОМОДАНОВСКАЯ В. А. Геннадиевская библия. В кн.: *Православная энциклопедия*. <http://www.pravenc.ru/text/162049.html>.
- САНДЛЕР = САНДЛЕР А. М. Из истории слова *номер* (*нумер*). В кн.: *Этимологические исследования по русскому языку*. Москва: «Изд-во МГУ», 1961. 20–26.
- СМОТРИЦКИЙ 1619 = *Грамматика Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого*. Сост., подг. текста, научный комментарий и указатели Е. А. Кузьминовой; предисл. Е. А. Кузьминовой, М. Л. РЕМНЕВОЙ. Москва: «Изд-во Московского ун-та», 2000.
- ТАРАБАСОВА = ТАРАБАСОВА Н. Номер и нумер. *Вопросы культуры речи* 1959/2: 181–188.
- BIBLIA SACRA = *Biblia Sacra Vulgatae Editionis, Sixti V Pontificis maximi iussu recognita et Clementis VIII auctoritate edita*. Parisiis, 1862.
<https://archive.org/details/bibliasacravulg01unkngoog>.

Источники

- АРХ. Д446 = рукопись БАН, Архангельское собрание, Д № 446, в 4°, 1632 г.
- БАН 33.1.2 = рукопись БАН, Основное собрание, № 33.1.2, in folio, XVI в.
- БАН 33.9.1 = рукопись БАН, Основное собрание, № 33.9.1, в 4°, 1640-е гг.
- ПИСКАР. 198 = рукопись РГБ, собрание Д. В. ПИСКАРЕВА, ф. 228, № 198, в 4°, 1720-е гг.
<http://old.stsl.ru/manuscripts/fond-228/198>
- ПОГОД. 1143 = рукопись РНБ, собрание М. П. ПОГОДИНА, № 1143, в 4°, 1590–1610-е гг.
- ПОГОД. 1145 = рукопись РНБ, собрание М. П. ПОГОДИНА, № 1145, in folio, 1630–1650-е гг.
- ПОГОД. 1642 = рукопись РНБ, собрание М. П. ПОГОДИНА, № 1642, в 4°, 1630-е гг.
- ПОГОД. 1651 = рукопись РНБ, собрание М. П. ПОГОДИНА, № 1651, в 8°, 1665 г.
- ПОГОД. 1655 = рукопись РНБ, собрание М. П. ПОГОДИНА, № 1655, в 4°, 1650–1670-е гг.
- ПОГОД. 1660 = рукопись РНБ, собрание М. П. ПОГОДИНА, № 1660, в 4°, 1680–1690-е гг.
- СОЛОВ. 15/15 = рукопись РНБ, Соловецкое собрание, № 15/15, в 4°, 1630-е гг.
- СОЛОВ. 302/322 = рукопись РНБ, Соловецкое собрание, № 302/322, in folio, 1610-е гг.
- ТИХОНР. 1 = рукопись РГБ, собрание Н. С. ТИХОНРАВОВА, ф. 299, № 1, в 4°, 1690–1710-е гг. <http://old.stsl.ru/manuscripts/fond-299/1>
- ТИХОНР. 338 = рукопись РГБ, собрание Н. С. ТИХОНРАВОВА, ф. 299, № 338, in folio, 1640–1650-е гг. <http://old.stsl.ru/manuscripts/fond-299/338>
- ЮД. 4 = рукопись РГБ, собрание Г.Г. Юдина, ф. 594, № 4, в 4°, 1626 г.
- О.ХVII.40 = рукопись РНБ, ОСРК О.ХVII.40, в 8°, 1620-е гг.

М. А. ЛЯВИНЕЦ-УГРИН

К вопросу изучения истории русско-венгерской лексикографии

To the history of Russian-Hungarian lexicography

Abstract: This article adds new information to the history of Emilian Baletsky's and Zoltán Kovács's Russian-Hungarian and Hungarian-Russian lexicography. Analysis of the Russian-Hungarian and Hungarian-Russian dictionaries of the late 19th and early 20th centuries – works of prominent Rusyn church leaders, Russophile writers – starts with the first Russian-Hungarian bilingual dictionary, Aleksander Mytrak's work, published in 1881. Along with other already well-known dictionaries, the article will present information about the works of C. Sabov, E. Kubek and N. Beskyd.

Keywords: Russian(Rusyn)-Hungarian lexicography, A. Mytrak, C. Sabov, E. Kubek, N. Beskyd.

Первые научные работы об истории русско-венгерской и венгерско-русской лексикографии в Венгрии появились в середине XX в. Авторами этих работ были заведующий кафедрой русского языка и литературы Будапештского университета (1965–1981) Э. Балецкий и библиограф, сотрудник Национальной библиотеки имени И. Сечени З. Ковач. Занимаясь исследованием истории развития венгерской славистики, Э. Балецкий определил три основных этапа (БАЛЕЦКИЙ 1960: 169; БАЛЕЦКИЙ 1978: 13):

1. От начала исследований в области славяноведения до 80-х гг. XIX в.
2. С 80-х гг. XIX в. до 1945 г.
3. С 1945 г. до 60-х гг. XX в., т. е. до появления статьи.¹

Рассматривая первый период Э. Балецкий отмечает, что первым словарем, в котором наряду с русскими приводятся и венгерские лексемы, по всей вероятности, является труд Петра Симона Палласа под названием *Сравнительные словари всех языков и наречий, собранных десницей высочайшей особы* [т. е. императрицы Екатерины], появившийся в 1767 г. в Санкт-Петербурге (КОВАЧ 1961: 264; KOVÁCS 1963: 482; БАЛЕЦКИЙ 1978: 16). На втором этапе развития венгерской славистики ученый выделяет появление первого двуязычного *Русско-мадьярского словаря* (1881) А. Митрака. Видимо, из-за сложившихся в то время исторических и политических обстоятельств, на которых мы сейчас не будем останавливаться, ведущие венгерские ученые

¹ Статья Э. Балецкого появилась позже, в 1978 г. Однако, автор в начале статьи отмечает, что рукописью этой работы уже раньше воспользовались его коллеги и студенты (БАЛЕЦКИЙ 1978: 10).

решили умолчать, что автор этого словаря, А Митрак, является угрорусским, т. е. карпаторусинским греко-католическим священником, поэтом, этнографом. Он относился к младшему поколению писателей-русофилов в Подкарпатской Руси того периода. У словаря А. Митрака есть своя необыкновенная история.² Замысел создания словаря возник в 60-е г. XIX в. Инициаторами создания словаря были члены Общества св. Василия Великого. А. Митрак приступил к работе над словарем в 1867 г. Лектором этого словаря был назначен греко-католический священник, угрорусский поэт, переводчик, главный редактор русскоязычных печатных изданий того времени, И. Раковский (БАЛЕЦКИЙ 1978: 19–20). Он же внес в словарь часть церковнославянской и общерусской лексики (МИТРАК 1881: 847).

Э. Балецкий в ходе исследования истории *Русско-мадьярского словаря*, обращает внимание на то, что А. Митрак начал свою работу по составлению словаря в год издания первой *Русской грамматики* (1867) на венгерском языке, автором которой является И. Раковский. Из предисловия к учебнику нам известно, что при составлении грамматики, И. Раковский руководствовался работами Н. Греча, А. Востокова, И. Шмидта. Также, по примеру «опытныхъ грамматиковъ» И. Раковский старался снабдить свой труд как можно большим числом примеров с переводом на венгерский язык (РАКОВСЗКУ: ПРЕДИСЛОВИЕ). Одна из самых больших заслуг этой грамматики – это глава о синтаксисе, которая, в грамматиках русского языка середины XX в., фактически полностью отсутствует (TRÓCSÁNYI 1950: 110).

Итак, согласно Э. Балецкому, первым русско-венгерским словарем был словарь А. Митрака, а первой венгерско-язычной русской грамматикой – Русская грамматика И. Раковского. Однако, надо отметить, что в Подкарпатской Руси первой грамматикой именно русского языка была *Грамматика письменнаго русскаго языка. По образцу лучшихъ авторовъ* К. А. Сабова, которая вышла в свет в 1865 г. в Ужгороде. Эта грамматика была создана для изучающих русский язык студентов Ужгородской гимназии. Учебник написан на русском языке, и, по словам автора, там, где «нарѣчіе Подкарпатское» отклоняется от общих правил русского языка, с целью сравнения даются примечания. К своей грамматике, К. А. Сабов также приложил и «малый Русско-Мадыарскій словаречь», в котором были помещены технические и в обыкновенной жизни редко употребляемые слова (САБОВ К. 1865: 2). В предисловии автор отмечает, что несмотря на то, что эта грамматика написана для русских (русинских) студентов, ввиду того что они воспитываются «въ иныхъ языкахъ», без такого глоссария не обойтись. Исходя из этого, можно предположить, что в первую очередь эта грамматика была написана для ассимилированных, другими словами мадыаризованных студентов того времени. Согласно исследованиям К. Кишша нам известно, что общий объем словаря составлял почти 4 тысячи слов (KISS 1991: 206). Конечно же, «словаречь» К. Сабова не может претендовать на значимый, однако,

² Об истории создания *Русско-мадьярского словаря* А. Митрака более подробно см.: Лявинец-Угрин 2016: 149-156.

его можно считать, как первую попытку создать русско-венгерский словарь (KISS 1991: 206–207; KISS 1992: 84).

Возвращаясь к истории первого весомого русско-венгерского словаря А. Митрака, хотелось бы отметить, что работа над словарем была закончена в 1873 году (MAYER 1977:25). Он насчитывает свыше 95 тысяч слов. В основе *Русско-мадьярского словаря* А. Митрака преимущественно лежит русский язык и также живой народный карпаторусинский язык с его местными видоизменениями. Словарь включает лексику письменной и устной речи XIX века, терминологию различных профессий и ремесел. Словарь не только дает информацию о языке, но и о народном быте, поверьях, приметах. В ходе работы над словарем А. Митрак воспользовался словарями: И. Я. Павловского *Vollständiges deuth russisches Wörterbuch* 'Полный нѣмецко-русскій словарь' (Т. 1–2. Рига, 1856) и *Vollständiges russisch deutsches Wörterbuch* 'Полный русско-нѣмецкій словарь' (Т. 1–2. Рига, 1859), *Словарем Академіи Російской* (Ч.: 1–6. Санкт-Петербург, 1789–1794), *Толковым словарем живаго великорускаго языка* (Т. 1–4. Москва, 1863–1866) В. И. Даля и другими. Параллельно А. Митрак приступил и к созданию обратного, венгерско-русского словаря. В 1881 году А. Митрак выдвинул свой словарь на конкурс премии Михая Фекешхази³ в Венгерскую академию наук. На конкурс также был выдвинут и *Русько-мадьярський словарь* (1883) Л. Чопея.⁴ Венгерская академия наук присудила премию М. Фекешхази Л. Чопею, так как его словарь содержал лексику русинского языка. А словарь А. Митрака раскритиковали за то, что он создан на своеобразном «местном» русском языке, и не отображал русинскую лексику. Поэтому, А. Митрак в 1881 г. был вынужден издать свой словарь небольшим тиражом на собственные деньги.

Согласно Э. Балецкому, в лексическом материале словаря большинство слов представляют собой архаизмы и славянизмы, которые, по всей вероятности, восходят к *Толковому словарю живого русского языка* В. Даля (БАЛЕЦКИЙ 1978: 23). Ученый также отмечает, что в *Русско-мадьярском словаре* А. Митрака ярко отражаются с одной стороны, период, в котором был составлен словарь, а с другой стороны географическая среда, а также источники, которыми воспользовался автор (БАЛЕЦКИЙ 1978: 22).

Обратный словарь А. Митрака, насчитывает около 73 тысяч слов. Работу над *Мадьярско-русским словарем* А. Митрак окончил еще в 1891 г. (САБОВ Е 1931: 10). И только спустя более 30 лет после написания этого великого труда, в типографии акционерного общества *Уніо*, в руках которого после смерти автора хранилась «драгоценная рукопись» словаря, в 1922 г.

³ Михай Фекешхази был придворным казначеем. За день до своей смерти он составил завещание, в котором распорядился, чтобы его собственность перевели в денежные средства. Согласно завещанию, проценты от вырученной суммы выдавались его близким родственникам, а после их смерти эти деньги должны были использоваться в целях распространения венгерского языка. Последний близкий родственник М. Фекешхази умер в 1855 г. В 1861 г. на основании завещания Венгерская академия наук основала Фонд имени М. Фекешхази. Об этом см. PALLAS NAGYLEXIKON.

⁴ О *Русько-мадьярском словаре* Л. Чопея см.: УДВАРИ 1991–1992: 467–473; УДВАРИ 2004: 16–21.

в Ужгороде вышел в свет *Мадьярско–русский словарь*. Однако к тому времени Подкарпатская Русь относилась уже не к Венгрии, а к Чехословакии. Видимо это могло послужить тому, что в работах Э. Балецкого мы не находим анализа этого труда, хотя в библиографическом списке З. Ковача он все-таки фигурирует (KOVÁCS 1967:484).

В заключении о словарях А. Митрака, хотелось бы остановиться на их значимости. В своих научных исследованиях Э. Балецкий отмечает, что в отношении *Русско–мадьярского словаря* А. Митрака нельзя обойти молчанием тот очень важный факт, что им пользовались венгерские писатели, журналисты и также филологи. О том, что венгерские специалисты были знакомы со словарем А. Митрака, свидетельствуют не только многочисленные ссылки в венгерской языковедческой литературе, но и погрешности в переводах венгерских писателей. В подтверждение этому, Э. Балецкий приводит также один случай из жизни. В 1902 г. венгерский журналист А. Пинтер посетил М. Горького. Русский писатель в свое время интересовался изображением судьбы человека или человечества в мировой литературе. В связи с этим он был знаком с произведением И. Мадача *Трагедия человека*, благодаря которому, М. Горький заинтересовался венгерским языком. Он осведомился у посетившего его А. Пинтера, имеется ли венгерская грамматика, написанная для русских? Венгерский журналист сообщил М. Горькому, что о существовании грамматики венгерского языка для русских у него нет сведений, но в Венгрии есть «хороший» русско-венгерский словарь. Согласно мнению Э. Балецкого, этим словарем мог быть только *Русско-мадьярский словарь* А. Митрака. Наконец, о том, что этим словарем пользовались венгерские писатели, переводившие русских классиков на венгерский язык, в частности и Э. Сабо, говорит филологический разбор их венгерского перевода. По словам Э. Балецкого, в некоторых случаях в переводах явно прослеживается отражение венгерских эквивалентов, данных А. Митраком в *Русско-мадьярском словаре* (БАЛЕЦКИЙ 1978: 20–21).

Как отмечают Э. Балецкий и З. Ковач, значительный сдвиг в истории русско-венгерской и венгерско-русской лексикографии произошел в 1951 г., когда вышел в свет *Русско-венгерский словарь*, авторами которого являются Л. Хадрович и Л. Гальди (БАЛЕЦКИЙ 1955(a): 446–447; БАЛЕЦКИЙ 1955(b): 445–447). Интересным фактом является и то, что в середине XX в. уже существовало немалое количество переводов художественных произведений русской классики на венгерский язык. Появление *Русско-венгерского словаря* Л. Хадровича и Л. Гальди значительно облегчило работу переводчиков. Согласно исследованиям З. Ковача, то до появления словаря Л. Хадровича и Л. Гальди в общей сложности вышло в свет около 50-ти русско-венгерских и венгерско-русских словарей.

Среди специальных словарей отдельно указаны два религиозных словаря, а именно: *Словарь къ первому тому собрания «Русскихъ проповѣдей»* А. Радолинского [А. Радлинский] (Буда, 1853) и *Старославянской-угорской-русской-немецкой словарь к священному писанию* (Ószláv–magyar–ruthén (orosz)–német szótár a szentírás olvasáshoz) Э. Кубека (Ужгород, 1906). Более

подробно остановимся на последнем. Автор сравнительного словаря Э. Кубек был греко-католическим священником Пряшевской епархии, лексикографом, писателем русинской ориентации. Этот словарь насчитывает более 5 500 словарных статей, а если учесть и синонимы, то количество слов в словаре возрастает почти до 30 тысяч слов. Если присмотреться к русскому и венгерскому названиям словаря, то видно, что в русском названии звучит, что это русский словарь, а в венгерском, что это русинский (русский) словарь. На вопрос, о каком же русском языке идет речь, ответом могут послужить сведения о редакторах и помощниках, принявших участие в написании словаря. Об этом нам известно из предисловия к словарю. С одной стороны, это были карпаторусинские писатели, преподаватели и церковные деятели русинской ориентации, например: Э. Рошкович, П. Гебей, В. Гаджега. С другой стороны, в работе над словарем приняли участие также и карпаторусинские писатели русской ориентации, например: известный писатель-русофил И. Сильвай (Уриил Метеор) (КУБЕК 1906: XXXVI). Непременно надо отметить, что И. Сильвай содействовал также созданию словаря А. Митрака. Ввиду того, что в работе над словарем приняли участие как русофилы, так и русинофилы, в словарных статьях лексикона Э. Кубека зачастую под понятием *русский* (*ruthén* (*orosz*)) даются эквиваленты как на русском, так и на русинском языке. Например:

- (1) *Аминь*, *ámen, úgy van, legyen, igaz, mert bizony*, – такъ есть, такъ буде, правда бо (КУБЕК 1906: 3)
- (2) *Драконть*, *sárkány, szörny*, – драконъ, шаркань, летающій змій (КУБЕК 1906: 57)
- (3) *Польза*, *haszon, előny, nyereség*, – хосень, корысть, пожитокъ, прибыль, выгода (КУБЕК 1906: 184)
- (4) *Помáль*, *kevés vártatva, mindjárt, azonnal*, – неодо́лга, сейчасъ, доразъ (КУБЕК 1906: 184)
- (5) *Сей, ez, ezen, e egyik*, – тотъ, одинъ, едень (КУБЕК 1906: 258)
- (6) *Скудéлница*, *korsó*, – кружка, сосудъ на воду, канчовъ, збанъ (КУБЕК 1906: 264)

Есть случаи, когда русское значение слова объясняется глоссой на русинском языке, например:

- (7) *Хоботъ*, *fark; elefant ormánya*, – хвостъ; довгий носъ у слона (ефеланта) (КУБЕК 1906: 340)

Из приведенных примеров явствует, что в сравнительном словаре Э. Кубека под русским языком надо понимать примеры на каком-то своеобразном местном русско-русинском гибриде.

Говоря о русско-венгерской лексикографии, хотелось бы упомянуть об одном словаре, который не попал в библиографический список русско-венгерской лексикографии З. Ковача. Речь идет о *Мадьярско-русском словаре* Н. Бескида (Пряшево, 1920). Этот словарь был создан по инициативе членов, основанного в 1887 году в рамках пряшевской духовной семинарии литературного кружка св. Атаназия (БЕСКИД 1920: IX–X). Рукопись словаря

датирована 1890–1891 годами, то есть 10 лет спустя после появления *Русско-мадярского словаря* А. Митрака. По финансовым причинам словарь Н. Бескида вышел в свет лишь в 1920 году, немного опередив обратный словарь А. Митрака, который, как мы уже говорили, появился в 1922 году. Н. Бескид был греко-католическим священником, историком, журналистом. Он принадлежал к числу русинских деятелей русской ориентации. В предисловии к *Мадьярско-русскому словарю* Н. Бескид отмечает, что этот словарь создан не для венгров, а для самих себя (т. е. русских русинов), и несмотря на то, что в нем много недостатков, появление этого труда важно для сохранения своего родного языка. Говоря о микроструктуре этого словаря, то все же можно отметить следующие положительные качества этого труда. В корпус словарной статьи в качестве дополнительной информации включается правильность ударения слова. Словарная статья содержит грамматическую характеристику слова, толкование слова на венгерский язык. К словам, указывающим специальную область применения, например, в анатомии, в медицине, в книгопечатании, в военном деле, даются пометы. Указываются части речи, род имен существительных, а также форма множественного числа. В случае глаголов, правда в редких случаях, указывается спряжение. Приведем несколько примеров:

- (8) *Harmat*, роса, -ы, (tgy. росу) tb. росы (БЕСКИД 1920: 174)
- (9) *Laptördelés*, (nyomdász.) верстаніе (БЕСКИД 1920: 274)
- (10) *Lát*, видѣть (вижу, видишь), смотре́ть (БЕСКИД 1920: 274)
- (11) *Néző*, зритель, h (БЕСКИД 1920: 337)

В процессе исследования данной темы, мы обнаружили еще один небезынтересный маленький глоссарий, который насчитывает всего 8 страниц. Этот словарь называется *Mit mond Tovarıs? 'Что говорят товарищ?'* Составил этот словарь некий Э. Хайош. Дата издания не указана, можно предположить, что он вышел в конце II Мировой войны. Автор словаря на титульной странице дает пояснение, что он создал этот глоссарий для венгров, с целью облегчения понимания русского языка. Уникальность этого словаря состоит в том, что русские лексемы в нем указаны на основе венгерской орфографии, к которым даются венгерские эквиваленты. Например:

- (12) *Abjed* [обед], ebéd; *bagatöly* [богатый], gazdag; *csjerjevik* [черевик], cipő; *lyesztnica* [лестница], lépcső; *nyicsjevo* [ничего], semmi (НАЛÓS [?]).

В заключении хотелось бы подчеркнуть, что при изучении истории русского языкознания в Венгрии, надо не упускать из виду, что у истоков истории русско-венгерской и венгерско-русской лексикографии лежали труды видных карпаторусинских церковных деятелей, писателей-русофилов.

Словари

БЕСКИД 1920 = БЕСКИД, Н. *Мадьярско-русский словарь*. Пряшево, 1920.
МИТРАК 1881 = МИТРАК А. *Русско-мадьярский словарь*. Унгварь, 1881.
МИТРАК 1922 = МИТРАК А. *Мадьярско-русский словарь*. Ужгородь, 1922.

HAJÓS [?] = HAJÓS E. *Mit mond Tovariss?*[?]. <https://m.nyest.hu/hirek/mit-mondott-a-tovaris>.

KUBEK 1906 = KUBEK E. *Ószáv-magyar-ruthén-német szótár. Старославянский-угорский-русский-немецкий словарь к священному писанию*. Ungvár 1906.

Литература

БАЛЕЦКИЙ 1955(a) = БАЛЕЦКИЙ Э. Венгерско-русский словарь. Составили Л. Хадрович и Л. Галди. *Studia Slavica* 1955/1: 445–410.

БАЛЕЦКИЙ 1955(b) = БАЛЕЦКИЙ Э. Русское языкознание в Венгрии. *Studia Slavica*. 1955/1: 456–467.

БАЛЕЦКИЙ 1960 = БАЛЕЦКИЙ Э. Об изучении истории славяноведения в Венгрии. *Wiener Slaviastisches Jahrbuch* 8, 1960: 160–171.

БАЛЕЦКИЙ 1978 = БАЛЕЦКИЙ Э. Краткий очерк русско-венгерской лексикографии. *Studia Russica* 1978/1: 10–32.

КОВАЧ 1961 = КОВАЧ З. *Orosz-magyar szótár*. [Русско-венгерский словарь] Szerkesztette [составили] Hadrovics László–Gáldi László. Második, átdolgozott és bővített kiadás. [Второе переработанное и дополненное издание.] Budapest, 1959. *Studia Slavica* 7. Budapest, 1961: 263–269.

ЛЯВИНЕЦ-УГРИН 2016 = ЛЯВИНЕЦ-УГРИН М. К истории карпаторусинской лексикографии Русско-мадьярский словарь и Мадьярско-русский словарь А. А. Митрака. *Omnis amor incipit ab aspectu. Köszöntő könyv Jászay László 65. Születésnapjára*. Budapest, 2016. 149–156.

САБОВ К. 1865 = САБОВ К. А. *Грамматика письменного русского языка. По образцу лучших авторов*. Ужгородь, 1865.

САБОВ Е. 1931 = САБОВ Е. И. Рѣчь при открытіи памятника о. Александру Андреевичу Митраку-Материну въ Мукачевѣ 7. VI. 1931. *Александръ Андреевичъ Митракъ. Къ открытію его памятника въ Мукачевѣ 7. VI. 1931 въ рамках торжествъ дня Русской Культуры*. Ужгородь, 1931. 5–16.

УДВАРИ 1991–1992 = УДВАРИ И. Памяти Ласло Чопеи. *Studia Slavica Hungarica* 1991–1992/37: 467–473.

УДВАРИ 2004 = УДВАРИ И. Ласло Чопей, русинист. В кн.: HOLLÓS A. (ред.) *Csopey László élete és művei*. Nyíregyháza: Dimensiones Culturales et Urbarialex Regni-Hungariae 5. 2004. 16–26.

KISS 1991 = KISS K. Első orosz nyelvtanaink, nyelvtankönyveink. *Első magyar alkalmazott nyelvészeti konferencia I-II*. Nyíregyháza, 1991/I. 205–210.

KISS 1992 = KISS K. Adalékok a XIX. századi kárpátaljai russzofilizmus történetéhez. Szabó Cyrill és tevékenysége. *Studia Slavica Savariensia* 1992/2: 79–87.

KOVÁCS 1963 = KOVÁCS Z. A hazai szláv nyelvű lexikográfia (1945-től 1962 májusáig). *Az Országos Széchenyi Könyvtár Évkönyve (1961–1962)*. Budapest, Országos Széchenyi Könyvtár, 1963. 371–383.

KOVÁCS 1967 = KOVÁCS Z. Szláv nyelvű szótárírás Magyarországon a kezdettől 1945-ig. *Az Országos Széchenyi Könyvtár Évkönyve (1956–1966)*. Budapest, Országos Széchenyi Könyvtár, 1967. 482–490.

MAYER 1977 = MAYER M. *Kárpátukrán (ruszin) politikai és társadalmi törekvések 1860–1910*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1977.

RAKOVSKY 1867 = RAKOVSKY J. *Orosz nyelvtan // Русская грамматика*. Buda, 1867.

TRÓCSÁNYI 1950 = TRÓCSÁNYI Z. Az első magyar nyelvű orosz nyelvtan. *Magyar nyelvőr* 1950/74: 108–111.

Источники

PALLAS NAGYLEXIKON = <http://mek.oszk.hu/00000/00060/html/035/pc003554.html>.

В. В. САЙГИН

Лексикографическое описание ключевых концептов русской традиционной культуры

На примере концептов, входящих в состав концептуального поля
«грех»

Lexicographic description of key concepts of Russian traditional culture

On the concepts being a part of the conceptual field “grekh” (‘sin’)

Abstract: The idea of teaching dictionary of concepts of Russian traditional culture is discussed in the work. The purpose is to present principles of lexicographic description of key concepts in terms of the concept “grekh” (‘sin’). The dictionary entry “grekh” of the dictionary is described as an example. The dictionary definition of the concept has complex character including not only linguistic, but also extralinguistic data. The dictionary entry, therefore, is voluminous, detailed and extensive, with enlarged zone of illustrative material of different kinds, with graphic schemes and so on, including description of concept’s cognitive signs and sense extension, modeling of its semantic structure, definition of paradigmatic, syntagmatic and derivative peculiarities of language explication of concept etc.

Keywords: concepts of Russian culture, teaching dictionary of concepts, the concept “grekh” (‘sin’), dictionary entry, Russian language

Введение

В работе освещаются проблемы лексикографического описания ключевых концептов русской традиционной культуры в словарях нового типа — лингвокультурологических словарях концептов

В настоящей статье мы хотели бы представить проект словаря концептов русской традиционной культуры, который еще находится в стадии разработки. Возможности предлагаемого нами словарного описания концептов мы покажем на примере концептов, входящих в состав концептуального поля «грех» — это сам русский культурный концепт «грех» вместе с входящими в структуру концептуального поля греха концептами «покаяние» / «раскаяние», «добродетель» / «порок» и др. Теоретической основой работы является концепция исследования единиц «языка культуры», изложенная в книге (РАДБИЛЬ 2016). Описание осуществляется по материалам комплексного лингвокогнитивного анализа концептуального поля «грех», представленного в нашей монографии (САЙГИН 2015).

Предлагаемое нами описание носит комплексный характер, включая не только собственно лингвистические, но и внеязыковые данные, как это было

представлено, например, в образцовом словаре такого рода *Константы. Словарь русской культуры* академика Ю. С. Степанова (СТЕПАНОВ 1997). Словарная статья, таким образом, является объемной, подробной и развернутой, с расширенной зоной иллюстраивного материала разного типа, с графическими схемами и под., включая описание когнитивных признаков и смыслового объема концептов, построения их семантической структуры, определения парадигматических, синтагматических и деривационных особенностей языковой экспликации концептов и т. д.

Покажем на примере концепта «грех», как могла бы выглядеть словарная статья предлагаемого словаря. Отметим, что двойственность религиозного и внерелигиозного понимания греха прослеживается последовательно на всех уровнях его концептуального содержания, что отражено и в словарном описании концепта.

1. Этимологическая зона словарной статьи

1.1. Религиозный компонент внутренней формы лексемы *грех*

Перевод греческого слова *ἁμαρτία*, которое буквально означает 'промах или непопадание в цель'. В языке Святого Писания вырабатывались лексические средства для обозначения христианского греха. Среди них было много переосмысленных юридических терминов с ярко выраженной идеей нарушения закона или морали: помимо *ἁμαρτία* ('промаха', 'ошибки' и собственно 'греха'), в этом значении использовались *παράβασις* и *παράπτωμα* ('преступление'), *ἀνομία* ('беззаконие' или действие, противоположное закону), *ἀδικία* ('неправота' или действие, противоположное идее справедливости), ср. определение Иоанна Богослова — *ἡ ἁμαρτία ἐστὶν ἡ ἀνομία* [грех есть беззаконие] (1 Ин. 3:4). Таким образом, в духовном компоненте этимологии слова *грех* уже присутствует идея субъективного целенаправленного действия, совершаемого неправильно, причем в высшем, духовном понимании — это идея промаха, непопадания в цель (грех и есть несоответствие человека высшей, Божественной цели своего существования) → преступления и беззакония (ПАНОВА 2000: 166–177).

1.2. Светский компонент внутренней формы *грех*

В *Этимологическом словаре русского языка* М. Фасмера слово связывается с *греть* с первоначальным значением 'жжение (совести)'. Еще один ряд этимологических сближений связывает слово *грех* с литовским *graijas* 'косой', включая элементы **groikso-* или **groiso-* 'изгиб, кривизна'. Возможно, сходными по происхождению являются такие слова как *гроза*, *грёза* (ФАСМЕР 1986: 124). Таким образом, мы можем выделить идею искривления, сгибания, т. е. нарушения первоначального состояния чего-л., которая перешла по метафорическому переносу в идею заблуждения, ошибки, путаницы, т. е. тоже в своем роде искривления — сворачивания с прямого пути. Отметим, что указанное нарушение чего-л. не обязательно связано с сознатель-

ными действиями субъекта — это в общем любое нарушение, отклонение от прямого пути по любым причинам или основаниям — и даже без причин.

2. Экстралингвистическая интерпретация объема и содержания категории *грех* в культурном сознании

2.1. Религиозно-православный компонент внеязыкового содержания концепта (отражен в Святом Писании и в Святом Предании, в канонической православной практике):

1. 'сознательное или бессознательное совершение действия, нарушающего Божественные установления';
2. 'состояние вины субъекта перед Богом, наступающее в результате совершения действия, нарушающего Божественные установления';
3. 'прекращение жизни в Боге субъекта, изначально живущего по Божественным установлениям, в результате совершения действия, нарушающего Божественные установления';
4. 'изначальное состояние любого смертного человека по причине первородного греха, совершенного Адамом и Евой, требующее специфических духовных действий покаяния' (САЙГИН 2015: 72).

2.2. Внерелигиозный, светский компонент внеязыкового содержания концепта (в светском философском, публицистическом, художественном дискурсах), соответствующем светской репрезентации этого концепта:

1. 'фиксация любого нарушения какой-либо нормы, сознательного или бессознательного, ошибочных или неправильных действий в любой сфере — социальной, политической, идеологической, этической, эстетической, культурной, при этом не обязательно в связи с нарушением Божественных установлений';
2. 'несоответствие действий индивида любым внешним стандартам поведения' (САЙГИН 2015: 73–81).

Примечание: С этим связана тенденция к десакрализации греха в современной цивилизации.

3. Концептуальное содержание и смысловой объем концепта *грех*

3.1. Когнитивные признаки концепта:

1. 'нарушение действием, словом или мыслью воли бога (поступок, противный закону божию)'
2. 'нарушение религиозных предписаний, правил'
3. 'состояние (чувство, ощущение) вины перед богом'
4. 'нарушение предписаний, правил нравственности'
5. 'проступок, преступление'
6. 'ошибка'

7. 'состояние (чувство, ощущение) вины'
8. 'порок, недостаток'
9. 'беда, несчастье'
10. 'состояние греховности = ощущение неправильности, предосудительности (своих действий)'
11. 'распутство'
12. 'человеческая слабость'
13. 'недостаток, изъян в состоянии вещи, в работе механизма, устройства'
14. 'что-то плохое, неправильное'
15. 'обман'
16. 'раздражение, досада'
17. 'грусть, печаль'
18. 'воровство'
19. 'умствование'
20. 'бедность / богатство'
21. 'о ком-то некрасивом, физически непривлекательном'

Совокупный смысловой объем концепта по данным словарных источников, фразеологического и паремиологического фонда составляет 21 когнитивный признак (САЙГИН 2015: 123).

3.2. Семантическая структура концепта (представляет собой графическую экспликацию структурных связей и отношений между когнитивными признаками). Серым цветом отмечены когнитивные признаки, имеющие негативную или позитивную оценочность (Схема 1).

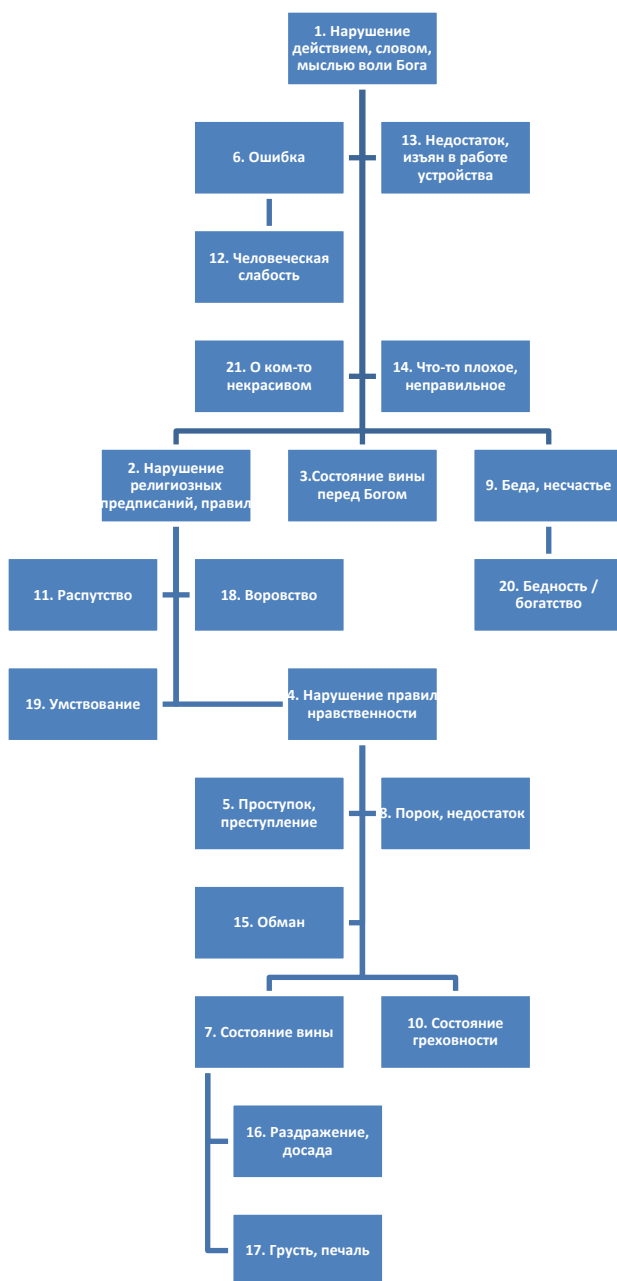

Схема 1. Семантическая структура концепта «грех» на материале толковых и этимологических словарей русского языка, языковой экспликации и в русской фразеологии и паремиологии (САЙГИН 2015: 124).

3.3. Иллюстративный материал (верификация когнитивных признаков концепта по устойчивым контекстам вхождения в фразеологизмы и пословицы):

Фразеологизмы (приводится фрагмент):

1. Значение 'что-то плохое, неправильное': *С грехом пополам* — только в значении: а) 'Кое-как; едва-едва, с трудом'; *Не грех сделать что-нибудь* — 'хорошо, можно, следует'; *Грех сказать, чтобы...* — 'нельзя сказать, неверно было бы утверждать, упрекать'.

2. Значение обмана: *С грехом пополам* — только в значении: б) 'Нечестно; с обманом, сомнительными путями'; ср. в словаре А. И. Молоткова: '2. Устар. Сомнительным путем, неблагоприятным способом, нечестно, с обманом'; *Брать, взять грех / греха на душу* — только в третьем значении 'допускать обман, ложь'.

3. Значение состояния раздражения, досады: *Вести, вводить кого в грех* — только в значении: б) 'Сердить, раздражать'; *И смех и грех* (разг.) — только в значении 'смешно и досадно'.

4. Значение грусти, печали: *И смех и грех / И смех и горе* — у А. И. Молоткова: 'Одновременно смешно и грустно, весело и печально; трагикомично' (МОЛОТКОВ 1968).

Пословицы и поговорки (приводится фрагмент):

1. Значение 'воровство': *Не клади плохо, не вводи вора в грех; Плохо не клади, в грех не вводи.*

2. Значение излишнего умствования, рационального, рассудочного отношения к жизни: *Много ума — много греха, а на дурне не взыщут.*

3. Значение 'бедность' /богатство' — с одной стороны, встречается понимание бедности как греха, а с другой стороны, напротив, как грех рассматривается и богатство: *Нет греха хуже бедности; Богатство пред Богом великий грех, а бедность перед людьми; Денег много — великий грех; денег мало — грешней того.*

4. Значение 'о ком-то некрасивом, физически непривлекательном': *Как смертный грех* (страшен, некрасив кто-н.) — '(разг.) очень страшен, некрасив' — Данная пословица чаще всего употреблялась в отношении лиц женского пола. Это, очевидно, связано с легендой о грехопадении Евы, что в народном миропонимании обусловило представления об изначальной греховности женской природы. Ср. пословицу: *Адам плотию наделил, Ева — грехом.*

4. Языковая объективация концепта грех

4.1. Особенности синтагматических отношений слов — репрезентантов концепта. Выражаются в его стандартной глагольной, субстантивной и атрибутивной сочетаемости, а также в том, что он может быть в определенных синтаксических позициях (например, иметь функцию предиката) и др.

Языковая экспликация концепта *грех* в ряде контекстов демонстрирует примеры метафорической реификации. Например, в нашем материале имеются случаи перехода абстрактного существительного *грех* в лексико-грамматический разряд конкретных существительных:

1. по модели ‘абстрактное понятие → конкретный предмет, вещь’, в сочетании с глаголами конкретного физического действия: *закапывать старые грехи; грех на совести лежит; греха не видеть*; ср. также в сочетании *грех пополам*; в этом случае *грех* трактуется как вещь, как любой чувственно воспринимаемый предмет, с которым можно осуществлять разнообразные конкретные операции. Ср. примеры из Национального корпуса русского языка: *Спасатели подсчитали уже: в этом году около 16 тысяч желающих придут ночью смыть свои грехи в святой воде; Согласно вере, в этот день вода смывает все грехи и болезни*;

2. по модели ‘абстрактное понятие → среда или вместилище’: *впасть [т. е. погрузиться] в грех; жить в грехе; погрязнуть в грехе; грех* здесь представлен в виде среды, в которую погружается субъект действия;

3. по модели ‘абстрактное понятие → вещество, субстанция’: *вкусить греха (грех)*. Ср. пример из Национального корпуса русского языка, когда *грех* приобретает параметр ‘вес’: *Равно, как и вес грехов в этот день увеличивается в несколько раз*.

Встречаются контексты, в которых *грех* подвергается метонимическому одушевлению, т. е. словом *грех* именуется одушевленный источник греха: *грех попутал = черт / бес попутал; грех* выступает как одушевленный агент — активный субъект действия: *грех рождает смерть*, — или как объект действия, в область применения которого в норме входит одушевленное существо: *убить грех* (НКРЯ).

4.2. Особенности парадигматических отношений слов — репрезентантов концепта. Выражаются в его синонимических, антонимических, гипогиперонимических отношениях (приводится фрагмент):

Синонимический ряд: *грехопадение, грешок, ошибка, погрешность, прегрешение, согрешение, преступление, беззаконие, провинность, упущение, недостаток, препятствие, проступок, окаянство*.

Примечателен факт отсутствия антонима к слову *грех*. Это может косвенно свидетельствовать о том, что в русском языковом сознании не концептуализируется представление о полноценной альтернативе греха как положительному полюсу на условной семантической шкале — нет словесного знака, обозначающего понятие ‘отсутствие греха’. Возможно, это как-то связано с идеей об изначальной греховности человеческой природы, у которой нет альтернативы.

4.3. Особенности деривационных отношений слов — репрезентантов концепта. Выражаются прежде всего в структуре системно-языкового словообразовательного гнезда с вершиной *грех* и в словообразовательной семантике слов, составляющих это гнездо. Гнездо с вершиной *грех* в совре-

менном русском языке характеризуется разветвленной структурой с богатыми и разнообразными словообразовательными связями и включает в себя 36 производных слов разной степени производности по отношению к исходному *грех* (Схема 2).

грех
 → греш-ок
 → грех-ом (нареч.)
 → греш-н-ый → греш-н-ое (сущ.)
 → грешн-о
 → грех-овн-ый → греховн-ость
 → без-грех-овн-ый
 → без-греш-н-ый → безгрешн-о
 → безгрешн-ость
 → небез-греш-н-ый → небезгрешн-ость
 → греш-и-ть → греш-ник → грешниц-а
 → на-грешить
 → по-грешить → погреш-ени-е
 → погреш-ность
 → погреш-ительн-ый → не-погрешительный
 → непогрешительн-о
 → непогрешительн-ость
 → не-погреш-им-ый → непогрешим-ость
 → пре-грешить → прегреш-ени-е
 → со-грешить → согреш-ени-е
 → грех-о-вод-ник → греховодниц-а
 → греховоднич-а-ть → на-греховодничать
 → грех-о-пад-ени-е
 → много-греш-н-ый

Схема 2. Словообразовательное гнездо с вершиной *грех*

4.4. Иллюстративный материал (НКРЯ). Иллюстрирует каждый из выявленных 21 когнитивных признаков (приводится фрагмент):

1. ‘Нарушение действием, словом или мыслью воли Бога (поступок, противный закону Божию)’: ... *а отчаяние, вы знаете, до каких грехов доводит: ропот, хула на бога, самоубийство и тому подобное.*

2. ‘Нарушение религиозных предписаний, правил’: *Бесплодную женицину принято в лучшем случае жалеть (вспомните Библию: отсутствие детей — знак божьей немилости, наказание за грехи).*

3. ‘Человеческая слабость’: *Пока снег чистили, выпили, не спорю. Грех после рыбалки не выпить. Потом по домам пошли.*

5. ‘Недостаток, изъян в состоянии вещи, в работе механизма, устройства’: *Грех компьютера, или То, что непознаваемо. Является ли грехом велосипед?* (НКРЯ)

5. Новые явления в функционировании лексемы *грех* в современной русской речи

Здесь описываются разнообразные языковые преобразования лексемы *грех* в русском языке новейшего периода. Всего было выявлено два типа новых явлений, (которые такие снабжены иллюстративным материалом).

5.1. Расширение сочетаемости слов — репрезентантов концепта *грех*. Прежде всего это касается осмысления в терминах *греха* таких областей действительности, где раньше это понятие было неприменимо: финансовая, политическая, спортивная и другие сферы (приводится фрагмент):

1. ‘Финансовые грехи’: *Должникам приходится расплачиваться за чужие финансовые грехи; Финансовые грехи россиян.*

2. ‘Экономические грехи’: *«Первородный грех белорусской экономики; Грех ли — не платить налоги?»*

3. ‘Политические грехи’: *Политические «грехи» большевизма, как источник сталинизма; Семь смертных политических грехов.*

4. ‘Научные грехи’: *Исследование стволовых клеток грех или грех науки?; Тогда мы можем отбросить приведенный выше сомнительный случай с греческим огнем и задать себе вопрос: были ли у науки грехи после 1752 года?*

5. ‘Педагогические грехи’: *Лучше скажи мне что-нибудь приятное, я на смертном одре, отпусти мне педагогические грехи... (НКРЯ).*

5.2. Преобразования слов — репрезентантов концепта *ГРЕХ* в коннотативно-оценочной сфере. Изменение сферы оценочности концепта *грех* связано с двумя тенденциями: 1) выведение некоторых видов греха из сферы действия традиционной негативно-оценочной коннотированности; 2) приобретение некоторыми видами греха потенциальной положительно-оценочной коннотации.

1. Выведение некоторых видов греха из сферы действия традиционной негативно-оценочной коннотированности проявляется в синтаксической конструкции, где слово *грех* выступает в позиции предиката под действием модального оператора отрицания: ‘S — не грех’. Этот контекст позволяет диагностировать, что не является грехом для современного носителя языка (приводится фрагмент).

Так, в число «не-грехов» ожидаемо попадает пьянство: *Усаживаясь в машину, молодой немец Халилович бросает приятелям: — Ну что, после второго места и по пивку не грех?*

Эротика: *Как получилось, что в целомудренные 70-е Польша — страна со строгими религиозными взглядами — оказалась в авангарде эротического кинематографа? — Для католиков эротика — это не грех. В костеле супругов венчают именно для того, чтобы они этой самой эротикой занимались.*

Прелюбодейание: *Но если ты влюблен, то прелюбодейание — не грех.*

Блуд: *Встречаться с девушкой до свадьбы — это не грех.*

Цинизм: *Циничность — не грех, это зрелость ума и трезвость при взгляде на вещи.*

Наркомания: *Boris, ты пиши из африканских стран — может, и я соберусь за первоклассной дурью — это не грех* (НКРЯ).

2. Приобретение некоторыми видами греха потенциальной положительно-оценочной коннотации проявляется в атрибутивной сочетаемости слова «грех» с качественными прилагательными с общеоценочной или частнооценочной семантикой — *хороший, красивый, приятный, очаровательный, замечательный, любимый* и пр. (приводится фрагмент): *Красивый грех к себе манит...; «Очаровательный маленький смертный грех».*

Эти контексты позволяют диагностировать некоторые виды греха, которые потенциально или реально могут положительно оцениваться носителем языка. Это, например, такие грехи, как тщеславие, прелюбодеяние, чревоугодие и пр.: *Тщеславие — мой любимый грех!; Любовь — приятный грех; Приятный грех чревоугодия; Приятный грех прелюбодеяния* (НКРЯ).

6. Краткое описание использованных словарных источников и источников текстового иллюстративного материала

Данное описание содержит список энциклопедических источников и словарей русского языка, а также библиографическое описание всех цитируемых в иллюстративном материале текстовых источников (около 70).

Аналогично строятся словарные статьи для концептов *покаяние* (включая его светский коррелят *раскаяние*) и *добродетель* (включая антоним *порок*).

7. Заключение

По итогам исследования мы можем говорить о том, что особенности освоения и языковой экспликации этих понятий современными носителями языка выражаются главным образом в так называемой *десакрализации* религиозных концептов, которая понимается как переосмысление традиционного религиозного компонента концептуального содержания в обытовленном, внерелигиозном ключе, а также в стилистическом снижении слов, изначально выражавших высокие духовные и религиозно-нравственные понятия.

Применительно к концептуальному полю *грех*, напомним, что в современном русском языковом сознании в целом сохраняется традиционная для русской культуры негативная оценочность греха. Однако обнаруживаются и определенные изменения в представлении о грехе в языковом сознании носителей языка за последние годы: постепенно формируется нейтрализация негативной оценочности в духе этического релятивизма и даже возможность позитивно-оценочной трактовки некоторых видов греха.

Приметой времени, отражающей современные реалии бездуховного общества потребления, выступают представления о том, что грех — это

нормальное, а значит, прощительное свойство всех людей, что это норма жизни. Грех также может мыслиться в терминах удовольствия как нечто приятное человеку. Это связано с упрощенным пониманием греха в контексте установки на гедонистический образ жизни, которая характерна для определенной части современного российского общества.

Словари

- МОЛОТКОВ 1968 = Молотков А. И. (ред.). *Фразеологический словарь русского языка*. Москва: «Советская Энциклопедия», 1968.
- СТЕПАНОВ 1997 = СТЕПАНОВ Ю. С. *Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования*. Москва: «Академпроект», 1997.
- ФАСМЕР 1986 = Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*: В 4-х тт. Т. I. Издание 2-е. Москва: «Прогресс», 1986.

Литература

- ПАНОВА 2000 = ПАНОВА Л. Г. Грех как религиозный концепт (на примере русского слова «грех» и итальянского «рессато»). В кн.: АРУТЮНОВА Н. Д., ЯНКО Т. Е., РЯБЦЕВА Н. К. (ред.) *Логический анализ языка: Языки этики*. Москва: «Языки русской культуры», 2000. 167–177.
- РАДБИЛЬ 2016 = РАДБИЛЬ Т. Б. *Основы изучения языкового менталитета*: Учебн. пособие. Москва: «Флинта»; «Наука», 2016.
- САЙГИН 2015 = Сайгин В.В. *Концептуальное поле «грех» в пространстве русской культуры: опыт комплексного лингвокогнитивного описания*: Монография. Нижний Новгород: «Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского», 2015.

Источники

НКРЯ = *Национальный корпус русского языка*. <http://www.ruscorpora.ru>

Л. Л. ШЕСТАКОВА

**Лексическая структура языка поэзии Серебряного века
по данным сводного поэтического словаря**

**Lexical structure of the Silver Age poetry language
on the data of the composite poetic dictionary**

Abstract: The article is devoted to lexical structure of the Silver Age poetry language. The material of «Dictionary of XXth century Russian Poetry Language» made it possible to select and characterize words of such lexical groups as obsolete lexemes, neologisms, stylistic coloured words and terms. For example, different types of archaisms are considered in the group of obsolete words. A correlation of archaisms with the words of active use in the poetic language is shown.

Keywords: poetry language, Silver Age, lexical structure, poetic dictionary

Одно из направлений в изучении русского поэтического языка как части национального языка – это анализ его лексической структуры, выявление тенденций к ее изменению. Работа в рамках такого направления особенно важна при обращении к наиболее значимым эпохам в истории поэзии, к периодам ускоренного, интенсивного развития поэтического языка. Таким периодом, несомненно, является Серебряный век русской поэзии.

В методическом отношении для изучения лексической структуры поэзии Серебряного века продуктивен словарный (точнее, «отсловарный») подход, и конкретно – основанный на материалах словарей поэтического языка эпохи. Причем имеются в виду, в первую очередь, сводные словари, отражающие язык ряда авторов. Отметим, что названный подход, в отличие от традиционного (опирающегося на выборку единиц из текста) и отраженного, например, в работе (ЧЕРНЫХ 2005), предполагает бóльшую систематизированность и полноту материала, что определяет, в свою очередь, бóльшую объективность получаемых результатов. В нашей статье мы хотели бы показать, каким образом реализуется этот подход с опорой на данные много-томного *Словаря языка русской поэзии XX века* (ГРИГОРЬЕВ–ШЕСТАКОВА 2001–2017), создаваемого, по концепции В. П. Григорьева, в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН. К настоящему моменту вышло семь томов Словаря, идет работа над восьмым и девятым томами¹.

Этот Словарь являет собой, по сути, алфавитный тезаурус языка десяти выдающихся русских поэтов, творчество которых связано прежде всего

¹ Составители разных томов Словаря: В. П. Григорьев, В. В. Бакеркина, А. В. Гик, Л. И. Колодяжная, А. С. Кулева, Т. Е. Реутт, Н. А. Фатеева, Л. Л. Шестакова.

с эпохой Серебряного века. Это: И. Анненский, А. Ахматова, А. Блок, С. Есенин, М. Кузмин, О. Мандельштам, В. Маяковский, Б. Пастернак, В. Хлебников, М. Цветаева (в Словаре и далее в статье имена поэтов даются в сокращенном виде; см. список сокращений). Соединяющий в себе черты конкорданса и объяснительного справочника, Словарь жанрово определяется нами как сводный конкорданс комментирующего типа (подробнее об этом см. (ГРИГОРЬЕВ 2001; ШЕСТАКОВА 2011: 89–93).

Обращение к опубликованным материалам Словаря позволяет выявить состав совокупного поэтического лексикона, вычленив в нем определенные структурные части, оценить лексико-семантическую, стилистическую весомость каждой из них.

Анализ показывает, что лексическая структура поэтического языка рассматриваемой эпохи в целом изоморфна аналогичной структуре общего языка. Однако, как выясняется, дело не в общем сходстве, а в деталях, в акцентах, которые и определяют структурную и содержательную специфику лексического корпуса, заключенного в Словаре.

Приведем группы слов, с очевидностью вычленимые в лексиконе поэзии Серебряного века: общеупотребительная лексика, устаревшие слова, новые слова, стилистически окрашенные слова, специальные слова, иноязычные вкрапления.

Сразу отметим, что мы не будем здесь останавливаться на общеупотребительной нейтральной лексике (хотя она представляет интерес в том плане, что именно выбирают поэты из общего лексического фонда); оставим в стороне и такой очевидный пласт, как поэтизмы, принадлежащие стилистически окрашенным ресурсам языка; также ограничимся лишь упоминанием иноязычных вкраплений, сославшись на работу (ШЕСТАКОВА–КУЛЕВА 2015), в которой единицы этого типа (отражающие в поэзии Серебряного века диалог культур) подробно анализируются.

Рассмотрим немалые по объему группы слов, которые в процессе описания материала обратили на себя внимание составителей и редакторов Словаря. Это устаревшая лексика, которой мы уделим наибольшее внимание, и новая лексика – пласты слов, традиционно относящиеся к пассивному словарному запасу, однако меняющие свой статус в поэтическом языке; это стилистически окрашенная (сниженная) лексика и массив специальной лексики, соотносимой с самыми разными областями знания и сферами деятельности. Примеры будут взяты в основном из двух томов Словаря – 5-го (Н–Паяц) и 6-го (Пе–Радость); в каждом из них содержится более 7000 словарных статей. При полных примерах из Словаря будут приводиться соответствующие шифры, содержащие указание на автора, год (годы) написания произведения, страницу (или том и страницу) произведения в выбранном источнике, например: *Ахм914 (153)*, *АБ901 (I,127)*; в некоторых случаях указывается номер стихотворения на странице, например: *Анн900-е (107.1)*.

1. Устаревшая лексика

Словарь языка русской поэзии XX века отражает поэтический язык большого временного отрезка, поэтому естественно наличие в нем устаревших слов. Словарь фиксирует и те слова, которые были устаревшими в момент написания произведений, и те, которые устарели позднее. Каждая из этих групп слов по-своему ценна для исследования: именно в связи с первой можно говорить о намеренном, установочном использовании архаической лексики, слова же второй группы интересны своей фиксацией в поэтическом языке на этапе (или предэтапе) их устаревания. Мы в статье коснемся преимущественно слов первой группы.

Систематизация материалов проводилась в основном по пометам *устар.* (устаревшее), *стар.* (старинное) и по содержанию толкований. Такая систематизация в целом соответствует традиционному делению устаревших слов на историзмы и архаизмы, но с определенными особенностями. Число историзмов в целом невелико, при этом отмечаются как известные слова, так и редкие, едва ли знакомые обычному читателю. С одной стороны, это *оброк* ‘натуральный или денежный сбор, взимаемый при крепостном праве с крестьян помещиком’², с другой, например, встречающиеся у Хл слова *опахень* и *опришки*, описанные в Словаре таким образом:

- (1) ОПАШЕНЬ [в Др. Руси – летняя верхняя одежда] [Печальный леший (с свирелью):] Нега Снега, О, не у тех! В *опахне* клеста, В рядне снегиря Тайна утех. <...> Хл908 (388).
- (2) ОПРИШКИ [участники народно-освободительной борьбы в Галичине (с XVI в.)] [Похороны *опришками* товарища:] «Гож нож!» – то клич боевой, Теперь ты не живой. Хл913 (90.2).

В большей степени, чем историзмы, тематическое и смысловое пространство поэзии Серебряного века расширяют лексические и семантические архаизмы. Ср. в первом случае: *назём* ‘навоз’ (П), *народоправство* ‘демократия’ (Цв), *насад* ‘плоскодонное судно’ (Хл), *насельник* ‘коренной житель’ (Хл), *невступно* ‘почти’ (П), *обстать* ‘окружить’ (АБ), *осаднить* ‘покрыть ссадинами’ (Ес), *острастить* ‘причинить страдания’ (Цв), *паки* ‘опять, снова’ (Куз, Хл), *пахитоса* ‘папираса’ (ОМ)³. Во втором: *навечно* и *навечно* ‘несомненно, точно’ (в значении наречия; Анн, АБ), *некогда* ‘когда-нибудь, в будущем’ (Хл), *ничтожество* ‘небытие’ (Хл, П), *опахало* ‘веер’ (Цв), *отрасль* ‘потомок’ (Хл).

² Словарь фиксирует слово *оброк* у Ес, ОМ, Цв, как в прямом, так и в переносном значении: ОБРОК <...> С каким глухим негодованьем Ты собирал с князей *оброк* Или с рассеянным вниманием На фортепьянный шел урок! ОМ914 (100); «<...> *Оброки* платили мы к сроку, Но – грозный судья – старшина Всегда прибавлял к *оброку* По мере муки и пшена. <...>» <...> Ес925 (III,182); Тяжек мартовский *оброк*: Земли – цепи горны – Ну и карточный игрок! Ну и стол игорный! Цв939 (II,358). Слово, как видно, выносится и в позицию рифмы.

³ Вот несколько примеров из предыдущих томов: *бирюч* ‘глашатай’ (Хл), *дикомыть* ‘ловчая птица’ (Ес), *дремь* ‘чаша’ (Ес), *кафля* ‘изразец’ (П).

Словарь фиксирует множество архаизмов других типов. Из лексико-фонетических это такие слова (в том числе с устаревшим ударением), как: *нейрастения* (АБ), *ночь* (Ес), *номер* (Анн, Цв), *нэктар* (П, Цв), *несча́сливый* (ОМ), *неужели* (Цв).

Лексико-словообразовательные архаизмы можно проиллюстрировать словами: *на́ручни* ‘наручники’ (П), *начаток* ‘начало’ (П), *небречь* ‘пренебречь’ (Куз), *неперерывный* ‘непрерывный’ (Цв), *неплодный* ‘бесплодный’ (Куз), *отдышка* ‘передышка’ (П), *ответствовать* ‘ответить (отвечать)’ (АБ, Хл, Цв, Ахм), *пав* ‘павлин’ (Цв).

Заметное число в поэтических текстах лексико-фонетических и лексико-словообразовательных архаизмов можно связать, по-видимому, с их двойственной природой: они архаичны в своей основе, поэтому привносят в произведение дополнительные коннотации, в то же время семантически достаточно прозрачны.

Место и роль устаревших слов в лексиконе Серебряного века уточняются путем соотнесения их с актуальными словами. В ряде случаев фиксируется только архаизм, становящийся единственным выразителем конкретного смысла (например, у Хл отмечено существительное *непокорство* при отсутствии у него и других поэтов парного *непокорность*).

Однако чаще словарные материалы демонстрируют употребление пары слов – современного и архаичного, за счет чего происходит своего рода наращение смыслов и усиление мотивов. В одних случаях это отмечается у отдельных поэтов. Так, у П в ранних стихах встречается устаревшее *отмета*: «Сумрак крался быстрой кошкой, Кошкой в дымчатых *отметах*» (П909-20-е (I,614)), в зрелых – *отметина*: «Что означала в черной раме Четырехпалая *отметина*?» (П944 (II,68)). Слово *насилие / насилье* встречается в строках АБ, Куз, ОМ, М, П и Хл, а устаревшее *насильство* – только у Хл: «То Смута. Годы лихолетья и борьбы, *Насильств*, походов и вражды» (Хл912–13 (237)).

В других случаях наблюдается распределение в употреблении поэтами актуальной и устаревшей лексем. Так, прилагательное *насильственный* использовано ОМ и П, а *насильный* – Цв. Ср. переключку таких строк: «И вместо земных *Насильных* небес – Небесных земель Синь» (Цв931 (II, 298.2)) – и: «Лишив меня морей, разбега и разлета И дав стопе упор *насильственной* земли, Чего добились вы?» (ОМ935 (216.3)).

Словник сводного поэтического словаря показывает, что устаревшие и актуальные лексемы вступают в языке поэзии и в отношения омонимии. Например, глагол *опешить* ‘сделать пешим’ один раз использован Хл: «Когда на камнях волос чешет Русалочий прозрачный пол <...>, Конь всадника вечернего *опешит*» (Хл919,21 (263)), а *опешить* ‘растеряться’ (*разг.*) – П, в метафорическом контексте: «А над обрывом, стих, твоя *опешит* Зарвавшаяся страстность муравья <...>» (П923 (I,542)). Показательны примеры архаизмов, омонимы к которым остаются за пределами лексикона выбранных поэтов, но всплывают в сознании читателя. Так, глагол *осунуться* находим у П только в значении ‘погрузиться в воду’: «А рябь! Как будто рыболова Свинцовый грузик заскользил, *Осунулся* и лег на ил» (П918

(I,185)), а существительное *оператор* у Цветаевой в значении ‘хирург’: «С точностью сбирра [сыщика] и *оператора* Всё мои раны – сон перерыл!» (Цв924 (II.244)).

Большинство устаревших слов носит единичный характер, т. е. здесь присутствует, по-видимому, осознанный выбор слова; некоторые архаизмы встречаются у двух-трех поэтов (примеры см. выше), отдельные (общепозитические: *огнь, око, пажить* и др.) – у всех авторов, представленных в Словаре. Количественные данные по отдельным томам хорошо иллюстрируют не только общий объем архаической лексики, но и степень ее совокупной контекстной реализованности у выбранных поэтов. Так, в 6-м томе в 383-х статьях с пометой *устар.* (5 %) собран значительный иллюстративный материал – свыше 5 тыс. контекстов (более чем по тысяче – у АБ и Цв, более чем по 500 – у П и Хл, более чем по 400 – у Ахм, Ес и Куз, около 300 – у ОМ, 260 – у М, 168 – у Анн). Для поэтов Серебряного века архаическая лексика, с ее широким тематическим и семантическим диапазоном, стала важным языковым ресурсом.

2. Новая лексика

Устаревшим словам противостоит корпус новых слов, которые в Словаре сопровождаются пометой *нов.* Авторами лексических новообразований являются не только известные словотворцы Цв, Хл, М (в произведениях которых ярко отразилась характерная для эпохи тенденция к изменению, обновлению языка), но и другие поэты. Например, в массиве на букву П 330 словарных статей к новым словам. Наибольшее число отмечается у Цв (136), Хл (63) и М (52); за ними следуют Ес (21), П (16), Куз (14), ОМ и Ахм (по 13); замыкают ряд АБ (9) и Анн (7). Единицы этого класса квалифицировались составителями Словаря с опорой на существующие словари авторских неологизмов, прежде всего (КОЛЕСНИКОВ 1991; ПЕРЦОВА 1995; МАСЛЕННИКОВ 2000; ВАЛАВИН 2010). Однако в такой совокупности, как в сводном словаре, они особенно ясно показывают, во-первых, множественность механизмов образования новых слов и, во-вторых, наличие одних и тех же словообразовательных моделей у разных авторов. Ср. соответствующие этому две группы примеров. Вот первая группа (в ней примеры даны по поэтам в соответствии с частотой употребления ими неологизмов):

1. Цв – *певцоубийца, первоголубизна, пешехожий, поволчей, пошалавать, пряд;*

2. Хл – *Перунепр, песнезов, поец, предземшарвеликий, пророгожен, пушкиноты;*

3. М – *песенно-есененный, пианинить, подоконничий, поцекистей, поэтин, прискульптурив;*

4. Ес – *певунный, побегушник* (‘гонец’), *праздниться* (от *праздный*), *прокопытить;*

5. П – *переросток-муравей, подклейстеренный, полнодонный, прорешливый;*

6. Куз – *первантра, природствующий, профлейтить*;
7. ОМ – *Петропавловск-Цусима, примусиный*;
8. Ахм – *пожелезней, прапозма, предпесенный*;
9. АБ – *перстень-страданье, плотно-белый*;
10. Анн – *пустоплясый, пыльно-зыбкий*

– и вторая группа:

1. новые слова с приставкой *пере-*: *перегордиться, перезлословить, перемонаришить, переовечить* и др. (Цв), *переобезьянить* (П), *перепастерначить* (Ахм), *переогромлен* (ОМ);

2. новые слова с первой частью *полу-*: *полумать, полугроб, полуморской, полуплечи* и др. (Хл), *полубессонница* (П), *полувеселый* (АБ), *полумерцающая* (Куз), *полусмеясь* (Цв);

3. новые слова с первой частью *печально-*: *печально-благодарный, печально-нем* (Ахм), *печально-горловой* (Хл), *печально-братский* (Цв).

Перечень неологизмов может быть значительно дополнен единицами языка богов, звездного и заумного языка из произведений Хл, которые фиксируются Словарем (*наум, незь, неум, нираро, ноум, озири, пи, пинцо, типока, тирара, пиэо, плянь, поум, ра* и т. д.).

Весь этот неологический материал подтверждает правомерность выделения словотворческого начала как общей черты языка поэзии Серебряного века, т. е. присущей далеко не только футуристам и близким им поэтам, как это обычно считается. Кроме того, он располагает к широкому сопоставительному изучению авторской неологии.

3. Стилистически окрашенная (сниженная) лексика

Еще одна заметная черта поэтического языка Серебряного века – это вторжение в него стилистически окрашенной, особенно – сниженной лексики. Так, в 6-м томе Словаря 532 словарные статьи содержат помету *разг.*, 216 – *прост.* (соответственно 7% и 3%); к ним примыкает 67 статей с пометой *обл.* (1%). Строго говоря, областная лексика является не сниженной, а территориально ограниченной, однако в функциональном отношении эти пласты лексики близки друг другу.

Интерес представляет распределение сниженной лексики по идиостилиям поэтов, представленных в Словаре. Очевидно обращение к сниженным словам Ес, М, П, Хл, Цв; примечательно их использование Анн, Куз и ОМ. При этом у Ахм и АБ подобные слова тоже отмечаются, хотя и носят единичный характер. См., например:

1. разг.: *пересуматошить* (П), *пиликать* (ОМ), *поахать* (Куз), *повыместить* (М), *повырасти* (АБ), *повытереть* (Ахм), *погорать* (Ес), *позастрелять* (Анн), *пригоршенка* (Цв);

2. прост.: *пентюх* (П), *пенция* (вариант к *пенсия*) (Анн), *перебечь* (Цв), *перемотнуться* (АБ), *побалакать* (Хл), *погань* (М), *подыхать* (Цв), *послухать* (Ес), *проворонить* (ОМ), *пройтиться* (Куз);
3. обл.: *переточина* 'протока, ручей' (Ес), *плачя* 'плакальщица' (Куз), *погон* 'перегон' (П), *погудка* 'напев, мелодия' (Цв), *полоник* 'половник' (Ес), *пригнести* 'прижать' (АБ).

Обратим внимание на то, что в выборе одних и тех же сниженных по окраске слов видно сближение поэтов, причем не только тех, для кого характерно обращение к подобным словам: *передбхнуть* (прост., М, Хл), *пинок* (разг., М, П), *повиниться* (разг., Анн, Цв), *поворотить* (разг., АБ, Цв), *подждать* (разг., Ахм, Ес, М), *покуда* (прост., Анн, АБ, Куз, ОМ, П, Цв), *пялить* (прост., ОМ, М, П).

Как справедливо отмечается в работе (ЧЕРНЫХ 2005: 21), широкое использование поэтами сниженных ресурсов общего языка безусловно способствовало дальнейшей демократизации языка поэтического.

4. Специальная лексика

Материалы Словаря демонстрируют и противоположную тенденцию – расширение состава книжной, специальной лексики, в том числе за счет пластов, отражающих состояние и характерные черты самой эпохи.

Маркерами военной тематики, военных событий начала XX в. выступают у поэтов соответствующие лексемы, образующие немалый по объему словарь: *артиллерия* (П), *блокада* (Ахм, М), *бризантный* (П), *интервенция* (П), *капрал* (ОМ), *капюль* (П), *лафет* (М, П), *мортира* (Ес, М), *миноносец* (Ахм, М, П), *пулемётчик* (ОМ, М) и т. п.

Активность процессов в политической жизни России этого времени передает большое количество социально-политической и правовой терминологии: *бургомистр* (Цв), *джентри* (англ. 'дворянское сословие', П), *дворянство* (Ес), *декларация* (М), *деклассированный* (М), *декрет* (М, П, Цв), *демократ* (М), *доктрина* (АБ), *консорт* (англ. 'муж царствующей королевы', Анн), *конституция* (АБ, М), *прокламация* (М), *правовед* (ОМ), *правопорядок* (П), *революция* (Ес, Куз, М, П, Цв) и т. п.

Разнообразно представлена у поэтов терминология естественных наук: физики: *вольт* (М), *газ* (Анн, Ахм, АБ, Куз, М, П, Цв); химии: *ацетилен* (П), *бензол* (АБ), *борная* (субстантив 'борная кислота', М); математики как точной науки: *икс* (Хл), *уравнение* (ОМ, Хл); биологии и ее разделов: *легкие* (П, Цв), *мозжечок* (М, Цв); *кольчецы* 'кольчатые черви' (ОМ); астрономии: *афелий* (П), *равноденствие* (М, Цв); геологии: *гнейс* (ОМ).

В совокупности с техницизмами (*аэростат*, *локомобиль*, *пропеллер* и т. д.) данная терминология в поэзии отражает возрастание роли научного, технического знания, характерное для рубежа XIX–XX вв.

Поэты обращаются к терминам медицины, среди которых находим названия болезней: *анкилоз* (Анн), *аппендицит* (М), *диабет* (Цв), *нефрит*

(Цв), *плеврит* (П), *психоз* (АБ); и названия лекарственных препаратов: *атропин* (П), *декокт* (П)⁴.

Широко используется поэтами искусствоведческая терминология (особенно музыкальная: *адажио*, *анданте*, *баритон*, *бас*, *гамма*, *нота*, *ритурнель*, архитектурная: *апсида*, *аркада*, *архитрав*, *базилика*, *кампанила*, *метоп*, *портик*, *пропилея*), а также филологическая (литературоведческая, стиховедческая: *акrostих*, *аллитерация*, *басня*, *рифма*, *сонет*, *стих*, *терцина*, *цезура*, ср. названия стихотворных размеров: *амфибрахий*, *анapest*, *гекзаметр*, *дактиль*, *хорей*, *ямб* – и лингвистическая: *аорист*, *глагол*, *глаголица*, *ер*, *злог*, *йота*, *кавычки*, *речь*, *слово*, *спрягать*, *суффикс*, *флексия* и др.). О терминах этих групп в поэтических текстах см. (Черных 2005; Орлицкий 2013; Шестакова 2014), о филологических терминах – также (Фатеева 2017).

Язык поэзии – это пространство, как будто чуждое специальной лексике. Однако приведенные и другие данные показывают, что поэтический язык Серебряного века активно впитывает единицы и этого лексического пласта, что вполне соответствует существовавшей тенденции к обновлению художественного языка, расширению его границ. Причем усвоение таких единиц происходит по законам стиха – специальное слово метафоризируется, рифмуется, вступает в разные отношения с другими единицами текста⁵.

Реконструируя по словарным данным лексическую структуру поэтического языка Серебряного века, можно увидеть, что в ней, кроме прочего, отражается весьма характерная для поэзии этой эпохи открытость миру, стремление к диалогу с ним в разных его проявлениях и формах. Черты, обнаруживаемые при анализе чрезвычайно разнообразного лексикона сводного словаря, настраивают на сравнение его материалов с данными общего языка. Такое сравнение плодотворно для изучения направлений развития и общего, и поэтического языка.

Сокращения

АБ – Александр Блок

Анн – Иннокентий Анненский

Ахм – Анна Ахматова

Ес – Сергей Есенин

Куз – Михаил Кузмин

⁴ Фармацевтический термин *декокт* ‘отвар из лекарственных растений’ П использовал в образном контексте в стихотворении *Посвящение* (1917):

Старческим ногтем небес, октября
Старческим ногтем, и старческим ногтем
Той, что, с утра подступив к фонарям,
Кашляет в шали и варит *декокт* им.

⁵ Вот некоторые рифменные пары, отмечаемые у разных поэтов: консорты – четвертый (Анн), федераций – облигаций (АБ; рифма состоит из двух терминов), причастьем – от счастья (Ес), омофор – царский) хор (Куз), бейся – гнейса (ОМ), киловатт – головат (М), за Язузу – вестингауза (П), кавычки – привычки (Хл).

ОМ – Осип Мандельштам
М – Владимир Маяковский
П – Борис Пастернак
Хл – Велимир Хлебников
Цв – Марина Цветаева

Словари

- ВАЛАВИН 2010 = ВАЛАВИН В. Н. *Словотворчество Маяковского: Опыт словаря окказионализмов*. Москва: Издательский центр «Азбуковник», 2010.
- КОЛЕСНИКОВ 1991 = КОЛЕСНИКОВ Н. П. *Словарь неологизмов Маяковского*. Тбилиси: «Изд-во Тбилисского ун-та», 1991.
- МАСЛЕННИКОВ 2000 = МАСЛЕННИКОВ Д. Б. *Словарь окказиональной лексики футуризма*. Уфа: «Изд-во БГПУ», 2000.
- ПЕРЦОВА 1995 = ПЕРЦОВА Н. *Словарь неологизмов Велимира Хлебникова*. Wiener Slavistischer Almanach. Sbd. 40. Wien; Moskau, 1995.

Литература

- ГРИГОРЬЕВ 2001 = ГРИГОРЬЕВ В. П. Предисловие. В кн.: ГРИГОРЬЕВ В. П. (ред.). *Словарь языка русской поэзии XX века*. Т. I. Москва: «Языки славянской культуры», 2001.
- ОРЛИЦКИЙ 2013 = ОРЛИЦКИЙ Ю. Б. Стиховедческая лексика в языке поэта и словаре этого языка. В кн.: ШЕСТАКОВА Л. Л. (ред.). *Авторская лексикография и история слов: К 50-летию выхода в свет «Словаря языка Пушкина»*. Москва: Издательский центр «Азбуковник», 2013.
- ФАТЕЕВА 2017 = ФАТЕЕВА Н. А. *Поэзия как филологический дискурс*. Москва: Издательский Дом «ЯСК», 2017.
- ЧЕРНЫХ 2005 = ЧЕРНЫХ Н. Д. *Лексическая структура поэтического языка литераторов Серебряного века: опыт сопоставления*: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2005.
- ШЕСТАКОВА 2011 = ШЕСТАКОВА Л. Л. *Русская авторская лексикография: Теория, история, современность*. Москва: «Языки славянских культур», 2011.
- ШЕСТАКОВА 2014 = ШЕСТАКОВА Л. Л. Из опыта анализа терминов в текстах поэтов Серебряного века (по материалам сводного словаря поэтического языка). В кн.: ШЕЛОВ С. Д. (ред.). *Материалы международного симпозиума «Терминология и знание» (Москва, 6–8 июня 2014 г.)*. Москва: «Вест-Консалтинг», 2014. 201–210.
- ШЕСТАКОВА–КУЛЕВА 2015 = ШЕСТАКОВА Л. Л., КУЛЕВА А. С. Иноязычные вкрапления в текстах поэтов Серебряного века (по материалам сводного словаря поэтического языка). *Известия РАН. Серия литературы и языка*. 2015/1: 68–76.

Источники

- ГРИГОРЬЕВ–ШЕСТАКОВА 2001–2017 = ГРИГОРЬЕВ В. П., ШЕСТАКОВА Л. Л. (ред.). *Словарь языка русской поэзии XX века*. Т. I–VII. Москва: «Языки славянской культуры», 2001–2017.

**Активные процессы
в словообразовании русского языка**

Н. А. БАКИЧ (САМЫЛИЧЕВА)

**Аксиологический аспект языковой игры
в медийном дискурсе**

**The axiological aspect of the language game
in media discourse**

Abstract: The article presents the relationship between the language game and the ethical norm in media discourse in the axiological aspect. Language game – one of the important components of the communicative culture of modern man. Language game is a social tool. Occasionalisms - the result of a language game – are viewed as a manifestation of verbal aggression and communicative failure.

Keywords: axiology, language game, occasionalisms, ethical norm, verbal aggression, mass media

Языковая игра – одна из важных составляющих коммуникативной культуры современного человека. Согласно мнению ученых, языковая игра является социальным инструментом, «поскольку посредством ее возможно выражение и сознательное моделирование определенных эмоций...» (ШАХОВСКИЙ 2008: 383).

В этом смысле на первом плане в лингвистических исследованиях оказывается аксиологический анализ, который заключается в выявлении выражаемых языком и текстами ценностей.

Анализ языковой игры в медиатексте с аксиологической точки зрения позволяет оценить желания, потребности и ценности современного общества; духовные и моральные основы, которые могут либо сохраняться, либо попирааться.

Идеальное понимается как должное, в отличие от ценностей низшего порядка, которые обычно связывают со сферой удовольствия или пользы. Для воплощения идеалов добра, любви, красоты необходимы усилия. В свою очередь низшие ценности имеют лишь утилитарно-практическую или гедонистическую значимость. Исчерпывающей классификации ценностей нет. По содержанию ценности чаще классифицируются следующим образом: религиозные, моральные, эстетические, социальные, экономические, политические.

Лингвистическая аксиология рассматривает язык как средство формирования, выражения и передачи ценностей. Целью аксиологического анализа языковой игры является выделение и описание ценностей отдельных общественных групп и личностей.

В науке наметилось два направления в исследовании феномена языковой игры.

Первоначально языковая игра рассматривалась как преднамеренное нарушение нормы. Принято считать, что данное направление было заложено Л. В. Щербой.

«Идея понимания языковой игры как осознанного нарушения стереотипа является продуктивной, ибо она позволяет рассматривать данный феномен с точки зрения отражения закономерностей системы и нормы в языковом сознании социума и конкретного индивида» (Гридина 1996: 6).

Но все-таки языковая игра – это не просто нарушение языковой нормы ради самого нарушения, это именно творческий процесс, творческий подход к слову, необходимо отметить эстетическую целесообразность языковой игры.

Так, Т. А. Гридина, придерживаясь первого направления, справедливо отмечает, что

«в основе языковой игры лежит стремление достичь определенного эффекта эстетического воздействия (чаще всего комического) путем нарушения нормативного канона восприятия языковых единиц, творческого (нестандартного) использования языковых средств» (Гридина 1996: 4).

При этом подчеркивается именно творческое использование языковых средств.

Второй подход выражается в том, что языковую игру связывают с отклонением от определенных правил, но в пределах нормы. Доминирование экспрессии в текстах СМИ привело к трансформации многих понятий, в частности языковая игра перестала восприниматься как нарушение нормы, это стало, скорее, «другой» нормой, игровой: «...языковая игра есть отклонение от определенных правил, но в пределах нормы (ШАХОВСКИЙ 2008: 367)». Подобное «отклонение» может свидетельствовать о своеобразной свободе использования единиц языковой системы. Раскрывая понятие языковой игры, Б. Ю. Норман характеризует данный феномен как

«использование языка в особых – эстетических, социальных и т.п. – целях, при котором языковая система наилучшим образом демонстрирует свою «мягкость»: языковые единицы, их классы и правила их функционирования получают тут большую степень свободы по сравнению с иными речевыми ситуациями» (НОРМАН 2006: 6).

Любой более или менее продуктивный способ возникновения языковой игры можно считать нормой для данного явления. Но при таком определении возникает вопрос, что же считать нормой и как определить пределы этой нормы. Другая норма – это коммуникативная, или ситуативная норма, критерий которой – уместность в определенном контексте.

Итак, языковая игра – это прагматически и эстетически оправданное следование коммуникативной норме. Допустимость каких-либо отклонений

свидетельствует о таком уровне развития языка, который предполагает сложный интеллектуальный процесс выбора наиболее адекватных средств выражения.

На наш взгляд, стоит остановиться на том понимании языковой игры, которое связывает ее с творческими интенциями, намерениями автора, с проявлением креативных способностей языковой личности.

В современных средствах массовой информации можно отметить не только усиление авторского начала, проявляющегося в языковой игре, но также гипертрофированное усиление функции воздействия:

«Усилился оценочный характер узуса в СМИ, расширился спектр оцениваемых явлений и фактов. Прежние оценочные парадигмы изменяются под влиянием новых ориентиров общественно-политической жизни и сознания членов общества. Характерная примета времени – жесткость оценок. Повседневный характер приобрел иронический характер оценки» (РЖАНОВА 2008: 121).

Воздействие СМИ на читателя, его точку зрения является, пожалуй, фактом, который признает большинство ученых-лингвистов. «СМИ формируют языковые вкусы общества. Они быстрее всего реагируют на изменения в языке и отражают их» (КОРМИЛИЦЫНА 2008: 13). Журналист не просто констатирует и передает события, происходящие в действительности, но и дает им свою оценку, выражает индивидуально-авторское отношение. Порой такое экспрессивное воздействие не только не уместно, но и агрессивно, когда читатель как бы вынужден воспринимать не просто описываемый факт, а именно авторское видение.

«Перерабатывая информацию и предавая ее читателю, комментируя или аранжируя события, СМИ формируют моральные нормы, эстетические вкусы и оценки, выстраивают иерархию ценностей, а нередко даже навязывают читателю образцы рецепции истин – исторических, социально-политических, психологических и др. Информирова о ценностях и оценивая, СМИ реально влияют на качество публичного дискурса, на организацию моделей общественной жизни, на формирование у общества его собственного образа» (КОРЯКОВЦЕВА 2005: 314).

Очень часто «высокая степень категоричности авторов публикаций в современной прессе создает впечатление о недопустимом уровне агрессивности речевой коммуникации в современном русском обществе...» (КОРМИЛИЦЫНА 2008: 18).

Речевая агрессия может выражаться в тексте различными средствами. К сожалению, нередко новообразования, окказионализмы связаны с проявлением речевой агрессии, что «заставляет задуматься о речевом поведении журналистов, у которых в пылу изобретательства нередко снимаются этические и эстетические табу» (КОСТОМАРОВ 1999: 44).

Агрессивное использование окказиональных единиц можно признать неуместным и рассматривать как коммуникативную неудачу. Чаще всего это касается тех лексем, в основе которых лежат грубо-просторечные и жаргонные единицы:

- (1) За эти годы «*быдлогерой*», конечно, изменился <...> В последние годы сформировалась страта (стадо) анонимных «*быдлоборцов*» с «ненавистным режимом». Весь пыл борьбы – бесстрашный и неутомимый стук по «клаве». Они знают, как «обустроить Россию», и готовы, как в добрые старые времена бороться «за мир во всем мире», но не могут вернуть лампочку в собственном подъезде – не те масштабы борьбы (Московский комсомолец, 05.05.2011);
- (2) Такое ощущение, что учителем сегодняшних *америкосов-нефтьесосов* был наш Иосиф Виссарионович (Огонёк, 20.02.2012);
- (3) ... прежде чем скулить об изъятой с родных просторов *еврожратве*, следовало бы задуматься, так ли уж была она хороша (Литературная газета, 17–23.12.2015);
- (4) И чтобы не иметь дело со лжецами-приспособленцами, представители *быдло-стайла* предпочитают группироваться вместе, совместно пить и ругаться <...> Этот стиль создает свой сегмент культуры (Литературная газета, 08–14.06.2016).

Самая интенсивная негативная оценка окказионального слова усиливается за счет переключки с узуальными словами и выражениями обценного характера:

- (5) *ПОПАРЬся наКОНЕЦ* <...> Так рекламирует себя одна из автозаводских саун (Нижегородский рабочий, 14.05.2009);
- (6) Полный *Джигурдец!* На съемках передачи «Кто здесь звезда? Идеальное интервью» скандальный актер для начала предложил выпить ведущему по 100 грамм, а затем в подробностях рассказал про «мужскую булаву» (Комсомольская правда, 25.02.2011);
- (7) *Армагеддец!* Человечеству опять конец? Мир ожидает «сбычи» калифорнийского пророчества (Нижегородские новости, 18.05.2011);
- (8) *ТРЕНДец!* Нижегородские стилисты рассказывают о модных тенденциях этого сезона (Прспект, 14.06.2011);
- (9) в вольном Интернете, объединенный футбольный турнир России и Украины уже называют не иначе как *Обье-ball*» (Собеседник, 2013. №25);
- (10) *Потреблятство*. В кого мы превращаемся, проводя часы и дни в торговых центрах? (Новое дело, 11–17.07.2013).

В связи с аксиологической стороной функционирования новообразований в медиа следует сказать о наиболее яркой реализации прагматической функции новых единиц. Связана с непосредственным воздействием на адресата с целью изменения его ценностно-мировоззренческих установок, ментальных и поведенческих актов.

При прагматическом подходе к изучению новообразований в СМИ должны учитываться не только их функциональная специфика, но и коммуникативная целесообразность.

Уместность – это коммуникативное качество речи, которое важно не только в лингвистическом, но и в социальном плане. Уместность призвана регулировать наше речевое поведение. Поскольку речь не только содержит какую-то информацию, но и выражает отношение говорящего к действительности, к окружающим нас людям, журналист должен заботиться о том,

«как его речь действует на адресата – не обидит ли, не травмирует ли последнего грубостью, не унижит ли его достоинства <...>. Под уместностью речи понимают строгое соответствие ее структуры условиям и задачам общения, содержанию выражаемой информации, избранному жанру и стилю изложения, индивидуальным особенностям автора и адресата» (Плещенко 2001).

В данном исследовании нарушение этической нормы рассматривается как коммуникативная неудача, независимо от того, была ли нарушена языковая или коммуникативная норма.

Можно привести следующие примеры немотивированного, на наш взгляд, использования окказиональных слов с экспрессивной окраской, не соответствующей стилистической тональности контекста и этическим нормам.

В данном исследовании нарушение этической нормы рассматривается как коммуникативная неудача, независимо от того, была ли нарушена языковая или коммуникативная норма.

Неуместным может оказаться окказионализм, при создании которого не была учтена благозвучность и «правильная» графическая оформленность:

(11) Сочи: лечиться и *SPA*аться (Аргументы и факты, 25–31.05.2011).

Довольно часто в масс-медиа обсуждаются вопросы национальных и идеологических различий и это выражается в агрессивных окказиональных новообразованиях:

(12) Плач *блогера-майдауна* (Альтернативная политика, 25.02.2014);

(13) *Наци-анальная* идея <...> По сравнению с украсившими свалку истории «третьим Римом», «покоренным космосом», «народом-богоносцем» и «миру-миром»— нынешняя национальная идея выглядит геополитически поскромнее. Зато значительно превосходит устаревшие образцы в пикантности, так как из области «голова, сердца и космоса» она уверенно переместилась к анусу и гениталиям. Я имею в виду общенародную «охоту на гомосексов» (Московский комсомолец, 28.05.2012);

(14) *Бешенцы* Европы. Нашествие мигрантов из Африки может уничтожить европейскую цивилизацию (Новое дело, 10.09.2015);

(15) Турецкая *сучность*. Россия должна жёстко поставить ту-рок на своё место (Новое дело, 26.11.15).

Нарушением этической нормы следует признать также ироническое, ерническое обращение к вопросам веры:

(16) Реакция на видео с *православнутыми* (Новая газета, 20.08.2012);

(17) Андрей Кураев *БЛОГОсловит* собравшихся (Собеседник, 02.02.2016).

Особенно непростительным следует считать создание новообразований в том случае, если статья посвящена трагедии, повлекшей за собой человеческую гибель:

- (18) *УДАРное* лето. Нас всех потрясла трагедия в лагере «Азов» Краснодарского края. Как можно было допустить гибель детей?.. (Аргументы и факты, 21–27.07.2010);
- (19) В «*лобовуху*». Один человек погиб, еще несколько получили тяжелейшие ранения в результате лобового столкновения «ГАЗели» и легковой автомашины (Московский комсомолец, 15–22.06.2011);
- (20) *Катастрофа-на-Амуре* <...> Как ожидают гидрометеорологи, именно сегодня, 13 сентября, гребень поводка (9,5 метра) будет проходить в районе Комсомольска-на-Амуре, последнего крупного города на пути главной дальневосточной реки к ее охотоморскому устью (Новая газета, 13.09.2013).

Таким образом, можно понять, что чрезмерное стремление к языковой игре, экспрессивизации текста не всегда уместно и не всегда положительно отражается на впечатлении адресата о статье. «Эскалация речевой агрессии в СМИ деморализует читателей, высвобождая в них ответную агрессию...» (КОРЯКОВЦЕВА 2016: 23). Журналист должен заботиться не только об экспрессивности, привлекательности речи, но и том, чтобы соблюдались моральные, этические, нравственные нормы.

Литература

- ГРИДИНА 1996 = ГРИДИНА Т. А. *Языковая игра: стереотип и творчество*. Екатеринбург: «Урал. гос. пед. ун-т», 1996.
- КОРМИЛИЦЫНА 2008 = КОРМИЛИЦЫНА М. А. Некоторые итоги исследования процессов, происходящих в языке современных газет. *Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр.* Вып. 8. Саратов: «Изд-во Сарат. ун-га», 2008. 13–33.
- КОРЯКОВЦЕВА 2005 = КОРЯКОВЦЕВА Е. И. Языковой образ российской провинции в столичной прессе. В кн.: ФОРТУНАТОВ Н. М. (ред.) *Жизнь провинции как феномен духовности*. Нижний Новгород: «Вектор ТиС», 2005. 314–323.
- КОРЯКОВЦЕВА 2016 = КОРЯКОВЦЕВА Е. И. *Очерки о языке современных славянских СМИ (семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты)*. Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2016.
- КОСТОМАРОВ 1999 = КОСТОМАРОВ В. Г. *Языковой вкус эпохи*. Санкт-Петербург: «Златоуст», 1999.
- НОРМАН 2006 = НОРМАН Б. Ю. *Игра на гранях языка*. Москва: «Флинта: Наука», 2006.
- ПЛЕЩЕНКО 2001 = ПЛЕЩЕНКО Т. П. *Стилистика и культура речи*. Минск: «ТетраСистемс», 2001. http://www.i-u.ru/biblio/archive/kultura_rehti.
- РЖАНОВА 2008 = РЖАНОВА С. А. Стилистическая тональность контекста (на примере языка современных СМИ). В кн.: РУЧИНА Л. И. и др. (ред.) *Активные процессы в современном русском языке: Сборник научных трудов, посвященный 80-летию со дня рождения профессора В. Н. Немченко*. Нижний Новгород: «Издатель Ю. А. Николаев», 2008. 188–192.
- ШАХОВСКИЙ 2008 = ШАХОВСКИЙ В. И. *Лингвистическая теория эмоций*. Москва: «Гнозис», 2008.

Е. А. ЖДАНОВА

**Активные процессы
в русском именном словообразовании**

Active processes in Russian substantive word-formation

Abstract: In this paper we analyze new substantives, which were derived by means of different word-formation resources of Russian language. The most productive word-formation types, such as composition or suffixation, and word-formation morphemes are discovered and described. The analysis of substantive neologisms allows identifying derivational capabilities of Russian. The research is based on materials of the dictionary of neologisms “New words and meanings. Dictionary based on materials of press and literature of 90th”.

Keywords: word-formation, neologism, substantive, word-formation types, productive morphemes.

Новые производные имена существительные составляют наиболее значительную часть от общего числа неологизмов. В количественном отношении новых слов, относящихся к другим частям речи (в первую очередь, это имена прилагательные и глаголы), существенно меньше, чем субстантивов: так, по данным только первого тома словаря неологизмов *Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века* (далее – НСЗ-90), количество новообразований-существительных составляет около 43% от общего числа неологизмов, в том числе неологизмов-заимствований, а количество новых производных прилагательных и глаголов только 16% и 4% соответственно.

Подобное частеречное распределение новой лексики не является случайным, ведь «категория имени существительного обеспечивает возможность мыслить предметно, в форме названия, даже отвлеченные понятия о качествах и свойствах» (ВИНОГРАДОВ 1972: 46).

Естественно, что огромное количество новых существительных (наша выборка по данным НСЗ-90 составляет почти 3000 единиц, и эта цифра не конечная) было создано самыми разнообразными способами деривации, которыми располагает современный русский язык. При этом в процессе словообразования происходил и своеобразный отбор существующих в системе способов и средств деривации. Анализ новой производной лексики важен и интересен еще и потому, что показывает, какие словообразовательные типы продуктивны и востребованы на современном этапе развития русского языка, а какие – оказываются на периферии.

Наиболее активно при образовании новых субстантивов используется такой способ, как сложение, при этом исследователи отмечают, что «слово-сложение в высшей степени характерно для словопроизводства как существительных, так и прилагательных» (ЗЕМСКАЯ 2009: 44), а «новые лексические единицы, образованные посредством сложения, представляют собой более экономное и выразительное средство общения <...>» (КАСЬЯНОВА 2006: 35). Путем словосложения образуются такие новообразования, как (здесь и далее примеры и их толкования приводятся по НСЗ-90): *мясозаменитель* ‘продукт, заменяющий мясо (животный белок) при его отсутствии или при отказе питания им; добавка растительного происхождения, заменяющая мясо’, *лжебизнесмен* ‘предприниматель, который ведет свой бизнес без соблюдения правил или выдающий себя за бизнесмена, не являясь таковым’; *снегоприёмник* ‘специальный пункт приема убираемого в городе снега; снегоприемный пункт’; *инженер-компьютерщик* ‘инженер-специалист по компьютерной технике’; *усадыба-памятник* ‘усадыба, являющаяся памятником истории и культуры’; *госзаказчик* ‘государственный орган, заказывающий какому-л. предприятию или организации изготовление, исполнение чего-л. и оплачивающий все их расходы по выполнению заказа’; *госкомпания* ‘компания, являющаяся собственностью государства; государственная компания’; *СМР* ‘общественно-политическое движение «Союз мусульман России»’; *ФСНП* ‘то же, что Федеральная служба налоговой полиции; налоговая полиция’ и мн. др.

Необходимо отметить, что в современной дериватологии вопрос о границах сложения как способа словообразования не является окончательно решенным. Так, А. Н. Тихонов как самостоятельные способы словообразования выделяет: сложение (подразделяя его на а) сложение производящей основы и производящего слова и б) сложение производящих слов), сращение и аббревиацию (ТИХОНОВ 2008: 36–37). Е. А. Земская отдельно анализирует составные наименования типа *соледобыча*, образованные с помощью соединительных элементов, составные наименования типа *магазин-склад*, при образовании которых не используются соединительные элементы, а также аббревиатуры, контаминированные образования и сложносокращенные слова, состоящие из сокращенной части и целого слова (ЗЕМСКАЯ 2009: 43–58). В. Н. Немченко, напротив, в рамках чистого сложения (словосложения) описывает и сращение, и аббревиацию, обращая внимание на то, что «сложносокращенные наименования, или аббревиатуры», представляют «особую категорию сложных слов, чистых сложений» (НЕМЧЕНКО 1994: 266–270). В рамках данной статьи сложение (словосложение, чистое сложение) вслед за В. Н. Немченко понимается максимально широко. При этом такие способы образования композитов, как аббревиация или контаминация рассматриваются в качестве частных случаев словосложения.

Анализ созданных в 90-е годы сложных слов показывает, что среди них немало единиц, образованных в результате сложения производящих слов: *женщина-предприниматель* ‘женщина, занимающаяся предпринимательской деятельностью’; *кафе-подвальчик* ‘род небольшой закуской, ресто-

рана в подвальном помещении»; *клип-концерт* 'о телевизионной или радио-программе, в которой представлены короткометражные видеофильмы или аудиозаписи (клипы)'; *женщина-кандидат*; *женщина-предпринимательница*; *косметолог-массажист*; *космонавт-спасатель*; *обед-ужин* (ср. *обедо-ужин*); *самолёт-такси*; *сумка-визитка* и др.

При этом подобные новые номинации не всегда легко отличить от атрибутивных сочетаний с приложениями. В данном случае основанием для анализа языковой единицы является факт ее словарной фиксации.

К группе композитов типа *косметолог-массажист*, в которых склоняются оба составляющих сложное слово элемента, примыкает группа сложных новообразований, в которых первая часть не склоняется, а выступает как бы в роли «аналитического прилагательного» (термин М. В. Панова): *интернет-пресса* 'совокупность интернет-газет и интернет-журналов; интернет-СМИ'; *квилт-клуб* 'клуб любителей квилта, мастеров, работающих в технике лоскутного шитья'; *КВН-газета* 'газета, выпускаемая Клубом веселых и находчивых'; *киногурман* 'тот, кто любит киноискусство, досконально разбирается в каких-л. его особенностях' и мн. др.

В подобных новообразованиях в качестве словообразовательных элементов нередко выступают аффиксоиды (точнее – префиксоиды) – *авиа-*, *авто-*, *нарко-*, *теле-* и др.: *авиауслуги*, *авиашоу*; *автоаксессуары*, *автомафия*, *авторadio*; *наркокурьер*, *наркокороль*; *телерейтинг*, *телешоумен* и др.

Использование аффиксоидов (как префиксоидов, так и суффиксоидов) весьма широко представлено в русском словообразовании рубежа XX–XXI вв. Однако более корректным в подобных случаях представляется анализировать начальные элементы как «первые части сложных слов», т. к. вопрос об их морфемном статусе (корневые морфемы или аффиксоиды) в современной науке не решается однозначно.

Еще один теоретически сложный вопрос, который возникает при анализе новых композитов, – это вопрос разграничения словообразовательных неологизмов и заимствований. Так, например, многие новообразования с начальными элементами *бизнес-*, *веб-* / *web-*, *интернет-*: *бизнес-авиация*, *бизнес-администратор*, *бизнес-банк*, *бизнес-группа*; *веб-служба*, *веб-страница*, *веб-услуги*; *интернет-агентство*, *интернет-бизнес*, *интернет-гуру* и др. определяются авторами НСЗ-90 как заимствования (в том числе и как кальки или полукальки). Однако наряду с указанными англицизмами в НСЗ-90 фиксируются исконно русские образования, созданные по той же модели (*бизнес-дело*). В ряде случаев (например, у неологизмов *интернет-журнал*; *интернет-издательство*) авторы в словообразовательно-этимологической справке указывают оба возможных пути возникновения слова, т. к. однозначно трактовать его происхождение затруднительно. Е. И. Коряковцева, анализируя подобные образования, пишет:

«заимствование некоторых англо-американских аффиксов и деривационных моделей композитов способствует переносу системных явлений английского языка на словообразование русского, польского, чешского языков, усиливая в них черты

аналитизма и агглютинативности, способствуя появлению новых способов сложения основ слов» (КОРЯКОВЦЕВА 2016: 119).

Исследователь отмечает, что «под воздействием английской агглютинативной модели композитов» в русском языке «происходит становление и развитие нового словообразовательного типа сложных слов, образуемых без помощи соединительной гласной» (КОРЯКОВЦЕВА 2016: 122). Однако славянские языки, по замечанию Е. И. Коряковцевой, творчески осваивают пришедшую из английского языка модель: славянским композитам присущи

«а) цельноформленность слов; б) общность словообразовательного значения синтагматического типа, которое заключается в выражении неконкретизированных атрибутивно-объектных отношений в рамках сложного понятия об объекте или ситуации; в) общность способа словообразования, который состоит в грамматически неформленном «сцеплении» двух существительных, преимущественно иноязычных по происхождению» (КОРЯКОВЦЕВА 2016: 122).

Анализ многоосновных неологизмов, появившихся в русском языке на рубеже XX–XXI вв., еще раз подтверждает тезис Н. А. Янко-Триницкой о том, что в языке нередко пограничные случаи, когда однозначно квалифицировать языковую единицу нелегко:

«между словосочетанием и сложным словом, а также между сложным словом и простым словом есть много переходных случаев, как например, между словосочетанием с приложением и сложным словом из двух существительных без соединительной гласной, а также между сложным словом и простым словом с суффиксоидом или префиксоидом» (ЯНКО-ТРИНИЦКАЯ 2001: 375).

Особый интерес представляют зафиксированные в НСЗ-90 контаминированные образования: *детскомтека* ‘дискотека для детей (от 6 до 12 лет) и их родителей’; *досидидент* ‘диссидент, отсидевший в заключении весь срок без реабилитации’; *сетература* ‘то же, что сетевая литература; интернет-литература’.

Их относительно немного (нами зафиксировано чуть более 30 образований), однако факт их лексикографической фиксации важен при интерпретации словообразовательных тенденций в русском языке рубежа XX–XXI вв. Н. А. Николина, рассматривая отличительные черты «контаминации как особого способа русского словообразования» отмечает, что «в течение длительного времени контаминация рассматривалась в русистике как способ окказионального словопроизводства, причем часто характеризовалась как маргинальное явление <...>» (НИКОЛИНА 2011: 41). В то же время, языковая ситуация в России рубежа XX–XXI веков, которую Л. В. Рацибурская образно называет «праздником вербальной свободы», стремление говорящих дать образную, эмоциональную оценку происходящему, тенденция к экономии речевых усилий способствовали тому, что «в конце XX века наблюдается своеобразный ”взрыв” в сфере контаминации», а сами «гибридные слова начинают активно участвовать в общественной борьбе, отражая позиции разных социальных групп и политических движений» (НИКОЛИНА 2011: 44).

Нередко производные слова, образованные с помощью контаминации, относятся к группе политической лексики и обладают ярко выраженной оценочностью (в первую очередь негативной). Таким образом, можно говорить, что на рубеже XX–XXI вв. контаминация «из периферийного приема создания окказионализмов ... постепенно превращается в активно действующий способ компрессивного словообразования» (НИКОЛИНА 2011: 45), и за счет этого происходит перераспределение способов узуального и окказионального словообразования.

Вторым по степени активности способом образования новых существительных является суффиксация (этим способом образовано более 700 существительных, зафиксированных нами в НСЗ-90). Имена существительные, образованные в результате суффиксации, представляют собой многочисленную и весьма неоднородную группу новых слов: *ваучеризатор* ‘тот, кто проводит приватизацию госсобственности с помощью ваучеров, является сторонником ваучеризации’; *мануальщик* ‘то же, что мануальный терапевт, мануалист, мануал’; *марсоходик* ‘небольшой, компактный самодвижущийся аппарат в виде тележки для передвижения по Марсу в целях его исследования с помощью приборов’; *общеобразовалка* ‘средняя общеобразовательная школа // программа обучения в такой школе’ и мн.др.

Они могут быть мотивированы как существительными, так и глаголами и прилагательными, а при их образовании весьма активно используются разнообразные словообразовательные модели, существующие в русском языке. Среди новых субстантивов можно выделить представительные группы неологизмов, обозначающих лицо, неодушевленный предмет, отвлеченный признак или отвлеченное действие. Неологизмы с иными словообразовательными значениями (женскости, невзрослости, субъективной оценки) также представлены на страницах НСЗ-90, но в значительно меньшем объеме.

Весьма широко представлена группа существительных, обозначающих лицо. При создании слов с подобной семантикой продуктивными оказываются суффиксы *-ант*; *-льщик*; *-атор*; *-тель*; *-щик*: *вручант* ‘тот, кто вручает призы на каком-то конкурсе, фестивале’; *голосовальщик* ‘тот, кто формально или за деньги участвует в голосовании’; *возглавитель* ‘тот, кто возглавляет что-л.; глава, лидер’; *либерализаторы* ‘о тех, кто являются сторонниками проведения мер по либерализации в сфере экономики, политики, непосредственно занимается этим’; *минимальщик* ‘1. тот, кто получает минимальную заработную плату; 2. тот, кто получает минимальную пенсию’ и др.

Высокопродуктивными оказываются суффиксы *-ец* / *-овец* и *-ист*, с помощью которых иногда образуются и дублетные наименования: *бестселлерист* ‘автор бестселлера, бестселлеров’; камазист ‘водитель автомобиля КамАЗ’; *мини-футболист* ‘спортсмен, занимающийся мини-футболом’; *ельцинисты* – *ельциницы* приверженцы, сторонники политического деятеля, Президента РФ Б. Н. Ельцина, его взглядов, проводимой им политики; *госдумец* и *госдумовец* ‘депутат Государственной Думы РФ, Госдумы’;

интерполовец ‘сотрудник Интерпола’; *насовец* ‘член, сотрудник НАСА – Национального управления по авиации и исследованию космического пространства США’ и др.

Показательным является то, что в качестве производящих для слов данной группы нередко выступают имена собственные – фамилии политиков или названия партий.

При образовании неодушевленных существительных нередки случаи универбации, широко используется суффикс *-к(а)*: *гуманитарка* ‘гуманитарная помощь’; *жириновка* ‘жириновская кепка’; *запрещенка* ‘запрещенные произведения’; *лечебка* ‘лечебно-профилактическое учреждение’; *микроволновка* ‘микроволновая печь’; *мобилка* ‘мобильный телефон’ (ср. также *мобила* и *мобильник*) и мн. др.

Широко представлена группа абстрактных существительных, которые активно создаются с помощью суффиксов *-ость*, *-ни(е)*, *-аци(я)*, *-изм*, *-ств(о)*: *американскость* ‘1. совокупность черт, составляющих сущность американского образа жизни, культуры; 2. американское происхождение, американская сущность чего-л.’; *вандалоустойчивость* ‘устойчивость к разрушению от рук вандалов’; *династийность* ‘наследование детьми общественного положения, рода деятельности их родителей, предков’; *карманность* ‘полная зависимость от кого-л., беспрекословная подчиненность кому-л.’; *допингование* от *допинговать* ‘стимулирование запрещенными средствами (о спортсменах)’; *зомбирование* от *зомбировать*, ‘воздействие на сознание, поведение человека (людей) с целью подчинения его (их) чужой воле, управления его (их) сознанием и поступками разными способами и методами’; *бандитизация* ‘распространение бандитизма’; *долларизация* ‘1. широкое использование преимущественно долларов и другой конвертируемой валюты во внутреннем обращении страны, приводящее к вытеснению отечественной валюты с внутреннего рынка, параллельному обращению нескольких валют; 2. перевод, вложение в валюту (о сбережениях, накоплениях)’; *гайдаризм* ‘теория и практика реформирования хозяйственной, финансовой и других сфер в духе рыночной экономики согласно концепции Е. Т. Гайдара’; *державничество* ‘убеждения, политика державников; имперское сознание’ и др.

Востребованным на рубеже XX–XXI вв. оказывается словообразовательный тип с формантом *-щин(а)*. Так, в НСЗ-90 фиксируются неологизмы *аморальщина* ‘2. безнравственные мысли, слова; аморальные поступки, поведение, действия и т.п.’, *гулаговщина* ‘1. о широком распространении системы лагерей ГУЛАГ; о массовых репрессиях в СССР в сер.1930-х начале 1950-х гг. XX в.; 2. Образ жизни в ГУЛАГе; дух ГУЛАГа’; *криминальщина* ‘преступность, криминалитет’ и др.

Исследователи, в частности Е. А. Земская, отмечают возрастающую активность суффикса *-щин(а)*, который используется при образовании производных, обозначающих негативные общественные явления, политические течения и т. п. (ЗЕМСКАЯ 2009: 64).

Префиксация на рубеже XX–XXI вв. существенно активизировалась в именном словообразовании. Хотя этот способ словообразования нельзя считать основным для субстантивов (позиции суффиксации более сильны), исследователи давно обратили внимание на тенденцию к активизации именного префиксального словообразования:

«Именная префиксация обнаруживает высокую продуктивность. Активизируются те префиксы, которые передают социально и культурологически значимую семантику: временные отношения <...>, отношения уничтожения, отрицания, противодействия <...>, отношения неистинности, ложности <...>, отношения интенсификации, высокой степени чего-либо» (ВАЛГИНА 2001: 139).

При образовании новых существительных активно используются такие префиксы, как *анти-*, *де-*, *квази-*, *контр-*, *недо-*, *не-*, *супер-*: *антиимперия* ‘1. империя, построенная на принципах, исторически ей не присущих; 2. о мире, в котором царят взаимопонимание, дружелюбие, сердечность между народами в противовес официальным, деловым, административно-территориальным отношениям’; *антикумир* ‘тот, кто вызывает всеобщее неприятие в обществе’; *антиреформатор* ‘тот, кто выступает против проведения реформ, препятствует их осуществлению’; *дезомбирование* ‘нормализация поведения человека, подвергшегося зомбированию’; *деисламизация* ‘ослабление влияния ислама, его позиций где-л.’; *дефедерализация* ‘распад федерации; ликвидация федеральной формы государственного устройства’; *квазиимперия* ‘о государстве, объединяющем несколько территориальных и национальных образований без должной их интеграции и единства’; *квазипартия* ‘не ставшая подлинной партия (малочисленная, политически и организационно неоформленная)’; *контрлитература* ‘художественные произведения, не относящиеся к традиционной официальной литературе; андеграундная литература’, *контрмитинг* ‘митинг, организованный в противовес другому митингу, в знак протеста против какой-л. публичной акции’; *недоврач* ‘о дипломированном враче, имеющем недостаточную профессиональную подготовку’, *недозакон* ‘закон, содержащий спорные положения, противоречивые формулировки’; *некриминал* ‘о каком-л. предосудительном действии, не являющемся криминальным по юридическим нормам’; *супергиперинфляция* ‘инфляция с чрезвычайно высокими темпами; достигающая очень высокого уровня’, *суперлидер* ‘1. тот, кто обладает ярко выраженными качествами лидера, пользуется безоговорочным авторитетом и влиянием в каком-л. коллективе, сфере деятельности; 2. тот, кто возглавляет лидирующую группу (компаний, стран, регионов и пр.) в каких-л. сферах деятельности’, *суперотель* ‘отель высшего разряда’ и др.

Смешанные способы менее частотны. В НСЗ-90 фиксируются единичные новообразования, созданные префиксально-суффиксальным (*внезоне*, *межсезонка*, *десоветизация* и нек. др.) и сложно-суффиксальным способами. Кроме того, отмечены случаи флексийного словообразования (субстантивации).

Проведенный анализ новой производной лексики, весьма общий и не претендующий на всестороннее описание языковых фактов, тем не менее показывает, как «современные словообразовательные процессы отражают работу различных частей словообразовательного механизма языка» (РАЦИБУРСКАЯ 2003: 111), позволяет не только выявить основные тенденции развития словообразовательной системы русского языка, но и определить, как внеязыковые факторы влияют на выбор конкретного языкового средства, как с помощью словообразовательных потенций русского языка происходит осмысление и оценка актуальных общественных явлений.

Словари

НСЗ-90 = БУЦЕВА Т. Н. (ред.) *Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века*: В 3 т. Санкт-Петербург: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2009–2015.

Литература

- ВИНОГРАДОВ 1972 = ВИНОГРАДОВ В. В. *Русский язык (грамматическое учение о слове)*. Москва: «Высшая школа», 1972.
- ЗЕМСКАЯ 2009 = ЗЕМСКАЯ Е. А. *Словообразование как деятельность*. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
- КАСЬЯНОВА 2006 = КАСЬЯНОВА Л. Ю. *Векторы неологизации в современном русском языке*. Астрахань: «Астраханский университет», 2006.
- КОРЯКОВЦЕВА 2016 = КОРЯКОВЦЕВА Е. И. *Очерки о языке современных славянских СМИ (семантико-словообразовательных и лингвокультурологический аспекты)*. Siedlce: Instytut Filologii Polskiej i Lingwistyki Stosowanej, 2016.
- НЕМЧЕНКО 1994 = НЕМЧЕНКО В. Н. *Современный русский язык. Морфемика и словообразование*. Нижний Новгород: «Изд-во Нижегородского университета», 1994.
- НИКОЛИНА 2011 = НИКОЛИНА Н. А. Контаминация как способ компрессивного словообразования. *Русский язык в школе* 2011/2: 41–45.
- РАЦИБУРСКАЯ 2003 = РАЦИБУРСКАЯ Л. В. Особенности новообразований в современных средствах массовой информации *Вестник Нижегородского университета* 2003/1: 111–116.
- ТИХОНОВ 2008 = ТИХОНОВ А. Н. Основные понятия русского словообразования. В кн.: ТИХОНОВ А. Н. *Словообразовательный словарь русского языка*. Москва: «АСТ: Астрель», 2008.
- ЯНКО-ТРИНИЦКАЯ 2001 = ЯНКО-ТРИНИЦКАЯ Н. А. *Словообразование в современном русском языке*. Москва: «Индрик», 2001.

И. Е. КОПТЕЛОВА

**Лингвокультурные особенности блендинга
в русском языке**

**Linguocultural peculiarities of blending
in Russian language**

Abstract. The article reviews lexemes of the Russian language in the form of blends through their linguistic and cultural peculiarities. Among the new coined words, the author singles out the so called speech chimeras that are chips of English and Russian words blended together (in English and Cyrillic letters) and blends proper. Blends themselves are classified on the basis of the areas they are used in. The article also examines the conversion of blends into suffixal units.

Keywords: blends, chips, contamination, speech chimeras.

Являясь отражением национальной культуры, лексический состав языка формирует языковую картину мира, которая определяет восприятие этого мира носителем языка.

Современную русскую речь отличают смысловая неоднозначность, раскованность, повышение роли экспрессивно-эмоциональной оценки. Очень часто эмотивная составляющая речи играет более важную роль в освоении информации, чем предметно-содержательная. Будучи репрезентацией реальных эмоций, языковая экспрессивность связана с процессами концептуализации и категоризации. Концептуализация порождает новые смыслы и ведет к образованию концептов, представляющих собой единицы знания, из которых построена концептуальная система человека (ЦЫГАНОВА 2014: 200).

В последнее время отмечается настоящий «взрыв» в образовании блендов. «Контаминация характерна уже не только для художественной речи – гибридные слова проникают в язык прессы, где выступают как "ключевые слова текущего момента" (ШМЕЛЕВА 1993: 33) регулярно используются в разговорной речи с присущей ей установкой на языковую игру и жаргонах» (НИКОЛИНА 2009: 98–99). Большое количество новых словообразований, расширение способов появления неологизмов, пусть даже окказиональных, быстрое их распространение благодаря технологиям и, таким образом, увеличение в разы количества человек, которые знакомятся с этими новообразованиями, – все это привлекает внимание исследователей.

Существуют специальные интернет-сайты: *Дар слова* – проективный словарь М. Н.Эпштейна, *Смыслы слов* – сетевой журнал Богдана Лукьянова, *Слово года*, *Слово десятилетия*, *Неологизм года* – группы на Facebook. Из новообразований («новословий» по М. Н.Эпштейну) этих сайтов, а также из других источников – произведений художественной литературы, газетных публикаций, телевизионных передач, рекламной продукции – был сформирован корпус лексических блендов русского языка в количестве 400 единиц. Среди них 21 производная единица, в структуре которых есть элементы двух языков – английского и русского. Все они взяты из рекламных текстов, лозунгов, например: *Свежая VIPечка* < VIP + выпечка; «*AUDI*»ениция < *AUDI* + аудиенция (реклама автомобиля AUDI); *Рееформа твоих ягодиц* < Reebok + реформа (рекламный лозунг кроссовок, тренирующих мышцы ягодиц).

Часто для создания яркого образа, прочно связанного с рекламируемым брендом, рассматриваемый вид блендов сохраняет элемент из названия фирмы или рекламируемой продукции. При этом характер семантического взаимодействия элементов двуязычных блендов отличен от семантических взаимосвязей одноязычных коррелирующих лексем. Связь между коррелятами устанавливается за счет созвучности англоязычного элемента определенному отрезку русскоязычного элемента, либо за счет вставки англоязычного элемента в русское слово, например: *вечегreenка* < *green* + *вечеринка* (рекламная акция производителей пива «Tuborg»), где цвет (*green*) является частью товарного знака фирмы. Поскольку в данном случае не наблюдается эндо- и экзоцентрических отношений между коррелятами бленда, то мы отнесли их не к блендам, а к речевым химерам (НОСЕНКО 2017: 64), т. е. к наименованиям (словам, словосочетаниям), образованным из соединенных искусственным образом, противоречащим языковым нормам, элементов, которые не составляют орфографической, морфологической, синтаксической, семантической целостности.

Вопрос о статусе лексического блендинга в русском языке до сих пор остается открытым; он долгое время считался частью словосложения (ХРУЩЕВА 2009: 95–101), а не самостоятельным способом словообразования. Разные авторы используют разные термины – *контаминация*, *слово-слияние*, *телескопизм*, *стяжение*, *гибридные слова*, *слова-слитки* и другие, но, тем не менее, большинство исследователей сходятся во мнении, что бленд образуется путем слияния произвольно усеченных частей слова – «осколков/сколков», либо слияния одного или нескольких сколков и целого слова. В нашем исследовании мы руководствовались определением О. А. Хрущевой, которая считает блендинг процессом, в результате которого две или более исходные единицы, прошедшие процесс усечения, соединяются в единой лексеме, либо обладают тождественными фрагментами в своей структуре и соединяются посредством наложения (ХРУЩЕВА 2010а: 233). В полученном значении бленда переплетаются и накладываются значения исходных слов; происходит, так называемое *кодирование* информации.

Семантические отношения между коррелятами определяют порядок следования элементов в бленде; при равнозначности коррелятов решающую роль играют фонологические законы, обеспечивающие благозвучность производной. Бленды, как полноценные лексические единицы, обладают определенным набором морфологических признаков, состав которых варьируется в зависимости от их принадлежности к той или иной части речи. В корпусе примеров преобладают имена существительные, хотя есть и другие части речи.

Увеличение количества лексических блендов (ЛБ) позволяет рассматривать блендинг как проявление гибкости и подвижности языка в изображении образа современного мира, а также как источник для создания языковых каламбуров. Все концептуальные и лексические бленды являются эмоциональным реагированием на «злобу дня».

Появление в русском языке слов, образованных посредством наложения двух лексических единиц, иногда объясняют влиянием английского языка, в котором этот тип соединения слов получил широкое распространение и из которого в русский язык заимствованы такие бленды как: *бионика* (англ. *bionics* < *biology* + *electronics*); *модем* (*modem* < *modulator* + *demodulator*); *мотель* (*motel* < *motor* + *hotel*) и др.

Вышеприведенные образцы заимствованных блендов, обозначающие общеизвестные понятия и сближающиеся с интернациональной лексикой, переданы средствами русского языка в результате использования приема транскрипции и транслитерации, применение которых характерно также и для передачи научных терминов: *пульсар* (*pulsar* < *pulse* + *quasar*).

Однако следует обратить внимание на характерную особенность указанных заимствованных блендов, которая заключается в том, что все такие заимствования ЛБ обрели структуру полноценных русскоязычных блендов благодаря тому, что соответствующие корреляты идентичны в данной языковой паре (английский – русский).

Окказиональные сращения, значения которых обусловлены исключительно замыслом автора, материализуются в языке на уровне индивидуального фрейма. При восприятии окказионального сращения индивидуальный фрейм его значения может варьировать в соответствии с когнитивным опытом каждого человека. При распознавании контаминаций активизируются ассоциации и смыслы культурной памяти, что оправдывает прагматические установки их создателей.

Известными творцами новых слов в русском языке были В. Хлебников, В. Гершуни, Вяч. Иванов, А. Белый, З. Гиппиус. В их окказионализмах сконцентрированы разные смыслы и образность. Такие слова представляют собой не просто языковые единицы, но литературные изыски. Так в одном слове С. Салтыкова-Щедрина *благоглупость* присутствуют и объединение смыслов (концептуальный блендинг), и выраженное отношение автора, и стилистическая образность (совместимость несовместимого – оксюморон). Какие ассоциации и чувства у читателей вызывают авторские бленды – бла-

говестительство А. Белого, злопыхатель М. Салтыкова-Щедрина, словязь В. Гершуни, истинолюб В. Хлебникова?

Единицей изучения лингвокультурологии является лингвокультурема (термин введен В. В. Воробьевым) – культурологическая категория методологического характера. Она представляет собой единство лингвистического и экстралингвистического, включая в себя сегменты не только языка, но и культуры (САВОСИНА 2017: 204).

Лингвокультурная специфика блендинга заключается в образовании блендов, которые служат для специфического обозначения объектов и явлений действительности, что позволяет применять для их именования термин *бленды-культуремы*. К блендам-культуремам относятся культурно обусловленные бленды, интерпретация которых осуществляется на основе общих и ситуативных фоновых знаний (ХРУЩЕВА 2010б: 40–44). Для знакомого с историей своей страны русского человека совершенно прозрачно значение, например, таких блендов как: *прихватизация* <приватизация + прихватить; *катастройка* <катастрофа + перестройка; *господарищи* <господа + товарищи 'демократы, которые в недавнем прошлом были коммунистами'. Примерами блендов-культурем могут считаться единицы *крадоначальник* <крадет + градоначальник; *дурократы* <дураки + демократы, коммутанты <коммунисты + мутанты, мэриози <мэр + мафиози, и др. Большинство блендов-культурем уникальны не только национальным своеобразием, но и своей стилистической окраской, и эта окраска варьируется от легкой шутки до злой иронии или даже сарказма.

Порождение блендов-онимов может рассматриваться в качестве лингвокультурной особенности. В русском языке бленды-онимы представлены в основном прозвищами известных личностей и единичными топонимами, в то время как, например, в английском существуют и бленды-прозвища, и топонимы, и бленды-онимы для имен новорожденных и для обозначения супружеских пар. Создание подобных онимов по типу блендинга обеспечивает прозрачность номинации, делая прозвища понятными большинству носителей языка, которые, как отмечают создатели словаря современных русских прозвищ Х. Вальтер и В. М. Мокиенко «выполняют общественный заказ на характеристику общественных деятелей, в том числе политиков, преподавателей, предпринимателей, звезд телеэкрана и радио уже потому, что потребность в их экспрессивных наименованиях как никогда ощущается обществом» (ВАЛЬТЕР 2005: 55). Все такие ЛБ эмоционально заряжены, например: *Трампутин, Путлер, Капутин, Лилипутин*. К периоду президентства Д. Медведева и премьерства В. Путина относится бленд-оним *Медведепуты*. Слиянием фамилий двух великих писателей образован бленд *Толстоевский*.

Бленды-онимы могут быть образованы в результате слияния имени собственного и имени нарицательного. Это происходит в случае формирования устойчивых ассоциаций, связанных с определенным человеком, объектом или качеством. Часто в качестве имени собственного выступает фамилия известного человека: *Трамплетариат* <Трамп + пролетариат;

хрущобы <Н.Хрущев + *трущобы*; *чубаучер* <А.Чубайс + *ваучер*; *Путилиния* <Путин + *линия* (о политике В. Путина).

Как уже отмечалось, среди онимов-блендов русского языка преобладают прозвища, но, тем не менее, в данной группе также встречается ограниченное количество блендов-топонимов. Одной из таких единиц является бленд, появившийся вскоре после вступления в должность нового губернатора Оренбургской области – Ю. Берга. Указанное событие привело к тому, что жители областного центра и области начали использовать наименование *Оренбургская область*, созданное от фамилии губернатора и названия области. Два других бленда-топонима связаны с городом Санкт-Петербург; одна из производных единиц – *Летербург* – объединяет в своей структуре два исторических названия города – *Ленинград* и *Петербург*, другая – *Путинбург* – составлена из фамилии *Путин* и названия города *Петербург* и ее возникновение датируется сроком первого президентства В. Путина.

Примеры ЛБ русского языка, которые обозначают реалии политической, экономической или общественной жизни государства, а также профессиональной или бытовой деятельности россиян, свидетельствуют о том, что большая часть блендов-культурем в русском языке являются уникальными словообразованиями, созданными от лексем, отличающихся национальным своеобразием, они понятны только носителям языка, которые владеют достаточным объемом фоновых знаний. При этом большинство блендов-культурем характеризуется шутливой коннотацией, варьирующейся от мягкого юмора через легкую иронию до жесткой сатиры или даже сарказма.

ЛБ нередко появляются в языке как реакция на события общественно-политического характера. Они, как правило, являются окказионализмами, но их содержание, которое носитель языка легко декодирует, помогает им закрепиться в речи. К сфере политики относятся многие бленды, такие как: *трезвятник* <*трезвость* + *стервятник* 'участник кампании за трезвость, датируется 1985–1986 гг.'; *реформанцы* <*реформаторы* + *засранцы*; *выдвиженщина* <*выдвиженец* + *женщина*; *депутана* <*депутат* + *путана*; *тандемагогия* <*тандем* + *демагогия*; *перезагрузия* <*перезагрузка* + *Грузия*; *Украина* (В. Пелевин) <*урки* (*арго*) + *Украина*; *укровояка* <*Украина* + *вояка*; *всПУТЧить* <*вспучить* + *путч*; *гденукович* <*где* + *Янукович*; *кремледворец* <*Кремль* + *царедворец* 'политик, близкий к кремлевским кругам'; *вольностранцы* <*вольный* + *иностранцы*. К области экономической политики относятся ЛБ: *волчеризация* <*волчий* + *ваучеризация*; *вкладоискатели* <*вклад* + *кладоискатели*; *безысходность* <*безысходность* + *безхозяйственность*; *экономикадзе* <*экономический* + *комикадзе*; *кокаколонизация* <*Кокакола* + *колонизация*.

СМИ, их представители и большая часть их продукции вызывает к себе крайне скептическое отношение по той причине, что информация, которая представляется журналистами, нередко оказывается искаженной и необъективной. Доказательством этому служат следующие бленды, вошедшие в речь

носителей языка: *трепортёр* <*трёп* + *репортёр*; *журнаглист* <*журналист* + *глист*; *лжурналист* <*лжец* + *журналист*; *информафия* <*информация* + *мафия*. Сама информация характеризуется следующими ЛБ: *диссергейт* <*диссертация* + *Уотергейт* 'скандал, связанный с диссертациями низкого качества исследованый или большим количеством плагиата'; *телевредение* <*телевидение* + *вред*; *трепортаж* <*трёп* + *репортаж*; *инфотира* <*информация* + *сатира*; *инфотейнмент* <*информация* + *энттертеймент* (*entertainment*); *брехлама* <*реклама*, *которая брехня и хлам*.

Компьютерные технологии – одна из наиболее актуальных сфер деятельности человека сегодня, которая проявляется в поисковых системах, социальных сетях, интернет-общении, блогосфере и т.д. Не удивительно, что использование интернет-ресурсов и ИКТ привело к пополнению словарного состава русского языка, такими единицами как: *хвастограмм* <*хвастаться* + *Инстаграмм* 'пост в Инстаграм, подчеркивающий жизненные успехи и высокий социальный статус автора: фотографии путешествий, селфи со знаменитостями и т.д.'; *лайкбище* <*лайк* (от англ. *like* 'нравиться') + *кладбище* 'хранилище лайков (в отношении к социальным сетям, в частности, Фейсбуку'; *лайкдорфин* <*лайк* (от англ. *like* 'нравиться') + *эндорфин* 'разновидность эндорфина, гормон счастья, который вырабатывается в организме заядлого пользователя Фейсбука при появлении под его постом большого количества лайков'); *видиот* <*видео* + *идиот*, *аськоголизм* <*аська* (*ICQ*) + *алкоголизм* 'болезненная зависимость от обмена сообщениями в сети', *жритель* <*жрать* + *зритель*; *гуглушь* <*Гугл* + *глушь* 'районы, не освоенные Интернетом (Гуглом)'; *дистраффик* <*дистрофик* + *траффик* 'крайне небольшой объем информации, передаваемой по сети'; *сетенавт* <*сеть интернета* + *космонавт*.

Русскоязычные бленды, относящиеся к сфере спорта, отличаются саркастической коннотацией, что связано с неудачными выступлениями российских спортсменов, особенно в футболе: *наспартачить* <*напартачить* + *Спартак*; *футболь* <*футбол* + *боль*; *футболеутоляющее* <*футбол* + *болеутоляющее*, *футбылина* <*футбол* + *былина*; *паралангист* <*парашютист* + *аквалангист* (первый, зафиксированный словарями бленд со значение лица, 1971 г.); *блейдеробежец* <*блейдеры* + *конькобежец* 'кто катается на блейдерах, роликовых коньках с одним рядом колес'; *волейдол* <*валидол* + *волейбол* 'единственный вид спорта, который доступен нам в старости'.

Одним из последних ЛБ в этой области стало слово «*моченосец*» (*орден моченосцев*), которое возникло в результате допингового скандала с подменной проб мочи российских спортсменов.

Нередко объектом иронического или саркастического осмеяния и обыгрывания становится сфера профессиональной деятельности. Сложившиеся с этой сфере стереотипы о поведении, манерах и компетенции представителей тех или иных профессий являются национально обусловленными ассоциациями, отличающимися от других культурных сообществ. Существует несколько ЛБ для именованя медицинских работников: *ханастезиолог*

< хана + анестезиолог; эскувер < эскулап + изувер, а врачебная ошибка может быть названа посредством бленда эскуляпсус <эскулап + ляпсус. Встречаются также бленды: сетератор <сетевой литератор; фальшиво-напитчик <альшивомонетчик + напитки; бизнесмент/бизнесмент <бизнесмен + мент, (жарг. ‘милиционер’) ‘милиционер, втянутый в криминальный бизнес, берущий взятки’.

Некоторые бленды существуют на уровне аргю, с очень сильной отрицательной эмотивностью: секретутка <секретарь + проститутка; секретарша <секс + секретарша.

Сфера характеристики человека также является объектом для шуток. Одна из тем – стереотип о склонности россиян к чрезмерному употреблению алкоголя: алконавт <алкоголик + космонавт; алкогольвица <алкоголь + (светская) львица; алкоголодранец <алкоголик + голодранец. К теме употребления спиртных напитков относятся: пьятница <пьянь + пятница; буходные <бухать + выходные; закусерий <закусить + кафетерий; расслабухать <расслабиться + бухать. Также для характеристики современного человека составлены такие ЛБ, как: свинтурист <свинья + турист; жадлобный <жадный + злобный; дружестранец <дружеский + иностранец; вражестранец <вражеский + иностранец; западохульник <Запад + богохульник; эгохондрия <эгоизм + ипохондрия; хвастомеля <хвастун + пустомеля; выходимец <выходить + проходить; бровеносец <брови + броненосец ‘обладатель темных густых бровей – аллюзия на Л. И. Брежнева’; браненосец <брань + броненосец.

Стоит упомянуть словообразовательные модели на *-(о)голик. Первое появившееся в русском языке слово было заимствованным из английского языка словом *shopaholic*, которое транслитерировали как *шопоголик*. В следующем заимствовании *workaholic* было переведено первое составляющее его слово и получился бленд *трудоголик*. По этой же модели был создан целый ряд блендов, и исследования показывают, что в настоящий момент идет процесс формирования суффиксоида путем морфемизации части *-(о)голик в других неологизмах: *вещеголик, компьютероголик, работоголик, сексоголик, наркоголик, игроголик, инфоголик, лекарствовоголик, пивоголик, гневоголик, криминалоголик, интернетоголик*.

- (1) В данном случае мы имеем дело с типичным примером «гневоголии» - синдрома домашнего тирана... *Гневоголик* с целью самоутверждения планомерно превращает жену в рабское забитое существо.
- (2) Мы *лекарствовоголики*. Почему в Москве дорогие лекарства? Потому что мы их любим.

Фиксация подобных тенденций в языке дает исследователю возможность погрузиться в культуру страны, познакомиться с реалиями повседневной жизни носителей языка, отследить инновации в обществе и в языке благодаря отдельным единицам, появление которых было спровоцировано теми или иными событиями.

Литература

- ВАЛЬТЕР 2005 = ВАЛЬТЕР Х. Русские прозвища как объект лексикографии. *Вопросы ономастики*. 2005/2: 52–69.
- НИКОЛИНА 2009 = НИКОЛИНА Н. А. *Активные процессы в языке современной художественной литературы*. Москва: ИТДГК «Гнозис», 2009.
- НОСЕНКО 2017 = НОСЕНКО И. Г. Речевые химеры в сфере официальных наименований. *Вопросы лингвистики, методики обучения языков и литературоведения в свете современной науки*. 2017. 62–66.
- САВОСИНА 2017 = САВОСИНА Л. М. Понятие лингвокультуры и пути его практического применения. В кн.: *Язык как фактор культурной дипломатии: сборник материалов конференции*. Москва: «Дипломатическая академия МИД России». 2017. 202–208.
- ХРУЩЕВА 2009 = ХРУЩЕВА О. А. Блендинг в системе словообразования. *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2009/11 (106). 95–101.
- ХРУЩЕВА 2010а = ХРУЩЕВА О. А. К вопросу о переводе блендов. *Язык и культура: материалы международной научно-практической конференции*: в 2-х ч. Борисоглебск: ГОУ ВПО «Борисоглебский государственный педагогический Институт», 2010. 233–236.
- ХРУЩЕВА 2010б = ХРУЩЕВА О. А. Бленды-культуры в современном русском языке. *Современная языковая ситуация и совершенствование подготовки учителей-словесников: материалы VIII Международной научно-методической конференции*. Воронеж: «Научная книга», 2010. 40–44.
- ЦЫГАНОВА 2014 = ЦЫГАНОВА Н. Д. Контаминация как основной способ словотворчества. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2014/1 (31); в 2-х ч. Ч. I. 200–203.
- ШМЕЛЕВА 1993 = ШМЕЛЕВА Т. В. Ключевые слова текущего момента. *Colloquim*. 1993/1. 33–41.

Е. И. КОРЯКОВЦЕВА

**О некоторых инновациях
в области субстантивного словообразования
в эпоху информационной глобализации**

**On some innovations
in the field of substantive word-formation
in the era of information globalization**

Abstract: The hybrid lexical items with new international derivational components *-инг, -(о)голик, -завр* in the texts of Russian mass media and in slang of netizens is studied in the article. These formants determine preferred usage of derivatives with the new derivational components in a certain group of language users. New derivatives are characterized by connotative meaning. The data, based either on large corpora or smaller hand-collected samples from electronically-held texts, is drawn from the Russian press and the internet forums.

Keywords: innovation, substantive word-formation, information globalization

В эпоху глобализации формируется информационное сообщество, для которого характерны всепроникающие социокультурные связи, новые принципы коммуникативно-информационного взаимодействия и развернутая система распространения, хранения и обработки информации. Распространение информации в транснациональных масштабах, включающее в себя компьютеризацию многих жизненных сфер, создание глобальных информационных сетей, определяют как информационную глобализацию. Мощным ее орудием, изменяющим структуру мирового информационного пространства, является глобальная компьютерная сеть Интернет, которая способствует возникновению новых форм взаимодействия коммуникантов, а также выработке новых речевых средств их общения. В современном глобализирующемся мире благодаря Интернету и огромному охвату англоязычного медиавещания «реальные контуры англо-американского лингвокультурного пространства выходят далеко за пределы территорий соответствующих государств» (ДОБРОСКЛОНСКАЯ 2015: 6–7).

В условиях геополитической гегемонии США и языкового империализма *global English* интернетизация и медиатизация общественной жизни России способствуют интенсивному продвижению англо-американской лингвокультурной моды и развитию «совмещенного» англо-русского билингвизма, в основном, в среде молодых русофилов, являющихся самыми активными интернет-пользователями (ср.: КАБАКЧИ 2009: 91–114).

Виртуальная среда их текстового общения создает массу возможностей не только для тиражирования модных англо-американских лексем и фразем, но и для словотворчества с помощью иноязычных морфем. Использование русскоговорящими интернаутами англо-американских лексем и структурных элементов может быть культурно-детерминированным языковой модой, имиджевыми статусами, нарочитой демонстрацией исключительности, т. н. «кодами престижа». Следует, однако, заметить, что рост числа гибридных неударов, образованных с помощью иноязычных морфем и морфемных комплексов, объективно способствует т. н. «ксенизации» языка-реципиента (ср.: КОБЕНКО 2013: 40–41).

Принимая во внимание ограниченный объем статьи, проанализируем ниже субстантивные инновации, образованные лингвокреативными сетевыми журналистами, а также интернаутами с помощью трех ксеноморфем: *-инг*, *-(о)голик*, *-завр*¹. Предваряя анализ языкового материала, считаем необходимым пояснить, что термин «ксеноморфема», достаточно часто встречающийся в работах российских дериватологов-германистов, является субститутом терминологического словосочетания «морфема иноязычного происхождения». Именно в таком значении термин «ксеноморфема» употребляется в данной статье.

1. Субстантивные неудары с суффиксом *-инг*

Процесс интенсивного заимствования английских отглагольных *nomina actionis* с суффиксом *-ing*, обусловленный т. н. «америкоглобализацией» и лингвистической экспансией *global English*, привел к тому, что с конца XX века этот суффикс правильно интерпретируется большинством говорящих на европейских языках (см.: GÖRLACH 1998: 209–221).

В российских медиатекстах, а затем на интернет-форумах продуктивность суффикса *-инг* резко возросла на рубеже XX–XXI вв. Благодаря словотворчеству интернаутов появились десятки отыменных гибридных имен действия, типа *вининг* ‘распитие вина’, *водопадинг* ‘преодоление водопадов’, *водкинг* ‘распитие водки’, *глинтвейнинг* ‘приготовление глинтвейна’, *гулянинг* ‘прогулка’, *жабинг* (<*жаба*) ‘уродование лица при искусственном его омоложении’, *кайкинг* ‘перемещение на каяках’, *путинг* ‘рекламирование кандидата Путина’, *пьянинг* ‘пьянка’, *троллинг* (< *троль*) ‘оскорбление участников интернет-форумов т. н. *тролями* – злобными насмешниками’. Ср. также: *автобусинг*, *автомобилинг*, *бабинг*, *ленинг* ‘коллекционирование

¹ Источником языкового материала были сайты многотиражных общероссийских газет и радиостанций *Эхо Москвы*, *Русское радио*, а также их интернет-форумов. Диапазон дат поиска: с 1 января 2010 г. по 2 октября 2016 года. Был осуществлен запрос по полям, в основном, следующих источников: *Грани.РУ*, *Завтра*, *Известия*, *ИноСМИ*, *Московский комсомолец*, *Независимая газета*, *Новая газета*, *Новые Известия*, *Новый регион*, *Российская газета*, www.apn.ru, www.e-news.su, forum.littleone.ru, forum.na-svyazi.ru, www.gazeta.ru, grandvitara-club.ru/forum, www.lenpravda.ru, newsland.com, pravda.ru, vremya.ru, smi2.mirtesen.ru, stringer.ru, www.sovross.ru, www.zagolovki.ru.

ние фотографий со статуями В. И. Ленина', *лэжинг, магазининг, маршрут-кинг, мотоциклинг, мужикинг, параноинг, пляжинг, травкинг, троллейбусинг, шашлыккинг, шизофренинг, электричкинг* и др.

Гибридные неодериваты, образованные с помощью ксеноморфемы *-инг*, обычно используются в текстах СМИ и высказываниях интернафтов в качестве средств иронической модальности, напр.: «Двое новосибирцев затеяли игру в *ленининг*» (<http://uniton.ru/news/7198>); «Нам в головы сеют *суданинг, египтинг, бахрейнинг, каддафинг, сомалинг*» (<http://www.grandvitara-club.ru/forum/>).

«Инговое цунами» заимствований, вызванное англо-американоманией значительной части российских СМИ и растущим русско-английским билингвизмом, привело к полному усвоению суффикса *-инг* и превращению его в терминоэлемент с процессуальным значением, который интернафты регулярно присоединяют к основам существительных, в значениях которых нет процессуальной семы, ср.: *баба* → *бабинг*, *водка* → *водкинг*, *магазин* → *магазининг*, *Путин* → *путинг*, *Сомали* → *сомалинг*, *травка* → *травкинг* и др.

Увеличение числа гибридных неологизмов с финалями *-инг* стимулируется прежде всего способностью лингвокреативных носителей русского языка к билингвальному кодовому переключению, которая обусловила скоротечность процессов дежзотизации и морфемизации заимствованных англицизмов с финалью *-инг* и достаточно быстрое ее суффицирование. Однако кроме молодежной „англо-американомании” (внешний, социокультурный фактор роста словообразовательной продуктивности), важное значение имеют следующие интралингвистические факторы: 1) односложность структуры и „неприхотливость” контактной зоны суффикса *-инг* (*-инг*); 2) способность гибридных дериватов с формантом *-инг* выполнять в медиатекстах и публичной речи каламбурные и полемико-иронические функции. Главным же интралингвистическим фактором роста продуктивности нового суффикса является способность гибридных дериватов, образуемых с его помощью, быть компрессатами предикативных конструкций, эксплицировать в своей внутренней структуре все возможные актанты и некоторые сирконстанты, причем в составе гибридных дериватов, в их внутреннем контексте, своеобразный суффиксальный терминоэлемент *-инг* передает значение действия/процесса, ср.:

1. производящее имя существительное является актантом – субъектом действия (русск. *троллинг* ‘оскорбление участников интернет-форумов *троллями*’);

2. производящее имя существительное является актантом – прямым объектом действия (русск. *вининг* ‘распитие *вина*’);

3. производящее имя существительное является актантом – косвенным объектом (русск. *ленининг* ‘коллекционирование фотографий со статуями В. И. *Ленина*’);

4. производящее имя существительное является актантом-инструментативом (русск. *кайкинг* ‘перемещение на *каяке*’);

5. производящее имя существительное является актантом – результатом (русск. *бабинг* ‘флирт с целью овладения *бабой*’);

6. производящее имя существительное является сирконстантом-локативом (русск. *травкинг* ‘выкатывание машины на *траву*’).

Высокая степень абстрактности значения и валентностные свойства суффикса *-инг*, экспрессивный характер неодериватов, образованных с его помощью, способствуют стабильному росту эмпирической продуктивности этой ксеноморфемы в современном русском языке.

2. Субстантивные неодериваты со структурным элементом *-(о)голик*

Словообразовательный компонент *-oholic* вычленился из структуры существительного *alcoholic*, по аналогии с которым, по данным «Merriam–Webster Dictionary», в 1968 году был образован американизм *workaholic* (вариант – *workoholic*) (WYRWAS 2004: 146–148). Новый структурный компонент *-oholic* достаточно быстро прошел путь суффигования, превратившись из элемента в составе многоморфной основы в самостоятельное словообразовательное средство – суффиксальный морф. Уже в 1969 г. *The American Heritage Dictionary of the English Language* характеризует компонент *-oholic* как суффикс со значением «лицо, испытывающее патологическую зависимость от чего-либо» (‘one that is addicted or compulsively in need of’).

Во второй половине XX в. по аналогии с американизмом *workoholic* в русском языке была создана полукалька *трудоголик*, из состава которой русофонами был вычленен структурный компонент *-(о)голик*. Считается, что он не отличается словообразовательной активностью на русской языковой почве: например, И. С. Улуханов указывает на существительное *рекламоголик* как на единственный окказионализм, созданный с помощью структурного элемента *-(о)голик* (см. УЛУХАНОВ 2012: 577). Однако обращение к поисковой системе Yandex.ru показало, что словопроизводство с помощью форманта *-(о)голик* чрезвычайно активно в речи российских интернастов: в последние годы с его помощью образовано более 120 гибридных неодериватов с общим словообразовательным значением ‘лицо, испытывающее патологическую зависимость от чего-либо’ и один неодериват, обозначающий сторонника политического деятеля, находящегося от него в патологической зависимости, – это пейоративный *pomen pertinentis*: *путиноголик*. Большую часть неодериватов с финалью *-голик* составляют названия лиц, находящихся в патологической зависимости от своих увлечений, страстей и пороков, ср.: *автомобилеголик*, *бабоголик*, *барбиголик*, *битлоголик*, *блогоголик*, *брендоголик*, *ведьмоголик*, *гитароголик*, *гневоголик*, *джазоголик*, *гольфоголик*, *диетоголик*, *дискоголик*, *евроголик*, *женоголик*, *инфоголик*, *игроголик* / *играголик*, *интернетоголик*, *интригоголик*, *казиноголик*, *картиноголик*, *киноголик*, *книгоголик*, *компьютероголик*, *косметикоголик*, *котоголик*, *кошкоголик*, *кровоголик*, *ласкоголик*, *любовеголик*, *медиаголик*, *мобилоголик*, *модоголик*, *мореголик*, *мотоголик*, *наркоголик*, *наукоголик*, *нетоголик*, *никотиноголик*, *поттероголик*, *парфюмероголик*, *пёсоголик*,

пляжеголик, политикоголик, порноголик, программистоголик, психоголик, работоголик, радиоголик, рекламоголик, рэпоголик, рифмоголик, романо-голик, рыбалкоголик, сериалоголик, сетеголик, смехоголик, собакоголик, спортоголик, стихоголик, стрессоголик, серфоголик, сумкоголик, табако-голик, телеголик, тестоголик, тряпкоголик, туроголик, туфлеголик, филь-моголик, флиртоголик, фотоголик, футбоголик, шлюхоголик, шопоголик, экоголик, экстремалоголик, эртоголик, эстетоголик и др.

Значительная часть неодериватов называет лиц, испытывающих патоло-гическую зависимость от продуктов питания, блюд и напитков, ср.: *авока-доголик, бананоголик, борщеголик, булкоголик, виноголик, вискоголик, водко-голик, едоголик, йогуртоголик, картофелеголик, квасоголик, кефироголик, колбасоголик, конфетоголик, коньякоголик, кофеголик, макаронноголик, ма-коголик, мармеладоголик, мёдоголик, молокоголик, мясоголик, овощеголик, пепсиголик, пивоголик, пиццаголик, пиццеголик, рыбоголик, салатоголик, сахароголик, сладкоголик, супоголик, сыроголик, тортоголик, фруктоголик, хлебоголик, чаеголик, чипсоголик, шокоголик / шоколадоголик, яблокоголик* и др.

3. Субстантивные неодериваты со структурным элементом *-завр*

На рубеже XX–XXI вв. когнитивное манипулирование уже имеющимся в греческом языке значением «ископаемый ящер» (англ. *-saur* из греч. *σαῦρος* ‘ящер’) дало возможность лингвокреативным американским журналистам по-новому структурировать концепт «отсталость, регресс» применительно к политическим лидерам, а также к их адептам, обозначив их гибридными неодериватами типа *Bidenosaurs, Clintonosaurs, Obamosaurs, Paulosaur*². Этот способ «борьбы словами» был принят на вооружение российскими жур-налистами, легко выделившими изофонный структурный элемент *-завр* из состава сложных слов – названий ископаемых рептилий, типа *анкилозавр, брахиозавр, бронтозавр, динозавр* и под. С помощью структурного элемента *-завр*, употребляемого в метафорическом значении ‘отсталый, примитивно мыслящий человек’, журналисты и посетители интернет-форумов многоти-ражных общероссийских газет образовали следующие пейоративные на-звания сторонников государственных и политических деятелей: *гайдарозавр* (← *Гайдар* Е. Т.), *ельцинозавр* (← *Ельцин* Б. Н.), *зюганозавр* (← *Зюганов* Г. А.), *жиринозавр* (← *Жириновский* В. В., председатель Либерально-демократиче-ской партии России), *ЛДПРозавр* (← *ЛДПР* = *Либерально-демократическая партия России*), *кудринозавр* (← *Кудрин* А. Л., министр финансов в прави-тельстве РФ с 2000 г. по 2011 г.), *правделозавр* (← партия «*Правое дело*»), *путинозавр* (← *Путин* В. В.), *чубайсозавр* (← *Чубайс* А. Б.), *яблокозавр* (← *Яблоко*, Российская объединенная демократическая партия).

² См.: <http://www.thespoof.com/spoof-news/magazine/3146/washington-dc-paleontology-conference-unveils-new-species>.

Молодые российские интернет-пользователи с помощью структурного элемента *-завр* создали грубые ругательства, обозначающие недостатки умственного развития и внешности человека, его асоциальное поведение, отрицательные черты характера, ср.: *быдлозавр* 'примитивный человек, не имеющий моральных принципов', *глупозавр* 'глупый человек', *дерьмозавр* 'подлый, гнусный человек', *дурозавр* 'очень глупый человек', *жирнозавр* 'очень толстый человек', *колхозавр* 'умственно ограниченный человек из деревни, села', *лохозавр* 'глупый, наивно-доверчивый человек', *очкозавр* 'трус, человек, который не может оказать сопротивления преступникам, легкая добыча, объект планируемого преступления', *психозавр* 'психически ненормальный человек', *толстозавр* 'толстый человек', *тупозавр* 'тупой, примитивный человек', *хамозавр* 'примитивный хам', *шизозавр* 'психически ненормальный, деградировавший человек', *иллюхозавр* 'развратный мужчина'³.

4. Морфемный статус структурных элементов *-(о)голик* и *-завр*

Определяя морфемный статус заимствованных словообразовательных элементов *-(о)голик* и *-завр*, следует учесть ряд взаимодополняющих критериев, принимаемых обычно российскими дериватологами при анализе потенциальных аффиксоидов (префиксоидов и суффиксоидов), а именно: 1) повторение структурного компонента в большом количестве единиц (от 20 единиц и более); 2) способность участвовать в создании новых слов, сочетаясь с основами разного происхождения; 3) изменение значения аффиксоида по сравнению с семантикой лексемы, т. е. приобретение аффиксоидом отвлеченного, словообразовательного значения (см.: ЕФРЕМОВА 2011: 83–86; ТИЛЕМБУЛОВА 2001: 3–19).

Полагаем, что при определении статуса заимствованных структурных элементов должны приниматься во внимание не только наличие коррелята в свободном употреблении и способность выстраивать словообразовательный ряд, но также посылка о возможности вхождения интерфикса в морфемный состав как сложных слов, так и слов, образованных способом аффиксации.

В соответствии с указанными выше критериями структурные компоненты *-(о)голик* и *-завр* следует признать суффиксоидами, отмечая при этом переходный, диффузный характер интерморфемы *-голик*. Она присоединяется: 1) непосредственно к производящей основе, которая может выступать в усеченном виде (*барбиголик*, *футбоголик*, не *футбологолик*, *эстетоголик*, не *эстетикоголик*); 2) к словоформе, включающей в себя окончание (*играголик* *пиццаголик*); 3) с помощью интерфиксов *-o-/-e-* – как компонент сложения (*кофеголик*, *мореголик*, *сыроголик*, *флиртоголик*, *чаеголик*).

Для морфем переходного типа характерны следующие признаки: 1) регулярность воспроизведения в однотипных словах; 2) генетическая связь

³ См. <http://www.slovonovo.ru>.

с изофонной корневой морфемой; 3) бóльшая степень абстрагированности значения морфемы, которая выступает в качестве аффиксоида, по сравнению с корневой; 4) способность морфемы, функционирующей в качестве аффиксоида, вступать в синонимические отношения с аффиксальными морфемами; 5) возможность употребления в качестве как корневой, так и аффиксальной морфемы (амфиксоиды) (ср.: Чинчлей 1980: 54–61).

На российских интернет-форумах в комментариях насмешливо-иронического характера словообразовательный элемент *-голик* спорадически используется в функции полнозначного слова — склоняемого существительного мужского рода со значением ‘человек, патологически зависимый от чего-либо’, например: «И *трудоголик*, это же тоже *голик*, зависимый человек» (forum.na-svyazi.ru), «*Трудоголики*, *сексоголики*, *шопоголики* и все прочие *голики*» ([https:// otvet.mail.ru/ question/ 92546383](https://otvet.mail.ru/question/92546383)).

Эмансипации и лексикализации структурного компонента *-голик*, ставшего автономным носителем категориального значения ‘человек, патологически зависимый от чего-либо’, содействует высокая продуктивность и монофункциональность. Принимая во внимание его способность функционировать в качестве как корневой, так и аффиксальной морфемы, следует признать заимствованный структурный компонент *-голик* амфиксоидом, входящим вместе радиками и аффиксоидами в своеобразную цепочку промежуточных морфем, появление которых связано с усилением тенденции к агглютинации и аналитизму.

Неодериваты, образованные российскими интернавами с помощью ксеноморфемы *-(o)голик*, подобны по своей логико-семантической природе словосочетаниям и сложным словам, представляющим собой номинативные бинарные структуры, где наблюдается позиционная последовательность «определяющее-определяемое», причем определяемое является родовым понятием, а определяющее – видовым (в рамках актуального членения – известная и неизвестная часть).

5. Выводы

Итак, в эпоху информационной глобализации и англо-американского языкового империализма благодаря словотворчеству лингвокреативных журналистов, а также интернет-пользователей в русском языке появились следующие инновационные субстантивные словообразовательные типы: 1) семантически нерегулярные экспрессивные отыменные имена процессов с суффиксальным термином элементом *-инг*; 2) пейоративные наименования лиц, патологически зависимых от своих страстей и пороков, созданные с помощью амфиксоида *-(o)голик*; 3) отонимические пейоративные названия сторонников политических деятелей, образованные с помощью суффиксоида *-завр*; 4) инвективные наименования лиц, образованные с помощью суффиксоида *-завр* от слов с качественно-характеризующими значениями.

Гибридные неодериваты, включающие в себя ксеноморфемы *-инг*, *-(o)голик*, *-завр*, представляют собой своеобразные морфемные синтагмы

(т. н. «кентавры»), поскольку производится путем механического присоединения заимствованных элементов, сохраняющих структурно-семантическую автономию. Этот инновационный механизм словопроизводства обусловлен изменением психологии восприятия у молодых членов глобализированного информационного сообщества, а именно – деградацией парадигмального мышления, вследствие которой преобразование представлений в процессе воображения сводится к агглютинативному синтезу, предполагающему «склеивание» разнородных элементов с целью создания образов называемых объектов (ср.: ВИДАНОВ 2011:24).

Активизация словообразовательных моделей с формантами *-инг*, *-(о)голик*, *-завр* в письменной речи российских интернастов объясняется тем, что гибридные неодериваты, созданные с помощью этих новых интерморфем, позволяют не только передать прямое номинативное значение, но и облегчить «словотворцам» экспликацию негативных эмоций.

Литература

- ВИДАНОВ 2011 = ВИДАНОВ Е. Ю. *Развитие аналитизма в современном русском словообразовании*. Омск: «Вариант-Омск», 2012.
- ДОБРОСКЛОНСКАЯ 2015 = ДОБРОСКЛОНСКАЯ Т. Г. Лингвокультурная глобализация как фактор развития современных языков. В кн.: БЕЛОГЛАЗОВА Е. В. (ред.) *Язык и культура в эпоху глобализации*. В 2-х томах. Том 1. Санкт-Петербург: «Издательство СПбГЭУ», 2015. 36–44.
- ЕФРЕМОВА 2011 = ЕФРЕМОВА Е. М. Полуаффиксы в составе многокомпонентных слов-композигов в современном английском языке. *Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика* 2011/5: 83–86.
- КАБАКЧИ 2009 = КАБАКЧИ В. В. Язык мой, камо грядеши? Глобализация, «глобанглизация» и межкультурная коммуникация. В кн.: ЧЕРНЯВСКАЯ В. Е., ЗОЛЯН С. Т. (ред.) *Язык в парадигмах гуманитарного знания: XXI век*. Санкт-Петербург: «Издательство СПбГУЭФ», 2009. 91–114.
- КОБЕНКО 2013 = КОБЕНКО Ю. В. *Экзоглосные тенденции в языковой ситуации в ФРГ*: Автореф. Дис. ... докт. филол. наук. Самара. 2013.
- ТИЛЕМБУЛОВА 2001 = ТИЛЕМБУЛОВА С. Н. *Трансформированные корневые морфемы: на материале русских префиксоидов и их аналогов в английском и казахском языках*. Автореф. Дис. ... канд. филол. наук. Саратов. 2001.
- УЛУХАНОВ 2012 = УЛУХАНОВ И. С. *Словообразование. Морфонология. Лексикология: Избранные работы по современному русскому языку*. Москва: «Логос», 2012.
- ЧИНЧЛЕЙ 1980 = ЧИНЧЛЕЙ Г. С. О статусе темных морфем. В кн.: БАРТКОВ Б. И. (ред.) *Проблема статуса деривационных формантов*. Владивосток: «Издательство ДВО АН СССР». 1980. 54–61.
- GÖRLACH 1998 = GÖRLACH M. The Usage Dictionary of Anglicisms in Selected European languages: a report on progress, problems and prospects. *Links & letters* 5 (1998): 209–221.
- WYRWAS 2004 = WYRWAS K. Rywingate i pracoholik – derywaty sufiksalne czy złożenia? *Język Polski* 84/2 (2004). 146–148.

И. ПАЛОШИ

Анализ глаголов с циркумфиксальными формантами *на-...-ся* и *пере-...-ся*: семантика и словообразование

Analysis of verbs with confixes *na-...-s'a* and *pere-...-s'a*: semantics and word formation

Abstract: The paper examines the possibility of derivation of confixed verbs from prefixed ones. The analysis is carried out on saturatives and cumulatives, as well as on mutual verbs on one side and reformatives, attenuatives, distributives, verbs of motion and verbs meaning extranormative actions on the other. According to the author there is some derivational relationship between the examined verbs which can be found in particular cases but it cannot be considered as a proof for eliminating confixes from the morfematic system of Russian language.

Keywords: confix, prefix, semantics, word formation

1. Введение

Необходимо предварительно оговориться, что циркумфиксы (конфиксы) имеют неоднозначный статус в системе словообразования русского языка. Под глагольными циркумфиксами подразумеваются аффиксы, представляющие собой комбинации префикса и постфикса, функционирующие как единая морфема. Семантика циркумфикса выводится не отдельно на основе его компонентов (префикса и постфикса), а интерпретируется композиционально. С точки зрения общей морфологии В. А. Плунгяном выделяется две стадии в эволюции циркумфиксов. На первой стадии, на которой находятся в том числе и русские циркумфиксы, «каждый из элементов циркумфикса существует в языке как самостоятельный аффикс» (Плунгян 2003: 95). На второй стадии два компонента отдельно не функционируют в языке (Плунгян 2003: 95).

Префиксальный компонент глагола должен иметь семантику, отличающуюся от семантики префиксального глагола с постфиксом *-ся*. Ср.: *заиграть* – глагол начинательного способа действия (в дальнейшем – СД) со значением 'начать играть'; глагол чрезмерно-продолжительного СД со значением 'доведение объекта продолжительного и/или частотного действия до отрицательного состояния'), *заиграться* – глагол интенсивного СД со значением 'увлеченно играя полностью углубиться в действие'. Следовательно, глаголы, морфологически и семантически производные из соответствующих префиксальных и постфиксальных глаголов, не считаются циркумфиксальными, см. *веселиться* > *развеселиться*; *развеселить* > *развеселиться*. Глаго-

лы, не употребляющиеся отдельно с префиксом или с постфиксом безоговорочно можно назвать циркумфиксиальными, ср. *разбежаться* (**разбежать*, **бежаться*) *намолчаться* (**намолчать*, **молчаться*), *изболеться* (**изболеть*, **болеться*) (ЗЕВАХИНА 2007: 66). Отметим, что в силу многозначности префиксов, в одних значениях они являются компонентами циркумфиксов, а в других – нет, ср. *отзаниматься* (глагол финитивного СД со значением 'кончить заниматься') и *отсидеться* ('спасаясь от чего л., переживая, укрыться в защищенном, безопасном месте'). Глагол *отзаниматься* нельзя считать циркумфиксальным, поскольку он образован путем префиксации постфиксального глагола *заниматься*. Такое утверждение о глаголе *отсидеться* является невозможным; по нашему мнению, данный глагол можно причислить к циркумфиксальным глаголам.

В Русской грамматике выделены 17 глагольных циркумфиксов: *в-...-ся*, *вз-...-ся*, *вы-...-ся*, *до-...-ся*, *за-...-ся*, *из-...-ся*, *на-...-ся*, *о-...-ся* / *об-...-ся*, *т-...-ся*, *под-...-ся*, *пере-...-ся*, *при-...-ся*, *про-...-ся*, *раз-...-ся*, *с-...-ся*, *у-...-ся* (РГ-1980), среди которых, по мнению Н. А. Зевахиной, только *до-...-ся*, *за-...-ся*, *на-...-ся*; *пере-...-ся*, *при-...-ся* и *раз-...-ся* соответствуют вышеизложенным критериям (ЗЕВАХИНА 2007: 69). Настоящая статья посвящается семантическому анализу двух из данных циркумфиксов: *на-...-ся* и *пере-...-ся*.

В современной русской лингвистике была выдвинута другая точка зрения, согласно которой существование циркумфиксов вызывает серьезные сомнения. К. Л. Киселева и С. Г. Татевосов в своей совместной статье предлагают избавиться от циркумфиксации как от способа словообразования, поскольку «она увеличивает репертуар элементарных позиционных типов аффиксов, наращивает объем параметров межъязыкового варьирования и катастрофически усложняет задачу усвоения первого языка» (КИСЕЛОВА–ТАТЕВОСОВ 2015: 274). Авторы аргументируют в пользу того, что глаголы с формантом *на-...-ся* (напр. *нагуляться*), которые считаются типичными циркумфиксальными, образованы не от основных (напр. *гулять*), а от префиксальных глаголов, в данном случае от глагола *нагулять* (см. *нагулять аппетит*). Позиция К. Л. Киселевой и С. Г. Татевосова ставит всю описанную выше концепцию о циркумфиксах под вопрос.

Целью настоящей работы является рассмотрение соотношения между префиксальными и циркумфиксальными глаголами. На примере глаголов с формантами *на-...-ся* и *пере-...-ся* попытаемся ответить на вопрос о том, нужно ли интерпретировать значение циркумфиксов исключительно идеоматично или можно выявить значение циркумфикса из суммы значения префикса и постфикса.

2. Анализ глаголов с циркумфиксом *на-...-ся* и глаголов с префиксом *на-*

Как известно, в аспектологической литературе глаголы с формантом *на-...-ся* называются глаголами сатуративного и сативного СД. В семантическом поле данных глаголов центральную позицию занимает количественная сема, проявляющаяся в длительности и/или многократности и интенсив-

ности, которая сочетается с прагматическим значением насыщенности. Они способны оценивать действие положительно и передавать значение удовлетворенности говорящего или субъекта действия. Однако необходимо обратить внимание на то, что группа данных глаголов является неоднородной.

Полностью можно согласиться с корейским исследователем Ю Чул Джоном в том, что данные глаголы делятся на три семантические группы:

- 1) глаголы со значением «совершать действие до полного удовлетворения»: *наговориться, наплакаться, нагоститься, нагуляться, наесться, наиграться* и т. д.;
- 2) глаголы со значением «совершать действие очень много до отрицательных последствий», т. е. «довести многократное, продолжительное или интенсивное действие до отрицательных последствий: *набегаться, навозиться, насидеться, напиться* и т. д.
- 3) глаголы со значением «совершать действие очень много» (Ю 2002: 26): *настрадаться, наголодаться, наглядеться, насмотреться* и т. д.

Следует подчеркнуть, что изложенную выше классификацию можно считать условной, поскольку в зависимости от вербального и ситуативного контекстов один и тот же глагол может входить в несколько групп, см. примеры (1), (2) и (3).

- (1) Я как *начитаюсь* в нашем журнале «Домовой» статей об известных и просто доблестных людях, восхишусь их стойкостью, так бегу домой к сыну с важным сообщением: главное в жизни, сынок, говорю я, положив ему руку на плечо, — это отвага сердца (Ксения Махненко. Обращение (2002) // «Домовой», 2002.01.04. НКРЯ).
- (2) – *Начитался* ты, Алик, западной литературы, – криво улыбнулась она и пошла прочь (В. Аксенов. Звездный билет/Юность, НКРЯ).
- (3) Корытин за эти годы *наслушался* и *начитался* всякого, ничему не удивляясь (Борис Екимов. Пиночет (1999) НКРЯ).

В примере (1) последствие действия, обозначаемого глаголом *начитаться* оценивается положительно. В примере (2) мы имеем дело с негативно оцениваемым последствием. Что касается примера (3), в нем последствия не оцениваются, а подчеркивается количество действия. Для точной интерпретации глагола, кроме контекста, важную роль также играет лексическое значение мотивирующего глагола. Очевидным является то, что глаголы *наголодаться, намучиться, настрадаться, надрожаться* не могут передать действие, которое приводит к положительным последствиям. Их можно поставить в параллель с глаголами с циркумфиксом *из-...-ся* (глаголы тотального СД), которые указывают на действие, доведенное до крайности, ср. *изголодаться, измучиться, исстрадаться*.

Теперь рассмотрим семантику компонентов циркумфикса *на-...-ся* в разрыве и попытаемся выявить возможность выведения значения циркумфикса из суммы значения префикса и постфикса. В лингвистической литературе глаголы с префиксом *на-* известны как глаголы кумулятивного СД, которые являются типичными дериватами со значением мультиобъектности. Это объясняется структурным характером семантического поля глаголов куму-

лятивного СД: доминантной семой является сема результативности, которая манифестируется во множественном объекте или во множестве объектов, при этом семы кратности и длительности действия занимают периферийную позицию. Напр.: *накосить* <травы>, *настирать* <белья>, *надавать* <книг>, *нажарить* <мяса>, *наварить* <варенья> и т. д., см. еще примеры (4) и (5).

(4) ... мы *наговорили* друг другу кучу самых *архиобидных* слов (М. Зощенко. Спи скорей, 208).

(5) Перекрыл сарай, вырыл новый колодец, привез, *напил* и *нарубил* дров, помог жене ... (А. Слаповский. Заколдованный участок, 205).

Необходимо отметить, что кумулятивные глаголы могут выражать и мультисубъектный характер действия, т. е. префикс *на-* может маркировать большое количество субъектов действия или их группу, см. *нападало* *листьев*, *набежало* *народу*, *навалило* *снегу* и т. д. (ЗАЛИЗНЯК–МИКАЭЛЯН–ШМЕЛЕВ 2015: 121). См. примеры (6), (7) и (8).

(6) Конечно, парадных выходов на крыльцо не было, но *гости* *набежали*, и довольно много (Софья Пилявская. Грустная книга (2000) НКРЯ).

(7) День был теплый и пасмурный. На лобовое стекло *нападали* *листья* (Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001. НКРЯ).

(8) *Навалило* *снега*, мороз ударил, а до этого была сплошная слякотная осень (Илья Анпилогов. Уроки армии и войны, или Хроника чеченских будней. Из дневника солдата-срочника // «Континент», 2002. НКРЯ).

Ясно, что кумулятивные глаголы во всех своих значениях связаны с квантификацией и, что глаголы выражают достижение количественного предела действия.

Главное различие между кумулятивами и сатуративами заключается в том, что в значении кумулятивов количество проявляется в актантах ситуации, а в значении сатуративов – в самом действии (Ю 2002: 40). Вся эта проблематика связана с измеряемостью/неизмеряемостью количества.

Данную картину осложняют дериваты с префиксом *на-*, которые без контекстуальных распространителей указывают на большое количество, проявляющееся в продолжительности действия, см. *наспорить*, *наразговаривать*, *набеседовать*, *набаловать* и т. д. Они не относятся ни к мультиобъектным, ни мультисубъектным глаголам. Большое количество в их значении связано с самим действием, см. пример (9).

(9) Я посмотрел на счетчик — мы *накрутили*, вернее, *наразговаривали*, *наспорили*, *набеседовали*, *напечалились*, *насмеялись* и *наплакались* аж на 255 километров! (Евгений Весник. Дарю, что помню (1997) НКРЯ)

Еще существует группа глаголов с префиксом *на-*, фокусирующих внимание на результате или последствии действия, которые чаще всего являются нежелательными, см. *наплакать* *глаза*, *нагулять* *жирок* или *аппетит*, *намечтать* и т. д.

- (10) Налезался с басурманскою собакою, Вишь, *глаза-то* у красавицы *наплаканы!*» (Татьяна Набатникова. День рождения кошки (2001) НКРЯ)
- (11) — Всего понемножку. — *Животик не нагулял?* — Что-то просматривается, — усмехнулся Пафнутьев (Виктор Пронин. Банда 8 (2005) НКРЯ).

На данном этапе возникает вопрос, можно ли предположить, что сатуративы образованы от кумулятивов. Не нуждается в пояснении, что постфикс *-ся* в кумулятивных глаголах имеет возвратную функцию. Количественный характер действия направляется на производителя действия, следовательно производитель действия испытывает удовлетворенность или пресыщенность, т. е. он должен справиться с положительными или отрицательными последствиями действия: см. *она наплакала себе глаза* > *она наплакалась*, от этого у нее глаза красные; *они наговорили много* > *они наговорились*. Иными словами, постфикс *-ся* передает кореферентность субъекта состояния субъекту действия (ЗЕВАХИНА 2007: 79). Нужно отметить, что постфикс *-ся*, с одной стороны, сокращает семантический потенциал мотивирующего глагола, поскольку лишает его распространения действия на несколько субъектов или объектов и сосредотачивает внимание на состоянии субъекта, с другой стороны, семы продолжительности и интенсивности, которые в семантической структуре кумулятивов занимают периферийную позицию, усиливаются. Последствия продолжительного и интенсивного действия испытывает субъект-экспериенс.

Кумулятивы за исключением малочисленных мультисубъектных глаголов являются транзитивными. Пример (13) свидетельствует о том, что сатуративы можно трансформировать в сочетание кумулятива и объекта, если в контексте не подчеркивается насыщенность субъекта адвербиальными показателями типа *вдоволь*, *вдосталь*, *вслась* и т. д. Иными словами, глаголы с формантом *на-...-ся* с переходной основой, действительно можно считать результатами деривации от кумулятивов, т. е. в случае примера (12) сатуративы ведут себя как возвратные варианты кумулятивов.

- (12) Ну все, кажется наотдыхалась: *посуду намылась, настиралась* и *наготовилась* (<https://web.mom.life/ru/post/5803c0c1823983857d8b456f-nu-vsyo-kazhetsya-naotdyhalas>).

- (12а) Ну все, кажется наотдыхалась: *намыла посуду, настирала белья* и *наготовила борща*.

Подводя итоги, можно установить, что идею образования сатуративов путем постфиксации кумулятивов можно принять при двух критериях: 1) мотивирующий глагол должен быть переходным; 2) центральную позицию в семантической зоне сатуратива должно занять количество действия, а не прагматическая сема насыщенности субъекта действием.

3. Анализ глаголов с циркумфиксом *пере-...-ся* и глаголов с префиксом *пере-*

Теперь перейдем к изучению глаголов с циркумфиксальным формантом *пере-...-ся*. Группу глаголов с формантом *пере-...-ыва-...-ся* типа *перебраниваться, переглядываться, переговариваться, перезваниваться, перекидываться, перемигиваться, переписываться, переругиваться, пересмеиваться, перестреливаться, перестукиваться, перешептываться, перешучиваться* и т. д. принято называть глаголами взаимного СД (ЗАЛИЗНЯК–ШМЕЛЕВ 1997: 105). Также известны термины «длительно-дистрибутивно-взаимный СД» (АВИЛОВА 1976: 299), «длительно-взаимный СД» (ШЕЛЯКИН 2008: 166).

Значение взаимных глаголов можно толковать следующим образом: 'определенное или неопределенное количество X-ов обменивается Р / X и Y обмениваются Р одновременно или последовательно'. Принимая во внимание, что в действие вовлекается несколько участников и, что обмен действия происходит в рамках одного промежутка времени, можно предположить, что взаимные глаголы включают сему дистрибутивности. Семантическое поле данных глаголов можно охарактеризовать комбинацией сем дистрибутивности, кратности, темпоральности (одновременности / последовательности) и длительности. Семы дистрибутивности и кратности занимают центральную позицию, в то время как темпоральность и длительность располагаются на периферии семантического поля, см. пример (13).

- (13) Русские, пермяки, татары жарили мясо, латая одежду и обувь, *пересмеивались, переругивались*, грелись, чистили коней и оленей (Алексей Иванов. Сердце Пармы (2000) НКРЯ).

Для того, чтобы понять семантическое и деривационное отношения между взаимными глаголами и с префиксальными глаголами с приставкой *пере-*, необходимо обратить внимание на многозначный характер данного префикса. Как известно, при помощи приставки *пере-* образуются глаголы с рефактивным значением (*перечитать письмо, переписать сочинение, переиздать роман* и т. д.), с пространственным значением (*переплыть речку, перейти улицу, перелететь океан* и т. д.), с аттенуативным значением (*передохнуть, перекусить* и т. д.), с дистрибутивным значением (*перепробовать все блюда, переженить всех сыновей, переболеть всеми детскими болезнями* и т. д.) и со значением сверхнормативного действия (*пересолить суп, перенервничать, пережарить мясо* и т. д.).

Если допустить, что взаимные глаголы образованы от глаголов с префиксом *пере-* при помощи постфикса *-ся*, вносящего в семантику глаголов сему взаимности, мы должны определить, который из перечисленных выше глаголов можно считать производящим по отношению к взаимным глаголам. Глаголы должны быть в отношении «каузатив – реципрок», как глаголы в примерах (15а) и (15б).

- (14а) Иван обнимает друга.

- (14б) Друзья обнимаются.

Обратимся к сравнению семантики префиксальных глаголов и циркумфиксальных глаголов. Рефактивы акцентируют внимание на репетитивном характере действия, который может сопровождаться качественным изменением: *Он перезвонил мне* 'Он позвонил мне еще раз'. Данное значение не входит в семантическую зону взаимных глаголов, поэтому образование взаимных глаголов от рефактивов не оправдано: **переписать* > *переписываться*, **перезвонить* > *перезваниваться*. Подобный вывод можно сделать, сравнивая семантику аттенуативов типа *переговорить* и взаимных глаголов типа *переговариваться*. Аттенуативы, как известно, указывают на непродолжительность и низкую интенсивность действия. Перечисленные семы не сохраняются при следующей трансформации: *Они переговори́ли*. > *Они переговариваются*.

Однако дистрибутивность безусловно можно считать семантическим компонентом взаимных глаголов, поскольку взаимное действие распространяется на несколько участников ситуации: *Охотники перестреляли всех лис в лесу*. > *Они перестреливались*. На наш взгляд, возможность образования взаимных глаголов от дистрибутивов можно было допустить, если бы данное образование оказалось продуктивным.

Глаголы с пространственным значением с постфиксом *-ся* употребляются исключительно в пассивных конструкциях: *переходиться*, *переплываться* и т. д. Взаимные глаголы с пространственным значением нами не найдены: **перехаживаться*.

Что касается глаголов сверхнормативного действия, их семантическую структуру доминирует сема чрезмерного количества действия, которая не является характерной для взаимных глаголов. Следовательно, идея образования взаимных глаголов от глаголов сверхнормативного действия отвергается, тем более что глаголы *пересаливаться*, *пережариваться* употребляются не во взаимном значении, а – в пассивном, см. пример (15).

- (15) То каша подгорала, то макароны слипались в комок или суп *пересаливался*, а картошка хрустела на зубах (С. М. Голицын. За березовыми книгами (1963) НКРЯ).

В результате семантического анализа префиксальных и циркумфиксальных глаголов мы позволяем себе сделать вывод, что взаимные глаголы в семантическом плане наиболее близки к дистрибутивам: *перезвонить нескольких друзей* > *перезваниваться*. Взаимные глаголы в теоретическом плане можно было бы назвать постфиксальными вариантами дистрибутивов, однако такое предположение языковыми фактами не подтверждается. Рефактивы, аттенуативы, глаголы с пространственным значением и глаголы со значением сверхнормативного действия нельзя считать базисными глаголами для деривации глаголов взаимного СД.

4. Итоги

Наш краткий анализ позволяет сделать вывод, что отказываться от понятия «циркумфикс» не целесообразно. Циркумфиксальные глаголы несомненно связаны с префиксальными глаголами с семантической точки зрения, но мы бы не взяли на себя смелость констатировать, что циркумфиксальные глаголы являются постфиксальными производными глаголами от префиксальных глаголов.

Результаты анализа глаголов с формантом *на-...-ся* показывают, что в случае некоторых примеров безусловно можно обнаружить такую тесную деривационную связь, но это ни в коем случае нельзя считать закономерностью. Анализ глаголов с формантом *пере-...-ся* показал, что значение компонентов данного аффикса нужно интерпретировать идеоматично. Между кумулятивами и сатуративами обнаруживается более тесная семантическая связь, чем между дистрибутивами и взаимными глаголами.

Литература

- АВИЛОВА 1976 = АВИЛОВА Н. С. *Вид глагола и семантика глагольного слова*. Москва: «Наука», 1976.
- ЗАЛИЗНЯК–ШМЕЛЕВ 1997 = ЗАЛИЗНЯК Анна А., ШМЕЛЕВ А. Д. *Лекции по аспектологии*. Slavistische Beiträge 353, Studienhilfen Band 7, München: Verlag Otto Sagner. 1997.
- ЗАЛИЗНЯК–МИКАЭЛЯН–ШМЕЛЕВ 2015 = ЗАЛИЗНЯК Анна А., МИКАЭЛЯН И. Л., ШМЕЛЕВ А. Д.: *Русская аспектология: в защиту видовой пары*. Москва: «Языки славянской культуры», 2015.
- ЗЕВАХИНА 2007 = ЗЕВАХИНА Н. А. Циркумфиксы в русском языке как показатели актантной деривации.
https://www.hse.ru/mirror/pubs/lib/data/access/ram/ticket/10/1538485771447c026061a46bb7e8727f96eb393778/paper_MSCL2007.pdf
- КИСЕЛЕВА–ТАТЕВОСОВ 2015 = КИСЕЛЕВА К. Л., ТАТЕВОСОВ С. Г. Гулял – нагулял – нагулялся. Заметки о структуре префиксально-постфиксальных глаголов. В кн.: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Москва, 27–30 мая 2015 г.)*. Москва: «Изд-во РГГУ», 2015. 272–283.
- ПЛУНГЯН 2003 = ПЛУНГЯН В. А. *Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие*. Москва: «Эдиториал УРСС», 2003.
- РГ-1980 = *Русская грамматика*. Шведова Н. Ю. (ред.) Т. I. Москва: «Наука», 1980.
- Ю 2002 = Ю Ч. Ч. Семантическое описание русского глагольного конфикса *на- -ся*. В кн.: КРАСНЫХ В. В., ИЗOTOV А. И. (ред.) *Язык, сознание, коммуникация*. Москва: «МАКС Пресс», 24–41.
- ШЕЛЯКИН 2008 = ШЕЛЯКИН М. А. *Категория аспектуальности русского глагола*. Москва: «УРСС», 2008.

О. РЕТКЕВИЧ

**Аббревиационные процессы
в современном русском языке: постоянство и динамизм**

**Abbreviation processes
in the modern Russian language: continuity and dynamism**

Abstract: Abbreviating words and expressions is regarded as the “youngest” tool of word formation. After the first surge at the beginning of the 20th century, it is currently experiencing a second boom. The vocabulary ranges of on-line dictionaries of abbreviations are expanding on a daily basis. Along with quantitative changes, qualitative changes can also be observed. Two peculiar features are the appearance of loan-abbreviations written in the Latin script and pronounced according to the rules of the donor language, and the capacity of borrowed initialisms to turn into self-contained common nouns. The research of abbreviations is not limited to the levels of word formation and lexicology, they are also investigated from the aspects of ontology, psycholinguistics, sociolinguistics and stylistics.

Keywords: word formation, abbreviation, multi-functionality, dictionaries

1. Молодой способ словообразования

Если бы аббревиатуры были живыми существами, они с полным правом могли бы заявлять о себе, что любят принимать новые вызовы. В отношении аббревиатур это, ставшее в последнее время модным выражение, не кажется преувеличением. Среди существующих многочисленных характеристик аббревиатур самой подходящей кажется их провокативность. Именно своей провокативностью они и привлекают. Примечательно, что общеизвестному чеховскому изречению «Краткость — сестра таланта» предшествовала фраза «Не зализывай, не шлифуй, а будь неуклюж и дерзок» (Чехов А. П. Полн. собр. соч., Т. XIV. 1949: 342). В 1913 г. К. И. Чуковский предсказывал: «...Слова сожмутся, сократятся, сгустятся. ... Будут слова-молнии, слова экспрессы...» (ЧУКОВСКИЙ 1913).

Аббревиация считается самым «молодым» способом словообразования и, как все молодое, сокращенные слова бывают порой неуклюжи, а порой дерзки.

После первого взрыва в начале XX в. аббревиационные процессы теперь переживают второй взрыв. Реакцией на появление большого количества сокращенных слов уже на первом этапе стало создание специальных словарей, например, изданный Н. Н. Серокузовым в 1924 г. во Владивостоке *Словарь*

вошедших в обиход сокращенных названий, небольшой по объему. Для дальнейшего сравнения: четвертое издание *Словаря сокращений русского языка* под редакцией Д. И. Алексеева, вышедшее в 1984 г., содержало 17 000 сокращений, а *Новый словарь сокращений русского языка* под общей редакцией Е. Г. Коваленко, изданный всего одиннадцатью годами позже, уже около 32 000 единиц. Процесс составления новых печатных словарей сокращений и дополнений к ним, такой характерный для XX в., потерял смысл в настоящее время из-за непрерывного потока новой сокращенной лексики. На данный момент самый полный список сокращений, акронимов, аббревиатур и сложносоставных слов русского языка, насчитывающий более 150 000 единиц, можно найти на сервере студии Артемия Лебедева Sokr.ru. Этот онлайн-словарь уникален в своем роде, так как многосторонне подходит к описанию аббревиатур. В нем можно найти информацию о свежедобавленных словах, о самой длинной аббревиатуре (55 букв!), о том, на какую букву начинаются и оканчиваются большинство сокращений, какая аббревиатура имеет больше всего значений и мн. др. Словарь примечателен еще и тем, что не содержит ни одной аббревиатуры с латинскими буквами. Здесь же можно найти интересные примеры отаббревиатурных производных, отметим, далеко не всегда благозвучных.

В дискуссиях о чистоте языка аббревиатуры часто подвергаются критике. Однако, если аббревиационные процессы приводят, по мнению одних, к варваризации языка и явно нежелательны, то, чем же объяснить их широкое употребление? Если исходить из того, что красиво то, что модно, а соответственно, что модно, то красиво, то активность рассматриваемого вида словообразования может быть вполне оправданным. К аббревиационным процессам невозможно подходить с точки зрения желательности / нежелательности, приятия/неприятия. Они должны пониматься как сущность, которая не зависит ни от воли отдельной личности, ни от воли одного языкового коллектива, так как имеет общечеловеческий характер. Другими словами, аббревиатурная деятельность преемственна, она заложена в самой природе человека и обусловлена его стремлением к экономии. В этом проявляется постоянство аббревиатурных процессов. Динамизм же выражается в том, что словарь проявляет наибольшую изменчивость и подвижность, так как чувствительно реагирует на преобразования в окружающей действительности.

2. Особенности аббревиатур как лексических единиц на современном этапе

Существуют разные определения для термина *аббревиатура*. Однако, на различия в трактовках в них все же выделяется некоторая схожесть: ударение ставится в первую очередь на словообразовательной функции, хотя для термина *аббревиатура* графическое выражение первично, а лексическое вторично. Только в тот момент, когда условные графические сокращения-знаки наделяются звуковой оболочкой, т. е. начинают произноситься, они

превращаются в слова. Так любая нынешняя аббревиатура осознается сразу как лексическая единица, с потенциальными фонетическими, грамматическими и словообразовательными способностями.

Д. И. Алексеев считал, что «аббревиатурный способ словообразования — самый искусственный среди всех способов, известных языку» (АЛЕКСЕЕВ 1979: 15).

На пути своего развития аббревиация вышла за пределы субстантивной лексики и проникла в классы прилагательных, наречий и глаголов. Благодаря высокой продуктивности аббревиатур в русском языке происходит постоянное пополнение словарного запаса. Например, акроним *БОМЖ* или *бомж*, превратившись из термина в сленг, породило целый ряд производных, обслуживающих разговорную лексику: *бомжиха*, *бомжонок*, *бомжара*, *бомжатник*, *бомжевание*, *бомжовый*, *бомжатский*, *бомжеский*, *бомжеватый*, *бомжегато*, *бомжегать*, *бомжал* (*бомж+вокзал*). Из примеров видно, как различные морфемы придают дериватам различную стилистическую окраску и как слова получают семантические добавки.

Теперь рассмотрим, какие процессы можно наблюдать в аббревиации на современном этапе и какие изменения структурного, графического, функционального, семантического и стилистического планов можно выявить.

В первую очередь следует отметить огромный наплыв иноязычной аббревиатурной лексики. Все аббревиатуры, заимствованные русским языком до середины 80-х годов, оформлялись только средствами кириллической графики. Варианты на латинице практически не употреблялись. Особенность современного этапа — появление заимствованных аббревиатур, сохраняющих латинскую графику и произношение инициалов по правилам языка-источника.

Новизна проявляется как на фонетическом и графическом уровнях, так и на орфографическом. К примеру, акроним *VIP* в публикациях некоторых российских изданий пишется с точками после каждого инициала в полном соответствии с английским образцом *V.I.P.*

Часто появляются два варианта, оформленных средствами и латинской, и русской графики: *PC / ПК*, *VIP / ВИП*.

Аббревиатура *DJ* появилась в таком оформлении сравнительно недавно. Она заменила собой более раннее заимствование из английского: *диск-жокей*. В современном русском языке у акронима *GJ* имеются варианты: *ди-джей*, *диджей* (транскрипция инициального эквивалента, оформленная средствами русской графики).

(1) Закончила школу ди-джей и работала на радио.

Интересно и то, что сокращенные слова выступают и как имена существительные, и как имена прилагательные в адъективном значении. В таком случае можно говорить о грамматической омонимии, см. *TB-прогноз*, *PR- и рекламные кампании*, *DJ-агентство*, *CD-ROMовский*, *CD-плеер*, *Internet-мэн*.

Приводим разновидность вариантов только с одним акронимом *VIP / V.I.P. / ВИП*: *VIP-билет, VIP билет, VIP-агентство, V.I.P.-бельэтаж, VIP-гость, VIP-поле перед сценой, VIP-зал, VIP-зона, V.I.P.-зона, V.I.P.-карта, VIP-клиентура, VIP-персона, VIP-турист, VIPовский, Виповский*. А вот пример аббревиатуры русского происхождения в адъективном значении: *ВИЧ-инфекция*.

Иноязычные аббревиатуры могут в русском языке превращаться в самостоятельные нарицательные слова, которые пишутся строчными буквами без дефисов: *пиар, эйчар, диджей, виджей, дивиди*. Вместо *дивиди-плеер* в разговорном языке часто употребляется *дивидишник*.

Особая активность в образовании аббревиатур буквенного типа может объясняться на основе их наибольшей маркированности в сравнении с другими видами сокращенных слов. Несклоняемость буквенных сокращений не является преградой для их употребления и способствует развитию аналитизма в русском языке. В процессе коммуникации частое окказиональное применение сокращений инициального типа объясняется простотой их структуры, поскольку композиция из букв не требует ни творческой работы (ср. телескопические аббревиатуры), ни звуковой эстетики.

На новейшем этапе развития сокращенной лексики русского языка в огромном количестве представлены усечения (апокопы). Они образованы путем отсечения от полного слова его конечной части. Это самый обширный и многообразный пласт в современном языке. Они отличаются разнообразностью образовательных моделей и большой продуктивностью. Образование усечений происходит наиболее естественным и простым образом. Главным источником для возникновения усечений является жаргонная лексика и заимствованные апокопы, которые часто служат образцом для усечений исходно русского словарного материала.

(2) Беспредел — символ эпохи.

В 1994 г. газета *Известия* свидетельствовала: „Этого слова не найти ни в одном толковом словаре“. (КОСТОМАРОВ 1999: 229). В толковом словаре С. А. Кузнецова (2002 г.) слово *беспредел* уже отмечено и этим узаконено, хотя и приводится с пометкой (разг.-сниж.).

Еще интересным является пример: *препод*. В интернете есть отдельная рубрика : *Анекдоты про преподов*.

Активизируется также процесс образования производных от усеченных основ. Менее всего представлены в сокращенном варианте наречия: *налом, неуд, оч хор*. Отметим наречие *неуд*. Интересно, что в словаре Ожегова (1986 г.) слово приводится еще в полном варианте, а в словарь С. А. Кузнецова (2002 г.) оно сразу попадает в сокращенном виде без каких-либо пометок.

Приведем еще несколько примеров для усеченных слов из разговорной лексики: *слу (слушай), оч. (очень), спок (спокойной ночи), кст. (кстати), пож (пожалуйста)*.

3. Структурные, количественные и качественные изменения

В самом начале аббревиатурного взрыва 20-х гг. прошлого века господствующими в русском языке являлись аббревиатуры слогового типа. Лексикализовавшись после длительного графического этапа, русская аббревиация как будто не решалась на резкий переход от обычных слов к сокращениям инициального типа, обращение к которым можно было наблюдать позднее, к 40-м гг. XX в. Можно сказать, что слоговые сокращения играли роль промежуточного звена между словосочетанием и инициальной аббревиатурой.

Следует отметить, что долгое время сокращения вообще не входили в толковые словари русского языка. Например, в словаре Ожегова акронимы можно пересчитать по пальцам. Мы находим там всего 5 аббревиатур этого типа: *ВУЗ, ГОСТ, ЖЭК, ЗАГС, НЭП*. И это среди 57 000 описываемых в словаре единиц. Все пять представляют собой звуковые сокращения.

Толковый словарь С. А. Кузнецова, по нашим подсчетам, содержит 57 таких сокращений. (Всего он описывает более 90 000 лексических единиц). Объем аббревиатур инициального и звукового типа увеличился в новом словаре больше, чем в семь раз.

Нововведенные лексемы являются большей частью продуктами разговорного языка. Этим они отличаются от фиксируемых словарем Ожегова эквивалентов. Там из 33 аббревиатур с пометкой «разг.» сопровождаются лишь 2 единицы (6%): *сопромат* и *ширпотреб*. Из 25 новых такую пометку имеют 11 (прирост в 44%).

Пронаблюдав качественные изменения внутри зрелого слова, иногда уже ставшего историзмом, мы имеем интересные примеры приобретения сокращением нового значения, обычно в разговорной сфере.

Аббревиатура *всеобуч* была осуждена среди многих других еще в 1919 г. и названа «дикой и невразумительной» (АЛЕКСЕЕВ 1979: 163). Исходное ее значение: *всеобщее обязательное обучение*. Так она и объясняется в словаре Ожегова. У С. А. Кузнецова находим еще одно значение: *широкая пропаганда основ каких-л. знаний*, затем приводится пример: *компьютерный всеобуч*.

Представим пример из современных СМИ:

- (3) Этой осенью в Ростовской области продолжилась реализация уникального для России проекта «Всеобуч по плаванию», цель которого — научить уверенно держаться на воде всех школьников.

Заодно со словом *всеобуч* следует упомянуть и *ликбез*. Как и в первом случае, у слова развивается новое значение, только с пометкой «разг». Кроме фразы *ликвидация неграмотности*, оно обозначает *обучение тому, в чем кто-л. плохо разбирается*. Например, *ликбез по информатике*. Заметим, что в толковых словарях в описании аббревиатуры второй элемент *без* = *безграмотность* не разъясняется, вместо него фигурирует синоним *неграмотность*, что ослабляет мотивацию. Так или иначе, аббревиатура выжила. К. И. Чуковский называл *ликбез* словом-временкой и утверждал, что оно ушло вместе с обозначаемым им явлением (ЧУКОВСКИЙ 1963: 95). На сегодня:

Ликбез в широком смысле — обучение неподготовленной аудитории базовым понятиям.

Думалось, ушло в пассивный запас слово *технорук*. В словаре С. А. Кузнецова оно наряду с *горком, домком, завком, исполком, кожмит, мотопед, обком, облизполком, партком, парторг, политрук, профорг, рабочком, райком* не приводится, в отличие от словаря Ожегова. А в интернете мы находим объявление:

(4) Вакансия: Технорук в лесозаготовительную компанию в Хабаровске

Новоселом словаря С. А. Кузнецова является сокращение *зэк*. А Солженицын наглядно описал процесс его превращения из графического сокращения *л/с* (*лишенный свободы*) на первых порах также графическую, неживую, казенную аббревиатуру *з/к* (*заклоченный*), а уже из нее в живое слово, придав ему одушевленности.

4. Омонимия среди инициальных аббревиатур

Омонимия среди сокращений инициального типа — явления бесспорно нежелательное. Употребление таких сокращений оправдано лишь в кругу лиц с сильно выраженной общей установкой на тему, одним словом, в кругу посвященных. Вспомним переписку Кити с Левиным из романа *Анна Каренина* Л. Н. Толстого:

(5) Левин: *к, в, м, о.: э, н, м, б, з, л, э, н, и, т?* (*Когда вы мне ответили: этого не может быть, значило ли это, что никогда, или тогда?*)

Кити: *т, я, н, м, и, о.* (*Тогда я не могла иначе ответить*). (Л. Н. Толстой. Анна Каренина. 1979. 408-409).

Эта сцена показывает возможность расшифровать свернутые до инициальных букв предложения, если адресант и адресат настроены на одну тему, т. е. если у них сформирована сильная общая установка. Конечно, можно пошутить, что надо быть Львом Толстым, чтобы придуманная таким образом аббревиатура стала известной за пределами узкого круга.

И. Н. Горелов и К. Ф. Седов приводят результаты одного психолингвистического эксперимента, проведенного среди студентов, которые в течение пяти дней занимались темой о поведении дельфинов (ГОРЕЛОВ–СЕДОВ 2001: 92). В заключение студенты получили задание расшифровать предложения, скрывающиеся за инициальными буквами. Приведем результаты:

<i>шифр</i>	<i>содержание</i>	<i>верных ответов</i>	<i>время</i>
к, т, (В), д, м, д, н, г?	Как ты (Вы) думаешь, могут дельфины научиться говорить?	21	2 мин
к, т, (В), д, о, д, и?	Как ты (Вы) думаешь, обладают дельфины интеллектом?	19	3 мин
к, т, з?	Как тебя зовут?	—	8 мин
к, и, д?	Как идут дела?	—	8 мин

Из эксперимента вытекает, что правильность расшифровки не зависит от длины свертываемой синтаксической единицы. Более сложные, но относящиеся к рассматриваемой теме предложения были угаданы в рекордный срок, а самые повседневные так и остались нераскрытыми.

От того, насколько совпадает социальный опыт участников общения, зависит степень взаимопонимания между собеседниками.

5. Аббревиация в функциональном развитии

«Особенность сокращений, и в первую очередь аббревиатур, состоит в том, что они несут на себе угадываемый отпечаток времени» (НАЗАРОВ 1998: 222–223).

Развитие аббревиатурных процессов отражается и в перечисленных ниже функциях:

- 1) функция сакральности;
- 2) функция секретности;
- 3) номинативная функция;
- 4) аббревиатуры как идеологическое орудие;
- 5) пародическая функция;
- 6) стремление к новизне, необычности, выражение другой эмоциональной окраски;
- 7) функция придания речи разговорности, фамильярности;
- 8) функция оригинальности, смеживающаяся с функцией социальной обособленности, броскость на двух уровнях языка: письменного и устного.

Мы являемся свидетелями новой тенденции, тенденции к раскрепощенности и вседозволенности при выборе языковых средств, одним словом, свидетелями *беспредела*. Оригинален тот, кто выражается наименее понятно или наиболее броско и нестандартно.

Материалы для изучения такого явления как языковая игра можно черпать из безграничных источников современных СМИ. Для создания языковой игры могут использоваться разные приемы. Часто наблюдается тенденция наложения аббревиатуры на целое слово: *БАМкротство*, *ГРУстный праздник*; *ВИЧеркнутые дети*; *ВОЗражения против табака*; *Как обЪЕГЭрить*.

Приведем конкретные примеры из заголовков современных российских газет:

- (6) ФСО пытается заморить червячка (Коммерсантъ, 15.10.2010)
- (7) Батьке КСОР в избе не нужен (Независимая газета, 16.10.2010)
- (8) Не НАТО обманывать (Российская газета, 04.12.2010)
- (9) ИНСОР из избы (Коммерсантъ, 11.04.2011)
- (10) ООН мятежный просит дури (01.07.2011)
- (11) Иран водят за ШОС (Коммерсант, 23.04.2010)
- (12) Сергей Собянин начал землеМЭРные работы (Коммерсант, 28.04.2011)
- (13) Торговцев ждет суций МКАД (Московский комсомолец, 15.11.2010)

- (14) Ни ФИФА себе (Время новостей, 03.12.2010)
- (15) Дело о пираМММиде (Российская газета, 17.01.2011)
- (16) УЭК: воли не видать (Московский комсомолец, 01.03.2011)
- (17) МММычание ягнят (Российская газета, 09.04.2011)
- (18) НИИкакого здравоохранения (Московский комсомолец, 21.04.2011)
- (19) Батьке КСОР в избе не нужен (Независимая газета, 16.10.2011)
- (20) Не падать НИЦ (Российская газета, 23.03.2011)

За последние сто лет аббревиация прошла путь от единичных примеров лексикализации графических сокращений до превращения в один из активнейших способов словообразования. На этом пути перед ней постепенно снимались все табу. Стилистические изменения, происходящие внутри большинства сокращенных слов, отвечают духу современной эпохи. В заключении приведем слова Е. Е. Земской: «Язык – система самоочищающаяся. В тоталитарные времена язык засушили, ему недоставало животворной влаги, теперь – перенасытили ею. Лишняя — уйдет» (ЗЕМСКАЯ 2001).

Словари

- КУЗНЕЦОВ 2002 = КУЗНЕЦОВ С. А. (ред.) *Современный толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург: «Норинт», 2002.
- ОЖЕГОВ 1986 = ОЖЕГОВ С. И., ШВЕДОВА Н. Ю. (ред.) *Словарь русского языка*. Москва: «Русский язык», 1986.

Литература

- АЛЕКСЕЕВ 1979 = АЛЕКСЕЕВ Д. И. *Сокращенные слова в русском языке*. Саратов: 1979.
- ГОРЕЛОВ–СЕДОВ 2001 = ГОРЕЛОВ И. Н., СЕДОВ К. Ф. *Основы психолингвистики*. Москва: «Лабиринт», 2001.
- ЗЕМСКАЯ 2001 = ЗЕМСКАЯ Е. Е. *Активные процессы в русском языке последнего десятилетия XX века*. 2001. http://gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_55
- НАЗАРОВ 1998 = НАЗАРОВ Р. В. *Несекретные секреты*. Санкт-Петербург: «Лицей», 1998.
- ЧУКОВСКИЙ 1913 = ЧУКОВСКИЙ К. И. *Новый русский язык. Жизнь искусства*: 22.05.1922.

Л. В. РАЦИБУРСКАЯ

**Социокультурная составляющая активных
словообразовательных процессов в русском языке**

**Socio-cultural factors of active derivational processes in the
modern Russian language**

Abstract: The article considers socio-cultural factors stipulating the specificity of derivational processes in the modern Russian language, in particular activization of foreign prefixes (*супер-, гипер-, мега-, ультра-; экс-; псевдо-, квази-*) and prefixoids (*евро-, нано-, кибер-, крипто-*), as well as active involvement of foreign stems into the productive models of the Russian language: substantive models with dimensional-evaluative suffixes, univerbation models, non-usual models of contamination and grapho-hybridization. Innovative derivational processes reflect new communicative needs of language speakers in the modern Russian society.

Keywords: derivational processes, socio-cultural factors, prefixal and suffixal models, non-usual models of contamination and grapho-hybridization

В русском языке последних десятилетий активизируются самые разнообразные инновационные процессы, которые отражают новые коммуникативные потребности носителей языка, новое понимание ими внеязыковой реальности и новые ценностные приоритеты. Как известно,

«деривационные процессы и отношения отражают способы усвоения знаний и опыта с помощью актуальных для данной эпохи корневых и аффиксальных морфем, используемых для объективизации новых концептов и связей. В современную эпоху возможности словотворческого экспериментирования значительно расширяются...» (КОРЯКОВЦЕВА 2016: 9).

Современные словообразовательные процессы испытывают влияние многочисленных социокультурных и экономических процессов, прежде всего процессов глобализации (КОРЯКОВЦЕВА 2016: 8). Анализ неодериватов позволяет выявить, как в языковом сознании носителей языка «в ходе номинации осмысливаются новые явления общественной жизни» (КОРЯКОВЦЕВА 2016: 10).

Активизация заимствованных аффиксов и аффиксоидов, вовлечение в современные словообразовательные процессы слов и основ иноязычного происхождения отражают проявляющуюся в последние десятилетия в русском и других, особенно славянских, языках тенденцию к интернационализации и «амероглобализации», связанную с возрастанием на рубеже XX–XXI вв. масштабности и интенсивности межкультурного и межязыкового

взаимодействия, с глобальным влиянием английского языка» (НИКОЛИНА–РАЦИБУРСКАЯ 2013: 83).

Тенденция к интернационализации проявляется, в частности, в процессах именной префиксации. Действенным аксиологическим средством в русском медийном словотворчестве стали в последнее время некоторые иноязычные префиксы и префиксоиды.

Размерно-оценочные префиксы *супер-*, *гипер-*, *мега-*, *ультра-*, проявляя активность в деривационных процессах на базе не только заимствованных, но и исконных слов, демонстрируют такую отмечаемую исследователями особенность, присущую русской ментальности, как установка на гипертрофию общей, моральной или эстетической оценки при номинации лиц, объектов и событий:

- (1) Пользователей Сети покорила история настоящей *супербабушки* из Красноярска, которая, несмотря на почтенный возраст, ведёт активный образ жизни и тратит все свои сбережения на путешествия (Ленинская смена, 27.10-02.11.2016, № 45);
- (2) Это такое счастье, когда у тебя такая большая семья. *Суперсчастье* (НТВ, 27.08.2017);
- (3) Не обязательно землю какую-то *суперпитательную*, она ведь может и плохую службу сослужить (Радио «Вести FM», 29.05.2017);
- (4) Это, действительно, витаминная, *супервитаминная* ягода (радио «Вести FM», 23.09.2017);
- (5) Какие Вы дадите советы, чтобы быть в такой *супервеликолепной* форме (телеканал «Культура», 21.09.2017);
- (6) Космонавтов видел, слышал. Это не *гиперлюди*, люди будущего (Радио России, 12.04.2012);
- (7) У нас никаких *гипернадежд* на этот визит не возлагают (радио «Вести FM», 29.05.2017);
- (8) Также специалисты зафиксировали несколько периодов *«мега-засух»* и *«мега-осадков»*... (Аргументы и факты, 07.11.2015);
- (9) Две-три конфетки (детям – *Авт.*) в неделю, чтобы знали, что это такое, чтобы не было *мегаожиданий* (радио «Вести FM», 04.12.2016);
- (10) Это была *мегасвадьба* (НТВ, 27.08.2017);
- (11) *Мегасрочных* новостей пока никаких (НТВ, 03.12.2016);
- (12) Нас ждет не просто «все включено», а *«ультравсёвключено»* (телеканал Россия 24, 02.07.2017).

В последнем случае префикс присоединяется к устойчивому выражению, что характерно только для неузального словообразования. Как правило, данные префиксы выражают положительную оценку, хотя возможны и оттенки иронии.

Негативную оценочность в новообразования префиксы *псевдо-*, *квази-* с семантикой неистинности, ложности:

- (13) Беглого олигарха с его *псевдооткровениями* активно используют (телеканал «Россия 1», 14.12.2015);
- (14) Исключить практику заочного *псевдообразования* (радио «Вести FM», 13.07.2016);

- (15) У нас в стране засилье *псевдолечения, псевдолекарств* (радио «Вести FM», 05.10.2017);
- (16) Она не гурман, она не стоит в очереди в Макдональдс или другое *псевдопитательное* учреждение (радио «Вести FM», 27.08.2016);
- (17) Президенту Филиппин не нужны теперь *псевдодружественные* отношения (телеканал «Россия 1», 23.10.2016);
- (18) Ельцин уничтожил наше образование, а то, что создано – *псевдоболонское* (радио «Вести FM», 29.03.2016);
- (19) Свои территории ИГИЛ расширило и укрепило ... такое *квазигосударство* (телеканал «Россия 1», 17.11.2015);
- (20) Вариантов ограничений много: от *полузапретов* до *квазизапретов* (1-й телеканал, 13.10.2015);
- (21) Там же были какие-то *квазиказаки* (радио «Вести FM», 05.10.2017).

Обилие новообразований с данными префиксами в современных российских СМИ отражает неприятие ситуации смены ценностных ориентиров в стране, специфику оценочной реакции говорящего, направленной на дискредитацию ложных ценностей и фальшивых приоритетов.

Заемствованный префикс *экс-* с семой 'бывший' в сочетании как с исконными, так и с заимствованными основами может развивать негативную оценочность, которая поддерживается контекстом:

- (22) Но не это волнует *экс-чиновницу* (радио «Бизнес FM,» 10.07.2014);
- (23) Новые подробности скандала со сбежавшим *экс-командиром* <...> Подозревают двух его *экс-подчинённых* (радио «Бизнес FM» 11.10.2014);
- (24) На новой работе *экс-депутат*, которому теперь придётся приостановить своё членство в партии, по всей видимости, будет «кем-то средним» между имиджмейкером и политруком (Ленинская смена, 27.10 – 02.11.2016, № 45);
- (25) Другая *экс-подруга* Клинтона, «Мисс Арканзас» Салли Миллер, та самая девушка, к которой губернатор сбежал ночью из супружеской спальни (Экспресс газета, 17.10.2016, № 42);
- (26) В заведении *экс-наставника* «Голоса» под барной стойкой хранились наркотические вещества, принадлежащие бармену Дарье (Жизнь, 26.10-01.11.2016, № 42).

В этом проявляется такая черта русского «семантического универсума», как аксиологически окрашенная иронически-сниженная реакция на объект номинации, в принципе предполагающий внеоценочное, нейтральное осмысление.

Новообразования с подобными префиксами – своеобразная реакция на негативные явления и конфронтацию в обществе.

Актуальность европейских политических событий для современной России способствует вовлечению в деривационные процессы ряда префиксоидов, и в частности префиксоида *евро-*, топонимическая семантика которого во многих новообразованиях совмещается с оценочным компонентом:

- (27) *Европатриоты* сами развалят Украину (Комсомольская правда в Нижнем Новгороде, 20.07.2015);
- (28) На Украине *евромечта* не сбылась (телеканал «Россия 1», 30.03.2016);

Причем оценка чаще является негативной, что усиливается использованием стилистически сниженных мотивирующих (производящих) слов:

- (29) Выжимают из тебя пот, чтобы превратить его в брызги шампанского для *евродевок* (Завтра, 2013, № 24);
- (30) У Сноудена тоже мало шансов - «*евролеваки*» при закулисной поддержке России уже выдвигали его два года назад (Собеседник, 2015, № 35);
- (31) ... прежде чем скулить об изъятых с родных просторов *еврожратве*, следовало бы задуматься, так ли уж была она хороша (Литературная газета, 17-23.12.2015);
- (32) Мог сказать: слушай, Владимир, тебя и меня достала вся эта *еврошпана* (телеканал «Россия 1», 09.07.2017).

Активизировавшиеся в связи с достижениями научно-технического прогресса префиксоиды *нано-*, *крипто-*, *кибер-* также могут формировать оценочную семантику:

- (33) Не могу внести свой вклад в *наноскандалы* и разоблачение *нанодельцов*, не способен даже гнать *нанопургу* про *нанобудущее* <...>. Сегодня «нано» – передний край словообразования. Но шумиха вокруг нанотехнологий обогатила эту приставку и новым смысловым оттенком: «*Нано*» – значит новейший, продвинутый, передовой, высокотехнологичный (Русский репортёр, 22-29.05.2008);
- (34) *Наногоризонты*. Сравнить нашу наноиндустрию с развитыми в этом плане странами пока неактуально (Российская газета, 15.01.2014);
- (35) *Наноцены на мегаздоровье*. Новая отрасль медицины снизит стоимость лечения (Российская газета, 06.12.2016);
- (36) Мир охватила *криптолихорадка* <...> Ушел ли *криптопоезд* для рядовых пользователей? <...> Последний писк *криптомоды* <...> Выделяют даже две группы: *криптоанархисты* <...> и *криптореалисты* (1-й телеканал, 02.07.2017);
- (37) *Криптонеделя* (название рубрики) (телеканал «Россия 24», 14.10.2017).

В связи с развитием информационных технологий, прочным вхождением Интернета в жизнь современного общества крайне актуальным стал также префиксоид *кибер-*. Ученые считают узуальными такие лексемы, как *кибератаки*, *кибербезопасность*, *кибервойна*, *киберпреступление*, в то время как в медийном словотворчестве продолжают создаваться новообразования с данным префиксоидом для обозначения новых компьютерных, информационных и интернет-реалий, объектов виртуальной реальности:

- (38) Иностранцы *кибершпионы* активизировались в России (14.05.2015, <http://www.info-smi.ru/inostrannye-kibershpiiony-aktivizirovalis-v-rossii/>);
- (39) Атаки без возмещения. Как страховые компании защищают своих клиентов от *киберрисков* (Коммерсантъ, 12.12.2016);
- (40) *Кибер-дружины* сформируют из студентов и старшеклассников, и они займутся противодействием распространению в Интернете негативного контента для детей (Российская газета, 28.03.2017);
- (41) Россию атакуют *кибервойска*. По прогнозам экспертов, количество кибератак на объекты критической инфраструктуры в этом году возрастет,

повысится их общий профессиональный уровень (Независимая газета, 10.02.2017);

- (42) *Киберугрозы* постоянно эволюционируют (радио «Вести FM», 11.07.2017);
- (43) В новом «Призраке» сложная *кибермифология* оригинальных комиксов и аниме редуцирована до понятных голливудских оппозиций (Коммерсантъ, 21.02.2017).

В использовании (обыгрывании) иноязычных слов, особенно имен собственных, в словообразовательных моделях русского языка проявляется и национальная специфика словообразовательных процессов, в частности в новообразованиях с суффиксом *-щин(а)* с оттенком неодобрения:

- (44) Украина победит, когда закончится *«обамовщина»* (Провинция, 09.12.2015);
- (45) Наверное, есть некая сущностная аналогия между украинством и нынешней *кёнигсберщиной* (Литературная газета, 24-30.03.2016, № 12);
- (46) Лучше хотя бы предполагать, чем обернется для нас *трамповщина*, чем оказаться неготовыми к каким-либо действиям Америки (Iron post, 14.11.2016);

Либерализация общественных отношений в современном российском социуме обусловила активное вовлечение в деривационные процессы не только так называемых маргинальных, стилистически сниженных слов (жаргонизмов, слэнгизмов, просторечизмов), но и разговорных словообразовательных моделей, аффиксов стилистической модификации. В современных словообразовательных процессах активно используются суффиксы стилистической модификации, при этом многие новообразования с размерно-оценочными суффиксами не столько указывают на предмет незначительного размера, сколько выражают иронию, пренебрежение, унижение:

- (47) Нужна элита, а не *элитка*. Наша политическая, а особенно управленческая элита сейчас недееспособна и деквалифицированна (Комсомольская правда, 21.11.2014);
- (48) Это *катастрофка* небольшая, социальная (радио «Коммерсант FM», 16.10.2014) – значение уменьшительности осложняется манипулятивным эффектом;
- (49) Даже в моем скромном *бложике* появился специальный тег *eiw* для англоязычных материалов... (Завтра, 15.07.2014);
- (50) <...> век *звездулк* короток, надо уметь заработать, каждый *хиток* должен быть в цель, как имбирный эль <...> (Собеседник, 2015, № 42)

Социальной экспрессией обладают и диминутивы – наименования лиц с уничижительными суффиксами:

- (51) При всей девиантности человеческого поведения наши псевдозвезды знают только две категории: «Я» и «Я и другие». Даже наши желторотые *артистишки* этим грешат... (Собеседник, 2014, № 44);
- (52) оловянные *прокурорчики* (Новые Известия, 06.04.2015);
- (53) Стали внедрять шпионов и *шпиончиков* (1-й телеканал, 29.09.2017).

В последнее время в текстах СМИ активизировалось создание диминутивов-прилагательных, наречий, слов категории состояния с иронической оценкой ситуации:

- (54) Все равно возвращение Долматова перекрыла другая тема - свадьба Ксении Собчак. И *глумурненько*, и *оппозиционненько* (Российская газета, 05.02.2013);
- (55) Если ты весь список будешь читать, у нас программа закончится. – Не закончится. Я буду так *порционненько-порционненько* (радио «Комсомольская правда», 28.10.2014);
- (56) У нас в Питере все *пряменько*, *перпендикулярненько*, *параллельненько* (телеканал «Россия-1», 17.05.2015);
- (57) Он весь такой *активненький-активненький* (радио «Вести FM», 13.12.2016);
- (58) Молодые технократы <...> такие худенькие, *высокенькие*, *спортивненькие* (радио «Вести FM», 10.10.2017).

Активизация размерно-оценочного словообразования объясняется усилившейся в речи тенденцией к фамильярному умалению и снижению объектов номинации. Субъективно-оценочные модификаты «оказываются сильными экспрессивными средствами коммуникации, обладающими значительным потенциалом самовыражения и воздействия» (ХИМИК 2010: 377).

Экономия языковых средств, свойственная разговорной речи, проявляется в активизации разговорных словообразовательных моделей, в частности моделей универбации:

- (59) Но кому-то из чиновников понадобилось переселить школу в «*блочку*» с текущей крышей (Аргументы недели, 08–14.10.2015) – *блочное здание*;
- (60) Только это не должна быть «*ювелирка*», это должны быть слитки (Новое дело. Нижний Новгород, 07.01.2016) – *ювелирные изделия*;
- (61) Поэтому многие продавцы алкогольной *элитки* уже вынуждены сворачивать свою деятельность (Ленинская смена, 20.11.2016) – *элитная продукция*;
- (62) Ну а для этого, как ни крути, надо провести *публичку* – закон обязывает (Зеркало, 11.11.2016) – *публичные слушания*;
- (63) Аналогичная ситуация складывается и для разномастных лоббистов, в том числе и политических. Но теперь, с возвращением «*мажоритарки*», ситуация изменилась в корне (Наша Версия, 04-10.07.2016) – *мажоритарная избирательная система*;
- (64) Любая *санционка* к нам идет с белорусских морей (радио «Вести FM», 14.09.2017) – *санционные продукты*.

Эффективным средством воздействия и социальной оценки являются новообразования, созданные неузвальными способами, в частности контаминированные дериваты. По словам Н. А. Николиной,

«Контаминация, приобретающая в современной речи все большее распространение, основана на слиянии сегментов разных слов, подвергающихся при этом сокращению, с возможными вставками других морфов или интерфиксов. В семантическом плане контаминированное образование – гибридное слово, семантика которого вбирает в себя и значения объединяемых единиц, и присущие им аллюзивные

смыслы, и семантику соединения, на которую накладываются значения противопоставления или сравнения, развивающиеся уже собственно в процессе словопроизводства» (НИКОЛИНА 2015: 151):

- (65) *Майдауны* громят кладбища (Экспресс-газета, 04.04.2014); – *майдан* + *дауны*;
- (66) *Бешенцы* Европы. Нашествие мигрантов из Африки может уничтожить европейскую цивилизацию (Новое дело. Нижний Новгород, 10.09.2015) – *бешеные* + *беженцы*;
- (67) *Шпионообмания*. Правозащитники просят президента не вводить общество в заблуждение насчет их агентурных связей с заграницей (01.10.2015, <http://kommersant.ru/doc/2822586>) – *шпиономанья* + *обман*;
- (68) *Массовая вузня*. Поступить в вуз будет проще (Новое дело. Нижний Новгород, 04.06.2015) – *вуз* + *возня*;
- (69) *Дамаски* сброшены. США погрязли в поисках новой формулы урегулирования конфликта в Сирии (Российская газета, 05.11.2016) – *Дамаск* + *маски*;
- (70) *Генотипично* русский. О национальной идентичности и генах (Огонек, 01.04.2017) – *генотип* + *типично*.

Контаминированные новообразования часто используются в рекламных целях:

- (71) Мультизерновое тесто и ароматные специи делают наш крекер таким *восхрустительным*. Крекер «Хрус Team» - *восхрустительно* вкусно! (*восхитительный* + *хруст*).

Контаминированные дериваты активно создаются на базе имен известных политиков и общественных деятелей, нередко выражая при этом их негативную оценку:

- (72) Киевские *«псакишвили»* от церкви продолжают раскол и бесовство (КМ.гу, 18.06.2014) – *Псаки* + *Саакашвили*;
- (73) *«Киллари»* начала свою политическую карьеру с Уотергейта (Завтра, 2016, № 28) – *киллер* + *Хиллари*;
- (74) *Трампокалипсис*: Европа шокирована итогами выборов в США (ТВЦ, 09.11.2016) – *Трам* + *апокалипсис*.

На базе контаминации создаются и новые словообразовательные модели. Популярна модель «собственное имя + (эко)номика», по которой в свое время было создано слово *рейганомика*:

- (75) От второй *клинтономики* ждут предпочтений для среднего класса, ориентации на долгосрочные цели и расширения социальных привилегий (Независимая газета, 13.07.2015) – *Клинтон* + *(эко)номика*;
- (76) И все происходящее может объясняться одним словом – *эрдоганика* (1-й канал, 13.12.2015) – *Эрдоган* + *(эко)номика*;
- (77) Успехи в сфере *трампономики* (Коммерсантъ, 10.11.2016) – *Трам* + *(эко)номика*.

На базе некоторых антропонимов создаются целые словообразовательные гнезда. Так, возросшая в последний год в связи с президентскими выборами в Соединенных Штатах популярность (и антипопулярность) Дональда Трампа способствовала формированию в российских масс-медиа словообразовательного гнезда с вершиной *Трамп*: *трампист*, *трампизм*, *трампизация*, *трампгейт*, *недоТрамп*, *псевдо-Трамп*, *антиТрамп*, *трампомания*, *трампобия*, *трампокалипсис*, *трампонимика*.

- (78) СМИ широко обсуждают *антиТрамповский* протест (телеканал «Россия-1», 10.11.2016); По стране прошли *антиТрамповские* митинги и демонстрации (телеканал «Россия-1», 22.01.2017);
- (79) Либеральная Германия тонет в *антиТрампизме* (1-й телеканал, 05.02.2016);
- (80) Дорога в *трампленд*. Утром 9 ноября американцы проснулись в другой стране, а здешние СМИ пишут о том, что победа Трампа может знаменовать приход нового мирового порядка (Новая газета, 10.11.2016);
- (81) Когда говорят про *трамповедение* <...>. Сегодня день неологизмов (1-й телеканал, 09.01.2016);
- (82) в первых рядах *трампоненавистников* (1-й телеканал, 17.01.2017).

Таким образом, новообразования, являясь, как правило, принадлежностью медийного, рекламного или политического дискурса, выступают выразителями чьих-то интересов, представляют то или иное сообщество, группу, партию и т.п. и в соответствии с целями этого сообщества моделируют <...> реальность (МАРДИЕВА 2016).

Как показывают современные словообразовательные процессы,

«Язык незаметно для нас пронизывает все области нашего опыта взаимодействия с внешним миром и все попытки заглянуть в себя, он незримо присутствует в нашей сфере ценностей и системе жизненных установок, определенным образом окрашивая и интонируя нашу познавательную и ориентационную деятельность...» (РАДБИЛЬ 2017: 24).

Литература

- КОРЯКОВЦЕВА 2016 = КОРЯКОВЦЕВА Е. И. *Очерки о языке современных славянских СМИ (семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты)*. Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2016.
- МАРДИЕВА 2016 = МАРДИЕВА Л. А. *Социокультурная реальность и ее интерпретации в медиатекстах: опыт интерактивного исследования*. Казань: «Изд-во Казан. ун-та», 2016.
- НИКОЛИНА 2015 = НИКОЛИНА Н. А. *Словотворчество в интертекстуальном аспекте*. В кн.: МАЛЫГИНА М.А. (ред.) *ОСМЬ ДЕСАТЬ: Сборник научных статей к 80-летию И.С. Улуканова*. Москва: Издательский центр «Азбуковник», 2015.
- НИКОЛИНА–РАЦИБУРСКАЯ 2013 = НИКОЛИНА Н. А., РАЦИБУРСКАЯ Л. В. *Современный русский язык. Морфемика: учеб. пособие*. Москва: «Флинта»: Наука, 2013.
- РАДБИЛЬ 2017 = РАДБИЛЬ Т. Б. *Язык и мир. Парадоксы взаимоотражения*. Москва: Издательский Дом «ЯСК», 2017.

ХИМИК 2010 = ХИМИК В. В. Экспрессивно-оценочный потенциал русского модификационного словообразования. В кн.: *Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование: Доклады XI Международной научной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов*. Москва: «Изд-во Московского ун-та», 2010.

Е. В. СКАЧКОВА

Система русских аффиксальных деинтенсификаторов*

The system of Russian word–derivational deintensifiers

Abstract: The paper focuses on analysis of derivational deintensifiers in Russian. The adopted formants, which could function as deintensifiers, perform the act of the minimiser of the parametric index (the size, as a rule). Therefore, the system of affix deintensifiers is represented in the Russian language only by native morphemes. Native deintensifiers are a group of stylistically stained units with a diverse morphemic status.

Keywords: Russian, deintensifier, word–formation, native and adopted morphemes

Настоящая статья посвящена описанию и анализу системы аффиксальных деинтенсификаторов в русском языке. Материалом для исследования послужили данные, извлеченные из Генерального интернет-корпуса русского языка (далее – ГИКРЯ), ограниченного при выборке подкорпусом социальной сети «ВКонтакте». Анализируемый материал представляет в большей своей части компьютерно опосредованную разговорную речь, которая отражает живые процессы в современном русском языке.

1. Семантическая категория интенсивности

Несмотря на большее количество работ, связанных с изучением семантической категории интенсивности, ученые всегда отмечали «неупорядоченность термина *интенсивность*» (Полянский 1976: 138). Довольно часто лингвисты опираются на известное положение Ш. Балли: «Под термином «интенсивность» следует понимать все различия, сводящиеся к категориям количества, величины, ценности, силы и т. п.» (Балли 1961: 202). Такое широкое понимание явления порождает большое количество его трактовок. Не всегда эти трактовки успешно разграничивают очень близкие, но все же разные семантические категории интенсивности, экспрессивности, эмотивности, оценки. Иногда интенсивность трактуют как радикально разные явления: как «меру экспрессивности» (Туранский 1990) или как показатель количества признака. Среди всего многообразия концепций нам ближе всего та, которая высказана в работах С. Е. Родионовой: интенсивность – это семантическая категория, занимающая промежуточное положение между

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 17-04-00532а.

категориями качества и количества признака (РОДИОНОВА 2004). Вслед за А.В. Бондарко мы признаем, что СКИ образует самостоятельно функционально–семантическое поле (в дальнейшем ФСП) интенсивности (БОНДАРКО 2001). Одним из компонентов ядра этого ФСП являются словообразовательные средства, которые составляют предмет нашего исследования.

Семантическая категория интенсивности (в дальнейшем СКИ) реализуется в двух направлениях – усиление и ослабление признака. В связи с этим в исследованиях этого языкового явления распространено представление СКИ в виде шкалы¹, на которой, как правило, выделяются два полюса и «точка отсчета», представляющая собой норму проявления признака. Движение вверх по этой шкале связано с интенсификацией (усилением) признака, движение вниз – с деинтенсификацией (ослаблением) признака. Соответственно, языковые единицы, которые эксплицитно выражают значение усиленного или ослабленного признака принято называть интенсификаторами и деинтенсификаторами.

Словообразовательные единицы, составляющие ядро ФСП интенсивности в русском языке, объединены в асимметричную систему. Форманты, имеющие значение высокой степени проявления признака, представлены в русском языке обширным списком единиц. Они делятся на две большие по происхождению группы: заимствованные (префикс(оид)ы греко–латинского происхождения типа *супер-*, *ультра-*, *мега-*, *гипер-* и т. д.) и исконные единицы (более разнообразны по морфемному составу: *раз-/рас-*, *пре-*, *сверх-*, *наи-*, *-ущ-/ющ-*, *-енн-*, *много-*, *высоко-*, *сильно-*). Словообразовательные деинтенсификаторы закономерно рассматривать, разделив их на те же две группы.

2. Заимствованные деинтенсификаторы

Потенциальными заимствованными деинтенсификаторами, с нашей точки зрения, являются препозитивные элементы *мини-*, *микро-* и *нано-*. Проанализируем формант *микро-* с помощью антонимичного ему форманта–интенсификатора *мега-*².

Согласно словарной дефиниции, *мега-* – это словообразовательный формант со значением '*большой, огромный*'. Таким образом, *мега-* маркирует усиление параметрического показателя. Тем не менее, в современном русском языке этот формант развивает новое значение интенсификатора³, о чем свидетельствуют многочисленные примеры из ГИКРЯ (*мегаполезное упражнение*, *мегаважная причина*, *мегавредный соус* и т. д.). В то же время, у *мега-* есть антоним *микро-*, который не приобретает значение подобной единицы, деинтенсифицирующей признак. Так, если мы попробуем образовать пару

¹ Работы И. И. Туранского, А. Н. Полянского и др.

² Отметим, что выделение антонимичного форманта в значительной мере условно – в системе словообразовательных компонентов ФСП интенсивности.

³ Об активизации нового значения этого форманта см. в (ЖДАНОВА 2010); (ШИШИКИНА 2009), кроме того, это значение уже фиксируется в *Словаре аффиксоидов*.

к уже приведенным примерам, то мы получим отрицательный материал: *микрополезный, *микрojaжный, *микровредный. Мы можем встретить, лишь единичные, уникальные примеры, которые, возможно, могут быть оспорены:

- (1) Отмечается полное отсутствие признаков загрязнения или химической модификации. Поверхность – максимально микрошероховатая, наногладкая, гомогенная по всему телу имплантата⁴.

Отметим также, что существуют примеры, характерные, впрочем, не только для форманта *микро-*, но и для некоторых интенсификаторов (много подобных примеров для форманта *супер-*), которые могут ввести нас в заблуждение. Речь идет о примерах подобных этому:

- (2) Вообще-то я ехала снимать щеночка. 3-месячного. А когда огромный пёс выскочил из багажника, я слегка ошалела: щеночек-то почти с меня! Но Буран оказался очень ласковым и игривым, носился по Костромке и с удовольствием ел вкусняшки, которые заботливые хозяева взяли в избытке, чтобы дрессировать. Микробелый медведь.

В данном примере *микро-*, конечно, относится не к признаку, а к объекту (*микробелый медведь* = *белый микромедведь*), т. е. эта единица маркирует не ослабленный признак, а небольшой параметрический показатель⁵.

Прекозитивный элемент *нано-* приобретает в современном русском языке новые значения. Первоначально *нано-* – единица, имеющая значение ‘равный одной миллиардной доле единицы, указанной во второй части слова (для наименования единиц физических величин)’ (БТС: 590). Словарь аффиксоидов русского языка фиксирует два новых значения единицы *нано-*: ‘имеющий мельчайшие, микроскопические размеры’ и ‘связанный с частицами такого размера’ (СЛОВАРЬ АФФИКСОИДОВ РУССКОГО ЯЗЫКА: 161–162). Кроме того, *нано-* приобретает косвенные значения типа ‘связанный с высокими технологиями’ (речь идет, главным образом, об особом виде дискурса – рекламном). Несмотря на то, что *нано-* становится самым продуктивным формантом из этой группы, лишь один лексикографический источник – *Русско-немецкий словарь новых слов* фиксирует всего 2 единицы, образованных с его помощью (*нанотехнолог* и *нанотехнология*)⁶. Таким образом,

⁴ Приведенный пример, несмотря на то, что он извлечен при работе с ГИКРЯ относится к научному тексту: http://liment.ru/research_implants_surface.

⁵ В пользу такой точки зрения говорит и то, в словарях неологизмов приводятся либо имена существительные, образованные при помощи форманта *микро-*, вносящего при этом значение ‘небольшой, очень маленький’, либо имена прилагательные, мотивированные соответствующими именами существительными. (Так, *Русско-немецкий словарь новых слов* приводит 19 неологизмов с *микро-*, только 6 из которых имеют признаковую семантику: *микроволновый, микрокомпьютерный, микропроцессорный, микросхемный, микротиражный, микроэкономический*).

⁶ Вероятно, это связано с тем, что продуктивность префиксоида *нано-* увеличивается с начала 2000-х годов (согласно данным НКРЯ), а лексикографические источники фиксируют более раннее состояние языка.

нано- потенциально мог быть деинтенсификатором непроцессуального признака, но нам не удалось найти ни одного примера, который демонстрировал бы такое деинтенсифицирующее значение.

Формант *мини-* также не участвует в образовании неологизмов, имеющих значение ослабленного непроцессуального признака (лексикографические источники фиксируют единицы, мотивированные именами существительными, например, *мини-дисковый*). Обращает внимание тот факт, что в ГИКРЯ встречается определенное количество примеров, аналогичных примеру *микробелый медведь: минибританский флаг, минивесенний отпуск, минибредовый стих, миниботанический сад, миниболонская система* и т. д.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что заимствованных деинтенсификаторов в русском языке нет и эта часть шкалы интенсивности представлена только исконными элементами, которых не так уж много.

3. Исконные деинтенсификаторы

Исходя из всего вышесказанного, можно утверждать, что деинтенсификация признака в современном русском языке происходит при помощи группы исконных формантов. Список исконных деинтенсификаторов первоначально выглядел так: а) *мало-*, *слабо-*, *низко-*, *светло-*, *бледно-*, *нежно-*; б) *недо-*; в) *-оват/-еват-*, *-оньк/-еньк-*, *-усеньк-*. В процессе исследования мы пришли к выводу, что не все из этих формантов могут выполнять функцию ослабителя признака.

Первая группа морфем включает единицы типа *мало-*, *слабо-*, *низко-* и т. п. в функции деинтенсификатора. С нашей точки зрения, эти форманты в таком значении относятся к аффиксоидам, т. е. переходным морфемам, которые занимают промежуточное положение между корнем и аффиксом. Интерес к аффиксоидам появился в середине XX века, но несмотря на это вопрос о критерии аффиксоидности остается открытым. Традиционно выделяют три параметра: а) лексическое значение, идентичное значению этимологически родственного корня; б) связанность; в) серийность (ПЕТРУХИНА 2010). Если мы обратимся к указанным формантам, то увидим, что они удовлетворяют всем 3 критериям: они сохраняют связь с корнем, они серийны, т. к. легко воспроизводятся при образовании потенциальных слов (об этом свидетельствуют многочисленные примеры из ГИКРЯ), и именно в значении ослабителя для непроцессуального признака они являются связанными.

В этой группе формантов выделяется препозитивный элемент *мало-*. Неологизмы с ним зафиксированы в *Русско-немецком словаре новых слов* (*маловозможный, малозавидный, малозатратный, малонравственный, малопrestижный, малорезультативный*). Он продуктивен при образовании потенциальных слов, о чем свидетельствуют многочисленные вхождения в ГИКРЯ:

- (3) Хорошие такие, *малоагрессивные* мальчики.
- (4) Я не холодный – я *малозэмоциональный*.
- (5) Но каждый раз трусит и спрашивает что-то *малоадекватное*.

(6) Зато в дождливый день вполне можно посетить *малопопулярный* музей.

Отметим, что единицы этой группы не имеют выраженных семантических различий между собой, доказательством чего служат ряды новообразований, имеющих одинаковое значение: *малоалкогольный – слабоалкогольный – низкоалкогольный, малоактивный – слабоактивный – низкоактивный, малоинтеллектуальный – слабоинтеллектуальный – низкоинтеллектуальный*.

Традиционно лексические единицы, образованные при помощи этих формантов, относят к книжному языку. Но, как мы можем видеть, все они являются высокопродуктивным классом морфем, характерным и для неформальной интернет-коммуникации.

Характеристика морфемного статуса этих единиц является принципиальным вопросом при определении способа словообразования, в котором они участвуют. С традиционной точки зрения единицы, подобные изучаемым *мало-, низко-, слабо-* участвуют в таком способе словообразования, как сращение⁷.

Отдельного внимания заслуживает префикс *недо-*, который согласно словарному определению «указывает на неполноту, недостаточность действия или качества» (БТС: 618). Он традиционно используется в качестве словообразовательного форманта, присоединяясь к основе глагола (*недоговорить, недоверить, недовернуть, недоливать, недолечиться* и т. д.). Префикс *недо-* сложно назвать продуктивным в образовании прилагательных, но все же с ним отмечен ряд потенциальных слов со значением недостаточной степени признака. Приведем несколько примеров:

(7) Я *недолысый*. Да, именно так. Лысым меня назвать сложно – оставшаяся длина волос не позволяет этого утверждать⁸.

(8) Ну что готов к суровой правде жизни? *Недонормальный!*⁹

(9) У нас есть *недоглулый* пес – мы его когда-то нашли в строительном мусоре, если быть точнее, просто в унитазе¹⁰.

(10) Непонятно только одно: а как же эти все эти *недовеликие* философы с учеными без этого всего жили-то?¹¹

Значение низкой интенсивности, реализуемое при помощи суффикса *-оват/-еват-* (самого узуального и продуктивного форманта группы словообразовательных деинтенсфикаторов), характерно не просто для семантики признака, но для определенных семантических групп прилагательных (семантика цвета, вкуса, отрицательные психологические или ментальные качества человека, физические характеристики предмета). Заметим, что

⁷ Подробнее об этом см. в (ПЕТРУХИНА 2006).

⁸ <http://m.diary.ru/~Specter/p15519176.html>

⁹ <https://board.ru.metin2.gameforge.com/index.php/Thread/3627>

¹⁰ <http://klotilda.livejournal.com/tag-собака>

¹¹ <https://ailev.livejournal.com/1403934.html>

новообразования с этим суффиксом могут быть мотивированы либо однокоренным именем прилагательным, либо однокоренным именем существительным (отмечается значительное количество последних).

Продуктивность суффикса *-оват/-еват-* растет. Теперь он может сочетаться с относительными именами прилагательными, семантике которых не свойственна градуальность. Приведем некоторые примеры:

- (11) Язык такой... приблизительно почти *руссковатый*.¹²
- (12) Морджим чистый, местами дороговатый, местами *руссковатый*, но и очень спокойный!¹³
- (13) А они тоже дети своей страны и джаз у нас тоже *руссковатый*.¹⁴

В приведенных примерах суффикс *-оват-* передает значение 'не полностью соответствующий тому, что названо мотивирующей основой' или 'частично обладающий признаками, характерными для того, что названо мотивирующей основой'; тем не менее, такие новообразования носят характер окказиональных, они редки на фоне узуальных новообразований.

Кроме того, хотелось бы отметить еще одну особенность суффикса *-оват-*: он встречается с префиксом *под-*. Словарь словообразовательных аффиксов дает единичный пример *подслеповатый*. Исходя из базового определения этой лексемы, данного в БТС (БТС: 881), мы можем сделать вывод, что словообразовательная модель *под+корень+оват-* при образовании имен прилагательных используется для обозначения крайне низкой степени проявления признака, но опрос носителей языка показывает, что *подслеповатый* для большинства значит 'слегка слепой'. При этом, наш материал дает нам право говорить о том, что эта модель используется при образовании потенциальных слов (назвать ее продуктивной или частотной, конечно, нельзя). Так, в корпусе и языке Рунета встречаются такие лексические единицы, образованные при помощи этой схемы: *подглуховатый*, *подхромоватый*, *подглуповатый*. Таким образом, данная словообразовательная модель применима к прилагательным, имеющим значение физического дефекта или отрицательной ментальной/психологической характеристики человека.

Несмотря на то, что лексические единицы, образованные при помощи форманта *-оват/-еват-* выборочно маркируются словарями как разговорные, они встречаются и в текстах других функциональных стилей. Отметим, что в настоящее время наблюдается общая тенденция к стилистическому снижению современного русского литературного языка, что выражается, в частности, в проникновении элементов разговорной речи в другие функциональные стили. Так, в последние два десятилетия отмечается активное проникновение элементов разговорной речи в публицистический стиль, язык средств массовой информации.

Суффиксы *-оньк/-еньк-*, *-усеньк-* в большей степени имеют отношение к категории деминутивности, чем к категории интенсивности. Суффикс

¹² <https://luchshe-molchi.livejournal.com/15829258.html>

¹³ <https://asichek.livejournal.com/64096.html>

¹⁴ <https://specialradio.ru/art/632/>

-усеньк- выполняет роль интенсификатора ослабленного параметрического показателя (то есть *малюсенький* – это ‘очень маленький’, *тонюсенький* – ‘очень тонкий’).

4. Заключение

Таким образом, словообразовательные деинтенсификаторы русского языка представляют собой немногочисленную группу исконных единиц, потенциальные заимствованные деинтенсификаторы выполняют функцию ослабителя лишь в отдельных случаях. К деинтенсификаторам относятся лишь те морфемы, которые служат для выражения невысокой степени проявления признака, исключая единицы, содержащие выраженный эмоционально-экспрессивный компонент и служащие для образования деминутивов. Динамические процессы в области системы аффиксальных деинтенсификаторов, главным образом, связаны с переходным статусом некоторых единиц – префиксоидами *мало-*, *низко-*, *слабо-*.

Словари

- БТС = Кузнецов С.А. *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург: «Норинт», 1998.
- Козулина –Левашов–Шагалова = Козулина Н. А., Левашов Е. А., Шагалова Е. Н. *Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря справочника*. Санкт-Петербург: «Нестор-История», 2009.
- Лопатин–Улуханов = Лопатин В. В., Улуханов И. С. *Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка*. Москва: «Азбуковник», 2016.
- Улуханов –Хебеккер = Улуханов И., Хебеккер Х. *Русско-немецкий словарь новых слов*. Москва: «Азбуковник», 2007.

Литература

- Балли 1961 = Балли Ш. *Французская стилистика*. Москва: «Изд-во иностр. лит.», 1961.
- Бондарко 2001 = Бондарко А.В. *Основы функциональной грамматики*. Санкт-Петербург: «Издательство СПбГУ», 2001.
- Жданова 2010 = Жданова Е. А. Особенности именного префиксального словообразования в русском языке конца XX века. *Вестник Волгоградского университета. Серия 2. Языкознание* 2010/2 (12): 56–61.
- Петрухина 2006 = Петрухина Е. В. Актуальные вопросы системного словообразования. В кн.: Крысько В. Б. (ред.) *Славистика: синхрония и диахрония. Сборник научных статей к 70-летию И. С. Улуханова*. Москва: «Азбуковник», 2006. 142–153.
- Петрухина 2010 = Петрухина Е. В. Возможности, функции и конкуренты словопроизводства в современном русском языке. В кн.: Петрухина Е. В. (ред.) *Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование: Доклады XI Международной научной конференции Комиссии по славянскому*

словообразованию при Международном комитете славистов. Москва: «Изд-во Московского ун-та», 424–443.

ПОЛЯНСКИЙ 1976 = ПОЛЯНСКИЙ А. Н. К вопросу об интенсивности признака в русском языке. В кн.: *Вопросы семантики русского языка: сборник трудов.* Москва: «МГПИ», 1976. 137–151.

РОДИОНОВА 2004 = РОДИОНОВА С. Е. Интенсивность и ее место в ряду других семантических категорий. *Славянский вестник* 2004/2: 300–313.

ТУРАНСКИЙ 1990 = ТУРАНСКИЙ И. И. *Семантическая категория интенсивности в английском языке.* Москва: «Высшая школа», 1990.

ШИШИКИНА 2010 = ШИШИКИНА А. А. Особенности функционирования новообразований с именной префиксацией в языке современных российских СМИ. В кн.: *Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка: материалы III Респ. науч. семинара (18–21 ноября, г. Саратов).* Саратов: Изд. центр «Наука», 2009. 207–217.

Источники

ГИКРЯ = *Генеральный интернет-корпус русского языка.* <http://www.webcorpora.ru>

НКРЯ = *Национальный корпус русского языка.* <http://www.ruscorpora.ru>

В. А. ТОРОПКИНА

**Прагматический потенциал
заголовочных новообразований в электронных медиа**

**Pragmatic potential
of headline neologisms in electronic media**

Abstract: The specifics of the use of word-forming neologisms in the headings of modern electronic media in the aspect of their pragmatic conditioning are considered. The article analyzes neologisms created by usual and non-usual methods, with particular attention paid to the most relevant for modern media headword creation methods of derivation: contamination, derivational substitution, graphic word formation. Structural and semantic features of neologisms are considered in the context of realization of their influencing potential, participation in the processes of expression, formation of the evaluation of media texts in the framework of Internet discourse.

Keywords: media language, evaluation, word-forming neologisms, language game

Как отмечают исследователи, заголовок в медиaprостранстве выполняет две основные функции: информативную (передает интеллектуально-информативное содержание) и воздействующую (или прагматическую) функцию (оказывает воздействие на эмоционально-волевую сферу психики и поведение адресата). Функция воздействия включает в себя функцию привлечения внимания и эмотивную функции (ДОЛГИРЕВА 2002).

Функциональной спецификой заголовка обусловлено активное использование словообразовательных неологизмов, имеющих в медиадискурсе полифункциональный характер. В зависимости от своей структуры, семантики, контекста они

«могут способствовать выполнению различных коммуникативных задач: создание, выбор номинаций для соответствующих предметных и абстрактных реалий, о которых идет речь в информации; выражение субъективно-эмоционального отношения журналиста к тому или иному фрагменту информационной картины мира; особенности собственной системы ценностей» (МЕЗЕНЦЕВА 2009: 99).

В реальной медийной практике информативная функция тесно взаимодействует с функцией воздействия, причем прагматическая функция для современных СМИ оказывается более актуальной. Конкретный характер взаимодействия разных функций заголовка обусловлен коммуникативными, социальными и психологическими факторами.

Итак, словообразовательные неологизмы в медиатексте могут выполнять информативную и номинативную функцию, аккумулировать в себе информацию, в том числе аксиологического характера, выражая ее в сжатой и емкой форме. В частности, новообразования узувальной структуры, не содержащие стилистически и эмоционально маркированных элементов, способны описывать актуальные социальные явления и в то же время выражать рациональную оценку, призванную влиять на ценностные ориентиры адресата.

Информация аксиологического характера, отражающая оппозиции в системе ценностей, может выражаться с помощью эмоционально-нейтральных номинаций с префиксом *не-*:

- (1) «*Небратья*» пришли всерьез и надолго. В отечественной публицистике появился свежий жанр – изумление степенью воинственности и «отморженности» украинского общества (Взгляд, 13.09.2017);
- (2) Выход из кризиса: что предлагают *нелибералы* (Конт, 23.04.2017);
- (3) Мозговая *непобеда*. Сегодня, власть в Одессе оцетинилась оружием и массой силовиков. Даже флотские, ожидая чего-то, объявили, что будут применять оружие. А против кого? Против жителей Одессы (Конт, 03.05.2017);
- (4) *Нероссия*, выкинутая на мороз (Русский эксперт, 02.02.2017);
- (5) *Незлостный* нарушитель. Навальный не сядет в колонию, как просила ФСИН (Российская газета, 02.09.2016).

Воздействие более с помощью интеллектуальных, а не столько эмоциональных факторов, осуществляется и в иных приставочных новообразованиях с эмоционально-нейтральными элементами структуры:

- (6) *Макроигра* на *микроуровне*. Микрофинансовые организации могут не только выдавать населению быстрые деньги, но и сами выступают в качестве заемщиков (РБК, 27.09.2017)

Языковая игра, построенная на противопоставлении за счет антонимичных префиксов (*макро-*, *микро-*) позволяет не только описать положение дел в сфере финансов, но и в рациональной форме передать читателю представление о масштабах проблемы.

Однако, как отмечают исследователи, воздействующий потенциал медийных заголовков значительно повышается при наличии экспрессивного компонента:

«убеждающе-организующая массовая информация должна быть эмоционально заражающей, а не только содержательно-рационалистической. Предлагая с самого начала совмещение интеллектуального и эмоционального начал, подчиняясь требованиям надежной передачи смысла, массовая коммуникация в целом предстает прагматически синтезирующим явлением» (КОСТОМАРОВ 1971: 257).

Так, в словообразовательных процессах активно используются экспрессивно маркированные аффиксы и основы при создании неологизмов узувальной структуры:

- (7) Тариф *безграничище*. В 2018 году абоненты в России перестанут платить за услугу роуминга (26.09.2017, Российская газета)

Новообразование с эмоционально маркированным размерно-оценочным суффиксом обладает экспрессией, причем в контексте раскрывается в целом положительный характер эмоциональной оценки, что довольно нехарактерно для новообразований с аффиксами стилистической модификации в рамках современного критико-ориентированного медийного дискурса.

Эмоционально-маркированные неологизмы узуальной структуры часто создаются на базе слэнгизмов, лексем заимствованного характера, употребление которых характерно для электронных СМИ и в интернет-коммуникации в целом:

- (8) Народный *хайпожор*. Андрей Малахов годами копался в грязном белье россиян, но не замарал руки (Лента.ru, 08.09.2017) – сложно суффиксальным способом *хайп* (сленг. ‘шумиха в средствах массовой информации’, от англ. *hype* ‘надувательство, назойливая реклама’) + *жор* (от *жрать*, разг.-сниж.);
- (9) *Неодолайканные* и *недобаненные*. Травля в соцсетях и вокруг: кто скрывается под личиной троллей (Московский комсомолец, 28.05.2016) – суффиксальным способом *недо-* + *лайкать* ‘ставить like в социальных сетях’, *недо-* + *банить* ‘запрещать (пользователю участвовать в обсуждениях в социальных сетях, от англ. *ban* «запрет»)»;
- (10) Тролли победили *антитроллей*. Соса-Cola не распознала обман (Российская газета, 09.02.2015) – приставочным способом *анти* + *троль* (сленг., ‘провокация в интернет-спорах’).

Подобные новообразования чаще всего передают ироничное отношение.

Экспрессия также может создаваться за счет словообразовательного способа, неузуального характера создания неологизма. Новообразования нестандартной структуры особенно востребованы для заголовков электронных медиатекстов: в эпоху «информационного бума» интернет-пространство перегружено сведениями, которые читатель не в состоянии воспринять в полном объеме, поэтому современные журналисты стараются максимально экспрессивизировать заголовок, чтобы привлечь внимание аудитории в условиях информационной конкуренции. Действенным средством экспрессивизации современного медиатекста являются новообразования гибридного характера – результат разных видов контаминации, при которой происходит совмещение формально тождественных частей исходных слов:

- (11) *Винавиа*. Самолеты «ВИМ-Авиа» арестовали за долги. А за что отдуваются пассажиры? (28.09.2017, Российская газета) – *вина* + *ВИМ-авиа*.

Востребованным способом создания заголовочных новообразований является заменительная деривация – мена в узуальном слове морфемы или неморфемной части слова:

- (12) *Ракета-сноситель*. Вице-премьер Дмитрий Rogozin объявил о сворачивании производства тяжелых ракет «Протон» и переходе Центра имени Хруничева на выпуск ракет-носителей «Ангара-А5» и ее модернизированной версии «Ангара-А5М». Специалисты скептически оценили заявление вице-преьера, курирующего космическую отрасль. И это не новость. Бывший глава Роскосмоса Олег Остапенко еще четыре года назад назвал «Ангару» «тупиковой ракетой» (Новая газета, 09.09.2017) – *ракета-носитель + сносить*.

При этом особую роль для создания оценки имеют смысловые отношения между исходным и производным словом.

Следует отметить, что в приведенных выше примерах одно их производящих слов, прямо не употребляемое в тексте, имеет контекстуально обусловленное негативное значение (см. *вина, сносить*), что способствует формированию имплицитной оценки.

Особенно актуальны в этом плане новообразования на базе прецедентных феноменов, содержательный план которых осложнен комплексом культурных ассоциаций и которое является эффективным суггестивным фактором:

- (13) Подписка о *невьборе*. Глава Тверской области останется без конкурента. Коммунист Вадим Соловьев не собрал достаточно подписей для участия в выборах тверского губернатора, сообщили РБК в избиркоме (РБК, 27.07.2016) – устойчивое сочетание *подписка о невьезде + выбор*;
- (14) *Кремлевая долина*. Приехав в «Яндекс», Владимир Путин не скрывал своего отношения к компании и ее создателю (Коммерсантъ, 22.09.2017) – прецедентное имя *кремниевая (долина)* ‘область в штате Калифорния (США), отличающаяся большой плотностью высокотехнологичных компаний, связанных с разработкой и производством компьютеров, программного обеспечения и под.’ + *кремль*;
- (15) *Ветхозаменный закон*. Госдума и Москва готовятся к сносу пятиэтажек (Коммерсантъ, 20.04.2017) – *ветхозаветный (закон) + замена*.

Как правило, прецедентный феномен прямо или косвенно содержательно соотносится с тематикой публикации (*кремниевая долина* – в статье о высоких технологиях, т. е. имеется прямая тематическая связь), его семантика может переосмыслиться (*ветхозаветный* – актуализация прямого значения корня *ветх-* – *ветхий*) или соотноситься с общей темой публикации лишь на уровне ассоциаций (*подписка о невьезде* – в статье о сборе подписей). Иногда происходит серьезная смысловая трансформация прецедентного феномена и ассоциативную связь можно восстановить только при прочтении полного текста, изначально заголовок может выглядеть для читателя непонятным:

- (16) *Коровные узы*. ...впервые в своей жизни посетил кожевенное производство, то есть увидел, как сырые шкуры убитых коров и свиней превращаются в чудесные замшевые перчатки. Цех дубленого полуфабриката кожевенного завода группы компаний «Русская кожа» — это бескрайнее кладбище крупного и мелкого рогатого скота... Мне становится совсем

нехорошо, и я спешу прочь, на свежий воздух, но понимаю, что до конца дней своих буду машинально искать и находить в рукавах своих кожаных курток мягкие очертания этих лап... (Коммерсантъ, 25.08.2017) – *кровные узы* + *корова* – не имеет связи с изначальным смыслом прецедентного феномена «*кровные узы* – ‘родство’», однако актуализирует прямое значение элемента кровь через образы жестокого обращения с животными.

В некоторых случаях выбор прецедентного феномена основан исключительно на формальных характеристиках, заголовок может вызвать у читателя ошибочное предположение о содержании текста или остаться непонятным:

- (17) Товарищ *Северсталин*. Врио губернатора президент назначил мэра Вологды Андрея Травникова, выходца из Череповца, долгое время проработавшего в структурах «Северстали» (Коммерсантъ, 07.10.2017) – *Северсталь* + *Сталин*.

Прецедентное имя *Сталин* в национальном русском и мировой культурном пространстве связано с комплексом устоявшихся ассоциаций, характеризующих неоднозначную историческую фигуру, бывшего лидера СССР.

Заголовок публикации вызывает ожидания о сравнении в тексте нового мэра, которому посвящена публикация, с авторитарным лидером, однако это сходство в тексте нигде не раскрывается, а прецедентное имя использовано исключительно из-за созвучия с названием предприятия *Северсталь*. Так, основная цель автора в данном случае – создать заголовок, привлекающий внимание, в том числе за счет своей эпатажности и парадоксальности, даже если это создаст ошибочное представление о содержании текста.

Итак, установка на воздействие является одной из важнейших характеристик современного медиатекста, а оценочность имеет для него текстообразующее значение, этим объясняется, как отмечают ученые, преобладание воздействующих заголовков над другими прагматипами. Это обусловлено тенденцией к отражению динамики общественных процессов, в основе которой лежит более общая задача – повлиять на внеречевую деятельность адресата. Доминирующей формой представления интернет заголовков в российских СМИ является персуазивно-квалифицирующая (МАРЬЯНЧИК 2005).

При этом особенностью коммуникации в медиа-дискурсе является то, что словообразовательные неологизмы совмещают в себе информативную и экспрессивно-оценочную функции, не только называют понятия и явления, но и имплицитно характеризуют их. Новообразования имеют большой экспрессивный потенциал, поскольку выражают субъективное авторское начало, имеют креативную языковую природу. Более того, некоторые ученые отмечают, что в текстах прессы для неологизмов экспрессивно-оценочная функция оказывается более важной, чем номинативная (МАРЬЯНЧИК 2006: 56), таким образом, экспрессивность словообразовательного окказионализма имеет облигаторный характер.

Литература

- ДОЛГИРЕВА 2002 = ДОЛГИРЕВА А. Э. *Газетный заголовок в прагмалингвистическом аспекте*. Дисс. ... канд. филол. н. Таганрог, 2002.
- КОСТОМАРОВ 1971 = КОСТОМАРОВ В. Г. *Русский язык на газетной полосе*. Москва: «Издательство МГУ», 1971.
- МАРЬЯНЧИК 2005 = МАРЬЯНЧИК В. А. *Аксиологическая функция неологизмов медиа-политического дискурса: На материале газетных публикаций начала XXI века*. Дисс. ... канд. филол. н. Арангельск, 2005.
- МАРЬЯНЧИК 2006 = МАРЬЯНЧИК В. А. О словаре медиа-политических неологизмов современной эпохи. В кн.: БУЦЕВА Т. Н., КАРЕВА О. М. *Русская академическая неография (к 40-летию научного направления): Материалы Междунар. науч.-практ. конф.* Санкт-Петербург: «Лема», 2006: 111–115.
- МЕЗЕНЦЕВА 2009 = МЕЗЕНЦЕВА В. Ю. *Окказиональная деривация в языке СМИ: прагматика и функции. Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты*. 2009/13: 98–103.

В. Г. ФАТХУТДИНОВА

**Деривационная динамика глаголов поведения
в русском языке**

**Derivational dynamics of verbs of behavior
in Russian language**

Abstract: The article presents the results of the study of word-forming dynamics of Russian verbs of behavior with the formant *вы-* + *-ся*, reflecting such negative behavioral patterns as deliberate, mannered demonstration of one's exclusiveness, making oneself on display, affectation. Derived verbs of behaviour are actively involved in the construction of normative judgements, express deontic norms and axiological concepts, the methods of presentation of which are still little studied in the language. It is proved that the semantic structure of such nominative units allows one to combine them into a single derivational series, in which the verbal lexis receives the semantic and stylistic marking, emotionally expressive color and new mental meanings.

Keywords: verbs of behavior, semantics, prefix, word-forming series.

Русские глаголы поведения – это неоднородный по своему составу функционально-семантический класс слов, выступающий репрезентантом ментально-культурных установок, поведенческих стереотипов и деонтических норм русского этноса. Точно определить состав данной лексико-семантической группы не представляется возможным, поскольку входящие в нее предикаты соотносятся с глаголами отношения, психической деятельности, действия и поступка и др. Многие из них в актах коммуникации, а также в результате словообразовательной динамики могут быть интерпретированы как глаголы поведения.

С точки зрения Л. М. Васильева, к семантическому классу предикатов поведения относятся только глаголы, которые характеризуются, по крайней мере, одной из двух дистрибутивных формул: «кто-то ведет себя как-либо» и «кто-то ведет себя как либо по отношению к кому-либо». (ВАСИЛЬЕВ 1976: 41). В психолингвистике констатируется, что любая форма поведения может быть объяснена внутренними и внешними причинами.

«В первом случае поведение обуславливается психологическими свойствами человека, а во втором – какими-либо внешними условиями или обстоятельствами. В первом случае можно говорить о мотивах, потребностях, целях, намерениях, желаниях, интересах, а во втором – о стимулах, исходящих из сложившейся ситуации. Однако в обоих случаях действия и поступки человека небессознательны, внутренне обоснованны и, следовательно, порождаются актом мысли, воли, чувства» (РСС 2007: 314–315).

В современной русистике глаголы поведения неоднократно рассматривались в разных аспектах: структурно-семантическом, функциональном, деривационном, когнитивно-дискурсивном (работы Л. В. Васильева, Е. В. Падучевой, О. П. Ждановой, И. Г. Галенко, О. М. Исаченко, В. П. Панченко, Е. В. Старостиной и др.). Однако до сих пор остаются неизученными вопросы словообразовательной семантики глаголов поведения и ее типологии, решение которых имеет важное значение для более детального описания соответствующей лексико-семантической группы.

Предметом лингвистического анализа стала деривационная динамика глаголов действия, поведения и поступка, семантика которых непосредственно или опосредованно отражает такой поведенческий стереотип, как выставление себя на показ, кривляние, паясничание и нарочитая, манерная демонстрация своей исключительности. Такое поведение нельзя назвать антиобщественным или антисоциальным, оно не предполагает каких-либо противоправных действий, часто носит нерегулярный, спонтанный и хаотичный характер, что обусловлено психологическими свойствами человека, однако у окружающих такая модель поведения вызывает, как правило, осуждение.

Исследуемая лексика активно участвует в построении нормативных суждений, поскольку является отражением деонтических норм и аксиологических понятий, способы объективации которых в языке до конца не изучены. Отсюда непрекращающийся интерес лингвистов к «проблемам семантики, синтаксиса и прагматики оценочных слов, их функций в тексте, их коммуникативных свойств и употребления в живой повседневной речи» (АРУТЮНОВА 1999: 131).

Цель статьи – доказать, что в актах деривации глаголы действия, поведения и поступка, являясь одной из форм отражения этноментальной действительности, могут получать эмоционально-экспрессивную окраску и пейоративную оценочность, объективируя таким образом представления о нежелательных и социально осуждаемых моделях поведения человека.

Как известно, деривационное значение всегда реализуется в рамках словообразовательного типа, который, будучи важнейшей системообразующей единицей русского словообразования, может аккумулировать в себе национально-специфическую и лингвокультурную информацию. По мнению И. С. Улуханова, словообразовательное значение не является индивидуальным значением отдельного слова, в отличие от лексического, имеет специальное средство выражения – словообразовательный формант и «выявляется путем сопоставления мотивированных и мотивирующих слов» (УЛУХАНОВ 2012: 10–11).

В лингвистике существует и другой подход в определении словообразовательной семантики, при котором семантическому анализу подвергаются не пары слов, а ряд производных слов, образованных с помощью одного и того же аффикса. Деривационным значением в этом случае называют общее значение компонентов словообразовательного ряда. «Речь идет об инварианте значений производных слов с данным аффиксом» (КРОНГАУЗ 2005: 212–213).

Именно эта интерпретация словообразовательного значения взята за основу в нашей работе.

Семантика глаголов поведения, в концепции О. М. Исаченко, представляет собой организованное единство, куда входят: интегральные (базовые) семы – ‘процесс’, ‘вести себя как-либо’, ‘ненормативность’, ‘связь с субъектом поведения’, ‘намеренный характер’, ‘обусловленный, ситуативный характер’; дифференциальные: а) денотативно-сигнификативные семы – ‘способ действия’, ‘причины поведения’, ‘объект действия’, ‘цель поведения’, ‘результат действия’; б) коннотативные семы – ‘интенсивность’, ‘образность’, ‘эмотивная оценка’ (ИСАЧЕНКО 2000: 10).

Материалом для анализа послужили глаголы, извлеченные из толковых словарей современного русского языка, Национального корпуса русского языка, а также из «Русского семантического словаря» под ред. Н. Ю. Шведовой, где лексический класс «Поведение, а также действия и поступки, неотделимые от поведения» охватывает обширный пласт слов, характеризующих поведение и образ действий.

Другим важным источником языкового материала стал «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, где фиксируется большое количество лексических единиц, устойчивых сочетаний и развернутых суждений, отражающих деонтические нормы русского человека. Поэтому в рамках нашего исследования важную роль приобретают и слова-хронофакты, позволяющие установить, что оценочная коннотация как компонент семантики устаревших лексических единиц является отражением системы нравственных и этических ценностей человека, регулирующих поведение индивида в социуме в определенную эпоху. Например, в словаре Даля фиксируется глагол *выгальяться* – ‘(о человеке) ломаться, манежиться, охорашиваться, красоваться, выставлять себя на вид, напоказ // влгд. хвастать, хвалиться, бахвалить’, который в настоящее время уже не используется; ср. однокоренной глагол *изгальяться* ‘злбно издеваться, глумиться’.

Практически все глаголы поведения содержат в себе коннотативный компонент – семантику оценочности, возникающую в результате актуализации качественно-квалифицирующих сем «хорошо» или «плохо». Основной характеристикой глаголов поведения является наличие именно отрицательной оценки со стороны наблюдателя. Интерпретация тех или иных действий человека как его поведения позволяют выявить аксиологическую составляющую процесса глагольной номинации. «Называние – это подведение под некоторое понятие, под представляемый им образец вещей определенного рода и, значит, оценка» (ИВИН 2006: 53).

С точки зрения М. В. Черепанова, семантика деятельности и поведения субъекта является наиболее широким признаком, охватывающим значительный в количественном и функциональном отношении пласт лексики. Подобные предикаты, сочетаясь с различными формантами, образуют большое число производных: *довоеваться, отишутиться, подольститься, сговориться, наябедничать* и др. (ЧЕРЕПАНОВ 2004: 119).

Так, для характеристики манерного поведения, кривляния, паясничанья, выставления себя напоказ в русском языке используются производные глаголы, образованные от разных основ при помощи следующих словообразовательных средств: префикса *вы-*, постфикса *-ся* или конфикса (циркумфикса) *вы-...-ся*: *выкаблучиваться, выделяваться, выдрючиваться, выкобениваться, выпендриваться, выламываться, выставляться* и др. Данный набор производных с одним и тем же формантом в силу разных причин отнюдь не образует единого словообразовательного типа. Для такой совокупности слов наиболее релевантным будет понятие словообразовательного ряда, объединяющего разномодельные глаголы с общим лексико-словообразовательным значением.

Их семантическая структура может включать в себя следующие компоненты: 'выделиться из какой-либо среды или группы предметов' (данное значение внутренне связано с семантикой перемещения), 'тщательно-интенсивно совершать действие', 'интенция: повлиять, оказать на живое существо результативное физическое или нравственное воздействие', а также оценочно-отрицательная коннотация.

Исследуемая лексика в толковых словарях русского языка маркируется, в основном, как разговорная. Более широкий ее состав, включающий и инвективные единицы, следует отнести к «функционально-стилистическому просторечию», т. е. к «экспрессивной лексике, граничащей с разговорно-литературным языком» (ХИМИК 2000: 195).

Рассмотрим структурно-семантическую организацию и прагматический потенциал данных номинативных единиц более подробно.

Специфической внутренней формой обладает глагол *выкаблучиваться* (прост.) – 'стремиться дерзкими выходками привлечь внимание; выставлять себя напоказ':

- (1) Наш брат [мужчина], поглупев от сердечного недуга, изо всех сил старается понравиться приглянувшейся женщине и *выкаблучивается* перед ней почему зря (Б. Бедный. Имена).

Глагол *выкаблучиваться* образован при помощи постфикса *-ся* от основы *выкаблучивать* (последний от существительного *каблук*) – 'плясать лихо, отбивая каблуками дробь: *выкаблучивать номера, колена*'.

- (2) Женька выскочил и начал *выкаблучивать* – мелькали начищенные голенища, летали ладони (В. Тендряков. Поденка – век короткий).

В этом случае можно наблюдать трансформацию семантики производящего глагола и идиоматичность производного, которая возникает с присоединением постфикса *-ся*. В результате деривации возникает новый смысл и актуализируется другой компонент значения.

Рассмотрим аналогичный глагол *выделяваться*:

- (3) Мог бы и не *выделяваться*, подумала я. Или он всерьез решил ослепить меня своей брутальностью? Не на ту напал (Г. Лопатин. Божественный уровень).

Данный дериват образован от основы *выделывать* (разг.) в значении '4. производить сложные движения телом, руками; 5. Совершать, проделывать что-либо странное, необычное, смешное; вытворять: *выделывать кренделя, выделывать кульбиты*'; ср. у В. Даля: «плясуны хитро выделывают ногами».

(4) В белом поварском фартуке, белом высоком колпаке он *выделывал* такое, что публика неистовствовала (Б. Окуджава. Упраздненный театр).

Если значения глаголов *выкаблучивать* и *выделывать* в приведенных контекстах соотносятся с семантической сферой «танец / пляска как вид искусства» и выражают положительную оценку, то с присоединением постфикса *-ся*, наряду с нейтрализацией соответствующих компонентов смысла, у них появляется «поведенческая» семантика и оценка меняется на пейоративную. Именно данное словообразовательное средство по закону аналогии ведет к переосмыслению глагольной основы.

Национально-специфическим компонентом значения обладает глагол близкой семантической сферы *выкамариваться* (прост.) 'ломаться, капризничать', используемый для обозначения несколько другой модели поведения:

(5) Я не стал *выкамариваться* и, не дожидаясь второго приглашения, сел за стол (Василий Белов. Плотницкие рассказы).

Глагол *выкамариваться* образован от основы *выкамаривать* 'вытворять', внутренняя форма которого соотносится с названием русской пляски и народной плясовой песни «Камаринская дорога».

(6) О том, что в офицерских чинах *выкамаривал*, не буду распространяться (А. Куприн. С улицы).

Следует отметить, что, например, в словаря В. Даля фиксируются и другие аналогичные предикаты с префиксом *вы-*: *выковыливать* (ногами) – '(от *ковылять*) выделывать, ломаясь'; *выплясывать* 'плясать, ломаясь; выделывая ногами старательно', однако в современном русском языке они не были подвержены дальнейшей словообразовательной детерминации и переосмыслению.

Рассмотрим другие глаголы исследуемой семантики.

Выдрючиваться – 'всеми способами стараться обратить на себя внимание, выставить себя напоказ':

(7) Нацепила голубой халат и *выдрючивается* (Г. Холопов. Гренада)

Данная лексическая единица образована от глагола *выдрючивать* (прост.) – 'изображать из себя кого-либо, рисуясь, важничая'. На фразеологизированный тип его семантики указывает производящая основа: по словарю Даля, *дрючить* (обл.) – 'бить, колотить кого-либо палкой; ругать, наказывать' от *дрюк* (мн.ч. *дрючья*) 'жердь, дубина, палка'.

Выпендриваться – ‘важничать, рисоваться, всеми способами стараясь обратить на себя внимание // проявлять гонор, куражиться’:

- (8) Надо было новым властям подчиняться, а не *выпендриваться* (О. Кожухова. Двум смертям не бывать).

Следует отметить, что установить производящую основу для глагола *выпендриваться* не представляется возможным. В современной дериватологии в этом случае принято говорить о «семантической немотивированности» подобных производных.

«Между тем реально они мотивированы приставкой и соответствующей словообразовательной моделью. ... Причем для действия приставочного механизма практически несущественно то, существует ли формально в языке данная основа (корень) или нет» (КРОНГАУЗ 1998: 28)

О функциональной востребованности этой лексической единицы свидетельствуют ее разговорные дериваты: существительное *выпендреш* и прилагательное *выпендрешный*.

Выламываться – ‘держаться неестественно, кривляться (с оттенком неодобрительности)’:

- (9) Я не гимназист, чтобы перед девчонкой *выламываться*, - сказал Корней (Николай Леонов. Агония).

Этот производный глагол образован от основы *выламывать* (прост.) ‘стараться казаться кем-либо, корчить из себя кого-либо’:

- (10) Зачем же людям нервы трепал, а? Богородицу из себя *выламывал*, доброго человека (А. Вампилов. Провинциальные анекдоты).

В семантике глагола *выкобениваться* совмещены два поведенческих стереотипа: ‘важничать, куражиться, выламываться’ и ‘капризничать, упрямиться’:

- (11) Сидит в иных людях какой-то черт и держит на привязи их естественные, хорошие чувства, заставляя, что называется, *выкобениваться* (В. Розов. Удивление перед жизнью. Воспоминания).

Можно предположить, что данный глагол образован при помощи префикса *вы-* от производящей основы *кобениться* ‘1. (прост.) не соглашаться на что-либо, заставляя упрашивать себя; упрямиться (в этом значении лексема используется для характеристики капризного, привередливого поведения, упрямства); 2. (устар. и обл.) делать странные, неестественные телодвижения, ужимки, гримасы; кривляться, ломаться’:

- (12) [Мальчик] старается говорить басом, щегольнуть, серьезничает, надувается. Вообще, как говорится, *кобенится* (М. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина).

В словаре Даля представлено целое словообразовательное гнездо с исходным глаголом *кобенить* в значении '(руки, ноги) заламывать, ломать, корчить, изворачивать', позволяющее наглядно представить деривационную динамику его производных и их смысловую модификацию.

Кобениться – 'выгибаться, кривляться, ломаться, корчиться; // чиниться, заставляя себя просить, важничать, чваниться, упрямиться'. *Докобенишься* до тумака. *Закобенился* снова. *Накобенился* досыта. *Прокобенился* долго. *Покобенился*, однако согласился. *Раскобенился*, словно напоказ. Наличие приставочных дериватов (*выкобениться, искобениться; // покобениться и перестать*) свидетельствует о востребованности данной лексической единицы в русской разговорной речи XIX века, ср.: *кобень* – 'обл. кто кобенится, ломается, противится чему, либо кто чинится', а также *кобень* – 'твердолобый, своенравный, жеманный человек'.

Итак, лексико-словообразовательная семантика глаголов поведения в русском языке может формироваться в рамках типового словообразовательного ряда, при котором смысловая трансформация основы осуществляется под влиянием форманта.

В результате деривационной динамики глагольная лексика актуализирует новые ментальные смыслы, получает семантико-стилистическую маркированность, эмоционально-экспрессивную окраску и дополнительную оценочную коннотацию. Словообразовательная детерминация глаголов действия, поведения и поступка значительно расширяет центр и периферию соответствующей лексико-семантической группы, основное предназначение которой – номинировать процесс сознательного взаимодействия человека с окружающей средой и социумом, а также его характер и свойства личности.

Словари

Даль 1995 = Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. В 4 т. Москва: «ТЕРРА», 1995.

ЕФРЕМОВА 2005 = ЕФРЕМОВА Т. Ф. *Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка*. Москва: «АСТ: Астрель», 2005.

РСС 2007 = ШВЕДОВА Н. Ю. (ред.). *Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений*. Том IV. Глагол. Москва: «Азбуковник», 2007.

Литература

АРУТЮНОВА 1999 = АРУТЮНОВА Н. Д. *Язык и мир человека*. Москва: «Языки русской культуры», 1999.

ВАСИЛЬЕВ 1976 = ВАСИЛЬЕВ Л. М. Семантический класс глаголов поведения в современном русском языке. В кн.: Л. М. ВАСИЛЬЕВ, Б. И. ГОЛОВИН, Н. С. ДМИТРИЕВА и др. (ред.) *Исследования по семантике*. Уфа: «Башкирский госуниверситет», 1976.

ИВИН 2006 = ИВИН А. А. *Аксиология*. Москва: «Высшая школа», 2006.

- ИСАЧЕНКО 2000 = ИСАЧЕНКО О. М. *Функционально-семантический класс глаголов поведения (системно-семантический, функциональный и лингвокультурологический аспекты)*: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул. 2000.
- КРОНГАУЗ 1998 = КРОНГАУЗ М. А. *Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика*. Москва: «Школа «Языки русской культуры», 1998.
- КРОНГАУЗ 2005 = КРОНГАУЗ М. А. *Семантика*. Москва: «Академия», 2005.
- УЛУХАНОВ 2001 = УЛУХАНОВ И. С. *Словообразовательная семантика в русском языке*. Москва: «Эдиториал УРСС», 2001.
- ХИМИК 2000 = ХИМИК В. В. *Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен*. Санкт-Петербург: «Филологический факультет СПбГУ», 2000.
- ЧЕРЕПАНОВ 2004 = ЧЕРЕПАНОВ М. В. *Очерк словообразовательной типологии русского глагола*. Саратов: «Изд-во СГУ», 2004.

Л. ЯСАИ

Акциональная характеристика глагола *сохнуть* в сравнении с его приставочными модификациями

Characterization of the actionality of the verb *sohnut'* in comparison with its prefixal modifications

Abstract: The author analyzes three groups of questions: 1) character of the telic action of the basic verb; 2) the actional distinction between the imperfective basic verb and its secondary prefixal imperfectives; 3) similarities and differences are described when comparing the prefixal modifications of the basic verb with each another.

Keywords: aspectual derivation, Russian verb, resultative action.

1. К постановке вопроса

Основой идеи заняться акциональными модификациями одного и того же исходного глагола послужил прежде всего языковой материал книги П. Патровича, в которой представлены многочисленные глаголы польского языка с аспектуальной точки зрения (PÁTROVICS 2018). В русском языке, конечно, также имеется немало таких производящих глаголов НСВ, которые характеризуются богатством возможности аспектуально значимой деривации. Несомненно, одним из них является простой исходный глагол *сохнуть*, от которого можно образовать целый ряд приставочных перфективов, выражающих результитивное значение с разными дополнительными оттенками при сохранении общего лексического значения ‘стать сухим или суше’. Производные модификации глагола *сохнуть* представляют интерес и потому, что – за исключением деривата *посохнуть* – все перфективы имеют свои соотносительные приставочные корреляты НСВ (иначе: вторичные имперфективы), и, как следствие этого, на базе исходного глагола создается многочисленное «акциональное гнездо»: *сохнуть* → *высохнуть–высыхать, засохнуть–засыхать, просохнуть–просыхать, обсохнуть–обсыхать, пересохнуть–пересыхать, подсохнуть–подсыхать* и непарный глагол СВ *посохнуть*. Заметим, что вопроса двойной префиксации (т. е. дериватов *пообсохнуть, попросохнуть* с оттенком смягчительного значения или *повысохнуть* с дистрибутивным оттенком) в настоящей статье не будем касаться.

Из комплексной проблематики здесь выделим следующие вопросы: 1) Всегда ли обнаруживает исходный глагол *сохнуть* предельное значение, выражая потенциальный предел, проявляющийся в направленности на достижение естественного конца действия, и, в соответствии с этим, входит ли

этот глагол в видовую пару (а именно: в предельный тип видовых пар) с одним из дериватов (или с несколькими дериватами) СВ? 2) Какое акциональное различие наблюдается между глаголом *сохнуть* и некоторыми вторичными имперфективами, образованными от таких перфективов (а именно: от *высохнуть* и *засохнуть*), которые в обычных настольных словарях приводятся в качестве соотносительных при данном исходном глаголе? 3) В чем проявляются сходства и различия при сравнении названных выше приставочных модификаций СВ?

2. Исходный глагол и его вторичные имперфективы

Из упомянутых выше вторичных имперфективов здесь учитываются лишь два глагола: *высыхать* и *засыхать*. Это потому, что их мотивирующие перфективы – *высохнуть* и *засохнуть* – часто приводятся в качестве парных глаголов к общему исходному глаголу *сохнуть*. Целесообразно исходить из лексикографического представления рассматриваемых глаголов. При этом мы будем опираться на данные наиболее распространенного настольного словаря (ОЖЕГОВ–ШВЕДОВА 1998) и нового большого академического словаря (БАС), из которого до настоящего времени вышло в свет 23 тома.

2.1. В словаре (ОЖЕГОВ–ШВЕДОВА 1998) глагол *сохнуть* толкуется следующим образом: 1. Становиться сухим, теряя влагу. 2. То же, что *вянуть*. *Цветы сохнут*. 3. Становиться чахлым, болезненно худеть (прост.). СВ: к знач. 1. и 3. *высохнуть*, к знач. 2. *засохнуть*. Что же касается образования соответствующих вторичных имперфективов, то в словаре делается отсылка к исходному глаголу: *высыхать* то же, что *сохнуть* в 1 значении, а *засыхать* то же, что *сохнуть* во 2 значении (ОЖЕГОВ–ШВЕДОВА 1998: 121, 221).

В новом БАС (с опорой на традицию 17-томного словаря) основным отношением признается суффиксальная пара, толкование которой дается применительно к корреляту НСВ, в нашем случае к глаголам *высыхать* и *засыхать*, представляющим данные пары:

1) *высыхать* (при *высохнуть*) – 1. Терять влажность, становиться сухим; просыхать. 2. засыхать, гибнуть от недостатка влаги (о растительности): *Одна яблоня дала плод, но другая – высохла* (С. Шуртаков, Кузьминские сады). 3. Обычно СВ, разг.: делаться худым, тощим (от болезни, переживания и т.п.): *Старик не мог понять, что она умирает... Он весь высох от заботы, он просиживал у кровати Нелли по целым дням...* (Дост. Униж. и оскорбл.) (БАС–3, 2005: 600);

2) *засыхать* (при *засохнуть*) – 1. Становиться сухим, твердым, теряя влагу; *высыхать* (*булка засохла; краски засохли*). 2. Увядать, гибнуть от недостатка влаги (о растениях). 3. Перенос., прост. Терять здоровье, красоту, чахнуть (БАС–6, 2006: 541).

Несмотря на разные подходы касательно словарного представления данного соотношения, видно, что толкования глаголов *сохнуть* и *высыхать* в 1 значении, в сущности, совпадают, кроме того, обращает на себя внимание и то, что *сохнуть* во 2 значении также соответствует толкованию глагола

засыхать, причем исходный глагол толкуется именно через вторичный имперфектив.

2.2. Представленные выше словарные толкования подтверждают, что глагол *сохнуть* также описывает изменение, воспринимаемое как *предельный* процесс, направленный на свой естественный исход (т. е. на результат действия). В этом убеждает и сравнение разных толкований применительно к соотношениям *сохнуть–высохнуть* и *высыхать–высохнуть*, сформулированных на семантическом языке. Ссылаясь на Е. В. Падучеву и М. Я. Гловинскую, процитируем толкования, описывающие 1) процесс изменения, выражаемый глаголом *сохнуть* и 2) характер этого же процесса у глагола *высыхать*:

1) *X сохнет / высох*: ‘X участвует в одном из ряда последовательных фаз такого процесса, в котором, если он не прекратится преждевременно, в некоторый момент возникнет итоговое состояние «X сухой»’ (ПАДУЧЕВА 1986: 419).

2) *Белье высыхает* = ‘Белье начинает быть сухим’ = ‘(1) В какой-то момент времени белье не сухое (влажное), (2) в один из последующих моментов белье суше (менее влажное), (3) в каждый из последующих моментов белье суше, чем в каждый предшествующий момент, (4) если процесс три не прекратится до некоторого момента, то в этот момент белье начнет быть сухим (= высохнет)’ (ГЛОВИНСКАЯ 1982: 78).

Если доказывается, что глагол *сохнуть* выражает также предельное значение, подобно вторичному имперфективу *высыхать* (как это очевидно по приведенным толкованиям), то естественно считать, что исходный глагол должен входить в приставочную видовую пару, создавая, в соответствии с разными лексическими значениями, две пары: *сохнуть–высохнуть* и *сохнуть–засохнуть*. Поскольку, однако, от обоих приставочных дериватов образуются вторичные имперфективы, в этом отношении более уместно говорить не о двух, морфологически разных парах – о парах *сохнуть–высохнуть* и *высохнуть–высыхать* –, а об аспектуальных тройках. В случае же троек естественным образом возникает необходимость функционального сравнения первичного и вторичного имперфективов, т. е. глаголов *сохнуть* и *высыхать*, с одной стороны, и *сохнуть* и *засыхать*, с другой.

2.3. Из отсутствия приставки в глаголе *сохнуть* и наличия этой морфемы во вторичном имперфективе *высыхать* следует, что предельность в бесприставочном глаголе проявляется в меньшей мере, чем в приставочном. В силе выражения направленности на достижение предела исходный глагол уступает приставочному потому, что в бесприставочном корреляте данный признак выражается исключительно посредством общей семантики глагольной основы (см. признаки ‘изменение’, ‘становление’), тогда как в приставочном глаголе он выражается и морфемно, значит, эксплицитно. Этим обстоятельством объясняется, что глагол *сохнуть* (во многих контекстах) может сближаться со значением состояния. Глагол же *высыхать*, как увидим ниже, достаточно ярко выражает содержание ‘начинать быть сухим’ (ср. ГЛОВИНСКАЯ 1982: 78), выделяя как бы конечную фазу того же процесса.

При первом приближении попытаемся проиллюстрировать сказанное, сопоставляя следующие два диагностических контекста:

- (1) – Где моя рубашка? – Там она *сохнет* на веревке.
- (2) – Вывешенное белье уже сухое? – Еще не совсем, но оно уже *высыхает*.

Очевидно, что в контексте (1) выделенный глагол можно было бы заменить без изменения общего смысла и формой *висит*, значит, непарным глаголом НСВ. Сравнительно многочисленные текстовые примеры (большая часть из которых приводится из НКРЯ) также свидетельствуют о том, что контекст с глаголом *сохнуть* часто содержит и указание на место данного процесса, развивая в нем и оттенок состояния:

- (3) Высоко, над головами прохожих *сохнет* разноцветное белье (Е. Воробьев. Этьен и его тень).
- (4) У дорог желтеют рогожи, на которых *сохнет* проветренное зерно (В. В. Овчинников. Своими глазами).
- (5) Кое-где во дворах на верёвках *сохло* бельё (Алексей Иванов. Псоглавцы).
- (6) От домашнего тренажера пришлось избавиться: я находила сотни причин, чтобы не подходить к нему, и на нем в основном *сохло* белье (Светлана Ткачева. Марина Хлебникова: Мужчина моей мечты должен быть ответственным).

Все эти примеры объединяются тем, что в рассматриваемом глаголе на первый план выступает не изменение (представляющее основу потенциально-предельного значения), а стальной характер действия. Если же в контексте с указанием на место действия употребляется не исходный глагол, а приставочный имперфектив *высыхать*, то сохраняется эксплицитно выраженный предельный характер процесса ('начинать быть сухим'):

- (7) Дверь в сад была открыта, на почерневшем от мокроты полу террасы *высыхали* лужи ночного дождя (Л. Толстой. Юность).
- (8) Утоляя жажду, маралы наслаждались солнцем. На спинах *высыхала* упавшая с веток по пути обильная роса (Айтматов. Белый пароход).

Указанное различие в характере процесса между глаголами *сохнуть* и *высыхать* станет особенно очевидным в примере (9), где показатель «уже совсем» препятствует употреблению исходного глагола:

- (9) Наше озерцо *уже совсем высыхало*, мы не знали, куда деваться (Эдуард Шим. Слепой дождик).

2.4. Тогда как в процессном значении аспектуальные различия сводятся к тонкостям акциональной характеристики глаголов, в тривиальных позициях – при многократном повторении действия, достигнутого предела, или же в позиции настоящего исторического с достижением предела – принципиальная заменяемость приставочного имперфектива исходным глаголом оказы-

вается невозможной.¹ В этом случае по семантической причине понятно, почему в нижеследующих контекстах (10–14) бесприставочный имперфектив *сохнуть* не в состоянии вступить на место приставочного *высыхать*:

- (10) Год от года *высыхали* источники, вымирали виноградники, приходила в упадок земля, которую он исходил еще мальчиком... (Л. Улицкая. Медя и его дети).
- (11) Временами глаза ее оплывали, и она не стирала слез, они *высыхали* сами (Виктор Лихоносов. Что-то будет).
- (12) Некоторые реки то разливаются, то *высыхают*, замерзают зимой, иногда превращаются в водопады (Д. В. Бавильский. Чужое солнце).
- (13) К осени озеро совершенно *высыхает*: вода его уходит под землю (В. А. Мезенцев. Чудеса: Популярная энциклопедия).
- (14) Например, масса для лепки: ребенок лепит игрушку, она *высыхает* и становится долговечным изделием, даже стирку в машине выдерживает (Михаил Кичанов. Детский подход).

2.5. Как уже было отмечено (см. 2.1.), глагол *сохнуть* во 2 значении входит в корреляцию с тривиальной парой *засохнуть–засыхать*, и таким образом создается аспектуальная тройка. Примеры показывают, что в процессном значении имеет место семантическое пересечение между первичным и вторичным имперфективами, причем, согласно изложенному выше, приставочный имперфектив выражает предельность в процессе изменения более определенно. Ср. (15–18) и (19–21):

- (15) Ее листва редееет, ветки *сохнут* и обламываются (Юрий Куранов. Дни сентября).
- (16) *Сохнут* деревья в Москве. Их пилят, складывают аккуратно – удобней вывозить (Говорит и показывает Москва // «Столица», 1997.07.29).
- (17) А травы вяли, / *Сохли* деревья, / Лучи темнели, холодело солнце (М. А. Волошин. Суд).
- (18) Лето выдалось жаркое, по лесам шёл пал, трава *сохла* на корню, зверьё разбегалось (Алексей Иванов, Сердце Пармы).
- (19) Ствол окольцовывают, снимая с него кору <...>. Дерево *засыхает* на корню. Иначе оно было бы тяжелее воды и его нельзя было бы сплавлять (В. В. Овчинников. Своими глазами).
- (20) Нужно было видеть, как томилась без солнца эти несчастные елочки, как они задыхались, хирели и *засыхали* (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Лесная сказка).
- (21) Два старых дуба под окном квартиры чахли и *засыхали* в этом неуютном и смрадном уголке (А. С. Яковлев. Воспитатели).

3. Модификации, несоотносительные с исходным глаголом

В этом плане будут рассмотрены следующие модификации исходного глагола: *посохнуть, просохнуть, обсохнуть, подсохнуть* и *пересохнуть*.

¹ В современной аспектологии преобразование глагола в указанные позиции принято применять для подтверждения лексического тождества глаголов видовой пары. Впервые на данный критерий соотносительности обратил внимание Ю. С. Маслов (Маслов 1948).

3.1. Глагол *посохнуть* относительно лексической семантики близко стоит к глаголу *засохнуть* в его прямом значении, относящемся также к растительности. Различительные признаки глагола *посохнуть* – чрезмерность и количественный оттенок. Соответственно, словарное представление глагола *посохнуть*: засохнуть совсем (о многом). *Цветы посохли* (ОЖЕГОВ–ШВЕДОВА 1998: 569). Кроме того, следует подчеркнуть, что данная модификация – в отличие от всех других – не имеет соотносительного коррелята НСВ. Количественно-результативное значение рассматриваемой модификации легко обнаруживается вследствие наличия при глаголе множественного субъекта:

- (22) Цветы на лугах давно *посохли* и пропали (Н. В. Успенский. Издалека и вблизи).
- (23) Погибает «розовое царство». Задичали, заглохли, *посохли* розы (И. С. Шмелев. Солнце мертвых).
- (24) *Посохли* сливы, и вишни, и грецкие орехи... (И. С. Шмелев. Солнце мертвых)
- (25) Только тощат конишки, прямо тают – трава вся *посохла* (И. А. Ефремов. Алмазная труба).

Встает вопрос: можно ли считать данную (морфемно характеризованную) акциональную модификацию способом глагольного действия, а именно, одним из специально-результативных, представляющих весьма обширный разряд? Несмотря на то, что здесь мы имеем дело с формально выраженной модификацией исходного глагола в плане специально-результативного значения, выделение глагола *посохнуть* в качестве способа действия по одной причине кажется сомнительным: в указанном акциональном значении образование с помощью приставки *по-* нельзя считать регулярным. Более того, данный дериват кажется уникальным, в частности, и потому, что в наших примерах приставка привносит не делимитативное или смягчительное значение, продуктивные по образованию данной модели, а напротив – она выполняет такую функцию, в которой глагол *посохнуть* представляет единичный или, по меньшей мере, не типичный случай.

3.2. Глагол *просохнуть*, хотя и не приводится в качестве парного к исходному глаголу, он семантически соприкасается с перфективом *высохнуть*, который, как было показано, соотносится и с производящим глаголом *сохнуть* в составе трехчленной корреляции. Соответственно, словарное толкование глагола *просохнуть*: стать сухим, высохнуть. *Бельё просохло. Помещение просохло. Дорога просохла* (ОЖЕГОВ–ШВЕДОВА 1998: 621). Среди текстовых примеров, имеющих с глаголом *просохнуть* в НКРЯ, очерчивается круг наиболее характерных при этом глаголе субъектов: *земля / почва / дорога / мостовая / трава просохла, платье / полотенце / белье просохло, одежда / рубашка / блузка просохла, глаза / слёзы / волосы просохли, стены просохли*. При интерпретации действия данная приставка выражает наряду с результативностью, придаваемой исходному глаголу, заодно и отвлеченное сквозное значение. Пара *просохнуть–просыхать* (в просто-

речном употреблении и особенно с отрицанием) развивает и переносное значение: ‘не протрезвиться’:

- (26) ... С вечера еще *не просох* окончательно... (Валентин Распутин. Прощание с Матёрой).
- (27) Мужик-то, значит, пил. Так пил, что никогда *не просыхал* (Белов. Кануны. В: БАС–21, 296).

3.3. Толкование глагола *обсохнуть* отличается от толкования рассмотренного выше глагола: стать сухим, суше (ОЖЕГОВ–ШВЕДОВА 1998: 438). Сравнительная степень прилагательного указывает на неполноту проявления данного качества. Глагол *обсохнуть* в основном выступает (подобно глаголу *просохнуть*) в сочетании с субъектами типа *одежда, трава, земля, роса, волосы, слёзы* и т. п., однако в этой модификации обнаруживается другой дополнительный оттенок, «интерпретационный компонент»²: ‘кругом, снаружи’. Этот приставочный вариант употребляется и в том случае, если в позиции субъекта имеется в виду тело человека или животного:

- (28) Но вот мы выкупались, *обсохли*, оделись и пошли дальше (А. П. Гайдар. Голубая чашка).

Особого упоминания на этот счет заслуживает фразеологизм: *Молоко на губах не обсохло* (у кого-нибудь).

3.4. Глагол *подсохнуть* имеет значение: немного, не совсем высохнуть. *Сено подсохло* (Ожегов–Шведова 1998: 543). Ввиду того, что смягчение результата действия (т. е. его осуществление не в полной мере) достаточно регулярно может выражаться при помощи приставки *под-*, данный глагол несомненно входит в разряд смягчительного способа действия (см. еще аналогичные дериваты: *подмокнуть, подтаять, подморозить, подсушить, подкрасить, подточить* и др.). Глагол *подсохнуть* также характеризуется сочетаемостью с широким кругом разного рода субъектов, однако для этой модификации характерно и безличное употребление в пространственном значении (*в лесу, на улице* и т. п., см.: 29–30), кроме того, этот глагол часто выступает и в безличном предложении, не указывая на место (31–32):

- (29) Как *подсохло* в лесу, зацвело и зазеленело вокруг (В. Астафьев. Последний поклон).
- (30) На улице *подсохло* и даже несколько подморозило (Ф. Горенштейн. Куча // «Октябрь» 1996).
- (31) Когда *подсохло* и стало тепло, собрались в путь (Чехов. Мужики).
- (32) Тогда уже *подсохло*, ночевать можно было в лесу (Б. А. Слуцкий. Записки о войне).

Заметим, что в русском языке выражение смягчения результата действия («немного, не совсем высохнуть») возможно и модификацией *пообсохнуть*,

² Этот термин введен А. В. Бондарко для характеристики различий в высказываниях, синонимических по общему смыслу. См., в частности, в кн.: (Бондарко 2002: 108–120).

однако, как уже было отмечено под пунктом (1.), вопрос о двойной префиксации в настоящей работе оставим без внимания.

3.5. На основе словарного толкования глагол *пересохнуть* имеет дополнительный оттенок усиления или чрезмерности: стать суше, чем нужно, или совсем сухим. *Земля пересохла без дождей. Губы пересохли* (ОЖЕГОВ–ШВЕДОВА 1998: 510). При указании на самые типичные формы употребления на основе частотности субъекта действия сначала следует упомянуть о сочетании глагола с названиями человеческих органов. В случае же безличного предложения (представляющего синтаксический вариант помимо двусоставного личного), подразумеваемый («не подлежащий») субъект можно называть семантическим субъектом: *горло / в горле пересохло, глотка пересохла / в глотке пересохло, рот пересох / во рту пересохло, гортань пересохла, язык пересох*, в переносном употреблении: *голос пересох*. Кроме того, применительно к другим предметам глагол *пересохнуть* употребляется, в сущности, подобно глаголу *высохнуть*, но с указанием чрезмерной степени: *ручей пересох, река / вода в колодце / земля пересохла, чернила в ручке пересохли, глаза (оболочки глаз) пересохли*.

Иногда создается относительное сближение имперфектива *пересыхать* с исходным глаголом *сохнуть*, значит, приставочный глагол может заменяться глаголом *сохнуть*: *губы пересыхают / сохнут, горло пересыхает / сохнет*. См. глагол *сохнуть* в употреблении, характерном в первую очередь для *пересыхать*:

- (33) – Горло *сохнет*, – сказал он, морщась, – где тут кран? (Дина Рубина. Несколько торопливых слов любви // «Новый мир», 2003).
- (34) Глаза жгло. В горле *сохло*. Утром будет еще хуже... (Татьяна Устинова. Подруга особого назначения).

По поводу модификации *пересохнуть* также должен ставиться вопрос: относится ли данный глагол к одному из специально-результативных способов действия или нет? Прежде чем дать свой ответ, обратимся с этой точки зрения к такой аспектологической литературе, в которой описываются и отдельные способы действия. В ранней работе А. В. Бондарко не выделяется разряд с приставкой *пере-* с компонентом чрезмерности (БОНДАРКО–БУЛАНИН 1967: 14–20). Также не упоминается о таком способе действия ни в морфологии А. В. Исаченко (ИСАЧЕНКО 1960: 224–294), ни в книге Н. С. Авиловой (АВИЛОВА 1976: 299–316). В свете этих фактов не удивительно, что в соответствующем разделе академической грамматики (ШВЕДОВА 1980: 601–604), а также при представлении основных способов действия в книге (ЗАЛИЗНЯК–ШМЕЛЕВ 2000: 106–126) данный тип не приводится. Единственная работа, в которой мы нашли выделение модификаций с приставкой *пере-* для выражения чрезмерной степени в качестве самостоятельного способа действия, именуемого автором «чрезмерно-нормативным» – это книга М. А. Шелякина (ШЕЛЯКИН 1983: 186). Ввиду того, что образование глаголов для выражения данного значения осуществляется сравнительно регулярно – см. глаголы *пересолить, перекричать, переварить* (в знач. ‘слишком долго

варить'), *переплатить, перегрузить, пережечь, перегреть(ся), переутюжить, перегнуть (палку), перевинтить* (в знач. 'завинтить слишком туго') и др. –, мы склоняемся к тому, чтобы выделить данный разряд среди специально-результативных глаголов и отнести к этому способу действия и глагол *пересохнуть*.

Словари

- БАС – *Большой академический словарь русского языка*. Т. 1–23, Санкт-Петербург–Москва: «Наука», 2004–2014.
- ОЖЕГОВ–ШВЕДОВА 1998 = ОЖЕГОВ С. И., ШВЕДОВА Н. Ю. *Толковый словарь русского языка*. Издание 4-е, доп. Москва: «Азбуковник», 1998.

Литература

- АВИЛОВА 1976 = АВИЛОВА Н. С. *Вид глагола и семантика глагольного слова*. Москва: «Наука», 1976.
- БОНДАРКО 2002 = БОНДАРКО А. В. *Теория значения в системе функциональной грамматики (на материале русского языка)*. Москва: «Языки славянской культуры», 2002.
- БОНДАРКО–БУЛАНИН 1967 = БОНДАРКО А. В., БУЛАНИН Л. Л. *Русский глагол*. Ленинград: «Просвещение», 1967.
- ГЛОВИНСКАЯ 1982 = ГЛОВИНСКАЯ М. Я. *Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола*. Москва: «Наука», 1982.
- ЗАЛИЗНЯК–ШМЕЛЕВ 2000 = ЗАЛИЗНЯК Анна А., ШМЕЛЕВ А. Д. *Введение в русскую аспектологию*. Москва: «Языки русской культуры», 2000.
- ИСАЧЕНКО А. В. 1960. = ИСАЧЕНКО А. В. *Грамматический строй русского языка. Морфология*. Ч. 2. Братислава: «Изд-во Словацкой академии наук», 1960.
- МАСЛОВ 1948 = МАСЛОВ Ю. С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке. *Известия АН СССР*. Отд. лит. и языка. Т. 7. Вып. 4. 1948, 303–316.
- ПАДУЧЕВА 1996 = ПАДУЧЕВА Е. В. *Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива*. Москва: «Языки русской культуры», 1996.
- ШВЕДОВА 1980 = ШВЕДОВА Н. Ю. (ред.) *Русская грамматика*. Т. 1., Москва: «Наука», 1980.
- ШЕЛЯКИН 1983 = ШЕЛЯКИН М. А. *Категория вида и способы действия русского глагола (Теоретические основы)*. Таллин: «Валгус», 1983.
- Pátrovics 2018 = Pátrovics Péter. *A lengyel igeaspektus kérdései. Lengyel–magyar strukturális aspektusszótár*. Budapest: Lengyel Kutatóintézet és Múzeum, 2018.

**Семантические и прагматические аспекты
изучения русской лексики**

И. Б. ЛЕВОНТИНА

О некоторых значениях частицы *еще**

On some meanings of Russian particle *jesche*

Abstract: The paper is dedicated to the Russian polysemous particle *jesche* and its lexicographical presentation. This word has very interesting discourse meanings. Some of this item are connected with the idea of actualization of forgotten details. One more item expresses the idea of deferred forecast and is very often pragmatically obligatory.

Keywords: Russian particles, semantics, pragmatics, polysemy, phrasal accent

Русское слово *еще* (наречие и частица) чрезвычайно трудно для описания. Прежде всего отметим, что *еще* – многозначное слово. Часть значений разбирается в (БОГУСЛАВСКИЙ 1996: 258–291). В частности, рассматривается континуальное *еще* (*Он еще жив*) и аддитивное *еще*, имеющее два варианта – ударный и безударный (*В доме есть еще раненые; В доме есть еще раненые*)¹.

В *Активном словаре русского языка* (под общим руководством Ю. Д. Апресяна) у *еще* выделяются следующие значения (автор статьи В. Ю. Апресян):

ЕЩЕ, ЧАСТ.

еще 1.1. ‘вдобавок к объектам того же типа’: *Налей мне еще чаю.*

еще 1.2. ‘вдобавок к объектам другого типа’: *Кроме трех газет, он выписывает еще два научных журнала.*

еще 1.3. ‘вдобавок к имеющейся ситуации, усугубляя ее’: *Он опоздал, ничего не сделал и еще хамит?*

еще 2.1. ‘ситуация продолжается’: *Пока она еще работает в старом месте.*

еще 2.2. ‘ситуация наступила давно’: *Они расстались еще в прошлом году.*

еще 2.3. ‘ситуация наступит’: *Он еще пожалеет об этом.*

еще 3. ‘ситуация могла бы быть хуже’: *И это еще цветочки!*

В настоящей работе будут рассмотрены некоторые интересные дискурсивные употребления этого слова.

* Работа выполнена при поддержке РФФИ 16-04-00302 «Подготовка третьего выпуска Активного словаря русского языка» (2016–2018, руководитель Ю. Д. Апресян)

¹ О различиях ударного и безударного *еще* см. также (АПРЕСЯН 1990: 102).

1. *Еще* как маркер напоминания

- (1) Помнишь, Постум, у наместника сестрица? / Худошавая, но с полными ногами. / Ты с ней спал *еще*... Недавно стала жрица. / Жрица, Постум, и общается с богами (И. Бродский. Письма римскому другу).

В примере (1) представлен характерный маркер напоминания – безударная частица *еще*; ср. *У нее еще юбка была клетчатая*. Такое *еще* не используется просто при рассказе о человеке: *Я увидел девушку с большой синей сумкой и в темных очках. *У нее еще юбка была клетчатая*. Смысл этого *еще* в том, чтобы уточнить неудавшуюся идентификацию объекта. Говорящий уже назвал какие-то отличительные особенности, но видит, что их недостаточно. Здесь проявляется связь с основным значением *еще* – говорящий дополняет уже сделанное описание. Ср. следующие примеры, где человек никак не может идентифицировать объект:

- (2) – Вполне возможно, что я и беседовал с вашей дамой, но я ее совершенно не помню. / – Ну, может быть, вы вспомните, на ней *еще* колье такое интересное было... / – Нет, я в женских украшениях не разбираюсь, только в мужских, – недовольно проговорил певец (Александра Маринина. Последний рассвет (2013)).
- (3) – Вы меня не узнаете, барин? – прошептал опять голос; он словно испарялся из едва шевелившихся губ. / – Да и где узнать! Я Лукерья... Помните, что хороводы у матушки у вашей в Спасском водила... помните, я *еще* запевалой была? / – Лукерья! – воскликнул я. – Ты ли это? Возможно ли? (И. С. Тургенев. Живые мощи (1874))

Интересно, однако, что *еще* обычно используется именно в контексте напоминания, а не, например, при идентификации одного из множества видимых объектов: *Вон, смотри, она в левом верхнем углу, у нее еще юбка клетчатая*. Поэтому для *еще* характерны сочетания с *помнишь, помните, вспомни*:

- (4) Помнишь нашу соседку? Она *еще* в обувном работает. Я поразился, когда на Новый год увидел в школе ее дочь («Знание – сила», 2003).
- (5) — Папа, это же Вася, — крикнула она, — сын тети Шуры из Боровлянки, помнишь, он меня *еще* курить учил! Заходите, мальчики, ну что же вы?. (Сергей Довлатов. Солдаты на Невском (1965))
- (6) — В бассейне, помнишь, я вышла первая, ко мне *еще* прицепился этот пузатый придурок с шапкой. Помнишь? — Помню. — Я переложила в кресле твой халат (Татьяна Устинова. Подруга особого назначения (2003)).
- (7) ... не, ну ты представляешь, Надю, с которой я в шестом классе вместе училась, помнишь, я тебе рассказывала, у нее *еще* брат был косоглазый, укусил ее собственный спаниэль (Женщина + мужчина: Брак (форум) (2004)).

2. *Еще* как маркер припоминания

К напоминающему *еще* очень близко *еще* припоминающее: человек начинает вспоминать какое-то событие или какой-то объект, и постепенно в его памяти всплывают новые детали:

- (8) Помню, проходя мимо ванной, я *еще* подумал: "Ну, от Машки что-нибудь добиться, это раз плюнуть!" (Ю. О. Домбровский. Леди Макбет (1970))
- (9) (sablinandrey, муж) Я, кстати, тоже погряз в воспоминаниях. ... Пельменную помню отлично: она *еще* была то пирожковой, то чебуречной. У меня там брат свадьбу играл. А белышную на Кирова все помнят? Ох, и вкусное было местечко! (коллективный. Форум: Общественное питание на селе (2013))
- (10) И на вокзале, говорил Двигубский, наутро, мы с капитаном навсегда, конечно, расстались, и я, это я тоже так ясно помню теперь, говорил он, посмотрел *еще* ему вслед (Алексей Макушинский. Город в долине (2012)).

Часто эти два действия – припоминание и напоминание – осуществляется одновременно: говорящий пытается напомнить собеседнику, при этом припоминая и все новые подробности. Ср пример (11), в котором первое *еще* маркирует припоминание, а второе служит для напоминания собеседнику:

- (11) — Андреевы глаза за стеклами очков сделались круглыми. — Как откуда? Я же их тебе сам подарил к премьерке вчера перед уходом из дому. Прекрасно помню, цвет *еще* выбирал. Они все время здесь и стояли, ты *еще* обрадовалась, когда вошла. «Они нас ждут», — так и сказала (Анна Берсенева. Полет над разлукой (2003–2005)).

Такое совместное восстановление в памяти фрагмента прошлого – важный тип дискурсивной деятельности. Есть и дискурсивная единица, позволяющая обозначить ответный жест собеседника – это единица *как же*, а чаще в этой функции с повтором: *как же, как же*: говорящий подтверждает, что фрагмент общей памяти без труда восстановлен:

- (12) Рядом, в соседнем купе говорят: — А вы какой части? — «Да-да, как же! Помните, там *еще* овраг, весь в валунах, и озеро внизу, много в этом озере народу уплыло в царствие небесное». — «Командир третьей дивизии, позвольте представиться» (Б. А. Пильняк. Простые рассказы (1923)).

Этот пример интересен тем, что здесь использованы и *еще* и *как же*, чем демонстрируется гиперкооперативное поведение собеседников. Они обнаруживают общее прошлое, и это их сразу сближает.

Можно отметить, что для немецкого также возможно использование в аналогичных контекстах частицы *noch* (*еще*):

- (13) ...und du hast noch mit ihm eine geraucht
(<http://www.youtube.com/watch?v=6uKvy4qs61I>).

Этот пример интересен порядком слов. Дело в том, что, если бы имелось в виду, что адресат выкурил еще одну сигарету, то *noch* стояло бы непосредственно перед *eine*: *Und du hast mit ihm noch eine geraucht*. При имеющемся же порядке слов возможно только одно понимание: ‘ты еще с ним однажды покурил’. Таким образом, в этом значении *noch* действительно очень похоже на рассматриваемое значение *еще*. (наблюдение Д. О. Добровольского).

3. *Еще* отложенного прогноза²

(14) Мы *еще* оденем вас шелками, / плечи вам согреем соболями. / Мы построим вам дворцы большие, / милые красавицы России (Я. Смеляков. Милые красавицы России).

(15) Но мы *еще* дойдем до Ганга, / Но мы еще умрем в боях, / Чтоб от Японии до Англии / Сияла Родина моя (П. Коган. Лирическое отступление).

То *еще*, которое представлено во фразах типа *Я еще вернусь*³ и в приведенных примерах, не является ни континуальным, ни аддитивным. Оно не подразумевает, что будет длиться ситуация, которая имеет место в момент речи, как при континуальном *еще*. Оно также не указывает на воспроизведение какой-то ситуации, которая уже имела место или подобной, как при аддитивном *еще*. Необходимо отличать то *еще* в сочетании с будущим временем, о котором идет речь, от разных значений *еще* в контексте будущего времени – в первую очередь, следующих.

Во-первых, это *еще* в значении ‘еще раз’ (аддитивное ударное); ср.: *Я приеду к вам еще! Еще* здесь выступает в функции скорее не частицы, а наречия. Можно заметить, что *еще* в контексте указания на будущие события не очень отличается здесь от *еще* в контексте указания на события прошлые; ср. *Они приехали еще; Мы передохнули и попробовали еще*.

Во-вторых, это *еще*, которое можно обозначить как аддитивное безударное; ср. *Будете еще что-нибудь заказывать? – Да, я еще съем десерт; Книгу я пока не нашел, но я посмотрю еще в Ленинской библиотеке*.

В-третьих, это контексты, где *еще* можно эксплицитно примерно как ‘еще какое-то время’ (континуальное); ср. *Я еще здесь побуду*.

Наконец, совершенно особый тип контекстов, на которых мы здесь останавливаться не будем, образуют сочетания *еще* с глаголами *успеть*, а также *сможь, удался, хватить* и некоторыми подобными; ср. *Сейчас 5 часов, я еще успею на поезд*.

Перечисленные типы употреблений *еще* в контексте будущего времени реализуют различные значения *еще*, которые могут фигурировать и в контексте других времен.

То же *еще*, которое здесь рассматривается, реализуется исключительно или почти исключительно в контексте будущего.

² В *Активном словаре* – это *еще* 2.3.

³ См. (LEVONTINA–SHMELEV 2005), где подобные примеры рассматриваются также в связи с понятием прагматически обязательной частицы.

Прежде, чем предложить экспликацию рассматриваемого значения *еще*, приведем типичные примеры; ср.:

- (16) Даже издалека Швейк совершенно отчетливо слышал пронзительный голос подпоручика Дуба: – Вы меня знаете?! А я вам говорю, что вы меня не знаете!... Но вы меня *еще* узнаете!.. Может, вы меня знаете только с хорошей стороны!... А я говорю, вы узнаете меня и с плохой стороны!... Я вас до слез доведу! Ослы! (Я. Гашек, Похождения бравого солдата Швейка, пер. П. Богатырева)
- (17) Но можно не сомневаться, что Цымбаларь *еще* удивит всех нас (Известия, 2001.08.07)
- (18) Уходя в очередной раз в сторону от очередного комплимента, как боксер от удара, он сказал: «Погоди, я *еще* напишу что-нибудь стоящее, вот увидишь. (А. Битов, Ненаписанный рассказ).

В этих примерах обращает на себя внимание следующее. Во-первых, они полемичны: *еще* вводит указание на то, что имеется противоположная гипотеза о том, как будут развиваться события. Не случайно во многих случаях фраза с *еще* начинается с *но*; ср. *Но мы еще дойдем до Ганга, Но вы меня еще узнаете* и т. п. С полемичностью связано типичное для фраз с *еще* ударение на глаголе; ср. *Мы дойдем до Ганга*, но *Мы еще дойдем до Ганга*.

Во-вторых, *еще* подразумевает, что событие, о котором идет речь, состоится не непосредственно после момента речи. Если говорится *Мы еще оденем вас шелками*, совершенно ясно, что не имеется в виду сделать это в ближайшем будущем. Когда человеку говорят *Мы еще повоюем*, это значит, что сейчас его дела плохи. Этот смысл настолько отчетливо выражается, что, скажем, фраза *Мы еще поговорим об этом* часто используется для прекращения разговора на данную тему; ср.

- (19) ВЕНЕДИКТОВ — Мы *еще* поговорим о результатах этой амнистии и т. д., я хотел бы все-таки к выборам («Эхо Москвы», 2003.07.25).

В третьих, *еще* подразумевает, что в момент речи ситуация развивается таким образом, новая ситуация никак не вытекает из имеющейся; ср.:

- (20) Заканчивалась поэма в том смысле, что, дескать, вы победили, но мы *еще* отомстим (В. Ходасевич, Неудачники).

Итак, *еще* означает: неверно, что некоторая ситуация необратима. Кроме того, *еще* вводит в рассмотрение релевантный отрезок времени, начинающийся с момента речи, и указывает, что изменение произойдет в некоторый неопределенный момент времени, располагающийся на этом отрезке, но не в той его части, которая непосредственно примыкает к моменту речи.

Смысл ‘рано подводить итоги’ обуславливает то, что для *еще* в рассматриваемом значении типичны две прагматические ситуации: ‘рано радуешься’ и ‘не торопись расстраиваться, не все потеряно’. ‘Рано радуешься’: *Он у меня еще попляшет!*; *Ты еще пожалеешь* и т. п. ‘Не спеши расстраиваться’: *Мы*

еще повоюем; Ты еще всех нас переживешь; Все еще будет хорошо, все еще наладится. Может быть непонятно, угроза или утешение; ср.:

- (21) Это мы *еще* посмотрим!; — Не огорчайтесь, — услышал Малиновский и понял, что разговаривает с блондинкой в голубом халате. — Они *еще* пожалеют (С. Довлатов, Дорога в новую квартиру).

Обсуждение механизма получения противоположных смыслов из одного источника заставляет вспомнить работу И. М. Богуславского о сферах действия частицы *уже*. Там, в частности, рассматриваются два типа примеров, см. примеры (22) и (23):

- (23) Он пришел *уже* в десять часов, и мы все успели обсудить до начала заседания (рано);
(24) Он задержался на работе и пришел *уже* в десять часов, когда все собирались расходиться (поздно)⁴.

В примере (23) на исходную пропозицию накладывается ожидание того, что данная ситуация произойдет позже, чем указано, а в примере (24) — конечно не того, что 10 часов наступят позже, а того, что данный момент времени, заданный в данном случае при помощи события — временного ориентира, будет характеризоваться более ранней ситуацией (например, было 8 часов).

«Эти два типа ожиданий допускают очень естественное обобщение. В обоих типах употреблений слово *уже* сообщает, что реальность опережает ожидания» (БОГУСЛАВСКИЙ 1996: 229).

Если говорить о рассмотренных дискурсивных употреблениях *еще*, то также можно увидеть идею, которая их объединяет: реальность отстает от ожиданий.

Литература

- АПРЕСЯН 1990 = АПРЕСЯН Ю. Д. Типы лексикографической информации об означающем лексеме. В кн.: ХРАКОВСКИЙ В. С. (ред.) *Типология и грамматика*. Москва: «Наука», 1990.
- БОГУСЛАВСКИЙ 1996 = БОГУСЛАВСКИЙ И. М. Сфера действия лексических единиц. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996.
- ДОБРОВОЛЬСКИЙ–ЛЕВОНТИНА 2015 = ДОБРОВОЛЬСКИЙ Д. О., ЛЕВОНТИНА И. Б. Модальные частицы и идея актуализации забытого (на материале параллельных корпусов). *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2015»*. Вып. 14 (21). Том 1. Москва: «Изд-во РГГУ», 2015. 106–117.
- LEVONTINA–SHMELEV 2005 = LEVONTINA I. B., SHMELEV A. D. The Particles One Cannot Do Without. In: APRESJAN JU. D., JOMDIN L. L. (red.) *East West Encounter. Second International Conference on Meaning ↔ Text Theory*. Москва: «Языки славянской культуры», 2005. 258–267.

⁴ Ср. также: *Моцарт выступал с концертами уже в пять лет. / Шагал написал картину «Большой цирк» уже в преклонном возрасте.*

З. Ю. ПЕТРОВА

Лексика со значением родства: метафорические значения и употребления

Kinship terms: metaphorical meanings and usages

Abstract: The article describes figurative potential of kinship terms, their ability to form metaphorical contexts in the poetic text. Extension of the circle of metaphorical usages of these words in the poetic language is studied, compared to that in the common language recorded by dictionaries. The material of the Poetic Subcorpus of the Russian National Corpus allows to specify vague dictionary definitions of the figurative meanings of kinship terms, to identify metaphorical usages of those kinship terms which don't have them in the dictionaries. The article also provides a list of semantic classes of objects that can be actants of the kinship relationship in the poetic language.

Keywords: kinship terms, metaphor, dictionary, poetic language

Термины родства достаточно активно исследуются в лингвистической литературе, в ряде сборников (КАТЕГОРИЯ РОДСТВА 2009; АЛГЕБРА РОДСТВА 2012), диссертационных исследований (КАЧИНСКАЯ 2011 и др.), рассматриваются и их метафорические значения и употребления в языке (БЕРЕЗОВИЧ 2011); (АХМЕТОВА 2012).

Задача данной работы – описать образный потенциал терминов родства, их способности к формированию метафорических контекстов в поэтическом тексте, рассмотреть расширение круга метафорических употреблений этих слов в поэтическом языке по сравнению с общезыковым кругом, фиксируемым словарями.

Состав исследуемой лексической группы следующий. В ней традиционно выделяются: 1. Отношения по крови: *мать, отец, родители, сын, дочь, дети, бабушка, дед, внук, внучка, брат, сестра, тетя, дядя, племянник, племянница; сирота*; 2. Отношения по браку: *жена, муж, супруг, супруга, вдова, вдовец, невеста, жених, золовка, зять, теща, свекровь, свекор, невестка, деверь, шурин*; 3. Близкие неродственные отношения: *отчим, мачеха, пасынок, падчерица*. Кроме того, в эту группу входят синонимы и дериваты указанных слов: *батюшка, матушка, матка, мама, мамаша, дедушка*, видовые обозначения: *близнец, первенец* и слова с общим значением: *родство, родственник* (ФИРСОВА 2011).

У ряда слов этой группы в словарях отмечены, кроме основного, и производные значения и употребления: *мать, матушка, мачеха, отец, брат, сестра, дочь, сын, дети, первенец, пасынок, родство*. У производных упот-

реблений может быть переосмыслено само отношение родства, например: *брат* ‘Всякий человек, объединенный с говорящим общими интересами, положением, условиями // по чему. Единомышленник в чем-л.; собрат (МАС 1999). Или – чаще – происходит изменение одного из участников родственного отношения, которое при прямом употреблении можно охарактеризовать как “человек – человек”. Один из актантов этого отношения может обозначать некоторую совокупность, общность людей: *дочь великого народа, чад российских матерей* (о царице), *отец отечества*, а может не относиться к семантической категории “человек”: *родина-мать; Природа была мне не злою мачехою, но доброю, нежною матерью* (Белинский), *Гоголь – отец русской прозаической литературы*. К категории “человек” могут не относиться оба актанта отношения родства: *родство языков; Краткость – сестра таланта*. Нас будут интересовать только те контексты, в которых один актант или оба актанта отношения родства не принадлежат к категории “человек”. В словаре (МАС 1957–1961, МАС 1999) слов с такими употреблениями немного. Это слова *мать, матушка, мачеха, отец, сестра, сын, дочь, дети, первенец, пасынок, родство*. Интересующие нас употребления описаны в МАС, например, так: *мать* ‘(обычно в приложении). О том, что является самым родным и близким. *мать-земля, родина-мать, мать моя Россия*’ (1957–1961), ‘(в приложении, обычно со словами *земля, родина, Россия* и т. п.’ (1999), *мачеха* ‘О ком-, чем-л. жестоком, враждебном’, *сестра* ‘О чем-л. близком, родственном’ и т. п.

Обращают на себя внимание достаточно общие формулировки толкований «о чем-л. <...>», которые хочется как-то уточнить. У всех остальных слов рассматриваемой группы никаких возможностей семантических трансформаций не зафиксировано.

Расширение круга слов со значением родства, являющихся источником метафор, и уточнение достаточно общих толкований словаря, дает нам изучение их употребления в поэтическом языке на материале Поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

В поэтическом языке возможности формирования метафор на основе терминов родства значительно расширяются по сравнению с общеязыковыми, увеличивается и сам круг слов, образующих метафорические контексты рассматриваемого типа; в него входят слова *бабушка, дед, дедушка, внук, внучка, брат, близнец, вдова, жена, сирота, теща, свекровь, невеста, жених, отчим, родитель, родительница, родственник*. Для более подробного описания семантической структуры таких слов постараемся представить основные семантические классы актантов отношения родства в метафорических контекстах (иногда привлекаются и конструкции сравнения).

Слово *мать* в поэтическом языке чаще всего характеризует землю (часто встречается фольклорная конструкция *мать сыра земля*):

(1) Ах! раскройся, мать сыра земля!

Поглоти меня, преступницу! (Н. Ф. Остолопов 1802)

(2) Нет, моего к тебе пристрастья

Я скрыть не в силах, мать-Земля... (Ф. И. Тютчев 1835)

- (3) Горько, Мать-Земля, и сладко
Мне на грудь твою прилечь! (В. И. Иванов 1899)

Столь же часто это слово характеризует природу:

- (4) Наше счастье к нам столь близко;
И Природа, нежна мать,
Положила дар сей низко,
Чтоб могли его достать (М. Н. Муравьев 1775–1789)
- (5) Пыльно, — душно, — зной, — усталость!
Мать-природа! Где же жалость? (В. Г. Бенедиктов 1839)
- (6) Нет! И как в первые дни сотворений
Эта природа – родимая мать (С. Городецкий 1907).

Высокой частотностью характеризуется слово *мать* в конструкциях, где один из актантов отношения родства выражен словами *Россия, Русь, родина, отчизна*:

- (7) Се мать твоя, Россия, — зри —
Ко гробу руки простирает (Г. Р. Державин 1813)
- (8) Не забыта мать-Россия
У небесного царя (П. П. Ершов 1830–1869)
- (9) Мать Россия! Тебе мои песни, —
О, немая, суровая мать! (Андрей Белый 1908)
- (10) Россия-мать, как птица, тужит
О детях (А. А. Блок 1910–1921)

В определенный исторический период, соответствующий переломным историческим событиям революции и гражданской войны, большинство контекстов этого класса (*Россия, родина, земля – мать*) отражают страдания и муки матери, предательство детей:

- (11) Да будут прокляты потомством
Сыны, дерзнувшие предать
С таким преступным вероломством
Свою беспомощную Мать! (С. С. Бехтеев. Россия, 1917)
- (12) Ужели позорно, подобно Иуде,
Вы предали, продали родину-мать? (Т. Л. Щепкина-Куперник 1917)
- (13) Россия? Ты еще жива?
Ты новой ждешь войны и крови?
<...>
Детьми замученная мать! (М. Колосова 1920-1937)

Есть, правда, и другие контексты, не выражающие подобных смыслов, в которых лирический герой называет матерью новую Советскую Россию:

- (14) Эх ты, родина моя Советов,
Мать моя — родимая страна (И. И. Доронин 1926)
- (15) Завод — мой дом, / Мой класс — моя семья,
А мать моя / Республика Советов! (М. П. Юрин 1926)

Другие реалии, характеризующиеся в поэзии словом *мать*, не настолько частотны. Из природных реалий это обозначения семантических классов “водные объекты”: *река*, чаще всего *Волга*:

- (16) Река священнойшая в мире,
Кристалльных вод царица, мать! (Н. М. Карамзин. Волга, 1793)
- (17) Как промовил грозен Стенька Разин:
“Ой ты гой еси, Волга, мать родная! (А. С. Пушкин 1826)
- (18) Отчего же песня знает,
если на сердце тоска,
эта Волга, мать родная,
Волга — дальняя река! (О. Ф. Берггольц 1928),

реже названия других рек: *Нева*, *Кама*:

- (19) Кто на бал, а кто уж с бала;
Кто доволен, кто угрюм;
Никогда ты не слыхала,
Мать Нева, подобный шум!.. (Е. П. Ростопчина 1848)
- (29) Подруга — лодочка рыбацкая,
Кама — мать моя, река (В. В. Каменский 1920),

редко *море*:

- (30) Море, морево, мать,
сама себя жрущая (М. А. Кузмин 1917),

“деревья”: *дубрава* (*дуброва*, *дубравушка*), *ель*, *осина*:

- (31) Что пред ней ты утро майское,
Ты, дубрава-мать зеленая,
Степь-травы — парча шелковая,
Заря-вечер — ночь волшебница! (А. В. Кольцов 1840)
- (32) Не шуми ты, мать-дуброва,
Думу думать не мешай! (Н. А. Клюев 1913),
- (33) Здравствуй, мать голубая осина! (С. А. Есенин 1920);

“времена года, части суток, небо, светила, атмосферные явления”:
зима:

- (34) Тебя, россиян мать, на лире воспою,
Зима! (А. А. Дельвиг 1812–1813)
- (35) Разослала тучи снежные
Мать-зима во все концы,
И зальются скоро нежные
Колокольцы-бубенцы (В. П. Катаев 1915),

ночь:

- (36) Заклятий Солнца разрешительница— Матерь Ночь,
Слепого связня, Хаоса, глухонемая дочь (Вяч. Иванов 1906)

- (37) Сладкоголосая,
Простоволосая,
Мать моя темная,
Пестуй меня! (Л. Н. Столица. К ночи, 1912),

солнце:

- (38) Мир чудесный, мир безбрежный
Никогда не оскудеет,
Солнце-мать любовью нежной
Сердце каждое согреет (В. Т. Кириллов 1921),

небо:

- (39) О благодная мать,
Лазурь небес благих (Ю. Н. Верховский 1908),

обозначения, связанные с землей: *даль, пустыня, тайга:*

- (40) Даль ты далекая,
Даль поднебесная,
Райская мать!.. (В. И. Иванов (1899–1902))
(41) Постоять за крещеную землю,
За зеленую мать-пустыню,
За березынку с вещей кукушкой... (Н. А. Клюев 1915)
(42) Не впервой мне слышать эти речи,
Гей, ты мать, разлапая тайга,
Разметай мне косы по надплечью,
Освежи мне зубы-жемчуга (Н. С. Тихонов 1921–1922)

Из реалий, связанных с жизнью человека, его внутренним миром,
жизнью в обществе, – это *жизнь, смерть, судьба:*

- (43) И неужели не видна
Судьба — их радостная мать,
Что пеной жгучего вина
Любила смертных опьянять (Н. С. Гумилев 1907)
(44) И, слушая себя, Его дыханье слышит,
И жизнь ему любовница и мать (Д. Кнут 1928),

кручина, печаль, тоска, злоба:

- (45) Моя мать – злая кручина,
Отцом же была мне – судьбина (М. Ю. Лермонтов 1831)
(46) “Уж ты мать-тоска, горе-гореваньщице!...” (А. К. Толстой 1856)
(47) И над кострами пела и рати вела на рать
Злоба моя, злоба, моя прекрасная мать (А. А. Тарковский 1928),

названия других стран, кроме России:

- (48) Братья обнялись родные
И сильны опять,

- Как великая Россия
Да Украина-мать! (Е. П. Гребенка 1841)
(49) Вы жили, короли, вас Франция питала,
Чудовищная мать чудовищным сосцом (К. К. Случевский 1850–1880),

названия городов:

- (50) О мать! — дитя твоих окраин
тоскует на твоей груди (Н. Н. Асеев 1911)
(51) Стой, красуйся в зарницах
И огнях торжества,
Мать родная, столица,
Крепость мира — Москва! (А. Т. Твардовский 1947).

В этой группе контекстов выделяется класс “советских” понятий, появившихся во время и после революции 1917 года: *революция, Коммуна, динамо-индустрия*:

- (52) О мать революция! Не легка
Трехгранная откровенность штыка (Э. Г. Багрицкий 1929)
(53) Сын земли и сын деревни,
Для кого Коммуна — мать,
Чаши братства — тайны древней
Становым не разгадать! (Н. А. Клюев (1919)
(54) Тебя, любовница и мать,
Динамо-Индустрия,
Я не устану целовать,
Я не устану воспевать! (И. И. Садофьев 1919).

Есть и реалии класса «Предметы, созданные человеком», которые обозначаются словом *мать*: *изба, печь, водка*:

- (55) С Ржаного Синая багряным заветом
Связую молот и мать-избу (Н. А. Клюев 1921)
(56) Лишь на болоте к самой тверди
Труба взметнулась на дыбы,
И съехали от страха жерди
На крыше матери-избы! (С. А. Клычков 1925–1935)
(57) У матери-печи одно на уме:
Теплынь убережь да всхрапнуть в полутьме (Н. А. Клюев 1916)
(58) Что ж ты, водка-мать,
Сердца не прожгла? (С. М. Городецкий 1906).

Весь этот материал конкретизирует короткую строчку толкования: «О том, что является самым родным и близким».

Кроме того, на основании корпусных данных можно выделить очень значительную группу контекстов с общим значением ‘источник, причина’, которая в МАС не отмечена, хотя в других словарях в том или ином виде зафиксирована: ‘то, что является источником, давшим жизнь кому-чему-н., откуда черпают силу, энергию, жизненность’ (УШАКОВ 1935–1940), ‘Источ-

ник, начало чего-н., а также о том, что дорого, близко каждому' (ОЖЕГОВ–ШВЕДОВА 1992). В этой группе контекстов слово *мать* чаще всего обозначает отношение, связывающее отвлеченные понятия; подобные контексты более характерны для ранних литературных периодов:

- (59) И польза общая, Добра и Правды мать,
Советует дела по мере уважать (И. С. Барков 1763),
- (60) О истина! ты всех доброт прямая мать:
Не должно никогда тебя пренебрегать (В. И. Майков 1763),
- (62) Праздность, я слыхал, пороков мать;
Удаляюся от праздности (М. М. Херасков 1803)
- (63) И царит над нами скука,
Мать порока и греха (М. Лохвицкая 1896–1898),

изредка такие контексты встречаются и в современной поэзии:

- (64) И только Ему мы должны внимать.
А воля к спасенью – смиренья мать (И. А. Бродский 1964).

Слово *мать* с подобной трансформацией значения может обозначать отношение, связывающее не только отвлеченные понятия:

- (65) [борода] О прикраса золотая,
О прикраса даровая,
Мать дородства и умов,
Мать достатков и чинов (М. В. Ломоносов 1756–1757),
- (66) Зато, мать судорог и дочь невоздержанья,
Подагра твоего не посетит одра (А. Ф. Воейков 1807),
- (67) О сладких песней мать, певица битв священна,
О бардов лира вдохновенна! (Жуковский 1806)

В подобных контекстах метафоричность снижена, значение 'источник, причина' выступает на первый план, но она все же присутствует. Они также должны учитываться при описании переносных употреблений слова.

Так же подробно описать употребление каждого слова лексической группы "Родство" в рамках небольшой статьи не представляется возможным; ограничимся кратким обзором некоторых из них и общими замечаниями.

Отец: второй актант родственного отношения при первом актанте, выраженным обозначениями лица, наиболее часто представлен словом *стихи*, названиями литературных произведений:

- (68) О ты, певец богов,
Гомер, отец стихов,
Двойчатых, равных, стройных
И к пению пристойных! (И. Ф. Богданович 1775–1782),
- (69) Соперник Эврипида,
Эраты нежной друг,
Арьоста, Тасса внук —

- Скажу ль?...отец Кандида —
 Он всё; везде велик
 Единственный старик! (А. С. Пушкин 1814–1815)
- (70) Сонет говорит ему [Шекспиру]: “Я признаю
 Способности ваши, <...>
 Простите, отец мой, за мой скептицизм
 Сыновний, но сэръ, но милорд, мы – в трактире.
 Что мне в вашем круге? <...>” (Б. Л. Пастернак 1919),

названиями стран и словом *отечество*, обозначениями явлений общественной жизни: *свобода, революция*:

- (71) А отец свободы дикой
 На парчовой лежит койке
 И играет кистенем (В. В. Хлебников. Уструг Разина, 1921–1922),
- (72) Но, поросль нового поколения,
 Я большей чести себе не воздам,
 Чем гордость считаться родичем Ленина,
 Заменяв этой геральдикой чин:
 Он отец революции – я же ей сын (И. Л. Сельвинский 1927)

При обратном распределении актантов слово *отец* характеризует природные реалии: чаще всего *солнце*:

- (73) Кричу кирпичу, / слов иступленных вонзаю кинжал
 в неба распухшего мякоть:
 “Солнце! / Отец мой! / Сжался хоть ты и не мучай! (В. В. Маяковский 1913),
- (74) Отец мой солнце, я с тобой сегодня
 лицом к лицу
 к тебе влекусь любовней и свободней
 чем сын к отцу (А. С. Гингер 1917–1964),
- (75) Спасибо за игры вам, резвые рыбы,
 У тихих днепровских круч!
 Тебе,
 отец наш Солнце,
 спасибо
 За каждый горячий луч (Д. Л. Андреев 1955)

и, кроме того, *деревья, лес*:

- (76) Помогите мне, лес, отец родимый,
 Сил найти в глуши болот твоих.
 Чтобы я, душою нелюдимой
 Дикой воли таинство постиг (К. Эрберг 1918),
- (77) Пускай поплачет ива-мать,
 Отец — продроглый лысый тополь (Н. А. Клюев 1933).

В конструкциях, где оба актанта представлены обозначениями не-лиц, встречаются следующие слова: *океан – отец Земли*: «Мать Матерей, родимая

Земля, Отец Земли, лазурный Океан» (К. Д. Бальмонт 1914), *озеро – отец рек, год – отец часов и дней*.

Слова *мать* и *отец* образуют оппозицию по признаку “родной / неродной” со словами *мачеха* и *отчим*. Слово *мачеха* в поэтическом языке характеризует, в общем, те же реалии, что и слово *мать*, но актуализируется их враждебная или чужая человеку ипостась. Это судьба, жизнь, родина, природа, земля, названия городов и стран. Оппозиция *мать / мачеха* часто явно выражена в контексте:

- (78) Природа — мать!.. пожалуй, что и мать,
Но с сердцем мачехи... засмейся сразу,
И у меня наткнувшись на фразу!.. (Н. П. Огарев 1863),
- (79) Ой ты, земля помещичья!
Ты нам не мать, а мачеха
Теперь... (Н. А. Некрасов 1865–1877),

а иногда не выражена:

- (80) Мне мачехой Флоренция была,
Я пожелал покоиться в Равенне (Н. А. Заболоцкий 1958),
- (81) Жди: резкий ветер дунет в окорино
По скважинам громоздкого Берлина —
И грубый день взойдет из-за домов
Над мачехой российских городов (В. Ф. Ходасевич 1923).

Последний пример интересен тем, что он характеризует ситуацию эмиграции: в Берлине после революции поселились многие эмигранты из России, сменив мать городов русских на мачеху, приютившую их. Ситуацию эмиграции и тоже Берлин характеризует и слово *пасынок* (образующее такую же оппозицию со словом *сын*, как оппозиция *мачеха / мать*):

- (82) Как пасынки, вспомним чужбинную осень
Под дремные песни российской метели (Ю. А. Джанумов. “И вновь над Берлином сентябрьская просинь...”, 1925–1936).

У Бродского слова *пасынок* и *приемыш* участвуют в описании “смены Империи”:

- (83) Я, пасынок державы дикой
с разбитой мордой, другой, не менее великой,
приемыш гордый (1981)

Слово *отчим*, хотя и редко, но встречается в метафорическом употреблении, как и *мачеха*, обозначая жестокость и враждебность:

- (84) Газы, танки, винтовки,
Снаряды, снаряды, снаряды —
И золотые мешки.
Город — не отец, а отчим!
Войною распорот

Рабочим

Выматываешь кишки (А. Я. Дорогойченко 1920).

Слова *сестра* и *брат* в поэтическом языке чаще всего выражают идею всеобщего родства “на одной ступени, вровень”, в отличие от отношения “мать – сын, дочь”. В мировой культуре эта идея, выраженная этими словами, наиболее ярко воплощена в творчестве Франциска Ассизского, соответствующие реминисценции часто звучат в поэтических контекстах. В таких контекстах первый один из актантов – человек, другой – реалии живой и неживой природы: животные, растения (*сестра* – *береза, сосна, былинка, фиалка, елушка, братья* – *деревья, березы, сосны,*), *луна, вода, волна, река, заря, гора, звезда, метель, земля, пашина* (все эти реалии обозначаются словом *сестра*), *ветер, солнце, море, месяц* (*брат*). Кроме того, *сестра* – *смерть, жизнь, нищета, тоска, истина*, довольно часто повторяется в этой функции *песня*. Часто слово *сестра* встречается в контекстах, где обе реалии, метафорически связанные отношением родства, не принадлежат к категории “человек”. Сестрами могут быть несколько реалий, обозначенных одним словом, которые можно условно определить как «элементы в ряду подобных», например:

звезды:

- (85) Первая звездочка! будь обещанием
Счастливых дней!
<...>
Глянули сестры твои, светлоokie,
Вот здесь, вот там...
Звездочки! блески! — святые, далекие!
Я верю вам! (В. Я. Брюсов 1897)

пальцы:

- (86) О сестры, о нежные десять,
Две ласково дружных семьи (И. Ф. Анненский 1909),

болезни:

- (87) Флаги радужней радуг.
По солдату ходило
пять сестер лихорадок.
Сестрица чахотка
да сестрица чесотка (С. Кирсанов 1928),

деревья:

- (88) Видит — яблоня в белых созвездьях
Умирает на мокром песке.
И вступая в тяжелое лето,
Сестры нежно завидуют ей,
Отошедшей в закат средь рассвета

В бледно-розовом дыме ветвей (Б. Ю. Поплавский 1930),

пчелы:

- (89) Пчелы — бесполое сестры —
Лепят затейливый дом (А. А. Штейнберг 1944) и т. д.

Сестрами могут быть и реалии, обозначаемые разными словами: *любовь* – *сестра Надежды*, *Надежда* – *сестра Фантазии*, *надежда* – *сестра несчастья*, *война* – *сестра голода*, *чума* – *сестра голода*, *фантазия* – *сестра снов*, *горячка* – *сестра смерти*, *любовь* – *сестра дружбы*, *хандра* – *сестра любви*, *поэзия* – *сестра молитвы*, *поэзия* – *сестра души*, *поэзия* – *сестра музыки*, *красота* – *сестра истины*, *сестры жизнь и смерть*, *тяжесть и нежность*, *гордость и робость* и т. д. Часто сестрами называются страны: *Польша и Россия*, *Греция и Сербия*, регионы: *Сибирь* – *сестра Урала*.

Слово *брат* (*братья*) характеризует реки, горы и деревья. Кроме того, братские отношения часто связывают солнце и другие реалии: *огонь* – *брат солнца*, *месяц* – *брат солнца*, *море* – *брат солнца*, *сердце* – *брат солнца*.

Слова *вдова* и *сирота* не имеют реляционного значения, они характеризуют ситуации потери, одиночества, например страна, потерявшая правителя, – *вдова*, покинутая земля, пашня, борозда – *вдова*, *сирота*, в войну земля – *вдова солдата*, книга – *сирота* после смерти владельца. Слова *вдова* и *сирота* могут употребляться при характеристике различных реалий по общему впечатлению, производимому ими (печаль и одиночество), при этом они часто сопровождаются определениями *убогая*, *обездоленная*, *сирая*, *скорбная*. Это могут быть одиноко растущие растения, из времен года – *осень*:

- (90) А осень, скорбная и пьяная вдовица,
подкованным тяжелым сапогом
мне по-мужицки хочет в грудь вдавиться,
и затоптать, и след прихлопнуть батоном (С. В. Петров 1941),

может быть печально выглядящее жильё:

- (91) Лес понижал и посерел
В колонне первой дождевой.
И хутор скорбно присмирел
И стал заплаканной вдовой (В. Нарбут 1909)

Невеста в поэтическом языке – чаще всего смерть:

- (92) Прощая жизни смех злорадный
И оболщенья звонких слов,
Я ухожу в долину снов,
К моей невесте беспощадной.
Она о муках говорит,
Ее чертоги — место пыток (Ф. К. Сологуб 1896),

- (93) О Матерь-Твердь! Невеста-Смерть! Прейду
И я порог, и вспомню, вспоминая (В. И. Иванов 1909)
- (94) Иль не стало в нашей стране
Сыновьям нашим должного места,
Что мы отдали их войне
И дали им смерть в невесты? (Е. Г. Полонская 1919)

Слово *невеста* называет также природу и природные реалии: землю, деревья, звезду, при этом актуализируется внешнее сходство, чаще всего белый подвенечный наряд. Кроме того, повторяются контексты, в которых слово *невеста* применяется к России.

Свекровь и *теща* в метафорическом употреблении несут отрицательные коннотации:

- (95) Покорилась ли ты злой свекрови-судьбе,
Или хочешь вздохнуть белой грудью вольней? .. (Л. Н. Трефолов 1894)
- (96) Ты, Рассея, Рассея-теща,
Насолила ты лихо во щи,
Намаслила кровушкой кашу —
Насытишь утробу нашу! (Н. А. Клюев 1926).

Свои особенности имеют и метафорические употребления слов *дед* и *внук*, *близнец* и *первенец*, *сын* и *дочь*, *жена*, *супруг*, *родитель*, *родственник*.

При анализе метафорических контекстов с терминами родства, выбранных из НКРЯ, были выделены следующие семантические классы реалий, являющихся актантами родственного отношения (кроме класса «человек»): «Время»: *век, время, эпоха, год, час, день*, «Времена года»: *зима, осень, весна*, «Части суток»: *ночь, полночь, день*, «Интеллект»: *идея, дума, мечта*, «Душа», «Физические состояния»: *озноб, мигрень, бессонница, подагра, голод*, «Части тела»: *желудок, пальцы, косы, волосы, слезы*, «Эмоции, внутренние состояния»: *скука, тоска, хандра, печаль, кручина, злоба, зависть, любовь, радость, надежда, нежность*, «Языковые явления»: *стихи, песня, поэзия, словесность*, «Отвлеченные понятия»: *воля, истина, слава, добродетель, вера, правда, роскошь, нега, опыт* и т. д., «Социальный план человека»: *история, революция, коммуна, политика, торговля, промышленность, семья, свобода, самодержавие, война, труд*, «Город»: *город* и названия городов, «Страна, регион»: *страна* и названия стран, *Север, Юг, Сибирь* и т. д., «Предметы, созданные человеком», в том числе «Строения»: *дом, изба, хата, хутор, завод*, «Предметы быта»: *печь, соха*, «Оружие»: *ружье, пушка, сабля, винтовка*, «Музыкальные инструменты»: *лира, гитара, дудка, баян, тальянка*, «Средства передвижения»: *корабль, самолет, паровоз*, «Природа»: *природа, мир, вселенная, небо*, «Атмосферные явления»: *ветер, буря, вьюга, поземок; облака*, «Водные объекты»: *река* и названия рек, *море, океан, водопад, ключ, волна, капля*; «Животные», «Жизнь, смерть, судьба», «Растения», «Земля»: *земля, пустыня, степь, тайга, гора* и названия гор, *почва, пашня, борозда, полоса*, «Светила»: *солнце, луна, месяц, звезды*. М. А. Журинская в работе, посвященной именам релятивной семантики, в которой

рассматриваются в том числе и поэтические контексты, отмечает следующие разряды объектов, которые покрывает “область референции имен родства в поэтических текстах”: “страны, народы, растения, чувства и психические состояния” (ЖУРИНСКАЯ 1979: 252). Наше исследование дало гораздо более обширный список.

Данные поэтического языка могут использоваться лексикографами при описании значений слов лексической группы “Родство”. В то же время они предоставляют материал для исследования русской метафорической картины мира.

Словари

- МАС 1957–1961 = ЕВГЕНЬЕВА А. П. (ред.) *Словарь русского языка*: В 4-х т. Ин-т русского языка АН СССР. Москва: «Гос. изд-во иностранных и национальных словарей», 1957–1961.
- МАС 1999 = ЕВГЕНЬЕВА А. П. (ред.) *Словарь русского языка*: В 4-х т. Ин-т лингвистических исследований РАН. Издание 4-е, стереотип. Москва: «Русский язык»; «Полиграфресурсы», 1999.
- ОЖЕГОВ–ШВЕДОВА 1992 = ОЖЕГОВ С. И., ШВЕДОВА Н. Ю. *Толковый словарь русского языка*. Москва: «АЗЪ», 1992.
- УШАКОВ 1935–1940 = УШАКОВ Д. Н. *Толковый словарь русского языка*. Москва: «Советская энциклопедия: ОГИЗ», 1935–1940.

Литература

- АЛГЕБРА РОДСТВА 2012 = *Алгебра родства. Родство. Системы родства. Системы терминов родства*. Вып. 13. Санкт-Петербург: «МАЭ РАН», 2012.
- АХМЕТОВА 2012 = АХМЕТОВА М. В. Города как родственники (об одном типе метафорического употребления терминов родства в русском языке). *Алгебра родства. Родство. Системы родства. Системы терминов родства*. Вып. 13. Санкт-Петербург: «МАЭ РАН», 2012: 111–147.
- БЕРЕЗОВИЧ 2011 = БЕРЕЗОВИЧ Е. Л. Метафорические значения терминов родства в славянских языках. *Известия РАН. Серия литературы и языка*. 2011. Т. 70. №3: 3–12.
- ЖУРИНСКАЯ 1979 = ЖУРИНСКАЯ М. А. Об именах релятивной семантики в системе языка. *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*. 1979. Т. 38. №3: 249–260.
- КАТЕГОРИЯ РОДСТВА 2011 = *Категория родства в языке и культуре*. Москва: «Институт славяноведения», 2009.
- КАЧИНСКАЯ 2011 = КАЧИНСКАЯ И. Б. *Термины родства и языковая картина мира (по материалам архангельских говоров)*. Дис. ... канд. филол. наук. Москва. 2011.
- ФИРSOVA 2011 = ФИРСОВА И. М. “Шуринов племянник, какая зятю родня?”. *Русская речь*. 2011/6: 72–75.

Источники

НКРЯ = *Национальный корпус русского языка*. <http://www.ruscorpora.ru>.

Н. П. ПЕШКОВА

**«Денотативная» и «смысловая» экспрессивность
лексических средств текста: аспект восприятия**

**“Denotative” and “Sense” Expressiveness
of Lexical Means in the Text: Aspect of Perception**

Abstract: the article is devoted to the investigation of the expressiveness of lexical means in the text from the viewpoint of text addressee comprehension. The analysis given in the paper demonstrates that recipients retrieve from the text content their personal sense in the form of different associations, emotional estimations and opinions.

Keywords: expressiveness, lexical means, perception, comprehension, text sense.

В настоящей статье мы предполагаем обсудить проблему экспрессивности лексических средств текста в русле психолингвистического подхода.

Как известно, в основе многих современных концепций экспрессивности лежит «аффективная теория» стилистики Ш. Балли, в соответствии с которой все характеристики языковых единиц делятся на две группы в зависимости от их логической или эмоциональной доминанты. В начале прошлого века автор «аффективной теории» наметил и пути в изучении экспрессивности в языке и речи: от языковых средств к их реализации в тексте; и от текста к выявлению экспрессивно окрашенных средств, реализующихся в конкретном контексте (БАЛЛИ 1961: 5-7).

Сегодня понятие экспрессивности в классическом представлении, закреплённом в *Лингвистическом энциклопедическом словаре* (ЛЭС), включает в себя:

«совокупность всех признаков лексической единицы (языка или речи), обеспечивающих ее способность выступать в коммуникативном акте в качестве средства субъективного выражения отношения автора к содержанию или адресату сообщения» (ЛЭС 1990: 591).

Нельзя не заметить связи категории экспрессивности как одного из свойств языковой единицы с категорией эмоциональной оценки и, в целом, с выражением эмоций человека. При этом взаимоотношения экспрессивного и эмоционального можно рассматривать по-разному – либо разделять их, либо отождествлять.

Мы полагаем, что понятие экспрессивности в языке является более широким, по сравнению с понятием эмотивности. Здесь следует также

оговорить, что для нас эмоциональность связана с психологическим состоянием личности или с ее индивидуальной характеристикой; в то время как эмотивность является лингвистической характеристикой текста как совокупности языковых средств, способных произвести эмоциональный эффект, вызвать у реципиента определенные эмоции.

По нашему мнению, единицы языка и речи, обладающие эмотивностью, служат для выражения чувств человека, в то время как экспрессивные языковые единицы выполняют функцию усиления выразительности и при выражении эмоций, и при выражении мысли. Иными словами, экспрессия в языке может пронизывать и эмоциональное, и интеллектуальное.

Анализ современных дефиниций экспрессивности показывает, что экспрессивность языковых средств, в целом, и лексических средств текста, в частности, традиционно рассматривают с позиции автора текста.

В своем исследовании мы предприняли попытку изучения экспрессивности лексических средств, создающих внешнюю форму текста, с позиции его понимания адресатом. Рассматривая явление экспрессивности в тексте в русле психолингвистики, мы полагаем, что и ее семантическая сущность, и функциональный аспект реализуются только в процессе «жизненного цикла» текста, включающего такие звенья, как: «порождение-текст-понимание» или «замысел-текст-смысл» (ПЕШКОВА 2015: 10).

Нужно отметить, что из современных теорий экспрессивности нашим представлениям наиболее близка концепция В. А. Масловой, выделившей четыре вида экспрессивности, в том числе, «фактологическую экспрессивность», возникающую в результате взаимоотношения текста и его автора с окружающим миром. В этом случае экспрессивный эффект создается ситуациями и предметами реального мира, отображенными в содержании текста. Этот вид экспрессивности не зависит от формы и качества языковых единиц, составляющих текст, здесь важна его содержательная сторона (МАСЛОВА 1997: 17).

Подобную экспрессивность мы называем «содержательной» или «денотативной» экспрессивностью, опираясь на определения денотата как единицы содержания текста и его денотатной структуры, введенное А. И. Новиковым (НОВИКОВ 1983: 105–106). Содержание текста, как известно, представляет собой модель определенного фрагмента действительности, реальной или абстрактной, придуманной автором и существующей только в его воображении. Наши экспериментальные исследования свидетельствуют о том, что многие факты действительности вызывают у реципиента сообщения индивидуальные переживания сами по себе, независимо от языковых лексических средств и от воли автора, а порой и вопреки ей, обеспечивая экспрессивный эффект при восприятии текста.

Этот вид экспрессивности обусловлен наличием в нашем мире таких явлений и событий, сущность которых имеет «воздействующий» характер, побуждающий к переживаниям и сопереживаниям разного характера. К ним относятся войны, насильственные действия, террористические акты, убийства, а также и события позитивного характера: сенсационные открытия

в науке, достижения в искусстве и т. п. Мы полагаем, что это и есть «денотативная» экспрессивность лексических средств текста, универсальная для обыденного сознания его реципиентов.

Нельзя не отметить, что и информация, отнюдь не сенсационная, но представляющая интерес для определенной группы реципиентов или имеющая индивидуальную значимость, может также характеризоваться эффектом экспрессивности, при этом провоцируя самые различные формы переживания реципиента – от удовлетворения до неприятия и отторжения информации. В этом случае мы имеем дело с еще одним видом экспрессивности, связанным с индивидуальными смыслами. Такие смыслы могут либо извлекаться из содержания текста, либо приписываться ему вербальным сознанием реципиента. Этот вид экспрессивности мы обозначили термином «смысловая» экспрессивность.

Такая экспрессивность имеет опосредованное отношение к содержанию текста через вербальное сознание автора или адресатов, для которых та или иная информация может приобретать свой особый смысл в определенной ситуации. «Смысловая» экспрессивность текста, как правило, носит ситуативный характер. Здесь можно отметить, что информационная теория эмоций П. В. Симонова, разработанная на основе нейрофизиологических исследований, приписывает ситуационный характер переживаниям любого типа (СИМОНОВ 1970: 117).

Выделяемая нами «смысловая» экспрессивность соотносится с двумя видами экспрессивности, упоминаемыми в работе В. А. Масловой. По представлениям этого исследователя, особый вид экспрессивности создается в результате взаимодействия автора и текста. Автор выбирает один вариант содержания из множества возможных, прогнозирует ожидания реципиентов, отбирает конкретные лексические и синтаксические средства для достижения своей цели. Предпочтения, которые он оказывает тем или иным языковым средствам и приемам организации своего текста, представляют собой субъективный фактор. Автор присутствует в текстах любого типа, в том числе, научных и деловых.

В основе еще одного типа экспрессивности, по мнению В. А. Масловой, лежат отношения текста с его адресатом. При восприятии текста реципиентом происходит сложное взаимодействие его вербального сознания, индивидуальных качеств, предшествующего опыта и знаний с информацией, поступающей от разных уровней внешней, языковой, структуры текста, а также от его внутренней, содержательно-смысловой, структуры.

Мы убеждены, что наиболее эффективным инструментом исследования данного типа экспрессивности является психолингвистический эксперимент. Можно было бы сказать, что все тексты потенциально обладают экспрессивностью данного типа. Хотя, строго говоря, такого рода экспрессивность есть принадлежность не столько самого текста, сколько сознания реципиента. Здесь уместно вспомнить определение смысла, приводимое в исследованиях А. И. Новикова, как проекции сознания реципиента на содержание воспринимаемого им содержания текста (НОВИКОВ 2002: 177).

Мы разделяем точку зрения, согласно которой:

«...восприятие, казалось бы, сугубо когнитивной информации тоже сопровождается сложной чувственной «мелодией»: нарастанием напряжения при недопонимании, скуки и нетерпения ...интереса, и удивления, сомнения и т. п.» (ВИЛЮНАС 2006: 378).

В экспериментальных исследованиях с использованием метода «встречного текста», разработанного А.И. Новиковым (НОВИКОВ 2003: 64–76), мы подтверждаем гипотезу о том, что не всегда имеется прямая зависимость между использованными автором экспрессивными языковыми средствами и экспрессивным эффектом, переживаемым адресатом (ПЕШКОВА 2007: 203–210).

Анализ индивидуальных реакций реципиентов, составляющих «встречный» текст в процессе понимания текста-оригинала, выявляет разные формы вербализованной «проекции» индивидуального сознания реципиента на одно и то же содержание текста. При восприятии информации испытуемые извлекают из содержания сообщения разнообразные личностные смыслы, вербализуя их в виде ассоциаций, эмоциональных оценок, мнений. Под влиянием общей «денотативной» экспрессивности прочитанного текста участники эксперимента порождают цепочки индивидуальной «смысловой» экспрессивности, выстраивая свои собственные «контртексты», или «встречные» тексты.

В настоящей статье мы проанализируем более подробно некоторые результаты нашей работы, а также данные исследований, осуществленных ранее под нашим руководством и посвященных изучению восприятия лексики русскоязычных юридических текстов (ВАХИТОВА 2007: 3–29); (ВАХИТОВА 2016: 5–58).

Отметим, что в упоминаемом экспериментальном исследовании приняли участие более 100 испытуемых с высшим и незаконченным высшим образованием, гуманитарным, техническим и юридическим.

На основе денотативного анализа, проведенного по методике А. И. Новикова (НОВИКОВ 1983: 127–146), в текстах, заимствованных из российских юридических журналов, таких как «Международное публичное и частное право», «Мировой судья», а также из Уголовного кодекса РФ, были выделены слова-носители денотативной экспрессивности. Среди них наиболее частотными стали следующие: убийство – частотность 83%, закон – частотность 70%, преступление – частотность 60%, обвиняемый – частотность 56%, суд – частотность 47%, уголовный – частотность 43% (ВАХИТОВА 2007: 3–29).

В задачу испытуемых входило: прочитать предложенные им сообщения и написать все возможные ассоциации на выделенные в тексте слова. Следует заметить, что выделенные слова-носители денотативной экспрессивности каждого следующего текста не повторяли слов текста предыдущего.

Результаты эксперимента показывают, что специальная лексика из текстов юридической литературы, включающая такие частотные слова (нейтральные для данного типа текстов), как: *суд, закон, преступление,*

арест, уже одним своим присутствием вызывают индивидуальные реакции эмоционального характера у реципиентов, профессиональная деятельность которых не связана с юриспруденцией. Иными словами, у испытуемых, не имеющих отношения к юридической сфере в профессиональной деятельности, подобные слова способствовали созданию экспрессивного эффекта при восприятии текстовой информации.

В то же время у юристов подобная лексика острых переживаний не вызывала. Отсутствие остроты восприятия, видимо, можно объяснить тем, что для специалиста выделенные лексические единицы передают реальность, связанную с рутинной и с повседневной работой.

Можно привести следующие примеры ассоциаций на частотные слова: *закон*, *судебный*, *арестованный*, полученных как от испытуемых, не связанных с юридическими специальностями, так и от юристов.

- (1) *Закон* – ‘жесткость, справедливость, главная бумага, суровый’ (испытуемые, не связанные с юридическими специальностями); *закон* – ‘порядок, конституция, свод статей’ (испытуемые–юристы).
- (2) *Судебный* – ‘страх, злобный, холодный’ (испытуемые, не связанные с юридическими специальностями); *судебный* – ‘иск, исполнитель, приговор’ (испытуемые–юристы).
- (3) *Арестованный* – ‘репрессии, грустные глаза, печаль’ (испытуемые, не связанные с юридическими специальностями); *арестованный* – ‘СИЗО, заключенный, суд’ (испытуемые–юристы).

Мы осуществили количественный и качественный анализ результатов, а также сравнительно-сопоставительное изучение ассоциаций, полученных от испытуемых, с данными *Ассоциативного словаря русского языка* (РАС 2002) по наиболее частотным из выделенных слов, вызывающих экспрессивный эффект.

Отметим, что наибольший интерес для нас представляет качественный анализ данных, связанных со «смысловой» экспрессивностью, вербализованной испытуемыми в форме свободных ассоциативных реакций.

Как и можно было предположить, в результате анализа наряду со стереотипными ассоциациями, представленными в *Ассоциативном словаре русского языка*, были выявлены и сугубо индивидуальные «экспрессивные смыслы», извлеченные реципиентами из слов как нейтральных, так и создающих общую «денотативную» экспрессивность, заложенную автором в содержание того или иного текста.

Одним из результатов анализа экспериментальных данных стало подтверждение предположения о том, что смысловая экспрессивность, возникающая в сознании реципиентов в виде ассоциаций на слова-носители денотативной экспрессивности, является доминирующей в процессе восприятия текстов юридической литературы, в особой степени для реципиентов не специалистов в данной области.

Как показывает анализ экспериментальных данных, этот тип внутренней экспрессивности постоянно сопровождает процесс восприятия

информации, независимо от наличия или отсутствия экспрессивности внешней, выраженной специальными лексическими средствами.

Ниже мы приводим выявленные нами наиболее частотные (с пометкой частотности в процентах) слова-носители денотативной экспрессивности текстов, предъявленных испытуемым, а также индивидуальные смысловые реакции на них, демонстрируемые участниками наших экспериментов, в том числе, и не связанными с юридическими специальностями.

- (4) *убийство* (85%) – ‘смерть, казнь, мерзость, расстрел, лишение жизни, хладнокровное, в состоянии аффекта, труп, кровавое, тяжкое преступление, страх, кровь, злостное преступление, грех, жестокость, срок, решетка, умерщвление, зло’;
- (4) *закон* (72%) – ‘порядок, конституция, свод статей, суд, правила жизнедеятельности, кодекс, справедливость, главная бумага, жесткость’;
- (5) *арестованный* (65%) – ‘несвободный, заключенный, преступник, обвиненный в совершении преступления, наручники, решетка, грустные глаза, разговор, следствие, товар, задержанный, тюрьма, обвинение, СИЗО, репрессия’;
- (6) *суд* (63%) – ‘закон, Фемида, честный, Ваша честь, справедливый, мантия, зал заседания, молоток, печать’;
- (7) *преступление* (61%) – ‘наказание, горе, суд, проступок, Фемида, особо тяжкое, совершение, незаконное действие, против закона, противозаконный поступок, зло, нарушение, закон, плохо, правоохранительные органы, казнь, насилие, противозаконный поступок’;
- (8) *виновность* (57%) – ‘алиби, расплата, наказание, правосудие, совершение преступления, авторство содеянного поступка, обвинение, адвокат, доказать, следователь’;
- (9) *уголовный* (48%) – ‘процесс, кодекс, дело, розыск, под следствием, преступник, криминалитет’;
- (10) *жертва* (45%) – ‘бессильная, обстоятельство, страдающая, угроза, потерпевший, потенциальная, покушения, безвинная, насилия’.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что результаты психолингвистических исследований экспрессивности текста любого типа совпадают с данными современной нейрофизиологии и психологии относительно того, что процесс понимания и осмысления «когнитивной информации» всегда сопровождается некоторым «переживанием», общим для определенной группы адресатов, и индивидуальным, присущим отдельному реципиенту. Подобное индивидуальное «переживание» воспринимаемой информации лежит в основе механизма, создающего эффект экспрессивности всего текста в процессах его понимания.

Словари

- ЛЭС 1990 = ЯРЦЕВА В. Н. (ред.) *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва: «Советская Энциклопедия», 1990.
- РАС 2002 = КАРАУЛОВ Ю. Н., ЧЕРКАСОВА Г. А., УФИМЦЕВА Н. В., СОРОКИН Ю. А., ТАРАСОВ Е. Ф. *Русский ассоциативный словарь*. Москва: «АСТ-АСТРЕЛЬ», 2002.

Литература

- БАЛЛИ 1961 = БАЛЛИ Ш. *Французская стилистика*. Москва: «Иностранная литература», 1961.
- ВАХИТОВА 2007 = ВАХИТОВА Г. В. *Способы передачи внутренней экспрессивности текста (на материале юридической литературы на русском и английском языках)*: Автореф. Дис..... канд. филол. наук. Уфа. 2007.
- ВАХИТОВА 2016 = ВАХИТОВА Г. В. *Экспрессивность юридического текста (на материале юридической литературы на русском и английском языках)*. Уфа: «РИЦ БашГУ», 2016.
- ВИЛЮНАС 2006 = ВИЛЮНАС В. К. *Психология развития мотивации*. Санкт Петербург: «Речь», 2006.
- МАСЛОВА 1997 = МАСЛОВА В. А. *Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста*. Минск: «Высшая школа», 1997.
- НОВИКОВ 1983 = НОВИКОВ А. И. *Семантика текста и ее формализация*. Москва: «Наука», 1983.
- НОВИКОВ 2002 = НОВИКОВ А. И. Доминантность и транспозиция в процессе осмысления текста. В кн.: *Проблемы прикладной лингвистики*. Москва: «Институт языкознания РАН», 2002: 155–180.
- НОВИКОВ 2003 = НОВИКОВ А. И. Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания. *Вопросы психолингвистики* 2003/1: 64–76.
- ПЕШКОВА 2007 = ПЕШКОВА Н. П. Психолингвистические аспекты исследования экспрессивности в научном тексте. *Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты*. Вестник МГЛУ. Серия «Лингвистика». 2007/541: 203–210.
- ПЕШКОВА 2015 = ПЕШКОВА Н. П. *Типология научного текста: психолингвистический аспект (на материале научных, научно-популярных, технических текстов)*. Уфа: «РИЦ БашГУ», 2015.
- СИМОНОВ 1970 = СИМОНОВ П. В. *Теория отражения и психофизиология эмоций*. Москва: «Наука», 1970.

Т. В. РОМАНОВА

Слово по данным ассоциативного эксперимента

A word on the basis of associative experiment data

Abstract: Associative organization is one of the models of knowledge storage in the memory of a person. In the course of our free associative experiment, a group of respondents was asked to respond to the given stimulus word. The received reactions to the word-stimulus clarify the relevance of different meanings of a multi-valued word for the lexicographer, the typical spheres of its use, frequency connections, allow us to reconstruct the semantic structure of the word. An associative article fixing reactions has not only a structural lexicographic, but also an ontological status. Its data can be used in medicine, cultural studies. The aim of our research is to characterize the format of knowledge, which represents the structure of the linguistic cultural thesaurus.

Keywords: stimulus word, associative reaction, the way of specifying the meaning.

Ассоциативная организация связей – одна из моделей хранения знаний в памяти человека. В ходе нашего свободного ассоциативного эксперимента группе респондентов предлагалось реагировать на предоставленное слово-стимул (*советский/постсоветский* и др.) первой возникшей в сознании ассоциацией или несколькими реакциями. Полученные реакции на слово-стимул проясняют для лексикографа актуальность разных значений многозначного слова, типовые сферы его употребления, частотные связи, позволяют реконструировать семантическую структуру слова. Слова-реакции содержат и паралингвистическую информацию о жестах, мимике, интонации, ассоциирующихся со словом; культурологическую информацию, прецедентные феномены, актуальные культурные метафоры. Поэтому ассоциативная статья, фиксирующая реакции, имеет не только структурно-лексикографический, но и онтологический статус; ее данные можно использовать в медицине, культурологии (например, при реконструкции историко-культурного типа личности).

Смысл нашего исследования заключался в том, чтобы охарактеризовать формат знания, который репрезентирует устройство лингвокультурного тезауруса, представляющего собой ядро, основу русской языковой картины мира.

1. Проблема формата знания в когнитивной лингвистике

Языковое сознание интегрирует знание языка и знания о мире. Данная связь воспринимается носителями языка как естественная часть языкового механизма. Эта корреляция отражается в разных форматах знания, под которыми понимается «определенная форма или способ представления знаний на мыслительном или языковом уровнях, осмысление мира в языке» (БОЛДЫРЕВ 2009: 58).

Термин формат знания широко используется в рамках когнитивного подхода к описанию языка (ЛАКОФФ 1995; МИНСКИЙ 1979; ROSEN 1978 и др.) Согласно Е. С. Кубряковой, данное понятие должно было сформироваться в когнитивных исследованиях, так как структуры представления знания различаются по своему объему, форме и цели (КУБРЯКОВА 1996: 93).

Н. Н. Болдырев предлагает рассматривать единицы знания (когнемы) с точки зрения структуры и с точки зрения содержания. По структуре Н. Н. Болдыревым выделяются концептуально-простые (перечень характеристик) и концептуально-сложные (структурированные) форматы знания. Первая группа включает в себя конкретно-чувственный образ, схему, представление, понятие и прототип. Ко второй группе можно отнести пропозицию, фрейм, сценарий, гештальт, категорию и матрицу (БОЛДЫРЕВ 2009).

Ясно, что репрезентация разных типов знания требует разработки и применения различных методов анализа и что перечень типов форматов знания открыт.

2. Ассоциативная статья как формат знания

С этой точки зрения продуктивными являются исследования в рамках когнитивного подхода к языку, проведенные Ю. Н. Карауловым и Ю. Н. Филипповичем (КАРАУЛОВ–ФИЛИППОВИЧ: 2009). Авторами была предпринята попытка смоделировать работу языкового сознания, используя ассоциативно-вербальное поле. В своей работе Ю. Н. Караулов и Ю. Н. Филиппович опирались на когнемную модель представления знания. Задачей исследования было запрограммировать процессы осознания в когнайзере. В качестве представления данных исследователями была выбрана графовая модель, где вершинами являлись единицы языка, то есть стимулы и реакции, а в качестве дуг выступали отношения между этими единицами, выявленные в ходе эксперимента. Результатом исследования были цепочки, которые представляли собой связь одной языковой единицы с другой, что и является моделью процесса осознания.

Когнитивный ассоциативный эксперимент моделирует активный режим работы языкового сознания (от знака к смыслу). Результаты эксперимента отражаются в ассоциативной словарной статье, отличие которой от статьи традиционного лексикографического источника заключается в следующем: «Исходным материалом является не языковая семантика, а языковое сознание, складывающееся из стандартно организованных элементарных единиц

знаний о мире, присущих носителю языка» (КАРАУЛОВ–ФИЛИППОВИЧ 2009: 19).

Проанализированный и классифицированный определенным образом экспериментальный материал позволяет установить крупные единицы когнитивного плана – концепты, из которых путем их самоорганизации (внутреннее структурирование “вглубь” каждого концепта и установление внешних связей между ними) и формируется устройство лингвокультурного тезауруса, представляющего собой ядро, основу русской языковой картины мира (<http://thesaurus.ru>).

Словарная статья тезауруса в идеале должна строиться как национально и культурно ориентированное описание каждого концепта, как наполнение каждой концептуальной зоны элементарными когнитивными единицами (фигурами знания) и соответствующими словами-знаками (КАРАУЛОВ–ФИЛИППОВИЧ 2009). Результатом является когнайзер – когнемная модель вербального сознания. Под когнемой понимается фигура знания, представляющая собой постоянно текущий динамичный процесс взаимодействия пяти параметров: смысл – способ – слово (знак) – область – функция (КАРАУЛОВ–ФИЛИППОВИЧ 2009).

3. Структура когнемы

Способы задания и расшифровки смысла подразделяются на несколько групп: лингвистические (афоризм, аббревиатура, антоним, внутренняя форма слова, гипоним, гипероним, литота, метафора, оксюморон, омоним, пароним, перифраза, поговорка, полисемия, пословица, рифма, синоним, словосочетание, смена кода, фразеологизм); логические (ассоциации, дескрипции, дефиниция, импликация, множество, предикат, пропозиция, сравнение, суждение, фрейм); способы визуальной модальности (жест, образ, символ); фактологические (прецедентный текст, непрецедентный текст, имя автора, название произведения, персонаж, художественная деталь, событие, деталь биографии, цитата, топоним, псевдоним); научные (термин, формула) (КАРАУЛОВ–ФИЛИППОВИЧ 2009).

Референтная область знаменует *когнитивный* переход от элементарных фигур на более высокий уровень знаний, к единицам языковой картины мира.

С точки зрения относительной ценности единиц знания принято различать два их типа – знание-рецепт и знание-ретушь (WETTLER 1980) (термины были использованы немецким психологом применительно к когнитивному анализу текста). Первый тип несет существенное, важное, основное, с точки зрения понимания содержания текста и его воздействия, знание. Второе же, т. е. знание-ретушь, сообщает второстепенные, необязательные, фоновые сведения, которые при анализе текста, например, по ключевым словам, могут свертываться, опускаться, не учитываться. При определении функции знания, «основного» или «вспомогательного» используются термины рецепт и ретушь соответственно.

4. Описание ассоциативного эксперимента со словами-стимулами *советский / постсоветский* и анализ его результатов

В ходе исследования были составлены ассоциативные статьи на слова-стимулы *советский / постсоветский* по примеру РАС. Респонденты, принявшие участие в эксперименте – преподаватели русского языка Молдовы (76 чел.).

Постсоветский: пространство **7**; детство, перестройка, разруха, трудный **3**; бедный, ностальгия, прошлое, развал, разруха, разрыв, сегодняшний, совок, СССР, ушедший, хаос, что-то далекое **2**; автономия республик, бардак, барды, беднота, безвозвратно утерянный, беспорядок, беспредельный, близкий, боязнь, братство, бывший, былое, в прошлом, вопрос языка, вражда, все вместе, все люди братья, выбор, выживание, гармония, гордость, государство, движение, деградация, демократичный, демократия, дефицит, друзья, единение, единство, изменения в обществе, капитализм, крах, кризис, кто во что горазд, Лимонов, лучшее, масса положительного, мрачный, наглый, национальность, не совсем понятный, недоумение, независимость, ненастный, неразвитый, неуверенность, неустоявшаяся, низкий уровень культуры, низкий, новые границы новые технологии, новые, норма, нравственный кризис, нулевая система ценностей, одиночество, опустошенный, перестройка сознания, поиски себя, потери, потеря родины, правильное, проблемы, прошедшее, разброд, развал Союза, развал союза, разлад, разногласия, разочарование, растерянность, растерянный, реальность, революция нравов, республика, реформы, самопознание, самосознание, свобода, свободный, свое место, связи, семья, смена деятельности, СНГ, спокойствие, старый режим, страны после распада СССР, требует привыкания, тревога, трудности общения, тяжелый, убогий, удовлетворение, ужас, упадок, упущенные возможности, уродливый, хорошее, «чемодан, вокзал, Россия», честное, чужой, этап, юность **1**; *149, 123, 9, 106*

Советский: паспорт **4**; детство, прошлое, человек **2**; Ахматова, близкий, был, доброта, другая литература, дружба, забытый, комсомол, молодость, мощь, народ, нищета, ностальгический, ностальгия, одинаковый, орнамент, очереди, Пастернак, понятный, правильный, революция, Сахаров, слово уходит из жизни, союз, старый, строй; то, что в прошлом; товарищ, уверенность в завтрашнем дне, уверенность, учитель, хороший, Шариков, юность **1**; *44, 38, 3, 34*

Для каждой полученной единицы знания были определены способ задания смысла, референтная область и функция. Далее подсчитывалась абсолютная и относительная частота для каждого способа и области.

В обеих статьях наиболее частотными способами задания смысла стали ассоциация, дескрипция, деталь биографии, словосочетание, суждение. Например, ассоциативные реакции на стимул **советский** – *Ахматова, другая литература, очереди, Пастернак, революция, Сахаров, товарищ*. Как мы видим, чаще всего реакции, образованные способом ассоциация, представляют собой наименование известного лица или символ определенного периода времени, истории. Единицы знания **советский** – *другая литература,*

советский – очереди, **советский** – товарищ, **советский** – революция являются характерными признаками периода, поэтому объективируют представление как формат знания. В совокупности эти представления, по причине своей стереотипности, формируют фреймовую концептуальную структуру. Вершинными узлами являются те единицы, функция которых – рецепт (основное, обязательное знание), слотами – ретушь (периферийное знание). Слово *товарищ* – социальная форма обращения, актуализированная в советское время. Пары **советский** – Ахматова, **советский** – Пастернак, **советский** – Сахаров формируют категорию «известные люди советского времени» и выступают ее прототипами.

Слово-стимул **постсоветский** дает следующие реакции посредством способа ассоциация: *автономия республик, барды, братство, выбор, гордость, единство, капитализм, Лимонов, национальность, недоумение, норма, республика, реформы, самосознание, СНГ, страны после распада СССР, удовлетворение*. Слово *постсоветский* вызывает в сознании носителей языка смыслы, с одной стороны, из сферы политики, государственной деятельности, с другой стороны, из сферы человеческих отношений и переживаний. Однако ядерными знаниями здесь являются только те, которые относятся к политической сфере. Каждая единица знания со стимулом *постсоветский* и реакциями *автономия республик, капитализм, национальность, республика, реформы, СНГ, страны после распада СССР* имеет формат представления, так как они являются характерными чертами периода. В совокупности они образуют фреймовый формат, где вершинные узлы – *автономия республик, республика, реформы, СНГ* –, а слоты – *самосознание, норма*. Пары с реакциями *барды, братство, единство, удовлетворение, недоумение* формируют гештальтный формат знания, так как демонстрируют нерасчлененное знание. Перечисленные знания являются стереотипными.

Дескрипция является наиболее частотным способом задания смысла для обеих словарных статей. На слово-стимул **советский** получены следующие реакции по типу дескрипция: *близкий, доброта, забытый, мощь, нищета, ностальгический, одинаковый, понятный, правильный, старый, хороший*. Все знания, представленные в данной статье способом дескрипции, являются периферийными, оценочными. В основном представлены слова с положительной коннотацией, есть только одна негативная реакция (*нищета*).

Дескрипция как способ формирования смысла чаще встречается в статье **постсоветский**. Например, **постсоветский** – *разруха* (5), *перестройка* (3), *трудный* (3), *бедный* (2), *развал* (2), *разрыв* (2), *ушедший* (2), *хаос* (2), *свободный*. Посредством этого способа раскрывается понятие *постсоветский* через множество концептуальных признаков: политические, финансовые, государственные проблемы, а также чувства, которые испытывают люди. Присутствует несколько противоречивых смыслов: *мрачный* и *масса положительного, неразвитый* и *новые границы, близкий* и *чужой*. Это говорит о неоднозначности интерпретации. Однако превалирует негативная оценка (*крах, беднота* и др.).

Области референции, которые широко представлены способом дескрипции: чувства, переживания; государственное устройство, трудности. Последняя из перечисленных областей вообще не встречалась в статье *советский*. Можно утверждать, что советский период данной группой респондентов воспринимается позитивнее, чем постсоветский, ср., например, реакции *понятный* и *не совсем понятный*.

Некоторые реакции по принципу дескрипции объединяют *советский* и *постсоветский* в категорию «прошлое»: **советский** – *ностальгический, старый, постсоветский* – *ушедший*.

Такие реакции, как **постсоветский** – *разруха, перестройка, трудный, бедный, развал, разрыв, хаос* организуют фрейм, где реакция *перестройка* с функцией рецепт – вершинный узел, а остальные реакции заполняют слоты.

Такой способ образования смыслов, как деталь биографии также часто встречается в обеих статьях. Например, для словарной статьи *советский* все реакции, образованные данным способом, относятся к фрейму «прошлое, пройденный этап»: **советский** – *детство* (2), *прошлое* (2), *дружба, молодость, ностальгия, юность*. Испытуемые ассоциируют этап истории со своим личным опытом, актуализируется важная для человека информация. Среди данных реакций почти не содержится слов с оценочными семами, но есть семы ‘ностальгия’, ‘воспоминания о прошлом’.

Реакции на слово-стимул **постсоветский**, образованные способом деталь биографии можно отнести к двум семантическим полям: 1) ностальгия и 2) трудности, проблемы. К первой группе мы относим следующие реакции: **постсоветский** – *детство* (3), *ностальгия* (2), *прошлое* (2), *друзья, семья, юность*. Они совпадают с реакциями на слово-стимул *советский*, что говорит о сходстве восприятия. Однако вторая группа содержит такие реакции, как *одиночество, поиски себя, потери, потеря родины, проблемы, разочарование*. Таким образом, среди реакций на стимул *постсоветский* появляются слова с негативной коннотацией, что нехарактерно для стимула *советский*. Хотя в статье *постсоветский* содержатся лексемы с негативной коннотацией, все они не являются центральным знанием для носителя языка, они находятся на периферии: связаны с личным опытом, а также с общим настроением в обществе. Реакция *детство* оказалась единственной, которую можно квалифицировать как функцию-рецепт.

Принимая во внимание то, что рассматриваемое знание является многоаспектным, мы можем утверждать, что реакции на оба стимула образуют два фрейма, где в вершинные узлы войдут реакции *детство, юность, семья* и т. п., а реакции *ностальгия, потеря родины, одиночество* и т. п. – терминальные. Вершинность и терминальность узлов фрейма доказываются с помощью функции единицы знания: вершинные узлы – это знания, имеющие функцию рецепт, а слоты – ретушь.

Способ *словосочетание* более характерен для реакций на стимул *советский*. Например: **советский** – *паспорт* (4), *человек* (2), *народ, орнамент, союз, строй, учитель*. В данном случае большинство реакций являются языковыми клише и штампами, часто воспроизводимыми в речи.

Для стимула *постсоветский* таких реакций было дано меньше. Например: **постсоветский** – *пространство* (7), *этап*. В данном случае это тоже клишированные словосочетания. Единицы знания, образованные с помощью способа *словосочетание*, организуют *пропозиции*, так как предикат связывается со всеми реакциями по общему признаку «относящийся к советскому (постсоветскому) времени». Так, первый тип пропозиций выгладит следующим образом: *постсоветский* – *пространство, этап*. Второй тип пропозиций: *советский* – *паспорт, человек, народ, орнамент, союз, строй, учитель*.

Последним актуальным способом задания смысла является *суждение*. В этом случае в паре стимул-реакция, как правило, что-либо отрицается, утверждается или же дается информация об объекте. Например: **советский** – *слово уходит из жизни, уверенность в завтрашнем дне*; **постсоветский** – *безвозвратно утерянный, в прошлом, вопрос языка, изменения в обществе, кто во что горазд, низкий уровень культуры, нравственный кризис, нулевая система ценностей, перестройка сознания, старый режим, революция нравов*. При сравнении двух статей, видно, что реакции на слово *советский* не окрашены экспрессивно, они не содержат негативную информацию, чего нельзя сказать о реакциях на слово *постсоветский*. Такие реакции актуализируют семантическое поле «нравственное сознание» и имеют негативную коннотацию.

При проведении психолингвистического исследования необходимо учитывать экстралингвистические факторы. Респонденты – преподаватели русского языка, проживающие в Молдове, которая входила в состав СССР. Сфера деятельности респондентов – гуманитарные науки. Этим объясняется большое количество реакций, относящихся к области *литература* и образованных способом *деталь биографии*.

Категоризация временных отрезков происходит по-разному: референтная область *литература* намного чаще встречается в статье *советский*, области знания *поведение, образ жизни, политика, взаимоотношения людей, чувства, переживания* чаще встречаются в статье *постсоветский*.

Говоря о функциях данных знаний, следует отметить, что пары «стимул-реакция», относящиеся к категории «литература», периферийные. В то время как понятия, характеризующие определенный отрезок времени, социальную и политическую жизнь общества на какой-либо момент истории, являются ядерными.

Необходимо сказать о наиболее частотных референтных областях. Носитель языка ассоциирует наименования этапов истории с отношениями между людьми. Для стимула *советский* наблюдается положительная окраска реакций (*дружба, товарищ*), в то время как в статье *постсоветский* содержатся как отрицательные (*трудности общения, разногласия*), так и положительные оценки (*братство, все вместе, все люди братья*). Знания, относящиеся к референтной области *время*, организуют категорию «прошлое» в обеих статьях. Однако в статье *постсоветский* есть реакции, говорящие о том, что данный этап является настоящим (*реальность, сегодняшний* (2)).

5. Выводы

Итак, данные проведенного ассоциативного эксперимента показывают, что концепты СОВЕТСКИЙ/ПОСТСОВЕТСКИЙ сформированы в сознании испытуемых как результат хронологической идентификации-категоризации, а также как результат модусной интерпретации, являются частью фрейма Государственное устройство.

Концепт СОВЕТСКИЙ закреплён в сознании людей в первую очередь как результат идеологической идентификации ('партийный', 'идейный', 'коммунистический'), что и обуславливает его модусную интерпретацию / категоризацию.

Словари

- КАРАУЛОВ–ЧЕРКАСОВА–УФИМЦЕВА–СОРОКИН–ТАРАСОВ 2002 = КАРАУЛОВ Ю. Н., ЧЕРКАСОВА Г. А., УФИМЦЕВА Н. В., СОРОКИН Ю. А., ТАРАСОВ Е. Ф. *Русский ассоциативный словарь*. Москва: «Издательство Астрель»; «Издательство АСТ», 2002.
- КУБЛЯКОВА 1996 = КУБЛЯКОВА, Е. С., ДЕМЬЯНКОВ В. З., ПАНКРАЦ Ю. Г., ЛУЗИНА Л. Г. *Краткий словарь когнитивных терминов*. Москва: «МГУ», 1996.
- РУССКИЙ АССОЦИАТИВНЫЙ СЛОВАРЬ 2016 = *Русский ассоциативный словарь*. <http://thesaurus.ru/http://thesaurus.ru/> Проект «Лингвокультурный тезаурус русского языка».

Литература

- БОЛДЫРЕВ 2009 = БОЛДЫРЕВ Н. Н. Форматы знания в языке и методы их исследования. *Вестник Тамбовского университета* 2009. 57–77.
- КАРАУЛОВ-ФИЛИППОВИЧ 2009 = КАРАУЛОВ Ю. Н., ФИЛИППОВИЧ Ю. Н. *Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования*. Москва: «Азбуковник», 2009.
- ЛАКОФФ 1995 = ЛАКОФФ ДЖ. Когнитивное моделирование. В кн.: ПЕТРОВ В. В. (сост.) *Язык и интеллект*. Москва: «Прогресс», 1995. 143–184.
- МИНСКИЙ 1979 = МИНСКИЙ М. *Фреймы для представления знаний*. Москва: «Энергия», 1979.
- ROSH 1978 = ROSH E. H. Principles of Categorization. In: ROSH E. H., Lloyd V. B. *Cognition and Categorization*. Hillsdale; N. J.: Lawrence Erlbaum, 1978. 27–48.
- WETTLER 1980 = WETTLER M. *Sprache, Gedächtnis, Verstehen*. Berlin-New York, 1980.

А. Рудык

**Лексические показатели чувства радости
в русском тексте по сравнению с польским переводом**

**The lexical markers of joy
in the Russian text compared to Polish translation**

Abstract: The article shows the Polish textual equivalents of the Russian verbs, nouns, adjectives and adverbs as the lexical markers of joy. The examples were extracted from the Oksana Robski's book *День счастья завтра* and its translation into Polish. Selected words are mostly translated by dictionary equivalents, but there are often the other parts of speech, there are also metaphorical or phrase equivalents.

Keywords: joy, textual equivalents, Polish language, Russian language

Радость является одной из положительных эмоций, мы все испытываем ее с удовольствием (ГУСЕЙНОВА 2011: 97). По мнению К. Е. Изарда, «это нечто большее, чем положительная установка на себя и на мир; это особого рода звено; это острое чувство торжества» (ИЗАРД 1980: 238). А. Вежбицкая, в свою очередь, предлагает следующее толкование «*radość = uczucie, którego doznajemy wtedy, kiedy stwierdzamy, że dzieje się to, co pragniemy, aby się działo*» (WIERZBIЦКА 1971: 62). Нет сомнений, что переживание радости очень важно в психологическом смысле и является неотъемлемой частью нашей жизни (КРАСАВСКИЙ 2010: 6).

Предметом настоящей статьи являются лексические показатели радости в русском тексте по сравнению с переводом на польский язык. Радость, по мнению Е. П. Ильина, легко распознается, так как о ее наличии свидетельствуют улыбка и смех (ИЛЬИН 2001: 162). Именно поэтому наш анализ охватывает не только слова непосредственно указывающие на внутреннее состояние субъекта, но рассматриваются и такие лексемы, которые называют невербальные средства его проявления. Фактографический материал отобран из книги Оксаны Робски *День счастья – завтра* и ее польского перевода. Цель сравнительного анализа – обнаружить некоторые сходства и различия в группе слов со значением радости в обоих языках.

Радость, как положительная эмоция, влияет в какой-то степени на восприятие характера человека другими людьми (МИТРИЕВ–ЕСЕНОВА 2013: 57). Улыбка, представляющая собой одну из невербальных репрезентаций радости, несет значительную информационную нагрузку (РЕНЦ 2010: 108; МИТРИЕВ–ЕСЕНОВА 2013: 56). Это, прежде всего, культурно обусловленный конвенциональный знак-жест, выполняющий определенные функции в процессе

коммуникации (МИТРИЕВ–ЕСЕНОВА 2013: 58). Эта мимическая кинема облегчает установление контакта с партнером, а также может выполнять этикетную функцию, становясь фактором, который способствует сокращению дистанции между коммуникантами, стиранию интерперсональных границ и вообще повышает вероятность их позитивного общения (РЕНЦ 2010: 110). Следует отметить, что коммуникативная ситуация, «в которой осуществляется трансляция эмоций», стиль поведения партнеров, эмоциональная восприимчивость коммуникантов обуславливают семантические различия улыбки как невербального знака (РЕНЦ 2010: 114). Смех, являющийся значимой составляющей человеческой коммуникации, неотъемлемо представляет собой характеристику человека (КУПРИЯНОВА 2007: 52).

Отобранный нами материал составляют 206 русских слов со значением радости, в том числе:

– 16 разных глаголов, которые употребляются как в личных формах, так и в инфинитиве, образующих также причастия и деепричастия (*засмеяться, улыбаться, развеселить, хохотать, разулыбаться, рассмеяться, смеяться, улыбнуться, захихикать, ухмыльнуться, посмеяться, повеселеть, обрадоваться, обрадовать, усмехнуться, расхохотаться*);

– 6 имен существительных (*радость, улыбка, ухмылка, смех, хохот, полуулыбка*);

– 4 имени прилагательных (*радостный, веселый, рад, смешной*);

– 3 наречия (*радостно, смешно, весело*).

Так как самую большую часть собранного нами материала составляют глаголы, мы решили начать анализ именно с этой части речи. Было обнаружено всего 134 примера употребления глаголов, которые называют:

– приятное эмоциональное состояние: *обрадоваться, повеселеть*;

– признаки его проявления: *засмеяться, захихикать, посмеяться, разулыбаться, рассмеяться, расхохотаться, смеяться, улыбаться, улыбнуться, усмехнуться, ухмыльнуться, хохотать*;

– действия, вызывающие состояние радости: *обрадовать, развеселить*.

В большинстве случаев их значение передается в переводе соответствующими польскими глаголами, однако бывает так, что текстовые эквиваленты не соблюдают морфологическую тождественность или являются контекстуальными. В настоящей статье мы хотим рассмотреть именно такие примеры, в которых лексические показатели радости в тексте перевода не совпадают со словарными соответствиями или расходятся по отдельным категориям. Мы начнем с фрагмента, заключающего глагол, называющий приятное эмоциональное состояние:

(1) Представила себе, как *обрадуется* Тамара.

Wyobraziłam sobie *radość* Tamary.¹

¹ Анализ этого примера приводится и в другой работе автора (*Лексические показатели положительных эмоций в русском тексте по сравнению с польским переводом*, Жешув, в печати). Нам показалось целесообразным привести его в настоящей статье, так как мы считаем его важным для реализации выбранной темы. В упомянутой статье анализируются тоже примеры (12), (13), (19), (20), (21), (22).

В вышеприведенном примере (1) значение положительного чувства передается в тексте перевода существительным – названием эмоции, которое выполняет в предложении синтаксическую функцию прямого дополнения. Русский глагол (*обрадуется*) является сказуемым в русском придаточном дополнительном предложении. По-нашему, можно сказать, что содержание на обоих языках такое же, но благодаря наличию выделенного существительного польский текст приобрел более сжатую форму.

Большое количество отобранных глаголов относится к невербальным средствам проявления радости. Рассмотрим следующие примеры:

- (2) Антон был из тех мужчин, которым всегда *улыбаешься*.
Anton był z tych mężczyzn, do których *nie sposób się nie uśmiechać*.
- (3) Он смотрел на меня и *улыбался*.
[...] patrzył na mnie *uśmiechem*.
- (4) Она застенчиво *улыбнулась*.
Na jej twarzy *pojawił się* nieśmiały *uśmiech*.
- (5) Я мило *улыбнулась*.
Odpowiedziałam miłym *uśmiechem*.
- (6) А она *хохотала*, широко раскрыв рот и зная, что эта ее манера *смеяться* нравилась не одному десятку мужчин.
Andżela *śmiała się*, szeroko otwierając usta, pomna, że jej *śmiech* zrobił wrażenie na dziesiątkach mężczyzn.

В примере (2) значение обобщенности, выраженное придаточным определительным, отражается в переводе предложением с предикативом *nie sposób*², не допускающим наличия определенного, выраженного эксплицитно, субъекта. Интересно, что форма главного члена имплицитно двойное отрицание, придающее содержанию в целом смысл утверждения. Русское предложение (3) заключает в своей структуре два однородных сказуемых (*смотрел* [...] и *улыбался*). На месте второго из них наблюдается предложно-падежная форма (*z uśmiechem*), которая указывает на внешнее проявление ощущаемого субъектом приятного чувства. Примеры (4) и (5) похожи друг на друга. В примере (4) польское существительное является подлежащим, значение русского глагола кажется суммой значений сказуемого и подлежащего (*pojawił się* [...] *uśmiech*). В польском предложении (5) содержится информация, что улыбка представляет собой ответную реакцию (*odpowiedziałam* [...] *uśmiechem*), текст оригинала лишен такой информации. В обоих примерах русские наречия (*застенчиво*, *мило*) заменяются в переводе соответствующими прилагательными (*nieśmiały*, *miłym*) в функции определений. Таким образом наблюдается перенос характеристики действия на его результат. В последнем из вышеприведенных примеров (6) словосочетание с примыкающим инфинитивом (*манера смеяться*) заменяется одним существительным (*śmiech*).

² 'Mówimy, że *nie sposób* czegoś zrobić, jeśli jest to bardzo trudne lub niemożliwe' (BAŃKO 2000в: 656).

Рассмотрим еще пример с глаголом, который называет действие, вызывающее приятное состояние:

- (7) Эта мысль *развеселила* меня.
Ta myśl *wprawiła mnie w dobry nastrój*.

Значение русского глагола передается в польском тексте фразематически. Но если мы сравним следующие толкования: 'Jeśli jakaś osoba, sytuacja lub rzecz wprawiła nas w jakiś stan psychiczny, np. zachwyty lub zakłopotanie, to wywołała w nas ten stan' (BAŃKO 2000B: 1046); 'Kiedy jesteśmy w dobrym nastroju, to jesteśmy pogodni lub weseli' (BAŃKO 2000A: 956); 'развеселить (...) привести в веселое настроение, сделать веселым' (КУЗНЕЦОВ 2014), приходим к выводу, что несмотря на другую форму, предложения обоих языков полностью сходятся по смыслу.

В настоящей статье анализируются лексические показатели положительного чувства радости, однако следует отметить, что некоторые из них могут вызывать отрицательные ассоциации. Сравним:

- (8) Мне показалось, что он *смеется* надо мной, но я совершенно не обиделась.
[...] *czułam, że ze mnie drwi, ale wcale nie miałam mu tego za złe*.

Как было сказано выше, опираясь на литературу предмета, смех представляет собой невербальное средство проявления радости, веселья. Однако сочетание *смеяться над кем-то* (пример 8) обладает решительно отрицательным значением, которое успешно передается польским глаголом *drwi*. Сравним толкование: '1 Jeśli ktoś *drwi* z jakiejś osoby, jej zachowania, wyglądu itp., to złośliwie żartuje z niej, chcąc jej dokuczyć [...] 2 Jeśli ktoś *drwi* z kogoś lub czegoś, to ostentacyjnie lekceważy tę osobę lub rzecz' (BAŃKO 2000A: 325).

Следующая группа, т. е. имена существительные, имеют в тексте перевода как словарные (*смех, улыбка, ухмылка, полуулыбка*), так и контекстуальные соответствия. Сравним примеры:

- (9) Анжела закончила разговор с довольной *улыбкой*.
Andżela skończyła rozmowę z zadowoloną miną.
(10) Расплываясь в *улыбках*, мы, не отрываясь, смотрели на ее лицо.
Rozpływając się z radości, nie odrywałyśmy wzroku od Olesi.
(11) Первого апреля – в день *смеха* – мы расстались.
A na prima aprilis się rozstaliśmy.

В первом из вышеприведенных примеров (9) существительное *улыбка* заменяется в переводе гиперонимом – слово *mina*, т. е. выражение лица, только в сочетании с определением (*zadowoloną*) теряет нейтральный характер. В деепричастном обороте, осложняющим структуру предложения (10), существительное, обозначающее невербальное средство проявления чувства (*улыбках*) заменяется в переводе собственно названием чувства (*z radości*). Следует обратить внимание на то, что в то время как в подлиннике указывается на результат, т. е. внешнее проявление испытываемого чувства, в поль-

ском тексте предложно-падежная форма z *radości* обозначает скорее его причину. В последнем из вышеприведенных примеров (11) слово *смех* выступает в названии весеннего праздника (*день смеха*). Точный эквивалент в форме *dzień śmiechu* мог бы оказаться непонятным для носителей польского языка. В переводе употребляется используемое поляками название этого праздника (*prima aprilis*), буквально являющееся латинским названием числа (*первое апреля*). Интересно, что этот день в разных странах называют по-разному. В России это *день смеха* или *день дурака*, в Англии – *April Fools' Day* lub *All Fools' Day* (*День дураков*), в Шотландии – *Hunt the Gowk Day* (*Охота на глупца*), во Франции – *Jour du poisson d'avril* (*День апрельской рыбы*), в Португалии *Dia da mentira* (*День лжи*), в Литве – *Melagio diena* (*День Лгуна*)³.

Что касается обнаруженных прилагательных, они применяются в полной и краткой формах и переводятся по-разному. Рассмотрим примеры:

- (12) Мы ничего не имели против того, что он приехал. Мы даже были ему *рады*.
Nie przeszkadzało nam, że przyjechał. Przeciwnie – cieszyliśmy się.
- (13) – *Рада* была вас видеть.
– *Fajnie* było was widzieć.
- (14) Мы все любили Машку за ее оптимизм и *веселый* характер.
Wszyscy lubiliśmy Maszkę za optymizm i *pogodę ducha*.
- (15) Денис очень *веселый*.
Denis jest *wesoły*.
- (16) Атмосфера в офисе перестала быть *веселой* и творческой.
Atmosfera w biurze przestała być *wesoła* i twórcza.
- (17) Мы смеялись над какой-то ерундой и еще несколько лет находили эту ерунду *смешной*.
Śmiałyśmy się z takich głupstw, które potem *bawiły* nas jeszcze przez kilka lat.

В переводе предложения (12) лексическим показателем радости является другая часть речи – русскому краткому прилагательному соответствует глагол, родовое окончание которого указывает на субъект женского пола (в подлиннике такая информация отсутствует). Следующий пример (13) интересен тем, что на месте русского *рада* используется наречие *fajnie*, также в предикативной функции. Можно смело сказать, что эта лексема и однокоренное прилагательное *fajny* чрезмерно употребляются в современной польской речи, заменяя ряд слов, выражающих положительную оценку. Сравним:

'fajnie / fajnodobrze, ładnie, świetnie, miło, wesoło, przyjemnie, ciekawie, zabawnie, cudownie, wyśmienicie, kapitalnie, doskonale, pięknie itp.': 'fajny dobry, ładny, udany, świetny, miły, wesoły, przyjemny, przystojny, mądry, rozsądny, ciekawy, zachwycający itp.'

В примере (14) выражение *веселый характер* переводится метафорически как *pogoda ducha*. Полная форма русского прилагательного выполняет здесь функцию определения, но в следующей экзemplификации (15) она уже

³https://pl.wikipedia.org/wiki/Prima_aprilis.

входит в состав именного сказуемого как присвяточный член. Отметим, что в подлиннике наблюдается наречный интенсификатор *очень*, который пропускается в тексте перевода. Следующий пример (16) показывает, что прилагательное, являющееся лексическим показателем положительного чувства радости, может характеризовать не только человека, но также обстоятельство (*atmosfera/atmosfera*), обозначающее в данном случае обстановку, окружающие условия, общий психологический настрой где-либо (КУЗНЕЦОВ2014). В последнем из вышеприведенных примеров (17) полное прилагательное находится в составе именного сказуемого с полнозначенательной связкой (*находили [...] смешной*), однако в переводе – это глагол (*bawiły*), который можно соотнести с действием, вызывающим приятное эмоциональное состояние. В то время как синтаксический строй предложений обоих языков разный, так как на месте русского простого предложения с однородными сказуемыми находится польское сложноподчиненное с придаточным определительным, семантические роли не изменяются: в подлиннике субъект выражается подлежащим (*мы*), а в переводе наблюдается винительный падеж субъекта (*nas*).

Обнаруженные наречия применяются как в обстоятельственной, так и в предикативной функции. Мы начнем с рассмотрения примеров, в которых они определяют действия, названные глаголами:

- (18) Его глаза горели тревожно и *радостно* одновременно.
Oczy błyszczały mu *radością* i strachem jednocześnie.
- (19) Мы все *радостно* захихикали.
Zgodnie zachichotałyśmy.
- (20) – Здравствуйте! – *радостно* объявила Анжела на входе.
– Dobry wieczór! – przywitała się Anżela *energicznie*.
- (21) Анжела закончила разговор с довольной улыбкой. Если бы у нее был хвост, она бы сейчас им *радостно* завилала.
Anżela skończyła rozmowę z zadowoloną miną. Gdyby miała ogon, na pewno by nim zamerdała.
- (22) И, не переставая, *радостно* смеялись.
I nie przestawałyśmy się śmiać.

В первом из вышеприведенных примеров (18) русское наречие заменяется именем существительным (*radością*) в функции дополнения. Интересно, что в тексте наблюдается столкновение разных эмоций: радости и страха. Нельзя, конечно, считать их противоположными, однако радость, несомненно, относится к положительным, а страх – к отрицательным чувствам. Несмотря на то, что в польских предложениях (19) и (20) стоят наречия (*zgodnie* (19), *energicznie* (20)), они не представляют собой показателей положительных чувств, поэтому перевод кажется нам неточным. Сравним словарные толкования прилагательных, от которых образуются отобранные наречия:

¹ Ktoś, kto jest **zgodny**, postępuje tak, żeby być z innymi w zgodzie [...] ² Jeśli ludzie są **zgodni** w jakiejś sprawie, to mają co do niej takie samo zdanie. Mówimy też, że ktoś jest zgodny z kimś [...] ³ Jeśli coś jest **zgodne** z czymś innym, to odpowiada temu pod jakimiś względami lub nie jest z tym sprzeczne. Mówimy też, że dwie

rzeczy są zgodne [...] 4. Coś, co jest **zgodne**, jest takie samo u wielu ludzi lub wspólnie dla nich' (BAŃKO 2000B: 1337);

'1 Ktoś, kto jest **energiczny**, jest szybki i zdecydowany w działaniu i podejmowaniu decyzji oraz ma dużo inicjatywy [...] 2 **Energiczne** ruchy są szybkie, sprężyste i zdecydowane' (BAŃKO 2000A: 382).

По нашему мнению, приведенные значения не соотносятся ни с какими эмоциями. Два последних примера (21, 22) также интересны, так как наречия со значением радости пропускаются в переводе, можно сказать, что в силу коммуникативной избыточности, так как принято считать, что собака виляет хвостом именно от радости, а смех, как уже говорилось раньше, представляет собой ее невербальное проявление.

Ниже приводятся экзemplификации, в которых русские наречия со значением радости выполняют предикативную функцию:

- (23) Мне стало ужасно *смешно*.
Byłam *ubawiona*.
- (24) И от этого стало невероятно *смешно*.
To mnie *rozśmieszyło*.
- (25) Мне было *смешно*.
To mnie *śmieszyło*.
- (26) – Этоя... Да, да, *весело* было... Да...
– To ja... No, *niezły był ubaw*... No...

В русских предложениях (23) и (25) наблюдается дательный падеж субъекта (*мне*). В переводе (23) его показателем является личное окончание глагола-связки (*byłam*), указывающее на говорящего и заключающее в себе добавочную информацию о том, что это лицо женского пола. В целевых текстах (24) и (25) находятся глагольные сказуемые (*rozśmieszyło*, *śmieszyło*) наряду с подлежащим, выраженным указательным местоимением (*to*) и винительным падежом субъекта (*мне*). Следует отметить, что наречные интенсификаторы эмоции (*ужасно* (23), *невероятно* (24)) пропускаются в польском тексте. В переводе предложения (26) на месте русского предикативного наречия применяется просторечное слово *ubaw*, которое толкуется как 'spotkanie towarzyskie, zwłaszcza takie, na którym młodzi ludzie dobrze się bawią' или 'dobra zabawa' (BAŃKO 2000B: 878). Со смыслом текста предлагается соотнести оба значения.

На основе проведенного анализа можно сформулировать следующие выводы:

1. Несмотря на то, что обнаруженные глаголы, существительные, прилагательные и наречия имеют словарные эквиваленты в польском языке, они часто переводятся при помощи других частей речи, что влечет за собой изменения в синтаксическом строе предложения.

2. Наряду со словами, которые относятся к другим частям речи, но представляют собой лексические показатели радости, в собранном фактографическом материале выделяются также метафорические и фразематические

эквиваленты. Причиной применения соответствия другого, чем буквальное, может быть или экономия средств выражения или учет культурных факторов, специфики языка целевого текста и т.п.

3. Бывает, что слова со значением радости или интенсифицирующие их значение пропускаются в тексте перевода, что в некоторых случаях оказывает существенное влияние на общий смысл содержания.

Словари

- КУЗНЕЦОВ 2014 = КУЗНЕЦОВ С. А. (ред.) *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург: "Норинт", www.gramota.ru, 2014.
- BAŃKO 2000A = BAŃKO M. (red.) *Inny słownik języka polskiego A-Ó*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN 2000.
- BAŃKO 2000B = BAŃKO M. (red.) *Inny słownik języka polskiego P-Ż*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN 2000.
- CZESZEWSKI 2006 = CZESZEWSKI M. *Słownik polszczyzny potocznej*. Warszawa: «Wydawnictwo Naukowe PWN», 2006.

Литература

- ГУСЕЙНОВА 2011 = ГУСЕЙНОВА В.Р. Языковая репрезентация эмоции радости с помощью вербальных и невербальных средств. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика* 2011/2: 97–103.
- ИЗАРД 1980 = ИЗАРД К. Е. *Эмоции человека*. Москва: Издательство МГУ, 1980.
- ИЛЬИН 2001 = ИЛЬИН Е. П. *Эмоции и чувства*. Санкт-Петербург: «Питер», 2001.
- КРАСАВСКИЙ 2010 = КРАСАВСКИЙ Н. А. Концепт «радость» в русской лингвокультуре (на материале словарных статей и ассоциативного словаря). *Известия Волгоградского государственного педагогического университета* 5, 2010/5 (49): 4–7.
- КУПРИЯНОВА 2007 = КУПРИЯНОВА Н. С. Ассоциативное поле концепта «смех» в русском языке. *Известия ПГПУ. Гуманитарные науки* 2007/4 (8): 52–55.
- МИТРИЕВ–ЕСЕНОВА 2013 = МИТРИЕВ И. М., ЕСЕНОВА Т. С. Радость и улыбка как знаки эмоциональной сферы калмыков. *Вестник Калмыцкого университета гуманитарных исследований РАН* 2013/4: 56–60.
- РЕНЦ 2010 = РЕНЦ Т. Г. Семантика улыбки в романтическом общении. *Lingua mobilis* 2010/1(20): 108–115.
- WIERZBIĆKA 1971 = WIERZBIĆKA A. *Kocha. Lubi. Szanuje. Medytacje semantyczne*. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1971.

Источники

- РОБСКИ О. *День счастья – завтра*. Москва: «Росмэн-Пресс», 2005.
- ROBSKI O. *Szczęście nadejdzie jutro*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2007.

Л. А. СОМОВА

**Конфликтогенность инвективной лексики
в медиапространстве и в художественной речи**

**Conflict potential of invective vocabulary
in the media and in artistic speech**

Abstract: The article is devoted to the problem of propagation of speech aggression in the media sphere, investigation of the conflict potential of the speech act of insult in texts requiring linguistic expertise. The peculiarities of using insults in the media, in copyright media projects on the Internet, in rap battles, in plays by contemporary playwrights are revealed. For example, in the texts of rappers participating in battles, an insult is used as a special force by a speech strike. Insults turn into a language game, profanity becomes a part of it. Quasi-creative formations, the use of non-normative vocabulary are all empty cognitive structures.

Keywords: speech conflict, insult, media sphere

Сила речевого воздействия на сознание людей возросла с появлением интернета. Происходит переоценка культурных эталонов, ценностных ориентиров, моделей речевого поведения. Возникает вопрос о возможности и необходимости урегулирования конфликтов, особенно это касается речевых актов оскорбления и дискредитации личности.

В Тольяттинском государственном университете создано окружное бюро информационной аналитики и экспертиз. Последний запрос из бюро касался лингвистической экспертизы стихотворных интернет-текстов, которые содержали призывы к экстремизму, разжиганию межнациональной розни. Такие тексты лежат в поле юридической ответственности, данные речевые деяния наказуемы (статья 282 УК РФ – возбуждение ненависти либо вражды, а также унижение достоинства человека...). Несмотря на подобные меры, частотность инвективной лексики в медиапространстве увеличивается, провоцируя речевую агрессию.

Н. Д. Голев пишет, что «право на лингвистическую экологию часто пересекается с правом на защиту чести и достоинства человека» (ГОЛЕВ 1999: 11–58).

Изменяется речевая среда – изменяется структура языкового сознания. И. В. Баженова, ссылаясь на А. А. Залевскую, пишет, что при моделировании языкового сознания выделяется ядро, включающее наиболее частотные понятия, обозначенные словами, а «ядро языкового сознания можно рассмат-

ривать как лингвистическую проекцию бытия человека, устойчивую на протяжении его жизни» (БАЖЕНОВА 2015: 10).

Исследованию таких «ядерных» слов посвящена книга А. А. Кретьова (в соавторстве с другими – О. М. Воеводской, И. А. Меркуловым, В. В. Титовым) *Единство Европы по данным лексики*. Авторы утверждают, что мировоззрение носителей языка находит отражение в словаре, поскольку лексика играет особую роль в формировании языковой картины мира. Для этого важно выделить ядра лексико-семантических систем, отобрать из словарей те слова, которые соответствуют таким параметрам, как употребительность, широкая сочетаемость, многозначность, вхождение в многочисленные синонимические ряды.

Было установлено, что доминантой лексико-семантической системы русского языка является глагол *дать*. На основании словаря С. И. Ожегова ученые выявили, что в начале ряда слов, формирующих ядро, в русском языке стоят: *дать, мир, есть, бить* (КРЕТОВ 2016: 6–19). Доминантой венгерской лексики оказалось оценочное прилагательное *jó* со значением 'хороший, удачный' вице доминантой выступило слово *idő* – 'время' третью позицию заняло существительное *állás* – 'должность', далее *név* – 'имя' (КРЕТОВ 2016: 275).

Эти значения хранят словари, высвечивая языковую картину мира, ментальные коды народа.

Изменяется ли языковое сознание, когда усиливается частотность инвективной лексики в речи? В. Г. Костомаров, характеризуя языковую картину современного общества, отмечает тенденцию к всеобщей «карнализации» языка (КОСТОМАРОВ 2005); другие тенденции – «демократизация, неологизация, экспрессивизация, жаргонизация, криминализация, варваризация, интернализация, американизация» (БАЖЕНОВА 2015: 36–42).

Проблема массового распространения речевой агрессии, гипертрофированно активного использования инвективной лексики возникла относительно недавно и активно изучается. Речевая агрессия с использованием инвектив проникает практически во все сферы жизни – в бытовое общение, в политику, в экономику, в рекламу, в художественные произведения, в СМИ, в интернет: учащаются попытки оскорбить оппонента в споре, дискредитировать политического противника на предвыборных дебатах. Речевая агрессия приобретает разные формы словесного воплощения.

Показателен эпизод телевизионной авторской программы В. Соловьева *Поединок* от 28 февраля 2012 года в аспекте функционирования речевых актов оскорбления в медиапространстве. Один из участников дебатов – В. Жириновский – искусно использует оскорбительную лексику, чтобы продемонстрировать свое превосходство над собеседником, спровоцировать его на негативные реакции и на ответные оскорбительные высказывания.

Некоторые общественные деятели сделали речевую агрессию частью своего политического имиджа, они широко используют обценные слова в теледебатах, на сайтах, в блогах.

М. Кронгауз, отмечает, что все «втянуты в некую юридическую игру» (КРОНГАУЗ 2011: 17), пытаясь дискредитировать собеседников, не используя прямых призывов, заменяя их намеками и умолчаниями, чтобы избежать ответственности за свои слова.

Например, такая языковая игра разворачивается и при конфликтном речевом общении Д. Быкова с интернет-аудиторией в рамках медиа-проекта *Гражданин поэт*. Оскорбления первых лиц государства в текстах Д. Быкова завуалированы подтекстом, метафоричностью речи, аллюзиями, которые достаточно прозрачны. Показательны заголовки некоторых таких произведений Д. Быкова: *Вот, какой рассеянный, президент Рассеи, нах!, Двадцать лет – ни хрена нет.*

Публикация в газете *Собеседник* (№ 33, 5 сентября 2017), названная *Макрон-микрон*, вызывает ассоциации с детскими дразнилками: *Макрон – хоть мне и грустно это – / Сегодня сильно уязвлен: / Он рейтинг растерял за лето. / Он был Макрон, а стал микрон.*

Свобода слова налицо, но и налицо свобода словоблудия, оскорблений и дискредитации. Политики, как правило, не реагируют на такие выпады публичными возражениями. Однако, в настоящее время в нашей стране увеличилось количество судебных исков частных лиц о защите чести, достоинства и деловой репутации. Многие рассматривают это как проявление растущего правосознания общества.

Одно из громких дел такого рода – это судебный иск Ф. Киркорову, публично нецензурно оскорбившему журналистку, которая задала ему вопрос о ремейках. Певец вынужден был заплатить по решению суда 60 тысяч рублей за такое публичное оскорбление. Другой случай 2016 г. – судебный иск рэпера Децла (Кирилла Толмацкого) к рэперу Басте (Василию Вакуленко), бросившего фразу «Децл – лохматое ЧМО», которая попала в Твиттер. Суд принудил обидчика выплатить 50 тысяч рублей Децлу. Рэпер Баста заказал проведение лингвистической экспертизы своих высказываний. Анализ и заключение были подготовлены доктором филологических наук, профессором А. Н. Барановым. Экспертиза не нашла состава лингвистического преступления. Разбор этой короткой фразы занял у эксперта 12 печатных страниц.

Другие две экспертизы 2017 года профессор А. Н. Баранов подготовил о выражениях, показавшихся Децлу оскорбительными, «знатная шерсть» и «гермафродит». При проведении научного исследования были использованы методы синонимических преобразований (в том числе перефразирования), словарный анализ значений слов, а также методы изучения стилистики. Приведенные выше примеры показывают, каким конфликтогенным потенциалом обладает лексика, воспринимаемая адресатом как инвективная.

В августе 2017 г. – другое медийное событие – баттл между рэпером Оксимионом (Мироном Федоровым) и рэпером Гнойным (Вячеславом Машновым), в котором все построено на оскорблении. Соревнование рэперов превращается в карнавал оскорбительной лексики. Слова-оскорбления помещены в особую ситуацию: это и стихотворные тексты как заготовки, и рифмованные строки как импровизация; это соединение письменной речи

(литературных реминисценций) и устного бытового языка (ругательств, дразнилок, обценной лексики). Рэп-баттл можно назвать экспериментом над языком оскорблений, попыткой возвести оскорбление в абсолюте. Все тенденции, отмеченные учеными как отражение явлений современного общества, сошлись воедино в этом жанре: это «карнавализация» языка, а также неологизация, экспрессивизация, жаргонизация, криминализация, варваризация, американизация. Данный языковой срез отражает существующую картину мира. Слова теряют ядерные смыслы, перестают быть когнитивными структурами. Значение многих оскорбительных слов адресатам непонятны, они реагирует не на смысл, а на агрессивную интонацию, ритмическую организацию фразы.

И. В. Баженова рассматривает лексические заимствования «как средства изменения когнитивных структур индивида» (БАЖЕНОВА 2015: 2). Обратимся к примеру – использованию рэпером Оксимироном лексических заимствований. Он использует в рэп-стихах слова-варваризмы *хейтить*, *панч*, *грайм*, *панч*, *косплей*.

Значение слова *панч* (*punch*, *punch line*) определяется как 'неожиданное завершение какой-либо рифмовки'. Как рифмуют рэперы, используя *панч*? Чаще всего это звучит неожиданно грубо по сравнению с предыдущей строкой.

Большинство зрителей (пользователей сети) «лайкает» видео баттла, расценивая зарифмованные грубые слова, как особую степень свободы, не вдумываясь в смыслы стихотворного речитатива. Именно о таких своих фанатах рэперы говорят: «Какие они личности / Тут решает количество панчи», «Баттл – территория постправды, / Тут не важно, какой факт настоящий» (Рэп-баттл 2017).

На наш взгляд, такие рэп-баттлы – интересное явление для изучения языка как отражения действительности. Сошлемся на книги *Рождение коллективного разума: о новых законах сетевого социума и сетевой экономики и об их влиянии на поведение человека* (СЛАВИН 2014) и *Клипное сознание* (ГИРЕНОК 2016), чтобы акцентировать внимание на закономерностях нашего времени. Рэп-баттлы – это огромное количество интернет-просмотров: на 10 октября 2017 года – 24775920 просмотров, 167 тысяч комментариев. Каковы особенности восприятия действительности у молодого поколения? Ф. Гиренок в аннотации к своей книге пишет: «Клипное сознание рассматривается автором не как знание, а как аффективное действие. Для него существует не мир, а образ мира, для него мыслить – это значит быстро мыслить» (ГИРЕНОК 2014: 3–5). Он задается вопросом «Абсурд – колыбель сознания?». Ответом можно считать реплику одного из участников рэп-конфликта, он прямо заявляет: «Это культурный террор. Не ждали?» (РЭП-БАТТЛ 2017).

И. И. Халеева называет этот речевой террор с использованием ненормативной лексики иначе – «культурно-речевой «нудизм» (ХАЛЕЕВА 2006: 109). Мы, в свою очередь, сказали бы «речевой стриптиз».

Сама речь «баттлеров», усиленная темпом, интонацией, ритмикой, рифмовкой стала, по сути, выплеском взаимных оскорблений.

Речевые акты дискредитации, унижение по национальному признаку, инвективная лексика – все это соответствовало коммуникативным намерениям выступающих – *хейтить*. Это слово произошло от английского *hate* – 'ненавидеть', его значение воспринимается коммуникантами как 'активное высказывание негодования'. В данном случае это речевая агрессия, оформленная стихотворно. Показательно, что в перерыве между боями один из рэперов бросает другому реплику: «Щас унизишь меня? Хи-хи». Какого же вида унижения используются? Мат (все слова на *п...*, *х...*, *е...*, *б...*) в полном объеме, антисемитские выпады (*карманный жид Эдик, храбрый поступок для еврея*), намеки на национальную несостоятельность (*вы навсегда в тени большого брата*), шуточные реминисценции из популярных фильмов (*нехороший человек – редиска*), зооругательства (*крыса, шакал, змея*), обвинения в фантомности происходящего (*ты для них в инстаграмме подписка*) и другие (РЭП-БАТТЛ 2017).

Как регулируется модераторами такой «хейтовый» образ мира? В интернете создаются специальные страницы для «просвещения» аудитории, например, *Охххутирон vs Гнойный для чайников. Слушаем со словарем. Читаем с переводом*.

Новая языковая среда не просто возникает и формируется постепенно, согласно закономерностям развития языка, ныне, как мы считаем, она создается намеренно. В сети есть «сетевые зеваки», «сетевые потребители», «активные люди сети». Особенно опасны «тролли» и другие «сетевые агрессоры».

Но открытая площадка для рэпа – это нечто иное.

Вспомним высказывание, которое существует в народном сознании как афоризм Зигмунда Фрейда: «Первый человек, который бросил ругательство вместо камня, был творцом цивилизации» (ДУШЕНКО 2000: 81). Какую же «цивилизацию» создают рэперы, блогеры, модераторы сайтов и каналов YouTube? *SLOVOSPB* и *VERSUS* – названия двух популярных в сети баттл-площадок. Канал на YouTube «*#SLOVOSPB PRODUCTION*» позиционирует себя как «независимая баттл-платформа» (*SLOVOSPB PRODUCTION* 2018). Один из своих новых проектов создатели этого канала назвали «*РВАТЬ НА БИТАХ*» (*SLOVOSPB PRODUCTION* 2018). Экспрессивное слово *рвать* получает окраску речевого акта призыва. Это целевая установка, предложенная аудитории как слоган. Речевая агрессия моделируется изначально. Рэп-баттл становится площадкой для свободного употребления мата в публичном месте. Псевдонимы (никнеймы) трех победителей звучат следующим образом: Гнойный, Чейни, Заебатсу. Никнейм – это личина: она диктует игровое поведение (в том числе и речевое) в Сети. Кто является адресатом? Образ адресата вполне четко очерчен. Языковые маркеры рэп-текстов позволяют предположить, что это молодые люди, активно использующие ненормативную лексику, приветствующие агрессивный тип поведения. Комментарии, которые они пишут, чаще всего свидетельствуют о скудном словарном запасе и низком уровне речевой культуры. Большое количество *пиджинов* (смешанных языковых форм на основе английского) в данной язы-

ковой среде рассчитаны на другой тип адресата. Это молодые люди, многие из которых учились в англоязычных школах и зарубежных колледжах. Их язык – Runglish. Они нацелены на интеграцию в мировое сообщество (глобалитет), они владеют сетевым виртуальным английским. Для тех, кто не владеет такими словами, организаторы предлагают специальный словарь.

Показательны в этом аспекте выводы О. В. Одеговой (ОДЕГОВА 2017: 31–39), которая, размышляя о глобализации языка, суммирует опыт мыслителей прошлого – Гумбольта («Культура проявляет себя в языке»), Уоффа (язык «формирует идею и направление умственной деятельности человека»), Хайдеггера («язык становится домом бытия»), Витгенштейна («язык переодевает смыслы»), меняя наши представления о быстроизменяющейся реальности»).

Адресатами рэп-баттлов становятся и выпускники престижных вузов, знающие, кто такие Пастернак, Бродский, Гумилев, умеющие оценить «вкрапление» культурных ментальных кодов в рэп-тексты. Все это заставляет задуматься о том, как организовать «дом бытия» для культуры страны, соответствующий быстроизменяющейся реальности. Участники и герои подобного типа рэп-баттлов «загоняют» язык в рамки речевых актов оскорбления, занимаются поисками наиболее сильных оскорбительных фраз. Такую тенденцию нельзя приветствовать, но само это явление интересно для ученых, занимающихся инвективной лексикой.

На наш взгляд, заслуживают внимания два аспекта.

Первый аспект связан со структурой коммуникативных актов оскорбления и дискредитации. Путем анализа структуры оскорблений в рэпбаттлах по алгоритмам, предложенным Т. В. Чернышовой (ЧЕРНЫШОВА 2009), мы можем выяснить, что при всей импровизационной основе таких текстов многие фрагменты являются заготовками. Часто фразы с инвективной лексикой – это псевдооскорбление. Коммуникативное намерение говорящего – посмешить аудиторию, удивить собственным неологизмом. К действительности это не имеет никакого отношения и никак не может оскорбить противника, задеть его за живое.

Личностные темы (длина носа, лысина, плохие стихи) затрагиваются вскользь. Более обидные прозвища звучат в адрес известных личностей – С. Есенина, И. Бродского, актрисы Ноны Гришаевой.

Второй аспект исследования связан с тем, что рэперы демонстрируют смешанный язык: это и письменные стихотворные заготовки, и устные ругательства, и фразы, возникшие спонтанно (речевая импровизация).

Кроме того, статус рэп-текста весьма размыт: в литературную речь вплетается бытовая стихия дискурсивных слов (в качестве которых зачастую выступает мат).

Таким образом, мы видим, что языковые средства оскорбления, с одной стороны, традиционны (ненормативная лексика, зоооскорбления, инвективы, просторечные, иностранные слова), а, с другой стороны, это особые конструкции предложений, свойственные жанру анекдота – *панчлайны* – неожиданные завершения фраз за счет смысловой многозначности, удачной

рифмовки, интонационных ударений. Часто это соревнование в остроумии в конкретной речевой ситуации (баттла). Необоснованные лексические заимствования, квазикреативные образования, использование ненормативной лексики в качестве дискурсивных слов – все это пустые познавательные структуры. Мы наблюдаем у слушателей приблизительное знание значений слов, когда освоена только часть семантической структуры. Мы наблюдаем разрыв между картинками мира, интенциями адресанта и пониманием адресата.

В 2014 году В. С. Мухина выпустила книгу *Феномен отчужденного сознания*. Она пишет: «Произнесенное слово – знак нашего внутреннего мира»; «человек, занимая позицию распутника и словоблуда, становится циничным и отчужденным не только от других, но и от самого себя» (МУХИНА 2014: 28).

Обратимся к такому синонимическому ряду: *словоблудие, пустозвонство, пустословие, суесловие, словоизвержение, трепотня, горлобесие*. Эти слова, существующие в русском языке, не случайно имеют такую оценочную окраску.

В баттл-речах соединяются и осколки культурных кодов (звучат имена Б. Пастернака, И. Бродского, цитируется Н. Гумилев), и речевая агрессия, возведенная в абсолют стихией рифмованного слова, энергетикой русского мата. Конфликтность, заложенная в самой природе языка, активно используется. Инвективная лексика служит для выражения эмоционального состояния автора и для того, чтобы обозначить и обострить оппозицию по отношению к собеседнику.

Речевая агрессия превращается в специфический информационный повод, а оскорбление – в катализатор дискуссии.

Заостряя вопрос об «оправданности–неоправданности» инвективной (обличительной, оскорбительной) лексики, обратимся к современным пьесам молодых российских драматургов.

Уральский драматург Иван Андреев написал пьесу *Боюсь стать Колей*. Эта пьеса победила в конкурсе *Евразия* и вошла в десятку лучших пьес 2016 г. Она прозвучала на одном из вечеров цикла *Круг чтения* в МХТ, имела успех и была принята к постановке. На афише к спектаклю есть предупреждение: «Внимание! В спектакле, как и в реальной жизни, иногда звучит ненормативная лексика» (АНДРЕЕВ 2018).

Пьеса *Боюсь стать Колей* имеет подзаголовок *Поездатая история в двух направлениях*. В русском языке немало слов, оканчивающихся на *-атый*: *бородатый, волосатый, косматый, рогатый, женатый, горбатый, полосатый, чреватый* и другие. На что указывает суффикс *-ат-*? Как правило, так строятся прилагательные «со значением присутствия в виде характерного признака того, что названо мотивирующим словом; со значением обладания чем-либо, или похожести на что-либо» (ЕФРЕМОВА 2000: 2448).

И. Андреев не случайно использует этот окказионализм. Такое название намекает на похожесть истории на реальную жизнь, на ненормативное слово, близкое по созвучию. Похожий прием есть у В. Пелевина: он называет свой

роман *Generation П*. Это и намек на *Поколение Пенци*, и на то, что в обществе – «в целом – п...», или «полный (всеобщий) п...». Так срабатывают подтексты. И автор имеет право на такие намеки, поскольку их «непечатная» расшифровка зависит от интерпретации.

Автор пьесы, характеризуя героиню Полину («девушка, 27 лет»), показывает ее реплики в блоге. Полина, находясь в поезде, существует одновременно в виртуальном пространстве, она описывает окружающую действительность в *Живом Журнале*. Это уже адресовано интернет-пользователям, возможным адресатам, заглянувшим в ее блог. Ее записи пестрят «творчески» осмысленными словами на б..., п..., е..., х.... Оскорбительные слова эмигрируют из «сферы ответственности» в специально созданное пространство: девушка «за глаза» обзывает всех, выражая свое эмоциональное негативное отношение к миру. Оскорбительное слово прячется в интернете, потому что для него там есть своя ниша, есть «свои», так же говорящие, столь же «смелые» в инвективных характеристиках. Другой герой – Алик, увлекшись Полиной, стал разговаривать с ней на ее сленге, используя ненормативную лексику, хотя в начале пьесы этот персонаж – молодой ученый – говорит совсем другим языком, он романтичен и нежен в письмах к своей невесте, вежлив с попутчиками.

Филологический анализ показывает, что использование инвективной лексики в данном художественном произведении в какой-то степени оправдано художественной задачей. «Подводное течение» этой пьесы приводит зрителя к размышлению о неправомерности «житейской мути», которая всех окружает. Характерно, что в списке действующих лиц есть, по словам драматурга, «бездействующие лица» – «симпатичные пассажиры» и «проводник».

Современные тольяттинские драматурги Михаил и Вячеслав Дурненковы, Вадим Ливанов не вычеркивали ненормативную лексику из речей своих героев, несмотря на давление цензуры. Среди десяти лучших пьес с фестиваля молодых драматургов *Любимовка* есть пьесы, наполненные инвективами. Так, Наташа Боренко из Петербурга представила документальную драму *Феномен выученной беспомощности*. В основе пьесы переписка юных страдающих девушек с комментариями психолога. Основная часть текста – это история переписки в Фейсбуке, просто скопированная и вставленная. И вновь – обилие инвектив. Автор пьесы считает, что такой текст надо давать на экране компьютера именно в той орфографии, как у первоисточника. Обилие восклицательных знаков свидетельствует о том, что инвектива используется для выражения «актуального эмоционального состояния». Именно это, а не мысль становится поводом высказывания.

Известно, что речевая конфликтность заложена в самой природе языка, что любое художественное произведение – многосмысловое пространство, требующее интерпретации. Остается выразить надежду, что такая интерпретация будет лежать в правовом поле, если это политический дискурс, и в смысловом поле автора, если это художественное пространство. Важно, чтобы соблюдалось лингвистическое право и чтобы огненное пламя слова, обжигало, не инвективной лексикой, а лучами художественной образности.

Словари

ЕФРЕМОВА 2000 = ЕФРЕМОВА Т. Ф. *Новый толково-словообразовательный словарь русского языка*. Москва: «Дрофа»; «Русский язык», 2000.

Литература

БАЖЕНОВА 2015 = БАЖЕНОВА И. В. *Актуальные проблемы лингвистической безопасности*: монография. Москва: «ЮНИТИ-ДАНА», 2015.

ГИРЕНКО 2016 = ГИРЕНКО Ф. И. *Клиповое сознание*. Москва: «Проспект», 2016.

ГОЛЕВ 1999 = ГОЛЕВ Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении. В кн.: *Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы*. Барнаул: «Алтайский гос. ун-т», 1999. 11–58.

Душенко 2000 = Душенко А. В. *Большая книга афоризмов*. Москва: «ЭКСМО-Пресс», 2000.

КРЕТОВ 2016 = КРЕТОВ А. А., ВОЕВУДСКАЯ О. М., МЕРКУЛОВА И. А., ТИТОВ В. Т. *Единство Европы по данным лексики*: монография. Воронеж: «Издательский дом БГУ», 2016.

КОСТОМАРОВ 2005 = КОСТОМАРОВ В. Г. *Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики*. Москва: «Гардарика», 2005.

КРОНГАУЗ 2011 = КРОНГАУЗ М. А. Лингвистическая экспертиза. В кн.: КРОНГАУЗ М. А. *Русский язык на грани нервного срыва*. Москва: «Астрель, Corpus», 2011.

МУХИНА 2014 = МУХИНА В. С. Феномен отчужденного сознания. В кн.: МУХИНА В. С., ХВОСТОВ А. А. *Отчуждение человека в обыденной жизни*: монография. Москва: «Национальный книжный центр», 2014.

ОДЕГОВА 2017 = ОДЕГОВА О. В. *Глобализация языка и культуры: специфика и место в системе глобальных процессов современности*. Томск: «Издательский дом Томского гос. ун-та», 2017.

СЛАВИН 2014 = СЛАВИН Б. Б. (ред.) *Рождение коллективного разума: о новых законах сетевого социума и сетевой экономики и об их влиянии на поведение человека*. Москва: «ЛЕНАНД», 2014.

ХАЛЕЕВА 2006 = Лингвистическая безопасность России. *Вестник Российской академии наук*. Т.76/2, 2006. 104–112.

ЧЕРНЫШОВА 2009 = ЧЕРНЫШОВА Т. В., ГОЛОЩАПОВА Е. В. Речевой жанр «оскорбление»: основания построения типологической модели (на материале судебных постановлений). В кн.: *Университетская филология – образованию: регулятивная природа коммуникации*: Материалы Второй Междунар. науч.-практ. конф. (г. Барнаул, 14–18 апреля 2009г.). Ч. 1., Барнаул: «Изд-во Алт.ун-та», 2009. 94–98.

Источники

АНДРЕЕВ 2018 = АНДРЕЕВ И. *Боюсь стать Колей*.

https://mos.media/media/files/805aa55e92c011e5b8059c8e99086854Andreev_Bojus.pdf (дата обращения: 15 января 2018).

SLOVOSPB PRODUCTION 2018 = #SLOVOSPB PRODUCTION.

https://www.youtube.com/channel/UC22n-g_fIDuGDvUgFPkAgIw.

РЭП-БАТТЛ 2017 = Рэп-баттл. *Охххуmiron VS Слава КПСС. VERSUS X #SLOVOSPB: Охххуmiron VS Слава КПСС (Гнойный)*.

**Социолингвистические и диалектологические аспекты
изучения русской лексики**

В. А. ЗАКРЕВСКАЯ

Многократные глаголы в современном русском языке: употребление в диалектной и кодифицированной речи

Iterative verbs in modern Russian: use in dialect and codified speech

Abstract: the article contains an analysis of the functioning of iterative verbs in terms of semantics, the purpose of use in context. The material of the study was the records of dialectal speech, made by the author in the Arkhangelsk region. In addition, media material was used. Iterative verbs are an actively used in constructions with negation and in sentences containing a question. Forms of past tense prevail, but separate forms of present tense, future tense and participles meet. However, it seems to us, iterative verbs do not become absolutely synonymous to ordinary imperfectives. They acquire bright modal connotations of meaning. In our opinion, iterative verbs are a developing phenomenon, characteristic not only North Russian dialects.

Keywords: iterative verbs, tense forms, modality, dialectal speech.

Бесприставочные глаголы с суффиксами *-а-*, *-ва-*, *-ыва(-ива-)*, именуемые многократными, не раз служили предметом исследования. Отмечалась их некогда широкая употребительность в канцелярско-деловом языке XVI–XVIII веков и в художественной литературе XVIII–XIX веков, а затем постепенное угасание. Однако они активно употребляются в северо-русских говорах и, как нам кажется, не утратили своей актуальности и в литературном языке. Рассмотрим, какова цель использования многократных глаголов в диалектной и нормированной речи. Материалом послужили записи диалектной речи, осуществленные автором в разных районах Архангельской области, в последние годы преимущественно в Каргопольском районе. Кроме того, привлекались языковые иллюстрации из СМИ.

1. Многократные глаголы в архангельских говорах

Многократные глаголы изучались с точки зрения словообразования, функциональной нагрузки, семантики. Касаясь образования, следует отметить, что база глаголов, от которых образуются многократные формы, в говорах шире, чем в современном литературном языке. Так, в наших говорах встречаются многократные формы от глаголов с суффиксом *-ев-а-* (*ночевать – ночевывать, воевать – вояивать*). Также только в говорах наблюдаются формы на *-ыва-*, *-ывлива-* (*бивывать*).

- (1) В байнах-то ночевала.
- (2) Тот век не вояивал – Китай, дак народу переполнился.
- (3) Отец нас не бивывал.

Споры и неоднозначные решения вызывают вопросы, связанные с функциональной нагрузкой многократных глаголов и с их семантикой. Так, их рассматривают то как часть временной (ГОРШКОВА–ХАБУРГАЕВ 1981: 332–334), то как один из элементов видовой системы глагола (а именно: многократный способ глагольного действия) (АВИЛОВА 1976: 293–295). В *Русской грамматике* (1980), например, эти глаголы анализируются и в разделе *Вид*, и в разделе *Употребление времен глаголов*. Исследователи говоров также неединодушны в своих выводах. В качестве основного, менее зависимого от контекстуальных условий значения называется или значение давнопрошедшего действия (РОВНОВА 1991: 98), или общефактическое значение (ПОЖАРИЦКАЯ 1991: 92). Столь разные взгляды обусловлены рядом факторов. С одной стороны, многократные глаголы в подавляющем большинстве употребляются в форме прошедшего времени, причем особенно частотны они в конструкциях с отрицанием.

- (4) Я век не крашивалась.
- (5) В жизни не пивала.
- (6) Свёкра вот худым словом не вспомнишь. Один раз только расшумелись. После того дед мне никогда худа слова не говаривал.
- (7) Никакой не баливал, я и в больнице не ляживала.

В данных конструкциях обычно отмечается значение усиленного отрицания всякого действия, отсутствие даже единичного его проявления. Примечательно, что это отсутствие действия может относиться как к давнему прошлому, что может подчеркиваться особыми лексическими показателями (*век, всю жизнь, никогда* и под.), так и к недавнему.

- (8) С утра не едал.
- (9) Как приду с фермы, надо мыть. Зато нонь не мывала тебе.

Последние случаи очень показательны, так как они приближают многократные глаголы к обычным глаголам несовершенного вида, лишая их маркированного значения отдаленного прошлого.

С другой стороны, кроме форм прошедшего времени, встречаются и другие формы от многократных глаголов, в частности, инфинитив, причастие, настоящее время, будущее время и повелительное наклонение.

- (10) Думала, не таптывать муравы-травы. Так наголодовались, дак спаси господи.
- (11) Нать всё опахать, только чего не дельвано.
- (12) Я уж не знаю, девка, не спариваю.
- (13) Подумывай, да будем готовливать.
- (14) Дощечка была узенька, бирай знай.

Случаи употребления многократных глаголов не только в формах прошедшего времени (правда, немногочисленные), могут свидетельствовать о том, что многократные глаголы начинают утрачивать маркированность по времени, не отличаясь от мотивирующих глаголов несовершенного вида.

Интересно употребление многократных глаголов и в вопросительных предложениях, где они имеют значение ‘когда-нибудь в прошлом совершать действие’.

(15) Едала свежу рыбку-то? Покушай.

(16) Ты хорошо когды живала?

Здесь не важно, многократным было действие или единичным, поскольку устанавливается сам факт его наличия или отсутствия. Такое значение бывает свойственно глаголам несовершенного вида в обобщенно-фактическом типе употребления.

О разрушении семантики многократности говорит и наблюдаемое нами в говорах использование глаголов в ситуации не повторяющегося, а единичного действия. При этом обычно глагол сочетается со словами, обозначающими конкретное одноразовое действие.

(17) Я раз только мывалась в той байны.

(18) Лес ганивал один раз в жизни.

(19) Слава вечор говаривал.

В последнем примере речь идет о единичном факте совсем недавно произошедшего действия.

Следует отметить, что наряду с многократными глаголами часто в одном контексте мы наблюдаем обычные глаголы несовершенного вида.

(20) Только раз один купалась, больше не купывалась.

(21) Я читывала, люблю газеты читать.

(22) Ткать не тыкала, мама-то ткала.

Таким образом, диалектный материал как будто показывает, что многократные глаголы перестают быть маркированными по семантике кратности действия или локализованности его во времени (только прошедшем). Однако они продолжают активно употребляться в говорах. Вероятно, здесь дело не столько в семантике, сколько в эмоциональной, экспрессивной составляющей подобного употребления. Даже в минимальном контексте чувствуется, что есть разница между «*А жена не рабатывала*» и «*Жена не работала*». В первой фразе содержится некое отношение говорящего к высказываемому – модальность неодобрения. Можно сказать, что многократные глаголы – это такие синкретичные формы, которые совмещают в себе и семантику несовершенного вида, и временную семантику давнего прошлого, и семантику кратного действия, и модальность.

2. Многократные глаголы в литературном языке

Почти как аксиома утверждается тот факт, что «в современном русском языке сохранились лишь реликтовые формы с чистым значением многократности» (ВИНОГРАДОВ 1986: 414), то есть отмечается физическое исчезновение многократных глаголов из литературного языка, что подтверждается данными современных толковых словарей литературного языка. Так, во всех четырех основных толковых словарях литературного языка зафиксировано 109 многократных бесприставочных глаголов (цифра может быть не совсем точной из-за наличия вариантов типа *езжать* – *езживать* и форм с *-ся* – *говаривать* – *говариваться*). Однако по отдельным словарям картина такая: в БАС – 91 глагол, в МАС – 36, в Словаре под ред. Д. Н. Ушакова – 65, в Словаре С. И. Ожегова – 12. Отметим, что в *Грамматическом словаре русского языка* А. А. Зализняка зафиксирован 31 многократный глагол.

Нет единообразия и в подаче многократных глаголов. Например, в БАС одни глаголы помещены в отдельных словарных статьях как глаголы *несов.*, *мног.* (с пометами *прост.*, *обл.* или без помет) – это глаголы *знавать*, *жить*, *игрывать* и др. Значительная часть глагольных форм со значением многократности подается в словарных статьях мотивирующих глаголов несовершенного вида с пометой *мног.* Все словарные статьи проиллюстрированы примерами из художественной литературы XVIII–XIX веков, Словаря В. И. Даля и т. п.

В Словаре Ожегова на каждый из 12 многократных глаголов есть отсылочная статья к глаголу несовершенного вида. Иллюстративный материал отсутствует. У половины глаголов есть помета *разг.* или *прост.*, у других никаких стилистических помет нет.

Наконец, во втором издании МАС наблюдается единый подход к многократным глаголам: все они даны в отдельных словарных статьях как *несов.*, *мног.* к соответствующим глаголам с пометами *разг.* или *прост.* (последнее относится к двум глаголам – *давывать* и *плачивать*). Примеров тоже нет. Видимо, предполагается, что если многократность – это явление исчезающее, то достаточно тех иллюстраций, которые приводятся в БАС.

Но какое языковое явление не исчезает бесследно. Как нам кажется, многократные глаголы получили вторую жизнь. Об этом свидетельствуют наблюдения за языком современных средств массовой информации. Анализировались преимущественно радиопередачи.

Самым частотным по употреблению является глагол *говаривать*, который встречается в утвердительных конструкциях и обычно отсылает слушателя или читателя к источнику сообщаемого (чаще всего это пословицы, поговорки или просто известные выражения из художественной литературы).

- (23) Как любил говаривать Остап Бендер, за граница нам поможет.
- (24) Аппарат съел все деньги, как говаривал бессмертный Остап Бендер.
- (25) А знаете, как говаривали в старину, без монашества нет России.

Далее по мере убывания следуют глаголы: *сиживать, хаживать, знавать, бывать, слыхивать, видывать, рабатывать, пивать, едать, живать, певать, дельвать, гащивать*.

Большинство многократных глаголов, как и в говорах, употребляется в форме прошедшего времени, однако, как нам показалось, чаще в утвердительных конструкциях, в отличие от диалектной речи.

(26) Что-то мне подсказывает, что представители Мальтийского ордена иногда рыбку-то лавливали.

(27) Лавливал, и результативно.

(28) Один из политиков некоторое время назад говаривал.

Употребление многократных глаголов в данных конструкциях не столько подчеркивает неоднократность действия в прошлом, сколько делает высказывание более категоричным. При этом говорящий часто интонационно выделяет именно многократный глагол.

Таким образом, утверждение об исчезновении многократных глаголов, на наш взгляд, сильно преувеличено. Они являются фактом прежде всего устной речи, придавая ей образность, емкость, эмоциональность, выразительность, подчеркивая отношение говорящего к высказываемому.

Словари

БАС = *Словарь современного русского литературного языка*. Т. 1–17. Москва–Ленинград, 1948–1964.

ЗАЛИЗНЯК 1980 = ЗАЛИЗНЯК А. А. *Грамматический словарь русского языка*. Издание 2-ое. Москва: «Русский язык», 1980.

МАС = ЕВГЕНЬЕВА А. П. (ред.) *Словарь русского языка*: В 4-х т. Издание 2-ое. Москва: «Русский язык», 1981–1984.

ОЖЕГОВ 1972 = ОЖЕГОВ С. И. *Словарь русского языка*. Москва: «Советская энциклопедия», 1972.

УШАКОВ 1935–1940 = УШАКОВ Д. Н. (ред.) *Толковый словарь русского языка*. Т.1–4. Москва, 1935–1940.

Литература

АВИЛОВА 1976 = АВИЛОВА Н. С. *Вид глагола и семантика глагольного слова*. Москва: «Наука», 1976.

ВИНОГРАДОВ 1986 = ВИНОГРАДОВ В. В. *Русский язык (Грамматическое учение о слове)*. Москва: «Высшая школа», 1986. 412–414.

ГОРШКОВА–ХАБУРГАЕВ 1981 = ГОРШКОВА К. В., ХАБУРГАЕВ Г. А. *Историческая грамматика русского языка*. Москва: «Высшая школа», 1981. 278–343.

ПОЖАРИЦКАЯ 1991 = ПОЖАРИЦКАЯ С. К. *О семантике итеративных глаголов в севернорусских говорах*. В кн.: *Современные русские говоры*. Москва: «Наука», 1991. 84–94.

РОВНОВА 1991 = РОВНОВА О. Г. *Многократные глаголы в одном вологодском говоре*. В кн.: *Современные русские говоры*. Москва: «Наука», 1991. 94–103.

РУССКАЯ ГРАММАТИКА 1980 = *Русская грамматика*. Т. 1. Москва: «Наука», 1980. 596–634.

Е. В. ИВАНЦОВА

**Лексикон диалектной языковой личности
русского старожила Сибири:
опыт комплексного исследования***

**The dialect language personality's lexicon
of the Russian old-timer in Siberia:
experience of complex research**

Abstract: The article shortly reviews the results of perennial research of dialect-speaking person's vocabulary, which have been introduced in works of the author and other Tomsk dialectological school's representatives. The subject of the analysis is the Siberian peasant woman's lexicon, who is a speaker of the Middle Ob region traditional dialect. The author makes a conclusion about idiolect lexical system's amount, the composition of the levels comprising in this system, the character of interlexical and in-lexical paradigmatic connections and the language world outlook's reflection in the person's vocabulary. The project is carried out within the framework of linguopersonological research direction, in which problems of attainment of language's vital attributes and variety of it's users' types (in this case it means the pointing out the dialect linguoperson's typological criteria) are posed.

Keywords: dialect language personality, lexicon, Russian dialects of middle Ob region

Исследования в сфере «лингвистики индивидуальности» (JOHNSTONE 1996) спорадически появляются в разных странах, но целостная теория языковой личности, или лингвоперсонология, формируется в конце XX–начале XXI века в трудах российских ученых – Г. И. Богина, Ю. Н. Караулова, В. П. Нерознака и др. Изучение языковой личности (далее ЯЛ) как междисциплинарного объекта науки дает новые сведения об устройстве и функционировании языка социума, позволяет проанализировать широкий круг вопросов, касающихся отражения в языковой системе духовной культуры народа.

Лингвоперсонологическая проблематика разрабатывается в научных центрах, различающихся подходами к исследуемому объекту, характером источников и методов его анализа. В трудах лингвистов Томского государственного университета теория ЯЛ разрабатывается применительно к сфере диалектологии. Главными методологическими установками при этом явля-

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02043).

ются: изучение реальной ЯЛ диалектоносителя в условиях, близких к повседневному языковому существованию; недифференцированный сбор и комплексный анализ речевого материала, выявление с опорой на частный, но при этом типичный объект сущностных черт феномена диалектной ЯЛ.

С 1981 г. осуществляется многоаспектное исследование ЯЛ русского старожила Сибири В. П. Вершининой (1909–2004), жительницы Томской области. Одним из центральных направлений проекта является анализ лексической системы сибирской крестьянки. Идиолектный лексикон представляет собой неповторимое сочетание индивидуальных черт *homo loquens* с типическими, отражает социолингвистические характеристики ЯЛ; его углубленное изучение позволяет выйти на реконструкцию языковой картины мира, ментальных установок и ценностей личности.

Источниками анализа послужили записи спонтанной речи информанта, полученные методом включения в языковое существование говорящего (57 экспедиционных выездов 1981–2004 гг., ок. 10 000 стр. дешифрованных аудиозаписей), а также созданные на их основе «*Полный словарь диалектной языковой личности*» (ИВАНЦОВА 2006–2012) и «*Идиолектный ономастикон сибирского старожила*» (ИВАНЦОВА 2015). В первом из них отражена апеллятивная лексика и фразеология изучаемого индивида, во втором – антропонимы, топонимы и прочие имена собственные.

Кратко охарактеризуем основные выводы, касающиеся лексической системы диалектной ЯЛ.

1. Впервые были получены данные о *количественных параметрах лексикона* диалектоносителя с опорой на большой объем естественных текстов, отражающих все формы и жанры речи индивида.

С учетом имен нарицательных и собственных объем словаря носителя говора составил не менее 20 000 вокабул, а если брать за единицу счета слово или фразеологизм в отдельно взятом значении – ок. 32 000. Это убедительно подтверждает тезис Л. Блумфилда о том, что «мифы о крестьянах, рабочих или дикарях, которые используют лишь несколько сотен слов, ни на чем не основаны» (БЛУМФИЛД, 1968: 306).

Выявлены частеречные характеристики словарного запаса. Распределение лексем по грамматическим классам свидетельствует о преобладании имен существительных (39,9%), глаголов (38%) и прилагательных (11,5%); количество слов других частей речи колеблется от 5,5% (наречия) до сотых долей процента.

Получены сведения о соотношении основных классов лексикона диалектной ЯЛ. Для носителя местного говора важным является состав лексики с точки зрения соотношенности с основными формами национального языка – его литературной, просторечной и диалектной подсистемами. Установлено, что в идиолекте сибирского старожила общерусские единицы, присущие всем названным стратам (*говорить* ‘произносить что-л.’, *двор* ‘участок земли при доме’), составляют 59,2%, общие для говоров и городского просторечия (*за’рваться* ‘хотеть, стремиться осуществить что-л.’, *вк’лывать* ‘много работать’) – 2,9%, собственно диалектные лексемы (*байдо’н* ‘орудие

кедрового промысла', *вро'горачь* 'умеренно горячий') – 11,8%. Значительна также доля диалектных вариантов общерусских слов (*весело* 'ве'село', *дви'житься* 'двигаться', *зажечь* 'устроить поджог' – ср. общерусское 'заставить гореть') – 20%. (ИВАНЦОВА 2002: 33–43; 2011: 28–38). Публикация названных словарей позволила также определить пропорции апеллятивов и онимов (90: 10%), лексических единиц и фразеологизмов (91: 10%), нейтральных и экспрессивно-эмоциональных единиц (83%: 17%) и др.

2. Были описаны *состав и функциональные особенности различных классов идиолексикона* диалектной ЯЛ.

Специфика экспрессивно-эмоциональной части лексикона проявляется в наличии диалектных экспрессивов (*охлю'иха* 'неряха', *мозгови'тый* 'умный, сообразительный'). Имеют место также диалектные коннотации, отсутствующие в кодифицированном языке. У носителя среднеобского старожильческого говора это единицы с семантикой снисходительности, подразумевающей оценку своего как не лишённого недостатков, но нужного, полезного (*Пала'зшико постелила с Раей; Коровёнка ничё была, не скажу, что ведёрница, но молока много было*) и смягчительности, приглушающей негативную оценочность (*Она глу'пенька стала* 'о пожилой женщине с нарушениями психики'). Выявлена более высокая насыщенность текста экспрессивными образованиями в сравнении с разговорной литературной речью, что связано с отличным от кодифицированного языка характером общения в диалекте, иными коммуникативными установками говорящих.

Анализ лексики, пополнявшей лексикон крестьянки на протяжении ее жизни, и архаизирующихся единиц дал возможность определения источников развития словаря диалектной ЯЛ. Это прежде всего литературный язык (*пенал* и *стенка* 'виды мебели', *комплю'тер* 'компьютер'), в меньшей степени просторечие (*разбежаться* 'перестать жить семьей', *заколебать* 'сильно надоест') и родной говор (*молока'нка* 'пункт продажи молока').

Самыми обширными среди неологизмов являются поля «медицина» (*травма, медосмотр, нальги'н* 'анальгин'), «работа» (*журналист, космонавт, ниститу'т* 'институт') и «быт» (*телефон, маршрутка, колготки*); в каждом из них более 100 единиц. Устаевающие слова – это в первую очередь номинации вышедших из употребления реалий быта (*пелени'шник* 'приспособление для пеленания младенцев', *одёр* 'вид телеги'), терминология ремесел и промыслов (*гоньбу гонять* 'перевозить кого-что-л., занимаясь извозом', *па'смо* 'единица измерения пряжи'), а также многие составляющие духовной сферы народной культуры: лексика обрядов и верований (*бояры* 'участники свадебного обряда', *дедушка-сусе'душка* 'домовой'), народных игр (*огоньки, разлуки*), формул речевого этикета (*море под кормилицей* 'пожелание доящей корову', *спорина' тебе в тесто* 'пожелание месящей тесто') и др. Трансформация лексикона ЯЛ отражает общие процессы изменения лексической системы местных говоров под влиянием внеязыковых факторов.

Неологизмы и архаизмы нередко отличаются неполным освоением формы, семантики и грамматических характеристик, архаизмы – десеман-

тизацией; для тех и других свойственна суженная до отдельных речевых жанров сфера функционирования, цитатное употребление в чужой речи (ИВАНЦОВА 2002: 43–83, 2011: 38–80).

Окказиональные образования в идиолексиконе ЯЛ редки (за весь период наблюдений их отмечено около 30), что, как правило, типично для рядового носителя языка.

Опубликованный ономастикон позволил проанализировать сферу имен собственных в лексической системе идиолекта. В их составе ок. 2 000 единиц, в том числе антропонимы (личные имена в полных, неполных и качественных формах, отчества, фамилии и прозвища), топонимы, клички животных, обозначения сортов фабричных продуктов, марок автомобилей и бытовой техники, учреждений, радиопередач, песен и др. Несомненно доминирование личных именованных человека над прочими видами онимов: они преобладают количественно (74,3%), наиболее разнообразны, играют особую роль в коммуникативной практике ЯЛ, отражают нормы именования в зависимости от множества факторов и специфику речевого этикета в народно-речевой культуре (ИВАНЦОВА 1995, 2010; АСТАФЬЕВА 2017). Круг усвоенных топонимов маркирует освоенное говорящим пространство и выявляет лакуны в наивных географических представлениях диалектоносителя. (ИВАНЦОВА 2016).

3. Анализ идиолексикона предполагал также описание *видов системных отношений* между его единицами. Наиболее широко в нем представлены мотивационные отношения и полисемия, далее по убывающей – синонимия, антонимия и формальное варьирование.

Отличительной особенностью лексической системы диалектоносителя оказалась резкая диспропорция однозначных и многозначных слов (79,2: 20,8%). Полисеманты среди знаменательных слов чаще всего двузначны, с числом значений от 5 и выше редки. Наиболее многозначны отдельные глаголы, а среди служебных слов – предлоги.

В отличие от достаточно стандартных антонимов, большинство из которых общерусские, синонимы диалектной ЯЛ имеют яркую специфику. Синонимические ряды включают значительное число диалектных компонентов (глаголы *набить*, *набу'цкать*, *нажва'рить*, *нащелка'ть*, *сдверя'жить* со значением физического воздействия, прилагательные *бедовый*, *ёмкий*, *крутля'вый*, *шоботно'й*, обозначающие темперамент, и др.). Высока доля дублетов – 47,5% (*кладбище – мого'льники*, *потчевать – угощать*, *любить – гляну'ться*, *варежки – рукавицы...*), что обусловлено интенсивным взаимодействием говора и литературного языка. При этом более частотны в речи носителя говора нелитературные компоненты синонимических рядов.

Длина синонимических цепочек и частотность употребления их компонентов тесно связана с языковой картиной мира личности: эти функциональные параметры отражают наиболее значимые для говорящего стороны окружающей действительности. Так, самый длинный синонимический ряд из 17 единиц с семантикой 'отклонения в психике' (*дикарь*, *дикоша'рый*, *дурачок*, *ненормальный*, *шишьльно'й*, *потерял колечко*, *тяги с мамой нет...*)

свидетельствует о важности нормативного поведения в обществе. Самые частотные ряды, занимающие первые три позиции, носят оценочный характер. Главенствующими в оценке являются для ЯЛ внешняя привлекательность человека (*видный, красавец/красавица, симпати'чный, славенький, смазливенький, хороший/хорошенький* 'красивый'), особенности телосложения (*полный, толстый, хороший* 'умеренно полный', *жирный, здоровенный*) и этические качества субъекта (*хороший* 'соблюдающий нормы морали', *славный, добрый*).

Для лексикона диалектоносителя также оказалась характерной высокая степень формального варьирования лексических единиц. В идиолекте зафиксировано 577 цепочек образований с незначительными различиями в звуковой оболочке слова, не разрушающими границ его тождества: *бува'ть/бывать, ква'шня/квашня', вторник/авто'рник, метр/ме'тра, разлив/разли'тие, продлённый/продли'тельный, помере'ть/умереть* и под. Чаще всего встречается фонематические варианты (*но'нче/нынче*), несколько реже лексикоморфологические (*скот/скотина*), число грамматических (*дитё/дитя*) и акцентных вариантов (*до'ска/доска'*) невелико. Длина вариантных рядов достигает шести звеньев. Причины повышенной вариативности диалектного лексикона обусловлены устной формой бытования народных говоров, более размытым характером нормы, процессами взаимодействия говоров и литературного языка, а также междиалектного влияния (ИВАНЦОВА 2002: 83–161; 2011: 80–179).

4. Предварительное исследование *идеографической организации* диалектного идиолексикона подтвердило его антропоцентрическое устройство. Макрополе «Человек» с номинациями свойств, качеств человека, его действий и поступков занимает в нем центральное место.

Наполнение полей определяется актуальностью соответствующих понятий для диалектной ЯЛ и частотностью связанных с ними тем в ее дискурсе.

Полевое устройство лексикона демонстрирует широкий круг номинаций человек как биологического существа. Обширны поля с обозначениями тела (*брюхо, голова, грудь, лы'тка* 'бедро', *рука, безволосый, рост...*) и физических потребностей в сне, отдыхе и особенно еде (*спать, задремать, устать, исть* 'принимать пищу', *питаться, нахря'мкаться* 'наестся', *сытый...*), поскольку тяжелый крестьянский труд требует и больших энергозатрат, и их восполнения. Объемно поле «Болезнь», включающее названия болезненных состояний, их проявлений и лечения (*болячка, грудница, грыжа, слабость, сыпь, воспалиться, бинтовать...*); за ним стоит представление о здоровье как одной из важнейших жизненных ценностей. Многочисленны обозначения перцептивной лексики: для носителя традиционной бесписьменной культуры картина мира складывается прежде всего с опорой на органы чувств (*видеть, глянуть, слепой, слышать, зы'кать* 'стучать', *крик, вкусный, густой, яркий, запах, жарко...*), в особенности зрение и слух.

В то же время психическая сфера человека, скрытая от непосредственного наблюдения и менее доступная для аналитической деятельности рядового носителя языка, отражена значительно слабее. Семантические поля

в этой области разнообразны, но невелики по объему; наиболее крупными являются «мышление» (*думать, мысли, рассуждать, рассу'дливый 'рассудительный', ум...*) и «память» (*памятливый, помнить, забыть, вспомнить...*).

В сфере социальных характеристик самыми наполненными являются поля «труд», «родня» и «речь».

Трудовая деятельность человека вербализуется в общих обозначениях работы и ее видов (*работать, трудиться, калымить, заработки...*), наименованиях интенсивного и результативного физического труда (*пахать, иша'чить, переделать, переверотить...*), номинациях человека по его отношению к труду (*работяга, труженик, мастерица, лентяй, ленева'тый...*), роду занятий, профессии или должности (*начальник, председатель, де-журный, профессор, бригадир, майор, завклубом...*). Многообразны названия конкретных видов работ, преимущественно в области домоводства и огородничества; крупными являются поля с семантикой «готовить (еду)», «рукоделие», «дергать», «лить», «копать», «грести», соотносимые с основными повседневные занятия жителя села. Труд, наряду со здоровьем, – основа жизни и благополучия крестьянина.

Поле «родственные отношения», включающее обозначения родителей (*папа, тя'тя 'отец', мать, мама, мамонька...*), детей, братьев и сестер (*дочка, сын, брат, братик, сестра...*), многочисленных более дальних кровных и некровных родственников (*дед, прадед, внук, правнук; дядя, тётка, племянница, свёкор, сватья, золовка, деверь, лёля 'крёстная, кума...*) демонстрирует отношение к родне в традиционном сообществе как высшей ценности.

Поле «речь» содержит наименования процесса говорения (*говорить, сказать, предложить...*), видов речевого воздействия на собеседника (*командовать, распоряжаться, разрешать, просить, укорять...*), восприятия слуховых особенностей речи (*тараторка, шепелявый, заикаться, реветь 'громко кричать'...*), ее содержательных оценок (*врать, хва'стовать, болту'шка 'необязательный человек', алю'сница 'льстивая женщина', поха'бливый 'склонный к грубой брани'*) и др. Показательны диспропорция номинаций устной и письменной речи, высокая доля оценочных наименований этики речевого поведения при невнимании к эстетической стороне воспринимаемого текста. Устная речь важна как основное средство общения в среде, сохраняющей следы бесписьменной культуры.

Обращает на себя внимание поле «религия» как след воспитания личности в глубоко верующей семье, что типично для традиционной крестьянской культуры (*душа, грех, грешница, молитва, набожный, веровать, старо-вер, божественный...*).

Значительное место в словаре диалектной ЯЛ занимает поле лексики природы. Семантические группы, относящиеся к области образования, науки и техники, литературы и искусства, промышленности и строительства, невелики по объему или представлены в идиолексиконе пустыми множествами (ИВАНЦОВА 2002: 161–176, 2011: 160–175; ЗЕМИЧЕВА 2016).

Завершение ведущейся в настоящее время работы над идеографическим словарем диалектоносительницы (ЗЕМИЧЕВА 2017) позволит провести более

детальный анализ языковой картины мира, отраженной в лексиконе носителя традиционной народно-речевой культуры.

6. Начата разработка *диахронического аспекта изучения лексикона* исследуемой ЯЛ. Были рассмотрены состав и функциональные особенности единиц семантического поля «Еда» в дискурсивной практике В. П. Вершининой 10–20-х гг. XX в. (ранний период жизни информанта) и с 80-х гг. XX в. по 2004 г. (поздний период). Сопоставление дало возможность выявить закрепленные в языке констатные черты и трансформации пищевой традиции. К константам можно отнести основной состав продуктов, блюд и напитков, широкое включение в рацион еды, добытой или произведенной в крестьянском хозяйстве, сохраняющуюся значимость хлеба, молока и чая, синкретичное сочетание черт христианства и язычества. Трансформации обнаружены на лексическом, концептуальном и дискурсивном уровнях диалектной ЯЛ. Поле «Еда» видоизменяется за счет пополнения новыми номинациями фруктов, искусственных жиров, фабричного алкоголя и архаизации некоторых видов выпечки, ритуальных блюд; внутри поля происходят процессы утраты или развития формального и семантического варьирования, преобразования родо-видовых и видо-видовых связей. На концептуальном уровне наблюдается сокращение роли религиозного и обрядового начала, стирание граней между сакральным и профанным, праздничным и повседневным, а также между отдельными обрядами, разрушение праздничной традиции употребления спиртного. Дискурсивный уровень маркирует изменения пищевой традиции через жанровую приуроченность текстов (воспоминания / рассказ о повседневном), метатекстовые вкрапления, прецедентные тексты (ГЫНГАЗОВА 2016, 2017).

Итак, многоплановый анализ лексикона сибирского старожила позволил сделать выводы о носителе традиционного говора как высокоразвитой ЯЛ, обладающей богатым словарным запасом с большой долей образных и экспрессивных элементов, разнообразием видов парадигматических связей единиц, позволяющих выражать множество смыслов различными способами. Лексическая система диалектоносителя отличается своеобразным сочетанием общерусской и региональной составляющих, репрезентирует процессы постоянного видоизменения языка личности и общества под влиянием внешних и внутренних факторов. Словарь индивида не только отражает его возраст, пол, уровень образования и условия жизни, но и является своеобразным ключом постижения мировидения и миропонимания носителя народноречевой культуры как первоосновы национальной ЯЛ.

Интенсивное развитие диалектной лингвоперсонологии, обогатившейся в последние десятилетия речевыми портретами ряда диалектоносителей разных регионов, позволило поставить вопрос о разграничении индивидуального и типического в идиолекте сибирской крестьянки. Первичное сопоставление полученных нами выводов с наблюдениями других диалектологов (ИВАНЦОВА 2014) дает основания отнести большинство отраженных в этом очерке черт лексикона к типологическим характеристикам диалектной ЯЛ.

Словари

- ИВАНЦОВА 2006–2012 = ИВАНЦОВА Е. В. (ред.) *Полный словарь диалектной языковой личности*. Томск: «Изд-во Том. ун-та», 2006–2012. Т. 1–4.
- ИВАНЦОВА 2015 = ИВАНЦОВА Е. В. (ред.) *Идиолектный ономастикон сибирского старожила*. Томск: «Изд-во Том. ун-та», 2015.

Литература

- АСТАФЬЕВА 2017 = АСТАФЬЕВА Е. А. *Идиолектный антропонимикон как источник изучения языковой личности диалектоносителя*: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2017.
- ГЫНГАЗОВА 2016 = ГЫНГАЗОВА Л. Г., ИВАНЦОВА Е. В. Трансформация сибирской пищевой традиции в дискурсе диалектной языковой личности: продукты и блюда. *Вестник Томского гос. ун-та. Филология*. 2016/6 (44). 20–37.
- ГЫНГАЗОВА 2017 = ГЫНГАЗОВА Л. Г., ИВАНЦОВА Е. В. Трансформация сибирской пищевой традиции в дискурсе диалектной языковой личности: напитки. *Вестник Томского гос. ун-та. Филология*. 2017/6 (50). 17–35.
- ЗЕМИЧЕВА 2017 = ЗЕМИЧЕВА С. С. Индивидуальный тезаурус диалектоносителя: концепция словаря. *Вопросы лексикографии*. 2017/12. 22–36.
- ИВАНЦОВА 1995 = ИВАНЦОВА Е. В. *Формы выражения речевого этикета при именовании лица*. В кн.: Коммуникативные аспекты слова в текстах разной жанрово-стилевой ориентации. Томск: «Изд-во Том. гос. пед. ин-та», 1995. 159–169.
- ИВАНЦОВА 2002 = ИВАНЦОВА Е. В. *Феномен диалектной языковой личности*. Томск: «Изд-во Том. ун-та», 2002.
- ИВАНЦОВА 2010 = ИВАНЦОВА Е. В. Состав антропонимов индивидуального ономастикона и характеристики языковой личности. В кн.: *Русская речевая культура и текст. Материалы 6-ой Междунар. науч. конф., 25–27 марта 2010 г.* Томск, 2010. 319–324.
- ИВАНЦОВА 2011 = ИВАНЦОВА Е. В. *Языковая личность в традиционной народно-речевой культуре*. Saarbrücken: LAP, 2011.
- ИВАНЦОВА 2014 = ИВАНЦОВА Е. В. Исследование типологических черт диалектной языковой личности. В кн.: *Языковая личность: моделирование, типология, портретирование*. Москва: «Ленанд», 2014. 309–348.
- ИВАНЦОВА 2016 = ИВАНЦОВА Е. В. «Наивная география» в картине мира диалектной языковой личности: реконструкция по данным лексикона. В кн.: КРЮЧКОВА О. Ю. (ред.) *Русская устная речь: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием*. Саратов, 2016. 157–165.
- JOHNSTONE 1996 = Johnstone B. *The linguistic individual. Self-expression in language and linguistics*. New York: Oxford University Press, 1996.

В. Б. КОЛОСОВА

Номинации одуванчика в русских говорах *

Names of Dandelion in Russian Dialects

Abstract: The article analyses Russian folk names of dandelion (*Taraxacum*), with a special attention to motivation of phytonyms by various plant features. The dependence among names in Russian dialects, folklore, and using dandelion is analysed. For example, lexemes with the roots *дуть-* ('to blow') and *пух-* ('fluff') are determined by achenocarps with downy egrets, flying away while blowing; lexemes with the root *молок-* ('milk') – by white milky sap. There are also names motivated by taste, form and colour of inflorescences, leaves shape, locus of vegetation, using in folk medicine, magic, culinary. The dandelion shares several names with other plants, for example: *горькуша/горькуха* (lit. "bitter plant"), *желтушка* („yellow plant”), *зубник* („tooth plant”), *куриная слепота* („night-blindness” = „hens' blindness”); this is caused by a number of similar features.

Keywords: dandelion, ethnobotany, Russian dialects, motivation, plant feature

В статье рассматриваются русские диалектные названия растения одуванчик *Taraxacum*, принадлежащего к семейству сложноцветных *Asteraceae*. Одуванчик – многолетнее травянистое растение с розеткой прикорневых листьев и ярко-желтыми соцветиями-корзинками язычковых цветков, растущее практически везде — на полянах, пустырях, по обочинам дорог. Цветет он с конца апреля, но на закате и во время дождя цветки закрываются. Он не относится к наиболее мифологизированным растениям славянской традиционной культуры, тем не менее, количество диалектных названий этого растений весьма значительно.

1. Источники

Основными источниками исследования стали *Словарь русских народных говоров* (СРНГ) и *Лексический атлас русских народных говоров* (ЛАРНГ) как наиболее представительные сводные источники по русской диалектной лексике. СРНГ дает шестьдесят семь номинаций (однако без учета общелитературного названия *одуванчик*, о распространенности которого СРНГ представления не дает, в то время как это наиболее употребительный фитоним). Для восполнения этой лакуны следует обратиться к ЛАРНГ. Кроме того,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-04-00150.

в нем представлены некоторые лексемы, отсутствующие в СРНГ, а также словарные иллюстрации, проясняющие мотивацию фитонимов. Наконец, выборочно привлекались региональные диалектные словари, опубликованные значительно позже, чем началась работа над СРНГ, и поэтому не вошедшие в список его источников, а также отдельные научные статьи.

2. Критика источников

В СРНГ номинации для *Taraxacum officinale*, *Leontodon taraxacum* и *Taraxacum Dens Leonis* подаются как названия разных растений – очевидно, вследствие механического копирования из источников разных лет (с начала XIX в. до начала XXI в.), где использовалась разная латинская номенклатура. С другой стороны, в ЛАРНГ дается лишь общее (родовое) название растения, без учета вида, поэтому представленные в нем материалы можно считать общим обозначением растения с «известной долей условности» (ЛАРНГ: 594).

Благодаря своим внешним признакам одуванчик получил разнообразные названия, которые можно разделить на группы в зависимости от мотивирующего признака.

3. Цвет

Золотисто-желтый цвет обусловил фитонимы *желтушка* (Вожгал. Киров.), *жёлтая бобка* (Кирил. Новг.), *жёлтый цикорий* (Тамб.) (СРНГ 9: 115, 116, 117), *желтоголовник* (Хотынец., Кромск., Покров. Орл.), *желтушка* (Пудож. Карел., Кириш. Ленингр., Мурашин. Киров.), *желтушок* (Михайлов. Ряз.), *желтуха* (Хвойнин. Новг., Некоуз. Яросл.), *желтяк* (Конош. Арх., Гдов. Пск., Воткин. Удм.), *жёлтый цветок* (Чердакл. Ульянов., Липецк., Тербун. Липецк.), *жёлтая трава* (Онеж. Арх.), *золотник* (Духовщ. Смол.) (ЛАРНГ: 595), а также метафорическое *огонёк* (Соликам. Перм., Мышк. Яросл., Серпухов. Моск.) (Там же).

Значительно меньше отражен в говорах белый цвет пушистых летучих семян одуванчика: *белоголовик* (Усть-Цилем. Коми, Лешукон. Арх.), *белопушка* (Некрасов. Яросл.) (ЛАРНГ: 595).

Большое количество фитонимов связано с белым млечным соком растения: *молочай* (Пск., Нижегород.), *молочая* (Влад.), *молочник* (Арх., Волог.), *молоканка*, *молокоед* (б.м.) (Анненков 1878: 349), *молоканицык*, *молочай*, *молочник* (Ср. Приоб.) (АРЬЯНОВА 2007: 63), *молоконник* (Шарьин. Костром. Пижан. Киров., Себеж. Пск., Коверин. Нижегород.), *молочайник* (Октябрьск. Перм., Гавр.-Посад. Иван.), *молочник* (Печор., Днов. Пск., Жарков. Твер., Руднян. Смол., Октябрьск. Оренб.), *молочница* (Кич.-Городец. Волог.), *молочашик* (Октябрьск. Перм.), *молоченик* (Остров. Пск.) (ЛАРНГ: 595). Вероятно, из-за этого сходства сока одуванчика с молоком в говорах возникла целая группа названий, связанных с коровами и доением: *коровяк*, *коровник* (Тамб.), (Дубровина 1999: 61–62), *подойнички* (Калуж.), *подойница*

(Вят.), *подоянка* (б.м.) (АННЕНКОВ 1878: 349), *дойник* (Свердл. Орл.), *подойник* (Кинешем. Иван., Коныш. Курск.) (ЛАРНГ: 595), а также уверенность в том, что одуванчик способен увеличить жирность молока (БЕЙЛИНА 1968: 426).

В некоторых фитонимах могут отражаться сразу два мотивационных признака. Так, белый цвет и шарообразная форма отцветшей головки с семенами обусловили названия *фонарик* (Пестов. Новг., Шарьин. Костром., Мышк., Углич. Яросл., Талдом. Моск., Большемурашк., Кулебак. Нижег., Суджан. Курск.), *фонарник* (Соснов. Тамб.), ср.: «Когда уж белый, зовут пухлянкой или фонариком» (Красногор. Моск.); «Фонарик, когда отцветает» (Пск. Пск.) (ЛАРНГ: 594).

4. Форма

Плоды одуванчика — пушистые семянки с хохолком — вызвали образование таких фитонимов, как *пуховка трава* (Калуж.), *пушица круглая* (Нижег.), *пушки* (Вят.), *пушник* (б.м.) (АННЕНКОВ 1878: 350), *пуховичок*, *пуховка*, *пушок* (Ср. Приоб.) (АРЬЯНОВА 2007: 63), *пуховалки*, *пуховалочки*, *пушняк*, и, вероятно, *пущик* (СРНГ 33: 163–179), а также *пух* (Чухлом. Костром., Алексин., Арсеньев. Тул., Курск., Обоян. Курск., Красноарм. Краснодар.), *пуханка* (Красногор. Моск., Соснов. Тамб.), *пухлянка* (Чухлом. Костром., Коверин., Большемурашк. Нижег., Тарасов. Рост.), *пушок* (Никол. Волог., Воткин. Удм., Дорогобуж. Смол., Оренб. Оренб.), *пушистик* (Артин. Свердл.), *пушинка* (Артюрьев. Морд.), *пуховик* (Совет. Киров.), *пухва* (Медвежьегор. Карел.), *пухалка* (Вельск. Арх.), *пухколка* (Подпорож. Ленингр.), *пушочек* (Старорус. Новг.), *пухкалка* (Лодейнопол. Ленингр., Лихославл. Твер.), *пуховка* (Нелидов. Твер., Демидов. Смол.) (ЛАРНГ: 595).

Поскольку семянки после созревания легко сдуваются, возникли названия *одуван(чик)*, *сдуванчики* (Твер.), *пустодуй*, *дуванчик* (Обь), *ветродуйки* (Урал.) (МЕРКУЛОВА 1967: 101), *пустодуй*, *ветодуй* [ветродуй? — В. К.], *дуванчик* (Перм.) (РУСИНОВА, БОГАЧЕВА 2003: 121), *одуванчик*, *раздуванчик*, *поддуванчик* (Урал.) (КОНОВАЛОВА 2000: 148), *ветреник*, *дуванчик*, *одуанчик*, *одуайчик*, *одуван*, *одуванчик*, *поддувальник* (Ср. Приоб.) (АРЬЯНОВА 2007: 63), *летунок* (Орл.) (ВАСИЛЬЧЕНКО 1996: 53), *одуй плешь* (Урал.) (КОНОВАЛОВА 2000: 148), *дуан* (Тамб.), *дуван* (б.м.), *дутики-пуховки* (Нерехт. Костром.) (СРНГ 8: 243, 244, 274), *надуванчик* (Моск. Бурят.) (СРНГ 19: 254), *одувалка* (Урал.), *одуванник* (Нижегор.) (СРНГ 23: 66), *сдуванчики* (Твер.) (СРНГ 37: 85), *шапочка-дунуть-плешка* (Шенк. Арх.) (СРНГ 27: 138), *ветродуйка* (Череп. Волог.), *дувак* (Тимашев., Динск. Краснодар.), *дуванец* (Сандов. Твер., Касторен. Курск.), *одувальчик* (Нюкс. Волог.), *дудуванчик* (Камышин. Волгоград.), *раздувайчик* (Соликам. Перм.), *одуванец* (Мантур. Костром., Усвят. Пск.), а также метафорическое *парашютик(и)* (Юрьевец. Иван., Дубнен., Ефрем. Тул., Харабал. Астрах.) (ЛАРНГ: 595). По данным ЛАРНГ, относящиеся к той же мотивационной группе «общерусское наименование одуванчик представлено на всей картографируемой территории»

(ЛАРНГ: 594). Эта же особенность цветка отразилась и в загадке — «Рос шар бел, дунул ветер — и шар улетел» (МИТРОФАНОВА 1968: 70. № 1918).

Поскольку после отцветания и облетания семян остается голая головка, похожая на монашескую тонзуру или же на лысину, это вызвало появление фитонимов *попова плешь* (Твер.), *плежаки* (б.м.) (АННЕНКОВ 1878: 349), *гуменцо попово* (Дон.) (БРЫСИНА, КУДРЯШОВА 2003: 272), *монах* (Волог. Волог.), *пади-волос* (Кромск. Орл.), *плешивец* (Савин. Иван.) (ЛАРНГ: 595), ср.: «дунеш — разлетатца, остаетца токо лысина, как плеш сама настояшша» (Красноур.) (КОНОВАЛОВА 2000: 148).

Названия *поп* (Калуж., Сиб., Урал.), *поповник*, *попок* (б.м.) (АННЕНКОВ 1878: 349; СРНГ 29: 292), *попик* (Волог., Дон.), *поповский дичок* (Дон.) (БТСДК: 402; СРДГ 3: 42; СРНГ 29: 325; СВГ 7: 159), *попы* (Волог.) (СРНГ 30: 23) могли возникнуть в результате компрессии из номинаций типа *попова скуфья*, *попово гуменце* (б.м.), *попова плешь* (Вят., Твер.) (АННЕНКОВ 1878: 349; Даль 3: 318), *гуменцо попово* (Дон.) (БТСДК: 402; СРДГ 3: 42; СРНГ 29: 324). Дальнейшее развитие образа, очевидно, привело к возникновению фитонима *попадья* – одуванчик, «если с него не сдувается цветок, похожий на пух» (Сиб.) (СРНГ 29: 296).

Неровная, иззубренная форма листьев обусловила фитонимы *зубник* (Калуж., Смол.), *зубной корень* (Вят., Костром.), *зубная трава* (Вят.), *зубастый* (Нерехт. Костром.) (СРНГ 11: 358, 360-361). Не исключено, однако, что они являются кальками с латинского названия *Dens leonis* [букв. 'львиный зуб'], что подтверждается рядом фитонимов из других языков с той же или частично совпадающей внутренней формой. Трубчатая, пустая внутри безлистная цветочная стрелка нашла отражение в названии *полая трава* (Кадн., Волог. Волог.) (СРНГ 29: 175).

5. Локус

Поскольку одуванчик нередко растет вдоль дорог, в некоторых говорах он получил названия *поддорожник* (Калуж. Калуж.) (СРНГ 27: 395), *подорожник* (Курск.) (СРНГ 28: 122), хотя для носителей русского языка этот фитоним обычно ассоциируется совсем с другим растением — подорожником *Plantago*.

6. Вкус

Листья и сок одуванчика на вкус горчат, поэтому цветок получил названия *горькуха*, *горькуша* (Пск.) (СРНГ 7: 82) *горчик* (Пудож. Карел.), *горчушник* (Максатих. Твер.), *горькая трава* (Палех. Иван.) (ЛАРНГ: 598). Вероятно, по той же причине образовался метафорический фитоним *гадючье молоко* (Дон.) (БРЫСИНА–КУДРЯШОВА 2003: 273).

7. Время

В русских диалектных фитонимах время появления или же расцветания одуванчика не отражено, однако оно опосредованно связывается с некоторыми событиями аграрного календаря: «Огуречник зовут, потому что как только одуванчик зацветет, огурцы сажают» (Киржач. Влад.) (ЛАРНГ: 594). В случае фитонима *косарик* (Кемер.) (СРНГ 15: 45) можно выдвинуть предположение, что оно мотивировано приметой: «Одуванчики жёлтыми пуховыми шапками, дунет ветер, шапка слетит, у нас примета есть: если одуванчик осыпается, надо косить траву» (Пск. Пск.) (ЛАРНГ: 594). Отметим, однако, что фитоним и примета записаны в разных областях.

8. Медицинское применение

Отразились в фитонимии и некоторые болезни, которые лечили одуванчиком: *куриная слепота* (Мещов. Калуж., Кедабек. Азерб. ССР) (СРНГ 16: 127), *куричья слепота* (Борович., Белозер. Новг.) (СРНГ 16: 129) (СРНГ 38: 268), *курицына слепота* (Бабушк. Волог.) (ЛАРНГ: 598); ср. «Знаю, что одуванчик и лютик зовут куричьей слепотой. Делают настой и лечат ём от куриной слепоты. Есть болезнь така» (Кож. Том.) (АРЬЯНОВА 2007: 63–64).

9. Кулинарное применение

Целый ряд фитонимов — как правило, составных — связывает одуванчик с цикорием: *дикая цикория* (Смол.), *дикий цикорь* (Твер., Вят.) (СРНГ 8: 62), *русский цикорий* (Волог.) (СРНГ 35: 273), *цикорий* (Моск.), *желтая цыкория* (Тамб.), *полевой цикорий* (б.м.) (АННЕНКОВ 1878: 350). Все они, очевидно, образовались «по употреблению корня при кофе» (Там же). Добавим к этому ряду название *сиропка* (Южск. Иван.) (СРНГ 37: 348). Его вполне логично объяснить тем, что во многих местах из цветков одуванчика варят мед (см., напр., АРЬЯНОВА 2007: 64), ср. тж.: «Варенье из цветов желтушника варят» (Сланц. Ленингр.) (ЛАРНГ: 594).

10. Неясная мотивация

Как в случае с любым растением, ряд диалектных названий остается темным; даже при прозрачной этимологии трудно что-либо сказать об их мотивации. Наиболее сложными для толкования в случае с одуванчиком можно признать фитонимы *тюромок* (Вят.) (СРНГ 46: 36–37), *упарь*, *упырь* (Медвежьегор. Карел.) (СРНГ 47: 238, 306), *урюп* (Морд.) (СРНГ 48: 26). Ряд *кукобака* (Сямж. Волог.), *кукобачник* (Устьян. Арх.), *кульбабка* (Шолохов. Рост.) (ЛАРНГ: 595) наводит на мысль о переносе названия по сходству с растения *кульбаба* *Leontodon*, которое внешне довольно сильно походит на одуванчик. В случае с фиксацией в Ростовской области возможно и влияние

украинских говоров, ср. укр. *кульбаба* ‘одуванчик’. Сокращение названия могло привести к образованию вариантов *баба*, *бабка* (Пск. Пск., Мышкин. Яросл., Себеж. Пск., Курск. Курск., Шебекин. Белгород., Кантемир. Ворон.), *бабочка* (Пск. Пск.) (ЛАРНГ: 595). Отметим, однако, что подобные названия крайне частотны для растений, которые широко используются в народной медицине.

Фитоним *дед-и-баба* (Железногор. Курск.) (ЛАРНГ: 595) образует параллель с вышеупомянутыми фитонимами *поп* и *попадья*. Не исключено, что он тоже обусловлен противопоставлением цветков с легко сдувающимися семянками тем, на которых летучки держатся крепко и не сдуваются.

Названия *мать-и-мачеха* (Гдов. Пск., Ильин. Перм., Можгин. Удм., Ольхов. Волгогр.) и *первоцвет* (Красногвард. Белгород.), в общелитературном языке относящиеся к мать-и-мачехе обыкновенной *Tussilago farfara* и первоцвету весеннему *Primula veris* соответственно (а в говорах — и к ряду других растений), могут быть объяснены визуальным сходством в первом случае и временем цветения — во втором. Относительно фитонима *голова* (Воткин. Удм.) можно выдвинуть предположение, что он продолжает семантический ряд фитонимов типа *желтоголовник*, *белоголовик*.

11. Использование

Отметим, что признаки растения влияли не только на его номинацию, но и на применение. Так, в Курской губ. одуванчик использовался при желтухе (БОЛТАРОВИЧ 1990: 93–94); благодаря млечному соку в Арзамасе (под местным названием молочай) он употреблялся роженицами «как к разбитию спершагося молока, так и для приумножения онаго» (ДЕМИЧ 1889: 38). Аналогичные свойства приписывались и другим растениям с белым млечным соком, так, отвар *молочая* ‘молочай лозный *Euphorbia virgata* W. et K.’ в Казанской губ. пили женщины, «когда у них в грудях молоко портится» (КРЫЛОВ 1882: 40).

Мы уже упоминали о названиях одуванчика, образованных от корня *зуб-*, связывая их с зазубренной формой листьев. Однако не исключено, что они образовались благодаря применению растения в лечебных целях: «Зубник (полевой цикорий) свежий корень прикладывают к болящим зубам» (Ельн. Смол.) (СРНГ 11: 361), или же здесь имеет место двойная мотивация. То же предположение можно выдвинуть и в отношении фитонима *золотник* (Духовщ. Смол.) (ЛАРНГ: 595), который может быть обусловлен как цветом цветка, так и его применением от болезни *золотник*.

12. Заключение

Как видно из приведенных примеров, у одуванчика есть ведущие и периферийные признаки, которые отразились в его названиях. Абсолютным лидером являются фитонимы с корнем *дув-/дуй-*, отражающие наличие у растения летучих семянков, облетающих на ветру. Следующими по числен-

ности можно признать лексемы с корнем *пух-/пуш-*, отражающие тот же признак, названия с корнем *желт-*, характеризующие цвет лепестков, а также фитонимы, обусловленные наличием белого млечного сока. Прочие признаки дали гораздо меньшее количество названий.

Одно и то же растение по говорам имеет весьма обширный список наименований. И наоборот — один фитоним может обозначать целый ряд растений. Так, одуванчик имеет множество общих названий с другими растениями: отмечено всего семнадцать растительных значений у слова *желтушка* (СРНГ 9: 114-115), семь значений у слова *зубник* (СРНГ 11: 360-361), шестнадцать значений у слова *горькуша* (СРНГ 7: 82), двадцать шесть — у словосочетания *куриная слепота* (СРНГ 16: 127) и так далее, что обусловлено наличием ряда общих признаков или аналогичного применения у одуванчика и других растений.

Если сравнить русские говоры с другими славянскими, то видно, что целый ряд признаков на нашел отражения в русских фитонимах. Так, белорусское название *багатка* (ГАНЧАРЫК 1927: 6), вероятно, дано одуванчику из-за его медоносных свойств. Ряд болгарских фитонимов — *глухарче*, *глушило*, *глушина*, *глушка*, *глушник*, *глушнице*, *глушина* (АХТАРОВ 1939: 290) — говорит о том, что одуванчик заглушает посеvy (БЕР 1: 252). В русских говорах к этой группе можно отнести разве что фитоним *надоедна трава* (Людин. Калуж.) (ЛАРНГ: 595). Некоторые названия отражают время появления растения. Оно может быть названо прямо: укр. *май* (КОЛОМІЄЦЬ, ШАМОТА 1979: 24), пол. *maje* (CZYŻ, WYSAKOWSKA 1993: 102); через отсылку к названию праздника: болг. *въликдънче* (БИЗЕРАНОВА 2003: 46), или же через события, происходящие одновременно с цветением: весной выводятся гусынята, поэтому растение, которое цветет в это время, называется серб. *гушчије цвеће*; кроме того, весной, с первым солнцем, вылезают и змеи, поэтому одуванчик носит также имя *змијино цвеће* (ШПИС-ЋУЛУМ 1995: 423) (подробнее см. КОЛОСОВА 2009: 187–193).

Данное исследование не претендует на полноту представления данных. В силу ограничения объема статьи в нее не вошли даже все данные из обработанных словарей, не говоря уже о множестве региональных изданий. Отметим, что перспективы подобных изысканий лежат в области сравнительных исследований (на фоне других славянских и(ли) индоевропейских языков), типологических исследований (например, сравнения с финно-угорскими или тюркскими фитонимами), наконец, в области Digital Humanities.

Словари

АННЕНКОВ 1878 = АННЕНКОВ Н. *Ботанический словарь. Справочная книга для ботаников, сельских хозяев, садоводов, лесоводов, фармацевтов, врачей, дрогистов, путешественников по России и вообще сельских жителей*. Санкт-Петербург: «Типография Императорской Академии наук», 1878.

АРЬЯНОВА 2007 = АРЬЯНОВА В.Г. *Словарь фитонимов Среднего Приобья*. Т. 2. Томск: «Изд-во Том. гос. пед. ун-та», 2007.

- АХТАРОВ 1939 = АХТАРОВ Б. *Материали за български ботаничен речник*. София: «Придворна печатница», 1939.
- БЕР 1 = ГЕОРГИЕВ Вл., ГЪЛЪБОВ Ив., ЗАИМОВ Й., ИЛЧЕВ Ст. (съст). *Български етимологичен речник*. Т. 1–. София: «БАН», 1971–.
- БТСДК = ДЕГТЯРЕВ В. И., КУДРЯШОВА Р. И. и др. *Большой толковый словарь донского казачества*. Москва: «Русские словари; Астрель; АСТ», 2003.
- ГАНЧАРЫК 1927 = ГАНЧАРЫК М. М. *Беларускія назовы расьлін*. Ч. 1. *Праца Навуковага таварыства на вывучэнню Беларусі*. Т. II. Горы-Горкі: «Друкарня і камнядрук Акадэміі», 1927. 194–216; Ч. 2. *Праца Навуковага таварыства на вывучэнню Беларусі*. Т. IV. Горкі: «Друкарня і камнядрук Акадэміі», 1927. 1–28.
- ДАЛЬ = ДАЛЬ В.И. *Толковый словарь живого великорусского языка*: В 4-х т. Москва: «Русский язык», 1989–1991.
- КОНОВАЛОВА 2000 = КОНОВАЛОВА Н. И. *Словарь народных названий растений Урала*. Екатеринбург: «УРГПУ», 2000.
- СВГ = ПАНИКАРОВСКАЯ Т. Г. (ред.). *Словарь вологодских говоров*. В 12 вып. Вологда: «Изд-во ВГПИ/ВГПУ», 1983–2007.
- СРДГ = ВАЛПОСИНСКАЯ З. В. (ред.). *Словарь русских донских говоров*. В 3 т. Ростов-на-Дону: «Изд-во Ростов. ун-та», 1975–1976.
- СРНГ = ФИЛИН Ф. П. (вып. 1–23), СОРОКОЛЕТОВ Ф.П. (вып. 24–46), МЫЗНИКОВ С. А. (вып. 47–) (ред.) *Словарь русских народных говоров*. Москва; Ленинград; Санкт-Петербург: «Наука», 1965–. Вып. 1–.

Литература

- БЕЙЛИНА 1968 = БЕЙЛИНА Д. А. *Материалы для полесского ботанического словаря*. В кн.: *Лексика Полесья. Материалы для полесского диалектного словаря*. Москва: «Наука», 1968. 415–438.
- БИЗЕРАНОВА 2003 = БИЗЕРАНОВА С. *За някои фитоними в говора на Ново Село, Видинско*. В кн.: *Растителният и животинският свят в традиционната култура на българите*. София: «БАН Етнографски институт с музей», 2003. 42–55.
- БОЛТАРОВИЧ 1990 = БОЛТАРОВИЧ З. С. *Народна медицина украинців*. Київ: «Наукова думка», 1990.
- БРЫСИНА, КУДРЯШОВА 2003 = БРЫСИНА Е. В., КУДРЯШОВА Р. И. *Составные наименования растений в донских говорах*. В кн.: *Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования*. 2000. Санкт-Петербург: «Наука», 2003. 269–274.
- ВАСИЛЬЧЕНКО 1996 = ВАСИЛЬЧЕНКО С. М. *Формально-семантические связи русского имени существительного в семасиологическом и ономасиологическом аспектах*. Орел: «Изд-во Орлов. гос. телерадиовещ. компании», «Орлов. гос. ун-т», 1996.
- ДЕМИЧ 1889 = ДЕМИЧ В. Ф. *Очерки русской народной медицины. Акушерство и гинекология у народа*. Ч. 2. Санкт-Петербург: «Губернская типография», 1889.
- ДУБРОВИНА 1999 = ДУБРОВИНА С. Ю. *Ботаническая лексика в тамбовских говорах*. В кн.: *Материалы к лингво-фольклорному атласу Тамбовской области*. Тамбов: «Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина», 1999. 59–68.
- КОЛОМІЄЦЬ, ШАМОТА 1979 = КОЛОМІЄЦЬ В. П., ШАМОТА А. М. *Семантична мотивація українських назв рослин*. *Мовознавство*. 1979/4: 20–25.
- КОЛОСОВА 2009 = КОЛОСОВА В. Б. *Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект*. Москва: «Индрик», 2009.

- ЛАРНГ = Лексический атлас русских народных говоров. Пробный выпуск / ПОПОВ И. А., ВЕНДИНА Т. И. (ред.). Санкт-Петербург: «Наука», 2004.
- МЕРКУЛОВА 1967 = МЕРКУЛОВА В.А. *Очерки по русской народной номенклатуре растений (Травы, грибы, ягоды)*. Москва: «Наука», 1967.
- МИТРОФАНОВА 1968 = МИТРОФАНОВА В. (ред.) *Загадки*. Ленинград: «Наука», 1968.
- РУСИНОВА, БОГАЧЕВА 2003 = РУСИНОВА И.И., БОГАЧЕВА М.В. Фитонимическая лексика говоров Пермской области. В кн.: *Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 2000*. Санкт-Петербург, 2003. 116–127.
- ШПИС-ЋУЛУМ 1995 = ШПИС-ЋУЛУМ М. Фитонимија југозападне Бачке (коровска флора). *Српски дијалектолошки зборник*. 1995/XLI: 397–490.
- CZYŻ, WYSAKOWSKA 1993 = CZYŻ L., WYSAKOWSKA B. Ziołolecznictwo regionu rzeszowskiego w badaniach Franciszka Kotuli. In: *Historia leków naturalnych III*. Warszawa, 1993. 83–118.

Е. А. НЕФЕДОВА

Дух и душа: общерусские слова в системе диалекта

Spirit and soul: all-Russian words in the dialects system

Abstract: The article discusses the semantics of all-Russian words ‘spirit’ and ‘soul’. In dialects all-Russian words become dominants of multicomponent synonymic series, centers of large word-formative nests, whose units are also multivalued. In their original non-derivative meanings they have various differences from the literary language, first of all, differences in lexical compatibility. Being the names of the basic universal concepts, all-Russian words reveal the originality of the conceptual content. This allows us to affirm possible variance of the national world view.

Keywords: dialect, all-Russian words, lexical semantics

Статья посвящена изучению семантики общерусских слов, функционирующих в диалектной системе. Обращение к этой теме основано на отношении к диалекту как к языковой системе, все единицы которой равноправны с точки зрения структурной и функциональной, независимо от того, имеют они территориальные ограничения или представлены также и в литературном языке.

Идея обусловленности характеристик слова, общего для литературного языка и говоров, его положением в разных языковых системах еще в 60-е годы последовательно проводилась в работах О. Г. Гецовой и И. А. Оссовецкого. Так, И. А. Осовецкий отмечал: «... можно сделать закономерный вывод о том, что все слова говора хорошей сохранности будут обладать какими-либо отличиями от соответствующих слов литературного языка» (ОССОВЕЦКИЙ 1969: 9).

Исследования показывают, что расстояние между литературным языком и языком диалектным, каждый из которых – часть общей русской речевой культуры, не так уж велико, а различия между ними в семантическом и словообразовательном пространстве общерусских слов далеко не всегда очевидны и определены.

На базе материалов картотеки *Архангельского областного словаря*¹, создаваемого на кафедре русского языка филологического факультета

¹ К настоящему времени опубликованы восемнадцать выпусков Словаря (АРХАНГЕЛЬСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СЛОВАРЬ 1980–) (буквы А-З), их общий объем – 370 печатных листов. Опубликован также [Обратный словарь архангельских говоров 2006] объемом в 170 тысяч слов. Картотека *Архангельского областного словаря*, включая ее компьютерный вариант (всего около 6 млн. словоупотреблений) содержит обширный иллюстративный материал на общерусские слова.

Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, сложилось своеобразное направление исследования общерусских слов, функционирующих в системе говора. Работы этого направления показывают, что общерусские слова в диалектах выполняют системообразующую роль. В условиях устной речи они реализуют свой семантический потенциал, развивая собственно диалектные значения и обнаруживая «глубокую» многозначность, становятся доминантами многокомпонентных синонимических рядов, центрами больших словообразовательных гнезд, единицы которых также многозначны. В значениях, общих с литературным языком, общерусские слова, как правило, отличаются от него характером лексической и семантической сочетаемости. Будучи именами базовых общечеловеческих понятий, общерусские слова обнаруживают своеобразие концептуального содержания.

Объектом обсуждения в статье являются общерусские слова *дух* и *душа*, функционирующие в говорах архангельского региона².

1. Душа

В языковой модели мира (в подсистеме «модель человека»), душа и дух относятся к невидимым, «представляемым сущностям». По мнению Е. В. Урысон, они имеют первостепенное значение для экспликации этой модели. Душа в ее работе (УРЫСОН 2003: 21–27) определяется как невидимый орган внутренней жизни, как средоточие внутреннего мира человека, его истинных чувств и желаний. Душа относится к понятиям, в которых, наряду с понятиями судьбы и тоски, в наиболее полной мере раскрываются особенности национального характера (ВЕЖБИЦКАЯ 1996: 33).

Обратимся к рассмотрению диалектного материала.

1.1. Душа – орган переживаний

Общее суждение о душе таково:

(1) Человек одним нервом-то дышит: другой души не вставишь.

Будучи средоточием духовной жизни, душа находится в оппозиции к телу.

(2) Душа-то дородна, да ноги не ходят. Векова пословица: туша-та наша буде лежать, а душа... Скелет-то – там косьё-то [кости], а душа ходит. Как у нас говорят: душа-то рыщет, а жопа места ищет (человек всегда думает, как ему лучше устроиться).

О человеке, который сильно переживает, говорят:

² Материал статьи извлечен из 1–18 вып. и картотеки *Архангельского областного словаря*.

(3) Он душеньку в горстку зажал, у него вся душа в горсти.

От сильных переживаний душа деревенеет.

(4) Душа у меня деревянная сделалась.

Душа как орган переживаний может подвергаться разным, чаще деструктивным, воздействиям.

(5) Ето за душу дёргат – до екой поры спят дак! Просто меня так за сердце задело, за душу-то. Забирает за душу – убить жену! Вот ей теперь душу дерёт. Хорошо прициталя – за душу берёт. Тебя за душу возьмёт. А другие-то поют – за душу не хватает.

1.2. Душа – носитель нравственных качеств человека

Душа в говорах отождествляется с человеком, обладающим теми или иными нравственными качествами. Это значение реализуется в сочетании с прилагательными, называющими качества человека.

(6) Они знают, што я проста душа. Деденки, добрые души, там собрались. Вредны души! Таких нет на свете! Вот завидный, завидная душа! Неверны души, хитрые, лгите всё! Ну, подлые души, больше не уйдите! Ой вы, нюхлые вы души!

1.3. Душа - живое существо

Как живое существо душа может находиться в разных физических и эмоционально-психологических состояниях.

(7) Душа растёт, што он в дому во своём. Так звонили [в церкви], дак душа рада. Послушаю, песни поют, дак душа зашевелицца. У меня душа не спит. Душа не вытерпит. Ой, душа у меня не выносит таких пьяниц! Не перевариват душа реклам. Душа не выдерживает. Душа мрёт – телята в загоне! Прямо дак душа умрёт, как теперь работают, честное слово. Как у кого не наставлено сено, душа болит. Так у меня душа боялась ево звать.

Подобно живому существу, душа испытывает желания, и физические, и нематериальные.

(8) Они летом едят, сколько душа пользует. Ешь, пей, цево душа изволит. Ты ешь досыта, сколько душа желает! Из братыни пей, скоко душа велит. Желательно, если душа принимает. Втреби, дак ешьте, душа желат, принимает.

(9) Душа горит, так бы и улетела за морошкой. Дом-то не мы строили, душа не лежит ходить к тебе.

Выражая свои желания, душа приказывает, требует, просит.

- (10) Раздевайся, где душа приказывает. Сколько тебе душа требует, столько и надо есть.

Желания души можно утолить.

- (11) Душу отвела да съёрнула охотку – поела голанку [репу]. Опять душу стешили, сходили [в лес]. Вам тоже надо души-то позолотить – вам на жаренку [принесли грибов]! Когда съедят чего-нибудь, так скажут: ну, оболожил душу. Пока поворачиваюсь, работаю, силою, ем жирно, а душу морить не буду.

С физическими желаниями души связан аппетит. Значение реализуется в составе устойчивых сочетаний.

- (12) Сын-то забылся, хотел от души ухи похлебать. Хлебайте, по души хлебайте да сыто ешьте. Трешшочку за милу бы душу поел. Раньше стряпали тяпушники из картошки да репники стряпали, за любо душу ели.

1.4. Душа – дыхание

Будучи органом жизни, душа естественным образом соотносится с дыханием. В этом значении синонимичны *душа* и *дух*.

- (13) Душа-то вот и худая, не хватат души-то, песня в горлышке застряла. Одва [едва] душу переводит. Побежала, заздыхалась, души-то нет. У меня топерь душа коротка стала, дак не спеть мне!

1.5. Душа – физический орган

Подобное понимание души находит проявление при описании нездоровья, плохого самочувствия человека.

- (14) Цё как там, в душе, заболит, так заварим и пьём. Ой, да ты ещё на лицо-то выглядиш хорошо, а на душе-то всё изгнило. Вот мне как душу запекёт, ничево солёного не ела – мне душу пекёт сильно. Ой, што-то скливит, неловко поела, так што-то скливит на душе, когда чё-то поела.

Душа физически слабого или худого человека описывается как орган, плохо закрепленный внутри человека.

- (15) Он тоже как потеряшный был, душа висела, худяшший-худой был. На чём душа держится! И на цём только душа стоит!

Душа представляется и как внешняя оболочка, которая сигнализирует о плохом самочувствии человека.

- (16) Она уж боле в худых душах идёт.

1.6. Душа – вместилище

Будучи невидимым внутренним органом, душа предстает как некая емкость, некое вместилище чувств и переживаний человека. Диалектный язык описывает локализацию чувств и переживаний и внутри, и на поверхности органа.

- (17) Встретишь – как в душу лезет! Колокола все как зазвонят, так в душу и влезут. Ой, как ты хорошо сказал – как в душу положил! А ночесь до того долаял, дак в душу влез. Так и поворотится в душе. У меня в душе камни наложены. Тоже мне это в душу село: у меня детей семеро – што впереди?
- (18) Вот по людям-то видишь, как на душе-то играет. То пиво вообще любо попить. Ево попить – ангел по душе пойдёт.

1.7. Религиозные представления о душе

В них, как ни странно, актуализируется образ души в виде физического органа. Соответственно этому религиозные представления локализуются либо внутри органа, либо на его поверхности.

- (19) Я в душе-то Бога держу. Я Господа Бога имею на душе и на сердце.
- (20) Я грех на душу не хочу принимать. Такой родился последыш – на душу мотаешь грех. Греха вот на душу мотает, чего-то на неё накатываться стало. Ох, греха-то на душу-то намотала.

Грех в этих высказываниях представлен как нечто длинное, типа веревки. Он наматывается на душу, опутывает ее. На фоне такого представления о грехе по-новому воспринимается выражение, имеющееся в литературном языке – *грех попутал* (НЕФЕДОВА 2015: 260).

1.8. Отделение души от тела

Душа умирающего человека покидает тело. Выражение *испустить душу*, вероятно, является модификацией чуждого говору выражения *испустить последний вздох*.

- (21) Она замирала, заклохтала, душа стала выходить. Задышу, как душа вырывается. В яму-ту [погреб] заползла и там и душу отдала. Укол-от сделала, и она душу положила. Она при них душу испустила. Он душу спустил, тут и роспустился; Она готова, душу спустила.

Агония представлена как борьба человека с душой.

- (22) Уже с душой борется [видимо, старается удержать ее в теле], а не может долго помереть, уж последни здохи.

В (СЛАВЯНСКИЕ ДРЕВНОСТИ 1997: 164) приведено такое поверье: нужно, чтобы душа вышла, иначе человек превращается в упыря. На Русском Севере

принято в ожидании смерти *душу караулить*, то есть фиксировать момент ее выхода из тела.

(23) Чужие люди сидят, бабкину душу караулят. Лежал, я думала, умрёт, души караулила.

Умирая, человек *из души уходит, с души спускается, опускается, сходит*. Это очень устойчивое, распространенное в говорах описание смерти человека. В спуске с души можно видеть представление о душе как о высшем духовном начале, противопоставленном телесному состоянию человека. Расставание с душой – это уход вниз, в землю.

(24) Она из души ушла. Он из души пошел, помер. Вот-вот с души спускается. Нет, он не спустился с души. Он стал с души спускаться и никаким местом не пошевелился. Мало време она помирала, с души спускалась. Жонка боле из души опустилась – померла. Через минуту-другу она уж с души сошла.

С душой умершего человека связаны многочисленные поверья и обряды. Ниже приведены некоторые из них.

(25) Душа ходила на сороковой день, трубу открывали, ворота не закладывали. Если ворота заложить, то стукаться [стучаться] будет душа, являться будет, пугать. Душа ходит каждой день в этот дом [40 дней после смерти]. Пришла душа-то, как затрещала по дому – осподи! После десяти вечера нельзя выносить мусор, помои нельзя вываливать. Считается, што души своих умерших родных обольёшь грязью. Пока душа на земле, то лишней ложки на стол не кладут, а на первом обеде всё ему кладут, на кладбище завтра несут.

В говорах архангельского региона существует обычай ставить стакан воды рядом с умирающим. Это можно связать с представлением славян о том, что колыхание воды в чашке, стоящей около умирающего, свидетельствует об уходе души из тела (СЛАВЯНСКИЕ ДРЕВНОСТИ 1997: 164).

(26) Когда человек умирает – душа купается в этом стокане, душа купается. Воду поставишь, так вода колыхнется – душа купается в водичке.

Рассмотренный материал свидетельствует, что носителям говоров в большей мере свойственно чисто телесное, физическое представление о душе. Вместе с тем, психо-эмоциональные состояния души человека отражены в говорах более детализовано, чем в литературном языке.

2. Дух

В уже упоминаемой работе Е. В. Урысон дух определяется как невидимая летучая субстанция, летучее вещество жизни, находящееся, как и душа, в груди человека (УРЫСОН 2003: 61–70).

В говорах архангельского региона отмечены значения, не связанные с наивной анатомией человека, такие, как ‘воздух’ и ‘запах’.

(27) Дух сырой, землёй пахнет. Так ошиват духом этим летным. Леса тут близко, духом наслажаются. Да нет, какой дух, не душно. Жарко, ещё упарится, пусть маленько дух [горячий воздух, жар] выйдет, порато [очень] жарко. Печка открыта – дух уйдёт.

(28) Дух от цветов! Какой душиной, как от козла дух идёт. Московские, дак ваш дух любит комар.

Остановимся на значениях, непосредственно связанных с языковой моделью человека.

2.1. Дух – дыхание, способность, возможность дышать

(29) Надь духу много [чтобы петь], не вытягается тутока. Поёт, скоко у его духу есть. Духу не хватат, одышка берёт. Задышка, духу нет песни вытягивать.

Чтобы задержать дыхание, нужно *дух утаить или запереть*.

(30) Берёзовым листом натру, я дух утаю, тогда только попадёт. Преже чем дух утаю, рукавицы одену лишны. Дух запер он, штоб слышать не мог.

Когда перехватывает дыхание, *дух затыкает, спирает, запирает, захватывает*.

(31) *Холода-ти – дух и у здорового затыкат. Дух заперло. Ноли [даже] дух спирает, этой мазью. Дух захватит – и всё.*

2.2. Дух – физическая сила, здоровье

Физическая сила, здоровье человека связаны с дыханием.

(32) Сходим, хоть бы только бы дало бы духу-то. Тут-то дух подынется, домой бежим. Невеста ревет, сколько духу есть, шибко ревет. Лошадь если с горы бежит, дак она – на весь дух! Вся сбеляла, как скалина, бежу на весь дух. Тоже иногда нету духу, нисколько не могу – лежу. Духу не было оклеить стены. Ой, дочево добежала, дух вон. Помыла, постирала, пополоскала, и весь дух вышел. Пойду на улицу выхлопывать [постели], да и устану, духи-то выходят [силы иссякают].

Об очень худом, слабом человеке говорят:

(33) Ни тела, ни духу нет, одно костьё.

2.3. Дух – поведение, характер

Дух как невидимая субстанция, являющаяся носителем жизни, проявляет себя в психологических и эмоциональных характеристиках живого существа, не только человека, но и животного. К ним относятся особенности поведения, характер, нрав.

(34) Там людоед-от был медведь, злой духом, злой.

О том, кто обладает своевольным, своенравным характером, говорят: *с духом*.

(35) Она с духом: «Без узды не ходи ко мне», она психовата. Теперь молодые люди с духом.

2.4. Дух – душевное состояние, настроение

Настроение человека – важный фактор его поведения. Человек либо находится *в духе, в духах, с духами*, либо у него *духу нет*.

(36) На собрание сходил, в духе пришел. Не в духах: если человек злится, скажут – не в духах пришел. Она такая тоже – с духами, когда задумает говорить, так день говорит, а когда нет, так всё уж. У его духу нет, как настроения нет, так грит: «Никого не пушю!»

2.5. Дух – нравственные силы человека

Дух поддерживает человека, духа можно *набрать*, то есть собраться с силами, решиться на что-нибудь, или *духом пасть* - потерять присутствие духа.

(37) Уж держись одним только духом. Девка тоже удавилась, набрала духа да удавиласи. Ты што уж порато духом-то пала? Не надо духом падать, а уж как духом падёшь, так тут всё!

Дух следует *поддерживать*.

(38) Он дрова колотит за окном, я хожу – дух поддерживаю.

2.6. Дух – обычаи, нравы, привычки

В жизни сельского жителя, носителя традиционной культуры, правила этики и морали, обычаи и традиции имеют большое значение. В этом контексте *дух* – это неписанные законы, регулирующие жизнь общества.

(39) Мама была чистоплодна, окуратна, и мы немножко того духа хватили. Старинные бабушки, те больше старого духу хватили. У нас приедут, нахватаются духу-то нашево.

2.7. Прекращение жизни человека

Оно описывается как выход духа из тела.

- (40) Когда умрёт, в первую очередь трубу открывают, чтобы дух вышел, што ли. Духи-то выдут, тут и умирать.

Дух, как и душу, *отдают, дают* богу.

- (41) Так дух и отдал, на саях притянули. За ключё [кочку] запнётся, тут и дух отдаст. Хропнул (упал), дух отдал.

2.8. Дух – Святой дух

Народное представление о духе как о субстанции в груди человека связывает его с христианской религией, с потусторонним миром. Вероятно, это значение – результат свертывания словосочетания *святой дух*, которое тоже отмечено в архангельских говорах.

- (42) Святой дух, он рассердается, если не будешь праздновать ему.
(43) Подушна [время за два дня до Духова дня] – дух спускается на землю, становится тепло. В Духов день нельзя в земле копать: дух вознёся на небеса. Дух, наверно, летает везде.

2.9. Дух – исповедь

- (44) С двух часов пойдём на дух, грехи отдавать.

Отсюда выражения как *попу на духу* – 'откровенно'.

- (45) Всё тебе рассказала, как попу на духу. Я всё как на духе выложил.

2.10. Дух – нечистая сила

Значение 'нечистая сила' связано с мифологическими представлениями, еще сохраняющимися в народной культуре.

- (46) Вот про этот день говорят, што гуляют духи: нельзя к воде ходить, нельзя к земле, в этот Духов день, на второй день Троицы. Духи возносятся туда.

Связь духа с потусторонним миром, с религией отражено в северных говорах довольно слабо. Более характерно представление о духе как невидимой субстанции, от которой зависит физическое и психологическое состояние человека.

Выявленные в говорах значения слова *дух* в основном совпадают с тем, как они описаны в работе Е. В. Урысон. Различия касаются функциональной нагруженности значений. Так, наиболее употребительны (следовательно, более важны для миропонимания) значение 'запах' и значения, относящиеся к человеку, к его материальным и психологическим характеристикам: 'дыхание', 'физическая сила', 'характер', 'обычай' – именно они формируются духом человека.

Заключение

Следует отметить, что *душа* и *дух* обнаруживают значительные отличия от литературного языка в языковом представлении значений. Эти отличия касаются сочетаемости имен, прежде всего метафорической, на основе которой формируется концептуальное содержание ДУШИ и ДУХА.

Анализ содержания концептов, признаваемых лингвоспецифическими, отражающими русскую ментальность, свидетельствует о наличии общей и вариативной части национальных представлений о мире, закрепленных в сознании носителей диалектов. Включение в анализ культурно значимых концептов диалектных данных наряду с данными литературного языка позволяет составить более объективное представление о национальной языковой специфике и представить русскую концептосферу в ее единстве.

Словари

- АРХАНГЕЛЬСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СЛОВАРЬ 1980– = *Архангельский областной словарь*. Вып. 1–9. Москва: «МГУ», 1980–1995, Вып. 10–18, Москва: «Наука», 1999–2017.
- ОБРАТНЫЙ СЛОВАРЬ АРХАНГЕЛЬСКИХ ГОВОРОВ 2006 = *Обратный словарь архангельских говоров*. Москва: «Наука», 2006.
- СЛАВЯНСКИЕ ДРЕВНОСТИ 1999 = Толстой Н. И. (ред.) *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. Том 2. Москва: «Международные отношения», 1999.

Литература

- ВЕЖБИЦКАЯ 1996 = Вежбицкая А. *Язык. Культура. Познание*. Москва: «Русские словари», 1996.
- НЕФЕДОВА 2015 = Нефедова Е. А. О региональных вариантах русской национальной картины мира. В кн.: *Язык и метод 2. Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Лингвистический анализ на грани методологического срыва*. Краков: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015. 257–263.
- ОССОВЕЦКИЙ 1969 = Оссовецкий И. А. Введение. В кн.: Оссовецкий И. А. (ред.) *Словарь современного русского народного говора*. Москва: «Наука», 1969.
- УРЫСОН 2003 = Урысон Е. В. *Проблемы исследования языковой картины мира. Аналогия в семантике*. Москва: «Языки славянской культуры», 2003.

Н. А. ЮШКОВА

**Конкуренция и соперничество
в интерпретации современной молодежи:
к вопросу о формировании ценностных установок**

**Strife and Competition in Modern Young People's
Understanding: on the Issue of Value System Formation**

Abstract: The issues of strife and competition phenomena perception by high school and college students are discussed in this paper. Data gathered in the course of associative experiment and questionnaires collection show correlation between concepts under study in the modern language mind. The etymology relationships of the lexical tokens are considered, including those faded into insignificance during the historical changes – *diligence, painstaking, eagerness*. Complex analysis of the linguistic data forms the base for the axiological study that results in identification of transformations experienced by modern young people's value system.

Keywords: competition strife, associative experiment, language mind, value system.

Современное языковое сознание российской молодежи, отражающее характерные для постсоветской России новые реалии, оказывается в центре внимания гуманитарных исследований. Историко-культурные, идеологические, лингвокультурологические, аксиологические аспекты рассмотрения феноменов, отражающих изменения в политике, идеологии, экономике, образовании и культуре, позволяют описать соответствующие фрагменты национальной картины мира (Е. А. Земская, И. Т. Вепрева, Н. А. Купина, А. Д. Шмелев и др.), выявить аксиологические константы, имеющие надидеологический характер, и трансформации, связанные с новыми явлениями жизни социума.

Изучение ценностных представлений¹ российской молодежи, отражающих понимание того, какие социальные реалии являются правильными, должными, какие – недопустимыми, неприемлемыми, актуально, поскольку восприятие молодыми людьми многих явлений общественной жизни показывает «переменчивость ценностных ориентаций, установок, социального настроения, общественных и личных интересов» (ГОЩЕНКО 2015: 14).

¹ Под ценностными представлениями понимаются «устойчивые убеждения, которыми руководствуется человек или социальная группа, предпочитая тот или иной тип поведения» (НАЦИОНАЛЬНЫЕ БАЗОВЫЕ ЦЕННОСТИ 2015: 4).

Социокультурные ситуации, как правило, сопряжены с осознанным аксиологическим выбором, коррелирующим с ценностными установками² участников коммуникативного взаимодействия.

Проанализируем, как воспринимают современные молодые люди такие феномены, как *конкуренция* и *соперничество*, проявляющиеся в разных сферах общественной и личной жизни.

Для проведения аспектного исследования использовались методы анкетирования, свободного и наведенного ассоциативного эксперимента, привлекались лексикографические источники. Материалом послужили лексикографические данные и ответы студентов юридического вуза и старшеклассников, обучающихся в классах юридического профиля. Количество информантов составило 120 человек, возраст участников: 17–19 лет.

Интерпретация результатов анкетирования и ассоциативного эксперимента проводится с учетом лексикографических данных.

Слова *конкуренция* и *соперничество* являются идеографическими синонимами. Слово *конкуренция* в русском языке появляется в Петровскую эпоху «через нем. *Konkurrenz* (XVII в.; Шульц-Баслер 1, 380) или польск. *konkurencja* от лат. *Concurrentia*» (ЭСФ: 41468).

Толкование значения слова *конкуренция* включает опорную лексему – *соперничество*, значение которой, в свою очередь, в лексикографических источниках определяется как ‘действие и состояние по знач. глаг. *соперничать*’ (МАС 1988: IV, 197).

Основное значение слова *конкуренция* связано с соперничеством, с борьбой за достижение наилучших результатов, второе значение связывается со сферой экономических отношений: *Конкуренция* – борьба между товаропроизводителями за более выгодные условия производства и сбыта товаров, за получение наивысшей прибыли (ССИС 1994: 300).

Отметим, что второе значение в лексикографических источниках советского периода отсутствовало или определялось с идеологических позиций: конкуренция толковалась как ‘борьба между капиталистами за обеспечение наивысшей прибыли при капитализме’ (МАС 1986: II, 89). Использование этого слова в советскую эпоху ограничивалось идеологическими факторами: конкуренция относилась к негативным явлениям капиталистического мира. Негативная оценка явления поддерживалась и на уровне словарных иллюстраций, см., напр., фрагмент словарной статьи МАС к слову *конкурировать*: «В капиталистических странах сельскохозяйственные районы борются, конкурируют друг с другом. А у нас – помогают друг другу. Н. Н. Михайлов. Над картой Родины» (МАС 1986: II, 90).

Данные проведенного ассоциативного эксперимента позволяют описать отношение современных молодых людей, живущих в иных политических и экономических реалиях, к конкуренции и соперничеству, устано-

² Под ценностными установками понимается «предрасположенность и готовность личности к определенному национально специфическому способу поведенческого реагирования в типических коммуникативных ситуациях» (НАЦИОНАЛЬНЫЕ БАЗОВЫЕ ЦЕННОСТИ 2015: 4).

вить особенности употребления соответствующих лексем, выявить оценочные коннотации, влияющие на формирование ценностных установок.

В наивном языковом сознании *конкуренция* и *соперничество* являются полностью или частично тождественными, это отмечают 32% и 63% респондентов соответственно. Интегрирующим смыслом становится понятие борьбы, что находит активное отражение в ответах: *эти понятия означают борьбу за достижение какой-либо цели или результата; они подразумевают победу одного и поражение другого; обозначают борьбу, но в разной степени и др.*

Материалы показывают, что в восприятии молодых людей пересекаются формы проявления конкуренции и соперничества: для соперничества характерны такие полемические жанры, как спор и дебаты, а для конкуренции репертуар жанров расширяется и дополняется обсуждением и дискуссией, имеющими более конструктивный характер.

Ассоциации, полученные в ответ на слова-стимулы, четко выделяют разные сферы проявления *конкуренции* и *соперничества*:

Конкуренция: Экономика / рыночная экономика; получение выгоды на рынке труда; бизнес / деньги / прибыль. Политика; страны; власть.

Соперничество: спорт / соревнование / состязание; обучение; дружеская игра / игра; любовь.

Конкуренция прямо связывается с борьбой за первенство, что предполагает особые качества личности – *трудолюбие, силу воли, упорство*. Тот, кто вступает в конкуренцию, имеет *интерес* и способен к *развитию / саморазвитию, добивается самореализации*. В интерпретации студентов и школьников-старшеклассников значимыми оказываются смыслы, характеризующие психологические особенности личности, способной к лидерству: *добросовестный, целеустремленный, сильнейший; у кого есть сила воли, стремление быть на высоте.*

Атрибутивные характеристики *сильная, здоровая, дисциплинированная, рациональная, совершенная*, полученные в ходе ассоциативного эксперимента, поддерживают выявленные положительные коннотации.

Соперничество связывается с *противостоянием, противоборством*, которые вызывают *агрессию, злость*, приводят к *разладу и вражде*. Ассоциаты *сопротивление, подавление, враг, атака, защита, поединок, схватка* актуализируют семантику напряженности и / или враждебности отношений. Негативная оценка поддерживается целой группой слов, обозначающих разноплановые девиантные проявления: *отсутствие честности, неприязнь, наглость, беспринципность, коварство; изоциренная борьба между людьми*. Нейтральная или положительная коннотация возникает в том случае, если соперничество относится к сфере спорта или игры: *спорт, соревнование, состязание, конкурс, игра*.

Столкновение интересов в ситуации соперничества часто трактуется как выбор стратегии поведения в межличностных отношениях, обусловленный внутренними переживаниями: *навязывание своей воли, конфликт*.

На вопрос «Проявляются ли конкуренция и соперничество в учебном процессе?» и школьники, и студенты отвечают положительно. Регулярное проявление этих явлений отмечает 73% респондентов, нерегулярное – 27%. Отрицательный ответ на вопрос – не проявляются – не зафиксирован.

В учебном процессе конкуренция интерпретируется как фактор, способствующий развитию личности и коллектива: *возможность воспринимать чужую точку зрения, интерес к учебе, стимул, дисциплина, получение высоких оценок, высокий рейтинг, результат, успех, уважение, авторитет*. Соперничество в учебном процессе интерпретируется как явление деструктивное: *нежелание прислушиваться к чужой точке зрения, расстройство, зависть, борьба за место в коллективе, формирование противоборствующих групп, выслуга перед преподавателем, борьба за личностные оценки старших*.

Несмотря на множество ассоциатов, позволяющих четко отграничить конкуренцию и соперничество по сферам и формам проявления, получен языковой материал, свидетельствующий о диффузности представлений или их пересечении.

В этом плане показательны ответы на вопросы о положительном влиянии конкуренции и соперничества на учебный процесс:

Есть ли положительное влияние на учебный процесс?	Да	Да, скорее всего	Нет, скорее всего	Нет
конкуренция	74%	26%	–	–
соперничество	24%	61%	15%	–

Совпадение ассоциаций к разным словам-стимулам связаны с конкретными мотивами и формами деятельности. В учебном процессе это находит проявление в стремлении студентов и школьников добиться более высоких результатов, что подтверждается группой ассоциатов, встречающихся и к слову *конкуренция*, и к слову *соперничество*: *дополнительные задания, доклад, написание научной работы, выступления; поощрение, получение баллов, получение оценок; выявление лидера*.

И конкуренция, и соперничество связываются с желанием быть лучше другого, добиться успеха, избежать поражения. Они обусловлены внутренним устремлением – *рвением* – получить высокий результат.

В ассоциативных рядах фиксируются ассоциаты *рвение / рвение к победе*. Рвение в исторических лексикографических источниках толкуется как ‘ревность, усердие, сильный и стойкий порыв к чему, старание, стремление’ (Даль 1882: IV, 87). Несмотря на то, что в современных словарях толкование к слову изменилось, связь *конкуренции* и *соперничества* с чувством ревности³ отмечается всеми респондентами.

³ Слово *ревность* рассматривалось в значении ‘усердие, рвение’.

В интерпретации наивных носителей языка отражаются семантические признаки, значимые для этимологической истории слова *ревность*: «*Ревнивый, ревность, ревновать*, укр. *ревнивий*, русстс.-цслав. *ръвън, ревнивый*», *rzewniwy* 'растроганный, взволнованный', в.-луж. *rjewnik* 'стремиться, становиться на чью-либо сторону, соревноваться', *rjut* 'сильный голод' // возможно, связано с *реву*» (ЭСФ: 46437).

Концепты *соперничество* и *конкуренция* оказываются тесно связанными с концептуальными смыслами, отошедшими в ходе исторического развития концепта *ревность* на второй план:

«Понятие *ревность*, в основном своем направлении, характеризуется как *мощь*, как *сила*, как *напряжение*, но вовсе не как *страх*, или *ненависть*, или *зависть*. ... Ревность, очевидно, – то же, что и *рвение*, *ревнивый* – то же, что и *ревнитель*, *ревновать* – то же, что и *рвать, рваться*. ... Как «иметь ревность», так и «иметь рвение», по своему корню означает лишь наличность силы, мощи, стремительности. Это – противоположность вялости, бессилию, слабости» (ФЛОРЕНСКИЙ 1990: 478).

Проведенное аспектное исследование показывает, что конкуренция и соперничество в языковом сознании школьников и студентов оказываются тесно связанными с исконными понятиями *усердие, старание, рвение*.

Отрицательная оценка конкуренции как экономического явления, поддерживаемая идеологическим влиянием в советский период, не актуальна для восприятия школьников и студентов. Смена социально-политического контекста привела к трансформации ценностных представлений современной молодежи.

Анализ материалов анкетирования и данных ассоциативного эксперимента в проекции на лексикографические источники позволяет, с одной стороны, заметить семантическое варьирование, отражающее развитие концептов *конкуренция* и *соперничество*, с другой стороны, определить ценностные установки студентов и школьников, задающие способ поведенческого реагирования в соответствующих ситуациях социального взаимодействия.

Словари

ДАЛЬ = ДАЛЬ В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*: В 4-х т. Т. 4. Москва: «Русский язык», 1991.

МАС 1986 = ЕВГЕНЬЕВА А. П. (ред.) *Словарь русского языка*: В 4-х т. Т. 2–3. Москва: «Русский язык», 1986.

МАС 1988 = ЕВГЕНЬЕВА А. П. (ред.) *Словарь русского языка*: В 4-х т. Т. 4. Москва: «Русский язык», 1988.

ССИС = *Современный словарь иностранных слов*. Санкт-Петербург: «Дуэт», 1994.

ЭСФ = ФАСМЕР М. Р. *Этимологический словарь русского языка* Москва: «Прогресс». 1964–1973. [https:// dic.academic.ru/ dic.nsf/vasmer](https://dic.academic.ru/dic.nsf/vasmer) (дата обращения 03.11.2017).

Литература

- НАЦИОНАЛЬНЫЕ БАЗОВЫЕ ЦЕННОСТИ И ИХ ДИНАМИКА 2015 = ВЕПРЕВА И. Т. (ред.) *Национальные базовые ценности и их динамика: результаты социолингвистического мониторинга*. Екатеринбург: Издательский дом «Ажур», 2015.
- Тощенко 2015 = Тощенко Ж. Т. *Фантомы российского общества*. Москва: «Центр социального прогнозирования и маркетинга», 2015.
- Флоренский 1990 = Флоренский П. *Стол и сотворение истины*. Москва: «Правда». 1990.

**Русская лексика
в зеркале когнитивной лингвистики**

Л. И. ЖУКОВСКАЯ

**Концепт «менталитет / ментальность»: материалы
к учебному словарю концептов нового типа**

**The concept “mentalitet / mental’nost” (“mentality”):
material for innovational teaching dictionary of concepts**

Abstract: The work presents principles of compiling an innovational teaching dictionary of socially significant concepts in terms of the concept “mentalitet / mental’nost” (“mentality”). The analysis of the dictionary entry “mentalitet / mental’nost” (“mentality”) is performed. The materials of the analysis are the data of modern philosophical dictionaries and encyclopedias, research works in which content of scientific terms “mentalitet / mental’nost” (“mentality”) are discussed, the basic Russian lexicographic sources – vocabularies, synonymous, antonymous, loanwords and word-formative dictionaries as well as the data of Russian National Corpus. The dictionary entry has complex character and contains description of notional content of extra-linguistic category “mentality”, sense filling of respective concept according to language data and its language objectification in modern Russian speech.

Keywords: teaching dictionary of concepts, lexicographic description, the concept “mentalitet / mental’nost” (“mentality”), Russian language

Введение

Работа выполнена в рамках научного проекта Института филологии и журналистики ННГУ им. Н. И. Лобачевского по созданию словаря социально-значимых концептов в современной русской культуре (*патриотизм, гуманизм, демократия* и пр.)

В настоящее время в национальной концептосфере отчетливо формируется тенденция к «новому осмыслению» основ традиционной русской культуры в связи с проблемой национальной идентичности этноса, с извечным поиском «национальной идеи». При этом осознается необходимость в обобщающем понятии, объем и содержание которого могло бы охватить такие давно воспринятые в культуре, но не имеющие четкой терминованности обозначения, как «дух народа», «народное мировоззрение / мироощущение», «национальный характер» и пр. На роль такого обобщающего понятия сегодня претендует распространенное терминопотребление *менталитет / ментальность*.

Несмотря на указанную значимость, концепт *менталитет / ментальность* на сегодняшний день характеризуется недостаточной концептуальной освоенностью, как на уровне теоретического, так и на уровне быденного

языкового сознания носителей языка. Это подтверждается значительным разнообразием его трактовок в работах ученых — представителей разных гуманитарных наук, а также многочисленными нетерминированными употреблениями, предельно широко интерпретирующими особенностей его концептуального содержания и смыслового объема.

В частности, анализ многочисленных толкований научных понятий *менталитет* и *ментальность* в научной литературе и в энциклопедических источниках, в современных толковых словарях русского языка, проведенный в работе (Жуковская 2015), выявил существенные расхождения в его лексикографических описаниях. С учетом того, что в обыденном употреблении на сегодняшний день трудно установить существенную семантическую, стилистическую или функциональную дифференциацию между этими понятиями, мы в наших исследованиях предлагаем двойное обозначение этого концепта — *менталитет / ментальность*.

Итак, с одной стороны, перед нами концептуально значимое понятие, претендующее на роль ключевого концепта национальной культуры на современном этапе ее духовной эволюции: несмотря на иноязычное происхождение, данный концепт отражает именно русское понимание, вписан в национальную систему ценностных ориентиров (как это произошло в свое время, например, со словом *интеллигенция*). Не вызывает сомнения, что данный концепт нуждается в исчерпывающем лексикографическом описании. С другой стороны, очевидны определенные трудности подобного описания, которые можно преодолеть, опираясь на новые идеи в теории и практике отечественной лексикографии.

В настоящей статье раскрываются принципы составления учебного словаря концептов нового типа на основе комплексного описания экстралингвистического содержания концептов и собственно лингвистической семантики слов — репрезентантов концепта, включающего также широкий иллюстративный языковой материал на основе данных Национального корпуса русского языка.

Предлагаемый нами проект подобного словаря находится еще в стадии становления. В работе приводится примерная словарная статья для концепта *менталитет / ментальность* как образец для описания концептов аналогичного типа, которые отражают идеи и представления, структурирующие собственно мировоззренческий аспект русской национальной концептосферы.

Согласно современным технологиям концептуального анализа, максимально полное описание таких явлений, как концепты, должно быть комплексным: необходимо различать экстралингвистическое содержание концепта и собственно лингвистическую семантику слов — репрезентантов концепта. Исходя из этого, мы в нашем учебном словаре предполагаем различать научное определение термина *менталитет / ментальность*, отражающее экстралингвистическое содержание соответствующих научных понятий, и языковую объективацию концепта *менталитет / ментальность*, выраженную в особенностях употребления слов *менталитет* и *ментальность* — репрезентантов сданного синкретичного концепта. Также необходимо включить

сведения о происхождении слов. Было принято решение расширить и иллюстративную зону словарной статьи. В частности, в словаре предполагается дать репрезентативные контексты употребления слов *менталитет* и *ментальность*, объективирующих каждый из выявленных в наших предыдущих исследованиях когнитивных признаков (совокупный смысловой объем концепта *менталитет / ментальность* составил 20 когнитивных признаков).

1. Этимологическая зона словарной статьи

«Слова *менталитет*, *ментальность* как репрезентанты концепта относятся к фонду так называемой интернациональной лексики, они восходят к латинскому *mens (mentis)*, которое уже в латинском языке было многозначным и обозначало самые разные явления в сфере духовной деятельности человека, которым в языке-источнике можно приписать инвариантный семантический признак ‘дух, духовная деятельность’» (РАДБИЛЬ 2016: 48).

2. Экстралингвистическая интерпретация объема и содержания научного понятия *менталитет / ментальность*

2.1. Экстралингвистическое содержание научного понятия *менталитет / ментальность* и его смысловой объем имеет 11 когнитивных признаков:

1. ‘Образ мыслей, образ мышления (склад ума)’
2. ‘Способ видения мира (мировидение)’
3. ‘Единый нерасчлененный комплекс видения мира, системы ценностей и моделей поведения, образ жизни’
4. ‘Особенности психической жизни, национальный характер’
5. ‘Регулятор нормативного отношения к миру и поведения’
6. ‘Образный, неverifiedируемый, в известном смысле иррациональный тип интеллектуальной / психической реакции на действительность’
7. ‘Неосознанный, спонтанный, имплицитный характер бытования’.
8. ‘Картина мира (образ мира, модель мира)’
9. ‘Знаковый (семиотический) способ функционирования’
10. ‘Принадлежность определенного объединения, общности людей по национальному или социальному признаку’
11. ‘Принадлежность индивидуума’ (ЖУКОВСКАЯ 2015: 80).

2.2. **Понятийная структура научного понятия *менталитет / ментальность*** представляет собой графическую экспликацию структурных связей и отношений между признаками научного понятия (Схема 1).

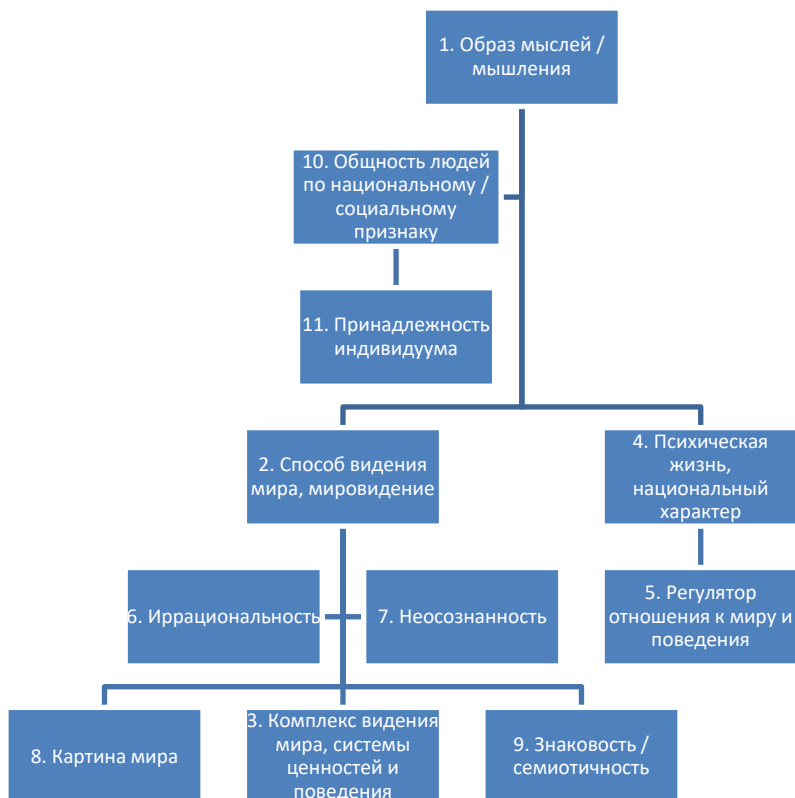

Схема 1. Понятийная структура экстралингвистического содержания научного понятия «менталитет / ментальность»

2.3. Дефиниция научного термина: «Национально-специфичный способ неосознанного знакового представления знания о мире, системы ценностей и моделей поведения этноса, социума или личности, воплощенный в семантической системе национального языка» (РАДБИЛЬ 2016: 66).

2.4. Толкование обыденного понятия: «Наш способ жить, думать и разговаривать» (РАДБИЛЬ 2016: 66).

3. Концептуальное содержание и смысловой объем концепта *менталитет / ментальность*

3.1. Когнитивные признаки концепта:

1. 'Духовная деятельность'
2. 'Образ мыслей, образ мышления (склад ума)'
3. 'Способ видения мира (мировидение)'

4. 'Мировоззрение'
5. 'Мироощущение'
6. 'Мировосприятие'
7. 'Миросозерцание'
8. 'Миропонимание'
9. 'Умонастроение'
10. 'Единый нерасчлененный комплекс видения мира, системы ценностей и моделей поведения, образ жизни'
11. 'Особенности психической жизни, национальный характер'
12. 'Регулятор нормативного отношения к миру и поведения'
13. 'Образный, неverifiedируемый, в известном смысле иррациональный тип интеллектуальной / психической реакции на действительность'
14. 'Неосознанный, спонтанный, имплицитный характер бытования'
15. 'Картина мира (образ мира, модель мира)'
16. 'Проявление в культуре'
17. 'Знаковый (семиотический) способ функционирования'
18. 'Принадлежность определенного объединения, общности людей по национальному признаку'
19. 'Принадлежность определенного объединения, общности людей по социальному признаку'
20. 'Принадлежность индивидуума'

Совокупный смысловой объем концепта составляет 20 когнитивных признаков (ЖУКОВСКАЯ 2015: 111).

3.2. Семантическая структура концепта представляет собой графическую экспликацию структурных связей и отношений между когнитивными признаками (Схема 2).

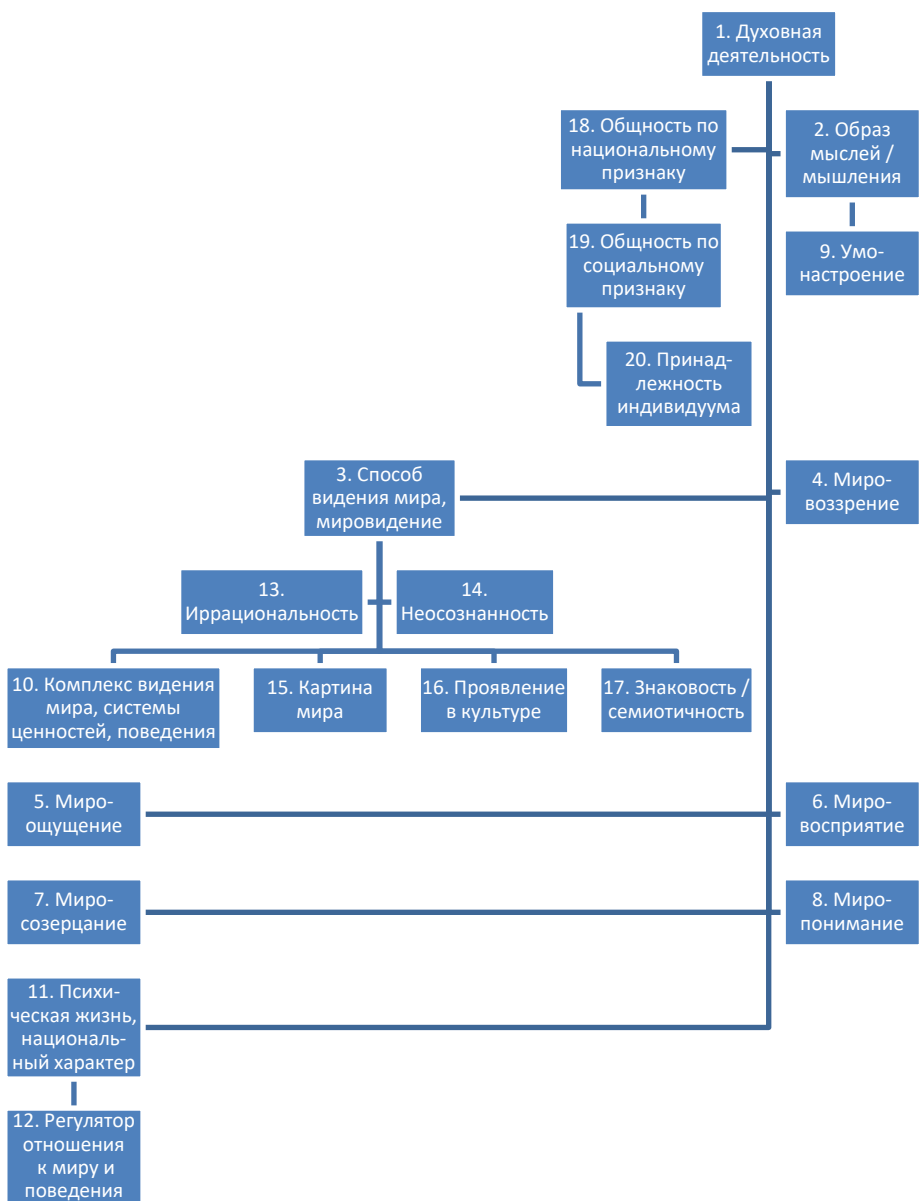

Схема 2. Полная семантическая структура концепта «менталитет / ментальность» в современном русском языке

4. Языковая объективация концепта *менталитет* / *ментальность*

4.1. Особенности синтагматических отношений слов — репрезентантов концепта выражаются в стандартной глагольной, субстантивной и атрибутивной сочетаемости, а также в том, что они могут быть в определенных синтаксических позициях (например, иметь функцию предиката) и др. Языковой материал берется по данным Национального корпуса русского языка (приводится фрагмент):

Менталитет / *ментальность* в моделях атрибутивной адъективной сочетаемости выражает следующие признаки:

1. Национальная (субэтническая, геополитическая, расовая) принадлежность: *славянский менталитет, африканский менталитет* (примеры Н.Ф. Алефиренко); *национальный менталитет, русский, немецкий, английский менталитет*;
2. Принадлежность социальной группы: *армейский менталитет, женский менталитет*;
3. Принадлежность отдельной личности: *менталитет индивидуальный*.

В случае атрибуции притяжательным местоимением *менталитет* становится принадлежностью референциально неопределенной группы: *наш менталитет*.

Менталитет / *ментальность* в моделях атрибутивной субстантивной (генитивной) сочетаемости выражает следующие признаки:

1. Национальная принадлежность: *менталитет русских, менталитет европейцев, ментальность народа*;
2. Принадлежность социальной группы: *менталитет интеллигенции, менталитет военных, менталитет юристов, менталитет правительства, менталитет «новых русских»*;
3. Принадлежность отдельной личности: *менталитет Льва Толстого, менталитет иждивенца* (НКРЯ).

4.2. Особенности парадигматических отношений слов — репрезентантов концепта выражаются в его синонимических, антонимических, гипо-гиперонимических отношениях (приводится фрагмент).

Синонимы: *менталитет* — *ментальность, склад ума, умонастроение, мировосприятие, мироощущение, мирозерцание, миропонимание, мировоззрение*

Антонимические отношения для лексем *менталитет* и *ментальность* в лексико-семантической системе русского языка не выявлены.

В гипо-гиперонимических отношениях находятся понятия *менталитет* и *картина мира, менталитет* и *духовность, менталитет* и *культура* (ЖУКОВСКАЯ 2015: 99–105).

4.3. Особенности деривационных отношений слов — репрезентантов концепта выражаются прежде всего в структуре системно-языкового словообразовательного гнезда с вершиной «ментальный» и в словообразовательной семантике слов, составляющих это гнездо (Схема 3).

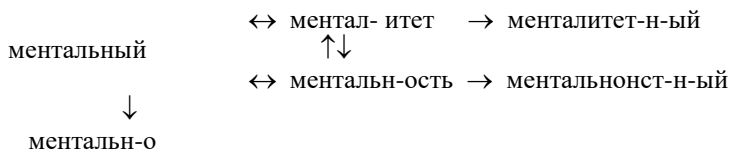

Схема 3. Словообразовательное гнездо с вершиной «ментальный»

4.4. Иллюстративный материал включает примеры употребления лексем из Национального корпуса русского языка, иллюстрирующие каждый из выявленных ранее 20 когнитивных признаков (приводится фрагмент):

Духовная деятельность:

- (1) Он, очевидно, представляет в спектакле как бы воплощение русского духа (он же менталитет), который, как его ни топчи, ни унижай и ни обирай, все равно когда-нибудь возьмет да и воспрянет (А на умных тоску навели // «Свободный курс», 1997).

Образ мыслей, образ мышления (склад ума):

- (2) События, произошедшие в этом городе, повлияли на самый образ мыслей россиян, изменив их менталитет (Патриарх Алексей II (Ридигер). Доклад Патриарха Московского и всея Руси Алексия (2004) // «Журнал Московской патриархии», 2004.10.25);

Мироощущение:

- (3) Миропонимание и мироощущение личности, её менталитет формируются под воздействием структурных особенностей культуры (Н. И. Ромах, Т. А. Полякова. Российский менталитет в современной культурологии // Аналитика культурологии. Электронное научное издание. Выпуск 1. 2004);

Мировосприятие:

- (4) Менталитет барокко воспринимал мир как сконструированную внешнюю среду и, соответственно, увлекался временем, смертью, руинами, упадком (И. М. Савельева, А. В. Полетаев. Знание о прошлом: теория и история. Том 1: Конструирование прошлого (2003).

Картина мира (образ мира, модель мира):

- (5) Менталитет — мировоззренческая матрица, картина мира в сознании человека и его вписанность в эту картину (Сайт «Социология: Методическая помощь студентам и аспирантам». 06.05.2013);

Проявление в культуре:

- (6) Но главный слой, базисный, — менталитет нации, культурные и общественные традиции (Б. Руденко. Исчезающая Россия. Заметки со всероссийской конференции по демографии // «Наука и жизнь», 2007); (НКРЯ)

5. Новые явления в функционировании лексем *менталитет* и *ментальность* в современной русской речи

Здесь описываются разнообразные языковые преобразования данных лексем в русском языке новейшего периода. Всего было выявлено три типа новых явлений, которые такие снабжены иллюстративным материалом (словарный материал данной зоны словарной статьи приводится с сокращением).

5.1. Расширение сочетаемости слов — репрезентантов концепта *менталитет* / *ментальность*.

Слова *менталитет* и *ментальность* в современной речи значительно расширяют сочетаемость с относительным прилагательным, которое обозначает классификационную разновидность *менталитета* / *ментальности*, его тематическую (предметную) область бытования. В этом плане на фоне уже устоявшихся терминосочетаний *национальный менталитет*, *языковой менталитет*, *политический менталитет* и др. мы обнаружили значительное увеличение возможных типов *менталитета* / *ментальности*, которые могут быть *научными*, *магическими*, *экологическими*, *экономическими*, *правовыми*, *физическими*, *культурологическими*, *техническими*, *спортивными* и т. п.

- (7) Магическая ментальность в XIII веке начала сменяться иной (С. А. Еремеева. Лекции по истории искусства (1999);
- (8) Проблема формирования экологического менталитета (Заголовок статьи: Б. М. Миркин, доктор биологических наук, Л. Г. Наумова, кандидат биологических наук // Экология и жизнь. 2011. № 7. С. 44–49);
- (9) Правовой менталитет российского предпринимателя, как фактор экономического развития (Заголовок статьи: Анна Вячеславовна, доцент кафедры международного права ННГАСУ. // Правовой Центр – "Правый Берег", 2009);
- (10) Такие представления «вписывались» в физический менталитет классической физики – постоянство физических сущностей. (Владимир Горбачев. Концепции современного естествознания (2003);
- (11) Европа, а в фильме более узко – французская школа, «задыхающаяся» в потоке нелегальных переселенцев, пытается привить хоть какую-то местную культурологическую ментальность бывшим жителям африканского континента (Класс – Франция (2008–2011));
- (12) –У них даже техническая ментальность другая, — пожаловался он (Вячеслав Рыбаков. Гравилет «Цесаревич» (1993);

- (13) – Мою маму — несложно. У нее спортивная ментальность. Он отходит к снарядам, чтобы навесить пару блинов на штангу для родительницы (Анастасия Чеховская. Самая сильная бабушка // «Русский репортер», №25 (104), 02–09 июля 2009, (2009) (НКРЯ).

5.2. Семантические преобразования слов — репрезентантов концепта *менталитет* / *ментальность* – это случаи метафоризации по модели *концептуальной метафоры* в направлении одушевления (персонификации) или овеществления (реификации). *Менталитет* предстает, например, в виде членимого, делимого физического объекта, ведет себя как особое техническое устройство, которое можно, например, настроить, отрегулировать. *Менталитет* может быть представлен как вещество, субстанция, которая имеет свойство, например, растворяться, и пр.

В контекстах реификации *менталитет* предстает, например, в виде членимого, делимого физического объекта:

- (14) И этой позицией между Азией и Европой, которая растаскивает менталитет на два куска. (Андрей Битов. Русский устный и русский письменный // «Звезда», 2003).

Менталитет выступает в роли конкретно-считаемых объектов:

- (15) В фокусе внимания нашего исследования два менталитета: русский и французский (М. К. Головановская. Ментальность в зеркале языка. Некоторые базовые мировоззренческие концерты французов и русских. 2009).

Менталитет ведет себя как особое техническое устройство, которое можно, например, настроить, отрегулировать:

- (16) Вся жизнь насмарку? Весь с таким трудом отрегулированный менталитет? Вся пришедшая с годами адаптация к придорожным сосискам псу под хвост? (Игорь Мартынов. Назад дороги нет (1997) // «Столица», 1997.04.01).

Менталитет может быть представлен как вещество, субстанция, которая имеет свойство, например, растворяться:

- (17) Но, если вовремя не дать народу новую идею, новую мораль — менталитет угасает и растворяется в культуре и традициях других народов, а его носитель — гибнет... (Иван Чембулатов. Менталитет — как основа величия и гибели народов // Проза.ру. 2007).

5.3. Преобразования слов — репрезентантов концепта *менталитет* / *ментальность* в коннотативно-оценочной сфере

В контекстах атрибутивной сочетаемости слова *менталитет* и *ментальность* получают положительную или отрицательную оценочную окрашенность. *Менталитет* / *ментальность* получают положительную оценочную окрашенность, например:

- (18) Ментальность в нашем смысле — нечто душевно-мягкое, понятие скорее этическое, чем логическое, и даже не понятие, а представление, которому определение дать столь трудно, что никто его и не дает (В. В. Колесов. Русская ментальность в языке и тексте. 2006).

Но чаще всего эти слова приобретают в контексте разнообразную негативную оценочность. *Менталитет / ментальность* в обыденном языковом сознании носителей языка могут выступать чем-то трусливым, дурным, испорченным, идиотским и пр.:

- (19) Близорукая стратегия Японии — трусливый менталитет самообмана (Заголовок статьи // Жэньминь жибао. 13.07.2012);
- (20) У тебя дурной менталитет, мне «все равно» на твои традиции, я тунисец, ты обязана все делать так, как скажу я (Статья «Проблема национальных браков» // Сайт «Инфо-Ислам». 04.06.2010);
- (21) Испорченная ментальность: миазм извращает, деформирует, портит рас-судок, хочет все скрывать, даже собственные болезни (Классическая гомеопатия и шарлатанство (2008–2010);
- (22) Просто когда размениваешься — потом такая пустота, словно не жила на свете. Может, у нас менталитет такой идиотский. Ну, не можем мы быть счастливы, когда много (Елена Исаева. Убей меня, любимая! (2002).

6. Краткое описание использованных словарных источников и источников текстового иллюстративного материала

Содержит перечень энциклопедических словарей в области философии, психологии, социологии, культурологии, этнографии и антропологии, этики и пр., толковых словарей русского языка, специальных словарей и словарей иностранных слов, а также список всех цитируемых в иллюстративном материале текстовых источников (главным образом — научных работ по тематике *менталитет / ментальность*).

Заключение

В целом проанализированный материал обнаружил внутренне противоречивый характер бытования концепта *менталитет / ментальность* в современном русском языковом сознании: с одной стороны, этот концепт обладает очевидной значимостью и активно употребляется не только в научной и публицистической, но и в обыденной речи, а с другой — его концептуальное содержание характеризуется значительной степенью неосвоенности, что в общем и отражают материалы представленной в нашей работе словарной статьи *менталитет / ментальность*.

Думается, что подобная комбинированная лексикографическая репрезентация концептов национальной культуры способна существенно расширить представления обучающихся о способах и формах освоения концептов в языковом сознании носителей языка, об особенностях функционирования слов — репрезентантов концептов в современной русской речи. Результаты

исследования могут быть использованы в вузовском обучении филологов и журналистов. Материал подобного рода, представляющий к тому же и чисто лингвострановедческий интерес, также может быть полезен и в разнообразных сферах преподавания русского языка как иностранного.

Литература

ЖУКОВСКАЯ 2015 = ЖУКОВСКАЯ Л. И. *Семантическое наполнение концепта «менталитет / ментальность» и его языковое воплощение в современном русском языке*: Дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2015.

РАДБИЛЬ 2016 = РАДБИЛЬ Т. Б. *Основы изучения языкового менталитета*: Учебн. пособие. Москва: «Флинта»; «Наука», 2016.

Источники

НКРЯ = *Национальный корпус русского языка*. <http://www.ruscorpora.ru>

Е. М. ЛАЗУТКИНА

Макросемантические разряды лексики как сфера интересов когнитивной лингвистики и лексикографии

Macrosemantic classes of vocabulary as a sphere of interests of cognitive linguistics and lexicography

Abstract: The article is devoted to the problem of finding ways to represent meaning in a language. The author uses the method of modeling in syntax as a way of identifying and calculating large lexical classes for lexicographic practice and for cognitive linguistics. To explain the mechanisms of linguistic pragmatics, the author uses the concepts *sentence circuit*, *syntactic position*, *syntactic derivation*, *diathesis*.

Keywords: Russian language, cognitive categories, lexicography.

1. Теоретические основы исследования

Современная лексикография руководствуется принципами «активной грамматики»: словарная статья должна дать возможность читателю построить правильное высказывание, в соответствии с дефиницией слова и грамматическими пометами. Одна из трудностей, с которой часто сталкивается лексикограф, заключается в том, что, описывая значение глагольных слов, он не может подвести значение имен в позиции субъекта предложения под определенный семантический разряд и поэтому дает указания, исходя из имеющегося у него иллюстративного материала, например: «наполнить *что* (о свете, о воздухе, о дыме, о шуме, о запахе). *Аромат дыни наполнил комнату*».

Строение предложения, особые соединения единиц разного уровня – это зона формирования смысла: поэтому поиск классификационных разрядов слов должен производиться на базе речевых образований. Интенция говорящего, его оценка обозначаемого играют конструктивную роль в линейной организации высказывания и обуславливают выбор синтаксической схемы предложения – исторически сложившегося в языке типизированного речевого образца, «кода говорящих», делающего высказывание понятным для всех носителей языка. Каждое предложение своим значением показывает один из *способов обозначения* реальной ситуации, а не является «ярлыком» самой ситуации.

Тема тесной связи языка и мышления проходит красной нитью через исследования всех отечественных языковедов и философов. Начиная с *Российской грамматики* М. В. Ломоносова, принято считать, что своеобразие каждого естественного языка заключается в специфическом соотношении

мыслительных и языковых структур. Функционирование языка предстает как действие системных прагматических механизмов, вобравших в себя исторический опыт вербальной коммуникации.

Концепт мы определяем как элементарную единицу знания, квант коллективного языкового сознания, феномен операционной системы, часто скрытый для носителей языка. В этом смысле концепт – аналог или предшественник когнитивной категории, хотя термины *концепт* и *когнитивная категория*, слова *категоризация* и *концептуализация* употребляются как синонимичные. Таким образом, линейное устройство речи – это материальное воплощение базовых концептов, или когнитивных категорий, а также репрезентация более тонких смысловых квантов, образовавшихся в результате абстрактного мышления, социальных и культурных традиций, – *культурных концептов, знаков, символов*.

Для выявления концептов и исчисления всех способов их репрезентации плодотворным является когнитивно-прагматический подход, предполагающий анализ языковых фактов в аспекте субъекта речи. Акцентирование роли говорящих в построении высказывания вполне согласуется с положениями общей теории языка отечественных языковедов XIX века так называемого психологического направления: в их работах был намечен подход к языку как к результату и способу осмысления реальности. В связи с этим Л. В. Щерба писал о необходимости создания «идеологической грамматики» (ЩЕРБА 1974: 48–56).

Естественно, что слово в схеме предложения проходит опосредствование своей денотативной отнесенности через свою структурную «значимость». Эту мысль подчеркивает Т. П. Ломтев в своем учении о синтаксической позиции. *Синтаксическая позиция* обозначает значимое положение определенной словоформы в модели предложения (ЛОМТЕВ 1960: 15–28). Понятие «синтаксическая позиция» показывает, что семантико-синтаксическая организация предложений связана с лексической системой через когнитивные структуры более высокой степени абстракции, нежели значение слова, – посредством отнесенности *форм слов в определенной позиции в предложении к определенной категории*. Функция словоформы понимается нами как ее системное предназначение, которое проявляется в целом ансамбле других характеристик предложения. Таким образом, структурные отношения в предложении являются материальным носителем знания.

Иллюстрацией этого может быть разбор примеров (1) и (2), в которых одинаковые морфологические характеристики слов скрывают их различную структурную значимость, неодинаковую смысловую емкость. Ср. значение словоформы в творительном падеже множественного числа в предложениях:

- (1) Дети рисовали карандашами, красками и фломастерами.¹
- (2) Мы заполняли корзины приготовленной едой, сыром, яблоками, грибами, пирогами.

¹ Примеры без указания на источник взяты из разговорной речи.

В первом предложении эта словоформа имеет простое значение – орудийное; множественное число конкретного имени существительного здесь обозначает соединение отдельных предметов, является средством репрезентации подкатегории *расчлененное множество* (считаемое множество). Во втором примере семантическое качество словоформ, обозначающих средство воздействия, специфично: это вещественные, отвлеченные существительные или конкретные существительные во множественном числе (реже – в единственном числе), которые обозначают *нерасчлененное множество* (континуум, несчитаемое множество). Синтаксическая связь с глаголом у этих словоформ также неодинакова: слабая связь в первом предложении и сильная связь во втором предложении, что должно быть отражено в словарной статье глагола *заполнять* при помощи пометы *чем*.

2. Метод моделирования в синтаксисе как способ обнаружения концептов

Поиск категорий лежит через *эксперимент*, при котором начальным и конечным пунктом является языковой материал, а промежуточными этапами исследования являются выдвижение «предположения», «постулирование правила», построение «отвлеченной системы» (ЩЕРБА 1974: 31–35). Л. В. Щерба подчеркивал трудность техники лингвистического эксперимента, ее неразработанность. К методу эксперимента Л. В. Щербы восходит гипотетико-дедуктивный метод в языкознании, который описывается в работах Ю. С. Степанова и О. Н. Селиверстовой. В основе его лежит предположение о содержательных разрядах единиц языковой системы, прогнозирование функционирования этих разрядов и проверка достоверности мыслительного конструкта на реальном материале – на речевых образцах. Этот метод разбивает процедуру исследования на следующие основные этапы: 1) сбор фактов и их индуктивное обобщение, 2) выдвижение теории в виде гипотезы для их объяснения и уточнение ее в сопоставлении и частичном противопоставлении с существующими теориями, 3) выведение дедуктивным путем различных следствий из выдвинутой теории, 4) проверка теории путем сопоставления дедуктивно полученных следствий с фактами (СТЕПАНОВ 1975: 118; СЕЛИВЕРСТОВА 1976: 133–143). Алгоритм исследования предполагает в качестве обязательного начального этапа работы индуктивный сбор фактов.

Центральным этапом гипотетико-дедуктивного метода выявления макросемантического разряда и исчисление его единиц является выдвижение теории, т.е. построение мыслительного конструкта – сигнификативного ядра предложений с определенными параметрами.

Для иллюстрации применения этого метода обратимся к семантически емким конструкциям с событийными двухвалентными и одновалентными глаголами. Событийными мы называем глаголы, структура значений которых показывает переход объекта или субъекта из исходного состояния в конечное состояние (DANEŠ 1971); например:

- (3) Мороз покрывает лужи тонким ледком – Тонкий ледок начал покрывать лужи – Лужи начал покрывать тонкий ледок – Лужи начало покрывать тонким ледком – Лужи начали покрываться тонким ледком.

Содержательный инвариант этих конструкций, обозначающих разные ракурсы одного и того же события, – сигнификативное ядро предложений, отображающее локально направленное действие, имеющее своим следствием полноту покрытия объекта / субъекта. Это позволяет нам выдвинуть предположение о наличии в русском языке базового концепта «локально направленное действие, имеющее своим следствием полноту заполнения, охвата объекта (места)». Его присутствие в языке мы подтвердим анализом приведённых парадигматически связанных предложений.

Соотношение ракурса представления реальной ситуации с ее отражением в структуре предложения строится на базе функционально-семантической категории предиката, которая называется *диатезой*. Диатеза обусловлена выбором говорящим темы высказывания, его точкой зрения. Схемы предложений обнаруживают деривационную связанность, потому что содержат неизменное ядро, предопределяющее роли «участников» ситуации, а также лексическую однородность, кореферентность именных распространителей предиката, занимающих значимые синтаксические позиции – субъекта или каузатора.

Из этих предложений именно модель, организованная двухвалентным глаголом, может быть названа исходной в деривационной цепи (*Мороз покрывает лужи тонким ледком*): конструкция иконична реальной ситуации и может быть использована как перифраза при трактовке других предложений. Класс двухвалентных глаголов состоит из разных лексико-семантических групп. Мы обнаружили 14 групп глаголов с общим элементом значения «локально направленное действие, имеющее своим следствием полноту охвата (заполнения) объекта». Как словарная единица, каждая глагольная лексема этого класса представляет собой иерархически упорядоченный конгломерат сем, а синтагматически значимая сема представляет собой архисему; например:

- (4) Пронизала вершины деревьев желто-бархатным светом заря (А. Белый. Вечный зов).
(5) Он подпер камешком струю воды, и она тихо щебетала над его ухом (П. Павленко. Счастье).
(6) Мы пропитывали коржи кремом.

Некоторые глаголы данного синтагматического класса могут входить более чем в одну семантическую группу; например: *заполнять яму щебнем, полку книгами, канал водой; заставлять подоконник цветами, комнату мебелью, проем шкафом; закрывать окно шторой, постель пледом, покрывать каток водой, голову платком*.

Если субъект действия в предложениях с двухвалентными глаголами очевиден (это преднамеренно действующий одушевленный субъект или стийный субъект-казатор, например *мороз*), то для определения макросеман-

тического разряда имен в субъектной позиции в конструкциях с одновалентным глаголом, нужен анализ семантики модели. Предложения с одновалентным глаголом являются дериватами конструкции с двухвалентным глаголом, образованные в результате операции декаузации; например:

- (7) Тонкий ледок начал покрывать лужи.
- (8) Дым окутал комнату.
- (9) Вода заливает посевы.
- (10) Охотники окружили берлогу.

Эти предложения имеют значение «действие множественного субъекта по отношению к объекту (месту), имеющее своим следствием локализацию субъекта». Отсутствие каузатора в творительном падеже компенсируется усилением семантики каузатора в именительном падеже: здесь субъект действия выполняет две роли – агенса и каузатора. Поэтому субъект в этих предложениях имеет семантические маркеры «множественность» и «определенность». Место обозначается словоформами в винительном падеже. Глаголы, организующие эту модель, немногочисленны; например:

- (11) Евсей, подпоясанный ремнем, весь в пыли, здоровался с дворней; она кругом обступила его (И. Гончаров. Обыкновенная история).
- (12) Егор задумался только на минуту, внезапно его окружили юнкера, и так же внезапно ими была открыта стрельба из-за угла вдоль коридора (Н. Никитин. Октябрьская ночь).

Сема полноты охвата-покрытия-заполнения в глаголе предполагает особую категориальную семантику имен в субъектной позиции: это одушевленные существительные во множественном числе или отвлеченные и вещественные существительные. Они обозначают нерасчлененное множество и представляют когнитивную категорию – «субстанция, способная к самостоятельному перемещению».

Семантика словоформ в именительном падеже множественного числа и в творительном падеже показывает также существование в языке другой когнитивной категории – «множество» в двух ипостасях – расчлененное и нерасчлененное множество.

Парадигмы диатез позволяют сделать вывод, что концепт «локально направленное действие-событие», подпадает под определение «расплывчатого (нечеткого) множества», в соответствии с теорией нечетких множеств Заде и Лакоффа: конструкции с глаголами-предикатами этого синтагматического класса, имеющими конкретное лексическое значение, как правило, представляют собой не полную парадигму, а лишь отдельные участки этой деривационной сети; например:

- (13) Лужа взялась коркой льда (при невозможности *Корка льда взяла лужу, *Лужу взяло коркой льда).
- (14) Повар обдал кастрюлю кипятком (при невозможности *Кипяток обдал кастрюлю, *Кастрюлю обдало кипятком; *Кастрюля обдалась кипятком).

- (15) Тишину пронзил резкий звук; менее частотный вариант: Трубач пронзил тишину резким звуком (при невозможности активной конструкции *Тишина пронзилась резким звуком).

Все деривации демонстрируют только глаголы с наиболее общим значением; например: *покрыл что чем – покрыл что – покрылся чем – покрыло чем; залил что чем – залил что – залился чем – залило чем / залило.*

Таким образом, существование в языке скрытых когнитивных категорий (базовых концептов) обнаруживается не на уровне отдельного предложения, а на уровне парадигматики предложений, так как синтаксические отношения также принадлежат ментальному миру, являются когнитивными феноменами.

3. Стаив, дериват событийного глагола, – отдельное значение

Как известно, «когнитивный цикл развивается от восприятия к знанию» (Арутюнова 1988: 112). Если в субъектной позиции предложений с глаголами локально направленного действия появляются существительные с предметным значением, а в глаголе, соответственно, исчезает сема акциональности, это свидетельствует о статическом значении глагола. Как правило, эти глаголы употребляются в форме несовершенного вида. Вся конструкция обозначает факт. Дихотомия «событие–факт» – философский вопрос. Обращаясь к онтологии языка, Н. Д. Арутюнова делает вывод:

Имя *факт* ориентировано на мир знания, т.е. на логическое пространство, организованное координацией истины и лжи, имя *событие* ориентировано на поток происходящего в реальном пространстве и времени (Арутюнова 1988: 168).

В системе языка модель предложения с семантикой «локально направленного действия субъекта, имеющее своим следствием полноту охвата объекта», используется как база для формирования модели предложения со значением факта; ср. примеры (16) и (17):

- (16) Публика стала окружать негодяев, и тогда в дело вступил Коровьев (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).
(17) Сирень окружает беседку.

Конструкции с глаголом-стаивом часто используются в коммуникативном типе речи «описание»: в них подчеркивается значение полноты охвата, количественная характеристика локальных отношений; например:

- (18) Розовый свитер плотно облегает фигуру, коричневые брюки чуть прикрывают каблук (Е. Катасонова. Кому нужна Синяя птица).
(19) Как кротки и уютны тени тополей и акаций, – тени, которые через всю широкую улицу и захватывают на другой стороне дома до самых балконов и вторых этажей (А. Чехов. Учитель совесности).
(20) Хвойный лес одевает все горы (В. Арсеньев. Дерсу Узала).

Отвлеченные и вещественные существительные или конкретные существительные в форме множественного числа в позиции субъекта чаще появляются при глаголах-предикатах с наиболее общим значением экзистенции, бытия, наличия – *насыщать, пропитывать, пронизывать, наполнять, заполнять*; например:

- (21) Любовь к родной природе пронизывает весь сборник стихотворений поэта (П. Пустовойт. Созвездие неповторимых. Мастерство русских классиков).
- (22) Недавно [Юля] притащила письмо – слезы облегчения пропитывали его насквозь (Е. Катасонова. Кому нужна синяя птица).

4. Каждая диатеза – отдельное значение глагола

Одна из диатез рассматриваемого синтагматического класса глаголов показывает такой ракурс представления события: «Как изменяется объект (место), относительно которого происходит действие-движение?». Место является темой высказывания; например:

- (23) Солнце закрывают тучи.
- (24) Грядку оплетают сорняки.
- (25) Лицо заливала краска стыда.

Семантика схемы: «изменение состояния субъекта, являющего объектом действия, под действием каузатора». В этой схеме в позиции субъекта могут быть и неодушевленные имена существительные, и одушевленные. Схема предложения предполагает фигуру наблюдателя или субъекта восприятия, контролирующего свои ощущения. При этом повышается ранг объекта действия: он приобретает дополнительное значение субъекта состояния, становится диффузной категорией «объект действия / субъект состояния». Порядок слов в модели – обратный. Прямой порядок слов считается стилистически маркированным, экспрессивным.

Общезыковые метафоры с данной диатезой образуют активный слой лексики. В языковом сознании народа они прошли путь от номинации действия, процесса, имеющего пространственные характеристики, к обозначению процессов в социальной, психологической, научной сферах.

Именно эта схема предложения получила системное закрепление для обозначения внутреннего мира человека по образцу макромира, что должно находить отражение в словарной статье глаголов. Основанием для метафорического обозначения стихийного характера чувств и мыслей, поглощения ими всего человека служит глагольная сема «полнота охвата, покрытия, проникновения». В сознании носителей русского языка мысли, чувства, эмоции предстают как субстанции, способные к самостоятельному перемещению, как сильный каузатор, их действие носит стихийный характер, поэтому для их обозначения часто используются глаголы *охватывать, обнимать, пронизывать, принимать, схватывать*.

Обратный порядок слов в схеме предложения свидетельствует о важности для носителей языка сделать человека темой высказывания, несмотря на то, что он является объектом воздействия; например:

- (26) Однажды, вернувшись с тяги, Я лег подремать на диван. Разносчик болотной влаги, Меня прознобил туман (С. Есенин. Анна Снегина).
- (27) Берлиоза охватил необоснованный, но столь сильный страх, что ему захотелось тотчас же бежать с Патриарших без оглядки (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).
- (28) Москву охватило увлечение символистами.

Предицирующая часть предложения часто выступает как единый фразеологизированный комплекс, как аналог глагольной лексемы, при этом в существительном в именительном падеже ослабляется каузирующее значение. Смысловый акцент диатезы – обозначение изменения состояния субъекта; например:

- (29) Моё лицо заливает краска стыда.
- (30) Костя видит, как глаза ребятишек горят живым пониманием, как жадно они слушают рассказчика-военкома, – и глаза Костины охватывает туман (В. Ставский. Сильнее смерти).

5. Общеязыковая метафора – самостоятельное значение глагола

Базовый концепт обуславливает определенные типы метафор: ассоциации носителей языка связаны со свойствами данного концепта. Так, на существующей в системе сети деривационно связанных предложений базового концепта «субстанция, способная к самостоятельному перемещению» проявляет свои свойства культурный концепт «свет». Его бесспорный для всех культурный смысл подтверждается тем, что он вполне оправданно может появляться в предложениях идентификации в позиции предиката: *Ученье – свет, неученье – тьма*.

Лексемы функционально-семантического поля «свет» (*полумрак, солнце, луна, тьма, сумрак, рассвет* и т. п.) не обнаруживаются только в субъектной позиции исходной модели с двухвалентными глаголами, поскольку эти лексемы обозначают субстанцию, неспособную к преднамеренному действию. Материал свидетельствует о том, что в сознании носителей языка субстанция «свет» – сильный каузатор, но слабый агенс, в речи обычно подчеркивается сила воздействия света.

В русском языке существует когнитивная схема – «свет – жидкость; свет льется», которая рождает общеязыковые метафоры. В словарной статье глагола *залить / заливать* выделено как отдельное значение действия света. Свет предстает как самодовлеющая сущность, субстанция, действующая активно, направленно, агрессивно или благожелательно; например:

- (31) Луна ярко заливала Николая Ивановича (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

- (32) Выйдя из-под колоннады на заливаемую солнцем верхнюю площадь сада (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).
- (33) Как днище бочки, / правильным диском / стояла / луна / над дворцом Ливадийским. / Взошла над землей / и пошла заливать ее, / и льется на море, / на мир, / на Ливадию (В. Маяковский. Чудеса!).

6. Вывод

Применение метода моделирования сигнификативного ядра предложений с событийными глаголами позволило выявить и исчислить макросемантические разряды лексики, которые являются способом представления когнитивных категорий. Парадигматика схем предложений, их деривационные связи свидетельствуют о том, что направление развития глагольной полисемии происходит в сторону усиления модусного значения. Работа показала, что решение практических задач лексикографии связано с проблемами общей теории языка, с обнаружением скрытых базовых концептов, с актуальным вопросом о том, какими системными средствами осуществляется репрезентация знания.

Литература

- АРУТЮНОВА 1988 = АРУТЮНОВА Н. Д. *Типы языковых значений: оценка, событие, факт*. Москва: «Наука», 1988.
- ЛОМТЕВ 1960 = ЛОМТЕВ Т. П. Об абсолютных и реляционных свойствах синтаксических единиц (О понятии позиции в теории синтаксиса). *Научные доклады высшей школы. Филологические науки*, 1960/4: 15–28.
- СЕЛИВЕРСТОВА 1976 = СЕЛИВЕРСТОВА О. Н. Об объекте лингвистической семантики и адекватности ее описания. В кн.: ЯРЦЕВА В. Н. (отв. ред.) *Принципы и методы семантических исследований*. Москва: «Наука», 1976. 119–146.
- СТЕПАНОВ 1975 = СТЕПАНОВ Ю. С. *Методы и принципы современной лингвистики*. Москва: «Наука», 1975.
- ЩЕРБА 1974 = ЩЕРБА Л. В. *Языковая система и речевая деятельность*. Ленинград: «Наука», 1974.
- DANEŠ 1971 = DANEŠ F. *Pokus o strukturní významů českého slovesá. Slovo a slovesnost*. Praha: 1971/3: 197–207.

Н. Е. ПЕТРОВА

**Прилагательные перцептивного состояния
с суффиксами -ем-/-им-**

Потенциал семантической деривации

Adjectives of the perceptual state with the suffixes -em-/-im-
The potential of semantic derivation

Abstract: the article considers the secondary meanings of the adjectives with the suffixes *-em- /-им-*, formed from the verbs of perceptive state (visible / invisible, perceptible / imperceptible, etc.). The analysis shows that most of these deverbatives in their secondary meanings denote a) the ontological attribute of the object from the point of view of the distinctiveness, the "reliability" of its existence for the subject of the perception, and b) the degree of manifestation of the feature. At the same time, the modality of the possibility or impossibility of the perception determines the difference in the secondary meanings of unprefixed adjectives and adjectives with the prefix *не-*. In the first case, the reality and significance of the object being identified for the individual are brought to the fore. Non-adjectives tend to denote the sign of the hidden, imperceptible or indistinct existence of an object in the field of the sensory perception or cognitive activity of the subject, while the means of context often emphasize the value of such objects.

Keywords: adjective, perceptual, semantic derivation, modality

Перцептивная лексика русского языка, и особенно глаголы восприятия, достаточно давно является объектом всестороннего изучения (см.: АВДЕВНИНА 2013: 43–46; ПАДУЧЕВА 2004: 197–255), однако адъективные девербативы с суффиксами *-ем-/-им-* остаются при этом в стороне от внимания ученых. Например, в (АВДЕВНИНА 2013: 267–269) в числе прочего рассматриваются лишь отдельные прилагательные, образованные от глаголов восприятия с помощью суффиксов *-ем-/-им-*. Целью данного исследования является систематизация вторичных значений прилагательных *слышимый/неслышимый, видимый/невидимый, зримый/незримый, осязаемый/неосязаемый, осязаемый/неосязаемый, осязаемый/неосязаемый, осязаемый/неосязаемый, осязаемый/неосязаемый, осязаемый/неосязаемый* и выявление закономерностей формирования тех или иных значений на базе исходной перцептивной семантики. Анализируемые прилагательные образованы от глаголов перцептивного состояния, значение которых, в отличие от значения глаголов перцептивного действия, не предполагает сознательной деятельности субъекта восприятия (см.: ПАДУЧЕВА 2004: 201–203).

Источником иллюстративного речевого материала послужила база данных Национального корпуса русского языка. Значения прилагательных трактуются по словарям МАС и ТСРЯ.

Способ номинации признака, представленный в их структуре, имеет подчеркнута антропоцентричный характер, т. к. базируется на физических возможностях человека. Прилагательные с суффиксами *-ем/-им-* моделируют перцептивную ситуацию, в которой, с одной стороны, есть объект восприятия, а с другой – «кадровый» или «закадровый» субъект восприятия (см.: ПАДУЧЕВА 2001: 21), обладающий или не обладающий возможностью чувственно воспринимать этот объект. Примером может быть предложение *Неслышимые звуки наполняли комнату*, где перцептивную ситуацию с «закадровым» субъектом отражает прилагательное *неслышимый*.

Первичное значение указанных прилагательных однотипно: оно определяется их внутренней формой и варьируется только в соответствии с семантикой мотивирующего глагола, напр.: *видимый* – ‘доступный зрению’ (МАС. Т. I: 174), т. е. ‘такой, который можно видеть’, *ощутимый* – ‘заметный для ощущения’ (ТСРЯ: 606), т. е. ‘такой, который можно ощутить’, *уловимый* – ‘такой, который может быть уловлен, воспринят’ (ТСРЯ: 1025). Первичное значение служит источником формирования вторичных значений прилагательного, связанных уже с более определенными качественными признаками предмета, которые каузируют возможность или невозможность восприятия. Так, в выражении *неслышимые звуки* прилагательное может означать, что звуки или слишком тихие, или воображаемые, или слишком высокие / низкие для человека.

Надо заметить, что в целом большинство русских отглагольных прилагательных с суффиксами *-ем/-им-* составляют номинации с приставкой *не-*, выражающие значение невозможности совершения действия в отношении определяемого предмета, причем нередко *не-*прилагательное в узусе не имеет коррелята без *не*: *непобедимый, нерушимый, неповторимый, неисчислимый, невыразимый, неопиcуемый, неминуемый, нескрываемый, незабываемый, неувядаемый* и др. Однако сфера чувственного человека репрезентируется последовательной оппозицией прилагательных с *не-* и без *не-*, что свидетельствует о важности как возможности, так и невозможности чувственного восприятия для осмысления определенного предмета. Учитывая данную оппозицию, мы рассмотрим сначала прилагательные без приставки *не-*, а потом – прилагательные с приставкой *не-* (*не-*прилагательные), что позволит сделать сопоставления и выявить роль того или другого модального значения в формировании семантических дериватов.

1. Семантическая деривация на базе прилагательных *слышимый, видимый, зримый, осязаемый, ощутимый, уловимый*

Значение ‘явный, заметный’ выражается прилагательными *видимый, зримый, осязаемый, ощутимый*:

- (1) Он с *видимым наслаждением* подставил лицо солнцу (И. Грекова. На испытаниях).
- (2) Ибо в общественном мнении произошла *зримая демаркация* (Известия. 2014.02.13).
- (3) За этим *вполне осязаемым благополучием* стоит труд, тяжелый и каждодневный, ведь корове неважно, Рождество сегодня или Иванов день (Русский репортер. 2013).
- (4) Кузнец угрюмо молчал, но возле камня сразу стала *ощутимой* его затаённая сила, и тот вроде податливее шевельнулся под людскими руками (В. Быков. Камень).

Это значение буквально вытекает из первичного, т. к. именно внешние, чувственно воспринимаемые проявления и делают нечто явственным, заметным. Связь настолько тесная, что словари не всегда дифференцируют эти значения. Так, у прилагательного *видимый* МАС различает значения ‘доступный зрению’ и ‘явный, очевидный, заметный’ (см.: МАС. Т. I: 174), а у прилагательного *осязаемый* интегрирует их в одно – ‘доступный восприятию; заметный, осязаемый’ (МАС. Т. II: 660).

В речи значение ‘явный, заметный’ может выражать также прилагательное *уловимый*. Это кажется парадоксальным, поскольку значение базового глагола *уловить* предполагает, что объект восприятия имеет слабые внешние проявления. Не случайно это прилагательное, как правило, сочетается с лексическими показателями слабой степени признака: *еле, чуть, едва, слабо, трудно* и т. п. Однако в тех достаточно редких случаях, когда эти показатели отсутствуют, говорящий с помощью прилагательного *уловимый* подчеркивает, что предмет со слабыми внешними проявлениями тем не менее является заметным, очевидным для наблюдателя:

- (5) С новым процессором A5XiPad включается быстрее и выигрывает у предшественника *уловимые доли секунды* при запуске приложений или открытия сайтов (РБК Дейли. 2012.05.28).

Значение ‘значительный по проявлению, чувствительный, способный влиять на что-либо’ отмечается словарями только у одного прилагательного *ощутимый*, однако оно может выражаться и прилагательным *зримый*:

- (6) Но Иванчук (и это необъяснимо для многих), имея *ощутимый перевес*, либо довольствуется ничьей, либо вовсе проигрывает («Известия», 2002.01.22);
- (7) ... но тогда отчего-то власть на такое не пошла, предпочтя вкладывать деньги в то, что неизвестно когда принесёт *зримую* отдачу и материальную выгоду («Наука и жизнь», 2008).

Интересно, что прилагательное *видимый*, синонимичное в своем базовом значении прилагательному *зримый*, этой семантики не выражает. Напротив, для него характерно значение ‘поверхностный, ненастоящий, кажущийся’, которое также базируется на возможности чего-либо быть доступным для зрения:

- (8) Лилиан, как светская дама, хранила *видимое спокойствие*, слова же её были полны горечи и тоски (В. Аксенов. Пора, мой друг, пора).

Мотивирующий глагол *видеть*, как и синонимичный глагол *зреть*, не выражает подобного смысла (см.: АПРЕСЯН 2004: 92–97), более того, он может обозначать ментальное проникновение в скрытую суть чего-либо: *Мы хорошо видим всю уязвимость этой позиции*. Близкое по значению прилагательное *видный* также не употребляется в контекстах, подобных приведенному выше. Вообще в словообразовательном гнезде вершинного глагола *видеть* прилагательное *видимый* в значении ‘внешний, кажущийся’ стоит особняком (ГАРИПОВА 2011: 165). Думается, что большую роль в формировании значения ‘поверхностный, ненастоящий, кажущийся’ играет семантика возможности восприятия внешним наблюдателем, присутствующая именно в прилагательном *видимый*. Если есть нечто, что я могу видеть, значит, есть и то, чего я не могу видеть. Именно последнее часто оказывается наиболее важным, существенным, из чего следует, что глаза нас могут обманывать. Эту мысль хорошо иллюстрируют оценочные высказывания, где фигурирует слово *видимый*:

- (9) Порадовал юный Андрей Грязев, который откатал программу без *видимых ошибок*, замечательно прыгал, оригинально вращался (Известия. 2001.12.28)

Используя прилагательное *видимый*, носители языка говорят об отсутствии заметных ошибок или недостатков, однако в подтексте таких высказываний неизбежно возникает мысль о наличии скрытых ошибок и недостатков, которые просто могут быть очевидны не для каждого.

В речи часть анализируемых прилагательных перцептивного состояния может выражать значение ‘реальный, не воображаемый’. Оно не выделяется составителями словарей отдельно, может быть, потому, что семантика возможности чувственного восприятия связана с презумпцией бытия предмета восприятия. Вместе с тем это значение выражается прилагательными *зримый*, *ощутимый* и особенно часто прилагательным *осязаемый* в тех случаях, когда описываемая с их помощью ситуация теряет непосредственную связь с чувственным восприятием:

- (10) ... что могли значить житейские неудобства по сравнению с отечественной и зарубежной признанностью, по сравнению со *зримой*, явственной надеждой на хранение в вечности собственных вкладов и имен? (Известия. 2012.10.17).
- (11) Откуда бы ни приходили эксперты, вступая в политику и выходя на публику, они переходят незримую, но весьма *ощутимую границу* (Отечественные записки. 2003).
- (12) Затянувшаяся травля выдающегося педагога А. Е. Попова дала первый *осязаемый результат*: Александр Евгеньевич схлопотал судимость (Эксперт. 2014).

В подобных высказываниях утверждение существования таких объектов, как надежда (10), виртуальная граница (11), судимость (12) и т. п., основано не на чувственном восприятии, а на логических выводах, внутреннем ощущении, знании, поэтому перцептивные прилагательные обозначают только признак реальности и без особой потери смысла могут заменять друг друга.

Значение ‘авторитетный, принимаемый во внимание’ выражается в речи прилагательным *слышимый*. Оно соответствует относительно новому значению глагола *слышать*, которое не отмечается словарями (см., например: МАС, ТСРЯ), – ‘понимать, принимать во внимание’:

- (13) Эта идея выглядит красивой и демократичной, но *будет* ли Киев *слышать* голоса тысяч этих небольших громад, если областной уровень фактически нивелируется? (Известия. 2014.06.25).

Прилагательное *слышимый* выражает эту семантику в сочетании с лексикой, обозначающей источник мнений или суждений:

- (14) Во многом благодаря этому развитие косовского конфликта дошло до стадии, когда единственным *слышимым* здесь *голосом* все чаще оказывается голос оружия (Журнал Московской патриархии. 2004.04.26).
- (15) В наше взрывоопасное время *людям*, обладающим моральным авторитетом, даже просто известным и потому *слышимым*, нельзя рассупониваться (Ю. Нагибин. Бунташный остров).

2. Семантическая деривация на базе прилагательных *неслышимый, невидимый, незримый, неосязаемый, неощутимый, неуловимый*

Первичные значения у всех не-прилагательных однотипно и описываются по формуле ‘такой, который недоступен восприятию / зрению / слуху’. Это объясняет тот факт, что все они развивают значение ‘скрытый, незаметный’, но при этом реально существующий:

- (16) Не могу объяснить, почему так вышло, видно, была между нами какая-то *незримая* симпатия: Оскар относился ко мне, как к дочке (Известия, 2013.02.04).
- (17) Наш соотечественник Лобачевский, а затем Эйнштейн открыли нам *невидимую* кривизну пространства, Калуца и Клейн указали на его скрытое многомерие (Знание – сила.2003).
- (18) В портсигаре камни по эскизу предполагались, но Сотников даже не начал их вставлять: его беспокоило что-то *неуловимое, неосязаемое* но мешающее глазу и уму наслаждаться (А. Маринина. Последний рассвет).

Описывая свойственные глаголам восприятия модели семантической деривации, Е. В. Падучева отмечает «характерный семантический переход – от восприятия к ментальному значению» (ПАДУЧЕВА 2004: 199). Этот тип деривации не наблюдается среди анализируемых нами девербативов без приставки *не-*, но отмечается в области не-прилагательных. Модальность невозможности того или иного вида чувственного восприятия каузирует

вторичное значение ‘неясный, смутный, неясно осознаваемый’. Однако из всей группы не-прилагательных перцептивного состояния только слово *неуловимый* регулярно выражает это значение, причем определяемый предмет может быть неясным как в плане чувственного восприятия, так и в плане его осмысления:

- (19) Она чувствовала в его облике какую-то *неуловимую* странность, но никак не могла её определить (Ф. Искандер. Летним днем).
- (20) Поэтому социальность homo sapiensa — понятие *неуловимое*, множественное, не поддающееся описанию в рамках чёткой "единственно верной" модели (Знание – сила. 2003).

У прилагательных *неосязаемый*, *неощутимый* ментальная семантика ‘неясно осознаваемый’ формируется лишь спорадически:

- (21) От ничтожнейших изменений температуры, от получасовой передержки в завяливании и сушке, от *неосязаемых качеств* сборки зависит конечный результат (И. Бабель. Статьи в газете «Заря Востока»).
- (22) Мне было с ним страшно тяжело, потому что он ставил мне настолько *неощутимые задачи*, что я не мог их никак нащупать (РБК Daily. 2010.08.16).

Прилагательные *невидимый*, *неслышимый*, *незримый* указанного значения не выражают.

У не-прилагательных перцептивного состояния, так же как у их бесприставочных коррелятов, есть вторичное значение количественного типа – ‘слабый, неинтенсивный’. Среди бесприставочных прилагательных количественное значение ‘значительный по своему проявлению’ выражается словами *зримый*, *ощутимый*, а среди не-прилагательных значение слабого, неинтенсивного признака выражают слова *неощутимый* и *неуловимый*:

- (23) Дилеры полагают, что объем продаж внедорожников в городах вряд ли сократится, поскольку прибавка окажется почти *неощутимой* для миллионных бюджетов их владельцев (Труд-7, 2006.03.29).
- (24) *Неуловимый*, чайный аромат исходил от странных, бурых цветов с телесно-серыми лепестками и мохнатой пчелиной шапочкой... (Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей, часть 2).

У синонимов *неощутимый* и *неуловимый* есть различие: в значении прилагательного *неощутимый* входит коннотативная семантика ‘несущественный’, тогда как в значении прилагательного *неуловимый* этой коннотации нет. Напротив, употребление прилагательного *неуловимый* нередко сопровождается контекстным указанием на важность, существенность определяемого предмета:

- (25) Он закрыл глаза и вдруг почувствовал — что-то изменилось в мире, *неуловимое*, но *очень важное*, тьма ушла, отцепилась и поплыла по течению, освобождая Колюнину душу (Новый Мир. 2000).

- (26) Тем более что, в отличие от других бизнесов, в ресторанном деле всегда присутствует некое шестое чувство, которое никакими бизнес-категориями не измерить, это что-то абсолютно *неуловимое*, но зачастую играющее *ключевую роль* (Эксперт. 2015).

Эту особенность прилагательного *неуловимый* можно объяснить влиянием внутренней формы. Глагол *уловить* обозначает чувственное восприятие того, что слабо проявляется, следовательно, это действие подразумевает некоторое усилие со стороны субъекта восприятия. Таким образом, объект, который невозможно уловить и который тем не менее улавливается, поскольку о нем говорят, должен быть чем-то важен.

В речи все не-прилагательных перцептивного состояния, кроме слова *неуловимый*, могут выражать значение ‘нематериальный, воображаемый’. Словари пока не выделяют его в качестве самостоятельного, поскольку в его формировании большую роль играет метафорический контекст, когда имя материального предмета переносится на нечто идеальное:

- (27) Тонкие пальчики фройляйн Глобке забегали по клавиатуре компьютера, словно исполняя *неслышимую музыку букв и цифр* (В. Войнович. Москва 2042).
- (28) Сегодня Брест и Бендеры переплетаются *незримым временным лабиринтом* со Славянском (Комсомольская правда. 2014.06.20).
- (29) Давно уже, как и мы, они знали, что человек погружен в *неощутимый океан мысли*, накопленной информации, который великий ученый ЭРМ Вернадский назвал ноосферой (И. Ефремов. Час быка).

Прилагательное *неуловимый* не развивает этого значения, потому что имеет презумпцию бытия, существования чего-то, слабо проявляющего себя.

3. Заключение

Проведенный анализ показывает, что в целом прилагательные перцептивного состояния в своих вторичных значениях обозначают а) бытийный признак предмета с точки зрения отчетливости, ясности, «надежности» его существования для субъекта восприятия, б) степень проявления признака или состояния. В то же время характерное для девербативов с суффиксами *-ем/-им-* модальное значение возможности или невозможности восприятия обуславливает различный характер вторичных значений у прилагательных с приставкой *не-* и у бесприставочных прилагательных. Вторичные значения прилагательных перцептивного состояния без приставки *не-* выводят на первый план реальность и значимость определяемого объекта для человека и при этом относительно разнообразны. На общем фоне выделяются прилагательные *зримый, осязаемый, ощутимый*, которые выражают не только значение ‘явный, заметный’, но и ‘реальный, не воображаемый’, а прилагательные *зримый, ощутимый* обозначают еще и такое интенсивное проявление чего-либо, которое способно повлиять на окружающий мир. Таким образом, семантика прилагательных *зримый, осязаемый, ощутимый* связана

с максимальным доверием к существованию и значимости определяемого объекта.

В этом плане оппозицию им составляет прилагательное *видимый*. Оно также выражает значение ‘явный, заметный’, но при этом степень доверия к *видимому* объекту меньше, чем к *зримому*, *осязаемому* или *ощутимому*. В полной мере это выражается в типичном для прилагательного *видимый* значении ‘настоящий, кажущийся’.

Особое вторичное значение отмечаем у прилагательного *слышимый*. В отличие от прочих слов этой группы, оно не выражает значения ‘явственный, заметный’. Возможно, это объясняется тем, что опознание предмета через слух менее надежно. Но зато слух прямо связан с речевой деятельностью человека, отсюда и вторичное значение ‘авторитетный, значимый’.

У не-прилагательных перцептивного состояния отмечается большая однородность значений. Всем им свойственно обозначать признак скрытого, незаметного, неотчетливого существования предмета в поле чувственного восприятия или когнитивной деятельности субъекта. Семантика невозможности чувственного восприятия предмета может быть также знаком его существования в идеальной форме – в сознании субъекта восприятия, причем средства контекста нередко подчеркивают ценность таких идеально существующих предметов.

Литература

- АВДЕВНИНА 2013 = АВДЕВНИНА О. Ю. *Перцептивная семантика: закономерности формирования и потенциал художественной реализации*. Саратов: «Изд-во Саратовского ун-та», 2013.
- ГАРИПОВА 2011 = ГАРИПОВА И. Д. Специфика смысловой организации слово-образовательного гнезда «ВИДЕТЬ». *Филология и культура* 2011/25: 162–165.
- ПАДУЧЕВА 2004 = ПАДУЧЕВА Е. В. *Динамические модели в семантике лексики*. Москва: «Языки славянской культуры», 2004.
- ПАДУЧЕВА 2001 = ПАДУЧЕВА Е. В. К структуре семантического поля «восприятие». *Вопросы языкознания* 2001/4: 23–44.

Словари

- АПРЕСЯН 2004 = АПРЕСЯН Ю. Д. (ред.) *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. Издание 2-е. Москва–Вена: «Языки славянской культуры» – «Венский славистический альманах»: 2004.
- МАС = ЕВГЕНЬЕВА А. П. (ред.) *Словарь русского языка*: В 4-х т. Издание 3-е. Москва: «Русский язык», 1985–1988.
- ТСРЯ = ШВЕДОВА Н. Ю. (ред.) *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов*. Москва: «Азбуковник», 2007.

Русская фразеология сегодня и вчера

О. Б. АБАКУМОВА

**Эксплицитные и имплицитные способы выражения
оценки в пословицах**

(на материале русских пословиц о правде)

**Explicite and Implicite Ways of Expressing
Evaluation in Proverbs**

(based on Russian proverbs of truth)

Abstract: The paper deals with different ways of expressing assessment in proverbs: explicit (by means of comparative and non-comparative terms of general evaluation, negative models, meliorate and pejorative classifiers, predictions, numerals etc.) and implicit way (through codes of culture, speaker's focus of interest and deontic norms fixed in the semantics of proverbs and revealed in the context of usage). The research is made through analysis of expressive constituent of the cognition-discourse model (CDM), presented by the author that is devoted to description of the speaker's experience, his or her attitude to the situation, subject and object of evaluation, his emotions and assessment.

Keywords: proverbs, evaluation, explicit, implicit, deontic norms.

Оценка как ценностный аспект значения присутствует в самых разных языковых выражениях. Она может быть выражена элементами, меньшими, чем слово, или целым высказыванием. Мы рассмотрим проявление оценки на материале пословиц, посвященных характеристике такого абстрактного явления, как *правда*. Пословицы понимаются как культурно-значимые оценочные суждения, служащие для реализации определенных коммуникативных стратегий. Оценочность определяется как один из видов модальности. Модальная рамка оценки включает субъект оценки, объект оценки, аксиологический предикат, шкалу, стереотипы и интенсификаторы. Оценочная модальная рамка относится к прагматическому аспекту высказывания, но она также связана с семантикой оценочной структуры и образует с ней конструкции, где прагматические и семантические факторы трудно разделить. Субъект оценки и предикат мнения могут относиться и к прагматической составляющей, но объект оценки всегда входит в семантическую структуру высказывания (см. Вольф 2009: 9). Мы полагаем, что в пословице могут оцениваться как ситуация в целом, так и ее отдельные составляющие, являющиеся фокусом интереса говорящего.

Нам представляется, что в связи с пословицами нужно различать два

типа оценки: культурно-обусловленную, которая проявляется в паремическом дискурсе как совокупности паремий, объединенных общей темой (эта оценка кодируется культурными кодами см. Гудков–Ковшова 2007, Красных 2002, и др.) и индивидуально-обусловленную, связанную с коммуникативной стратегией говорящего в конкретной ситуации общения и фиксируемую фокусом интереса говорящего. В последнем случае индивидуальная оценка накладывается на культурную с опорой на семантический потенциал конкретной пословицы. Однако индивидуальная оценка может быть и лишена культурной нагруженности в случае отсутствия необходимых «фоновых знаний» у говорящего и/или слушающего. Все зависит от культурной компетентности коммуникантов, а также намерения говорящего и инференции слушающего. В случае недостаточной коммуникативной или культурной компетенции говорящего или слушающего коммуникация может быть unsuccessful. Чем обширнее зона пересечения разделяемых пресуппозиций, тем успешнее коммуникация.

Предлагаемая модель дает возможность описать пословицы в действии, проследить причины наращения пословичного смысла в конкретной ситуации использования и выявить таким образом новое семантико-смысловое содержание пословиц в актуализованном режиме. На первый план в данном случае выходит деятельность говорящего, его цели и задачи, оценки и коммуникативные стратегии. Актуализованная пословица рассматривается как косвенный речевой акт, в результате которого говорящий сообщает больше, чем говорит. Но предлагаемая модель коммуникативного типа предполагает наличие обратной связи, то есть учитывает реакцию слушающего на реплику говорящего, использующего пословицу. Эта реакция может быть не выражена вербально, но она коммуникативно значима и опирается на деонтические нормы, чаще имплицитно, чем эксплицитно содержащиеся в семантике пословиц.

Анализируется репрезентативная составляющая когнитивно-дискурсивной модели актуализации смысла пословицы в дискурсе, модель КДМ (Абакумова 2013: 21–23), которая связана с презентацией опыта говорящего, его отношения к ситуации и / или объекту, интенциями, эмоциями и оценками.

1. Эксплицитные способы выражения оценки в пословицах:

1.1. через компаративные термины оценки:

- (1) Правда дороже хлеба. Правда светлее солнца. (квалитатив высшей ценности)
- (2) Правда дороже золота. (квалитатив ценности)
- (3) Заработанный ломоть лучше краденого каравая. (прескриптив нравственного поведения)

1.2. через некомпаративные термины общей оценки:

- (4) Правда хорошо, а счастье лучше (квалит адаптивного поведения)

1.3. через негативные модели:

- (5) Правда прямо идет, а *ни* обойти ее, и *ни* объехать (прескриптив нравственного поведения)
- (6) Правда прямо идет, а с нею *не* разминешься (прескриптив нравственного поведения)
- (7) Не ищи в других правды, если в тебе ее нет.
- (8) Правду за деньги не купишь (квалитатив ценности)

1.4. через мелиоративные квалификаторы

- (9) Кто за правду горой, тот истый герой (прескриптив нрав поведения)
- (10) Делай не ложью – все будет по-Божью (прескриптив нравственного поведения)
- (11) Правда от смерти спасает (квалитатив ценности)
- (12) Правда живет у Бога. Правда свята, на небо взята.(квалитатив высшей ценности)
- (13) Правда – елей: всегда наверху (квалитатив принадлежности высшим силам)

1.5. через пейоративные квалификаторы

- (14) Неправдою жить стыдно (прескриптив нравствен поведения)
- (15) И твоя правда, и моя правда, и везде правда – и нигде ее нет (квалитатив отсутствия справедливости, отрицательный локатив).
- (16) Правда далеко, а кривда под боком (квалитатив отсутствия справедливости).
- (17) Про правду слышали, а кривду видели (квалитатив отсутствия справедливости).
- (18) Была правда да в лес ушла (квалитатив отсутствия справедливости).

1.6. через прогнозирование

- (19) Неправдой свет пройдешь, назад не воротишься. Неправдой нажитое впрок не пойдет. Кто неправдой живет, того бог убьет. Чужое добро ребром выпрет. (прескриптив нравствен поведения)

1.7. через нумеративы

- (20) Ложью как хошь верти, а правде путь один. (квалитатив нравственного поведения)

2. ИмPLICITные способы выражения оценки в пословицах проявляются через а) коды культуры, б) фокус интереса говорящего, а также в) через деонтические нормы социального поведения, принятые в данной культуре и представленные в семантике паремий эксплицитно или имплицитно. В последнем случае они становятся эксплицитными в контексте употребления.

Но в любом случае семантика пословиц представляет собой потенциальный косвенный речевой акт, содержащий совет или рекомендацию о том, как следует вести себя в типовой ситуации, представленной пословицей в данной культуре.

Анализируя имплицитные способы выражения оценки в пословицах, мы будем опираться на классификацию пословиц, предложенную О. Е. Фроловой (ФРОЛОВА 2007:61–65), расширяя ее оценочным компонентом, сравнивать данные старых словарей (ДАЛЬ 2006) и материалы наиболее употребительных современных словарей пословиц (базовый словарь «Народная мудрость» (МОКИЕНКО–НИКИТИНА 2011)). Было исследовано 496 «старых» пословиц и 530 наиболее употребительных в настоящее время русских пословиц о правде и лжи.

3. Референциально-оценочная типология пословиц

В след за О. Е. Фроловой (ФРОЛОВА 2007:58–59) мы выделяем следующие категории пословиц:

- 1) пословицы с занятыми актантными позициями;
- 2) пословицы со свободными актантными позициями;
- 3) пословицы с формально занятыми и семантически непроясненными или опустошенными позициями предиката.

3.1. Пословицы с заполненными актантными позициями (по данным старых словарей – 22%, современные словари – 19%).

В этом типе пословиц актантные позиции предиката заняты. Средства выражения субъекта различны.

3.1.1. Пословицы с занятыми актантными позициями, где актанты референциально свободны и могут быть выражены названиями животных, растений, предметов, веществ и именами собственными, оценивают ситуацию, используя зооморфный код культуры (*Не прав медведь, что корову съел, не права корова, что в лес зашла. Кулик невелик, а все-таки птица. Кто веру имеет, что волк козу пасет? Медведь пляшет, а цыган деньги берет*), растительный код (*И ракитовый куст за правду стоит. И трава в поле виноватого выдает*), предметный и предметно-денежный код (*Заработанный ломоть лучше краденого каравая. Чужое добро ребром выпрет*), природный (*Неправедно нажитая прибыль – огонь. Быль – трава, небыль – вода*), гастрономический (*В бочку меду ложка дегтя. И Мамай правды не съел*), эстетический (*Песня – правда, сказка (басня) – ложь*) и духовный коды культуры (*Как ни хорони концов, а Бог найдет. За правду Бог и добрые люди. Бог правду видит, да не скоро скажет*).

Мы принимаем идею поликодовости культур и универсальности культурных кодов. Коды культуры понимаются нами в этой работе вслед за В. В. Красных как «сетка, которую язык набрасывает на окружающий мир, членит,

категоризует и оценивает его» (КРАСНЫХ 2002: 232). Пословицы по своей природе антропоцентричны, они описывают человека и социальное поведение, поэтому сравнение и уподобление поведения человека и животных обычно сопровождается отрицательной оценкой (Прямо (только) сорока летает). Контраст является одним из главных принципов семантической природы пословиц (БОЧИНА 2003). Пословица становится антецедентом, вывод, который должен сделать слушающий: *Нельзя жить по правде* (ДАЛЬ 2006), будет консеквентом. Зооморфный код культуры активно используется в русских пословицах о правде и наиболее ярко выявляет национальную специфику концепта (Правда что цепная собака: на кого ее спустят, в того и вцепится, Не прав медведь, что корову съел, не права корова, что в лес зашла, Правда, что у мизгиря в тенетах: шмель пробьется, а муха увязнет), но совсем не находит своего применения, например, в английском паремическом дискурсе в связи с данной темой. Образ собаки, как и образ огня, является амбивалентным символом. Данный факт можно интерпретировать как показатель различной оценочной составляющей этих культурных стереотипов, то есть и наличием как положительной, так и отрицательной оценки правды в русской культуре, что подтверждается материалом. Интересно отметить, что зооморфный код культуры появляется в английских пословицах о справедливости, которые составляют отдельную тему в английских словарях пословиц в отличие от русских, где по традиции, идущей с XVIII века, 'справедливость' подается как одно из значений и включается в понятие *правды* (САР-1793: 1043). В русском пословичном фонде положительные оценки образа связываются прежде всего с природным кодом культуры: Правда светлее солнца. Правда ярче месяца., а также с предметно-денежным кодом культуры (Правда дороже золота. Дороги твои сорок соболей, а на правду и цены нет). Последний факт опять указывает на наличие идеи справедливости, справедливого распределения. Предметный код культуры связан с реалиями быта и может указывать на социальный статус или исторически обусловленные способы «добывания» правды: Кнут не дьявол, а правду сыщет. Письмо не товарищ, а правду скажет.

3.1.2. Пословицы с актантными позициями, занятыми референциально связанными актантами (личным существительным, этнонимом, существительным с оценочной семантикой, соматизмом) для оценки качеств человека могут использовать соматический код культуры (*Худая харя зеркала не любит. Правдивая рука правдой живет*), антропоморфный код культуры (*Варвара мне тетка, а правда сестра. Мошенники повздорили – и правда наружу. Правда у Бога и у цыгана*), эстетический код (*Песня – правда, сказка (басня) – ложь*), духовный и акциональный коды культуры (*На воре шапка горит. За правого Бог и добрые люди*).

Оценка ситуации или деятельности человека в пословицах может происходить с нормативных позиций, в этом случае показателями являются кванторные слова «каждый», «всякий» (*Все люди такие, только мы вот эдакие. Всякому старцу по ставцу. Вся неправда от лукавого*). Используется антропный и духовный коды культуры.

Пословицы данной категории могут давать оценку как человеку, так и ситуации в целом (*Не в силе Бог, а в правде.*), в их прагматической структуре можно выделить как узкий, так и широкий фокус интереса говорящего. Для передачи оценки используются разные коды культуры, идет опора на социальные стереотипы.

Используя расширенный аппарат *lingua mentalis* А. Вежбицкой, можно представить смысл пословицы *Окул бабу надул, да и Окула баба надула* (21) следующим образом:

(а) “желая предупредить тебя о неизбежности справедливого наказания;
(б) я говорю, что кто-то обманул кого-то, но и сам был обманут в ответ этим же человеком;

(в) я полагаю, что ты понимаешь, что это справедливо;

(г) сделай вывод, зная социальные нормы своего общества: Если ты не хочешь быть обманутым, не пытайся сам обманывать других людей.

Пример демонстрирует этические нормы социального поведения, которые можно вывести из семантики пословиц (см. классификацию норм в работе (КАРАСИК 2004: 25–29). Мы расширяем аппарат А. Вежбицкой (WIERZBIСКА 1980), чтобы отразить природу пословицы как оценочного суждения, цель которого оказать воздействие на слушающего. С логических позиций пословица – импликация, она является таковой и в речи, когда весь текст пословицы становится антецедентом, а консеквент – тот логический вывод, который должен сделать слушающий, исходя из ситуации и опираясь на деонтические нормы данной культуры.

3.2. Пословицы с незанятыми актантными позициями в большей степени отражают соответствие норме, чем оценку ситуации (старые словари – 52% от общего числа пословиц, современные словари – 45%).

В эту категорию входят:

3.2.1. побудительные предложения:

(22) Правду молвишь, правду и чини. Хлеб-соль ешь, а правду режь, Не ищи в селе, ищи в себе.

Особенность императивных конструкций в пословицах в том, что они могут относиться и к говорящему.

3.2.2. неопределенно-личные конструкции:

(23) Что ворам с рук сходит, за то воришек бьют. Мир окладывают, да волости складывают;

3.3.3. обобщенно-личные конструкции:

(24) Что посеешь, то и пожнешь. Не скажешь подлинную, так скажешь подноготную;

3.2.4. пассивные конструкции:

(25) Не пойман – не вор, не уличена – не гулява;

3.2.5. неполные предложения:

(26) Врет как сивый мерин. Врет и не краснеет. Пряма как дуга;

3.2.6. инфинитивные конструкции:

(27) Лучше умереть, чем неправду терпеть. Другу не дружить, а недругу не мстить, чтобы душу не сгубить.

Используется гастрономический код (*Мясо ешь, да мясника-то не съешь*), зооморфный (*Говори на волка, говори и по волку*), предметный код культуры (*Любишь кататься, люби и саночки возить. По две пошрины с одного товара не берут*). Одним из ведущих является гастрономический код, связанный с названиями национальных блюд: *Сам кашу заварил, сам и расхлебывай*. Каша – типичная еда русского крестьянина, но с другой стороны, нужно уметь ее правильно готовить. Неумеющий оценивается отрицательно по оценочной шкале, где ценится человек умелый, хороший работник. Таким образом, к перечисленным кодам подключается код духовный, который является ведущим в каждой культуре и связан с деонтическими нормами социального поведения (*В ком добра нет, в том и правды мало. Правду молвишь, правду и чини. Молодому лгать вредно, старому непотребно*).

Пословицы этой категории имеют предикатный фокус, субъектом оценки является социум + говорящий, объектом оценки является слушающий, третье лицо, реже сам говорящий, который дает рекомендации или совет, как следует вести себя в данной ситуации, аксиологический предикат находится в пресуппозитивной части высказывания.

Используя метаязык, можно представить смысл пословицы *Молодому лгать вредно, старому непотребно* (28) следующим образом:

(а) “желая убедить тебя в необходимости вести нравственный образ жизни,

(б) я говорю, что кто-то молодой лжет, и кто-то старый говорит неправду;

(в) я полагаю, ты понимаешь, что это плохо, безнравственно (пресуппозиция);

(г) сделай вывод, исходя из знания этических норм своей культуры: *Следует быть правдивым независимо от возраста*” (прескриптив нравственного поведения, предписывающий этические нормы социального поведения).

Эта категория является ведущей в русских пословицах о правде и лжи. Преобладает акциональный код культуры.

3.3. Третью группу составляют пословицы с актантами, выраженными дейктическими или пропозитивными средствами (по данным старых словарей – 26%, по материалам современных словарей – 36%).

3.3.1. Оценка моральных качеств человека (духовный и акциональный код культуры) осуществляется в пословицах с актантами, выраженными субстантивированными прилагательными и числительными (*Глупый да малый правду говорят. Честный правды не боится. Правдолюбивые долговечны*).

3.3.2. Ядро группы составляют пословицы с актантами, выраженными существительными, обозначающими действие или абстрактное качество: *Правда не стареет. Правда истомилась, лжи покорились*.

Они характеризуются референциальной непроясненностью, называют ситуацию, не выделяя в ней актантов. При интерпретации значения предиката как переносного именная группа мыслится как троп (аллегория, антономасия) и соотносится с личным актантом. Объектом оценки в данном случае будет абстрактное качество, которому приписываются человеческие характеристики, что позволяет выявить специфическую для данной культуры аксиологию абстрактного имени. Эти пословицы имеют тенденцию кроме духовного использовать предметный, пространственный и временной код культуры (*Правда далеко, а кривда под боком. И правда тонет, когда золото всплывает*). Приведенные примеры показывают действие пространственно-ориентационной концептуальной метафоры: далеко-близко, верх-низ, прямо – криво (*Не всяк судит по праву, иной и по криву. Правда прямо идет, а не обойти ее, не объехать. Правда далеко, а кривда под боком*).

3.3.3. Актантные места могут быть заняты кванторными местоимениями: *Всяк правду хвалит, да не всяк ее бает. Каждому по делам его*. Сюда же относятся пословицы с актантами, выраженными местоимениями «кто/что», «кто-нибудь», «что-нибудь», «где-нибудь» и т. п.: *Кто в правде тверд, того не обманет и черт. Кто за правду горой, тот истинный герой. Где-нибудь да сыщется правда*.

Используется духовный и акциональный код культуры, но в русском преобладают этические нормы социального поведения.

Пословицы этой категории имеют сентенциальный фокус интереса говорящего. Субъект оценки – социум, общее мнение, объект оценки – ситуация, аксиологический предикат входит в пресуппозицию.

Пример анализа оценочного суждения пословицы *Кто везет, того и погоняют* (29):

- (а) «желая дать тебе совет, рекомендацию»;
- (б) я говорю, что кто-то хорошо и быстро справляется со своей работой, поэтому его постоянно загружают новой, да еще и ругают, если он чего-то не успел (ассерция);
- (в) я полагаю, что ты понимаешь, что это несправедливо/неправильно;

(г) *сделай вывод: Не следует слишком много и быстро работать»* (утилитарные нормы).

Паремии этой категории составляют вторую по численности категорию русских пословиц о правде и лжи. Используется природный код культуры (*Правда в огне не горит, в воде не тонет. Правда со дна моря выносит. Я тебя выведу на чистую воду*), гастрономический код (*Ваши пьют, а наших пьяных бьют. Кто заварил кашу, тот и расхлебает. Кто именинник, тому и пирога нет*), соматический код (*Одного мимо, а другого в рыло. Правда глаза колет. Правда уши дерет*), предметный код (*Правда кус купленный, а неправда – краденый. Правда рогатиной торчит*), пространственный код культуры (*Правда прямо идёт, а не обойти её, ни объехать. Правда прямо идёт, а с ней не разминёшься*), используется оппозиция «прямой-кривой», ориентационная метафора «центр-периферия».

Анализ семантики и прагматики пословиц о правде в русской и культуре показал национальную специфику пословичного концепта. Как можно было убедиться, духовный код культуры доминирует над остальными и показывает специфику заложенных в пословицах деонтических норм поведения в социуме. Русские пословицы о правде в большей степени фиксируют внимание на человеке, его поведении и указывают на недостаток морального качества. В русских пословицах прослеживается тенденция к сокращению количественного разрыва между пословицами 2 и 3 категорий (если по данным старых словарей разница между ними была значительной – 26 %, то теперь она составляет всего 9%).

Референциальные типы пословиц соотносятся с разными типами фокуса интереса говорящего. Пословицы с занятыми актантными позициями оценивают как человека с его характеристиками, так и положение дел и используют разные культурные коды, отсутствие одного из них может быть значимым при сопоставлении. Пословицы с незанятыми актантными позициями имеют предикатный фокус и оценивают поведение слушающего или третьего лица, давая необходимые рекомендации. Пословицы третьей категории оценивают ситуацию в целом через аллегорические образы абстрактных сущностей, которым приписываются человеческие свойства. Эти пословицы имеют сентенциальный фокус интереса говорящего. Здесь специфика культурных концептов проявилась наиболее ярко. В русских паремиях представлены два аллегорических образа: ПРАВДА-Истина как высшее знание, идеал, общественный порядок, основанный на справедливости, честности, к которому нужно стремиться, но который недостижим на земле, и крестьянская ПРАВДА-Матка как реальное положение дел, далекое от идеала, к которому нужно приспособливаться и рассчитывать только на себя.

Словари

- ДАЛЬ 2006 = ДАЛЬ В. И. *Пословицы русского народа*. Санкт-Петербург: «Авалон, Азбука-классика», 2006.
- МОКИЕНКО–НИКИТИНА 2011 = МОКИЕНКО В. М., НИКИТИНА Т. Г. *Народная мудрость. Русские пословицы*. Москва: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2011.

Литература

- АБАКУМОВА 2013 = АБАКУМОВА О. Б. *Пословичные концепты в паремическом дискурсе*. Автореф...Дис.. докт. филол. наук. Орел. 2013. 21–23.
- БОЧИНА 2003 = БОЧИНА Т. Г. Количественная оценка в русских пословицах (оппозиции единиц измерения). *Вестник Омского государственного университета*. 2003/2. 4–8.
- ВОЛЬФ 2009 = ВОЛЬФ Е. М. *Функциональная семантика оценки. Введение*. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 5–10.
- ГУДКОВ–КОВШОВА 2007 = ГУДКОВ Д. Б., КОВШОВА М. Л. *Телесный код культуры: материалы к словарю*. Ч. 1. Москва: «Гнозис», 2007. 5–107
- КАРАСИК 2004 = КАРАСИК В. И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Москва: «Гнозис», 2004. 25–29.
- КРАСНЫХ 2002 = КРАСНЫХ В. В. *Этнопсиолингвистика и динговокультурология*. Москва: «Гнозис», 2002.
- ФРОЛОВА 2007 = ФРОЛОВА О. Е. Референция и речевой жанр. Референциальная типология пословиц. В кн. ФРОЛОВА О. Е. *Мир, стоящий за текстом: референциальные механизмы пословицы, анекдота, сказки и авторского повествовательного художественного текста*. Москва: «ЛКИ», 2007.
- WIERZBIЦКА 1980 = WIERZBIЦКА А. *Lingua Mentalis* Sydney: Academic Press, 1980.

Сокращения

- САР 1793 = *Словарь Академии Российской. В 4-х частях*. Ч. 4. Санкт-Петербург, 1793.

Д. В. АНДРИАНОВА

**К вопросу об иконичности фразеологических
редупликаций в русских диалектах***

(по материалам картотеки

для Полного фразеологического словаря русских народных говоров)

**To the question of the iconicity of phraseological
reduplications in Russian dialects ***

(based on the card index

for the Full Phraseological Dictionary of Russian folk dialects)

Abstract: The article considers different semantic patterns that are inherent in Russian dialect reduplications, analyses semantic and stylistic features characteristic for the phraseological reduplicative constructions. Based on the generality of semantics, Russian dialectal phraseological reduplications are united into several groups corresponding to the basic iconic patterns, which are distinguished by the reduplication researchers, who investigate reduplication as a linguistic phenomenon.

Keywords: reduplication, iconicity, phraseology, patterns, Russian dialects

Вопрос о связи языкового знака и его денотата имеет в лингвистике, философии, семиотике свою долгую и богатую историю, вехи которой отмечены именами знаменитых мыслителей и ученых (Платона, Ч. Пирса, Р. Якобсона, Ф. де Соссюра и мн. др.). В последние десятилетия иконичность разных уровней языковой системы оказывается в фокусе внимания отечественных и зарубежных исследователей, рассматривающих это явление на материале языков разных групп и анализирующих типологические особенности этого явления на основании сопоставления системных проявлений иконичности в разных языках.

В настоящей работе под иконичностью, вслед московским специалистом по общему языкознанию Ф. И. Рожанским, будет пониматься общность определенного набора характеристик языкового знака и его денотата (РОЖАНСКИЙ 2011: 200). Рожанский плодотворно исследует иконичность редупликации на материале самых разных языков, в частности, языков Африки, финно-угорских и др. Он предлагает рассматривать редупликацию формализованно как знак, имеющий структуру АА, то есть состоящий из

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №17-18-01062), реализуемого в Санкт-Петербургском государственном университете.

двух повторяющихся сегментов. Эта формула наглядно демонстрирует те свойства языкового знака, которые символически отражают свойства его денотата. Так, Рожанский выделяет два т. н. паттерна иконичности. Первый паттерн указывает на маркированное свойство количественности (неоднократности) или большей длительности знака АА по отношению к нередуцированному знаку А. Второй паттерн постулирует, что знак АА подобен, но не тождественен знаку А, поэтому содержит идею подобия, искажения, отклонения от нормы или идею неистинности А («ненастоящий А»), по определению Ф. Р. Минлоса (МинЛОС 2004: 66). Из второго паттерна иконичности следует также идея пейоративности, которая часто становится компонентом значения редупликации.

Эти теоретические положения послужили отправной точкой для настоящего исследования, материалом для которого стала картотека *Полного фразеологического словаря русских народных говоров*, который уже в течение 30 лет составляется группой фразеологов под руководством проф. СПбГУ В. М. Мокиенко. В словаре будет описано более 140 000 фразеологизмов, тем самым он в 9 раз превысит количество поговорок, отраженных в знаменитом собрании В. И. Даля *Пословицы русского народа*, и превзойдет словники всех подобных европейских лексикографических справочников. Это связано с тем, что составители при формировании словника словаря ориентировались на принципы полного описания региональной лексики, выдвинутые Б. А. Лариным. Источниками для *Полного фразеологического словаря русских народных говоров* стали все основные диалектографические разработки разных регионов России, в том числе *Словарь русских народных говоров* под редакцией Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова и С. А. Мызникова, *Псковский областной словарь* под руководством Б. А. Ларина и *Архангельский областной словарь* под руководством О. Г. Гецово́й.

В число отобранных из картотеки *Полного словаря фразеологических единиц* (далее ФЕ) для целей данного исследования включены редупликации, т. е. рифмованные удвоения, в абсолютном большинстве случаев дивергентные (т. е. неточные), компоненты которых на письме обычно связаны дефисом. В отдельных случаях редупликации в составе ФЕ дополнены компонентами сопроводителями.

Обращаясь к первому паттерну иконичности, подразумевающему наличие семы количественности в значении редупликации, можно с уверенностью констатировать, что в чистом виде этот паттерн не характерен для русских фразеологических редупликаций. В то же время ряд исследуемых оборотов характеризуется наличием в их значении семы интенсификации значения мотивирующей лекси́мы, т. е. речь идет не о количественной, а качественной интенсификации. Например, *голый-наголый* (Пск.) – ‘совершенно обнаженный, без одежды’; *давно-раздавно* (Калин., Курск., Селигер., Том.) – ‘очень давно, в далеком прошлом’; *жуть-жутко* (Моск.) – ‘очень жутко, страшно’; *ищёлковый-перешёлковый* (Влад.) – ‘очень мягкий, нежный’ (о траве). Эта группа редупликаций включает в себя к настоящему моменту

более 100 единиц. Характерно, что оба однокоренных компонента представляют собой значимые слова, обычно это прилагательные или наречия. В случае, если компонентами такого типа редупликаций становятся глаголы, интенсификация подвергается не основному, а имплицитное значение мотивирующего корня. Например, *лежать-прилечь* (Селигер.) – ‘лежать в течение долгого времени, полеживать’; *кинуть-перекинуть что-л.* (Пск.) – ‘с силой бросить, перебросить что-л. через что-л.’; *вырастить-перевырастить чего-л.* (Пск.) – ‘вырастить что-л. в большом количестве’.

Своеобразное подобие первого паттерна иконичности можно также усмотреть в целом ряде русских диалектных редупликаций, характеризующих непоседливого ребенка или озорного, болтливового, взбалмошного человека. О таком человеке говорят: «его много»: *юртень-крутень* (Омск.) – ‘о непоседливом, чрезмерно подвижном ребенке’; *шал-баль* (Кар.) – ‘тот, кто шалит, озорничает’; *ух-мах* (Дон.) – ‘о непринужденном, развязном в общении человеке’; *аланец-еланец* (Народн.) – ‘непоседа, чрезмерно подвижный человек’; *ардя-бардя* (Дон.) – ‘о взбалмошном человеке’ (дразнилка), *версь-переверсь, верть-переверть* (Селигер.) – ‘о бойком, энергичном, подвижном человеке’.

Второй паттерн иконичности, выводимый Ф. И. Рожанским, акцентирует в значении редупликации семы искажения истинности, отклонения от нормы и под. Проанализировав отобранные из картотеки *Полного фразеологического словаря русских народных говоров* фразеологические редупликации, отметим, что для русских фразеологических редупликаций этот паттерн в целом более характерен, чем первый, но имеет свою специфику. Наиболее ярко он проявляется в достаточно многочисленной группе редупликаций, которыми характеризуется отсутствие порядка (своеобразное отклонение от нормы) в доме, среди каких-л. вещей: *грохом-ряхом, всё рях-ряхом* (Кар.) – ‘бесхозяйственно, без присмотра, в беспорядке (оставить что-л. где-л.)’; *комом-ломом* (Кар.) – ‘кое-как, в полном беспорядке’; *мутня-крутня* (Пск.) – ‘бестолковщина, беспорядок’; *сбей-харавей* (Перм.) – ‘кое-как, как попало, наугад, бестолково (сделать что-л.)’; *скомшить-сромшить* (Перм.) – ‘перемешать, скомкать что-л., привести в беспорядок (вещи)’ и др.

Подобным образом второй паттерн иконичности редупликаций, выделяемый Ф. И. Рожанским, находит отражение в целом ряде диалектных фразеологических редупликаций со значением ‘небрежно, кое-как, неряшливо, недобросовестно, торопливо’, т. е. не так, как следует: *кульки-вальки* (Перм.); *с бухты-бархты* (Костром., Перм.); *жудом-грудом* (Ряз.); *тор-потор* (Арх.); *делать/сделать что-л. тютень-вертень* (Урал.); *фикось-накось, на хухлы-мухлы* (Вят.); *чохом-мохом.* (Кар.); *шагом-махом.* (Кар.); *на шалай-балай* (Одесск.); *шалды-балды* (Кар.); *шали-вали* (Ряз.); *шох-ворох.* (Новг.); *шыры-пыры* (Р. Урал) и мн. др.

Проявление второго паттерна иконичности редупликации находим также в группе оборотов, значение которых так или иначе связано с каким-либо предосудительным, не поощряемым общественной моралью поведением человека, с чем-то скрываемым от людей. Например, *винтить-мутить*

(Прибайк.) – ‘вести себя легкомысленно, предосудительно’; *жигли-мигли* (Твер.) – ‘любовные забавы’; *крутить-мутить* (Великолукск., Смол.) – ‘хитрить, интриговать, мошенничать’; *курцы-мурцы* (Волог.) – ‘любовные дела, похождения’; *шурь-мурь, сюрь-мурь* (Вят.) – ‘любовные дела, похождения’; *фильти-мильти* (Новосиб.) – ‘о флирте’; *пойти фильти-мильти* (Новосиб.) – ‘начать гулять и флиртовать с мужчинами’; *шурь-мурь* (Кар.) – ‘любовные дела, похождения’.

Неиссякаемым источником редупликации в русских диалектах являются разнообразные восклицания, в которых редупликация способствует асемантической интенсификации эмоционального сообщения говорящего. Такие обороты часто эвфимистичны по своему фоно-морфологическому наполнению, они как бы намекают на табуированные выражения и таким образом могут служить иллюстрацией второго паттерна иконичности редупликации, по Рожанскому: *алла-бисмала* (Южн. Прикам.) – возглас страдания, сожаления, близкий по смыслу к выражению «Боже мой!»; *Ахтеньки-лихоньки!* – восклицание, выражающее тревогу и, боль, страх, удивление; *Едритва-бритва!* (Арх.) – восклицание, выражающее досаду, раздражение; *Едришки-ишишки!* (Перм.) – выражение удивления или разочарования; *Едри-передри!* (Арх.), *Екира-мара* (Арх.) – выражение сильного удивления, досады, неудовольствия; *Елѣха-воха* (Влад., Волог., Твер.) – выражение порицание кому-л. или досады, раздражения. (Влад., Казан., Нижне-Волж.); *Елкины-палкины!* (Алт.), *Ах, мача-куча!* (Арх.) – восклицания, выражающие удивление, восхищение; *Рокан-трокан!* (Кар.) – выражение недовольства, негодования.

По наблюдениям Рожанского, во многих случаях редупликации действуют одновременно оба выделяемых им паттерна иконичности. Ярким примером подобной контаминации можно считать ряд русских диалектных редупликаций, значение которых включает сему множественности и одновременно сему ‘нечто не имеющее ценности, ерунда, вздор’, которые сопровождаются стилистической сниженностью и пейоративностью. Эта группа редупликаций характеризует речевое высказывание человека: *аланцы-баланцы, алень-балень, алени-балени* (Р. Урал) – ‘болтовня, пустяки’; *разводить алени-балени* (Оренб., Р. Урал) – ‘пустословить, болтать’; *трынды-рынды – голый борщ* (Одесск.) – ‘о вранье или пустой болтовне’; *болтать калясы-балясы* (Селигер.) – ‘говорить ерунду, точить лясы, калякать’; *плести лясы-балясы* (Кар., Новг.), *разводить лясы-басы* (Пск.), *точить лясы-балясы* (Яросл.) – ‘болтать, пустословить’; *разводить талды-ялды* (Волг., Дон.) – ‘болтать, пустословить’; *талы-балы* (Пск., Хабаров.) – ‘пустые разговоры, болтовня’; *тара-бара* (Калуж.) – ‘о пустых разговорах, болтовне’; *разводить тары-бары* – ‘болтать пустяки, вести пустые разговоры’; *толки-перетолки* (Новг.) – ‘пустые разговоры’; *наплести тюху-матюху* (Пск.) – ‘наговорить ерунды, рассказать много небылиц’; *нести тюшу-матюшу* (Смол.) – ‘говорить вздор, нелепости, городить чушь’; *разводить шоры-ѣры* (Перм.) – ‘вести пустые, беспредметные разговоры’.

Подобным образом второй паттерн иконичности иллюстрируют русские диалектные фразеологические редупликации, характеризующие что-либо не имеющее большой ценности, мелкое, несущественное: *сусор-мусор* (Р. Урал.) – ‘о небольшом количестве чего-л., о чем-л. мелком, ничтожном’; *с трень-брень* (Дон.) – ‘о незначительном количестве чего-л.’; *трень-брень* (Дон.) – ‘мелочный товар’; *тридни-злыдни* (Бурят., Прибайк.) – ‘очень мало, всего ничего (напр., картошки)’; *тык-мык* (Р. Урал) – ‘о чем-л. пустом, незначительном’; *фигель-мигель* (Иркут.) – ‘что-л. не имеющее значения, смысла, ерунда’; *шило-мыло* (Кар.) – ‘что-л. пустое, ненужное’; *шилье-мылье, шильё-мыльё* (Иркут., Пск.) – ‘о мелких бытовых товарах: иголки, нитки и т.п.’

Подводя итог краткому изложению результатов проведенного исследования, хочется отметить, что благодаря привлечению материалов диалектной фразеологии удалось собрать представительный корпус для анализа фразеологических редупликаций и с достаточно высокой степенью достоверности сопоставить принципы иконичности редупликации как общезыкового явления и русских фразеологических редупликаций.

В целом, можно отметить, что выведенные Ф. И. Рожанским два паттерна иконичности для редупликаций в языке в общих чертах «работают» и для русских фразеологических редупликаций. Однако в силу своей фразеологичности исследуемые редупликации обладают определенной спецификой. В частности, семантическая квантитативность, присущая, согласно первому паттерну иконичности, редупликации как таковой, в русских фразеологических редупликациях получает характер качественной интенсификации мотивирующей лексемы. Второй паттерн иконичности проявляется в целом ряде фразеологических редупликаций, изображающих беспорядок, небрежность, а также предосудительные поступки. Оба паттерна иконичности проявляются особенно ярко во фразеологических редупликациях, характеризующих пустые разговоры, болтовню.

Литература

- Минлос 2004 = Минлос Ф. Р. *Редупликация и парные слова в восточнославянских языках*. Дисс. ... канд. филол. наук. Москва. 2004.
- РОЖАНСКИЙ 2011 = РОЖАНСКИЙ Ф. И. *Редупликация: опыт типологического исследования*. Москва: «Знак», 2011.

О. А. ДАВЫДОВА

Новые фразеологизмы с колоративом *серый* в русском языке

New idioms with the word *grey* in the Russian language

Abstract: Article is about the new idioms with the word *gray*. *Gray* is a rare word in Russian phraseology. *Grey cardinal* (*gray eminence*) is the most famous idiom. It is used in modern media very often. There are a lot of new idioms in the modern Russian language: *gray mouse*, *gray days*, etc. Some of them are the economic terms. The word *gray* means ‘semi-legal’ in economic discourse.

Keywords: idiom, new, grey, economic terms.

Во фразеологии всех языков значительную группу составляют ФЕ с цветовыми компонентами: *белая ворона* – англ. *rara avis* – франц. *un mouton a cinq pattes* – исп. *mirlo blanco* – нем. *Ein weißer Rabe* и др. Значительна группа таких фразеологизмов в русском языке: *на блюдечке с голубой каемочкой*. Прост. Ирон. ‘Без собственных усилий, в готовом виде’; *давать (дать) зеленую улицу*. Разг. Экспрес. ‘Содействовать осуществлению чего-л.’; *проходить красной нитью*. Книжн. Высок. ‘Представлять собой главное, основное, ведущее в чем-л.’ (ФСРЛЯ) и др. Не все колоративы обладают одинаковой фразеологической активностью: по данным ФСРЛЯ, в русской литературной фразеологии больше всего ФЕ с прилагательными *черный, белый, золотой, красный*.

Среди ядра русской фразеологии почти нет ФЕ с компонентом *серый*. В наиболее авторитетных фразеологических словарях они не отражены. Некоторые из словарей отражают только ФЕ *серый кардинал* книжн. ‘Человек, обладающий большой неформальной властью и оказывающий влияние на других людей, прежде всего высокопоставленных, и на принятие ими решений, который описывается как высокопоставленное лицо католической церковной иерархии, не носящее облачения, положенного ему по сану’ (АСРФ: 345). Более детально фразеологизм описан (ШВАРЦКОПФ: 1991). ФЕ активно употребляется в современной публицистике:

- (1) Василий Гроссман по памяти записал беседу с Михаилом Суловым, в которой “*серый кардинал*” журил писателя за то, что тот льёт воду на известную мельницу (И. 2002-05-26).
- (2) Политические же проекты Медведев будет продвигать через Волошина, оставшегося *серым кардиналом* (РБК 2012-05-22).
- (3) Само кино, впрочем, о революционере Александре Парвусе, то ли помощнике Ленина, то ли *сером кардинале* русской революции (ВМ 33/17) и др.

Часто в российской прессе встречается сочетание *серый кардинал Кремля*:

- (4) Вот два «товарища по несчастью», недавние *серые кардиналы Кремля*, ныне опальные изгнанники, Гусинский и Березовский (СС 2003-08-09).
- (5) Вспоминая недавнее прошлое «*серого кардинала Кремля*», эксперты утверждают, что он поплатился за излишнюю автономию, неинтересную для сегодняшнего курса власти (РБК 2013-05-13).
- (6) Дугин считает, что на него наехали после того, как он выступил с гневной филиппикой в адрес В. Ю. Суркова, помощника президента, которого называли на Западе «*серым кардиналом Кремля*» (КП 2014-06-17) и др.

Некоторые словари отразили ФЕ *некто в сером*, бывшую первоначально крылатым выражением, так как связана с именованим персонажа Л. Н. Андреева *Жизнь человека*. В словаре крылатых слов *Ирон или шутл.* 1. 'Некая загадочная, непонятная личность'; 2. 'О бездарном, посредственном человеке, от которого, однако, зависят судьбы других людей' (БКСРЯ: 311). Данные корпуса русского языка подтверждают достаточно активное употребление фразеологизма, особенно в начале XX в., чаще всего в значении 'некто неизвестный' в публицистике:

- (7) Не буржуа, не пролетарии пишут историю, а некто третий». «*Некто в сером?*» — неуместно подсказала память (Горький М. Жизнь Клима Самгина. Ч. 4 (НКРЯ).
- (8) Многое, что было стыдно делать поручику такого-то полка, совсем не стыдно, если он «*некто в сером*» (Краснов П.Н. Душа армии (НКРЯ).
- (9) Мне, кстати, давно уже приходило в голову, что русским душам суждено пересекать Стикс, когда тот замерзает, и монету получает не паромщик, а *некто в сером*, дающий напрокат пару коньков (разумеется, та же духовная сущность) (Пелевин В. Чапаев и пустота (НКРЯ).

Целый ряд фразеологических сочетаний приведено в ССРЛЯ: <> *Серая бумага* 'Бумага низкого качества'. *Серый чугун* 'Вид чугуна, представляющий собой сплав железа с углеродом, марганцем, кремнием, серой и фосфором'. *Серые щи* 'Щи, приготовленные из верхних, зеленых листов капусты'. *Серое вещество* (мозга) 'Вещество, состоящее из нервных клеток, в котором находятся нервные центры различных органов'. *Серое сукно* 'Суровое, небеленое сукно'. *Серая пряжа* 'Суровая, небеленая пряжа' (ССРЛЯ, 13: 715–716).

Словари пословиц и поговорок отражают несколько паремий с компонентом *серый*, среди которых наибольшей активностью обладает, конечно, *ночью все кошки серы*, которая отражена и в некоторых из толковых словарей: *посл.* — 'В темноте все люди и предметы кажутся одинаковыми' (БУСРЯ: 457). Пословица с теми или иными вариациями употреблялась в русской литературе:

- (10) Господь Бог создал и паву, и ворону, и зайца, и хомяка — а впотьмах, добрый барин, *все кошки серы* и все труссы смелы (Булгарин Ф. В. Извозчик-ночник (НКРЯ).

- (11) *Ночью все кошки серы*, Женщины — все хороши! (Горький М. Жизнь Клина Самгина. Ч.2 (НКРЯ);
- (12) Отсутствие школ и течений — это не признак превосходства, не характеристика передового французского духа, а просто «политическая ночь», в которой *все литературные кошки серы* (Маяковский В. В. Парижские очерки (НКРЯ) и др.

Пословица активно употребляется в современной публицистике:

- (13) Минимум больше максимума, потому что он включает все, вычитая лишнее: *ночью все кошки серы* (И. 2013-02-10).
- (14) Как *ночью все кошки серы*, так летом все люди одинаковы (Домовой 2002-12-04)
- (15) Согласны ли вы с русской пословицей «*ночью все кошки серы*»?» (И. 2012-09-05) и др.

Конечно, пословица не русская, ее полные эквиваленты есть в других европейских языках: фр. *la nuit tous les chats sont gris* (известна с XVII в.), нем. *bei Nacht sind alle Katzen grau*, англ. *all cats are grey in the dark*, исп. *De noche todos los gatos son pardos*.

Еще одна пословица, хорошо известная всем русским, отражена не только в словаре пословиц: *не за то волка бьют, что сер, а за то, что овцу съел* – посл. – ‘Наказывают человека не за то, как он выглядит, а за его дурные поступки’ (БУСРЯ: 510).

Серый – это постоянный эпитет волка в русских народных сказках, который часто употребляется для именованя зверя: *Старина задумалась и притихла ещё в те времена, когда бежал тут серый волк и плакала Аленушка на бережку, которым Викторов теперь ходил в столовую военторга*. (Гроссман В. *Жизнь и судьба*, ч. 1 (НКРЯ). Поэтому русским хорошо известно и выражение, пришедшее из диснеевского мультфильма: *Нам не страшен серый волк*, разг., шутил. ‘Мне или нам никто не страшен, ничто не страшно’ (из песенки трех поросят из мультфильма У. Диснея «Три поросенка», 1933; перевод С. В. Михалкова). Оно тоже отражено в словарях (БУСРЯ: 128); ‘Подтверждение собственной смелости’ (БСКСРЯ: 297). Перифраза для именованя волка – *серый разбойник*.

Фразеологизмы с колоративным компонентом, как и другие фразеологизмы, находятся в движении. Одни из них устаревают и выходят из активного запаса языка: *зеленая голова* устар. пренебр. ‘Несообразительный, недалекий человек’; *красный каблук* устар. пренебр. ‘Щеголь’; (ФСРЛЯ, 1: 150; 285) и др. Другие недавно пришли в язык и имеют в современных словарях помету нов.: *малиновые пиджаки* нов. разг. ‘Возникшая в России 90-х годов криминальная или полукриминальная социальная прослойка так называемых новых русских’; *черный пиар* нов. ‘Создание негативного образа какого-либо проекта или лица’ (ССРФ: 178, 396) и др.

Среди фразеологизмов, появившихся в русском языке в конце XX–начале XXI вв., несколько с компонентом *серый*. Это ФЕ *серая мышка* ‘Незаметный, ничем не примечательный человек’, реализующий одно из значений

прилагательного *серый* ‘Ничем не примечательный, бесцветный, безликий’ (ССРЛЯ 13: 716). ФЕ широко представлена в публицистике:

- (15) *Серыми мышками* называли скромных, неярких девчонок из многолюдных редакционных отделов Валерия Кашак, Нина Полежаева и другие редакционные дивы, формирующие запросы и вкусы женской части редакции (Корнешов Л. Газета (НКРЯ);
- (16) В результате многочисленных реплик и дачной болтовни, а мы часто работали вместе в партийных особняках за городом, уже тогда у меня создалось впечатление, что Крючков является «*серой мышкой*» аппарата, служкой без особых претензий (Яковлев А. Омут памяти. Т.1 (НКРЯ).
- (17) Жертвами становятся девушки определенного типа: «*серые мышки*» без большого жизненного опыта и опыта общения с другими мужчинами (КП 2013-08-1).
- (18) Появляется новый вид преступлений, когда *серая мышка* начинает мстить обществу: человек берет оружие и расстреливает своих коллег, одноклассников, случайных прохожих... (КП 2014-04-03) и др.

Обратим также внимание, что в половине примеров словосочетание взято в кавычки.

Без сомнения, устойчивым является сочетание *серая ветка* применительно к одной из веток московского метро:

- (19) Через несколько дней почти на час застряли пассажиры *серой ветки* — в одном из новых составов замкнуло электропроводку (И.2013-06-17).
- (20) Есть 2–3 линии, которые забиты ранним утром настолько, что есть шанс сесть только в третий поезд, да и то — лишь накрутив себя, как берсерк. Это *серая*, зеленая и фиолетовая *линии*. Но днем людей немного даже на них (И.2012-12-06).
- (21) В результате короткого замыкания 22 ноября произошло задымление на станции «Шаболовская» Калужско-Рижской линии, а 4 декабря задымление возникло на перегоне между станциями «Тульская» и «Серпуховская» *серой ветки* столичной подземки (И. 2014-01-15) и др.

Несколько устойчивых сочетаний, закрепившиеся в русском языке последнего времени, являются экономическими терминами, реализующими появившееся у слова *серый* значение ‘Незаконный, нелегальный’. Заметим, что данное значение прилагательного, как никакое другое, отражает специфику цвета: 1. ‘Цвета, получающегося из смешения черного с белым; цвета золы’ (ССРЛЯ,13: 715). Поскольку каждое из устойчивых сочетаний имеет специфику в семантике, то назовем эти сочетания отдельно, попытаюсь сформулировать значение фразеологизма.

Серая экономика и ее конкретные проявления занимает промежуточное положение между *белой* ‘легальной’ и *черной* ‘нелегальный’ экономикой. В одних публикациях *серая экономика* является синонимом *теневой экономики* (*теневая экономика* ‘Производственная, торговая и т. п. деятельность, ведущаяся без уплаты налогов’ (БТСРЯ: 1315), в других частью теневой

экономики: *серая экономика* ‘Экономика, развивающаяся на основании как легальных, так и нелегальных законов’:

- (22) В отличие от свежее испеченных российских капиталистов, привыкших существовать в рамках *"серой"* экономики и скрывать значимую, а иногда и большую часть своих доходов, иностранцы в основном привыкли платить налоги (Т. 2000-05-04).
- (23) По бескрайней степи с ее богатым разнотравьем бродят целые армии никем не учтенных баранов. Калмыкия—рай *серой экономики*. Баран стоит три тысячи рублей, бычок—15—20 тысяч (КП 2010-07-28) и др.

Термин *теневая экономика* употребляется несопоставимо чаще:

- (24) Ежегодный оборот от данного незаконного вида деятельности исчисляется миллиардами рублей и является одним из факторов стимулирования и развития *теневой экономики* страны (И.2014-07-01).
- (25) Что такое *теневая экономика*? Прежде всего незаконные взаиморасчеты наличными деньгами между гражданами и предприятиями (Т. 2000-05-16) и др.

Серая зона (сектор, сегмент и др.) ‘Нерегулируемая существующим законодательством зона экономики (права)’:

- (26) Высокие же барьеры снижают конкуренцию и могут вытеснить ряд финансовых услуг в *«серую»*, нерегулируемую зону (РБК 2012-04-27).
- (27) Принимая данную налоговую преференцию, владельцы хостелов и общежитий выбирают путь выхода из *«серой зоны»*, а мы получим возможность их контролировать, — добавил Свиридов (И.2014-02-21).
- (28) Население Крыма проводит референдум о присоединении к России, а не к *серой зоне* непризнанных государств (И.2014-03-14).
- (29) Однако Барак Обама со своими беспилотниками также действует в *серой зоне* международного права (И.2014-04-15).
- (30) По мнению Константина Апрелева, если рынок будет поставлен в жесткие рамки, это приведет не к сокращению, а, наоборот, к увеличению *серого сегмента* (И.2013-04-24) и др.

Устойчивым в языке СМИ является сочетание *серый (сектор, зона) экономики*. В НСиЗ сочетание отмечено как калька с английского англ. *gray zone* с другим (частным) значением, которое не реализуется в современных источниках:

- (31) Мы наполнили пенсионный фонд, подтолкнули развитие социальных программ, взялись за расчистку *"серого" сектора экономики* (И. 2006-07-27).
- (32) Эти люди работают в *сером секторе экономики* (КП 2013-04-03).
- (33) В 2001-м объем *"серого" сегмента экономики* оценивался правительственными экспертами в 50 миллиардов долларов, или 18 процентов валового внутреннего продукта (ВВП) (Т. 2002-01-10) и др.

Серая схема ‘Схема частичного ухода от налогообложения’ (сочетание отмечено в НСиЗ):

- (34) Поэтому важно не соглашаться на полулегальные, или «серые» схемы, при которых зарплата выдается «в конвертах», иначе реальные пенсионные деньги действительно превратятся в простую бумагу – от конвертов (И. 2012-11-30).
- (35) Думаю, что слухи о вкладах, которые, что называется, носят специфический характер и свидетельствуют о «серых» схемах вывода денег из России, их объемы все-таки не столь значительны, как об этом принято говорить (КП2013-03-22).
- (36) Чтобы избежать наказания, туроператоры, в том числе и российские, используют хорошо отработанные серые схемы (И. 2014-02-04).
- (37) Даже если он предложит клиентам «серые» и «черные» схемы клиенту, отвечать будет последний (И.2014-06-23) и др.

Серый рынок ‘Неконтролируемый существующим законодательством рынок товаров или услуг’:

- (38) В 2011 году объем серого рынка пива в России составил 7%, в 2012 году он будет не менее 10% (РБК2012-04-13).
- (39) Огромный «серый» рынок интернет-торговли сейчас ведет к недобросовестной конкуренции, уходу от налогов и продажам «серого», зачастую контрафактного товара (И.2014-01-22).
- (40) Кроме того, сделки через нотариуса имеют смысл при прозрачной системе расчетов, а у нас фактически серый рынок жилья, когда московские квартиры официально продаются за миллион рублей, чтобы не платить 13% налог (КП 2014-07-28) и др.

Серый бюджет ‘Не отраженный в соответствующих законах и постановлениях бюджет’:

- (41) Проблема усугубляется и тем, что помимо белого бюджета у нас существует и «серый» — осуществление выплат крупными корпорациями и компаниями «на государственные нужды»: политические и социальные проекты (И.2012-06-04).
- (42) В первую очередь это касается статей «серого» бюджета, то есть трат, не предусмотренных законом, но вызванных политической или политтехнологической целесообразностью (И.2013-01-30).
- (43) Но правда и то, что монополии обеспечивают не только существенную часть «белого» бюджета, но и бюджета «серого», включающие значительные социальные и региональные расходы, не запланированные в официальной расходной части (И.2013-07-09) и др.

Серая зарплата ‘Зарплата, только часть которой показывается в финансовых ведомостях’:

- (44) Вторая задача, которую поставил премьер, — это продолжить борьбу с серыми зарплатами, с помощью которых работодатели уходят от налогов (КП 2013-03-12).
- (45) Работать за «серую» или «черную» зарплату «в конверте» сегодня готовы 47% наших граждан (КП 2013-03-27).
- (46) Это и серые зарплаты, и принуждение увольняться по собственному желанию, и неоплаченные сверхурочные часы (И. 2014-05-21) и др.

Серый импорт ‘Товары, ввезенные в страну по декларациям на другие товары и (или) на подставную фирму’:

- (47) В настоящее время отмечается дефицит iPhone 5, о котором говорят как официальные поставщики и продавцы, так и компании, занимающиеся «серым» импортом, — рассказал Максим Ураев, генеральный директор ООО «Макс Трейд» (И. 2013-01-14).
- (48) Это «серый» импорт, взятки и откаты чиновникам, которые переводятся на счета в зарубежных банках (КП2013-02-20).
- (49) Поскольку украинская компания не является уполномоченным представителем Porsche, то таможня ее относит к категории тех компаний, которые незаконно ввозят на территорию России продукцию, осуществляют «серый» импорт» (И. 2014-04-09) и др.

Серый товар ‘Товар, привезенный путем серого импорта или произведенный нелегально, без отражения в соответствующих документах’:

- (50) Так, в Смоленской и Брянской областях только за полтора года объем продаж *серой продукции* вырос в восемь раз (РБК 2013-05-27);
- (51) А *серые*, то есть нелегальные, *камни* составляют до половины рынка драгоценностей в России (КП 2014-02-27).
- (52) Кроме того, практикуется торговля *серым, контрафактным товаром*, то есть товаром, который не прошел таможенную очистку и за него не был НДС оплачен (И. 2014-06-10) и др.

Новое значение ‘Полулегальный’ появилось в современном русском языке у прилагательного *серый*, оно закреплено в наречии *в серую*, компонента сочетания *работать в серую*, которое активно реализуется в языке современных СМИ:

- (53) Сам рынок кредитования подержанных авто априори более рискован: контрагенты — это мелкие и средние автосалоны, зачастую работающие «*в серую*». (И.2014-06-25).
- (54) На рынке строительных материалов и товаров большинство мелких и средних компаний работают *в серую* и не будут заинтересованы в проведении сделок через открытую площадку (РБК 2014-01-23).
- (55) Когда неизвестно, что произойдет через год, тогда лучше где-то затаиться, работать *в серую* (КП 2013-04-04) и др.

Обратим внимание, что способ оформления экономических терминов еще не пришел к единообразию. Они могут подаваться в тексте без кавычек, в кавычках может быть как все сочетание, так и цветное прилагательное.

Одной из особенностей рассматриваемой группы фразеологизмов является ее «серийность», когда в языке существует несколько фразеологизмов с одним и тем же компонентом, а второй компонент при этом меняется, нередко меняющимся компонентом является колоратив: *жёлтенькая бумажка* доревол. прост. ‘Рублёвый кредитный билет (по цвету бумаги)’; *зелёненькая бумажка* доревол. прост. ‘Трёхрублёвый кредитный билет’; *красная бумажка* доревол. прост. ‘Десятирублёвый кредитный билет’; *синенькая бумажка*

доревол. прост. ‘Пятирублёвый кредитный билет’ (ФСРЛЯ); *белое золото* 1. ‘Хлопок’. 2. ‘Соль’. 3. ‘Бивни слонов’; *голубое золото* ‘Природный горючий газ’; *зеленое золото* 1. ‘Лес’ 2. ‘Чай (растение)’; *коричневое золото*. ‘Какао’; *черное золото* 1. ‘Нефть’ 2. ‘Уголь’ (СП) и др.

Современные ФЕ с колоративом *серый* нередко входят в группу ФЕ с колоративами *белый* и *черный*, занимая и по семантике промежуточное положение: *белая – серая – черная зарплата*; *белый – серый – черный импорт*; *белый – серый – черный товар*, в которых сочетание с компонентом *белый* употребляется значительно реже, чем с компонентами *черный* и *серый*:

- (56) По их же данным, с 1994 по 2011 год Россия потеряла, как минимум, \$211,5 млрд из-за нелегального оттока «*черного*» и «*серого*» капитала (КП 2013-02-20).
- (57) Я очень надеюсь, что вступление в действие этого закона приведет к тому, что большие площадки из *серой зоны* перейдут в *белую* и будут легально работать по контрактам с правообладателями (КП 2013-07-30).
- (58) Большой по объему бизнес, существенная часть оборота которого находится в *серой или черной зоне* (И. 2013-05-30).
- (59) По словам Швецово́й, в столице не было использовано на выборах ни «*черных*», ни «*серых*» технологий. (КП 2013-09-08).
- (60) И поставил задачу пресечь каналы *серой и черной контрабанды*, поскольку это сегодня—вопрос успешного развития национальной экономики (КП 2013-02-08).
- (61) «*Серый*» и «*черный*» бизнес прекрасно существует в этих условиях, так как всегда предпочитает «договариваться» (И. 2012-07-06) и др.

Многие устойчивые сочетания с колоративами являются заимствованиями, прежде всего из английского языка: *grey market* — *серый рынок* ‘Неофициальный рынок каких-либо товаров, полулегальный, «получерный» рынок, имеющий дело с юридически неблагополучными товарами, или на «сером» рынке продаются товары по крайне высоким спекулятивным ценам’; *grey import* — *серый импорт* ‘Импортируемый товар, который является контрафактным’; *gray list* — «*серый список*» ‘Список лиц, фирм и т. п., которые считаются нежелательными или неблагонадежными, хотя в меньшей степени, чем занесенные в черный список’ (ДЕНИСЕНКО 2016). Новые ФЕ с колоративом *серый*, как и многие другие новые ФЕ приходят в русский язык через язык СМИ. ФЕ с колоративом *серый* не отражены в современных словарях, что должно быть изменено в изданиях академических словарей.

Словари

АСРФ = БАРАНОВ А. Н., ВОЗНЕСЕНСКАЯ М. М., ДОБРОВОЛЬСКИЙ Д. О., КИСЕЛОВА К. Л., КОЗЕРЕНКО А. Д. (ред.) *Академический словарь русской фразеологии*. 2-е издание. Москва.: «ЛЕКСРУС», 2015.

БСКСРЯ = БЕРКОВ В. П., МОКИЕНКО В. М., ШУЛЕЖКОВА С. Г. *Большой словарь крылатых слов русского языка*. Москва: «Русские словари», «Астрель», «АСТ», 2000.

- БТСРЯ = Кузнецов С. А. (ред.) Большой толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург: «Норинт», 2002.
- БУСРЯ = Морковкин В. В., Богачева Г. Ф., Лучкая Н. М. *Большой универсальный словарь русского языка*. Москва: «Словари XXI»; «АСТ-ПРЕСС ШКОЛА», 2016.
- НСиЗ = *Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: в 3 т.* Т. 3. Санкт-Петербург: «Дмитрий Буланин», 2014.
- СП = Новиков А. Б. *Словарь перифраз русского языка (на материале газетной публицистики)*. Москва: «Русский язык», 1999.
- ССРЛЯ = *Словарь современного русского литературного языка: в 17 т.* Т. 13. Москва–Ленинград.: «Изд-во АН СССР», 1962.
- ССРФ = Жуков А. В., Жукова М. Е. *Словарь современной русской фразеологии*. Москва: «АСТ-ПРЕСС КНИГА», 2015.
- ФСРЛЯ = Федоров А. И. *Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т.* Новосибирск: «Наука», «Сибирская издательская фирма РАН», 1995.

Литература

- ДЕНИСЕНКО 2016 = ДЕНИСЕНКО М. В. Фразеологизмы с компонентом «grey / серый» в английском и русском языках. *Молодой ученый*. 2016/7: 1152–1154.
- ШВАРЦКОПФ 1991 = ШВАРЦКОПФ Б. С. Серый кардинал. *Русская речь*. 1991/4: 127–132.

Источники и сокращения

- НКРЯ = Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru/>
- ВМ = Вечерняя Москва
- И. = Известия
- КП = Комсомольская правда
- РБК = РБК-Дейли
- СС = Совершенно секретно
- Т. = Труд-7
- ФЕ = фразеологическая единица

О. И. ФЕДОСОВ

Фразеология и частотность

Phraseology and frequency

Abstract: The frequency of idioms in Russian is a new project by A. Baranov and D. Dobrovolskij. The analysis for this project shows that Russian idioms in four different corpora in accordance their frequency characteristics. Our paper describes whose methods used the members of Czech national corpora (CNK) for the interpretation of the statistic data from the field of phraseology in the *Frequency Dictionary of (Written) Czech* (2004) and the *Frequency Dictionary of Spoken Czech* (2007). The frequency range of an idiom in different corpora corresponds with its stylistic features too. The paper argues that there is a strict correlation between the frequency of an idiom in spoken Czech and in the big corpora of written Czech.

Keywords: phraseology, frequency analysis, text corpora, idioms and phrasems in the *Frequency Dictionary of Czech*

В Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия) под руководством А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского группой сотрудников (в их числе М. М. Вознесенская, К. Л. Киселева, А. Д. Козеренко) вот уже несколько лет готовится *Проект частотного словаря русских идиом*. Проект был неоднократно представлен авторами на различных научных форумах, в частности, на конференции по компьютерной лингвистике Диалог-2012, и на международных конференциях *Корпусная лингвистика – 2013 / 2017*, которые проходили в Санкт-Петербургском государственном университете. Авторы будущего словаря высказали целый ряд идей и осветили немало проблем, возникающих при словарном описании частотности идиом и фразеологизмов. В частности, они указывают на объективные трудности при формировании уже самого словника идиом, который бы отражал современный узус, т.к. в отличие от обычных лексем идиомы употребляются относительно редко. Авторы по этому поводу пишут:

«Имеющиеся фразеологические словари, во-первых, неполны и, во-вторых, существенно отстают от современного узуса. Извлечение идиом из текстов теоретически возможно, но практически неосуществимо – имеющиеся программы автоматической обработки выявляют устойчивые сочетания слов, однако результирующий список из-за большого объема и значительного информационного шума требует существенной редактуры и постоянного обращения к контексту для установления того, использовано ли словосочетание идиоматично или нет» (БАРАНОВ И ДР. 2012).

Тем не менее, по замыслу авторов, предлагалось создание словаря на основе существующего словника хорошо известного *Словаря тезауруса*

современной русской идиоматики (Тезаурус 2007), включающего около 8000 идиом, и четырех специальных корпусов текстов. Были определены типы информации, которые будет отражать словарь фразеологической частотности. Это – относительная частота употребления идиомы во всех четырех корпусах, вместе взятых, а также относительная частота употребления в каждом из корпусов: *Русская проза; Русская драматургия; Русская публицистика; Русский детектив*. Авторы напоминают, что речь идет не о подкорпусах НКРЯ, а о специальных корпусах, созданных в отделе экспериментальной лексикографии ИРЯ РАН в середине 1990-х гг. Так, корпус публицистики 1990-х гг. включает более 24 млн. словоупотреблений, корпус русской прозы охватывает художественную литературу от 1960-х до 2000-х гг. и включает более 33 млн. словоупотреблений. Проблемы и решения, связанные с созданием частотного словаря русских фразеологизмов, достаточно полно освещены в публикациях авторского коллектива, вышедших с тех пор. Поэтому мы не будем сейчас подробно останавливаться на различных аспектах проекта.

Идеи и наработки авторов, однако, послужили основой и для настоящей работы, в которой мы попробуем обсудить как теоретическую сторону вопроса, так и некоторые практические трудности. При этом фоном здесь будет служить опыт чешской лексикографии по созданию частотных (общих) словарей на основе большого репрезентативного корпуса. Обращение к чешскому опыту неслучайно. И фразеологи А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский, и авторы частотного словаря современного русского языка О. Н. Ляшевская и С. А. Шаров в своих комментариях неоднократно упоминают работы сотрудников Чешского национального корпуса (далее ЧНК) во главе с его создателем и многолетним руководителем Ф. Чермаком именно как авторов современных частотных словарей чешского языка и связанных с ними специальных методов. «В Чешском национальном корпусе используется понятие средней уменьшенной частоты (ARF, Average Reduced Frequency), в котором частота слова взвешивается по расстоянию между отдельными словоупотреблениями (ЇERMAK & KŘEN 2005)», – пишут О. Н. Ляшевская и С. А. Шаров во Введении к своему словарю. И в другом месте: «При составлении настоящего словаря был учтен опыт чешских коллег, которым пришлось дорабатывать морфологический анализатор, пополнять словарь и проводить ручную редактуру (ЇERMAK ET AL. 2004)».

«Тем самым, встает задача упорядочить идиомы не только по их относительной частоте, но и по их распространенности в разных корпусах. Для этого в существующих частотных словарях используются разные статистические инструменты: в Чешском национальном корпусе это показатель Average Reduced Frequency (ARF) [ЇERMAK, KŘEN 2005], в других частотных словарях – коэффициент А. Жуйана [Gries 2008]. Один из этих инструментов будет использован и в планируемом словаре» (БАРАНОВ И ДР., 2012)

Российские авторы, однако, не указали на одно важное обстоятельство: общие частотные словари чешского языка, как литературного (FSCĚ 2004), так и разговорного (FSMĚ 2007), создавались под руководством одного из

ведущих фразеологов Европы, автора знаменитого четырехтомного словаря чешской фразеологии и идиоматики, содержащего ок. 40 000 фразеологических единиц. Естественно поэтому, что Ф. Чермак при работе над общими частотными словарями не мог не уделить особого внимания именно фразеологической проблематике. При этом – по устному сообщению проф. Ф. Чермака – от идеи создания отдельного частотного словаря чешской фразеологии он заведомо отказался по той основной причине, что живая активная фразеология любого языка принадлежит области разговорного, а не письменного (литературного) языка.

Каким бы ни стал будущий частотный словарь русской идиоматики, безусловно, он будет востребован, т. к. обработанная в нем информация будет необходима для решения задач в самых разных областях лингвистики, культурологии, преподавания языка и т. д. Очень ценным видится намерение авторов статистически описать компонентный состав идиом:

«Предполагается включить в словарь информацию о количественных характеристиках компонентов идиом, т. е. о том, сколько раз то или иное слово употребляется в составе разных идиом русского языка. Подобные данные имеют ценность как для исследования фразеологии, давая объективную информацию о лексическом составе идиом, так и для установления связей с лексикой, а также с морфологией и словообразованием» (БАРАНОВ И ДР. 2012).

Остается, однако, открытым вопрос, какую часть или область русской фразеологии и идиоматики будет покрывать этот словарь, насколько его данные будут отражать реальное (или приближенное к нему) состояние русской фразеологии «в широком смысле», особенно в той части языковой деятельности носителей языка, которая хуже всего подвергается статистической обработке – в разговорном языке. Опытные фразеологи прекрасно осознают эти трудности. Так, в одной из недавних статей А. Н. Баранов и М. М. Вознесенская пишут:

«Таксон пьянство-трезвость в «Тезаурусе современной идиоматики» [Тезаурус 2007] представлен достаточно большим количеством идиом — около 140 единиц. Стилистически он довольно однороден: в основном это разговорная (*принять на грудь, в доску напиться/пьян, под мухой, закладывать/заливать за воротник; что-то стало холодать* [– не пора ли нам поддать?]) и жаргонная (*залить баки, трубы горят, в [полном] отрубе, с бодуна*) идиоматика. Книжных и нейтральных идиом сравнительно мало (ср. *белая горячка, сухой закон, зелёный змей, до положения риз, огненная вода*), хотя некоторые из них занимают довольно высокий частотный ранг ...» (БАРАНОВ–ВОЗНЕСЕНСКАЯ 2017).

«Вечный проклятый вопрос» об объеме национальной (русской, чешской, немецкой и т. д.) фразеологии до сих пор относится к неразрешенным теоретическим и практическим проблемам фразеологии. Его мы хотели бы проиллюстрировать всего несколькими известными цифрами. Если авторы проекта исходят из словника *Тезауруса 2007* размеров в 8 000 идиом, чешский 4-томник описывает 40 000 живых и активных фразем и идиом, в *Большом словаре русских пословиц* (БСРП 2010) содержится около 70 000 русских

паремий, то в проекте *Полного фразеологического словаря русских народных говоров* Санкт-Петербургского коллектива под руководством В. М. Мокиенко указана следующая цифра:

«В предлагаемом словаре будет описано более 140 000 фразеологизмов. Это связано с тем, что составители при формировании словника ориентировались не на принципы дифференциального словаря, сформулированные в 60-е гг. Ф. П. Филиным, а на принципы полного описания региональной лексики, выдвинутые Б. А. Лариным и реализуемые в «Псковском областном словаре» (Санкт-Петербург, СПбГУ) и «Архангельском областном словаре» (Москва, МГУ)» (<http://phraseoseminar.slovospb.ru/proekt-rnf-17-18-01062.htm>).

И мы еще ничего не сказали об «устойчивых словосочетаниях», о коллокациях, объем которых в языке огромен. О. Н. Ляшевская и С. А. Шаров, например, указывают:

«Некоторые частотные словари создаются специально для преподавания языка <...> В них отражены не только частота отдельных слов, но и приводится дополнительная грамматическая и лексическая информация, а также *типичные коллокации* (словосочетания). Для русского языка такая работа еще предстоит» (ВВЕДЕНИЕ 2009).

То, что еще предстоит проделать для русского языка, в современных чешских частотных словарях уже нашло отражение. В том смысле, что пристальное внимание к сочетаемости (особенно устойчивой) лексем, к проблематике коллокаций и не только коллокаций, всегда ставилось «школой Чермака» во главу угла при описании не только лексикона, но и грамматики языка. Общие частотные словари чешского языка (FŠČ 2004 и FSMČ 2007) создавались на основе корпусов, но корпусов принципиально разных. О. Н. Ляшевская и С. А. Шаров предупреждают:

«При интерпретации списков частотного словаря надо помнить, что любой корпус, каким бы большим он ни был, является конечным подмножеством потенциально бесконечного множества текстов на данном языке. Любая другая выборка этого подмножества породит несколько другой список, который будет отличаться в своих менее частотных элементах» (ВВЕДЕНИЕ 2009).

Частотный словарь чешского языка (FŠČ 2004) был разработан на основе взвешенного, выверенного во всех отношениях синхронного корпуса современного чешского «письменного» языка (мы здесь намеренно не используем понятие литературного языка – см. об этом ниже) – подкорпуса SYN2000 объемом в 100 миллионов словоупотреблений. Для сравнения заметим, что по данным на сайте ЧНК на сегодняшний день общий объем Чешского национального корпуса уже превысил цифру в 4 миллиарда (!) словоупотреблений. *Частотный словарь разговорного чешского языка* (FSMČ 2007) создавался на основе т.н. *Пражского разговорного корпуса* (РМК), разработанного специально для исследования разговорного языка на основе звукозаписей, которые собирались (естественно, по строгой социолингвистической методике) в течение двух этапов: между 1988 и 1992 гг., и между

1994 и 1996 гг. Он состоит «всего» из 780 322 «позиций», или же из 644 909 слов из 296 записанных разговоров (интервью), содержащих более 15 000 «высказываний».

Рассказ о том, насколько велика разница между чешским нормативным литературным языком («первым стандартом») и чешским обиходно-разговорным языком (*obecná čeština*, «второй стандарт»), занял бы слишком много места. Незнакомых с ситуацией чешской (практически) «диглоссии» мы можем отослать к соответствующим статьям *Энциклопедического словаря чешского языка* (FSC 2002), или даже к статье русскоязычной *Википедии* «чешский язык». Достаточно процитировать несколько мыслей из вводной статьи Ф. Чермака к (FSMČ 2007):

«Презрительный не-интерес тогдашних официальных языковедческих учреждений, занимавшихся языком только литературным, т. е. по сути письменным (за исключением наречий), вел к тому, что ни словаря, ни грамматики обиходно-разговорного языка просто нельзя было представить. Все существующие пособия по чешскому языку касаются исключительно языка литературного. Как будто бы разговорного языка, который является в ряде функций приоритетным, просто не существовало» (FSMČ 2007: 7; перевод с чешского наш – О. Ф.).

В качестве парадокса Ф. Чермак приводит пример большого (около 250 тысяч словарных статей) четырехтомного толкового словаря литературного чешского языка 1970-х гг. (SSJČ), который стал фактически и самым полным словарем лексики разговорного языка, т. к. создавался в основном на базе литературных произведений, в которых язык разговорный неизбежно присутствовал.

Общие (т.е. не фразеологические) частотные словари чешского языка (FSC 2004 и FSMČ 2007) по разному представляют фразеологический материал. Сделаем здесь короткое замечание, что в подходе к типологии фразеологизмов мы полностью солидарны с известной концепцией А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского (БАРАНОВ–ДОБРОВольский 2008: 67), включающих в область фразеологии пять следующих типов: идиомы, коллокации, пословицы, грамматические и синтаксические фразеологизмы. Все эти типы в той или иной степени представлены в чешских частотных словарях, но представлены по-разному. В словаре «письменного» языка (FSC 2004) (разные) частотные списки содержат и такие лексемы (оставим в стороне описание всей структуры словаря), которые сопровождаются символом (+), например: *bycha+*, *holičkách+*, *sapiens+*, *absurdum+*, *hand+*, *srovnání+*, *úkor+*, *neřku+* т. е. это – компоненты фразем/лексем, сочетаемость которых сильно ограничена или возможна исключительно в составе некоторого устойчивого словосочетания. Так, приведенные «слова с плюсом» являются компонентами идиом, пословиц, коллокаций, грамматических фразем и проч. (например, словосочетаний терминологического характера): *pozdě bycha honit*, *nechat / být / zůstat na holičkách*, *homo sapiens*, *ad absurdum*, *second hand*, *ve srovnání s*, *na úkor*, *neřku-li* (FSC 2004: 9).

Во вводной статье Ф. Чермак отдельно останавливается на причинах выделения в словнике (вернее, в пяти отдельных частотных списках словаря) «слов с плюсом». Он пишет:

«В отличие от упрощающего и атомизирующего подхода старого поколения словарей, неадекватно фиксирующих, например, слово *najevo* (из фраземы *dát / dostat / vyjít najevo*) отдельно как нормальное самостоятельное слово, современные корпуса дают, наоборот, возможность зафиксировать синтагматические, комбинаторные аспекты слов, ранее не отмечаемые и даже замалчиваемые...» (FSČ 2004: 7 – перевод наш, О.Ф.)

Отдельной темой мог бы стать и частотный список личных имен и названий (*Frekvenční slovník proprií*) в рассматриваемом словаре. Выражаясь метафорически – это настоящий исследовательский полигон для специалиста по лингвокультурологии, социолингвистике и т. д. В этом списке внимательный читатель, информационная и языковая компетенция которого распространяется и на период 1990-х и 2000-х гг. (сегодняшние студенты чешского отделения Института славистики, бывшие в те годы еще малыми детьми, такой компетенцией, естественно, не располагают), найдет массу таких лексем (имен, названий), которые можно объединить понятием «прецедентности». Приведем (почти) без комментариев всего несколько примеров из этого частотного списка. Первые 10 мест занимают имена: *Praha, Jan, Evropa, Jiří, Petr, Václav, Josef, Brno, Německo, Pavel*

Далее выборочно (в словаре указана частотность по методу ARF и другие данные) по мере убывания: *Klaus* (премьер-министр и затем президент ЧР), *Moskva, Zeman* (политик, сегодня президент), *Jugoslavie, Rus, Izrael, Srb, Slovák, Nova* (коммерческое ТВ), *Mečiar* (премьер-министр Словакии), *Vítkovice* (промышленный и аграрный комплекс, тема приватизации), *Masaryk, Ježíš, Hitler, Čapek, Železný* (олигарх), *Čečensko, Kosovo, Němcová* (писательница-классик XIX века), *Gorbačov, Hrabal* (современный классик), *Agrobanka* (один из рухнувших в 1990-е гг. банков, где клиенты потеряли свои вклады), *Husův, Černomyrdin, Blair, Groznyj, Kolja* (чешский фильм, получивший «Оскара»), *Schumacher ... Žirinovskij, Berlusconi ...*

В *Частотном словаре разговорного чешского языка* (FSMČ 2007) обработка фразеологического материала требовала другого подхода. Ф. Чермак пишет во вводной статье, что обработке всего материала должна была предшествовать «мануальная» работа по идентификации и маркировке всех неоднословных лексических единиц, т. е. грамматических, фразеологических и проприальных словосочетаний (FSMČ 2007: 8). В подробном комментарии к словарю (FSMČ 2007: 11–26) фразеологическая проблематика описывается многократно: например, при составлении алфавитных списков учитывались лексемы, являющиеся одновременно и компонентами фразем, поэтому такие лексемы оказываются как в «общем» списке, так и в других местах как составная часть различных фразем. Отдельной проблемой была и лемматизация фразем, особенно глагольных и пропозициональных (с формой законченного предложения). Должен был учитываться и тот факт, что многие фраземы не имеют отрицательной формы, а другие употребляются только

с отрицанием (*nic se neděje, není co dodat, nestát za nic*). В конце всего словаря имеется отдельная часть, описывающая лексику с низкой частотностью, она же – указывает Ф. Чермак – имеет преимущественно фразеологический характер. Ну и, пожалуй, самое неожиданное для «ничего не подозревающего читателя» – это выделение фразем в качестве отдельной «части речи». В привычки мы ставим это по той причине, что, конечно, никто не отменял традиционное деление чешской лексики на 10 частей речи, но в FSMČ 2007 вводится и отдельная, 11-я категория: фразема/идиома (F), имеющая в словаре специальный тип кодировки (ее описание дано в отдельной части комментария: FSMČ 2007: 23–24, 34–35). Так, подготовленный читатель уже на первой странице «общего» алфавитного частотного списка за лексемой с самой высокой частотностью (союз *a* – русское *и*) найдет выделенные курсивом фраземы и идиомы: *a co, a bude to, a je to, a máš to, a tím pádem* и др. (FSMČ 2007: 37). Но настоящим «кладом» живой, активной фразеологии современного чешского языка (как это и отмечал Ф. Чермак во вводной статье) становится отдельная часть словаря, список «слов с низкой частотностью» (т. е. с частотностью 1), где фразеология представлена чуть ли не сплошным потоком: *a basta, a je zlé, a tím to hasne, abys věděl zač je toho loket ... bačkorová kultúra, bejt bit jak žito, bejt dlouhej jak hrom, bejt na chlapy, bejt na mrtvici, bejt nemastnej neslanej ...* (FSMČ 2007: 475).

(Заметим попутно, что этот список низкочастотных слов (не-фразем) может стать одновременно и ценным источником по изучению различных лингвокультурологических и социолингвистических аспектов. В аудитории студентов чешского отделения можно выделить, скажем, единственную проприальную лексему, чтобы построить на ней целый рассказ о деятельности StB («чехословацкого КГБ») перед «бархатной революцией»: *Bartolomějská*. Чешская фраза типа *Ego zabrali na Bartolomějskou* означает примерно тоже, как русская *Ego забрали на Лубянку*.)

Вместо заключения нам хотелось бы отметить, что создание различных частотных словарей имеет и будет иметь в будущем большие перспективы. Разработка частотного словаря идиоматики / фразеологии / коллокаций / паремий и т. д. неизбежно имеет свою специфику, но надо всегда помнить, что «словарь – это искусство возможного». Основная же проблема таких «замеров» была и остается все та же: как «измерить» ту область языка, которая лежит в сфере разговорности, в языковой стихии каждодневности, имея при этом в распоряжении прежде всего методы, созданные для «замеров» языка письменного.

Словари

ТЕЗАУРУС 2007 = БАРАНОВА А. Н., ДОБРОВОЛЬСКОГО Д. О. (ред.) *Словарь-тезаурус современной русской идиоматики*. Москва: «Мир энциклопедий Аванта+», 2007.

ESČ 2002 = *Encyklopedický slovník češtiny*. 2002, Praha, LN

FSČ 2004 = *Frekvenční slovník češtiny*. 2004, Praha, LN

FSMČ 2007 = *Frekvenční slovník mluvené češtiny*. 2007, Praha, LN

Литература

- БАРАНОВ–ДОБРОВОЛЬСКИЙ 2008 = БАРАНОВ А. Н., ДОБРОВОЛЬСКИЙ Д. О. *Аспекты теории фразеологии*. Москва: «Знак», 2008.
- БАРАНОВ 2012 = БАРАНОВ А.Н. и др. Проект частотного словаря русских идиом. В кн.: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»* (Бекасово, 30 мая–3 июня 2012 г.). Вып. 11. Москва: «Изд-во РГГУ», 2012. 28-37. <http://www.dialog-21.ru/media/1399/dialog2012-vol1.pdf>.
- БАРАНОВ–ВОЗНЕСЕНСКАЯ 2017 = БАРАНОВ А. Н., ВОЗНЕСЕНСКАЯ М. М. Идиоматика пьянства в корпусном измерении. В кн.: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (2017)*. Вып. 16., Т. 2. Москва: «Изд-во РГГУ», 2017. http://www.dialog-21.ru/media/3983/dialogue2017_v2.pdf
- ВВЕДЕНИЕ 2009 = ЛЯШЕВСКАЯ О. Н., ШАРОВ С. А. Введение к частотному словарю современного русского языка. В кн.: *Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка)*. Москва: «Азбуковник», 2009. <http://dict.ruslang.ru/freq.php>
- КОЗЕРЕНКО 2013 = КОЗЕРЕНКО А.Д. и др. Квантитативные характеристики идиомы как показатель ее стилистических свойств. В кн.: *Труды международной конференции «Корпусная лингвистика – 2013». 25–27 июля 2013. Санкт-Петербургский государственный университет*, Санкт-Петербург, 2013. 309–317.

Источники

ЧНК / ČNK = Чешский национальный корпус / Český národní korpus.
<http://ucnk.ff.cuni.cz/>

Л. И. КИРШБАУМ

**Отображение психических явлений человека
в русских фразеологизмах с цветообозначениями**

**Reflection of the person's psychological phenomena
in Russian phraseology containing colour components**

Abstract: One of the most important functions of phraseology as a secondary sign system is contained in the imagery-based characteristic of the person's psychological processes (feelings, perceptions, memory, thought processes), psychological states of being (emotions, affect) and psychological traits (temperament, personality, aptitudes, needs, motives). Phraseologies with specific colour components are "responsible" for specific phenomena. The paper will deal with the role of phraseologies with colour components as evident in the conceptualization of semantic field of the "person's psychological phenomena".

Keywords: Russian phraseologies with colour components; characteristic of the person's psychological processes, states of being and traits

В своей статье *Лингвистика в ее отношении к другим наукам* Р. Якобсон пишет о необходимости взаимодействия лингвистики и смежных с ней наук о человеке (ЯКОБСОН 1985: 369–420). Однако в лингвистических штудиях междисциплинарность зачастую воспринимается как простое заимствование терминов, иногда вырванных из контекста парадигмы той или иной науки. Или же взаимодействие сводится к произвольной переинтерпретации заимствованных терминов и понятий. Довольно редко происходит действительное обогащение лингвистики за счет принятия/переноса самих понятийных систем, наработанных соответствующими дисциплинами.

Как известно, в когнитивной лингвистике языковая картина мира, выстраиваемая в том числе и фразеологизмами, не является, собственно говоря, научной (ср. ПОПОВА–СТЕРНИН 2007: 54–57).

Если же мы лексикографически фиксируем и реконструируем фразеологическую картину мира, организуем ее в систему, мы можем и должны использовать наработанные и апробированные в смежных лингвистике научных дискурсах схемы и методы. В противном случае, выстроенная нами система, в свою очередь, будет выглядеть наивно-научной.

При составлении известного всем *Словаря-тезауруса современной русской идиоматики* (БАРАНОВ–ДОБРОВОЛЬСКИЙ 2007) его авторы использовали индуктивный подход, в котором они не постулировали существование некой научной картины мира с тем, чтобы каждый элемент научной системы знания о мире заполнить существующими фразеологическими единицами.

Авторы тезауруса преследовали «цель описания современной русской идиоматики по семантическим полям» (БАРАНОВ–ДОБРОВОЛЬСКИЙ 2007: 3), при этом изначально наличие тех или иных фразеологизмов определяло создание соответствующего таксона. Следуя этому методу авторы образовали и обозначили в общей сложности 87 семантических полей, или таксонов.

Индуктивный подход составителей словаря (снизу вверх) оправдывался и соотносился с целями и задачами этого масштабного проекта – выявлением фразеологической картины мира человека. Этот тезаурус является неким образцом для словарей подобной направленности. Он – пример практического (лексикографического) применения когнитивно-ориентированного подхода во фразеологической лексикографии.

Однако при внимательном прочтении можно обнаружить некую путаницу в определении названий, границ и объемов некоторых таксонов. Так неточность таксономической систематизации фразеологизмов в семантических полях, вербализирующих характеристики человека и его жизнедеятельности, возможно связана именно с выше обозначенной проблемой: неиспользованием наработанных в психологии знаний о психике человека.

Используя как пример таксоны, описывающие «характеристики человека» фразеологизмами с цветообозначениями, можно продемонстрировать плодотворность и конструктивность междисциплинарного подхода.

Говоря о характеристике человека, мы неизменно оказываемся в сфере влияния психологии. И здесь представляется резонным использовать достигнутое этой наукой. Идя таким путем, мы сможем более точно и дифференцированно определить и обозначить как соответствующие таксоны, так и степень их наполненности (плотности) фразеологизмами.

В психологии уже существуют научно разработанные сетки для описания психики человека. Одной из распространенных и устоявшихся (особенно в российской психологии) систем описания является характеристика человека через совокупность психических явлений (ср. ЛЕВИТОВ 1964; КИРШБАУМ–ЕРЕМЕЕВА 1990; МЯСИЩЕВ 2000; РУБИНШТЕЙН 2002).

Эмпирические исследования фразеологизмов на основе классификации психических явлений еще не проводились. По результатам анализа, проведенного на примере собранных мною фразеологизмов с цветообозначениями, можно попробовать уточнить границы некоторых таксонов, в которых эти фразеологизмы представлены.

Согласно авторам монографии *Психические состояния* (КИРШБАУМ–ЕРЕМЕЕВА 1990) все психические явления делятся на:

– *психические процессы* отражения мира (ощущения, восприятие, представления, мышление);

– *психические состояния*, представляющие собой некий континуум активности и осознанности функционирования психических процессов (кома, сон, бодрствование, эмоции, стресс, фрустрация, аффекты);

– *психические свойства* как устойчивые образования (темперамент, задатки и способности, характер, ценностные отношения). К психическим свойствам, кроме того, относятся потребности и мотивы.

В триаде психических явлений психические состояния есть некая целостность, объединяющая все психические элементы и их проявление за определенный период времени (КИРШБАУМ–ЕРЕМЕЕВА 1990: 6–8).¹

Четкость этой классификации дает возможность более упорядоченно распределить фразеологизмы с цветообозначениями по семантическим полям (таксонам), вбирающим в себя психологические характеристики человека. В соответствии с собранным и проанализированным мной материалом, было определено номинативное поле фразеологизмов с цветообозначениями (см. табл. 1) в семантических полях психических явлений.

ПСИХИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ	ВСЕГО: 185	100 %
психические процессы	22	11,9 %
психические состояния	69	37,3 %
психические свойства	94	50,8 %

Таблица 1.

Номинативное поле фразеологизмов с цветообозначениями (*черный, белый, красный, зеленый, серый, желтый, голубой, синий*) в области психических явлений

Всего мною было собрано около 1000 фразеологизмов с цветообозначениями.² Из них 164 фразеологизма относятся к психическим явлениям. Так как некоторые фразеологизмы номинируют одновременно сразу несколько психических явлений, то количество фразеологически обозначенных психических явлений в общей сложности оказалось 185.

Как видно, массивней всего представлены психические свойства. Они номинируются 94 фразеологизмами с цветообозначениями (50,8%). За ними следуют психические состояния, которые описываются 69 фразеологизмами (37,3%). Меньше всего фразеологизмов приходится на психические процессы: 22 номинации (11,9%).

Приведу несколько примеров:

Так, для психических процессов фразеологическими номинантами восприятия и мышления являются фразеологизмы *выдавать черное за белое, а белое за черное; принимать белое за черное, а черное за белое; видеть кого-либо в гробу (и) в белых тапочках*.

К обозначениям таких психических состояний как эмоции относятся следующие фразеологизмы: *краснеть до корней волос* (стыд, смущение); *зеленая тоска / тоска зеленая, серое существование* (как депрессивное состояние); *позеленеть от зависти; белая зависть; черная зависть; черная злоба; почернеть от (горя); позеленеть от (злости); доводить/ доходить до белого каления/ каленья; голубые сны* (состояние сна).

К фразеологизмам, номинирующим такие психические свойства как характер, можно отнести выражения типа (*как*) *красна/ая девица / девка*

¹ Психические состояния могут, в свою очередь, классифицироваться по многим признакам (ср. например: Сосновилова 2000: 184–189).

² В различных фразеологических словарях или они были обнаружены в ходе работы с Национальным корпусом русского языка.

(‘застенчивый, изнеженный, неопытный человек’ часто юноша или взрослый мужчина); *серый кардинал*; *белая ворона*; *синий чулок*; *желторотый птенец*; *серая мышка*; *белый и пушистый*; *черное сердце*.

Следующая таблица (Табл. 2) отражает данные по каждому цвету и каждому из трех психических явлений (процессы, состояния, свойства) и дает представление о продуктивности фразеологизмов при номинации психических явлений.

Общее количество фразеологизмов по каждому цвету		Количество фразеологически обозначенных психических явлений:			
		психические явления в целом n / %	психические процессы n / %	психические состояния n / %	психические свойства n / %
черный	287	54 / 18,82 %	13 / 4,53 %	19 / 6,62 %	22 / 7,67 %
белый	262	50 / 19,08 %	6 / 2,29 %	23 / 8,79 %	21 / 8,02 %
красный	214	33 / 15,42 %	1 / 0,47 %	13 / 6,07 %	19 / 8,88 %
зеленый	91	14 / 15,38 %	0 / 0 %	6 / 6,59 %	8 / 8,79 %
серый	51	20 / 39,22 %	1 / 1,96 %	4 / 7,87 %	15 / 29,41 %
желтый	49	3 / 6,12 %	0 / 0 %	0 / 0 %	3 / 6,12 %
голубой	37	4 / 10,81 %	0 / 0 %	1 / 2,7 %	3 / 8,11 %
синий	28	7 / 25,00 %	1 / 3,57 %	3 / 10,71 %	3 / 10,71 %

Таблица 2.

Соотношение количества фразеологизмов, обозначающих психические явления, с общим количеством фразеологизмов с соответствующим цветообозначением

Как видно, в процентном отношении на первом месте по продуктивности стоят фразеологизмы с компонентой *серый*: из 51 фразеологизма в целом здесь 20 составляют психические явления (1 процесс, 4 состояния и 15 свойства), что в результате дает 39,22 процента. На втором месте оказываются фразеологизмы с компонентой *синий*: 7 из них обозначают психические явления из общей суммы в 28 фразеологизмов с этим цветом. И только на третьем месте находятся фразеологизмы с компонентой *белый*: в общей сложности их 262, но только 50 из них являются номинантами каких-либо психических явлений.

Из таблицы 2 видны также данные продуктивности того или иного цветообозначения в номинации отдельных психических явлений: за психические процессы «отвечает» в основном *черный*; за состояния – *синий*, а за свойства – *серый*.

Такое распределение оказалось неожиданным. Предполагалось, что *красный* цвет будет доминировать в обозначении психических состояний, т. к. именно он в первую очередь ассоциируется с раздражителем, эмоциями и их физиологическими проявлениями (*покраснеть от стыда, смущения, гнева, возмущения, волнения* и т. п.).

В заключение приведу примеры того, когда фразеологизмы в области психических явлений могут номинировать одновременно а) процесс, свой-

ство и состояние, б) состояние и свойство, в) процесс и свойство, г) процесс и состояние.

а) процесс + свойство + состояние: *серым волком смотреть* – это и процесс восприятия (восприятие чего-либо скептически, угрюмо) и эмоциональное (угрюмое, подавленное) состояние, если это происходит единожды. Но если совершенный вид глагольной части здесь заменить на несовершенный вид (*смотреть*), то мы уже имеем дело с фразеологическим описанием свойства (характеристики) личности – черты характера. Это же касается фразеологизма *видеть что-либо в черном цвете / свете*.

Количество таких случаев, когда один фразеологизм номинирует все три вида психических явлений, ограничено. Чаще мы имеем дело с двойной номинацией:

б) состояние + свойство: *покраснеть / краснеть от* – это и эмоциональное состояние (сопровождается физиологическими изменениями), и личностное свойство, если человек *краснеет* часто, постоянно испытывая различные эмоции.

в) процесс + свойство: фразеологизмом *черное от белого (не) отличать / отделять* обозначается мышление (как процесс) и схема мышления (как индивидуальное свойство личности)

г) процесс + состояние: фразеологизм *черные мысли* характеризует восприятие (психический процесс) и эмоциональное состояние подавленности, депрессии.

Используя одну из устоявшихся в психологии классификаций, нам удалось добиться более точного распределения фразеологизмов с цветообозначениями по трем таксонам (психические процессы, психические состояния и психические свойства).

Мне кажется, что было бы важно проанализировать и сравнить данные с другими группами фразеологизмов, например, с соматизмами, с анимализмами и. т. д.

Продуктивным видится и использование достижений других научных дискурсов, если приложить принятые в этих областях классификации в качестве исходных при распределении фразеологизмов к тем или иным таксонам. Например, к таким семантическим полям, как экономика и политика, которые находятся под давлением интенсивных внеязыковых изменений и испытывают огромную динамику своего расширения и обновления.

Словари

БАРАНОВ–ДОБРОВОЛЬСКИЙ 2007 = БАРАНОВ А. Н., ДОБРОВОЛЬСКИЙ Д. О. (ред.) *Словарь-тезаурус современной русской идиоматики*. Москва: «Мир энциклопедий Аванта +», 2007.

Литература

- КИРШБАУМ–ЕРЕМЕЕВА 1990 = КИРШБАУМ Э. И., ЕРЕМЕЕВА А. И. *Психические состояния*. Владивосток: «Изд-во Дальневосточного ун-та», 1990.
- ЛЕВИТОВ 1964 = ЛЕВИТОВ Н. Д. *О психических состояниях человека*. Москва: «Просвещение», 1964.
- МЯСИЦЕВ 2000 = МЯСИЦЕВ В. Н. Психические состояния и отношения человека. В кн.: КУЛИКОВА Л. В. (сост. и ред.) *Психические состояния*. Санкт-Петербург: «Питер», 2000. 47–52.
- РУБИНШТЕЙН 2002 = РУБИНШТЕЙН С. Л. *Основы общей психологии*. Санкт-Петербург: «Питер», 2002.
- СОСНОВИКОВА 2000 = СОСНОВИКОВА Ю. Е. Принципы классификации психических состояний. В кн.: КУЛИКОВА Л. В. (сост. и ред.) *Психические состояния*. Санкт-Петербург: «Питер», 2000. 184–189.
- ПОПОВА–СТЕРНИН 2007 = ПОПОВА З. Д., СТЕРНИН И. А. *Когнитивная лингвистика*. Москва: «Восток – Запад», 2007.
- ЯКОБСОН 1985 = ЯКОБСОН Р. О. Лингвистика в ее отношении к другим наукам. В кн.: ЯКОБСОН Р. О. *Избранные Работы*. Москва: «Наука», 1985. 369–420.

Источники

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОРПУС РУССКОГО ЯЗЫКА. <http://www.ruscorpora.ru>.

Диахроническое изучение русской лексики

Н. Е. АНАНЬЕВА

**Производные континуанты от корней
*mil-, *l'ub-, *lask- и *kox- в русском и польском языках**

**The derivatives from the roots
*mil-, *l'ub-, *lask- and *koch- in Russian and Polish**

Abstract: This article is the confrontative analyse of the nouns which are derived from the Protoslavonic roots *mil-, *l'ub, *lask-, and *koch- in Russian and Polish, both in their literary and dialect forms. All these nouns belong to the lexical field 'love'.

Keywords: noun, derivative, lexical field 'love', Russian, Polish, dialect.

Производные от общеславянских корней *mil- (родственен *mirь, имел исходное значение 'дружба, дружественный, полюбовный союз' (ЭССЯ 1993/19: 47), *l'ub- (≤ и-евр. *leubh- 'любить, желать'), *lask- (≤ и-евр. *las- 'желать, быть жаждущим') и ограниченного северной Славией *kox- (генетически соотносимого с *kosnŋti 'провести рукой' (ЭССЯ 1983/10: 111) и представленного в западнославянских языках, под влиянием польского в белорусском и украинском идиомах, а также в ряде русских говоров), являются, в частности, компонентами концепта или концептуального поля 'любовь' (ср. такие доминантные лексемы этого лексико-семантического поля, как польск. *miłość*, руск. *любовь*, чешск. *láska*, польск. *kochanie* и др.). Данный концепт неоднократно привлекал к себе внимание исследователей. Так, на материале паремий русского и испанского языков он был исследован С. Г. Воркачевым (ВОРКАЧЕВ 1995). На материале польского языка понятие 'любовь', репрезентируемое субстантивом *miłość* и глаголом *kochać*, с применением теории фреймов анализирует М. Гломбска (GŁĄBSKA 2012). Истории изменений значений в словах, обозначающих 'любовь', в чешском, словацком и польском языках, посвящена статья И. Рейзека (REJZEK 2012).

В докладе мы ограничиваемся анализом только субстантивных компонентов концепта 'любовь', номинирующих производными от вышеуказанных четырех корней это чувство и близкие к нему чувства и свойства (благодарность, доброжелательность, любезность, расположение, милость), а также генетически связанных с этими корнями названий других свойств. (Ср. *lubieżność* 'сладострастие, чувственность'). Данный концепт составляют также глагольные номинации состояния / проявления любви и близких к нему чувств (*любить*, *kochać*, устар. *miłować*, *ласкать(ся)*, *миловать*, др.-польск. *libować*, *миловаться* и т. д.), субстантивные и адъективные названия

субъекта и объекта (актантов) подобных чувств (*kochany, kochanek*, др.-польск. *oblubieniec* ‘жених’ – ср. совр. *Józef Oblubieniec* ‘Иосиф Обручник’, *любимый, любовник, возлюбленный, любитель, милый, miłośnik* и др.), мелиоративные наречные определители действия / состояния с корнями **l'ub-*, **mil-*, **lask-* (*любо, любо-дорого*, диал. *любо* ‘смешно’, ‘нарядно’, *мило, laskawie, ласково* и т.д.)

В сферу полного анализа концепта ‘любовь’ должны также входить компоненты ономастического пространства, содержащие компоненты *люб-* и *мил-* (ср. славянские бинумы типа *Людмила, Vogumił* и под., фамилии вроде *Любомирский*, номинации топонимов типа *Lublin, Люблино* и даже «говорящие» номинации персонажей – ср. извлеченные Л. А. Трахтенбергом из журнала Н. И. Новикова «Трутень» онимизированный апеллатив *Влюбчив* (ТРАХТЕНБЕРГ 2017: 77). Обращает на себя внимание также частое наличие в обоих сопоставляемых языках корней **l'ub-* и **mil-* в номинациях растений (польск. литер. *lubaszka* – тернослива, тернослив, *lubczyk* – *зоря, любисток*, русск. диал. *любим* – многолетнее травяное растение семейства орхидных, *любима* и *любимка* – липучка репейчатая (СЛОВАРЬ Р.Г. ПРИАМУРЬЯ 1983).

Анализируя существительные с вышеуказанными четырьмя корнями, номинирующие любовь и близкие к ней чувства и состояния, мы реализуем следующие 2 основные задачи: 1) выявление различий в семантике и функционировании этих лексем в современном русском и польском языках (в первую очередь, в их литературных вариантах, но также с привлечением некоторых примеров из диалектного языка и в отдельных случаях с историческим комментарием); 2) приведение функционально-семантических и переводных эквивалентов для той или иной лексемы, содержащей один из вышеуказанных корней в одном из сопоставляемых языков при отсутствии формального аналога в другом.

Ю. Д. Апресян дает такое толкование значения слова любовь:

«Любовь X-а к Y-у (например, любовь к книгам, к природе, к искусству, к детям, к родителям, к родине) = «Чувство, испытываемое X-ом по отношению к Y-у, который приятен X-у и вызывает у X-а желание быть в контакте с Y-ом или каузировать Y-у добро» (АПРЕСЯН 1995:107).

Субстантивная номинация этого чувства в русском языке представлена лексемой *любовь*. В русских диалектах это значение отмечается также в субстантивированном феминативе, образованном от прилагательного **l'ubъ*: *любá* (ср. Не по *любe* если идет, сразу отказывается, поп не венчает (СЛОВАРЬ Р. Г. СИБИРИ 2001: 242). То же значение зафиксировано, например, в олонечких говорах (ЭССЯ 1998/15: 167). Как всякому абстрактному существительному, субстантиву *любовь* не свойственно употребление во множественном числе. Однако такое употребление встречается в языке художественной литературе (ср. Род. мн. *любовей* и *любвей* у В. Маяковского:

(1) Где бульвар / вздыхал / весною томной, / не таких / *любовей* / лития, –
огнегубые / вздыхают топкой домны, / рассыпаясь звездами литья.

(Маяковский 1961, I:128. Рабочим Курска, добывшим первую руду, временный памятник работы Владимира Маяковского);

- (2) Пока выкипчивают, рифмами пиликая, из *любвей* и соловьев в какое-то варево... (Маяковский 1961, II:18. Облако в штанах).

У того же поэта представлены отсутствующие в нормативном русском языке аугментатив *любовища* и деминутив *любёночек* при плюративе *любята*:

- (3) Я хочу, чтоб сверхставками спёца / получало / *любовищу* сердце (Маяковский 1961, I: 243. Бруклинский мост);
- (4) Будет любовь или нет? / Какая – / большая или крошечная? / Откуда большая у тела такого: / должно быть, маленький, / смиренный *любёночек* (Маяковский 1961, II: 10. Облако в штанах);
- (5) – это сквозь жизнь я ташу / миллионы огромных чистых *любовей* / и миллион миллионов маленьких грязных *любят*. (Маяковский 1961, II: 36. Облако в штанах).

В польском языке доминантной субстантивной лексемой концепта ‘amor’ является слово с корнем *mił-* (*miłość*). Известная польскому языку субстантивная лексема с корнем *l’ub-* и с тем же суффиксом *-ość* (*lubość*) в современном литературном языке квалифицируется как устаревшая и имеющая значения ‘удовольствие, наслаждение, пристрастие’ (ср. сохранившееся клише *z lubością* ‘с удовольствием, с наслаждением’). В древнепольском языке наряду с основными значениями, представленными и в новую эпоху (‘пристрастие, наслаждение, склонность к чему-л., похоть’) отмечалось в качестве периферийного значение ‘любовь (к чему-л.)’: ср. *Każdego swoja lubość, swoja żądza pędzi* у Шимона Шимоновица – 16 в. (RECZEK 1968: 187). Это значение сохранилось в диалектном польском языке (Docusmáta *sobie wierności i lubości na zówse*) (SŁ. WARSZ. II: 770). Формальный русский аналог *любость* известен диалектам в значениях ‘восхищение, приятное удивление’, ‘хорошие дружеские отношения’ (ЭССЯ 1998/15: 179).

Деминутив от польск. *miłość* – *miłostka* специализирован в значении ‘флирт, небольшой роман, интрижка’. Также известно польскому устаревшее *miłowanie* ‘любовь’, соотносящееся с вытесненным из литературного языка более новым *kochać* глаголом *miłować*. Отглагольное существительное *kochanie*, являющееся герундиальной формой от *kochać*, употребляется также часто в функции обращения, номинируя объект любви или выражаемого благосклонного чувства говорящего по отношению к адресату. При этом на русский это обращение переводится как мелиоративами с корнями *lub-* и *mił-* (*любимый, милый*), так и прилагательными *дорогой* (*ая*). Корень *koch-* противопоставляется русск. *люб-* и в производном от прилагательного *kochliwy* существительном *kochliwość* «влюбчивость», номинирующем уже не чувство, а свойство человека. Русск. формальный аналог польск. *miłość* *милость* имеет иное, хотя и соотносящееся с ‘каузацией Y-у добра’ (по Ю. Д. Апресяну) значение: ‘доброе отношение; дар; доверие, расположение’ («*Милость*

к падшим призывал» Пушкин, оказать *милость* и т. д.). Отсюда производные – *помиловать, помилование, смиловаться, умилостивить* и т. д.

В современном польском литературном языке русск. *милость* соответствует лексема *łaska* – еще один субстантивный репрезентант понятия ‘любовь’ в славянских языках (ср. совр. чешск. *láska*, др.-польск. *łaska* ‘любовь’ – *Dawam się też winna ze trzech cnot boskich: wiary, nadzieje i łaski* – источник XVI в. (RECZEK 1968:191). Соответственно, русск. юр. *помилование, помиловать* аналогами являются польск. *ułaskawienie* или *łaska, ułaskawić*. (Ср. *быть в милости* у к.-л. – *być w łaskach, udostępnić się милости* – *dostać łaski, снискать чью-л. милость // расположение* – *zaskarbić sobie czyjąś łaskę; из милости* – *z łaski*). Естественно, что правила лексической сочетаемости требуют в ряде случаев при переводе с польского на русский замены слова «милость» синонимичными лексемами (*wkraść się w czyjeś łaski* – *вкрасться в доверие* к к.-л.). Лексема *łaska* в определенных словосочетаниях в русском могут соответствовать лексемы *любезность* (т. е. с корнем *l’ub-) и одолжение (*zrobić łaskę* – *сделать одолжение, оказать любезность*). А русский перевод пословицы *łaska pańska na pstrym koniu jeździ* «воскрешает» старое значение ‘любовь’ для лексемы *Łaska: Барская любовь изменчива*. Аналогом ряда производных от русск. *милость* слов в польском могут быть представлены лексемы, не соотносящиеся с корнями-«репрезентантами» любви (ср. *милостыня* – польск. *jałmużna*, из чешского *almužna*, являющегося, в свою очередь, германизмом – *Almosen*). Однако в качестве диалектного в «Варшавском словаре» указывается слово *łaska* в значении ‘просьба, выклянчивание, нищенство’ и приводится словосочетание *chodźć po łasce*, т. е. собирать подаяние, милостыню.

Русск. *ласка* толкуется словарями как 1. Проявление нежности, любви (*Согреть душу лаской. Материнская ласка. Расточать ласку.*); 2. Добрые, приятельские отношения, обращение (*Спасибо за вашу ласку. Лаской от него можно добиться всего.*) (УШАКОВ 2001 /1: 604). При этом *ласка* может включать в себя и физический контакт с объектом ласки (*любовные ласки, ласкать ребенка*). В диалектном русском языке отмечаются суффиксальные образования со значением ‘ласка’: *ласкота, ласкотка* (ср. *А женщине ведь что надо – ласкоту* – Колосовский р-н Омской обл.; *Страхом и ласкоткой к нему подходили, но унять не могли* – Кижинчинский р-н Республ. Бурятия. *Ласкоткой он ее и взял. На ласкотку он был мастер.* – Баргузинский р-н Республ. Бурятия; – *С детьми если ласкоткой, то ещё лучше.* – Кабанский р-н Республ. Бурятия (СЛОВАРЬ Р.Г. СИБИРИ 2001: 198).

Любопытно, что в польском формальном аналоге русск. диал. *ласкотка* – плюративе *łaskotki* специализировалось значение определенного физического контакта – ‘щекотка’ (ср. *łaskotać* – щекотать). Русск. *ласка* соответствуют в литературном польском языке лексемы, не являющиеся производными от анализируемых четырех корней (*pieszczota* – например, материнская ласка – *pieszczota macierzyńska; życzliwość, serdeczność* ‘доброе, приветливое отношение’). В обоих литературных языках функционируют субстантивы, на -ość, мотивируемые прилагательными (соответственно, русск. *ласковый* >

ласковость и польск. *laskawy-* > *laskawość*). Они довольно близки по значениям ‘доброжелательность, благожелательность, благосклонность’, но в русск. *ласковость* выделяется оттенок ‘проявление нежности, ласковое отношение, старание вызвать лаской ответную ласку’ (*ласковостью* добился всего).

Обращает на себя внимание различие в семантике производных от адъективов существительных русск. *любезность* и польск. *lubieżność* в современных литературных языках. Если русск. *любезность* (мотивированное прилагательным *любезный* ‘приятный, внушающий любовь, симпатию’, устар. в обращении ‘дорогой, милый’) означает свойство ‘быть приятным, милым, учтивым’ и т.д., то польск. *lubieżność*, мотивированное прилагательным *lubieżny* ‘чувственный, сладострастный’, обозначает это свойство (‘чувственность’, ‘сладострастность’, ‘похоть’). Это значение в польском возникло вследствие специализации значения ‘желать’, содержащегося в и.-евр. **leubh-* ‘любить, желать’, а именно ‘желать полового контакта’. В древнепольском языке прилаг. *lubieżny* (употребляемое наряду с *lubieźny*) имело то же значение, что в современном литературном русском языке, означало ‘милый, приятный, добрый’ (ср. *lubieżny goście* *wszystkim* Р. Puł (RECZEK 1968: 187). Функционировало также существительное *lubież* в значении ‘очарование, привлекательность, прелесть’. Русск. *любезность* представляет собой также семантический конденсат (универб) сочетаний ‘нечто любезное’ (*любезность* = любезная фраза, *любезность* = любезная услуга, одолжение и т. п.).

Остановимся еще на некоторых субстантивных композитах с корнями **mil-* и **l’ub-*. Если номинация *милосердие* – *miłosierdzie* (лат. *miser cordia*) присутствует в обоих языках, то русским образованием на – *любие*, в которых первая часть обозначает объект чувства ‘любви’, а вторая само это чувство (*вольнлюбие, самолюбие, свободолубие, миролюбие, корыстолубие, сребролюбие, властолубие* и мн. др.), в польском соответствует словосочетание с существительным *miłość* (любовь) или с синонимичными ему словами (*żądza* ‘сильное желание, жажда’ и др.) и номинацией объекта либо в виде определения к этому субстантиву (ср. *miłość własna* – *самолюбие*), либо в качестве предложно-падежной или беспредложной конструкции, управляемой этим существительным (*miłość do wolności* – *вольнлюбие, свободолубие, uciążliwość pokoju* – *миролюбие, żądza władzy* – *властолубие, żądza zysku* – *корыстолубие*).

Наконец, вообще в польском может быть представлена иная лексема (*pożądlivość lubieżność* – *сластолубие, chciwość* – *сребролюбие, wyrachowanie, interesowność, chciwość* – *корыстолубие, zgodliwość, łagodność, pokojowość* – *миролюбие*). Естественно, что производные от номинаций указанных свойств прилагательные и существительные с семантикой ‘владелец / носитель данного свойства’ также подобным образом различаются в польском и русском языках (*вольнлюбивый / свободолубивый* – *miłujący wolność, миролюбивый* – *miłujący pokój, властолубивый* – *żądny władzy; кинолюбитель* – *miłośnik kina* и т. д.). Это различие объясняется тем, что

слова на –*любие* возникли в русском под воздействием старославянского, в котором, в свою очередь, они образовались как кальки с греческого (ср. стсл. нищэлюбиЕ – φιλοπτωχία любовь к бедным, страннолюбиЕ – φιλοξενία гостеприимство (СТАРΟΣЛАВЯНСКИЙ СЛОВАРЬ: 384, 628). История польского языка, как известно, связана не с греческим, а с латинским влиянием.

Таким образом, мы видим, что с учетом данных языка более древнего периода и диалектного языка субстантивная репрезентативная база понятия ‘любовь’ в обоих сопоставляемых языках расширяется (ср. др.-польск. и диал. *laska* ‘любовь’, др.-польск. *lubość* ‘любовь’, устар. польск. *miłowanie* ‘любовь’, диал. *lubá* ‘любовь’). То, что различает языки на синхронном уровне могло отсутствовать в более раннюю эпоху (ср. современные *любезный* -> *любезность* и *lubieżny* -> *lubieżność* ‘сладострастие, похоть’ и др.-польск. *lubieżny* // *lubieźny* ‘любезный’). Различия в языковых структурах могут быть обусловлены различиями в истории формирования сопоставляемых языков (отсутствие в польском языке композитов типа *свободолюбие*).

Словари

СЛОВАРЬ Р. Г. ПРИАМУРЬЯ = *Словарь русских говоров Приамурья*. Москва: «Наука», 1983.

СЛОВАРЬ Р. Г. СИБИРИ = ФЕДОРОВА А. И. (ред) *Словарь русских говоров Сибири*. Том 2. Новосибирск: «Наука», 2001.

СТАРΟΣЛАВЯНСКИЙ СЛОВАРЬ 1994 = ЦЕЙТЛИН Р. М., ВЕЧЕРКА Р., БЛАГОВАЯ Э. (ред.) *Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)*. Москва, «Русский язык», 1994.

УШАКОВ 2001 = УШАКОВ Д. Н. (ред.) *Толковый словарь русского языка*. Том 1. Москва: «Мир книги», 2001.

ЭССЯ 1983 = ТРУБАЧЕВ О. Н. (ред.) *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. Вып. 10. Москва: «Наука», 1983.

ЭССЯ 1993 = ТРУБАЧЕВ О. Н. (ред.) *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. Вып. 19. «Наука». Москва, 1993.

ЭССЯ 1998 = ТРУБАЧЕВ О. Н. (ред.) *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. Вып. 15. Москва: «Наука», 1998.

RECZEK 1968 = RECZEK S. *Podręczny słownik dawnej polszczyzny*. Wrocław–Warszawa–Kraków: Ossolineum, 1968.

ŚL. WARSZ. II = KARŁOWICZ J., KRYŃSKI A., NIEDŹWIEDZKI W. *Słownik języka polskiego*. Wydanie fotooffsetowe. Tom 2. Poznań: Państwowy Instytut Wydawniczy. 1952.

Литература

АПРЕСЯН 1995 = АПРЕСЯН Ю. Д. *Избранные труды. Том I. Лексическая семантика. Синонимические средства языка*. Москва: «Языки русской культуры»; «Восточная литература», 1995.

ВОРКАЧЕВ 1995 = ВОРКАЧЕВ С. Г. Национально-культурная специфика концепта любви в русской и испанской паремиологии. *Научные доклады высшей школы. Филологические науки* 1995/3: 56–66.

- ТРАХТЕНБЕРГ 2017 = ТРАХТЕНБЕРГ Л. А. Поэтика портрета и парадигматическая композиция в журнале Н. Н. Новикова «Трутень». В кн.: АРУТЮНОВА Н. Д. (ред.) *Логический анализ языка. Человек в интерьере. Внутренняя и внешняя жизнь человека в языке*. Москва: «Языки славянской культуры», 2017. 68–82.
- GŁĄBSKA 2012 = GŁĄBSKA M. Rama interpretacyjna pojęcia ‘miłość’ w polszczyźnie. In: AGNIESZKA MIKOŁAJCZUCK, KRYSZYNA WASZAKOWA (red.) *Odkrywanie znaczeń w języku*. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2012. 105–123.
- REJZEK 2012 = REJZEK J. Wyrazy oznaczające miłość w języku czeskim, polskim i innych językach słowiańskich (Przekład skróconej wersji artykułu). In: MIKOŁAJCZUCK A., WASZAKOWA K. (red.) *Odkrywanie znaczeń w języku*. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2012. 286–289.

Источники

- МАЯКОВСКИЙ 1961 = МАЯКОВСКИЙ В. *Стихотворения и поэмы в двух томах*. Москва: «Государственное издательство художественной литературы», 1961.

Э. К. ВАРГА

Тенденции наименования и семантического развития русских анатомических терминов

Tendencies of nomination and semantic development in Russian anatomical terms

Abstract: In the nomination of anatomical structures metaphorization plays an important role. Although in creation of Russian anatomical terms we can observe iconicity, since the 18th century in most cases they have emerged as a result of a calquing process, as a conscious imitation of Latin terms. This paper examines the tendencies of nomination in Russian anatomical names. Based on the analysis of specific examples, factors affecting term-formation are demonstrated. In the case of two metaphors, *череп* 'skull' and *мышца* 'muscle', a detailed etymological analysis is given and the semantic development of terms is investigated to determine whether they are calques or originated independently of the Latin terms.

Keywords: etymology, semantic development, metaphor, metonymy, calque, anatomical terms

1. Введение

Анатомическая терминология создавалась на протяжении веков. В силу того, что анатомия – это описательная дисциплина, и анатомические термины выражают внешнее сходство анатомических структур с формой чего-либо или служат для выражения их расположения в пространстве или принадлежности к чему-либо, они представляют собой определительные или притяжательные конструкции, и однословные термины часто являются метафорами. Уже древние греки при выборе названия для анатомических структур прибегали к определительным конструкциям с прилагательными, выражающими открытое сравнение с формой обиходных предметов, например с суффиксоидом *-ειδής* 'имеющий форму чего-либо'. Такое определение, данное еще Галеном, сохранилось в названии щитовидного хряща *cartilago thyreoidea* (ŠIMON–MAREČKOVÁ-ŠTOLCOVÁ 2012: 210). С античных времен широко использовалась метафора, являющаяся скрытым сравнением, переносом названия по сходству признаков. Это явление можно наблюдать в названии малоберцовой кости: в греческом языке она сравнивается с иглой (*περόνη*), в латинском (*fibula*) – с застежкой. В номинации важную роль играет и метонимия, перенос названия по смежности. Например, слово *humerus* в классической латыни обозначало 'плечо', но как анатомический

термин, оно определяет 'плечевую кость', образующую проксимальную часть верхней конечности.

В настоящей работе рассматриваются некоторые тенденции наименования анатомических структур в русском языке. Хотя в кругу русских терминов, как и в международной номенклатуре, наблюдается образная семантика, начиная с XVIII в. русские анатомические термины возникали в большинстве случаев в результате калькирования, т. е. в результате сознательного подражания латинским терминам. Основываясь на анализе конкретных примеров, мы рассматриваем факторы, воздействовавшие на процесс терминообразования. В центре внимания находится два анатомических слова-термина, *череп* и *мышца*, являющиеся метафорами. Семантическая мотивация этих слов совпадает с мотивемой, т. е. признаком номинации анатомических терминов в латинском или других языках. Поскольку метафора является естественным результатом процесса мышления, трудно решить, в каком языке она возникла, представляет ли собой копию иноязычных мотиваций. В работе дается детальный этимологический и семантический анализ и исследуется семантическое развитие указанных терминов с целью определения, являются ли они кальками или собственно русскими специальными лексемами, возникшими независимо от латинских терминов.

При постановке вопроса мы опирались на первую фиксацию слова в данном значении. Начиная с XVIII в. в процессах формирования терминологий четко прослеживается стремление к научному терминообразованию и сознательному подражанию латинским научным терминам. В случае более ранних анатомических терминов судить о происхождении термина намного труднее. Если анатомическое значение появляется до XVIII в., более вероятно, что метафора является результатом собственно русского семантического развития. Однако, нельзя полностью исключать иноязычное влияние. Несколько переводов медицинских текстов XVII в. было утеряно, среди них книга Везалия Эпитоме, переведенная на русский энциклопедистом-гуманистом Епифанием Славинецким в 1658 г. С XVI в. стало традицией приглашать врачей из западноевропейских стран. В Аптекарском Приказе, учрежденном в начале XVII в., работали исключительно иностранные врачи. До нас дошли сведения с XV в. о русских врачах, учившихся в университетах в Италии. В более ранний период интенсивные культурные связи с Византией также способствовали развитию старославянской переводческой литературы, обозначающей компиляции произведений Аристотеля, Гиппократ и Галена (ЧЕРНЯВСКИЙ 1984). Таким образом, иноязычные прототипы могли содействовать возникновению и укреплению терминологических значений, поэтому без тщательного анализа истории слова нельзя судить о происхождении какого-либо значения. Только системный анализ может подвести к достоверному результату. Для этого необходимо исследование семантического развития синонимов с опорой не только на данные словарей, но и на корпусный анализ первичных источников.

2. Череп

Первоначальное значение слова *череп* – ‘черепок, обломок глиняной посуды, скорлупа’ (ФАСМЕР 4: 341), далее ‘черепаший панцирь’ (см. производное *черепаха*), ‘ледяная корка’, ‘ракушка’. Подобное семантическое развитие можно наблюдать и в других языках. Латинское *testa*, образованное от глагола *torreo* ‘печь, сушить’, кроме значения ‘обоженная глиняная посуда, черепок, кирпич’ имело также значение ‘ракушка, панцирь рака или черепахи, ледяная корка’; ‘осколок кости или зуба’ (OLD 1968: 1931). Греческое *ὀστέον* ‘кость, косточка’ тоже имеет этимологическую связь с *ὀστρακον* ‘осколок глиняной посуды, ракушка, панцирь’ (FRISK 1960: 436). Основой переноса могло служить похожее состояние, твердость материала. Латинское *testa* в результате метафорического переноса приобрело значение ‘череп, верхняя часть головы’, которое зафиксировано в поэзии IV в., а также в медицинских текстах IV–V вв. Однако вероятно, что в разговорной речи данное значение появилось и ранее. Это предположение поддерживается тем, что румынское *feastă* возникло до 275 г., до прекращения существования римской провинции Дакии (ANDRÉ 1991: 29). Хотя продолжение вульгарного латинского *testa* во французском языке датируется только X веком, значение ‘череп’ могло существовать в обиходном народном языке. Об этом свидетельствуют французское *tête* ‘голова’, *têt¹* ‘черепок, осколок глиняной посуды’, *têt²* ‘череп’ (CNRTL), и итальянское *testa* ‘голова’, *testo* ‘глиняная посуда’ и *teschio* ‘череп’ (PIANIGIANI 1907: 1428, 1428-1429, 1427).

Кроме метафорического переноса по форме можно предполагать и древнюю мотивационную связь между понятиями *череп* и *глиняная посуда*. В якутском фольклоре сохранилась память о том, что черепа крупных животных, покрытые обожженной глиной, служили горшками для варки пищи (ЖУКОВА 2012: 113). В русском фразеологизме *котелок не варит* ‘нет сообразительности у кого-либо’ компонент *котелок* является метафорой иронического оттенка и может заменяться словами *голова* (*голова не варит*), *башка* (*башка не варит*), *мозги* (*мозги не варят*). Под черепом наши предки понимали только верхнюю часть головной кости. В древних культурах, в том числе индийской, тибетской, а также среди готов, пользовались кубками для питья в форме чаши или раковины, изготовленными для культовых или религиозных целей из верхней части черепа отрезанной головы врага (PÁSZTOR 2004, 2008). О чашах из черепа упоминается в народных сказках и в былинах (ПРОЗОРОВ 2004). В Повести временных лет в описании событий 972 г. пишется о том, что враг, убив князя Святослава, ‘взяша главу его и во лбѣ съдѣлаша чашю, окова<в>ше лобъ его и пяху по немь» (СРЯ XI–XVII 8: 262).

В древнерусском языке в значении ‘череп’ употреблялось слово *лѣбъ* (сегодняшний эквивалент – *лоб*). В словаре Епифания Славинецкого латинскому *cranium* ‘череп’ соответствует *лоб* и *главокость*, калька с латинского *os capitis* ‘кость головы’ (РОМАНОВ 1997: 51). В XVII в. происходило семантическое изменение супплетивной цепочки: *лоб* был заменен словом *череп*, и *лоб*, вытеснив из повседневного языка *чело*, приобрел свое нынешнее

значение ‘верхняя передняя часть черепа или лица’. Проследив попытки создания анатомического термина, можно установить, что *черепа* в значении ‘головная кость’ впервые появился в словосочетаниях *черепа главы*, *черепа головной* (РОМАНОВ 1997: 53), и это указывает на то, что данное значение сформировалось из контекстуального значения слова. Наряду с упомянутыми словосочетаниями появляется и метафора *чаша*, *чашка*, *чаша* / *чашка главы* / *головная* / *главная* ‘чаша головы’, собственно русская или являющаяся калькой с немецкого *Schale* ‘чаша, блюдо, скорлупа’ / *Hirnschale* ‘чаша мозга’. Моделью сегодняшнего анатомического термина *коробка черепа* могло служить французское *boîte crânienne* ‘коробка черепа’ или немецкое *Hirnkasten* ‘коробка мозга’.

3. Мышца

Слово *мышца* является метафорой, возникшей из уменьшительной формы *мышь* ‘мышь’ (<праславянское **muъь* <индоевропейское **mūs* ‘мышь’) (ФАСМЕР 3: 27–28). Перенос по сходству бегающей под кожей мыши и сокращающейся двуглавой мышцы плеча или икроножной мышцы произошел в нескольких языках, например, в греческом *μῦς* ‘мышь; мышца’, в латинском *musculus* ‘мышца’ (<*mus* ‘мышь’), поэтому предполагается, что метафорический перенос ‘мышь’ > ‘мышца’ является общеиндоевропейским наследием (ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ 1910–1914/1: 577). Кроме мыши названия других животных также представляют собой метафоры для названия мышц в различных языках. Основой переноса может стать не только внешняя форма животного, но и характерное для него движение: греческое *ἄλιπηξ* ‘лиса’ для названия поясничной мышцы (*musculus psoas*), итальянское *pesce* ‘рыба’ или латинское *lacerta* ‘ящерица’ в слове *lacertus* для названия двуглавой мышцы (ANDRÉ 1991: 203).

Производные от слова *мышь* с большим спектром вариантов зафиксированы в словарях в следующих значениях: *мышца*¹, *мышца*² и *мышка*² в значении ‘часть руки от плеча до локтя’; ‘впадина под плечом’ (СРЯ XI–XVII 9: 339); *мышца*; *мышка*² и *мышца* в значении ‘мышца’ (СРЯ XVIII 13: 103); *мышка*¹ в значении ‘мышка’ (СРЯ XI–XVII 9: 339); *мышца*¹ и *мышца*² в значении ‘насекомое, мошка’ (СРЯ XI–XVII 9: 339). Праславянское **muъь* и **tucha* связаны не только по звукоподражанию, но и по их общему значению ‘расхититель; кто тащит, уносит’ (ЧЕРНЫХ 1: 552), ‘воровка’ (ЭСРЯ 10: 385). По мнению Трубачева, индоевропейское **mūs* имело значение ‘серая; <животное> серого цвета’ и служило древнейшим табуистическим названием животных (ФАСМЕР 3: 28; ЭСРЯ 10: 386).

Древнерусскому и старославянскому *мышца* соответствует латинское *brachium* и греческое *βραχίον* ‘рука’ (СРЕЗНЕВСКИЙ 1893–1912/2: 222; ФАСМЕР 3: 27). Под словом *мышца* понимали всю руку: «И сня водонось на мышца своя, и напои его» (САР 4: 377; ВИНОГРАДОВ 1999: 932). Однако Шишков, исходя из французского перевода, толкует его как ‘плечо’: «elle ôta sa crûche de dessus son épaule», т. е., ‘она сняла свой кувшин с плеча своего’

(Шишков 1803: 258). У Пушкина данное слово также употребляется в значении 'рука': «Мой предок Рача мышцей бранной // Святому Невскому служил» (ПУШКИН: Моя родословная 1830; цитирует ВИНОГРАДОВ 1999: 932). С этим архаичным значением слова *мышца* связаны первые русские названия плечевой кости *мышца*, *мышцы кость*, *мышцевая кость*, как подражание латинскому *brachium, os brachii* (РОМАНОВ 1997: 221). В библейских текстах *высокая мышца* обозначает поднятую руку Господа и представляет собой метафору силы (СРЕЗНЕВСКИЙ 1893–1912/2: 2. 222): «помни, что [ты] был рабом в земле Египетской, но Господь, Бог твой, вывел тебя оттуда рукою крепкою и мышцею высокою» (Втор. 5. 15).

Элементом словообразовательного ряда является *мышка* со значением 'часть руки от плеча до локтя' или 'впадина под плечом; подмышка' (СРЯ XI–XVII 9: 339). Оно стало более поздним суффиксальным дублетом слова *мышца* (ЭСРЯ 10: 385). Семантическое развитие 'мышца' > 'верхняя часть руки' > 'сила' и 'верхняя часть руки' > 'подмышка' подтверждается и значениями слова *силки* (Plur. <*сила*> 'мышца'; 'подмышки, пазухи под плечами, плечо по локоть, часть бока и простор между тем и другим', например «Доску под силками принес» (ДАЛЬ 4: 168).

На основе данных словарей вырисовывается следующее семантическое развитие: 'мышь' > 'двуглавая мышца' > 'часть тела от плечевого сустава до локтя' > 'рука' > '(божественная) сила'. Поскольку в исторических словарях значение 'мышца' не засвидетельствовано, перенос 'двуглавая мышца' > 'часть тела от плечевого сустава до локтя или рука' произошел до древнерусской эпохи. Анализированные направления семантического развития слова *мышь* можно проследить, кроме русского, и в других славянских языках (ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ 1910–1914/1: 557). Подобное семантическое развитие показывает и латинское *lacertus* 'двуглавая мышца' > 'часть руки от плеча до локтя' > 'рука' и 'двуглавая мышца' > 'мышца вообще', возникшее путем метафоризации из *lacerta* 'ящерица' и присутствующее и в современной анатомической номенклатуре в словосочетании *lacertus fibrosus* (ANDRÉ 1991: 91; ŠIMON–ZBOROVJAN–MAREČKOVÁ–ŠTOLCOVÁ 2016).

Значение русского *мышца*, не суженное лишь значением 'двуглавая мышца', датируется XVIII веком, эпохой сознательного научного терминологического образования: «Мышцы, или мышкы (*musculi*), суть части тѣлесныя красноватая» (СРЯ XVIII 13: 103. 1783 г.). В XVIII в. появилось в русском языке и прямое заимствование с усечением латинского термина *muscul*, в вариантах *мускул*, *мускол*, *мускуль*, *мускль*, *мускула*, возникновению которых могло содействовать и немецкое *Muskel*, и французское *muscle* (СРЯ XVIII 13: 79). Поскольку нет никаких доказательств континуальности значения 'мышца', маловероятно, что метафора 'мышь' – 'мышца' снова «оживла» в XVIII в. Ослабление мотивационных связей слов привело к утрате внутренней формы слова и затем к угасанию метафоричности (КУНГУШЕВА 2005: 1–2; 8–9), поэтому слово *мышца* уже в древнерусскую эпоху перестала быть метафорой. Анатомический термин *мышца* является лексической калькой с латинского научного термина *musculus* 'мышка, мышонок' и 'мышца'. Произошла

морфологическая изоляция слова *мышца* от слов *мышь*, *мышка*, затемненная внутренняя форма слова *мышца* уже не осознается носителями языка, и это способствовало закреплению слова и его окончательной терминологизации (ГРИНКЕВИЧ 2010: 22).

4. Итоги

В заключение анализа двух терминов-метафор подведем следующие итоги. В терминообразовании анатомических терминов важную роль играет метафоризация, однако большего исследовательского внимания заслуживает и метонимия, перенос по смежности, примерами которой являются семантическое развитие слова *лоб*, приведшее к супплетивизму, и перенос ‘двуглавая мышца’ > ‘рука от плеча до локтя’ > ‘вся рука’ в старом значении русского *мышца*, а также латинского *lacertus*. Проанализированный нами материал доказывает, что для наиболее достоверного определения происхождения термина необходимо разворачивать всю историю семантического развития слова, включая словообразовательные варианты, словосочетания и синонимы, и, если материал позволяет, исходить из контекстуального значения на основе корпусного анализа.

Не стоит забывать и о том, что развитие русской анатомической терминологии нераздельно связано с латинской научной терминологией, которая является для нее моделью для калькирования и в наши дни. В выявлении калек можно опираться на прямые заимствования и на семантические параллелизмы терминов других вернакулярных языков. Таким образом, настоящая работа может внести свой вклад в процесс разработки принципов этимологического исследования терминологических калек.

Словари

- Даль = Даль В. И. *Толковый словарь живаго великорусскаго языка* Т. 1–4. Москва: «Типография Т. Рись», 1863–1866.
- ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ 1910–1914. = ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ А. *Этимологический словарь русского языка*. Т. 1–2. Москва: «Типография Г. Лиснера и Д. Совко»; Т. 3. Москва–Ленинград: «Издательство Академии Наук СССР», 1910–1914.
- САР = *Словарь Академии Российской*. Въ Санктпетербургѣ: «При Императорской Академіи Наукъ», 1789–1794.
- СРЕЗНЕВСКИЙ 1893–1912 = СРЕЗНЕВСКИЙ И. И. *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*. Т. 1–3. В Санкт-Петербург: «Типография Императорской Академии Наук», 1893–1912.
- СРЯ XI–XVII = *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Т. 1–30. Москва: «Наука», 1975–2015.
- СРЯ XVIII = СОРОКИН Ю. С. (ред.) *Словарь русского языка XVIII. в.* Ленинград / Санкт-Петербург: «Наука», 1984–.
- ФАСМЕР = ФАСМЕР М. *Этимологический словарь русского языка*. Т. 1–4. Москва: «Прогресс», 1986–1987.

- ЧЕРНЫХ = ЧЕРНЫХ П. Я. *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. Москва: «Русский язык», 1999.
- ЭСРЯ = ШАНСКИЙ Н. М. (ред.) *Этимологический словарь русского языка. I/1*. Москва: «Издательство Московского Университета», 1963–
- CNRTL = *Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales*. <http://www.cnrtl.fr/etymologie>
- PIANIGIANI 1907 = PIANIGIANI O. *Vocabolario Etimologico della lingua Italiana*. Voll. 1–2. Roma: Editrice Dante Alighieri di Albrighi, Segati e C., 1907.
- FRISK 1960 = FRISK, H. *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverslag. 1960.
- OLD 1968 = GLARE P. G. W. (ed.) *Oxford Latin Dictionary*. Oxford: Calendron Press, 1968.

Литература

- ВИНОГРАДОВ 1999 = ВИНОГРАДОВ В. В. *История слов*. Москва: «РАН», 1999.
- ГРИНКЕВИЧ 2010 = ГРИНКЕВИЧ Е. И. Языковая мотивированность и принципы номинации в русской анатомической терминологии. *Вестник БДУ* 4/3. (2010): 20–24.
- ЖУКОВА 2012 = ЖУКОВА Л. Н. Пространственные-временные представления в языке и фольклоре лесных юкагиров. *Северо-Восточный Гуманитарный Вестник* 2/5. (2012): 111–115.
- КУНГУШЕВА 2013 = КУНГУШЕВА И. А. Разрыв мотивационных отношений между словами как результат семантических модификаций. *Фольклорно-диалектологический-альманах СЛОВО: материалы научных экспедиций*. Выпуск 3. (2005). <http://www.amursu.ru/attachments/article/9493/pdf>
- ПРОЗОРОВ 2004 = ПРОЗОРОВ Л. Р. Череп-трофей в русских былинах: датирующий мотив. *Русь средневековья. Исторический интернет-альманах*. 2004. http://medievalrus.narod.ru/proz_2.htm
- ШИШКОВ 1803 = ШИШКОВ А. С. *Рассуждение о старом и новом слоге российского языка*. http://az.lib.ru/s/shishkow_a_s/text_1803_rassuzhdenie_o_starom.shtml
- РОМАНОВ 1997 = РОМАНОВ Н. А. *Русская анатомическая терминология XVIII века*. Книга 1. Остеология. Смоленск: «САУ», 1997.
- ЧЕРНЯВСКИЙ 1984 = ЧЕРНЯВСКИЙ, М. Н. Краткий очерк истории и проблем упорядочения медицинской терминологии. В кн: *Энциклопедический словарь медицинских терминов*. Т. 3. Москва: «Медицина», 1984. 410–425.
- ANDRÉ 1991 = ANDRÉ, J. *Le vocabulaire latin de l'anatomie*. Paris: Les Belles Lettres, 1991.
- PÁSZTOR 2004 = PÁSZTOR E. „Voltunk, mint ti, lesztek, mint mi”. *Koponyaábrázolások a művészetben. Lege Artis Medicinae* 14/11 (2004): 804–807.
- PÁSZTOR 2008 = PÁSZTOR E. *Koponyaábrázolás a művészetben. Magyar Tudomány* 169. (2008): 53–63.
- ŠIMON–MAREČKOVÁ–ŠTOLCOVÁ 2012. = ŠIMON F., MAREČKOVÁ–ŠTOLCOVÁ E. Anatomical adjectives with the components *-ideus* and *-formis*. *Graeco-Latina Brunensia* 17/2 (2012): 205–213.
- ŠIMON–ZBOROVJAN–MAREČKOVÁ–ŠTOLCOVÁ 2016. = ŠIMON F., ZBOROVJAN M., MAREČKOVÁ–ŠTOLCOVÁ, E. *Lacertus* in der Geschichte der anatomischen Nomenklatur. *Graeco-Latina Brunensia* 21/2 (2016): 317–327.

Источники

- Втор. = Второзаконие 5. <http://manuscript-bible.ru/RSV/r.htm#05;005;15>

Л. П. ГАРБУЛЬ

**Межславянские языковые контакты
как источник заимствований
в приказном языке Московской Руси**

**Inter-Slavonic Language Contacts
as a Source of Borrowings
in the Chancery Language of Muscovy**

Abstract: The publication yields generalized results of the investigation into the Polish influence on the Russian language at the end of the 16th and the first half of the 17th centuries on the lexical levels on the materials of the diplomatic correspondence of Muscovy and examines the role the written language of the Grand Duchy of Lithuania played in Polish-Russian language contacts. Exceptional attention is being paid to inter-Slavonic borrowings which appear to be intra-Slavonic derivatives, whose identification is bound with serious difficulties. What is more, the article deals with the cases of borrowings from the Polish language identified anew.

Keywords: Polonism, complex contact, language-mediator/mediation

Общеизвестно, что словарный состав языка является самым подвижным языковым компонентом, который находится в процессе постоянного изменения. Изменения в языке происходят разными путями, одним из которых является взаимодействие с другими языками, а взаимодействие языков всегда предполагает языковые контакты. Каждый отдельно взятый язык не может развиваться в изоляции от различного рода внешних воздействий, и русский язык в разные периоды своего развития подвергался значительному влиянию многих языков, в результате чего в нем появились заимствования из этих языков.

Так, в XV–XVIII вв. одним из источников обогащения русского языка был польский язык, т. е. осуществлялись межславянские языковые контакты. Наиболее интенсивным польское влияние на русский письменный язык становится во второй половине XVI – первой половине XVIII в. Следует отметить, что при польско-русском языковом взаимодействии в XV–XVIII вв. очень часто мы имеем дело со сложным межславянским контактом, при котором в роли активного посредника выступает письменность Великого княжества Литовского (далее ВКЛ).

Предпринятое нами исследование польского влияния на русский язык на уровне лексики проводилось на материале дипломатической корреспонденции по сношениям Московского государства (далее МГ) с западноевро-

пейскими державами в конце XVI – первой половине XVII в. В общей сложности в этом корпусе источников к настоящему времени было выявлено около 1000 лексических и более 330 семантических полонизмов, при заимствовании которых в более чем 80% случаев роль весьма активного посредника играла письменность ВКЛ (канцелярский язык и простая мова) (см. ГАРБУЛЬ 2014а: 252–253, 254, 2015: 15, 2009: 422, 425, 2014б: 75, 2016: 52). Заметим, что ее роль в процессе польско-русского языкового взаимодействия не ограничивалась только посредничеством. Так, по нашим данным, из этого источника в русский приказный язык проникло 19 лексических и 5 семантических заимствований (см. Гарбуль 2017: 285), т. е. письменность ВКЛ в межславянских языковых контактах была не только языком-посредником, но и языком-донором.

По отношению к общему количеству полонизмов, отмеченных в русском языке XV–XX вв. (см. WITKOWSKI 2006), обнаруженные нами в дипломатической корреспонденции МГ конца XVI – первой половины XVII в. лексические заимствования из польского составляют более 11,5%, а с учетом семантических калек более 15,5% (см. ГАРБУЛЬ 2014а: 252, 2015: 1–16, 2009: 421–423, 2014б: 63–77, 2016: 35–56). Эта информация свидетельствует о достаточно высокой интенсивности польского влияния на русский письменный язык XVI–XVII вв. и о том, что именно приказная письменность, в частности дипломатическая документация, служила активным проводником этого влияния на русский язык в указанный период.

В этой публикации рассмотрим два случая предполагаемых заимствований из польского языка, которые ранее не привлекали внимание исследователей. Мы обнаружили их в документах Посольского приказа первой половины XVII в.

НАБЫТОКЪ [1]¹ с. Имущество (движимое), пожитки, добро; приобретение; добыча: «А как де поворотилися, побежали де, один другого не дожидаясь, и все де свое *набытки* по дороге метали, такой де на них страх нашол» (ВУР 3: 135 [61], 1651 г.).

Анализируемое существительное представляет собой главным образом западнославянское производное с суффиксом *-ѣкъ* от страдательного причастия прошедшего времени (праслав. **nabytъ*), образованного от префиксального глагола (праслав. **na-byti* ‘приобрести, получить что-л.; добыть, достать, добиться чего-л.’), восходящего к имеющему общеславянское распространение индоевропейского характера праслав. **byti* ‘быть, стать, случиться, совершиться’ с и.-е. корнем **bhū-* (: *bheO(e)-*) ‘расти, произрастать’, ‘пухнуть, разбухать’, ‘дозреть’ > ‘становиться, быть’ (см. ЭССЯ 3: 155, там же, 21: 220–221, ФАСМЕР 1: 260, ИЭССРЯ 1: 129, BORYŚ 2005: 48, 346, REJZEK 2001: 400). В связи с тем, что в этимологических исследованиях славянских языков указывается, что рассматриваемая лексема распространена преиму-

¹ Здесь и далее цифрой в квадратных скобках указывается количество употреблений анализируемой лексемы в наших материалах.

щественно в западнославянских языках, вполне естественно предположить ее неисконность в восточнославянских языках. Попытаемся установить, каким путем и когда она попала в эти языки.

До сих пор считалось, что наиболее ранняя фиксация слова *набытокъ* в значении 'то, что куплено, приобретено, прибыль; добыча' зарегистрирована в документе начала 80-х гг. XVII в. (1681 г.), исходящем с юговосточных территорий (окраин) МГ (СлРЯ XI–XVII вв. 10: 24). Мы обнаружили это существительное в дипломатической корреспонденции по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ середины 50-х гг. XVII в., что позволяет на три десятилетия удревнить время его появления в русском письменном языке. Что касается дальнейшей судьбы анализируемой лексемы в русском языке, то история ее далее XVII в. пока не прослеживается.

В письменности ВКЛ *набытокъ* 'маёмасць, дабытак' встречается с начала XVII в. и наблюдается в источниках, в которых заметно польское влияние, а также в переводных с польского языка текстах (ГСБМ 18: 304, ПГССЛ 1: 419). *Набытокъ, набитокъ, набутокъ* (с XIX в.) 'приобретение; нажитое, имущество' отмечается в словарях, отражающих украинский язык XVIII–XIX вв., причем в историческом словаре это слово сопровождается пометой «*ил. nabytek*» (ТИМЧЕНКО 1: 448, ГРИНЧЕНКО 2: 463, 466). В словаре современного украинского языка также представлена лексема *набѣток* 'те, що набувають працею, затрачуючи силу та енергію; те, що неподільно належить кому-небудь' (ВТССУМ 2005: 702), и в словаре современного белорусского языка находим *набѣтак* в значениях 'маёмасць, уласнасць' и 'тое, што набыта, прыдбана; скарб' (ТСБМ 3: 209, ТСБЛМ: 357).

В польских памятниках письменности существительное *nabytek* 'majątek, mienie (zwłaszcza ruchome), dobytek' известно с середины XV в. (SłStp 5: 20, RECZEK 1968: 219) и употреблялось в этом значении в XVI–XVIII вв. (SłP XVI 15: 393, LINDE 3: 205). В словаре, регистрирующем польский язык XIX в., эта лексема отмечена в трех значениях: 'nabycie', 'to, co ś. nabyło, rzecz nabyta' и 'przybytek, zysk, profit, przyrost', при этом первое значение снабжено пометой «*mało używane*» (KARŁOWICZ 3: 15–16). В словаре польского языка XX в. представлены первое и второе из приведенных выше значений, причем первое – с пометой «*dziś rzad.*» (SłJP 2: 969), а в словаре первой четверти XXI в. фиксируется только одно из указанных ранее значений – 'to, co zostało nabyte; sprawunek' в сопровождении пометы «*książk.*» (USłJP 2: 763).

А. Баньковский по поводу происхождения лексемы *nabytek* высказывает предположение о том, что она является богемизмом в старопольском языке (BAŃKOWSKI 2: 239). В связи с этим обратимся к истории анализируемого существительного в чешском языке. В старочешских письменных источниках *nábytek* в значениях 'majetek, jmění, hmotně, prostředky' и 'věcné životní potřeby, věcné vybavení obydlí, nábytek a náčini' засвидетельствовано на рубеже XIV–XV вв. (SłStč 2: 439–440, StčSl 1: 23). В современном чешском языке *nábytek* употребляется в значении 'přemíst'ovatelné, předměty bytového

zařízení', а значение 'movity majetek, jmění' в словарях чешского языка XX в. снабжено пометой «zast. » (PSIJC 3: 19, SISJC 3: 171).

Итак, если сопоставить информацию об истории рассматриваемой лексемы в западно- и восточнославянских языках, то можно, на наш взгляд, говорить о том, что в старопольский она могла попасть из старочешского, в письменности ВКЛ *набытокъ*, вероятнее всего, является полонизмом, хотя с первой четверти XVI в. здесь было известно причастие *набытый* в мотивирующем значении (см. ГСБМ 18: 304–305), но его от производного существительного во времени отделяет почти столетие, что свидетельствует скорее в пользу заимствования *набытокъ*², нежели о самостоятельном образовании. Кроме того, предположение о заимствовании подкрепляется и сведениями о характере памятников, в которых *набытокъ* было выявлено в письменности ВКЛ в XVII в. Что касается делового языка МГ, то сюда, учитывая хронологические данные и характер памятников, лексема *набытокъ* проникла из польского благодаря посредничеству письменности ВКЛ. Еще одним свидетельством в пользу неисконности этого слова в русском языке может быть то, что ни в древнерусских текстах, ни в письменных источниках XV–XVII вв. пока не выявлены мотивирующие существительное лексемы *набыти*³, *набытый*.

НАПОМИНАТИ [9] *несов.* 1. Вспоминать, упоминать, говорить о чем-л.; напоминать [2]: «То все *напоминаемъ*, вѣдая любовь и дружбу и ссылки межъ великими государи»⁴ (РИБ 16: 417 [95], 1606 г.). «И боярину... говорити: мы для того о томъ.../ государю *напоминаем* – только он... женитца, ізобрав в Московском государстве, і ему... то будет ко всякому добру» (Сб. РИО 142: 156–157, 1610 г.). 2. Призывать, склонять к чему-л.; обращать чье-л. внимание на что-л.; просить о чем-л., уговаривать, убеждать; требовать [7]: «И о томъ... короля и вас, панов-рад, *напоминали*, чтоб король и вы... тому вору ростриге не вѣрили» (Сб. РИО 137: 323, 1606–1607 гг.). «Большая кровь крестьянская литись перестанет потому, как мы учнем своих людей... *напомять* о том, чтоб... вышли из государя вашего земли вон» (там же, 665, 1607–1608 гг.). «А братью нашу сенаторы... *напоминаемъ*, штобъ его королевская милость... с тых всех... сыскавъ, велель отдать родству ихъ» (Сб. РИО 142: 67, 1610 г.). «Его королевская милость... не хотечи видѣти кровопролития... своимъ словом *напоминаль* насъ, штобъ мы вины... свои ... Королю... принесли» (СГГД 2: 531 [250], 1611 г.). «А вы... нас *напоминаете*, чтоб нам... его царского величества отчины от Смоленска

² Кстати, в историческом словаре украинского языка мотивирующий глагол *набыти* 'придбати (за гроші), купити' снабжен пометами «*стп. набуѣ*», «*стч. набути*», а две наиболее ранние его фиксации (1389 г.) отмечены в документе, в значительной степени насыщенном полонизмами (ССМ 2: 10). В старочешском языке *nabyti* 'čeho nabyt, získat' известно с первой половины XIV в. (StčSl 1: 24), а в старопольском *nabyć* 'dojść do czego, osiągnąć coś, uzyskać, osiąść' регистрируется на рубеже XIV–XV вв. (SlStp 5: 20, Bańkowski 2: 239).

³ По имеющейся на данный момент информации *набыть* 'приобрести, добыть' регистрируется в русском письменном языке с середины XVIII в. (СлРЯ XVIII в. 13: 133).

⁴ Усечения начала и конца цитаты не отмечаются.

отступити» (Сб. РИО 142: 673, 1615 г.). «И ты... о томъ говорилъ, и намъ *напоминаль*, чтобъ мы... для брата нашего.../ Якуба короля съ нимъ похотѣль дружбы» (ЛЫЖИН 1857: 239–240 [38], 1616 г.). «И мы... *напоминаемъ* васъ... чтобъ вашему королевскому величеству велѣти про то про все сыскати въ правду» (РИБ 16: 586 [115], 1622 г.).

Анализируемый глагол представляет собой итератив-дуратив от *напоминати* (с продлением конечного гласного *ь* → *i*), являющемуся приставочным образованием от имеющего общеславянское распространение и надежные соответствия в балтийских и других индоевропейских языках праслав. **тънѣти* (**тънѣiti*), 1 л. ед. ч. **тънѣю*, 3 л. ед. ч. **тънѣтъ* ‘думать, мыслить; судить, полагать; считать’ (инфинитив **тънѣiti* получил *-i* из основы настоящего времени) <и.-е. корень **ten-* ‘думать’ (см. ЭССЯ 21: 113–115, там же, 22: 223–224, ФАСМЕР 2: 633, ИЭССРЯ 1: 536, BORYS 2005: 461).

В древнерусском языке отмечено единичное употребление лексемы *напоминатися* ‘напомянуть’, зафиксированное в *Ипатьевской летописи*, известной в списке 1425 г. (СРЕЗНЕВСКИЙ 2: 310, СлДРЯ 5: 172). Примечательно, что этот памятник приурочен к югозападнорусской территории (см. Исаченко–Лисовая–Лисовой 1987: 101). Интересующая нас лексема в первом из указанных выше значений в русской письменности впервые регистрируется в *Польских делах* под 1494 г. и на протяжении XVI–XVII вв. отмечалась в основном в деловой письменности, в частности в дипломатической корреспонденции (СлРЯ XI–XVII вв. 10: 187). Мы также обнаружили *напоминати* в этом значении в документах Посольского приказа начала XVII в., отражающих контакты МГ с Польшей и Данией⁵. Во втором из рассматриваемых значений *напоминати* встречается в русской письменности со второй половины XVI в. преимущественно в актовом языке (СлРЯ XI–XVII вв., там же). Мы выявили *напоминати* в значении ‘призывать, склонять к чему-л.; обращать чье-л. внимание на что-л.; просить о чем-л., уговаривать, убеждать; требовать’ в дипломатической корреспонденции по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ (пять случаев), с Англией (один случай), а также с Данией (один случай) в первой половине XVII в. В этом значении судьба *напоминати* в русском языке пока не прослеживается далее XVII в. Что касается истории глагола в первом из интересующих нас значений, то он регистрируется в словаре, отражающем русский XVIII в. (СлРЯ XVIII в. 13: 266). В лексикографических источниках, фиксирующих русский язык XIX – начала XXI в., этот глагол представлен в значении ‘заставлять кого-л. вспоминать о ком-, чем-л.’ (ДАЛЬ 2: 453, БАС 11: 291). В *Словаре русских народных говоров* *напомина́ть* регистрируется в значениях ‘вспоминать’ с пометами «моск., калин., тул., донск. и ‘называть, упоминать’ с пометами «Лит. ССР, Лат. ССР, Эст. ССР» (СРНГ 20: 89).

Приведенные выше факты, а также то, что в восточнославянских языках в тех же значениях, что и *напоминати*, употреблялось синонимичное ему *поминати*, представленное уже в древнерусском языке с XII–XIII вв., а

⁵ В этой грамоте, адресованной датскому королю Христиану IV, содержится подробное изложение событий начала Смутного времени.

в письменности ВКЛ известное со второй половины XV в. (СлДРЯ VII: 131–132, ССМ 2: 190, ГСБМ 26: 268–269), на наш взгляд, дает определенные основания для предположения о возможном межславянском заимствовании. В связи с этим проследим историю анализируемого глагола в тех славянских языках, с которыми у русского языка были наиболее активные контакты в XV–XVII вв., а именно в письменности ВКЛ и в польском языке.

В памятниках ВКЛ *напоминати* в значении ‘напамінаць, паведамляць, апавяшчаць, папярэджаць; прасіць, угаворваць’ засвидетельствовано с 80-х гг. XV в., в значении ‘нагадувати, відновляти в пам’яті, пригадувати’ – с середины 90-х гг. того же столетия, а в значении ‘успаминаць’ – с конца XVI – начала XVII в. (ГСБМ 19: 210, 211, ССМ 2: 22). Следует отметить, что в XV–XVII вв. этот глагол наблюдается в документах, язык которых, как правило, насыщен полонизмами, или в переводах с польского языка (там же, ТИМЧЕНКО 1: 465). В первом из указанных выше значений история *напоминати* в письменности ВКЛ ограничивается XVII столетием, и в украинском языке судьба этого слова также не прослеживается далее XVII в. В словаре, фиксирующем белорусский язык XIX в., находим лексику *напомніць* только в значении ‘напомянуть’ (НОСОВИЧ 1870: 314). В словарях современного белорусского языка *напамінаць* регистрируется в том же значении, что и в современном русском языке (ТСБМ 3: 280, 288, ТСБЛМ 370, 372).

В старопольском языке *napominać* с первой четверти XV в. наблюдается в значении ‘wzywać do czegoś namawiać, zachęcać’, с середины XV в. – в значении ‘upominać się, domagać się’, а с конца того же столетия этот глагол встречается в значении ‘wspominać, mówić o czymś’ (SłStp 5: 79–80). И в XVI–XVIII вв. *napominać* регистрируется в значениях ‘wspominać, przypominać, napomykać’ и ‘wzywać, nakłaniać, skłaniać, zachęcać do czego; zwracać uwagę; prosić o co; radzić co’ (SłP XVI 16: 107, RECZEK 1968: 228, SłPASKA 1: 471, LINDE 3: 266). В словаре, отражающем польский язык XIX в., глагол представлен в обоих указанных выше значениях, но первое снабжено пометой «gwarowe» (Karłowicz 3: 128, см. также SłGP 3: 253). В словаре польского языка XX в. находим *napominać* в значении ‘zwracać komu uwagę, przestrzegać przed czym, przywoływać do porządku, nakazywać spełnienie obowiązku; upominać, karcić’ и в значении ‘wywoływać w pamięci, przywozдить na pamięć; przypominać’, которое сопровождается пометой «przestarz. » (SłJP 4: 1146). В словаре, фиксирующем польский язык первой четверти XXI в., первое из указанных выше значений снабжено пометой «książk.», а второе значение уже не приводится (USłJP 2: 825).

Данные хронологии в восточнославянских языках и в польском, а также характер памятников, в которых *напоминати* первоначально отмечалось в первых, и история однокоренных синонимичных образований в них, на наш взгляд, могут служить подтверждением высказанного ранее предположения о том, что в этих языках мы, возможно, имеем дело с лексическим заимствованием из польского. Учитывая то, что и в русской письменности, и в памятниках ВКЛ эта лексема в первом из анализируемых значений отмечается одновременно, заимствование в русский язык могло осуществляться

как прямо из польского, так и через посредничество актового языка ВКЛ. Что касается истории *напоминати* во втором из интересующих нас значений в русском языке, то здесь мы с большей долей уверенности склоняемся к семантическому заимствованию из польского. В данном случае калькирование осуществлялось, вероятно, благодаря посредничеству письменности ВКЛ, где *напоминати* в обоих значениях появляется практически одновременно и является, по-видимому, лексическим полонизмом.

В самом польском языке это слово, возможно, является богемизмом. В пользу этого может свидетельствовать не только то, что в старопольском языке в середине XV в. бытовал синонимичный *napominać* глагол *rominać się* ‘*dopominać się, domagać się*’ (SłStp 6: 369), который не отмечен в старочешском языке, но и хронологические данные. Так, в старочешских источниках *napomínati* уже со второй половины XIV в. встречается в значении ‘*koho p̣řipomínat, p̣řipamatováť, uváděť na paměť někomu, něčo*’, а с конца того же столетия отмечается в значениях ‘*vybízet, vyzývat (k něčemu); [k dobrému] povzbuzovat, nabádat; [ke zlému] naváděť, ponoukat; [k vyhnutí se nebezpečí] varovat*’ и ‘*koho žádat, prosit*’ (StčSl 1: 210). В словарях современного чешского языка этот глагол представлен в значении ‘(koho k čemu) *mírně pokárat, pronést mírně varování, dat někomu mírnou vystrahu*’ (PSIČ 3: 175, SISČ 3: 239).

Завершая историко-этимологический анализ лексем *набытокъ* и *напоминати*, сформулируем некоторые обобщающие выводы:

1. Лексемы *набытокъ* и *напоминати*, обнаруженные нами в дипломатической корреспонденции МГ первой половины XVII в., по нашему мнению, являются не самостоятельными образованиями в русском языке, а представляют собой межславянские заимствования. Существительное *набытокъ* является лексическим заимствованием, глагол *напоминати*, возможно, также лексический полонизм, но с большей степенью уверенности можно говорить о том, что в значении ‘призывать, склонять к чему-л.; обращать чье-л. внимание на что-л.; просить о чем-л., уговаривать, убеждать; требовать’ он представляет собой семантический полонизм. Эти данные позволяют пополнить список полонизмов, выявленных нами ранее в русском приказном языке конца XVI – первой половины XVII в. Примечательно то, что обе лексемы представляют собой внутриславянские дериваты с праславянским корне-словом и словообразовательными аффиксами. В наших материалах такого рода заимствования составляют около 54% от общего числа лексических полонизмов, а среди верифицированных семантических полонизмов их число составляет около 94% (см. ГАРБУЛЬ 2014а: 254, 2009: 423). Отметим, что установление такого рода заимствований сопряжено со значительными трудностями, поэтому полученные результаты не могут не содержать элемента гипотетичности (см. ГАРБУЛЬ 2004: 27–28, 2014b: 64). Тем не менее исследование межславянских заимствований очень важно в связи с тем, что, как отмечает венгерский славист А. Золтан, «... может внести в некоторых случаях существенные коррективы в этимологию, установленную на основе формальных совпадений, и тем самым уточнить данные о первоначальном

распространении того или иного слова, отделяя праславянский лексический фонд от вторичных культурных наслоений (ЗОЛТАН 2014: 14).

2. При изучении контактов между генетически родственными языками очень важную роль в установлении направления влияния играет хронологический критерий. Наши материалы позволяют на три десятилетия удревнить появление лексемы *набытокъ* в русском письменном языке.

3. Заимствование как существительного *набытокъ*, так и глагола *напоминати* или, по меньшей мере, второго из анализируемых нами значений этой лексемы произошло в результате сложного межславянского контакта, когда лексическая интерференция осуществлялась через посредствующее звено. Проникновение обоих заимствований, первичным источником которых является, возможно, чешский язык, в восточнославянские языки произошло благодаря польскому языку, которым они были прочно усвоены ко времени установления активных контактов с этими языками, а непосредственно в русский письменный язык XV–XVII вв. эти лексемы (или отдельное значение глагола *напоминати*) попали, по-видимому, через посредничество письменности ВКЛ.

Словари

БАС = *Большой академический словарь русского языка*. Т. 1–23. Москва–Санкт-Петербург: «Наука», 2004–2014.

ВТССУМ = БУСЕЛ В. Т. (Уклад і ред.) *Великий тлумачальний словник сучасної української мови*. Київ: «ВТФ Перун», 2005.

ГРИНЧЕНКО = ГРИНЧЕНКО Б. *Словарь української мови в чотирьох томах*. Т. 1–4. Київ: «Наукова думка», 1996–1997.

ГСБМ = *Гістарычны слоўнік беларускай мовы*. Вып. 1–36. Мінск: «Навука і тэхніка», 1982–2016.

ДАЛЬ = ДАЛЬ В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 1–4. Москва: «Русский язык», 1978–1980.

ИЭССРЯ = ЧЕРНЫХ П. Я. *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. Т. 1–2. Москва: «Русский язык», 1999.

НОСОВИЧ 1870 = НОСОВИЧ И. *Словарь белорусского наречия*. Санкт-Петербург: «Имп. Акад. наук», 1870.

ПГСССЛ = БУЛЫКА А. М. (рэд.) *Падручны гістарычны слоўнік субстантыўнай лексікі*. Т. 1–2. «Беларуская навука»: Мінск, 2013.

СЛДРЯ = *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*. Т. 1–11. Москва: «Русский язык; Азбуковник», 1988–2016.

СЛРЯ XI–XVII вв. = *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 1–30. Москва–Санкт-Петербург: «Наука; Азбуковник; Нестор-История», 1975–2015.

СЛРЯ XVIII в. = *Словарь русского языка XVIII века*. Вып. 1–21. Санкт-Петербург: «Наука», 1984–2015.

СРЕЗНЕВСКИЙ = СРЕЗНЕВСКИЙ И. И. *Материалы для словаря древнерусского языка*. Т. 1–3. Санкт-Петербург: «Имп. Акад. наук», 1893–1912.

СРНГ = *Словарь русских народных говоров*. Вып. 1–49. Москва–Санкт-Петербург: «Наука СПИФ», 1965–2016.

- ССМ = *Словник староукраїнської мови XIV–XV ст.* Т. 1–2. Київ: «Наукова думка», 1977–1978.
- ТИМЧЕНКО = ТИМЧЕНКО Є. К. *Матеріали до словника писемної та книжної української мови XV–XVIII ст.* Кн. 1–2. Київ–Нью-Йорк: «Преса України», 2002–2003.
- ТСБЛМ = Суднік М. Р., КРЫЎКО М. Н. (рэд.) *Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы.* 3-е выд. Мінск: «Беларус. энцыкл. », 2002.
- ТСБМ = *Тлумачальны слоўнік беларускай мовы.* Т. 1–5. Мінск: «Галаўная рэдакцыя Беларус. савецкай энцыкл. », 1977–1984.
- ФАСМЕР = ФАСМЕР М. *Этимологический словарь русского языка.* Т. 1–4. Москва: «Прогресс», 1964–1973.
- ЭССЯ = *Этимологический словарь славянских языков.* Вып. 1–40. Москва: «Наука», 1974–2016.
- BAŃKOWSKI = BAŃKOWSKI A. *Etymologiczny słownik języka polskiego.* Т. 1–2. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN SA, 2000.
- BORYŚ 2005 = BORYŚ W. *Słownik etymologiczny języka polskiego.* Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2005.
- KARŁOWICZ = KARŁOWICZ J., KRYŃSKI A., NIEDŹWIEDZKI W. (red.) *Słownik języka polskiego.* Т. 1–8. Warszawa: Nakładem prenumeratorów i Kasy im Mianowskiego, 1900–1935.
- LINDE = LINDE S. B. *Słownik języka polskiego.* Т. 1–6. Lwów: Druk. Zakładu Ossolińskich, 1854–1860.
- PSIJC = *Příruční slovník jazyka českého.* D. 1–8. Praha: Státní Nakladatelství, 1935–1957.
- RECZEK 1968 = RECZEK S. *Podręczny słownik dawnej polszczyzny.* Wrocław–Warszawa–Kraków: Zakład Narodowy im Ossolińskich, 1968.
- REJZEK 2001 = REJZEK J. *Českó etymologickó slovník.* Voznice: Leda, 2001.
- SŁGP = Karłowicz J. *Słownik gwar polskich.* Т. 1–6. Kraków: Nakładem Akademii Umiejętności, 1900–1911.
- SŁJP = *Słownik języka polskiego.* Т. 1–11. Warszawa: Państwowe wydawnictwo Naukowe, 1958–1969.
- SŁPaska = *Słownik języka Jana Chryzostoma Paska.* Т. 1–2. Wrocław–Warszawa–Kraków: Wydawnictwo PAN, 1965–1973.
- SŁP XVI = *Słownik polszczyzny XVI wieku.* Т. 1–36. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk: PAN; IBL, 1966–2012.
- SISJČ = *Slovník spisovného jazyka českého.* D. 1–8. Praha: Academia, 1989.
- SISč = Gebauer J. *Slovník staročeskó.* D. 1–2. Praha: Academia, 1970.
- SŁSp = *Słownik staropolski.* Т. 1–11. Warszawa: Wydawnictwo PAN, 1953–2002.
- StčSl = *Staročeskó slovník.* D. 1–3. Praha: Academia, 1977–1996.
- USIJP = *Uniwersalny słownik języka polskiego.* Т. 1–4. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2003.

Література

- ГАРБУЛЬ 2004 = ГАРБУДЬ Л. К вопросу о межславянских лексических заимствованиях в русском приказном языке XVII в. *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae* 49/1–2 (2004): 27–43.
- ГАРБУЛЬ 2009 = ГАРБУДЬ Л. *Семантические полонизмы в русском приказном языке первой половины XVII века.* Вильнюс: «Вильнюсский университет», 2009.

- ГАРБУЛЬ 2014а = ГАРБУЛЬ Л. *Лексические полонизмы в русском приказном языке первой половины XVII века*. Вильнюс: «Вильнюсский университет», 2014.
- ГАРБУЛЬ 2014б = ГАРБУЛЬ Л. П. Межславянские семантические заимствования в русском приказном языке XVII в. *Slavistica Vilnensis* 59 (2014): 63–80.
- ГАРБУЛЬ 2015 = ГАРБУЛЬ Л. Межславянские лексические заимствования в дипломатической корреспонденции Московского государства. *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae* 60/1 (2015): 1–19.
- ГАРБУЛЬ 2016 = ГАРБУЛЬ Л. П. Незамеченные семантические полонизмы в приказном языке Московского государства. *Slavistica Vilnensis* 61 (2016): 35–61.
- ГАРБУЛЬ 2017 = ГАРБУЛЬ Л. О двоякой роли письменности Великого княжества Литовского в межславянских языковых контактах. *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae* 62/2 (2017): 277–289.
- ЗОЛТАН 2014 = ЗОЛТАН А. *Interslavica. Исследования по межславянским языковым и культурным контактам*. Москва: «Индрик», 2014.
- ИСАЧЕНКО-ЛИСОВАЯ–ЛИСОВОЙ 1987 = ИСАЧЕНКО-ЛИСОВАЯ Т. А., ЛИСОВОЙ Н. Н. Текстуальные полонизмы Псалтири Фирсова 1683 г. Книжные заимствования или диалектизмы? В кн.: *Русская региональная лексика XI–XVII вв.* Москва: «АН СССР», 1987. 68–104.
- WIŃKOWSKI 2006 = WIŃKOWSKI W. *Nowy słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim*. Wyd. II rozszerzone. Kraków: Universitas, 2006.

Источники

- ВУР = *Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы*. Т. 3. Москва: «АН СССР», 1953.
- ЛЫЖИН 1857 = ЛЫЖИН Н. П. *Столбовский договор и переговоры ему предшествовавшие*. Санкт-Петербург: «Имп. Акад. наук», 1857.
- РИБ 16 = *Русские акты Копенгагенского архива (1514–1687 гг.)*, извлеченные Ю. Н. Щербачевым. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 16. Санкт-Петербург: «Археографическая комиссия», 1897.
- Сб. РИО 137, 142 = *Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством*. Т. 4 (1508–1608 гг.), Т. 5 (1609–1615 гг.). Т. 137, 142. Москва: «Тип. Г. Лиснера и Д. Собко», 1912, 1913.
- СГГД = *Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии иностранных дел*. Ч. 2. Санкт-Петербург: «Тип. Н. С. Всеволожского», 1819.

Н. МАГОЧИ

**Заимствованная лексика в ЯСЦ «банковское дело»
на разных этапах становления
российской банковской системы**

**Borrowed vocabulary in banking LSP
in different stages of development
of the Russian banking system**

Abstract: A considerable stratum of Russian special banking vocabulary consists of borrowings from different periods of the development of "banking" terminology. Changes in Russian banking system are reflected in the language, equally featuring and describing them. Scholars distinguish two groups of main causes leading to lexical borrowings: linguistic and extralinguistic. The present paper, therefore, focuses on tracing phonetic-graphic, semantic, grammatical, functional and utilization stages in processes of adaptation and integration. It reveals the potential capacity of a single borrowed lexical item to form, on the basis of the Russian language, derived units, and to form new words, using the same morpheme. Texts selected from historical periods of banking in Russia, i.e. the early 18th century to date, served as the basis of the analysis of separate loan units of LSP in banking.

Keywords: LSP, borrowed vocabulary, banking adaptation, history

1. Введение

В ходе исторического развития науки, техники и различных областей знания отдельные профессиональные сферы деятельности человека всегда имели особую значимость. При этом всегда возникала необходимость в эффективном профессиональном общении. Происходящие изменения в любой области знания отражаются и в языке, характеризующем и описывающем эти изменения. В различные исторические периоды с различной интенсивностью увеличивается количество специальной лексики, образуются термины, которые обеспечивают номинирование новых объектов, явлений, процессов и вербально закрепляют систему понятий той или иной области знания.

В XX в., в эпоху бурного развития науки и техники, масштабность этих процессов инспирировала деятельность членов Пражского Лингвистического Кружка к исследованию так называемых «функциональных диалектов». Выделив понятие, статус языков для специальных целей и начав их лексикографическое описание, члены Пражского лингвистического кружка стали родоначальниками теории языков для специальных целей (Languages for Specific Purposes). Уже на начальной стадии исследования данного явления ученые признавали, что язык для специальных целей неоднороден по

своему составу, в нем вычленяются несколько языковых уровней, в зависимости от степени кодифицированности и информационной содержательности используемых единиц: терминология, устная профессиональная лексика, профессионализмы, профессиональные жаргонизмы, номенклатура (KURTÁN 2003; КОМАРОВА 2004; ЛЕЙЧИК 2009; PEARSON 1998).

Однако обсуждение данной темы не входит в нашу задачу. Статья фокусируется на рассмотрении процесса пополнения русской специальной банковской лексики за счет иноязычных заимствований в разные периоды развития русского языка специальности «банковское дело» – с конца XVII в. (с момента основания) до наших дней. В рамках настоящей работы я подробнее остановлюсь на процессах заимствования терминов на ранних этапах развития русского банковского дела (с момента основания до начала XX в.). Что касается современного состояния специальной банковской лексики, то я лишь отмечу наиболее характерные тенденции сегодняшних процессов пополнения лексики заимствованиями.

В ходе анализа текстов, связанных с банковским делом у истоков его становления, я опиралась на тексты электронной версии *Полного собрания законов Российской империи* (ПСЗ), поскольку исторически денежное обращение в России развивалось в рамках государственного права, а его состояние отражалось в языке законов и нормативно-правовых документов разных исторических периодов Российского государства.

В специальной литературе выделяются две основные группы причин заимствования лексических единиц: лингвистические и экстралингвистические. Среди лексических причин терминозаимствований определяющими являются следующие:

- 1) необходимость заполнить семантические пустоты, связанные с отсутствием нового явления или понятия в русском языке (*овердрафт, фишинг*);
- 2) отсутствие собственно русских слов для обозначения понятий или явлений (*ипотека*);
- 3) признание заимствования более точным для наименования денотата и, как следствие, «проигрыш» собственно русского слова в конкуренции с заимствованием (*кредитор – заимодавец, заимодатель; бенефициар – выгодополучатель*);
- 4) стремление к экономии речевых усилий и языковых средств (*аутрайт – простая срочная валютная сделка*);
- 5) необходимость разграничить понятия (*транзакция vs. сделка*) (КРЫСИН 1996: 50–53).

К экстралингвистическим причинам можно отнести стремление российской банковской системы на всех этапах развития к расширению международных контактов, признание передовой роли западных стандартов банковской деятельности, а в последние десятилетия – влияние процессов глобализации и формирования информационного общества.

Опираясь на официальную версию истории развития банковского дела в России как на экстралингвистический фактор, определявший особенности процесса формирования ЯСЦ «банковское дело» (МОРОЗАН 2001; МОРОЗАН

и др. 2005; ЮХТ 1994), я условно выделила три «лингвистических» периода в становлении русской банковской лексики, в рамках которых и проводился анализ специальных лексических единиц:

1) Первый период: с конца XVII в. до начала XVIII в. – период основания и начала функционирования банков и финансовых учреждений в России и начало становления языка специальности за счет собственно русской специальной лексики и ранних заимствований.

2) Второй период: с начала XVIII в. до начала XX в. – пополнение ЯСЦ «банковское дело и финансы» посредством большого количества заимствований, обусловленное бурным темпом развития банковского дела в России отмеченной эпохи.

3) Третий период: современная русская банковская лексика сквозь призму состояния банковской системы России на определенных этапах ее функционирования с 1917 г. по настоящее время.

Необходимо отметить, что банковское дело в сегодняшнем понимании этой сферы экономики и области профессиональных знаний начало развиваться в России значительно позднее, чем в других европейских странах. Вероятно, этим фактом можно объяснить, что и у истоков становления банковского дела, и в настоящее время в язык специальности активно внедряются заимствованные термины, составляющие значительный слой специальной банковской лексики.

Слова заимствуются непосредственно из языка-источника, или же через языки-посредники. При анализе заимствованной лексики необходимо проследить пути и способы ее проникновения в русский язык. Так, иноязычные слова заимствуются путем калькирования или же путем заимствования иноязычного слова «в готовом виде».

Суть калькирования как переводческого приема и способа пополнения лексического состава языка какой-либо области знания – использование средств принимающего языка при переводе терминов, и таким образом, создание нового термина в принимающем языке. Заимствованные путем калькирования термины-кальки (от. франц. *saïque* ‘копия, подражание’) сохраняют мотивированность значения (ЧИРКИНА–ЮШИНА 2007: 40–41).

Еще одним несомненным достоинством калькирования можно считать тот факт, что построенные средствами принимающего языка кальки органично встраиваются в систему языка, расширяют состав языка, «оберегая» его от излишнего наплыва иноязычных заимствований в «готовом виде». В качестве примера ранних калек в банковской лексике укажу следующие: *залог* ← греч. *diathesis*; *текущий счет* ← итал. *conto corrente*; *ценные бумаги* ← немец. *Wertpapiere*; *обесценение* ← англ. *depreciation*.

Адаптация и интеграция заимствованного в «готовом виде» термина проходят в нескольких стадиях, от фонетико-графической, семантической, грамматической до функционирования в речи и утилизации, т.е. способности заимствования образовывать на базе русского языка производные единицы и участия морфем иностранного слова в образовании новых слов в русском языке.

2. Заимствования первого периода становления русской банковской лексики

Уже у истоков банковского дела в России в соответствии с требованиями развивающейся специальности начался процесс проникновения в профессиональную лексику иноязычных элементов. Термины заимствовались преимущественно из латинского при посредстве западно-славянских языков или из языков тюркской группы.

Из текстов ПСЗ этого периода привожу некоторые заимствованные лексемы:

Деньги – раннее заимствование (XIV век) из тюркского языка от *теңге*. В странах Востока так первоначально называли мелкую серебряную, а затем и медную монету. В настоящее время *теңге* – денежная единица в Казахстане, а также разменная монета в Туркмении (МАС 1: 387).

Депозит – проникло из польск. *depozyt* от лат. *depositum* ‘вещь, отданная на хранение’ ← глаг. *deponere* ‘откладывать’. (ЭСШ 5: 74) Современное значение термина: 1) вклад в банк, денежные средства, временно хранящиеся в банке и принадлежащие другим учреждениям и лицам; 2) ценные бумаги, передаваемые на хранение в кредитные учреждения. (ССЭТ: 79–80)

Доход – в этимологических словарях обычно указывается как производное сущ. из праслав. **dochoditi* *доходити*, приставочного производного от глаг. **ходити* (ШЭС:234). Однако согласно результатам исследований А. Золтана, **dochoditi* имеет в восточно- и западнославянских языках значение ‘доходить до какого-л. предела’, поэтому в значении экономического термина ‘результат экономической деятельности, польза от нее’ *доход* не мотивирован глаголом *доходити*, а является заимствованием XV века из западнославянских языков, позже мотивировавшим *доходити* в значении ‘поступать в качестве дохода’ (ЗОЛТАН 2002: 770–774).

Казна – заимствование XII века из тур. *hazna*, крым.-тат. *hazna* (ФАСМЕР 2: 160). Собственно русское производное прилагательное *казначейский* входит в состав многокомпонентных банковских терминов, обозначающих разновидности ценных бумаг: *казначейский билет*, *казначейские акции*, *казначейские векселя*.

Пеня – заимствование XIV в., через польск. *pena* ‘штраф’ из лат. *poena* ‘наказание’, восходящего к греч. *ποινή* ‘покаяние, возмещение, наказание’ (Фасмер 3: 233). Современное значение слова как экономического понятия: штраф за невыполнение или просрочку принятых по договору или установленных законом обязательств. Начисляется в процентах к сумме невыполненного обязательства за каждый день просрочки (ССЭТ: 263).

Сумма – в рус. языке XIV в. известна *сума* из польского *suma* с последующей «подправкой» с учетом лат. *summa* ‘вершина, совокупность’. Отмечено в словаре Берынды 1627 г. в значении ‘результат, итог сложения; перен. совокупность каких-л. явлений, черт; определенное количество денег’ (ШЭС 2: 395).

3. Заимствования второго периода становления русской банковской лексики

В Петровскую эпоху заметно увеличивается количество заимствований, что обуславливается прежде всего расширявшимися контактами как в области банковской профессии, так и в других сферах жизни России того времени. Словарный состав русского языка пополнялся, в основном, лексикой из французского, немецкого, голландского, итальянского, реже – английского языков, или же при их посредничестве и влиянии на разных уровнях адаптации заимствованного слова. Влияние западнославянских языков в этот период также явно прослеживается: напр., в ходе морфологической адаптации иноязычные лексемы от лат. имен на *-tio* (*-tionem*), *-sio* (*-sionem*) оформлялись в рус. языке через морфему-субститут *-ция* не без влияния польск. *-суја акция* (*аксја*), *ассигнация* (*асугнасја*), *конфискация* (*конфискасја*) (БИРЖАКОВА И ДР. 1972: 212). Однако употреблявшаяся на раннем этапе *гаранция* (польск. *gwarancja*) была вытеснена *гарантия*, транскрибированной формой нем. *Garantie* или франц. *garantie* (ЭСШ 4: 27–28).

Польский язык, как посредник при заимствовании, часто оказывает влияние и на процесс фонетической адаптации иноязычной лексики данного периода. Обозначающие новое явление глаголы иногда заимствуются из польского: *ассигновать* ← польск. *asugnowac*; *индорсовать* ← пол. *indosować*. В этот период устанавливается сохраняющаяся по сей день тенденция образования от заимствованных существительных с глагольной основой глаголов, встраивающихся в систему русских глаголов с соответствующими суффиксами и окончаниями: *-ать/-ить*; *-овать* → *-ировать* (*гарантировать* ← франц. *garantir*; *капитализировать* ← фр. *capitaliser* ← *capital*; *финансировать* ← фр. *financer* ← *finances*; *акцентовать*, *акцентировать* ← фр. *accepter*, полск. *akceptować* ← лат. *acceptare*; *конфисковать* ← польск. *konfiskować* ← лат. *confiscatio*; *секвестрировать* ← фр. *séquestrer* ← лат. *sequestro* и т. д.).

Почти от каждого иноязычного существительного образуется собственно русское прилагательное: *авансовый*, *активный*, *акционерный*, *балансовый*, *ассигнационный*, *вексельный*, *дивидендный*, *дисконтный*, *секвесторный*, *резервный*, *фондовый* и т. д. В большинстве случаев от иноязычной основы на русской почве образуется новое процессуальное существительное: *авансирование*, *балансирование*, *дисконтирование*, *кредитование*, *процентирование*, *секвестрирование* с отмечаемым в словарях значением ‘действие по глаголу’ (ЕФРЕМОВА 2000).

Подробнее рассмотрим наиболее интересные случаи адаптации заимствований.

Акцион → *акция* от лат. *actio* при посредстве нем. *Aktie* или польск. *аксја* в значениях 1. ‘действие’, 2. ‘ценная бумага’ (ШЭС1: 22). В первом значении слово известно в рус. языке с XVII в. В 20-х гг. XVIII в. в ходе развития банковской системы вместе с новым явлением в язык проникло нем. *Aktie*, графически, фонетически и грамматически (как сущ. ж. р.) адаптированное в рус. языке, вероятно, не без влияния польск. посредничества. На начальном

этапе адаптации отмечается в форме *акцион* (муж. р., поскольку оканчивается на согласный) от франц. *action*. (БИРЖАКОВА и др. 1972: 140). Поскольку слова от лат. корня *act-* (рус. *акт*, нем. *Akten*) означали 'документ, удостоверение, свидетельство', то возможно, что в обиходе *акция* стала отождествляться с бумажным документом, и слово было переведено как 'ценная бумага', дающая право на участие в капитале (ССЭТ: 14).

Актива → *актив*; известно с 1837 г. в форме ж. р. *актива* 'собственное имение, состоящее в наличных деньгах', вероятно из нем. *Aktiva*, с последующим изменением рода под влиянием франц. *actif*, *active* от лат. *activus* 'действенный, практический' ← агере 'делать, действовать' (ШЭС1: 21). Примерно с середины XX в. в качестве финансового термина слово стало употребляться и в форме множ. числа *активы*: «Активы и пассивы ликвидируемых предприятий перенимаются Государственным банком»¹

В данной связи позволю себе сделать следующее предположение: поскольку в процессе употребления в рус. языке лексема среди прочих специализированных значений начала означать все ликвидные виды материальных и нематериальных ценностей, затем проникла в узуальное употребление со значениями 'достижение, преимущество', а в советской действительности получила новое семантическое наполнение 'передовая часть членов партийной или другой общественной организации' (Уш 1: 23–24), то возникла необходимость разграничить понятия. Такое смысловое расширение понятия привело к употреблению наряду с формой ед. ч. формы множ. ч. в одном из значений многозначного финансового термина. Отмечу, что в словарях при перечислении всех специализированных значения термина фигурируют как *активы* (ССЭТ: 13), так и *актив*: совокупность имущества, денежных средств и нематериальных ценностей, принадлежащих юридическому лицу.

Облига/облиг → *облиго* из ит. *oblige* 'обязанность, долг, обязательство' от лат. *obligāre* 'обязывать'. На раннем этапе адаптации наблюдается неустойчивость формы рода: *облига*, *облиг* с последующим оформлением в сущ. ср. рода (СлРЯ XVIII). Узкоспециальный термин в русском языке не имеет дериватов и не отмечается в словарях общеупотребительной лексики. Определение термина: 1) сумма общей задолженности по векселям; 2) банковские книги, в которых учитывается задолженность банку со стороны лиц, обязанных по учтенным векселям, или отражается вся задолженность клиента по операциям с банком (БЭСБ).

Характерной особенностью процесса семантической адаптации иноязычных проникновений данного периода является постепенное расширение круга значений заимствованной в одну конкретную терминосистему лексемы. Например, *аванс*, будучи первоначально заимствованным в терминосистему военного дела, несколько позже вторично заимствуется в качестве финансового термина с последующим выходом в узуальное употребление; *курс* заимствовано в начале XVIII в. в знач. военно-морского термина, затем

¹ Декрет о национализации банков от 14 декабря 1917 года.
http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_93.htm

финансового термина ‘денежный курс’, позже приобретает дальнейшие значения – ‘курс обучения, курс наук’, ‘курс медицинского лечения’, ‘курс как направление деятельности’ (БИРЖАКОВА И ДР. 1972: 337–338); *претензия* первоначально заимствовано как юридический термин ‘жалоба на решение суда’, затем как финансово-правовой ‘заявление кредитора, выражающее протест должнику по поводу нарушения условий договора’, позже проникло в общепотребительный язык как ‘настойчивое стремление к чему-л., желание чего-л.’ (МАС 3: 386). Также через несколько этапов заимствования в различных значениях прошли лексемы *операция, гарантия, секвестр* и т. д.

Выделим случаи, когда при вторичном заимствовании из другого языка-источника в одном и том же значении изменялась форма слова под влиянием языка-источника или посредника: глагол *индорсовать* (от лат. *indorso*, через нем. *indossieren*, пол. *indosować*) при вторичном заимствовании через франц. (через польск.) приобрел форму *индоссировать* (из фр. *endosser*) (СлРЯ XVIII); сущ. *фундуш* и производное *фундушевый* (из польск. *fundusz* ← лат. *fundus*) с XIX в. было вытеснено *фонд* и производным *фондовый* (из франц. *fond* ‘← лат. *fundus*) (ШЭС 2: 482).

Интересно отметить заимствованный от одного корня термин *кредит*, получивший в русском языке два различных значения в зависимости от позиции ударного гласного в слове: *кредит* и *кредит*. *Кредит* как базовое финансовое понятие в значении ‘ссуда’ заимствовано в начале XVIII в. из франц. *crédit* от лат. *creditum* ‘ссуда’ субстантивированного прич. прош. врем. от глагола *credere* ‘верить, давать в заем’. *Кредит* – бухгалтерский термин в значении ‘правая сторона счетов’ заимствован в конце XVIII в. из нем. *Kredit* от лат. *credit* ‘он верит’, формы 3 л. ед. ч. наст. врем. глагола *credere* ‘верить’ (ЭСШ 8: 378).

Проанализированные термины конца XVII–начала XX вв., иногда в измененной форме, входят в состав основного слоя современного ЯСЦ «банковское дело» и по сей день активно употребляются (см. *кредит, капитал, процент, ревизия, аудит, резерв*).

4. Банковская лексика советского периода и новейшие заимствования

Банковская лексика советского периода находилась в состоянии стагнации. Специальная лексика становилась идеологически связанной с мифами советского общественного сознания, термин переосмыслялся с когнитивной точки зрения, происходила своеобразная семантизация лексики. Эти процессы отражались в словарных статьях толковых словарей того времени. В качестве наглядного примера приведу толкование термина *ипотека*:

«зalog недвижимого имущества, земли с целью получения ссуды, т. н. ипотечного кредита. Ипотека широко распространена в экономике современного капитализма. Она позволяет капиталистическому предпринимателю увеличивать долю производительного свободного капитала. В социалистических странах земля не является объектом купли, продажи и залога, поэтому ипотека не существует» (СОВЭС: 502).

После смены политико-экономической системы и возврата к системе рыночных отношений многие слова из состава банковской лексики утратили свою идеологическую окраску, приобрели свойственное им значение и вошли в активный словарь как банковских работников, так и других носителей русского языка.

Итак, исторически обусловленный возврат российской экономики к рыночным отношениям дал мощный толчок развитию банковской системы и, соответственно, языку специальности, находившемуся в предыдущий советский период в застойном состоянии. Банковская лексика пополняется с одной стороны за счет «возвращения» обозначающих основополагающие понятия специальности терминов, с другой стороны – посредством новейших заимствований, «трансплантирующих» на русскую почву передовые технологии профессии.

Лингвисты подчеркивают исключительное влияние заимствований на состав специальной лексики, а также «позитивный настрой носителей русского языка в отношении заимствований, что влечет увеличение их числа» (БАЛАКИНА–ВИСИЛИЦКАЯ 2014:33). Банковский словарь активно пополняется как калькированными специальными лексическими единицами (*воздушная яма* – air pocket; *ползущая привязка* – crawling peg; *плавающий курс валюты* – floating exchange rate), так и заимствованными в «готовом виде» терминами, в большинстве своем адаптируемыми в русском языке способом практической транскрипции, представляющей собой «запись иноязычных слов средствами национального алфавита с учетом их произношения» (БЭС 1997: 568) (см. *аутсорсинг, рейтинг, трейдинг, франчайзинг, тайминг* и т.д.).

Среди новейших заимствований я выделила многочисленные англицизмы, оканчивающиеся на *-инг*. О полной освоенности собранных из специальных текстов 43 «инговых» англицизмов свидетельствуют те факты, что они склоняются, от них активно образуются новые производные слова, обычно бинарные структуры, реже – деривационные цепочки от иностранного корня по продуктивным моделям русского языка, а также собственно русские слова.

В качестве примера приведу псевдоанглицизм *кобейджинг* – от англ. *co-badged cards* ← приставка *co* + прилагательное *badged* в значении 'клеимый, с меткой'. *Co-badged cards* – банковская карта, выпущенная в сотрудничестве несколькими платежными системами, обычно двумя. Счет карты работает в двух системах, в отличие от стандартной карты, где счет обслуживается только в одной системе².

В английском языке инговой формы от *co-badged* мной не обнаружено. Этот факт позволяет предположить, что в русском языке английское словосочетание *co-badged cards* легло в основу создания обозначающего новое явление в банковской сфере термина по принципу гиперкоррекции с использованием иноязычного суффикса *-инг* и полным осознанием англий-

² Словарь банковских терминов и экономических понятий (<http://www.banki.ru/wikibank/>).

ского происхождения корня – *кобейджинг* (‘объединение платежных систем’), с последующим созданием от новообразования прилагательного в составе двухкомпонентного термина *кобейджинговая карта*. Встречающаяся в языке прессы форма *кобэйджинг* / *кобэйджинговый* свидетельствует о еще не завершенном процессе адаптации слова.

В заключение отмечу, что банковская терминосфера современного русского языка является открытой интегрирующей системой языковых средств, предназначенных для оперирования специальными знаниями в соответствующих контекстах деловой и профессиональной деятельности. Учитывая структуру функционирования банков, их работу на международном уровне, внедрение в банковскую лексику заимствований – прежде всего из ставшего языком межнационального общения английского языка – просто неизбежно.

Словари

- БЭС = ПРОХОРОВ А. М. (ред.) *Большой энциклопедический словарь*. Издание 2-е. Москва: «Большая Российская энциклопедия», 1997.
- БЭСБ = *Словарь экономических терминов*. <https://tochka.com/info/glossary> = БОРИСОВ А. Б. *Большой экономический словарь*. Москва: «Книжный мир», 2003.
- ЕФРЕМОВА 2000 = ЕФРЕМОВА Т. Ф. *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*. Москва: «Русский язык», 2000. http://slovonline.ru/slovar_efremova/.
- МАС = ЕВГЕНЬЕВА А. П. (ред.) *Словарь русского языка*. Т. 1–4. Издание 2-е. Москва: «Русский язык», 1981–1984.
- СлРЯ XVIII = *Словарь русского языка XVIII века*. Вып. 1–19. Ленинград / Санкт-Петербург: «Наука», 1984–2011. [Электронная версия: <http://www.feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/>.]
- СОВЭС = ПРОХОРОВ А. М. (ред.) *Советский энциклопедический словарь*. Издание 3-е. Москва: «Советская энциклопедия», 1985.
- ССЭТ = РАЙЗБЕРГ Б. А., ЛОЗОВСКИЙ Л. Ш. *Словарь современных экономических терминов*. Москва: «Айрис-пресс», 2008.
- СЭС = РАЙЗБЕРГ Б. А., ЛОЗОВСКИЙ Л. Ш., СТАРОДУБЦЕВА Е. Б. *Современный экономический словарь*. Издание 2-е. Москва: «ИНФРА-М», 1999.
- УШ = УШАКОВ Д. Н. (ред.) *Толковый словарь русского языка*. Т. 1–4. Москва: «Советская энциклопедия», 1935–1940.
- ФАСМЕР = ФАСМЕР М.: *Этимологический словарь русского языка*. Т. 1–4. Москва: «Прогресс», 1986–1987.
- ШЭС = ШАПОШНИКОВ А. К. *Этимологический словарь современного русского языка*. Т. 1–2. Москва: «Флинта», «Наука», 2010.
- ЭСШ = ШАНСКИЙ Н. М. *Этимологический словарь русского языка*. Вып. 1–11. Москва: «Изд-во Московского ун-та», 1963–2014.

Литература

- БАЛАКИНА–ВИСИЛИЦКАЯ 2014 = БАЛАКИНА Ю. В., ВИСИЛИЦКАЯ Е. М. Англоязычные заимствования экономической тематики в вербальном лексиконе русской языковой личности в период глобализации. *Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация»* 2014/2: 29–34.
- БИРЖАКОВА И ДР. 1972 = БИРЖАКОВА Е. Э., ВОЙНОВА Л. А., КУТИНА Л. Л. *Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования*. Ленинград: «Наука», 1972.
- ЗОЛТАН 2002 = ЗОЛТАН А. Пути проникновения западнорусской лексики в великорусский деловой язык XV в. В кн.: *Из истории русской культуры*. Т. 2. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. Москва: «Языки славянской культуры», 2002. 766–804.
- КОМАРОВА 2004 = КОМАРОВА А. И. *Функциональная стилистика: научная речь. Язык для специальных целей (LSP)*. Москва: «Эдиториал УРСС», 2004.
- КРЫСИН 1996 = КРЫСИН Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни. В кн.: ЗЕМСКАЯ Е. А. (ред.) *Русский язык конца XX столетия (1985–1995)*. Москва: «Языки русской культуры», 1996. 142–161.
- ЛЕЙЧИК 2009 = ЛЕЙЧИК В. М. *Терминоведение. Предмет, методы, структура*. Москва: «Либроком», 2009.
- МОРОЗАН 2001 = МОРОЗАН В. В. *История банковского дела в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.)*. Санкт-Петербург: «Изд-во СПбГУ», 2001.
- МОРОЗАН И ДР. 2005 = МОРОЗАН В. В. и др. *Кредит и банки в России до начала XX в. Санкт-Петербург и Москва*. Санкт-Петербург: «Изд-во СПбГУ», 2005.
- ЧИРКИНА–ЮШИНА 2007 = ЧИРКИНА М. И., ЮШИНА Е. В. Анализ практики юридического и финансово-экономического перевода. *Мосты* 2007/1: 39–44.
- ЮХТ 1994 = ЮХТ А. И. *Русские деньги от Петра Великого до Александра I*. Москва: «Финансы и статистика», 1994.
- KURTÁN 2003 = KURTÁN Zs. *Szakmai nyelvhasználat*. Budapest: Nemzeti Tankönyvkiadó, 2003.
- PEARSON 1998 = PEARSON J. *Terms in Context*. Amsterdam–Philadelphia: John Benjamins, 1998.

Источники

- НКРЯ = Национальный корпус русского языка. <http://ruscorpora.ru>
- ПСЗ = Полное собрание законов Российской империи.
http://www.nlr.ru/e-res/law_r/descript.html
- Материалы прессы за 2013–2016 гг. (*Коммерсантъ*, *Ведомости*, *Финансовые известия*, *Эксперт*, *Вести-Финансы*, *Аргументы и факты*, *РБК Дейли*).

И. А. МАЛЫШЕВА

Слова с *пре-*, *пред-* в русском языке XVIII века*

Words with *pre-*, *pred-* in eighteenth-century Russian

Abstract: In the article a general survey of derivatives with the prefixes *pre-* and *pred-* is made. Basic lexical groups composed by these derivatives and correlation of the same root words with prefixes *пре-*, *пред-* and *пере-*, *перед-* are examined. Innovations which make up a considerable layer among the derivatives with *pre-* and *pred-*, and isolated (individual) lexemes fixed in fiction and translated texts are displayed. Dynamics (activization and extinction) in the usage of these linguistic units is considered.

Keywords: Russian language, 18th century, vocabulary, prefixed derivatives.

Одной из характерных черт русского языка XVIII века является значительное расширение словопроизводственной базы, увеличение числа образований с префиксами, активное вовлечение в круг приставочных образований новых основ. Этот языковой материал (в том числе и образования с *пре-* / *пред-*) сыграл существенную роль в развитии и функционировании семантических, грамматических и стилистических свойств русского языка, в становлении языковых норм литературного языка Нового времени.

Исследование префиксальных образований представляет собой важную часть общего изучения лексических новообразований XVIII века, однако этому типу словообразования уделено значительно меньше внимания, чем, например, образованиям суффиксальным. Так, авторы коллективной монографии, посвященной исследованию словообразовательной неологии XVIII века (МАЛЫЦЕВА–МОЛОТКОВ–ПЕТРОВА 1975), описали именно суффиксальные новообразования. То же самое можно сказать о коллективной монографии, посвященной истории лексики конца XVII – начала XIX века (Филин 1981): в разделе, посвященном вопросам пополнения лексического состава XVIII века, основное внимание обращено на суффиксальные образования и заимствования.

Эмпирической базой исследования слов с префиксами *пре-*, *пред-* в русском языке XVIII века выступает Картоoteca *Словаря русского языка XVIII века*, являющаяся наиболее полным и научно систематизированным собранием лексики данного периода, и создаваемый на ее основе (с привле-

* Статья написана в рамках проекта «Историко-лексикологическое исследование и лексикографическое описание русского языка XVIII века (префиксальные образования с *пре-* и *пред-*)», выполняемого при поддержке гранта РФФИ (проект № 18–012–00522).

чением большого количества новых источников) Реестр лексики русского языка XVIII века (проект «Лексический фонд русского языка XVIII века»¹) (МАЛЫШЕВА 2013, МАЛЫШЕВА 2015). Оба собрания (Картотека и Реестр) позволяют установить общий объем образований с префиксами *пре-* и *пред-*: на данный момент корпус слов с *пре-/пред-* содержит свыше 2000 единиц, разных по своему значению, стилистическим характеристикам, активности в языке XVIII в., продуктивности образования и т. д. (для сравнения заметим, что в САР¹, по подсчетам В. В. Веселитского, зафиксировано около 250 слов с *пред-* (ВЕСЕЛИТСКИЙ 1972: 64), в наших материалах – свыше 600 слов). Кроме того, работа с новыми источниками позволяет дополнять имеющийся материал, в частности, в последнее время были включены в Картотеку и Реестр такие слова, как *предгрести*, *предденный*, *предзахватить*, *предузнавать*, *предлагательный*, *предложительный*, *предображенный*, *предпинать*, *предповелеть*, *предрицатель*, *предсиять*, *предсмотреть*, *предстражие*, *предусматривание*, *предуспывание*, *предчинный*, *преемнический*, *преестественность*, *прежить*, *преизобильный*, *премерзкий* и мн. др.

В языке XVIII в. активность образований с данными приставками была высока. Большой лексический пласт с префиксом *пре-* составляют прилагательные, выражающие высшую степень признака, многие из которых сохранили свою активность и в современном языке: *преважный*, *превеликий*, *превкусный*, *превысокий*, *прегустой*, *предивный*, *предлинный*, *предобрый*, *преддрагоценный*, *предурный*, *презлгий*, *преизрядный*, *преютгий*, *премалгий*, *пресвѣтлгий*, *преобширный*, *пресильный*, *пресильный*, *прескверный*, *престранный*, *претемный*, *прехвальный* и мн. др.).

Данные образования были очень продуктивны, в том числе нередко прилагательные, в которых высшая (или чрезмерная) степень проявления признака выражается не только с помощью суффикса, но и «нанизыванием» приставок: *пренаивысочайший*, *пренаивеличайший*, *пренаиглубочайший*, *пренаижесточайший*, *пренаисчастливый* и под.

Значительную группу составляют глаголы: *предательствовать*, *предвѣдать*, *предвкусить*, *предсѣдать*, *предудерживать*, *преиспещрить*, *преисполнить* ‘наполнить чем-л. в большом количестве’, *прелетать*, *преломить*, *премѣститься*, *преплыть*, *прескакивать*, *претерпеть*, *претечь*, *преткнуть*, *преторгнуть* ‘перервать’, *претянуть*, *преудобрить* ‘украсить’, *преудручать*, *преукорить*, *преукрасить*, *преукрощать*, *преумолять*, *преусладить*, *преусугубить*, *преуспѣть*, *преутверждать*, *преутеснять*, *преухищать* и др.

Многие из них могут быть систематизированы по общим признакам их значений (значение преодоления пространства в его поперечном сечении

¹ Проект выполнялся в 2011–2013 гг. при поддержке гранта РГНФ (проект № 11–04–00080).

(transgredi), значение интенсивности действия и др.) и при лексикографическом описании получить типовые толкования².

На протяжении XVIII столетия возникает большое количество новых слов с *пре-* и *пред-*. Например, в текстах XVIII века обнаруживаются следующие приставочные образования, отсутствующие в *Словаре русского языка XI–XVII вв.*: *превосходство, преданность, подвергаться, подверженность, подвергнуть, предвѣщаться, предвзимати, предвоспрять, предвоспринимать, предержавный, предержавство, предержавствовать, предержазость, предзастигнуть, предзанимать, предзнак, предзнаменательный, предзнать, предкончаемый, предлагательство, предлежность, предметник, предназначение, преднамерение, предначать, предъоберегаться, предобъявить, предождаемый, предопределить, предостережение, предосудительный, предохранение, предохранность, предполагаться, предположительный, предумыслить, предприемник, предсердие, предсказательный, предубеждение, пренебрежительный, преткнуть, преукорить* и др.³

Некоторые лексемы отмечаются как единичные в художественных или как окказиональные в переводных текстах: *превеличавный, превышенебесный, предмысленный, предовершитъ, предостровной, предохранность, предстражие, предсущественный, прешагнуть* и др.

В частности, достаточно большое количество подобных слов встречается в произведениях В. Тредиаковского: *преблещающий, пребесчине, превеличавный, превозлюбиться, предержавство и предержавность, предповѣрить, предсодержать, презаключить, презащищать, препроницать, преразвращенный, прераздраженный, преусугубить* и др.

В отдельных случаях возможно сделать предположение, кому может принадлежать авторство в создании слова, так, слово *предпосылка*, по данным Картотеки СРЯ XVIII, зафиксировано только у Радищева:

- (1) Из предѣидушаго видѣли мы, что мысленность челоѣку сосущественна, что она его составляет особенность ... Мы видѣли также, что совершенствование, ея есть свойство неотдѣлимое; ... В слѣдствие сих предпосылок, челоѣк во время жития своего дает всѣм силам своим всю возможную разширенность.⁴

² Истории глаголов с неполногласными приставками (XI–XVII вв.) посвящена монография И. С. Улуханова. Перечень глаголов с *пре-* и *пред-*, приведенный в данной монографии, содержит 1117 единиц (УЛУХАНОВ 2010: 255–263).

³ В названной монографии о лексических новообразованиях XVIII века приводится около ста слов с *пре-* и *пред-* (МАЛЬЦЕВА–МОЛОТКОВ–ПЕТРОВА 1975 329–330).

⁴ В. Виноградов относит его к книжным словам, не указывает времени его появления, но о глаголе *предпослать* пишет следующее: «Глагол *предпослать* возродился с этим значением не ранее середины XIX в. Я. К. Грот относил его к числу слов, искусственно привитых русскому языку в 50–60-е гг. ... Слово же *предпосылка*, конечно, связано с употреблением слова *посылка* в логике. Слово *предпосылка* не отмечено ни одним словарем русского языка до второй половины XIX в. Его нет в словаре 1847 г. Любопытно, что соответствующие понятия во французском языке передаются словом *prémisse*» (ВИНОГРАДОВ 1999: 539). Глагол *предпослати* зафиксирован в СРЯ XI–XVII (18: 205). И. С. Улуханов называет глагол *предъпослати* в группе древних, но менее употребительных в древнерусских памятниках

Предполагают, что это калька франц. *prémisse* (< лат. *praemissa* ‘по-сланная вперед, раньше’), ранней фиксацией называют включение этого слова в *Словарь Даля* (1868) (АРАПОВА 2000: 191)⁵.

Часть лексем на протяжении столетия вышла из употребления: *пребеззаконник, пребеззаконствовать, пребóльший, пребречь, превлачити, превредити* и др. или устойчиво сохранила помету *Слав.* (славянское, славянизм): *превитати, перевозмутити, предглаголати, прегрешити, предвождати* и др.

Объем и разнообразие слов с *пре-* и *пред-*, сложность этого материала вызывает необходимость исследования данной группы слов в разных аспектах.

Большой интерес представляет семантика слов, вошедших в русский язык в XVIII веке и развивших широкий спектр значений при постепенном расширении своей употребительности и сочетаемости с другими словами.

Так, слово *предмет* входит в русский язык в начале столетия, развивает сложную систему значений (входя в синонимические отношения со словами *объект, предлог, вещь, цель* и др.) и достаточно широкий круг свободной и связанной сочетаемости: ‘некая целостность, выделяемая в процессе предметно-практической и познавательной деятельности человека’ (*предмет вещественный, чувственный, умственный; предмет неодушевленный; предмет роскоши* и др.), ‘то, на что направлена какая-л. деятельность, на чем сосредоточено чье-л. внимание; объект’, ‘возлюбленный или возлюбленная’, ‘объект описания, обсуждения, повествования и т. п., содержание чего-л.; тема’, ‘цель, намерение’, ‘круг знаний, образующий особую научную или учебную дисциплину’. Материал КС XVIII показывает постепенное нарастание активности данного слова: если в первой трети отмечается всего несколько употреблений, то 60–70-е гг. дают десятки примеров употребления его практически в полном спектре установившихся значений.

Об истории происхождения слова *предмет*, времени его вхождения в лексическую систему русского языка, о развитии его семантической структуры, о гипотетическом авторстве данного слова-кальки писали В. В. Виноградов (ВИНОГРАДОВ 1999: 536–538), Г. Хютль-Ворт (HÜTTLE-WORT 1956: 157–158), В. В. Веселитский (ВЕСЕЛИТСКИЙ 1972: 61–67), М. Смит (SMITH 2006: 48–50). Было опровергнуто мнение, что слово *предмет* в русский язык ввел В. Третьяковский, поскольку Ю. С. Сорокиным были обнаружены более ранние примеры (1720 г.) в *Журнале или Поденной записке Петра Великого*, где *предмет* употреблено в значении ‘результат, ради достижения которого осуществляются определенные действия; цель’:

глаголов («они отмечены в памятниках XI–XIV вв. и продолжают употребляться в более позднюю эпоху») (УЛУХАНОВ 2010: 63); позднее глаголы с приставкой *пред-* (в том числе и *предпослати*) становятся показателем степени риторичности языка произведения (УЛУХАНОВ 2010: 188–189).

⁵ У Даля слово *предпосылка* дано в гнезде глагола *предпосылать* в синонимическом ряду *предпосылание, предпослание, предпосыл, предпосылка* в значении ‘действ. по гл.’ (Даль III: 388). Национальный корпус русского языка показывает самое раннее употребление данного слова в «Дневнике писателя» Ф. Достоевского (1880 г.).

- (2) Так же справедливо было, чтобы Ваше Величество <английский король> гарантировали Его Царскому Величеству его новыя завоевания, дабы учинить заплату ему за военные убытки, которая от единого упрямства Шведов толико продолжается. Ничего не может основательнѣе быть сего требования Его Царскаго Величества; понеже предмет сего намѣреваемого союза был по большей части противу Швеции.

Были высказаны сомнения в переводном (калькированном) характере слова или заимствовании его из польского языка⁶ и др.

Тем не менее имеющийся в КС XVIII материал расширяет возможности для более полного анализа данного слова. Так, А. И. Соколовым были сделаны интересные наблюдения над орфографической вариантностью слова *предмет* (*предмет* или *предмѣт*), что отражает, с одной стороны, разное понимание этимологии слова (от глагола *метать* или *мѣтить*), с другой – возможные орфографические тенденции: *предмет* в московских изданиях, *предмѣт* (или вариативность) в Санкт-Петербургских (СОКОЛОВ 2017: 82–86).

Слова, уже бытовавшие в языке, с одной стороны, развили новые значения, с другой – часть слов утратила прежние значения, снизила или расширила их активность. Так, слово *предложение* наряду с сохранявшими свою активность значениями ‘то, что предложено, предлагается на чье-л. усмотрение; вопрос, задача, которые необходимо решить’, ‘суждение’, ‘положение, основание, истина’ и др. развивает значение ‘приглашение к вступлению в брак’:

- (3) (Кашей:) Я ее за тебя выдам, только бы она согласилась: а я вѣрно знаю, что она услыша такое твое предложение, от смѣха живот надорвет (А. Сумароков. Полное собрание всех сочинений. 1787: V/109).

Слово *предлог*, которое в языке XI–XVII вв. употреблялось в значениях ‘повод’, ‘часть речи’ и др. (СлРЯ XI–XVII 17: 195; ШАПОШНИКОВ 2010 2: 199–200),

– развивает новое значение ‘объект, предмет’:

- (4) Предлоги общия бесѣды К себѣ усердья всѣх влекут (В. Петров. Сочинения. 1782: 11);

– активизирует значение ‘причина, основание, благовидный повод’;
– утрачивает значение ‘раздел, параграф’ (в КС XVIII единичные примеры последнего значения относятся исключительно к началу века).

Как уже сказано, русский язык XVIII столетия дает много примеров лексической неологии. Одним из активных способов возникновения новых слов было калькирование.

⁶ См.: (ВЕСЕЛИТСКИЙ 1972: 63–65). Заметим, что слово *предмет* как предполагаемое польское заимствование не включено в словарь Л. В. Гарбуль (ГАРБУЛЬ 2014), ни как калькированное слово в словарь Н. С. Араповой (АРАПОВА 2000), однако описывается как калька с французского языка в книге М. Smith (SMITH 2006: 48), осторожно дана этимология слова *предмет* в словаре А. К. Шапошникова: «Рус.-цслав. словообразовательная калька лат. *objectum* с оглядкой на польск. *przedmiot*» (ШАПОШНИКОВ 2010: 200).

Словари и исследования относят к калькам XVIII в. такие слова, как *предместье* (ФАСМЕР III: 357)⁷, *предмет* (ФАСМЕР III: 357; ШАПОШНИКОВ 2: 200), *предполагать* (ФАСМЕР III: 357), *предприятие* (ФАСМЕР III: 357; ШАПОШНИКОВ 2: 201), *предрассудок* (ФАСМЕР III: 357; ШАПОШНИКОВ 2: 202); *представитель* (ШАПОШНИКОВ 2: 202), *предначертание*, *предосторожность*, *предосудительный*, *предплечие*, *предпосылка*, *предприимчивый*, *предприниматель*, *предрасполагать*, *предрасположение*, *предсердие*, *предсуществование*, *предсуществовать*, *предупредительность*, *предшественник*, *предыстория*, *прекраснодушие*, *преломляемость*, *преобразователь*, *пресноводный* и др. (АРАПОВА 2000: 190–193). Кстати сказать, данные КС XVIII в. вносят исправления и уточнения в материалы словарей. Например, раннюю фиксацию слова *предвзятый*⁸ в значении ‘взятый раньше’ словари подтверждают 1731 г. со ссылкой на Вейсманнов лексикон (АРАПОВА 2000: 190), однако оно употреблено в 1722 г. в переводе И. И. Ильинского с лат. яз. «Книги систимы» Д. Кантемира:

- (5) Увидѣвъ же яко дядя его, и другія множайшіе, ему послѣдующіе ... от предвзятія вѣры отступают ... начал <Мухаммед> прилѣжнѣе и пространнѣе таинства Курановы ... изъяснати и толковати.

Раннюю фиксацию слова *предпринимать* относят, по *Российскому Целлариусу*, к 1771 г. (АРАПОВА 2000: 191), но оно зафиксировано в 1757 г. в переводе И. Елагина романа А. Прево «Приключения маркиза Г. ...»:

- (6) Но люди сколько бы намѣрений ни предпринимали, однако они подвержены перемѣнѣ!

Так же 1771-м годом определяется ранняя фиксация слова *предшественник*: «впервые отмечается в Росс. Целлариусе 1771 г.» (АРАПОВА 2000: 192), по данным КС XVIII, первые употребления связаны с документами Петровского времени:

- (7) Что касается ... да Аландскаго конгресса, на сие уже учинено все нужное изъяснение в предложении, которое мой предшественник имѣл честь поднести Вашему Величеству.

Соотносительный анализ образований с приставками *пре-/пред-* с однокоренными образованиями с *пере-/перед-* прежде всего связан с исследованием семантики: *прейти – перейти, премѣна – перемѣна, премѣнить – перемѣнить, премѣнный – перемѣнный, прервать – перервать, пресѣчь – пересѣчь, преступить – переступить, прехватить – перехватить, прехитрить – перехитрить* и др.

Однако не менее важной и сложной является лексикографическая проблема, обусловленная общим (в одной словарной статье) или отдельным

⁷ Л. Гарбуль рассматривает данное слово как заимствование из польского языка (ГАРБУЛЬ 2014: 137).

⁸ О слове *предвзятый* см. также (ВИНОГРАДОВ 1999: 534–536).

описанием данных слов в словаре. Так, в СРЯ XVIII достаточно большое число слов с *пре-/пред-* разработаны в одной статье с полногласными соответствиями: *перевести–превести, перевить–превити, передвинуть–предвигнути, передовой–предовой, передать–предати, презимовать–презимовати, перекладина–прекладина, перелить–прелити, переметпремет, перемгшать–премгшати, перемгшение–премгшение, перемудрить–премудрити, переплыть–преплыти, перепонка–препонка, переселить–преселити, перехватить–прехватить, перехитрить–прехитрить* и др. (СРЯ XVIII 19: 41, 43, 54, 56, 58 и след.).

Но в то же время немало статей, в которых описано только слово с полногласием, поскольку неполногласные соответствия имеют свои особенности в семантике, сочетаемости, употреблении и пр. Так, в разных словарных статьях должны быть разработаны такие слова, как *передать* (СРЯ XVIII 19: 57) и *предать; переложить* (СРЯ XVIII 19: 87) и *преложить; переломление* (СРЯ XVIII 19: 90) и *преломление; перемена* (СРЯ XVIII 19: 92–93) и *премена; переменить* (СРЯ XVIII 19: 94–95) и *применить; пересечь–пересекать* (СРЯ XVIII 19: 133) и *пресечь–пресекати; перетерпеть* (СРЯ XVIII 19: 148) и *претерпеть* и др.

Причины раздельной лексикографической разработки слов могут быть разными. Например, слово с полногласием становится редким, а более употребительной выступает его неполногласная пара. Слово *преклонить* зафиксировано в первой половине столетия (1742 г.), в СРЯ XVIII сопровождается пометой *Редко* и толкуется через отсылку *То же, что преклонить* (2) (СРЯ XVIII 19: 76–77). В то время как глагол *преклонить* становится употребительным в разных значениях: ‘нагнуть, наклонить. приклонить’, ‘склонить к чему-л, убедить в чем-л.’, ‘привлечь к себе, на свою сторону’. Слово *перестарелый* подтверждено только словарными материалами XVIII века. (СРЯ XVIII 19: 140), а его неполногласный эквивалент очень активен, имеет широкую сочетаемость (*престарелая барышня, кокетка; престарелый век, летá, дни ...*) и употребляется не только по отношению к человеку (*престарелые животные, престарелое дерево*).

Ряд слов с полногласием является неологизмом XVIII века и не имеет неполногласного соответствия: *перерывистый, перерывать, переспорить, перессорить, пересытиться, перетащиться, переувзреть, перехвалить, перечислить, перечитать, перешагнуть, перешарить, перешептываться, перещелкать* и др. (СРЯ XVIII 19: 129, 139, 146, 147, 153 и след.).

Исследования слов с *пре-* и *пред-* в русском языке XVIII века позволят дополнить и расширить представления о составе, семантических характеристиках и особенностях функционирования важного пласта лексики русского языка XVIII века, могут быть учтены и использованы при анализе процессов словообразования в русском языке Нового времени, при изучении семантики префиксальных образований.

Словари и картотеки

- АРАПОВА 2000 = АРАПОВА Н. С. *Кальки в русском языке послепетровского периода. Опыт словаря*. Москва: «Изд-во МГУ», 2000.
- ГАРБУЛЬ = ГАРБУЛЬ Л. *Лексические полонизмы в русском приказном языке первой половины XVII века*. Вильнюс: «Изд-во Вильнюсского ун-та», 2014.
- ДАЛЬ = ДАЛЬ В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. Москва: «Гос. изд-во иностр. и нац. словарей», 1955.
- КС XVIII = Картотека «Словаря русского языка XVIII века». (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург).
- САР¹ = Словарь Академии Российской. Ч. I–VI. Санкт-Петербург, 1789–1794.
- СлРЯ XI–XVII = Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30. Москва, 1972–2015.
- СРЯ XVIII = Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–21. Ленинград, Санкт-Петербург, 1984–2015.
- ШАПОШНИКОВ 2010 = ШАПОШНИКОВ А. К. *Этимологический словарь современного русского языка*. Т. 1–2. Москва: «Флинта», «Наука», 2010.
- ФАСМЕР = ФАСМЕР М. *Этимологический словарь русского языка*. Т. I–IV. Москва: «Прогресс», 1986–1987.

Литература

- ВЕСЕЛИТСКИЙ 1972 = ВЕСЕЛИТСКИЙ В. В. *Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII – начала XIX в.* Москва: «Наука», 1972.
- ВИНОГРАДОВ 1999 = ВИНОГРАДОВ В. В. *История слов*. Москва: «Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН», 1999.
- МАЛЫШЕВА 2013 = МАЛЫШЕВА И. А. (ред.) *Лексический фонд русского языка XVIII века. Инструкция по составлению Регистра лексики русского языка XVIII века*. Санкт-Петербург: «Нестор–История», 2013.
- МАЛЫШЕВА 2015 = МАЛЫШЕВА И. А. Реестровое представление лексики русского языка XVIII века. В кн.: ШУМСКА Д., ОЗГА К. (ред.) *Язык и метод. 3. Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века: Лингвистический анализ на грани методологического срыва*. Краков: «Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego», 2015. 23–33.
- МАЛЫЦЕВА–МОЛОТКОВ–ПЕТРОВА 1975 = МАЛЫЦЕВА И. М., МОЛОТКОВ А. И., ПЕТРОВА З. М. *Лексические новообразования в русском языке XVIII века*. Ленинград: «Наука», 1975.
- СОКОЛОВ 2017 = СОКОЛОВ А. И. К истории слова *предмет*. В кн.: Осипова Е. П. (ред.) *И. И. Срезневский и русское историческое языкознание: опыт и перспективы. К 205-летию со дня рождения И. И. Срезневского*. Рязань: «Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина», 2017. 81–87.
- УЛУХАНОВ 2010 = УЛУХАНОВ И. С. *Славянизмы в русском языке. Глаголы с неполногласными приставками*. Москва: «URSS», 2010.
- ФИЛИН 1981 = ФИЛИН Ф. П. (ред.) *История лексики русского литературного языка конца XVII – начала XIX века*. Москва: «Наука», 1981.
- SMITH 2006 = SMITH M. *The Influence of French on Eighteenth-Century Literary Russian. Semantic and Phraseological Calques*. Oxford: Peter Lang, 2006.

О. Г. ОЛЕХНОВИЧ

**Особенности формирования фитонимов
с метафорической мотивированностью**

На примере названий лекарственных растений XVII в.

**Peculiarities of formation of phytonyms
with metaphorical motivation**

The case of the medicinal plants names of the 17th century

Abstract: Medicinal plants have been used officially in Russia since the 17th century. The manuscripts of the Apothecary Order have been used for the analysis. We have not only revealed these correspondences, but also compared the phytonyms with modern ones, and carried out the contrastive analysis of Latin and Russian names. The phytonyms of metaphorical origin were the subject of our study. They are very diverse. Some phytonyms generally kept metaphorical signs, but in a different design - with lexical changes; with other affixes; with a modified syntactic structure. Other phytonyms were formed according to a different metaphorical scenario. The formation of Russian phytonyms occurred under the influence of the Latin language, but with the maximum use of internal language resources.

Keywords: metaphorical nomination, contrastive analysis, phytonyms

В последнее время заметно возрастает интерес лингвистов к анализу фитонимической лексики¹. Некоторые работы связаны с контрастивным анализом фитонимов. Подобные исследования проводились на материале немецкого, английского, французского, испанского, эстонского и других языков. Несмотря на тщательный анализ, практически никто из авторов не обращался к латинскому языку. А ведь он в фитонимике играет ключевую роль, поскольку вся история формирования фитонимов так или иначе связана с латинским языком. Современная международная номенклатура опубликована на латинском языке. Кроме того, среди лингвистических исследований недостаточно работ диахронического характера, посвященных истории формирования этой лексической группы.

Материалом нашего исследования послужили фитонимы с метафорической мотивированностью, встречающиеся в Документах Аптекарского Приказа (ДАП).

¹ Меркулова В. А., Рябко О. П., Абрегов А. Н., Копчева В. В., Коновалова Н. И., Панасенко Н. И., Почепцова Л. Д., Гутман Е. А., Литвина Ф. А., Черемисина М. И., Троянова Т. А., Минова Е. Е., Гак В. Г.

Для анализа были использованы рукописи, основная часть которых хранится в г. Москве в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА).²

Часть рукописей была опубликована в Санкт-Петербурге Н. Е. Мамоновым³, а также в *Актах исторических, собранных и изданных Археологической комиссией*.

В русском языковом материале имеется значительное количество примеров метафорических образований. Мы определили, какие мотивационные признаки оказались предпочтительными. Кроме того, были установлены латинско-русские соответствия и проведен контрастивный анализ, в результате которого были выявлены общие и специфические черты семантического развития метафор в латинском и русском языках.

До XVII в. основу медицинской письменности в России составляли в основном компилятивные тексты – лечебники и травники. Несмотря на некоторую схожесть, они не имели единой структуры, а использованные в них фитонимы были очень разнородны.

В документах XVII в. наблюдаются значительные изменения в этой лексической группе – расширяются ее границы, значительно пополняется словарь, начинает проявляться номинативная структура фитонима. Этому способствовало создание государственного медицинского учреждения в России *Аптекарского Приказа*, которое распоряжалось всем медицинским и аптечным делом. Именно в этот период отмечается активный приезд иностранцев, ввозится огромное количество лекарственных средств, создаются аптеки.

«Русский язык обогащается интернациональными терминами, воспринимаемыми через посредство не только греческого, но и ученого международного языка средневековой европейской науки – языка латинского» (ВИНОГРАДОВ 1978: 190).

Реверанс в сторону Западной Европы совсем не означал, что западно-европейские стандарты были приняты в полном объеме. Языковые средства отбирались с максимальным использованием внутренних языковых ресурсов.

В рассматриваемый период формируются совершенно новые жанры медицинской документации с разнообразным фитонимическим наполнением: *Сказка, Рецепт, Роспись*. В ДАП встречаются практически все известные в России XVII в. медицинские термины не только на русском, но и на латинском языке. Прежде всего, это относится к названиям лекарственных средств растительного происхождения. Именно поэтому при формировании тезауруса лекарственных средств фитонимы периода XVII в. играют важную роль. Стоит отметить, что в рассматриваемый период ботаническая терминология была недостаточно изоморфной, также как химическая, зоологическая, фармакологическая, минералогическая она входила в состав фармацевти-

² Аптекарский Приказ, Фонд 143, 2724 ед. хр., 1629–1716 гг.

³ Материалы по истории медицины в России 1881–1885 гг. (вып. I–IV) – С.1300.

ческой терминологии. Фитонимы использовались в России практически во всех ДАП. Нами было выявлено около 500 фитонимов.

Несмотря на то, что Сказки отражали уровень медицинских знаний в России в XVII в., фитонимические вкрапления там встречаются эпизодически. Это документы, в которых фиксировались все обращения за медпомощью, результаты обследования, назначенное лечение, описание лекарств, заключительный диагноз или причины смерти. В них есть сведения о способах лечения болезней, описания ранений.

С содержательной стороны в ДАП отмечается несколько разновидностей сказок – Докторские сказки (истории болезней), Лекарские сказки (медицинские справки). Наиболее наполнены фитонимами Аптекарские сказки, в которых встречаются описания растений и лекарственных средств. Например:

- (1) Сказка доктора Коллинса о целебных свойствах валериановой травы и лапушника.
- (2) Сказка аптекаря Христиана Эглера о составленном им порошке.

В документе *Ростись* фиксировались списки лекарственных средств, привозимых из-за границы, перечень ЛС для раненых и больных, поэтому количество фитонимов в них заметно выше по сравнению с другими медицинскими документами. Их можно считать предшественниками будущих Фармакопей.

Но все-таки большая часть фитонимов встречается в медицинских рецептах XVII в.

Стоит отметить, что основной особенностью рецепта XVII в. являлось доминирование латыни, т. е. следуя европейской традиции, рецепты полностью выписывались на латинском языке, но в целях безопасности переводились на русский язык.

«Лѣкарства готовились аптекарями и алхимистами. Рецептурные отпуски находились подъ строгимъ наблюдениемъ. С этой целью были установлены специальные книги, куда записывался каждый рецептъ (съ переводомъ на русский языкъ, а также фамиліи врача, прописавшего послѣднее, и лица, который выдалъ его изъ аптеки» (Лахтин 1911: 26).

Это обстоятельство дало возможность не только сравнить фитонимы с современными названиями, но и провести контрастный анализ латинских и русских названий.

Приведем примеры из латинского рецепта и перевода их на русский язык (без указания количества вещества). Несмотря на издержки перевода, это очень ценный лексикографический материал, позволяющий рассмотреть латинско-русские соответствия: *Gummi Guaici* 'Гумы *святого дерева*'; *Santali Citrini* 'Сандалу желтого'; *Rad(icis) ireos* 'Корени *фьялкового*'; *Polypodii* 'Корени *полиподии*'; *Mellis Rosaru(m)* 'Патаки *свороборинной*'; *Salis Tabaci* 'Соли ис *табаку*'.

В рассматриваемый период заметно расширилась дифференциация фармацевтических терминов, практически сформировалась идеографическая

классификация. Стали выделяться номенклатурные группы, куда помимо названия растения входило название лекарственного сырья растительного происхождения (корень, трава, кора, цвѣтъ, сѣмя, ягоды и т. п.) – части растений, на основе которых формировались номенклатурные наименования. Приведем примеры некоторых из них: Корень *скорцены* < лат. *radix Scorzoneræ* ‘корень скорцены’; Трава *попутнику* < лат. *herba Plantaginis* ‘трава подорожника’; Кора *помаранцева* < лат. *cortex Aurantiorum*; Цвѣтъ *ловендуловой* < лат. *flores Lavendulae* ‘цветки лаванды’; Сѣмя *кроповое* < лат. *semen Anethi* ‘семя укропа’; Ягоды *земляницы* < лат. *baccæ Fragariae* ‘ягоды земляники’.

В качестве лекарств использовались также продукты первичной обработки (масло, гумми, резина), на основе которых строилась номенклатура рассматриваемого периода: Масло *анисовое* < лат. *oleum Anisi* ‘анисное масло’; Гума *гумми* лат. *gummi Gutti* ‘гумми-гут’; Смола *изъ святого дерева* < лат. *resina ligni Guajaci* ‘смола святого дерева’.

В ДАП в большом количестве фиксируются лекарства, в которых фигурируют названия лекарственных форм как новые (*сироп* < лат. *sirupus*, *сок* < лат. *succus*, *экстракт* < лат. *extractum*, *пилюля* < лат. *pilula*, *эликсир* < лат. *elixir*, *роб* ‘сироп, стуженный сок плодов, трав’ < лат. *roob* < арабск. *robb*), так и хорошо известные для того периода слова (*пластырь*, *мазь*, *порошок*). Переводчики, испытывая затруднения при переводе неологизмов, часто транслитерировали их – *тинктура* < лат. *tinctura* ‘настойка’, *спеціэс* < лат. *species* ‘лекарственный сбор’, *экстрактъ* < лат. *extractum* ‘экстракт’. Приведем примеры некоторых номенклатурных образований, в составе которых были фитонимы в сочетании с лекарственной формой: Экстрактумъ *эзули* < лат. *extractum Esulae* ‘экстракт молочая’; Робъ *рибиомъ* < лат. *roob Ribium* ‘чёрно-смородиновый роб’; Сокъ *розарумъ* // *сокъ свороборинной* < лат. *succus Rosarum* ‘сок шиповника’; Консерва *Абзеинтсъ* // *сахаръ полынной* < лат. *conserva Absinthii* ‘полынный сахар’.

Относительная неустойчивость языка периода XVII в. предопределила широкий выбор языковых единиц. Огромное количество вариантов одного и того же понятия предоставило возможность выбора более подходящего варианта, а введение в оборот латинского языка значительно ускорило этот процесс. Вариативность наблюдалась на всех уровнях языка.

Фонетическая вариантность – на письме в слабых позициях имели место ассимиляционно-диссимиляционные процессы: *Лапушникъ* // *лапушникъ* < лат. *radix Larrae majoris* ‘корень лопуха’; *Радиксъ елебурусь нигерь* // *корень гелебри нигри* // *корень элебринигри* // *корень элебри нигри* // *радиксъ элборъ черной* < лат. *radix Hellebori nigri* ‘корень чемерицы черной’; Кора *арантіаръ* // *кора аранцыоромъ* // *кора оранцыоромъ* // *кора помаранцева* // *кора поморанцовая* < лат. *cortex Aurantiorum*; Ягоды *земляницы* // *ягоды землиницы* < лат. *baccæ Fragariae* ‘ягоды земляники’.

В сильных позициях отмечалось неразличение звуковых значений и явления гиперкоррекции: Корень *скорзонера* // *скорцонелла* // *скорцены* // *скорценеллы* // *скорценерлы* // *скорценерры* // *шкорцинера* < лат. *radix*

Scorzoneræ ‘корень скорцонеры’; Сѣмя *альняное // льняное* < лат. semen *Lini*; Сѣмя *пуртерлака // пултерласка* < лат. Semen *Portulacae* ‘семя портулака’; Трава *увуларія // уфуларія* < лат. Herba *Uvulariae* ‘трава увулярии’; Трава *улмарія // умарию* < лат. Herba *Ulmariae* ‘трава таволги’.

Грамматическая вариантность наблюдалась в колебаниях рода – разные флексии встречались не только среди русских морфем, вариативность расширялась за счет иноязычных, прежде всего латинских морфем: Трава *руты // руты // руте* < лат. *Rutae*; Мазь *диалтеа // диалтеи* < лат. unguentum *dialthaeae*.

Морфологическое варьирование возникало на почве переоформления и приспособления иноязычных лексических единиц – *резина шкамонію // скамоніумъ // шкаманя* < лат. resina *Scammonii*. Иноязычные модели в рассматриваемый период хоть и использовались, но приживались плохо и практически не сохранились в русском языке – ‘*кора арантиаръ // кора аранцыоромъ*’ < лат. cortex *Aurantiorum*. Латинское название было заменено на русское – ‘*кора поморанцовая*’.

Кроме того, между собой конкурируют полные и краткие формы: *Кора поморанцовая // кора поморанцова; Цвѣтъ ловендуловъ // цвѣтъ ловендуловой*.

Морфологическая вариантность при оформлении названия растения была связана с неустойчивым использованием разных частей речи: *Корень чемерицы черной // корень чемерицной; Цвѣтъ лавендула // цвѣтъ ловендуловой; Трава попутниковая // трава попутнику*.

Синтаксическая вариантность была представлена разнообразными синтаксическими моделями: *Сыропъ барбарисовъ // сыропъ изъ соку берберисъ* < лат. sirupus *Berberidis* ‘сироп из сока барбариса’; *Сыропъ изъ маку // сыропъ изъ маку краснаго* < лат. sirupus *Papaveris* ‘сироп из мака’; *Водка чернобыльная // водка изъ травы чернобыльной* < лат. aqua *Artemisiae* ‘вода полыни обыкновенной’; *Флоръ лавендула // цвѣтъ лавендула // цвѣтъ ловендуловъ // цвѣтъ ловендуловой* < лат. flores *Lavendulae* ‘цветки лаванды’; *Липовъ цвѣтъ // цвѣтъ тиллію* < лат. flores *Tiliae* ‘цветки липы’.

Отметим лексические особенности фитонимов и их варианты периода XVII в., которые активно использовались в номенклатурных образованиях. В рассматриваемый период не было единой международной номенклатуры, поэтому некоторые латинские названия, несмотря на свою относительную устойчивость, имели не одно название. Приведем примеры таких фитонимов: *Rhoeas u Papaver erraticum* ‘мак самосейка’; *Tussilago u Farfara* ‘мать-и-мачеха’; *Glycyrrhiza u Liquiritia* ‘солодка голая’; *Inula, Enula u Helenium* ‘девясил высокий’; *Consolida major* ‘окопник лекарственный’; *Hepatica u Hepatica nobilis* ‘печеночница обыкновенная’; *Anchusa u Buglossum* ‘анхуза лекарственная’; *Borago u Flores cordiales* ‘огуречник лекарственный’; *Rosmarinus u Anthos* ‘розмарин лекарственный’.

Русских разновидностей было еще больше – каждому латинскому фитониму соответствовало несколько русских эквивалентов. Переводчики

переводили только известные названия – *полынь, капуста, береза, мята, финик, лук, чеснок, хрен, дыня, огурец, тыква*.

Для незнакомых фитонимов распространенным приемом была транслитерация латинских названий: *Мелифоліум* < от лат. *Millefolium* ‘тысячелистник’; *Капиллус венерис* < от лат. *Capillus Veneris* ‘венерин волос’; *Аниум* < от лат. *Arium* ‘сельдерей’; *Аспарегус* < от лат. *Asparagus* ‘спаржа’; *Прунелла* < от лат. *Prunella* ‘черноголовка’.

Среди незнакомых фитонимов некоторые постепенно осваивались, и сохранились до нашего времени. Среди них: *Акация* < от лат. *Acacia*; *Барбарис* < от лат. *Berberis*; *Алтей* < от лат. *Althaea*.

Некоторые растения имели и русское, и латинское название: *Белена и гиосциамус* (*Hyoscyamus* ‘белена’); *Верблюжье сено и схенантос* (*Schoenanthos* ‘андропogон’); *Трава девичьих влас и нигелла* (*Nigella* ‘чернушка’).

В результате контрастивного анализа в русском и латинском языках были установлены универсальные и национально-специфичные флористические метафоры. Были выявлены названия, очень близкие по исходному метафорическому значению в русском и латинском языке. Как показывают примеры, большинство из них составили универсальные. Одним из наиболее актуальных признаков проявила себя специфика внешней формы – цвет (*земляной дым* и *Fumaria* ‘дымянка’). Метафора здесь подчеркивает сходство в цвете и блеске. Реже метафора подчеркивает форму листьев (*большой лапушник* и *Lappa major* ‘лопух’, *медвежье ухо* и *Uva-Ursi* ‘толокнянка’ и особенности строения корня (*змеев корень* и *Bistorta* от *bis* ‘дважды’ и *torta* ‘скрученное’). В некоторых случаях название отражает вкус (*солоткое коренье* и *Glycyrrhiza* ‘солодка’ *Absinthium* ‘полынь горькая’ (видовое название которой произошло от греч. ‘без’ (отрицание) и ‘радость, удовольствие’, т.е. ‘потребляемое без удовольствия’ из-за горького вкуса полыни. С вкусовыми ощущениями ‘кислый’ связано название растения *щавель*, – ‘горький’ *горчица*. Направления метафорического переноса и семантические признаки, по которым они осуществляются, представлены в растении ‘подорожник’ лат. *Plantago* (от лат. *planta* ‘ступня’) – *попутник* (связано с русским ‘путь’) по месту месту произрастания. Реже передавались практические свойства растений, например, лекарственное назначение – *живокость* (заживляет переломы) и *Symphytum* (от греч. ‘сращивать’).

Некоторые метафоры включают в себе не один, а несколько признаков сходства (*Нератика* ‘печеночница’). Это растение напоминает орган человека не только по форме, но и по цвету.

Другую группу составили фитонимы, у которых метафорическое значение отражалось только в одном языке, а в другом – метафоризации не наблюдалось. Так, название *Taraxacum* ‘одуванчик’ не связано с метафоризацией, зато в русском языке наблюдается несколько номинаций, среди которых – *зуб львов* (по форме листьев, похожих на львиный зуб) и *попова скуфья* (по форме цветка, которая напоминала православный головной убор). Латинский фитоним *Euphrasia* связывают с греческим именем, а русский – *очная помочь* связан с лечением глазных болезней (от *око* ‘глаз’).

В третью группу объединились эндемичные фитонимы, соотносимые лексемы которых метафоризируются в обоих языках, но имеют разные источники метафоризации. Например, метафора, основанная на признаке ‘наличие шипов у растения’ – важный признак, который нередко актуализируется в наименованиях *свороборинник* > *шиповник*. Национально-специфичные флористические метафоры встречаются в метафорах по месту произрастания – *чернобыль*, *можжевель*.

Русский фитоним *земляника* метафоризируется по характеру произрастания (стелется по земле), а латинское *Fragaria*, в свою очередь, – по душистому запаху. Современное *манжетка* – по форме листьев, а латинское *Alchemilla* – по использованию в алхимии, старое название этого же растения *львово копыто* – по особенностям строения листа. Современное *валериана* – *Valeriana* по лекарственным свойствам, а старое название *кошкина трава* – по особому воздействию на кошек. Современное *сушеница* – *Gnaphalium* метафоризируется по особенностям строения, а старое уже забытое название *жабная трава* – по способности лечить грудную жабу.

Одни фитонимы сохранили метафорические признаки в ином оформлении – с лексическими изменениями: *свороборинник* > *шиповник*, *попутник* > *подорожник*. Другие – приобрели новые аффиксы с новыми аффиксами: *Аро* > *аронник*, *чернобыль* > *чернобыльник*; *Лопушникъ* > *лопух*; *Земляница* > *земляника*; *Кропъ* > *укроп*. Ниже следуют фитонимы с сохранением корневой морфемы, но измененной синтаксической структурой: *Волчьи ягоды* > *волчник*; *Девесилное коренье* > *девясил*; *Трава чернобыльная* > *чернобыльник*; *Трава золототысечи* > *золототысячник*; *Солоткое коренье* > *солодка*; *Очная помочь* > *очанка*; *Синеворотная трава* > *синеголовник*; *Чечюня* > *горец почечуйный*. Существуют фитонимы с частично измененной метафоризацией: *Жеребьяче копыто* > *копытенъ европейский*.

Третьи фитонимы формировались по иному метафорическому сценарию с ориентацией на местный лексический материал: *Пульмонария* > *медуница*; *Медвежье ухо* > *толокнянка*; *Чижовъ глазъ* > *пастушья сумка*; *Проскурникъ* > *коровяк*; *Львово копыто* > *манжетка*; *Горчица дикая* > *желтушник*; *Куръ зелье* > *пролесник*; *Трава девичьихъ влась* > *чернушка*.

Для следующих фитонимов характерна ориентация на латинские образцы: *Сонцева сестра* > *цикорий* (лат. *Cichorium*); *Проскурник большой* > *алтей* (лат. *Althaea*); *Верблюжье сено* > *андропогон* (лат. *Andropogon*); *Дивий мед* > *кассия* (лат. *Cassia*); *Кишнець* > *кориандр* (лат. *Coriandrum*); *Бобковое дерево* > *лавр* (от лат. *Laurus*).

Как показывают примеры, фитонимы XVII в. отличались большим разнообразием. Формирование названий происходило под влиянием латинского языка. Но, несмотря на это, отбор языковых средств осуществлялся с максимальным использованием внутренних языковых ресурсов.

Итоги периода XVII в. были определяющими для дальнейшего развития не только фитонимов, но и фармацевтических терминов, в составе которых они встречаются. Большая вариативность на всех языковых уровнях, непоследовательность номинации от экономичных до громоздких наименований предоставила возможность для выбора наиболее подходящих. Именно

поэтому, несмотря на слабую терминологичность, фитонимическая лексическая группа сформировалась за короткий период и определила свои характерные особенности.

Сокращения

ДАП – Документах Аптекарского Приказа

лат. – латинский язык

РГАДА – Российский Государственный Архив Древних Актов

Словари

ФАСМЕР 1996 = ФАСМЕР М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. Издание 3-е, стереотип. Москва: «Азбука-Терра», 1996.

Литература

Виноградов 1978 = Виноградов В. В. *История русского литературного языка*. Москва: «Наука», 1978.

Качалкин 1988 = Качалкин А. Н. *Жанры русского документа допетровской эпохи*. Часть II: Филологический метод анализа документов. Москва: «Изд-во Московского университета», 1988.

ЛАХТИН 1911 = ЛАХТИН М. Ю. *Старинные памятники медицинской письменности*. Москва, 1911.

ЧЕРНЫХ 1999 = ЧЕРНЫХ П. Я. *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. Издание 3-е. Москва: «Русский язык», 1999.

Источники

РГАДА = Российский Государственный Архив Древних Актов г. Москве Фонд 143, 2724 ед. хр., Оп.1-3, 1629-1716 гг.

П. ПАТРОВИЧ

«Что старого» в русской лексике?

Несколько замечаний по поводу
некоторых слов скандинавского происхождения в русском языке

What's the old in the Russian vocabulary?

Some remarks on some words
of Scandinavian origin in the Russian language

Abstract: The present paper deals with the Scandinavian lexical influence on Russian. The author gives a brief description of the historical background of the Eastern Slavic – North Germanic linguistic contacts and pays special attention to the afterlife of some Old Norse loanwords in modern Russian.

Keywords: Scandinavian lexical influence, old Norse loanwords, Rus

Цель этого исследования – дать короткий обзор восточнославянско-северогерманских языковых контактов в плане лексики. Хотя наша статья не претендует на полное описание истории вышеупомянутого языкового воздействия, перечисляя при этом все возможные лексические проникновения из северогерманских языков в восточнославянские, но мы надеемся, что он познакомит читателей с важнейшими фактами, которые необходимы для углубленного изучения темы.

1. Несколько слов об историческом фоне восточнославянско-северогерманских языковых контактов

В первой части нашей работы мы не претендуем на систематичное и исчерпывающее описание восточнославянско-северогерманских языковых отношений. Из огромного количества относящегося к данной теме материала остановимся лишь на тех моментах, которые интересны с точки зрения лингвистики и истории культуры. Возможно, такое сжатое историческое изложение поможет в ориентации, и несмотря на эвентуальную маргинальность темы убедит в том, что она является неотъемлемой частью истории восточнославянских и скандинавских народов.

Скандинавы, морские походы которых свидетельствуют о большой храбрости и предприимчивости, сыграли в истории Европы важную роль. Историография знает их как «викинги, норманны или варяги». В древнерусском языке их название «*варязи* им. мн. ч. *Варягъ*» (см. КИПАРСКИЙ 1975: 27, МЕРКУЛОВ 2010). Они не только совершали на своих ладьях грабитель-

ские набеги на страны Западной и Восточной Европы, но в ряде случаев захватывали целые территории (см. FABER 1976).

На Руси варяги (главным образом выходцы из Швеции) появляются в IX веке в качестве морских разбойников, купцов и воинов-наемников (см. FONT–KRAUSZ–NIEDERHAUSER–SZVÁK 2001: 13). В 859 г. варяги обложили налогом некоторые восточнославянские и финские племена. О том, что на территории образующего русского государства, кроме славян, жили еще и другие племена, что также отмечено в работе Карамзина под заглавием *Государство Российское* (см. КАРАМЗИН 1818–1829: Т. 1. 22, АРТАМОНОВ 1940: 3–14, об этом периоде подробнее см. еще FONT–KRAUSZ–NIEDERHAUSER–SZVÁK 2001: 13–40).

В 862 г. славяне прогоняют варяг за море, как сообщает о том Повесть временных лет (далее – ПВЛ), «В год 6370 (862) изгнали варяг за море, и не дали им дани». Но восточнославянские племена не были едины, усобица была у них частым явлением. Решили они пойти к варягам и стали их просить, чтобы пришел к ним князь и властвовал. Так об этом пишет ПВЛ: «...Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву и пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, подобно тому, как другие называются шведы, а иные норманны и англы...». Некоторые скандинавские и немецкие историки усматривали в этом фрагменте доказательство для основания Русского государства скандинавами (см. FABER 1976, BRAUN 1940). По нашему мнению, эта теория неприемлема по следующим причинам.

Сообщение о призвании скандинавов, по всей вероятности, носит легендарный характер. Датскому ученому Стендеру-Петерсену удалось доказать, что мотив призвания трех братьев восходит к византийскому источнику (см. STENDER-PETERSEN 1934–1953, KIPARSKY 1975: 28). Автор ПВЛ либо просто не знал, каким образом пришли скандинавы к славянам, и ему казалось наиболее естественным позаимствовать мотив призвания трех братьев из византийских хроник, либо (что кажется еще более вероятным), хотел утаить правду о завоевании русской земли скандинавскими разбойничьими дружинами, прибегая к помощи вышеупомянутой легенды. (При исследовании этого туманного вопроса следует обратить внимание на то, что во время возникновения ПВЛ власть была еще в руках наследников Рюрика).

Теорию завоевания русской земли скандинавами подтверждает и то, что в шведских рунических надписях, рассказывающих о походах на восток, в новгородские земли и на Волгу (надпись из Седермандала XI в. надпись из Грипсхольма XI в.) хотя говорится о подвиге и гибели шведских воинов, но ни слова нет об эвентуальном основании городов или государств на русской земле (см. BERGMAN 1947: 12).

О более высоком уровне развития Древней Руси по сравнению со Скандинавией свидетельствует в частности то, что во время возникновения городов в Скандинавии (в Норвегии не раньше середины XI в.) на Руси торговые центры уже существовали. (В ПВЛ даются сведения о том, что на славянской земле существовали города и до «призвания» варяг. Ср. «И построили городок во имя старшего брата и назвали его Киев» (ПВЛ). Стеблин-Каменский

пишет: «Согласно новейшим археологическим данным, города возникали на Руси еще в VII–VIII вв. Не случайно Русь называлась у скандинавов не только "восточная сторона" (др. исл. *Austrvegr*), но также "страна городов"» (СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ 1953: 23; см. еще FABER 1976: 90).

Не случайно также, что древнескандинавское слово *torg* позаимствовано из славянских языков (см. СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ 1953: 29; FALK–TORP 1911; HELLQUIST 1922). Христианизация скандинавских стран осуществилась значительно позднее, чем христианизация Руси. Значительно позднее, чем на Руси, развились в Скандинавии и феодальные отношения.

На основании вышесказанного можно прийти к выводу, что – как говорит Стеблин-Каменский – «легенда об основании русского государства скандинавами, т. н. „норманская теория" совершенно лишена всякого основания» (см. СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ 1953: 29; подробнее о норманской теории см. BRAUN 1940; BERGMAN 1947: 11–17; FABER 1976: 96). В 1967 г. академики Б. А. Рыбаков и Б. Н. Пономарев в первом томе *Истории СССР* высказываются в пользу вышеупомянутой версии, отрицая возможность основания русского государства скандинавами. В газете *Правда* тоже появляются в это время статьи, в которых подчеркивается несостоятельность норманской теории (см. РЫБАКОВ–ПОНОМАРЕВ 1967 Т. 1.; FABER 1976: 96; ПАРХОМЕНКО 1924: 71–74).

Не принимая норманской теории как таковой, нам, однако, кажется, что нельзя отнестись к этой проблеме слишком категорично и этим завершить целую дискуссию. Прежде чем сделать окончательный вывод, вопрос следует подвергнуть основательному анализу. Здесь мы ограничиваемся лишь приведением нескольких данных, доказывающих, что скандинавы оставили за собой много следов, достойных внимания исследователей (об этом подробнее см. DUCZKO 2004).

Нельзя отрицать, что само название русского государства, т. е. слово *Русь* происходит от названия скандинавов, как на это указывает среди других и Кипарский (см. KIPARSKY 1975: 29). По его мнению слово *Русь* первоначально принадлежало к группе существительных с основой на *-i*, как этнонимы *Чудь* и *Весь*, и не означало ни восточных славян, ни их территорию. Слово в своем значении было синонимично с формой множественного числа слова *варяг*, как об этом свидетельствует хроника Нестора: «*идоша за море къ варягомъ, к руси*». Летописец не оставляет никаких сомнений в том, что племя, название которого *русь*, германского происхождения:

- (1) Сиде бо ся зваху тыи варязи русь, яко се друзи зовуть ся свеи, друзии же урмане, ангыляне, друзи гьте, тако и си» (ПВЛ – 862).

Об этимологии слова многие спорят. Наиболее приемлемым кажется мнение, согласно которому русское слово является заимствованием из финского языка, где оно имеет значение 'швед', еще раньше финское слово было заимствовано из древнешведского языка, где оно обозначало 'гребущий'.

Несмотря на довольно быструю ассимиляцию скандинавов с местным населением (см. СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ 1953: 22) между славянами и варя-

гами остается существенная разница. По крайней мере такое заключение позволяют сделать некоторые строки определенных русских памятников. В преамбуле договора, заключенного в 912 г. между Олегом и византийскими кесарями Львом и Александром фигурирует много «русских» имен:

- (2) Мы от рода рускаго, Карлы, Инегелдъ, Фарлоф, Веремуд, Рулавъ, Гуды, Руалдъ, Карнь, Фрелавъ, Руаръ, Актеву, Труанъ, Лидул, Фость, Стемидъ, иже посланы от Олга, великаго князя рускаго.

Все эти «русские» имена бесспорно германские: Karl, Ingjæld, Farluf, Vermudr, Ruafir, Kudi, Hróaldr, Friedleifr и. т. д. В другом договоре, заключенном Олегом с Византией в 945 г., перечисляется еще больше скандинавских имен. На основе ПВЛ и *Русской Правды* с уверенностью можно утверждать, что вышеупомянутая разница между славянами и варягами существовала и после смерти Рюрика:

- (3) и сказал Олег: „Сшейте для руси паруса из паволок, а славянам копринные” (ПВЛ – 907).

Как явствует из Русской Правды, разница эта существует еще долгое время даже после смерти Олега:

- (4) Или пьнет моужь моужа, любо к собе любо оть себе. Любо по лицу оударить, или жердью оударить а видока два выведоуть то гривны продаже оже боудеть варягъ или колбягъ ть полная видока вывести и идета на роту (РП 50–55–60).

Стоит также исследовать образ князя Игоря, который выступает как «князь-волк». Уже А. П. Ковалевский обратил внимание на то, что «казнь Игоря совпадает с подобными обычаями у тюркских народов – огузов и болгар». Он считал, что «древляне применили к Игорю указанный способ казни согласно действовавшему в то время местному праву» (КОВАЛЕВСКИЙ 1956: 52). Считая киевского князя «вором и грабителем» или, как говорили древлянские послы Ольге: «мужа твоего убихом, бяше муж твой аки волк восхищая и грабля». По В. Я. Петрухину, для русской истории весьма существенен сходный мотив у датского хрониста XII в., Саксона Грамматика, который приписывает такой же способ казни некоему Редону, «рутенскому» (русскому) пирату (см. ПЕТРУХИН 1993: 128). Е. А. Рыдзевская предполагала здесь знакомство хрониста с русским преданием (РЫДЗЕВСКАЯ 1978: 193–194). Ритуал повешения на дереве упомянут в связи с описанием расправы над волхвами в ПВЛ (1071 г.). В. Я. Петрухин считает, что «лексика обычного славянского права дает значительно больше для исследования конфликта между Игорем а древлянами» (ПЕТРУХИН 1993: 128). Терминологию праславянского права реконструировали В. В. Иванов и В. Н. Топоров (см. ИВАНОВ–ТОПОРОВ 1978: 239). Они привели индоевропейские параллели, на основе которых В. Я. Петрухин считает, что казнь преступника, называемого «волком» (ср. др. исл. *vargr* 'волк, изгой' сопоставимо со славянским *vrag*, о происхождении славянского *vrag* см. еще ЭСРЯФ 1. 1986: 360) на дереве,

именуемом вольчим деревом (ср. др. исл. *vargtré*), имеет скандинавские корни. У славян преступник, в том числе вор, традиционно именовался волком, так и именуют Игоря древляне. Подробнее об этом (см. ПЕТРУХИН 1993: 129; МОЛИНА 1960: 110–118, ЕВГЕНЬЕВА 1939: 145–171).

Арабский путешественник Ибн-Фадлан, посетивший Русь в 922 г., был свидетелем похорон русского боярина. Из его красочного и драматичного описания этого события можно сделать вывод, что эта церемония имела смешанный норманско-славянский характер: усопшего сожгли в лодке с дарами вместе с холопкой (подробнее о путешествии Ибн-Фадлана см. КОВАЛЕВСКИЙ 1956).

ПВЛ сообщает о том, что случилось со Святославом: «В год 972 когда наступила весна, отправился Святослав к порогам. И напал на него Куря, князь печенежский, и убили Святослава, и взяли голову его, и сделали чашу из черепа, оковав его и пили из него...» Интересно, что у скандинавов (прежде всего у шведов) при чоكانье принято говорить *skål*. Это слово у них употребляется в значении 'за здоровье', но дословно означает 'череп' (ср. англ. *skull*, нем. *Schädel*). В современном шведском языке слово имеет значение 'блюдо'. Это указывает на то, что у скандинавов обычай изготовления чаши из черепа неприятеля в старину был широко распространен. Печенеги могли позаимствовать этот обычай у других народов, в том числе напр. у скандинавов, ведь присутствия скандинавских воинов в дружине печенегов полностью исключить нельзя. (Скандинавские воины-наемники ведь могли бороться раз на той раз на другой стороне). Стоит отметить, как факт то, что этот обычай можно также найти у древних скифов, и предположить, что он, по всей вероятности, прежде дошел до азиатских народов, чем до скандинавов.

Хотя то, что у внука Рюрика уже славянское имя (Святослав) указывает на славянизацию варягов, из этого нельзя делать вывод, что с этого момента сразу же порвались связи со Скандинавией. Сын киевского князя Святослава, который на обратном пути был убит печенегами, Владимир, был призван новгородцами на княжение. Будучи еще в детском возрасте, Владимир, уехал в Новгород вместе со своим дядей Добрыней. После смерти Святослава, между детьми началась вражда. Владимир уехал в Швецию и возвратился в Новгород с чужеземной ратью. Накануне смерти Владимир пережил сильное огорчение: сын его Ярослав (имя которого тоже славянское) не послушался отца, и Владимир готовился идти на него. Но Ярослав поехал в Швецию набирать иноплеменников против отца. Ярослав, не зная еще о смерти отца, привел в Новгород варягов, но смерть Владимира помешала этой войне.

Ярослав имел связь не только со шведами, но и с норвежцами. Когда в 1016 г. выступил в поход против киевского князя Святополка с новгородцами, которых летописец считает до 10 000, с ним было также до 1000 варягов под предводительством Эймунда, сына норвежского князя Ринга. По мнению Г. Фабера, эта была последняя группа варягов, которая пришла на русскую землю (см. FABER 1976: 94). По скандинавским известиям, Святополк погиб в пределах Руси, убитый варягами (см. КОСТОМАРОВ 1993: 12).

Фабер сообщает о том, что Ярослав взял в жены норвежку по имени Ингерд, сестру норвежского короля, Святого Улофа, под влиянием которой принял христианство. (У Ярослава были три дочери, одна из них, Елизавета вышла за муж за норвежского короля Гаралда Гадрада). Фабер выразил свое мнение, согласно которому Ярослав является последним, которого можно считать еще наследником варягов (FABER 1976: 95).

Русско-скандинавские, вернее русско-шведские отношения на этом не окончились. Можно было бы упомянуть, напр. как Петр Первый «прорубил окно в Европу» в 1721 г. после долгой северной войны и еще о многом другом. Но исчерпывающее описание восточнославянско-северогерманских отношений не входит в задачу нашего исследования. Остановимся только на одном моменте из их истории отношений.

В книге норвежских лингвистов А. Граннеса, А. Лиллегаммера и Э. Петерсена даются сведения о том, какие торговые связи существовали между Россией и Норвегией в XVIII–XIX вв. Авторы опираются на языковые памятники, обнаруженные в Норвегии. Вышеупомянутые памятники свидетельствуют о том, что в XVIII в. в России жили такие люди (напр. капитан Сергей Кулаков), которые в совершенстве владели датским языком. Библиография приложенная в книге, содержит неограниченно богатый материал о русско-скандинавских отношениях (см. GRANNES ET AL. 1984).

Довольно быстрая ассимиляция скандинавов объясняет, почему число непосредственных проникновений из скандинавских языков в восточнославянские (несмотря на безэквивалентные слова, такие как *викинг*, *омбудсмен*, *руна*, *скальд* и т.п.) скудно. Этими заимствованиями мы займемся в следующей части нашей работы.

2. Слова скандинавского происхождения в русском языке (древние пласты лексики)

акула (раньше *акул* в значении рыба) – «Крупная хищная рыба. В русском языке слово *акула* (сначала *аккула*) в толковых словарях отмечается с 1789 г.» (*акула* САР I. 16). Но оно, несомненно, было известно и раньше, иногда в форме м. р. (*акул* – в значении 'рыба'). По В. Кипарскому слово датируется с XVI в. (см. KIPARSKY 1975: Т. III. 31). Слово это могло попасть в общерусский язык, согласно общепринятому толкованию, с севера (см. ЭСРЯФ 1964–1973: Т. I. 67). Источником заимствования в конечном счете являются скандинавские языки, вероятнее всего – норвежский (см. ИЭССРЯЧ 1993: Т. I. 35). Ср. норв. диал. *haakal* 'акула' при общ.-норв. *hai* (которое в голл. яз. *haai*) где оно – в отдаленном прошлом – опять таки скандинавского происхождения. По мнению Черных толкование слова из исландского вопреки Фасмеру (см. ЭСРЯЧ 1964–1973: Т. I. 67) менее вероятно. Ср. исл. *hàkarl* из др.-сканд. **hakarl*. Связывают и с др.-сканд. **haell*, основа которого **hanhila* (см. FALK–TORP 1911: Т. I. 356). Из скандинавских же языков: фин. *hai(kala)* 'акула', эст. *hai(kala)* 'тж.', также диал. саам. на Кольском полуострове *akkli*. Предположение о финско-саамском посредстве

доступимо. Возможно, сюда относится народн. русск. *окула* 'жадный человек, плут, обманщик' (слово *акула* в северорусском произношении *окула* (см. ТСД, 1978–80: 1247), засвидетельствованное с более раннего времени, чем слово *акула*. В том же значении последнее отмечается в перечне слов на «а» в словаре Академии наук 1735–1766 гг. «акула, мр. слово подлое, то же значит, что обманщик» (МАКЕЕВА 1963: 92). Фамилия *Окулов* встречается в Ведомостях Петровского времени за 1703, № 1. стр. 3. «поп Иван Окулов». Любопытно, как Черных указывает на то, что «во первых, в русском языке не имеется слов славянского происхождения с суффиксом на *-ул(а)*, а во вторых, в переносном значении 'жадный, корыстолюбивый человек' название акулы употребляется и в других языках. Сюда относится голл. *haai* 1. 'акула', 2. 'жадный, корыстолюбивый человек'. Представляет интерес также исл. *hàkarl* 1. 'полярная акула', 2. 'почетные граждане'» (ИЭСРЯЧ т. I. 1993: 35). В шведском и английском языках у слова *акула* два основных значения: англ. *shark* 1. 'акула', 2. 'жадный человек', шв. *hai* 1. 'акула', 2. 'жадный человек, ростовщик, спекулянт'.

берковец – 'старая русская мера веса, равная десяти пудам.' Из др.-русск. *бърковьскъ, берковьскъ*. Слово известно с XII в., оно встречается у Г. К. Котошихина (КОТОШИХИН 2000: 23; KIPARSKY Т. III. 1975: 31). Отсюда заимствовано лит. *birkavas* и лтш. *birkavs*, а также польск. *bierkowec, bierkowisko* (MIKKOLA 1894: 183; СОБОЛЕВСКИЙ 1907: 145). Слово является сокращением из **бърковьскъ пудъ*, т. е. 'мера веса города Бьёрке на озере Меларен «берковский пуд»'. Др.-шв. *biaerkö*, др.-норв. *biarkey* являлось обозначением шведского корабельного фунта (шв. *skeppund*, равного 400 фунтам (16,38 кг., шв. *birkisk pund*), который был принят по упомянутому торговому праву в шведской торговле (см. ЭСРЯФ Т. I. 1964–1973: 15; KIPARSKY Т. III. 1975: 31). Указанный, и известный в IX–X вв. шведский торговый город упоминается как у Адама Бременского. Сюда относится слово *björkö* (название одного острова в финском заливе, русск. назв. *Биорка* из шведского). Этимология слова связана со шведским *bäver*, т. е. 'бобр', ср. с немецким *Viber*, что обозначает 'бобр' или 'бобровый мех'. Окончание *-ьскъ*, как отмечено у Фасмера, заменено окончанием *-ьць* (позже *-ец*) ввиду большей распространенности последнего в русском языке.

варяг – русское название выходцев из Скандинавии, из др.-русск. Варягъ с XI в. Слово связано с греч. Βαράννος и ср. лат. *varangus* 'телохранитель, воин из наемной стражи византийских императоров'. Сюда же относится русск. *варяга, варяжка* 'корзинщик, коробейник', укр. *варяг* 'борец, крепкий, рослый человек', др.-русск. *Варяжское море* 'Балтийское море' (см. ЭСРЯФ Т. I. 1964–1973: 276). Слово является заимствованием из др.-сканд. **váringr, *voeingr*, от **vár* 'верность, порука, обет' т. е. 'члены корпорации' (см. THOMSEN 1879: 111; ЕКВЛОМ 1915: 6). О возможности объяснения формы *варяг* из **varang*, по аналогии русск. *стяг* из др.-шв. *stang* написал Р. Якобсон (ЯКОБСОН 1954: 250). Даже топонимы *Varanger-fjord* и

венг. *Várong* (местность в области Толна) могут быть связаны (см. KISS 1978: 681). Венг. *Várong* в 1321 г. *Warang* венг. нар. *várong* – *varang* 'наемник, телохранитель' связываются др.-тур. *warang* и греч. *Βαραννος* и происходит из названия скандинавских варягов (SZABÓ 1954: 30). В последнее время П. Я. Черных попробовал опровергнуть скандинавскую этимологию слова *варяг* (см. ЧЕРНЫХ 1958: 29). В его историко-этимологическом словаре слово *варяг* не фигурирует. В совр. русском языке слово *варяг* имеет значение 'сезонный рабочий' (KUGLER 2017: 33).

ворвань – вытопленный жир морских животных и некоторых морских рыб. Из др.-русск. *ворвонь* 'китовое сало, китовая шкура'. Из русск. заимствовано чеш. *vorvaň*. Слово известно с XV в. (см. KIPARSKÝ 1975: Т. III. 31) блг. *ворвань*, даже уст. блр. *варволь* (см. АТРАХОВИЧ 1982: 120). Источником, по Фасмеру, является др.-шв. **narhval*, шв., дат. *narval*, что обозначает 'кит' (см. ЭСРЯФ т. I. 1964–1973: 351; KLUGE 1924: 410). Согласно Фасмеру скандинавское происхождение слова более вероятно, чем объяснение его из нем. *Walrahm* т. е. 'китовый жир'. Он считает, что начальное *в-* появилось в результате т. н. дистантной ассимиляции (см. ЭСРЯП 1910–1914: Т. I. 96; WANSTRAT 1933: 35). В ИЭССРЯЧ слово не фигурирует.

грид – воин, княжеский телохранитель. Из др.-русск. *гридинь*, укр. *гридиниця* 'казарма, гарнизон'. Слово известно с XI в. (см. KIPARSKÝ 1975: Т. III. 31). Старое заимствование из др.-сканд. **gridi*, *gridmadr*, что означало 'товарищ, телохранитель' (ср. еще FONT–KRAUSZ–NIEDERHAUSER–SZVÁK 2001: 37.) от ср. р. 'убежище в чем-либо доме' (ср. ЭСРЯФ 1964–1973: Т. I. 458; WANSTRAT 1933: 37; BERNEKER 1908–1913: Т. I. 352; THÖRNQUIST 1948: 46; THOMSEN 1879: 135). Др.-русск. *гридьница* и *гридьня* 'помещение для телохранителей' от *гридь*.

кнут – «свитая из пеньки или ремешков и навязанная на кнутовище короткая и к концу тонкая веревка для стегания, для битья (плеть), иногда с несколькими хвостами, иногда с плоским кончиком или с узелком на конце, иногда даже со вплетенною в кончике пулею» (ТСД 1978–1980: Т. II. 738). Др.-русск. *кнутъ*, собир. *кнутье*, укр. *кнут*, откуда и польск. *knut* с XV в. и позже чешск. *knuta* (см. ЭСРЯФ 1964–1973: Т. II. 265; ИЭСРЯЧ 1993: Т. I. 406; BRÜCKNER 1957: 240). Примеры с XV в., но слово было известно уже и раньше ср. «безумнаго, аще и кнутьем бьеш» (см. ЗАРУБИН 1932: 65). Слово является заимствованием из др.-сканд. **knútr*, см. еще др.-шв. **knuter* 'сук, узел, нарост'. У П. Я. Черных целый ряд скандинавских слов, говорящих в пользу скандинавской этимологии русск. *кнут*, ср. шв. *knutpiska* 'нагайка', *knut* 'узел', *knutig* 'узловатый', *knuta* 'вязать узлы', норв. *knutt* 'кнут' *knute* 'узел, узелек', *knytte* 'связывать', дат. *knude* 'узел', *knytte* 'делать узлы', исл. *knútur*: *hnútur* 'узел'. Родственные слова еще: нем. *Knoten* 'узел, шишка', *knoten*, 'вязать узлы' (см. ИЭСРЯЧ 1993: Т. I. 406). Фальк и Торп считают, что русск. *кнутъ* – это заимствование из др.-сканд., собств. 'узел на биче,

плеть (бич) с узлом' (см. FALK–TORP 1911: Т. I. 553). По Фасмеру, «нет основания для предположения о заимствовании слова из готского, как и для исконно слав. происхождения и родства с *книга*, *кнея*, вопреки Соболевскому» (см. ЭСРЯФ 1964–1973: Т. II. 265).

крюк – «толстый стержень, остриё с загнутым концом» (см. СРЯО 1989: 311). Это слово в др.-русском могло обозначать также 'весы', ср. укр. *крюк*, блр. *крук*, даже польск. *kruk* (чаще *hak*). В других славянских языках отсутствует. Др.-русск. *крукъ*, начиная с Духовной Ивана Калиты ок. 1339 г. «поясь золотъ с крукомъ» (ЧЕРЕПИН 1950: 8). Это слово, согласно Фасмеру, могло попасть в русский язык из др.-сканд. **krókr* (ЭСРЯФ 1964–1973 Т. II.: 390). Он говорит, что «в виду древности свидетельств слово не могло быть заимствованным из англ. *crook*» и нидерландское посредничество также считает маловероятным, вопреки Карловичу (KARŁOWICZ 1900–1927: 315). Черных, в отличие от Фасмера, выводит слово из др.-в.-нем. *krucha*, ср нем. *Krücke* (диал. *Krucke*) и делает замечание, что это вообще германское слово, приводя на это многочисленные примеры (см. ИЭСРЯЧ Т. I. 1993: 449). Наиболее вероятной кажется этимология Фасмера. Относительно присутствия в слове -ю- ср. имя *Рюрик* из др.-сканд. *Hróekr*.

ларь – «1. большой деревянный ящик с крышкой для хранения зерна, муки, 2. большой сундук, 3. открытый сруб в виде стола для торговли на базаре, на рынке, ларек торговая палата, киоск, ящичек для хранения драгоценностей, мелких предметов» (СРЯО 1989: 319). Слово известно с 1076 г.: «моужи крилаты ... носаште ларь»; «съньмъше же ларе съ шии своихъ» (КОТКОВ 1965: 271). В других славянских языках отсутствует. Вероятно, заимствование из др.-швед. **laar* 'ларь, выдвжной ящик', ср. шв. *lår* 'ящик, сундук' (см. ЭСРЯФ 1964–1973: Т. II. 460). Черных, вопреки Фасмеру, считает, что «слово само могло быть заимствовано из древнерусского языка, так как шведское слово одинокое, и не имеет соответствий в других скандинавских языках» (см. ИЭСРЯЧ 1993: Т. I. 464–468). Финское *laari* 'ящик' заимствовано из того же источника, что и русское, или из русского.

Русь – этноним. Первоначально слово обозначало шведов и является упрощением фин. *ruotsi*, которое заимствовано из др.-шв. **rops(-maen)*, *rops(karlar)* 'гребущий'. Звуки [ts], [ps] в конце слова в русском языке упрощаются в [s] (ср. из названия племени *veps* в русском получается *весь*) подобно фин. *ruotsi* в русском превращается в *русь* (см. КИРАСКИЙ 1975: Т. III. 30). Об этимологии слова *русь* опубликовано много работ (см. АРТАМОНОВ 1940: 3–14, КРАПВИН 1956: 53–66, БРИМ 1923: 5–10, ПИГУЛЕВСКАЯ 1952: 42–48, ПРЕСНЯКОВ 1928: 39–50, СЮЗЮМОВ 1940: 121–123, ТИВЕРИАДСКИЙ 1942: 40–53, ТИХОМИРОВ 1953: 93–96). О. Б. Ткаченко пытается вывести слово *русь* из старого названия Волги *Рос*, что мало вероятно (ТКАЧЕНКО 1959: 64–66).

сельдь – «небольшая морская рыба, семейства костистых рыб, отряда сельдеобразных, с тонкой, легкопадающей чешуей» (СРЯО 1989: 708). Укр.

оселедецъ, блр. *селядзецъ*, словен. *sled*, словац. *sled'* польск. *śledź* блр. *селда*. Из **сьльдь* 'сеledка, козачий чуб' (см. ЭСРЯФ 1964–1973: Т. III. 597). Слово известно в русском языке с 1497 г. в форме *сельдь* (см. СРЕЗНЕВСКИЙ 1958: 329, KIPARSKY 1975: Т. III. 31). Производное слово *сеledка* – позднее, в словарях отмечается с 1711 г. (РЦ 1711: 455). Как полагают, слово заимствовано из др.-сканд. **sild* ср. др.-шв. *sild* 'сельдь', совр. норв., дат. *sild*, совр. шв. *sill* (см. THÖRNQUIST 1948: 77, FALK–TORP 1911: 966, ЭСРЯП II. 1910–1914: 274). Слово существует также в балтийских языках (примеры см. в ИЭСРЯЧ 1993: т. II. 152 и в BRÜCKNER 1957: 530). Слово могло попасть в балтийские языки при славянском, но и при финском посредстве ср. русск. *сеledка* < **сельдька* или *сьльдька*, финск. *silakka*, эст. *silk*. Финны могли позаимствовать слово из того же источника, как и славяне, т. е. из древ.-сканд. **sild* 'сельдь'. Однако возможно, что и финны, и славяне, и скандинавы заимствовали это слово независимо друг от друга из неизвестного нам источника (подробнее об этом см. ИЭСРЯЧ 1993: Т. II. 153). А. Брюкнер делает замечание, что «торговля этой рыбой имеет давнюю историю» (BRÜCKNER 1957: 530). Другое название рыбы *херинга* из нем. *Hering*, ср. польск. *jarzęg*, а с XVIII в. *budlinek* (название копченой рыбы из нем. *Bückling*). По А. Брюкнеру, слово *sild* связывается со словом *соль*, а *hering* со словом *laki* 'лак', ср. лат. *halec* 'вид ухи'. Он считает, что название Скандинавии происходит тоже из слова *sild* 'сельдь' первоначально обозначало 'сельдяная земля' (см. BRÜCKNER 1957: 530).

ТИВОУН – 'должностное лицо, облеченное судебной властью, которому доверяли администрацию города или другой местности'. В настоящее время слово встречается только в диалектах. Слово отмечается с 1282 г. в *Русской Правде* гл. 615, но В. Кипарский считает, что оно было известно уже в 1163 г. (см. KIPARSKY 1975: Т. III. 31). Слово заимствовано из древ.-сканд. **thiðnn*, что обозначало 'слуга', ср. шв. *tjän(are)* 'слуга, служащий, работник' (БОРКОВСКИЙ–КУЗНЕЦОВ 1965: 53).

ЯБЕДА – «1. мелкий донос, клевета, 2. человек, который ябедничает, наушничает, занимается сутяжничеством, клязумами (устар.)» (СРЯО 1989: 912). Существительное *ябедник*, отсюда *ябедничать*. Укр. *ябеда*, *ябедник*, *ябедничати*, блр. *ябеда* (см. АТРАХОВИЧ 1982: 629). *Ябедник* в древнерусском языке: 'должностное лицо, судья'. В других славянских языках отсутствует. Слово датируется с 1283 г. (см. KIPARSKY 1975: Т. III. 31) «слово ябетникъ либо мечникъ» (см. ТИХОМИРОВ 1953: 75). Др.-русск. *ябет(ь)никъ* восходит к древ.-сканд. **ambaetti*, *embaetti* 'должность, служба, пост' ср. шв. *ämbete* 'должность', норв. *embete*, дат. *embede*, исл. *embaetti* (КРЫМОВА–ЭМЗИНА–МОЛЬТКЕ 1960: 149, NIELSEN–SITKEINÉ–DR. SZIRA 1993: 135), а также др.-в.-нем. *ambahti* ср. ср.-в.-нем. *ambet* > *ammāt* (совр. нем. *Amt* 'служба'). Все они происходят из галльск. *ambactus* 'гонец', заимствование произошло при латинском посредстве ср. латинское *ambactus* 'вассал, дружинник' (ЭСРЯФ 1964–1973: Т. IV. 539). Черных об изменении значения слова говорит, что «позже (к XVI в.) это слово получило новое значение –

'клеветник'. Но сохранилось и его старое значение. В середине XVIII в. слово *ябеда* было обиходным словом со старым значением 'прощение, поданное в суд или в другое правительственное учреждение, судебное дело, процесс' и новым, хотя и появившимся почти одновременно 'крючкотворство, сутяжничество'» (ИЭСРЯЧ т. II. 1993: 463).

якорь – «металлический стержень с лапами, укрепленный на цепи и опускаемый на дно для удержания на месте судна, бакена, плавучего маяка» (СРЯО 1989: 914). Др.-русск. *якорь* встречается в ПВЛ, в договоре Олега с греками 907 г.: «да емлють у царя вашего на путь брашно, и якори, и ужища, и парусы». Слово происходит из греч. *αἴχουρα* (см. Thomsen 1879: 135), но в древнерусский язык, вероятнее всего, могло попасть из языка варягов, ср. др.-шв. **akkari*, ср. и др. исл. **akkeri* из лат. *ancora*, которое изначально имеет греческое происхождение. Эти выводы можно сделать, если рассматривать данное слово в контексте договора Олега с греками как впервые употребляемое. Черных пишет об этом следующее: «Если учесть, что пример из договора Олега 907 г. древнейший случай употребления слова *якорь*, в др.-русском языке, то поскольку здесь речь идет о якорях, которые греки должны были уступить, передать русским, казалось бы, естественно связывать слово *якорь* прежде всего с греч. *αἴχουρα* (где *γχ* = nk), ион. *αἴχουρη* – *якорь*. Но, во первых, это слово если оно было заимствовано у греков, должно было бы на др.-русской почве в X в. звучать приблизительно *акюра* или с йотацией *якура*, во вторых, это слово могло быть заимствовано гораздо раньше 970 г. тем более, что упомянутая грамота в подлиннике не сохранилась. Поэтому более вероятным следует считать предположение, что это слово попало в древнерусский язык еще в IX в. из языка варягов в период освоения ими водного пути „из варяг в греки“» (ИЭСРЯЧ т. II. 1993: 469). Эквиваленты русского слова в современных скандинавских языках звучат как исл. *akkeri*, дат.-норв. *anker*, шв. *ankar*. По П. Я. Черных можно допустить, что диалектное произношение слова *ankar(e)* на древнерусской почве (в языке ведущей этнической группы в варяжских дружинах) было **akkari*, откуда и др.-русск. *якорь* (см. ИЭСРЯЧ там же). Фасмер относит слово тоже к числу скандинавских заимствований в русском и как источник называет греческий (ЭСРЯФ 1964–1973: Т. IV. 553).

ярус – «1. Один из рядов расположенных друг над другом предметов; 2. один из средних или верхних этажей в зрительном зале» (СРЯО 1989: 915). «Ярус» по всем вероятностям из древ.-сканд. **jardhus*, в котором *jard-* (ср. совр. шв. и дат. *jord*) 'земля', а *hus* 'дом'. Первоначально слово обозначало в скандинавском 'подземное помещение'. Существует необоснованное предположение о происхождении данного слова (посредством усечения его окончания) из названия города Иерусалим.

ящик – «вместилище для чего, обычно четырехугольной формы» (СРЯО 1989: 915). Укр. *ящик*. В других славянских языках отсутствует. Ср.

блр. *скрыня*, *шуфляда*. Из русск. польск. военн. *jaszcz*, *jaszczyk* 1. 'зарядный ящик', 2. 'коробка для сливочного масла' (вообще же *ящик* – *skrzynia*, *skrzynka*) (см. ЭСРЯФ 1964–1973: т. IV. 573). Др.-русск. *аскъ-яскъ* 'ящик' (/я/ в месте /а/ вследствие йотации начального /а/), вероятнее всего, из древ.-сканд. **askr* 'деревянный сосуд' от **askr* 'яшень' или древ.-сканд. **eski* 'корзина, чашка', ср. др.-шв. **askr* (ЭСРЯФ 1964–1973: Т. IV. 573) Ср. и совр. шв., норв. *ask* 'коробка, шкатулка' и *ask* 'яшень'). Р. Джемс уже слышал слово *ящик* и записал в форме *yachic* в 1618 г., но, вероятно оно существовало и раньше в XIV–XV вв. (см. СРЕЗНЕВСКИЙ 1893–1912: Т. 1. 31.) Фасмер указывает на то, что вопреки Брюкнеру слово *ящик* ничего общего не имеет с польск. *jaskinia* 'пещера' (ЭСРЯФ 1964–1973: Т. IV. 573, BRÜCKNER 1957: 201).

Хотя целью нашей работы было лишь дополнить новыми аспектами уже известный материал, надеемся, что нам удалось обратить внимание на сложность этого вопроса, в том числе на то, как интересно проследить случаи, в которых скандинавские источники редко употребляемых или устаревших русских слов скандинавского происхождения все еще являются важными элементами словарного состава современных скандинавских языков (напр. шв. *tjän(are)* – русск. *тивоун*, или шв. *ämbete*, норв. *embete*, дат. *embede*, исл. *embætti* – русск. *ябеда*), тогда как у некоторых их русских эквивалентов появляется новое значение в современном русском языке (напр. древ.-сканд. **váringr* – русск. *варяг* 'сезонный рабочий' (пренебр.)). Надеемся также, что нам удалось убедить читателей в том, что относительно этой темы необходимы еще дальнейшие исследования.

Словари

- АТРАХОВИЧ 1982 = АТРАХОВИЧ К. К. *Русско-белорусский словарь АН БССР*. Издание 2-е, доп. перераб., Минск: «Белорусская советская энциклопедия им. Петруся Бровки», 1982.
- ИЭСРЯЧ1993 = *Историко-этимологический словарь современного русского языка П. Я. Черных*. Москва: «Русский язык», 1993.
- КРЫМОВА-ЭМЗИНА-МОЛЬТКЕ 1960 = КРЫМОВА Н. И., ЭМЗИНА А. Я., МОЛЬТКЕ Г. Ф. *Датско-Русский Словарь*. Москва: «Государственное Издательство Иностраных и Национальных Словарей», 1960.
- САР1789–1794 = *Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный*. Т. 1–6. Санкт-Петербург: «Императорская Академия Наук», 1789–1794.
- СРЯО 1989 = ОЖЕГОВ С. И. *Словарь русского языка*. Издание 21-е, Москва: «Русский язык», 1989.
- ТСД 1978–1980 = ДАЛЬ В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Издание 7-е, Москва: «Русский язык», 1978–1980.
- ЭСРЯП1959 = ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ А. Г. *Этимологический словарь русского языка*. Москва: «ГИИНС», 1959.
- ЭСРЯФ 1964–1973 = ФАСМЕР М. *Этимологический словарь русского языка*. Москва: «Прогресс», 1964–1973.

- BERNEKER 1908–1913 = BERNEKER E. *Slavisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. I. Lief. 11. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1908–1913.
- BRÜCKNER 1957 = BRÜCKNER A. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1957.
- FALK–TORP 1911 = FALK H. S., TORP A. *Norwegisch–Dänisches Etymologisches Wörterbuch von H. S. Falk und A. Torp*. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1911.
- KARŁOWICZ 1900–1927 = KARŁOWICZ J. *Słownik języka polskiego*. Ułożony pod red. J. KARŁOWICZA, A. KRYŃSKIEGO, W. NIEDŹWIEDZKIEGO. T. I–VIII., Warszawa: nakł. prenumeratorów, 1900–1927.
- KISS 1978 = KISS L. *Földrajzi nevek etimológiai szótára*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1978.
- KLUGE 1924 = KLUGE F. *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. 10. Aufl. Berlin: Verlag Walter de Gruyter, 1924.
- KUGLER 2017 = KUGLER K. *Új szavak, új jelentések az orosz nyelvben. Orosz-magyar szótár*. Budapest: Tinta Könyvkiadó, 2017.
- MIKKOLA 1894 = MIKKOLA J. J. *Slavische Lehnwörter in den westfinnischen Sprachen*. Helsingfors: Druckerei der Finnischen Litteraturgesellschaft, 1894.
- NIELSEN–SITKEINÉ–DR. SZIRA 1993 = NIELSEN M., SITKEINÉ Á., DR. SZIRA J. *Dansk – Ungarsk Ordbog / Dán – Magyar Szótár*. Budapest–Skjern: Északi Fény BT., 1993.

Литература

- АРТАМОНОВ 1940 = АРТАМОНОВ М. И. Спорные вопросы древнейшей истории славян и Руси. О расселении древних славянских племен и о происхождении термина Русь. *КСИИСК* 1940/6. 3–14.
- БОРКОВСКИЙ–КУЗНЕЦОВ 1965 = БОРКОВСКИЙ В. И., КУЗНЕЦОВ П. С. *Историческая грамматика русского языка*. Москва: «Наука», 1965.
- БРИМ 1923 = БРИМ В. Происхождение термина Русь. *Россия и запад*. Т. 1. 1923. 5–10.
- ЕВГЕНЬЕВА 1939 = ЕВГЕНЬЕВА А. П. *История слова «вор» в русском языке*. Уч. зап. Ленинград: «ЛГПИ им. Герцена», Т. 20, 1939. 45–171.
- ЗРУБУН 1932 = ЗРУБУН Н. Н. *Слово Даниила Заточника по редакциям вв. и их перделкам*. Ленинград: «Изд. АН СССР», 1932.
- ИВАНОВ–ТОПОРОВ 1978 = ИВАНОВ В. В., ТОПОРОВ В. Н. О языке древнего славянского права. Доклады советской делегации. *Славянское Языкознание, VIII Международный съезд славистов*, Москва: 1978. 221–240.
- КАРАМЗИН 1818–1829 = КАРАМЗИН Н. М. *История Государства Российского*. Т. 1–12. Санкт-Петербург: «Тип. Н. Греча», 1818–1829.
- КОВАЛЕВСКИЙ 1956 = КОВАЛЕВСКИЙ А. П. *Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 912–922 гг.* Харьков: «Мысль», 1956.
- КОСТОМАРОВ 1993 = КОСТОМАРОВ Н. И. *Русская история в жизнеописании ее главнейших деятелей*. Москва: «Мысль», 1993.
- КОТКОВ 1965 = КОТКОВ С. И. (ред.) *Изборник 1076 года. Тексты и исследования*. Москва: «Наука», 1965.
- КОТОШИХИН 2000 = КОТОШИХИН Г. К. *О России в царствование Алексея Михайловича*. Москва: Издательство «Политическая Энциклопедия» РОССПЭН, 2000.
- КРАПВИН 1956 = КРАПВИН П. Ф. Паходжанне назваў Русь, Белая Русь, Чорная Русь, Чырвоная Русь. *Весті АН БССР. Серыя грамад. навук*. 1956/3: 53–66.

- МАКЕЕВА 1963= МАКЕЕВА В. Н. Неизвестный отрывок первого академического словаря русского языка. *Лексикографический сборник*. Вып. 6. Ленинград: «Лексикограф»: 1963. 88–97.
- МЕРКУЛОВ 2010= МЕРКУЛОВ В. И. *Откуда родом варяжские гости? (Генеалогическая реконструкция по немецким источникам)*. Москва: «Хронос», 2010.
- МОЛИНА 1960= МОЛИНА Э. Ф. *К истории названия оборотня в некоторых индоевропейских языках*. Труды Томского Университета. Томск: «Томский Университет», 1960.
- ПАРХОМЕНКО 1924= ПАРХОМЕНКО В. А. Норманизм и антинорманизм. (К вопросу о происхождении слова «Русь»). *Известия ОРЯС*, Т. 28, 1924. 71–74.
- ПЕТРУХИН 1993 = ПЕТРУХИН В. Я. Из древнейшей истории русского права. «Игорь старый – князь-волк». *Philologia Slavica. I. К 70-летию академика Н. И. Толстого*. Москва: «Наука», 1993: 125–133.
- ПИГУЛЕВСКАЯ 1952 = ПИГУЛЕВСКАЯ Н. В. Имя *Русь* в сирийском источнике в. VI н. э. В кн.: *Академику Борису Дмитриевичу Грело ко дню семидесятилетия*. Москва: «Издательство Московского Ун.-та», 1952. 42–48.
- ПРЕСНЯКОВ 1928 = ПРЕСНЯКОВ А. Е. Вильгельм Томсен о древнейшем периоде русской истории. В кн.: *Памяти В. Томсена. К годовщине со дня смерти*. Ленинград. 1928. 39–50.
- РИБАКОВ–ПОНОМАРЕВ 1967 = РИБАКОВ Б. А., ПОНОМАРЕВ Б. Н. *История СССР*. Т. 1. Москва: «Наука» 1967.
- РЦ 1771 = *Российский Целлариус, или этимологический российский лексикон, купно с прибавлением иностранных в российский язык во употребление принятых слов, также с соображенного российской этимологиею, изданный М. Франциском Гелтергофом*. Москва, 1771.
- РЫДЗЕВСКАЯ 1978 = РЫДЗЕВСКАЯ Е. А. *Русь и Скандинавия IX–XIV вв.* Москва: «Наука» 1978.
- СОБОЛЕВСКИЙ 1907 = СОБОЛЕВСКИЙ А. И. *Лекции по истории русского языка*. Издание 4-е. Москва: «Унив. тип.», 1907.
- СРЕЗНЕВСКИЙ 1958 = СРЕЗНЕВСКИЙ И. И. *Материалы для словаря древнерусского языка*. Т. 1–3., Москва: «ГИС», 1958.
- СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ 1953 = СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ М. И. *История скандинавских языков*. Москва–Ленинград: «Издательство АН СССР», 1953.
- СЮЗЮМОВ 1940 = СЮЗЮМОВ М. К. К вопросу о происхождении *ρωσ, ρωσια, Россия*. *Вестник древней истории* 1940 № 2. 121–123.
- ТИВЕРИАДСКИЙ 1942 = ТИВЕРИАДСКИЙ Л. С. К вопросу о происхождении *Руси* в связи с этногенезом славян. *Славянские исторические записки*. Т. 13. 1942. 40–53.
- ТИХОМИРОВ 1953 = ТИХОМИРОВ М. Н. Происхождение названия Россия. *Вопросы истории* 1953/11: 93–96.
- ТКАЧЕНКО 1959 = ТКАЧЕНКО О. Б. Про прохождения назвы *Русь*. *Український історичний журнал* 1959/6: 64–66.
- ЧЕРЕПНИН 1950 = ЧЕРЕПНИН Л. В. *Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVII вв.* Москва: «Издательство АН СССР», 1950.
- ЧЕРНЫХ 1958 = ЧЕРНЫХ П. Я. Этимологические заметки. *Варяг. Научные доклады высшей школы. Филологические науки* 1958/1: 29–36.
- BERGMAN 1947= BERGMAN G. *A short history of the Swedish language*. Stockholm: The Swedish Institute for Cultural relations, 1947.
- BRAUN 1940 = BRAUN M. *Der Aufstieg Rußlands vom Wikingerstaat zur europäischen Großmacht. (1000-1700)* Leipzig: Hiersemann, 1940.

- DUCZKO 2004 = DUCZKOW. *Viking Rus. Studies on the Presence of Scandinavians in Eastern Europe*. Leiden: Brill, 2004.
- EKBLÖM 1915 = EKBLÖMR. Rus et vareg – dans le noms de lieux de la region de Novgorod. *Archives d'études orientales* 1915/11: 1–10.
- FABER 1976 = FABER G. *Die Normannen. Piraten, Entdecker, Staatengründer*. München: Bertelsmann Verlag, 1976.
- FONT–KRAUSZ–NIEDERHAUSER–SZVÁK 2001 = FONT M., KRAUSZ T., NIEDERHAUSER E., SZVÁK GY. *Oroszország története*. 2. jav. kiadás. Budapest: Pannonica Kiadó, 2001.
- GRANNES–LILLEHAMMER–PETTERSEN 1984 = GRANNES A., LILLEHAMMER A., PETTERSEN E. *Documents russes sur la peche & le commerce russes en Norvège au XVIIIe siècle*. Oslo: Solum, 1984.
- HELLQUIST 1922 = HELLQUIST E. *Svensk Etymologisk Ordbok av Elof Hellquist*. Tredje upplagan, Lund: CWK Gleerups Förlag, 1922.
- JACOBSON 1954 = JACOBSON R. La forme originelle du nom des varegues. *Scando-Slavica*. 1954/1: 36–43.
- KIPARSKY 1975 = KIPARSKY V. *Russische historische Grammatik III. Entwicklung des Wortschatzes*. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1975.
- STENDER-PETERSEN 1953 = STENDER-PETERSEN A. *Varangica*. Aarhus: Aarhus Universitet, 1953.
- SZABÓ 1954 = SZABÓ D. *A dömösi adománylevél hely- és vízrajza*. A Magyar Nyelvtudományi Társaság Kiadványai 85., Budapest, 1954.
- THOMSEN 1879 = THOMSEN V. *Der Ursprung des russischen Staates. Drei Vorlesungen*. Gotha: F. A. Perthes, 1879.
- THÖRNQUIST 1948 = THÖRNQUIST C. *Studien über die altmordischen Lehnwörter im Russischen*. Stockholm: Almquist & Wiksells boktr., 1948.
- WANSTRAT 1933 = WANSTRAT L. *Beiträge zur Charakteristik des russischen Wortschatzes*. Nr. 7. Berlin: Veröffentlichungen des Slavischen Instituts der Universität Berlin, 1933.

А. Ю. ПОЛЕВАЯ

История и причины переименований топонимов исторической части города Нижнего Новгорода

The history and reasons for the toponyms' renaming of the historical part of Nizhny Novgorod

Abstract: Toponyms are names of all line objects in the city's toponymical area. They are similar in meaning with historical monuments, documents of various epochs of the development of human society. Their internal form consists of different kinds of information: landscape's features, history of city or country, native people, important events etc. Toponyms are not a frozen language fact, they change with the passage of time. The reasons of their renaming could be different, because the toponymical system of any city is subject to extrasystemic effects: revolution, change of political regime and ideology etc. This question is considered in more detail by an example of toponyms of the historical part of Nizhny Novgorod.

Keywords: toponym, urbanonym, toponymical system, renaming, lexicosemantic group, Nizhny Novgorod.

Топонимы – названия линейных объектов городского топонимического пространства (ПОДОЛЬСКАЯ 1988: 50) – сравнимы по своему значению и культурному следу с историческими памятниками, документами разных эпох развития человеческого общества. Их внутренняя форма содержит в себе информацию об особенностях местности (ее рельефе, географическом положении относительно общеизвестных объектов – рек, гор, озер, сторон света), об истории города и страны, о жителях, населяющих эту местность, о важных событиях с точки зрения культуры, истории, политики и т. п. Топонимы – не застывший языковой факт, они изменяются с течением времени, поскольку чутко реагируют на события в обществе, подстраиваются под новые порядки. Причины переименований в среде урбанонимов могут быть различны, и при детальном изучении данного вопроса можно выявить основные принципы этих изменений. Примером послужат топонимы исторической части города Нижнего Новгорода.

Исследование топонимов именно исторической части города закономерно, поскольку они являются наиболее древними внутригородскими объектами и обладают собственной историей. В Нижнем Новгороде это основная часть Нижегородского района, без микрорайона Верхние Печеры. Границей исторической части согласно градостроительным планам XVIII и XIX вв. являлись реки Волга и Ока, современная улица Белинского и площадь Сенная. Центром Нижнего Новгорода, основанного в 1221 г. князем

Юрием Всеволодовичем, является кремль. Для строительства первой деревянно-земляной крепости было выбрано очень выгодное с точки зрения безопасности местоположение – с разных сторон ее защищали крутые волжские обрывы, насыпи и овраги, что затрудняло подступы к кремлю. Нижегородский кремль становится центром окрестных земель, а со временем и центром Нижнего Новгорода. Именно вокруг кремля сформировалась рассматриваемая годонимическая система.

Система годонимов Нижнего Новгорода характеризуется общностью в структурном, семантическом, историко-культурном и других аспектах (РЯБОВА 2004: 118–120), и, как годонимическая система любого города, история которого уходит в глубь веков, она формировалась постепенно. Традиционно в основе годонимической номинации лежит архетипическая модель мира, которая в плане содержания ориентирована на описание основных параметров существования Вселенной. Наиболее древними считаются годонимы, отражающие особенности рельефа местности (*улица Большие Овраги, Нагорный переулок – здесь и далее все примеры из УГГ*), помогающие ориентироваться в пространстве (*улица Дальняя*). Deskриптивные годонимы, содержащие в себе описательную характеристику улицы, ее внешнего вида и отличительных черт также представляют собой древние номинативные образования (*улица Широкая, переулок Короткий, переулок Холодный*). С освоением и расширением городского пространства, с увеличением количества жителей связано не только развитие города как такового, но и появление новых улиц и даже кварталов, в которых селились люди разных профессий. Называние улиц по профессиональной направленности их жителей является продуктивным принципом поименования, без которого не обошлась и историческая часть Нижнего Новгорода (*улица Кожевенная, Зеленский съезд*).

С течением времени и развитием города появлялись различные учреждения, без которых не обойтись жителям – больницы, торговые ряды, мастерские и др. Как места общеизвестные, они не только выполняли свою основную функцию, но и помогали ориентироваться уже во внутригородском пространстве. Улицы, на которых эти учреждения располагались, в своем названии отражали внутреннюю суть (*Провиантская улица, Казарменный переулок, Университетский переулок*). Агиотопонимия, лежащая в основе годонимической номинации, представляет собой один из наиболее часто используемых принципов поименования. Храмы, монастыри, церкви были центрами не только религиозной жизни поселян, но и зачастую становились центрами культуры, образования и общественной жизни. Влияние религии на жизнь простого человека до XX в. было велико, а потому годонимы, названные в честь храмов, святых, в честь церковных праздников, икон и т. п., были широко распространены (*улица Варварская, улица Сергиевская, Похвалинский съезд*). Позднее, в XX в., на смену традиционным пришли иные принципы поименования годонимических объектов. Наиболее продуктивными из них стали способы наименования, в основе которых использовалась антропонимическая лексика (*улица Минина, улица Максима*

Горького, улица Короленко) и лексика с локативной семантикой (*улица Ереванская, улица Одесская*). Использование при назывании годонимических объектов антропонимов показывает значимость для жителей города увековечивания памяти людей, деятельность которых связана с городом и страной, а использование оттопонимической лексики дает отсылку к проводимой в стране политике формирования дружественного отношения к республикам, входившим в состав СССР, и их жителям. Особо следует выделить тип годонимов, характерных исключительно для советской эпохи. Это так называемые советонимы, отразившие в своей внутренней форме реалии того времени (*улица Красносельская, улица Соревнования, улица Октябрьская*). Таким образом, в зависимости от времени возникновения той или иной улицы на карте города для ее поименования применялись различные способы номинации: от традиционных, ориентированных на архитипическую модель мира, до идеологических, ставящих перед собой конкретные, часто политические или воспитательные, цели.

Однако не все урбанонимы возникли одновременно с появлением самого внутригородского линейного объекта, некоторые из них сменили старое название. Следовательно, изучение переименований в годонимической системе Нижнего Новгорода представляет особый интерес для формирования полноценной картины урбанонимического пространства города. Изменения, которым подвергаются годонимы Нижегородского района как исторической части города, напрямую зависят от планомерного изменения ментальности как жителей Нижнего Новгорода, так и русского народа в целом.

Как отмечалось выше, годонимическая система любого города изменчива и подвержена экстрасистемному воздействию. Таковым может послужить как исчезновение реалии, на которую годоним опирался (например, *улица Октябрьская* ранее носила название «*Дворянская*», а затем «*Учредительного Собрания*»). И та, и другая реалия прекратили свое существование в современном обществе, и сам годоним, утратив свою актуальность, был переименован в честь Октябрьской революции, сыгравшей значительную роль в становлении Советского Союза), так и другие события, полностью перестроившие жизненный уклад города и страны: революция, смена политического режима и идеологии, а затем и распад СССР оказали влияние на годонимическую систему города. Рассмотрим подробнее переименования, коснувшиеся исторической части Нижнего Новгорода, их специфику и причины.

Опора на ландшафтные особенности местности в годонимии играет значительную роль. Изменения в характерных особенностях окружающего пространства могут повлиять и на имя линейного объекта. Безусловно, это происходит не всегда, ярким примером чему могут послужить такие годонимы, как *улица Почаинская, улица Ковалихинская* (от названий рек Почайна и Ковалиха (Кова, Старка), русла которых были заключены в подземный коллектор) или *переулок Чернопрудский* (от гидронима Черный пруд, водоема в центре, попавшего под засыпку) и *улица Студеная*, чье название происходит от родников с холодной водой («студенцов»). Но часто изменение,

произошедшее с рельефом и, соответственно, с внутригородским пространством, меняет и название годонима. К примеру первым названием *улицы Пискунова* было «*Осыпная*», поскольку именно по ней проходила граница старого города – осыпной вал, фрагмент которого сохранился до сих пор.

С изменением внешнего облика города порой связаны изменения, происходящие с улицей, на что отзываются годонимы. Например, *улица Узкая*, расширившись, стала *улицей Торговой*, а одна из центральных улиц – *улица Горького* – ранее являлась окраиной и носила название «*Полевая*», поскольку за ней располагались поля и луга. Позднее границей города стала служить современная *улица Белинского*. Она носила название «*Напольная*» (так же от слова «поле») и, что выделяет ее из ряда других, делилась на несколько т. н. фрагментов: участок от современной площади Лядова до улицы Ашхабадской назывался «*улица Напольно-Монастырская*», поскольку на площади находится Крестовоздвиженский монастырь, следующий участок вплоть до улицы Ванеева получил название от «лесных» складов с древесиной – *улица Напольно-Лесная*, далее – участок под названием «*улица Напольно-Острожная или Напольно-Замковая*» (из-за близкого соседства с городской тюрьмой – острогом). После расширения городских границ все эти названия утратили свою актуальность и годонимы были переименованы.

Значительный пласт переименований в исторической части Нижнего Новгорода связан с такими типами годонимов, которые отражают внутреннюю жизнь города: людей, его населяющих, важные объекты и места, связанные с городской жизнедеятельностью, заводы и производства (ШМЕЛЕВА 1997: 146–147). Закрытие или перенос в другое место цехов или, наоборот, открытие новой мастерской отражались на годонимической системе. Подобные переименования достаточно широко представлены в Нижегородском районе. К примеру *улица Казарменная* стала *Кожевенной*, *улица Канатная* была переименована в *улицу Короленко*, *улица Прядильная* в настоящее время носит название *улица Маслякова*. Но часто идеологический подход, который более подробно рассмотрим ниже, оказывает влияние и на данный пласт годонимов. Речь идет о меморативном принципе в годонимии, об увековечивании имен значимых исторических личностей, героев в памяти людей. Например, *улица Университетская* была переименована в *улицу Минина*, несмотря на то, что на ней по-прежнему располагаются высшие учебные заведения, а *улица Больничная* в настоящее время носит название *улица Нестерова* (в честь Петра Николаевича Нестерова, русского военного-летчика, уроженца Нижнего Новгорода, выросшего на этой улице).

Переименования, рассмотренные выше, следует отнести к изменениям в годонимической системе города, вызванным объективными причинами: изменения рельефа местности, пространственных и внутригородских ориентиров, как природных, так и свойственных городу и его жителям, но ими история переименований урбанонимов исторической части Нижнего Новгорода не ограничивается. Поистине серьезный вклад в историю смены названий линейных внутригородских объектов внесли перемены в масштабах всей страны. Речь идет о революциях начала XX в., смене власти,

переориентации пути развития государства и новой идеологии, продвигаемой советским правительством. С приходом новой власти стали искореняться все возможные напоминания о прежнем царском строе. Ярким примером может послужить упомянутая ранее *улица Дворянская*, название которой было заменено на просоветское «*улица Октябрьская*», *улица Готманская* (Петр Данилович Готман, архитектор XIX века, автор проекта градостроительного переустройства Нижнего Новгорода) была переименована в *улицу Костина* (в честь А. Д. Костина, члена РСДРП). Атеистические настроения и запрет на религию также сильно повлияли на годонимическую систему. В XIX веке агиотопонимы представляли собой значительную составляющую всех внутригородских линейных объектов в исторической части Нижнего Новгорода. Большинство из них были переименованы в такие урбанонимы, которые бы отвечали идеалам новой власти: идеям социализма, превосходству партии и рабочего класса, ориентации на дружбу народов под эгидой всеобщего равенства. Советская идеология стала новым принципом, с опорой на который давались названия улицам – это новые герои, члены партии, политические, общественные и военные деятели, и формирование дружественного отношения к странам и братским народам, входившим в состав СССР. Так, *улица Петропавловская* стала *улицей Володарского*, *улица Алексеевская* была переименована в *улицу Дзержинского*, *улица Варварская* – в *улицу Фигнер*, *улица Похвалинская* – в *улицу Заломова*, *улица Сергиевская* – в *улицу Урицкого* и т. п. Замена агиотопонимов советонимами (чаще всего антропонимическими) – один из наиболее продуктивных принципов переименований в среде годонимов в XX веке. Годонимическая система города стала семиотической (ШМЕЛЕВА 2008: 2). Следует отметить, что не всегда антропоним, лежащий в основе «нового» названия, имел отношение к деятельности партии. Культ образования и просвещения, активно поддерживаемый советским правительством, также нашел отражение в годонимической системе исторической части Нижнего Новгорода. Некоторые агиотопонимы были переименованы в честь деятелей науки и культуры. Напр., *Всесвятский переулок* стал *переулком Грибоедова*, *улица Предтечинская* – *улицей Гаршина*, *улица Мироносицкая* – *улицей Добролюбова*, *улица Рождественская* – *улицей Маяковского* и т. п. Таким образом, советская эпоха оставила существенный след в годонимической системе Нижегородского района. В это время появлялись не только новые улицы, но и внешний облик ранее существующих годонимов претерпел существенные изменения.

Следующим этапом переименований годонимов исторической части Нижнего Новгорода относится к эпохе 90-х гг. XX в., времени распада СССР. Этот переломный момент в истории страны не мог не найти отражение в годонимической системе. Советские ценности стали восприниматься как ложные и искореняться, поэтому некоторые годонимы Нижегородского района подверглись обратному переименованию – им были возвращены их исторические имена, утраченные в годы правления советской власти. В первую очередь это коснулось агиотопонимов, речь о которых шла ранее. Так, *улице Свердлова* было возвращено исконное название – *улица Большая*

Покровская, улица Краснофлотская вновь стала *улицей Ильинской*, *улица Фигнер* – *улицей Варварской*, *улица Лядова* – *улицей Большой Печерской*, *улица Дзержинского* была обратно переименована в *улицу Алексеевскую* и т. п.

Таким образом в истории переименований топонимов исторической части Нижнего Новгорода выделяются как разные причины (объективные и идеологические), так и несколько этапов, через которые прошла топонимическая система. Вопрос переименований, как первоначальных, так и обратных, их необходимости и целесообразности остается открытым. Учеными, градоправителями, политическими деятелями высказываются разнообразные точки зрения по этому вопросу как в пользу смены названий, так и против нее. Переименования в среде топонимов – процесс закономерный, поскольку сами линейные объекты являются идеологемами общественного сознания, отражением ситуации в городе и стране, но, привнося новое, следует сохранять главное: историю и культуру, ментальность жителей.

Словари

ПОДОЛЬСКАЯ 1988 = ПОДОЛЬСКАЯ Н. В. *Словарь русской ономастической терминологии*. Москва: Наука, 1988.

Литература

ДОЛГАЧЕВ 1989 = ДОЛГАЧЕВ И. Г. *Язык земли родного края*. Волгоград: «Нижне-Волжское Изд-во», 1989.

РЯБОВА 2004 = РЯБОВА Л. Г. *Имя улицы: прошлое и настоящее (из материала топонимов г. Иркутска)*. *Время в социальном, культурном и языковом измерении*. Иркутск: «Иркутский ун-т», 2004: 118–120.

ШМЕЛЕВА 1997 = ШМЕЛЕВА Т. В. *Ономастикон современного города. Международный съезд русистов: тезисы докладов*. Красноярск, 1997: 146–147.

ШМЕЛЕВА 2008 = ШМЕЛЕВА Т. В. *Советское наследие в новгородской топонимии // Советская культура в современном социопространстве России: трансформации и перспективы. Материалы научной интернет-конференции. Екатеринбург 28–29 мая 2008 г.* – Екатеринбург: «б. и.», 2008.

<http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/1797/2/Part2%202008-28.pdf>

Источники

УГГ = Улицы города Горького. Горький: Волго–Вятское книжное издательство, 1983: 3–159.

Д. К. ПОЛЯКОВ

Сложносокращенные слова в русском языке на фоне других славянских*

Compound abbreviations in Russian on the background of other Slavic languages

Abstract: In the article, we analyzed Russian compound abbreviations (e.g. *госпредприятие, запчасты, студсоюз*) against the background of their equivalents in other Slavic languages (in Polish, Czech, Slovak, Serbian and Bulgarian). We also considered the genesis of these words in Russian and their productivity at the present time.

Keywords: word-formation, contrastive linguistic, compounds, abbreviation, intelingual asymmetry

В предлагаемой статье будет рассмотрен один из разрядов сложносокращенных слов в современных славянских языках. Эти слова образованы по модели «начальная часть слова + целое слово», ср. рус. *госпредприятие* (← *государственное предприятие*), *запчасти* (← *запасные части*), *студсоюз* (← *студенческий союз*). Такой способ словообразования находится на пограничье между аббревиацией и словосложением, чем обусловлен ряд характерных свойств этих слов. Как справедливо указывается в *Русской грамматике*, «большая их группа не может быть строго отграничена от сложных существительных, ср.: *спортплощадка* – спорт, спортивная площадка; *стенгазета* – стена, стенная газета» (ЛОПАТИН 1980).

1. Распространение сложносокращенных слов в русском языке

История возникновения и развития сложносокращенных слов, полемика в связи с их распространением и попытками искоренить их хорошо описана в специальной литературе (напр., СЕЛИЩЕВ 1928, РЯИСО 1968, ЖИВОВ 2005), в том числе появлявшейся «по горячим следам». Так, С. И. Карцевский посвятил сокращениям отдельную главу своей книги *Язык, война и революция*; интересующий нас тип слов он интерпретирует как «сложные сокращения», т. е. «словосочетания, приведенные к подобию сложного слова»

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 17-04-00532а «Исконные и заимствованные форманты и модели в русском словообразовании на славянском фоне: семантические отношения, типы взаимодействия, стилистический потенциал».

(КАРЦЕВСКИЙ 1923: 48) и относит его возникновение «ко временам большевизма», приводя в качестве доказательства единственное зафиксированное до революции образование *Дармия* (← *действующая армия*). Оно лишь отчасти соответствует данной модели: большинство слов, созданных по ней, имеют первую часть, усеченную до одного либо до нескольких слогов, но не до одной буквы – ср. упоминаемые самим Карцевским возникшие после 1917 г. слова с элементами *глав-*, *ком-*, *рев-*, *прод-*, *гос-*, *агит-*, *жель-* (*Главполитуправление*, *комьячейка*, *ревтрибунал*, *продналог*, *Госбанк*, *агитпункт*, *жельдорога*) и др.

Распространение такого способа словообразования связано с революционной эпохой, неотъемлемой частью которой являлся и новый язык. Его создание было сопряжено с символическим отталкиванием от старого стандарта, а революция явилась и «генератором языковых инноваций особого рода, осуществляющих дискредитацию старого лингвистического капитала» (ЖИВОВ 2005). Именно с помощью аббревиатур стало возможно «насытить» язык не просто новыми наименованиями, но наименованиями, образованными совершенно новым способом. На их засилье в 1920-е годы указывают и примеры из художественной литературы, ср. стихотворение, написанное учеником школы – героем повести Н. Огнёва «Дневник Кости Рябцева» (1926–1927): *Мы все говорим телеграф-языком, / Наш лозунг – скорей и короче... / И стало так трудно изящным стихом / Описывать лунные ночи. / Придется примерно описывать так: / Лунночь вся была нежистома, / Когда два граждвора украла кухбак, / Презрев недремоко домкома.*

Этот курьез (об аббревиатурах как средствах иронии см. ЛЕХИКОИНЕН 1990: 102–104, позже – SOPRA 1974: 259) наглядно показывает если не долю аббревиатур среди тогдашних неологизмов, то их броскость и новизну в сравнении со словами, образованными другими средствами. Со временем языковой взрыв завершился: уже в 1928 г. сообщается, что «в последние 2 года заметно охлаждение к этим сокращениям. Приходится часто отмечать в речи коммунистических и советских деятелей употребление полных терминов вместо кратких или наряду с ними» (СЕЛИЩЕВ 1928: 168). Его сменила стабилизация, которая, однако, привела не к исчезновению модели, а к закреплению основных ее элементов: «сокращению стали подвергаться не любые, а только наиболее „перспективные“, частотные прилагательные и существительные из состава словосочетаний» (РЯИСО 1968: 91). Усеченные части слов благодаря стандартности своих значений и регулярной воспроизводимости превратились в аффиксоиды.

Наиболее распространенные из них были связаны с партийным и государственным аппаратом (*сов-*, *парт-*, *гос-*, *ком-*, *глав-*), административными органами определенных территориальных единиц (*вол-*, *гор-*, *губ-*, *зем-*, *обл-*, *сель-*), военной (*воен-*, *мор-*), экономической (*прод-*, *пром-*, *торг-*, *хоз-*), социальной (*дет-*, *жен-*, *жил-*, *культ-*, *проф-*) и идеологической (*агит-*, *полит-*) сферами. В зависимости от внеязыковых факторов те или иные аффиксоиды могли актуализироваться («В свое время <...> имели большое значение организации по продовольствию. В связи с этим находи-

лось много терминов с *прод-*» (СЕЛИЩЕВ 1928: 163)) либо уходить в пассивный запас, как *губ-* или *вол-* после реформы административного деления, однако словообразовательная модель продолжала функционировать, пополняясь новыми членами: *губотдел* сменился *райотделом*.

Несмотря на бурное развитие именно в пореволюционную эпоху и кажущуюся связь с социалистическим строем и ушедшим режимом, сложносокращенные слова не перестают быть характерными для речи и сегодня. Список усеченных компонентов, превратившихся в аффиксоиды (т. е. не уникальных, а выступающих не менее чем в трех словах) достигает, по нашим подсчетам, примерно трех сотен и постоянно увеличивается. Так, например, авторы *Словаря аффиксоидов русского языка* не включили в него «единичные по употребительности, не повторяющиеся в речевом потоке аффиксоидоподобные компоненты» типа *заксобрание* (ЛЕВАШОВ 2009: 6); менее чем 10 лет спустя *зак-* приобрел характер аффиксоида, употребляясь в словах типа *закорган* ← *законодательный орган* и *закинициатива* ← *законодательная инициатива* (в качестве потенциальных слов, в неформальной интернет-коммуникации нам встретились и *заквласть* ← *законодательная власть*, и *закбаза* ← *законодательная база*); таким способом регулярно образуются новые слова, обозначающие важные для данного временного отрезка объекты и явления, например: *соцсети* ← *социальные сети*, *маткапитал* ← *материнский капитал*, *допвыплаты* ← *дополнительные выплаты*, *инвестконтракт* ← *инвестиционный контракт*, *стабфонд* ← *стабилизационный фонд*, *гумконвой* ← *гуманитарный конвой* и др.

Подтверждают сказанное и словари неологизмов. Некоторые усечения, фиксировавшиеся еще в работах 1920-х гг., и сегодня участвуют в образовании новой лексики. Аффиксоид *гос-*, упоминаемый в (СЕЛИЩЕВ 1928: 231) в словах *госаппарат*, *госбанк*, *госбюджет*, *госкино*, *госспирт*, *госплан*, представлен в словаре (НСЗ 2009) в качестве компонента 42 сложносокращенных слов (неосемантизмы и производные типа *госдумовский* или *госдумовец* не учитывались): *госадминистрация*, *госакадемия*, *госбаланс*, *госбумаги*, *госбюджетник*, *госведомство*, *госвласть*, *госвуз*, *госденьги*, *госделец*, *госдоля*, *госдума*, *госзаказчик*, *госинвестиции*, *госканал*, *госкомпания*, *госконцерт*, *гослидер*, *гослицензирование*, *госналогинспекция*, *госналогслужба*, *госнужды*, *гособвинение*, *гособразование* (два омонима – в значениях ‘образовательная система’ и ‘новое государство’), *госособняк*, *госпакет*, *госпенсия*, *госпереворот*, *господдержка*, *госпрограмма*, *госсекретариат*, *госсоветник*, *госструктура*, *госТВ*, *гостелевидение*, *гостелерадиокомпания*, *госфункционар*, *госчиновник*, *госэкономика*, *госэпиднадзор*, *госязык* (НСЗ 2009: 412–426). Это по-прежнему чрезвычайно продуктивный аффиксоид, вновь обретающий актуальность в условиях смены экономической системы и появления оппозиции «государственный vs. частный».

К распространенным относится и аффиксоид *полит-*, также приводимый А. М. Селищевым среди наиболее частотных первых компонентов сложносокращенных слов (примеры – *политграмота*, *политзаключенный*, *политкружок*, *политуправление*, *политуровень*, *политчикта*, *политэконо-*

мия, СЕЛИЩЕВ 1928: 162, 238). В 1990-е годы – 14 неологизмов: *политактивность, политактивный, политбомонд, политдеятель, политреклама, политсезон, политстрасти, политструктура, политтехнолог, политтехнология, политтусовка, политтусовщик, политиоу, политэкология* (НСЗ 2014: 231–239).

Наконец, аффиксоид *спец-* зафиксирован в 34 неологизмах: *спецблага, спецборт, спецвертушка, спецфидеомагнитофон, спецврач, спецвыставка, спецдосмотр, спецжизнь, спецжилье, специмпорт, спецкладбище, спецкоммутатор, спецкорабль, специмузин, специфит, спецльготы, спецналог, спецперевозка, спецпитомник, спецполк, спецпосланник, спецпроезд, спецпрокурор, спецпротивогаз, спецсоветник, спецсредство, спецстоянка, спецсуд, спецуказ, спецхимия, спеццистерна, спецэкспорт, спецэкспортер, спецэкспортерство* (НСЗ 2014: 995–1015), у Селищева – только *спецставка*. Сравнительная частотность аффиксоида связана с его двузначностью: он толкуется как ‘предназначенный для определенного круга лиц’ и как ‘имеющий особое назначение’.

О распространении рассматриваемого способа словообразования свидетельствует также принадлежность сложносокращенных слов разным стилям и профессиональным сферам (ср. на транспорте – *колтара* ← *колесная пара, пасспотоки* ← *пассажирские потоки*), легкое образование разговорных, экспрессивных, сниженных номинаций (среди приведенных выше слов к ним относятся, например, *политтусовка* и *спецвертушка*), ср. вульгаризм *бешбабло* ← *бешеное бабло* (встречаются также *бешденги* ← *бешеные деньги*), где усеченный компонент пока не превратился в аффиксоид.

3. Сложносокращенные слова в других славянских языках

Авторы монографии *Историческая типология славянских языков*, говоря об аббревиации, указывают, что «комбинированные аббревиатуры, в состав которых наряду с сокращенными словами входят и несокращенные», свойственны – наряду с инициальными и слоговыми – всем славянским языкам (МЕЛЬНИЧУК 1986: 62–63). Этот тезис подкрепляется разнообразными примерами, из которых перечислим касающиеся рассматриваемых нами слов: рус. *вецмешок*, укр. *телепередача*, бел. *земснарад*, пол. *politminimim*, чеш. *Technoexport*, слцк. *politbyuro*, в.-луж. *politekonomija*, болг. *пластмаса*, с.-хорв. *Техногаз*, слнск. *informbiro*.

Легко заметить, что перед нами довольно разнородные слова, хоть и удовлетворяющие данному определению комбинированных (в других работах – «слогоморфемных», «смешанных», ср. МОГИЛЕВСКИЙ 1983) аббревиатур. Приводятся и сокращения словосочетаний с усеченным атрибутивным компонентом, и имена собственные – наименования организаций, образованные из многокомпонентных сочетаний, и слова с первой интернациональной частью греческого происхождения. Обращает на себя внимание также использование в качестве примеров очевидных заимствований из русского языка, советизмов.

Очевидно, что положение об общеславянском характере комбинированных аббревиатур нуждается как минимум в уточнении. С этой целью мы рассмотрели материал западнославянских языков, а также – в более ограниченной степени – сербского и болгарского. Для всех их характерны заимствования из русского языка, описывающие либо советские, либо общие для социалистических стран реалии: чеш., слцк. *politbyro / politické byro, socrealismus / socialistický realismus* (слцк. *realizmus*), пол. *politbiuro / biuro polityczne, socrealizm / realizm socjalistyczny*, серб. *politbiro / politički biro, socrealizam / socijalistički realizam*, болг. *соцреализъм / социалистически реализъм, политбюро / политическо бюро*. Число же собственных слов такого типа в инославянских языках неодинаково. Распространенным способом словообразования ОНО стала – наряду с русским и другими восточнославянскими – в болгарском языке, ср.: *медсестра, женкомисия, селсъвет, жилфонд, компартия* и др. (примеры из КАЛАЈДЖИЕВОВА 2013).

Сложносокращенные слова возникают в польском языке, как заимствованные из русского во времена ПНР (*politbiuro, partkomisja, litredakcja*), так и в постсоциалистический период (сложносокращенные слова с первым компонентом *spec-*: *speckomisja, specagent, specgrupa*, все примеры – РУДНИК-КАРВАТОВА 2008).

В чешском и словацком языках это периферийный тип (HELCL 1949: 163, HRVÁČEK 1972: 129, SOPIRA 1974: 178). Помимо вышеотмеченных советизмов, в чешском это меньше десятка слов из разных семантических групп: военные термины *dělpuk ← dělostřelecký puk* ‘артиллерийский полк’ и *kulrota ← kulometná rota* ‘пулеметная рота’ (ныне историзмы), общелитературные *alobal ← aluminiový obal*, ‘алюминиевая фольга’, *elmotor ← elektrický motor* (при более частом *elektromotor*) ‘электромотор’, *gramodeska ← gramofonová deska* ‘грамофонная пластинка’, а также *koldům ← kolektivní dům* ‘дом-коммуна’ (номинация при этом приобрела характер имени собственного: так обозначается единственный чешский дом-коммуна в г. Литвинов) и *Havlbrod* – разговорное название города *Havlíčkův brod*.

Не распространены такие номинации и в сербском языке (АХМЕДОВА 1990: 10). Как правило, это заимствования; к уже приведенным добавим *politkomesar* ‘политкомиссар’, *fiskultura* ‘физкультура’ (КЛАЈН 2002: 30, 171), а также возникшее, возможно, на собственной почве *konclogor ← koncentracioni logor* ‘концлагерь’.

Словацкие аббревиатуры такого типа, как указывает А. Сопира, относятся к «предприятиям, заводам и торговым организациям, полное название которых иногда даже невозможно вывести из сокращения. Например, *Agrochémia, Drevoúnia, Diafilm, Pressfoto, Slovpalent, Slovkoncert*» (SOPIRA 1974: 178). Это заключение можно распространить на все рассмотренные нами языки; такой способ словообразования получил в них распространение именно при сокращении официальных названий уникальных объектов – как правило, предприятий (западнославянские и сербский): «инвентарь аббревиатур этих (западнославянских. – Д. П.) языков представляет собой своеобразную номенклатуру единичных имен» (МОГИЛЕВСКИЙ 1983: 11). Это

аббревиатуры иного типа, т. к. для их образования используются не все их компоненты, а лишь «наиболее содержательно информативные слова полного наименования» (ЛОПАТИН 1980) предприятия или учреждения, которое может состоять и из большого количества слов, ср. рус. *Тулауголь* (ист.) – Тульский комбинат угольной промышленности, *Росмолодежь* – Федеральное агентство по делам молодежи, *Росвоенипотека* – Федеральное управление накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих и мн. др. Примеры из других славянских языков: чеш. *Strojexport*, *Motokov*, *Orgalen*, *Strojimport*; пол. *Polkabel*, *Centrostal*, *Polkolor*, серб. *Jugobanka*, *Centrotexstil*, *Jugopapir* и др. В западно- и южнославянских языках такие аббревиатуры обрели продуктивность в социалистический период, с национализацией экономики, появлением ряда новых организаций, преобразованием старых фирм в новые предприятия, функционирующие – и получающие наименования – по советским моделям. (Отметим в скобках, что попытки создать наименования такого типа случались – под очевидным влиянием «советского» образца – и раньше, ср. чеш. *Dědrasbor* ← *Dělnický dramatický sbor* ‘Рабочий драматический ансамбль’, пролетарская труппа, функционировавшая в 1920–1922 гг.).

В целом же отсутствие серийности при создании новых слов и малочисленность образованной таким способом апеллятивной лексики указывают на периферийность данной модели в рассмотренных языках (кроме болгарского и частично польского).

Отдельного рассмотрения заслуживают приведенные в *Исторической типологии славянских языков* слова с первой частью заимствованного (как правило, греко-латинского) происхождения, завершающейся гласным: *аэро-*, *био-*, *кино-* и т. д. Многие из них были также созданы усечением первого компонента исходного словосочетания (рус. *телепрограмма* ← *телевизионная программа*, *биофизика* ← *биологическая физика*) части, однако их самостоятельность (ср. *авто*, *фото*) приводит к образованию сложных слов без мотивирующих словосочетаний с атрибутивным компонентом: ср. *кинофильм* при отсутствии **кинематографический фильм*. Эти слова распространены не только в русском, но и в других славянских языках, где также функционируют первые элементы греко-латинского происхождения. Усиление гибридного словосложения (интернациональный / заимствованный аффиксоид + исконный корень) – характерная черта словообразования всех современных славянских языков.

4. Вопросы эквивалентности

Малое распространение данного способа словообразования в чешском, словацком, польском и сербском языках вызывает вопрос о том, наименования какого типа будут в них эквивалентами русских сложносокращенных слов. Очевидно, что мы сталкиваемся с межъязыковой асимметрией в области семантической компрессии (или универбации в широком понимании),

т. е. сведения аналитической, составной номинации к синтетической, однословной (ИСАЧЕНКО 1958).

По нашим наблюдениям, эквивалентами общелитературных сложносокращенных слов, имеющих нейтральный характер, будут прежде всего адъективно-субстантивные сочетания: *медсестра* – чеш. *zdravotní sestra*, слцк. *zdravotná sestra*, пол. *pielęgniarka*, серб. *medicinska sestra*; *госпремия* – *státní cena, štátna cena, nagroda państwowa, državna nagrada*; *госпредприятие* – *státní podnik, štátny podnik, przedsiębiorstwo państwowe, državno preduzeće*; *бортжурнал* – *palubní deník, palubný denník, dziennik pokładowy, (brodski) dnevnik*; *дипмиссия* – *diplomatická mise, diplomatická misia, misja dyplomatyczna, diplomatska misija*; *канцтовары* – *kancelářské potřeby, kancelárske potreby, artykuły papiernicze / biurowe, kancelarija*; *политзаключенный* – *politický vězeň, politický väzeň, więzień polityczny, politički zatvorenik*. В некоторых случаях, однако, встречаются однословные наименования, образованные от других основ, как в польск. *pielęgniarka* ‘медсестра’, ср. также чеш. дериваты со специальным значением суффикса: *стройматериалы* – *stavebniny, заготпункт* – *sběrna, роддом* – *porodnice* и др. Также используются дериваты – суффиксальные универбы: *автомобиль* – *automobilka, химзавод* – *chemička, турбюра* – *cestovka, автовокзал* – *autobusák, концлагерь* – *koncentrák*.

Наличие в русском языке рассматриваемого словообразовательного механизма компрессии наряду с суффиксальной универбацией приводит к тому, что сложносокращенные слова могут участвовать в универбационных цепочках, ср. *мультипликационный фильм* → *мультифильм* → *мультик*. В чешском и сербском языках такие цепочки невозможны (чеш. *animovaný film* → *animák*, серб. *crtani film* → *crtác*), а суффиксальные универбаты как результат семантической компрессии не испытывают конкуренции со стороны сложносокращенных слов.

Словари

НСЗ 2009 = БУЦЕВА Т. Н. (ред.) *Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века. Т. 1.* Санкт-Петербург: «Дмитрий Буланин», 2009.

НСЗ 2014 = БУЦЕВА Т. Н. (ред.) *Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века. Т. 3.* Санкт-Петербург: «Дмитрий Буланин», 2009.

Литература

АХМЕДОВА 1990 = АХМЕДОВА Р. Ж. *Аббревиация в сербскохорватском языке*: Дисс. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1990.

ЖИВОВ 2005 = ЖИВОВ В. М. *Язык и революция. Размышления над старой книгой А. М. Селищева. Отечественные записки* 2005/2.

<http://www.strana-oz.ru/2005/2/yazyk-i-revolyuciya-razmyshleniya-nad-staroy-knigoy-a-m-selishcheva>.

- ИСАЧЕНКО 1958 = ИСАЧЕНКО А. В. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков. *Slavia* 1958/3: 334–352.
- КАРЦЕВСКИЙ 1923 = КАРЦЕВСКИЙ С. И. *Язык, война и революция*. Берлин: «Русское универсальное издательство», 1923.
- КЛАЈН 2002 = КЛАЈН И. *Творба речи у савременом српском језику. Први део: Слагање и префиксација*. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства; Институт за српски језик САНУ; Нови Сад: «Матица српска», 2002.
- ЛЕВАШОВ 2009 = ЛЕВАШОВ Е. А. От редактора. В кн.: КОЗУЛИНА Н. А., ЛЕВАШОВ Е. А., ШАГАЛОВА Е. Н. *Аффиксоиды русского языка: Опыт словаря-справочника*. Санкт-Петербург: «Нестор-История», 2009.
- ЛЕХИКОИНЕН 1990 = ЛЕХИКОИНЕН Р. *Словарь революции – революция в словаре?: Аббревиатуры и иноязычная лексика в русском языке первого послереволюционного десятилетия*: Дисс. ... докт. философии. Хельсинки, 1990.
- ЛОПАТИН 1980 = ЛОПАТИН В. В. Словообразование имен существительных. В кн.: ШВЕДОВА Н. Ю. (ред.) *Русская грамматика*. Т. 1. Москва: «Наука», 1980.
- МЕЛЬНИЧУК 1986 = МЕЛЬНИЧУК А. С. (ред.) *Историческая типология славянских языков: фонетика, словообразование, лексика и фразеология*. Киев: «Наукова думка», 1986.
- МОГИЛЕВСКИЙ 1983 = МОГИЛЕВСКИЙ Р. И. *Очерки аббревиации славянских языков*: Автореферат дисс. ... докт. филол. наук. Москва, 1983.
- РУДНИК-КАРВАТОВА 2008 = РУДНИК-КАРВАТОВА З. Смягчение языковой нормы в польских массмедиа (словообразовательные инновации конца XX века). *Славяноведение* 2008/5: 71–76.
- РЯНСО 1968 = ПАНОВ М. В. (ред.) *Русский язык и советское общество: социолого-лингвистическое исследование*. Т. 2. *Словообразование современного русского литературного языка*. Москва: «Наука», 1968.
- СЕЛИЩЕВ 1928 = СЕЛИЩЕВ А. М. *Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926)*. Москва: «Работник просвещения», 1928.
- HELCL 1949 = HELCL M. ZKRATKOVÁ SLOVA. *Naše řeč* 1949/9–10: 161–170.
- HRBÁČEK 1972 = HRBÁČEK J. Zkratky a tvoření slov. *Naše řeč* 1972/2–3: 124–130.
- KALAJDŽIEVOVÁ 2013 = KALAJDŽIEVOVÁ N. *Abreviace v současné bulharštině ve srovnání s češtinou*: Disertační práce. Praha, 2013.
- SOPIRA 1974 = SOPIRA A. *Skratky a skratkové slová v ruštině a slovenčine*. Bratislava: Vysoká škola ekonomická, 1974.

Но может ли что быть новяе, как сие, что македонянин покоряет себе <i>афинян</i> <в рукописи зачеркнуто: <i>афинеан</i> > и Грециею правит? (ЛОМОНОСОВ 1952 ¹ : 288).	Γένοιτο γὰρ ἂν τι καινότερον, ἢ Μακεδὼν ἀνὴρ Ἀθηναίους καταπολεμῶν, καὶ τὰ τῶν Ἑλλήνων διοικῶν; D. Phil. 1, 10 Potest ne quid magis novum fieri, quam quod homo Macedo subigit Athenienses, et Graeciam administrat? (DEMOSTHENIS ET AESCHINIS 1572: 15).
--	--

Форма *афинеане*, вероятно, указывает на влияние латинского языка (*Athenienses*). В исторических словарях засвидетельствованы следующие варианты: ЛП *аθίνянин*; РФС *аθинянинъ*; Сл. РЯ XVIII в. *афіньяне* (*авинеанін*).

Название жителей Бактрии – *бактриане* – передает латинское слово «*Bactriani*» в ломоносовском переводе из Курция Руфа (Curt. Ruf. IV, 13, 5):

что в день встретят скифы и <i>бактриане</i> <Рит. рук. 1747 зачеркнуто: страшные лица — скифские и <i>бактрианские</i> > (ЛОМОНОСОВ 1952 ¹ : 361).	At interdum primum terribiles occursuras facies Scytharum <i>Bactrianorum</i> que (CURTIUS 1724: 265).
--	--

По модели слов типа *афиняне*, *бактриане* (совр. *бактрийцы*) ср. также:

- (1) Гомера *колофоняна* гражданином своим называют, *хиана* себе присвоят, *саламиняна* того же требуют, *смирняна* в том утверждают, что он их собственный, и для того капище в честь его в своем городе построили (ЛОМОНОСОВ 1952¹: 178).

Этот фрагмент *Речи в защиту поэта Архия* Цицерона заимствован Ломоносовым скорее всего из учебника по риторике И. К. Готтшеда (GOTTSCHEDE 1736: 456–457), у которого этот текст процитирован на немецком языке. Отметим, что и в немецких эквивалентах суффикс всюду один и тот же: *колофоняна* (совр. *колофонцы*) – нем. *Colophonier*; лат. *Colophonii*; *хиана* (совр. *хиосцы*) – нем. *Chier*; лат. *Chii*; *саламиняна* (совр. *саламинцы*) – нем. *Salaminier*; лат. *Salaminii*; *смирняна* (совр. *смирнцы*) – нем. *Smurner*; лат. *Smurnaei*.

Ломоносов использует формант *-ян/-ан* и в названиях других народов, где это не соответствует форме латинских и греческих названий, например, в переводе из Тацита (Tacit. De vita Agricolaе, 32, 4):

Галлы вспомнят прежнюю свою вольность, оставят их и прочие германцы, равно как недавно <i>узипяна</i> ³ от них отступили (ЛОМОНОСОВ 1952 ¹ : 180).	recordabuntur Galli priorem libertatem. deserent illos caeteri Germani, tanquam nuper <i>Usipii</i> reliquerunt (CAUSSINUS 1637: 827).
--	--

В других случаях античные этнонимы в переводах также переданы формами с *-ан/-ян*. Такая модель образования наименований античных народов встречается и в собственно русских текстах Ломоносова, прозаических и поэтических: *египтяна* (ЛОМОНОСОВ 1952¹: 52); *россияна* (ЛОМОНОСОВ 1952¹: 691); *трояна* (ЛОМОНОСОВ 1959: 160)⁴.

Житель острова Делос – лат. *deliacus* (совр. *делосец*) назван у Ломоносова *делианином* (ЛОМОНОСОВ 1952¹: 192).

Впрочем, если в латинском слове суффикс отсутствовал, то его нет и в русском эквиваленте: лат. *Syrgus* (совр. *сириец*) – *сирин* (ЛОМОНОСОВ 1952¹: 192).

Наряду с формами на *-ян/-ан* в русскоязычных текстах Ломоносова есть имена народов, преимущественно не относящиеся к античному миру, которые образованы по другим моделям, например, с суффиксом *-ец*: *германцы*, *чухонцы* (ЛОМОНОСОВ 1952²: 22), *волынцы* (ЛОМОНОСОВ 1952²: 175), *естонцы* (ЛОМОНОСОВ 1952²: 197), *будинцы* (ЛОМОНОСОВ 1952²: 201), *корсунцы* (ЛОМОНОСОВ 1952²: 227), *казанцы* (ЛОМОНОСОВ 1952²: 321), *украинцы* (ЛОМОНОСОВ 1952²: 362), *шипанцы* (ЛОМОНОСОВ 1952²: 439), *самоядцы*, *гренландцы*, *баффинцы* (ЛОМОНОСОВ 1952²: 496). Также в текстах Ломоносова встречаются этнонимы без какого-либо суффикса: *юкагары* (совр. *юкагиры*), *чукчи* (ЛОМОНОСОВ 1952²: 496).

2. Рецепция античных реалий происходила в России XVIII в. под влиянием новоевропейской культуры. Греческие имена известных мифологических персонажей, видимо, по европейской традиции, заменялись в переводах Ломоносова на их латинские соответствия в римской мифологии (Афина

³ В современном русском языке это кельтское племя называется *узипы*.

⁴ Ср. названия славянских народов: *древляне*, *полочане*, *бужане*, *поляне* и др.

– Минерва, Гера – Юнона, Эрот – Купидон)⁵. Например, в переводе речи Одиссея к Ахиллу из IX песни «Илиады» Гомера (Hom. II. IX 253–255):

Дадут тебе, сказал, <i>Юнона и Минерва</i> Победу на врагов, ты будь великодушен. Всего похвальнее добросердечным быть (ЛОМОНОСОВ 1959: 161).	Τέκνον ἐμόν, κάρτος μὲν Ἀθηναίη τε καὶ Ἥρη Δώσουσ' αἰκ' ἐθέλωσι, σὺ δὲ μεγάλῃορα θυμὸν ἴσχειν ἐν στήθεσσι· φιλοφροσύνη γάρ ἀμείνων (HOMERUS 1606: 159)
--	---

В латинском переводе Гомеровской поэмы, выполненном в XVI в. Жаном де Спондом ср. замену греческих имен на латинские:

Fili mi, uictoriam quidem <i>Mineruaque & Iuno</i> Dabunt, si uoluerint, tu autem magnum animum Contine in pectoribus: benignitas enim melior est (HOMERUS 1606: 159).

В текстах Ломоносова не встречается ни одного имени греческого мифологического персонажа или топонима, кроме тех, которые были заимствованы римской и европейской культурой (напр., название западного ветра: греч. ζέφυρος, лат. zephyrus, фр. zéphyre, русск. зефир).

3. Сопоставление оригинала и перевода прозаических текстов показывает, что Ломоносов точно следовал за структурой и стилем переводимого текста. Однако русский текст неизбежно отличался от прототипа, и нередко наиболее заметные различия были связаны с передачей латинской лексики, выражающей исторические реалии. В частности, переводчик стремился заменить историзмы более современными и понятными соответствиями: например, в переводе эпизода из *Жизнеописания Юлия Агриколы* Тацита Ломоносов использует слово *переведенцы* вместо *колоний* (Tacit. De vita Agricolae, 32, 4):

Больше сего нет никакого страху: крепости пусты, <i>переведенцы</i> все старые люди (ЛОМОНОСОВ 1952 ¹ : 180).	Nec quicquam ultra formidinis, vacua castella, senum <i>coloniae</i> (CAUSSINUS 1637: 827).
--	--

Ломоносов переводит *senum coloniae* (букв. ‘колонии за стариками’) «переведенцы все старые люди».

В исторических словарях русского языка зафиксированы оба слова: *переведенцы* и *колония*. Слово *переведенцы*, вероятно, было хорошо знакомо русским читателям: так называли переселенцев из других областей государства: «Крестьянин, переведенный с одной земли на другую; переселенец» (Сл.РЯ XI–XVII вв. 14, 215); «Переселенец, вновь поселенный где житель; из стороны в другую переведенный или перемещенный обитатель» (САР, 1, 545).

Термин *колония* существовал в русском языке уже в XVII в. как обозначение античной реалии (см. Сл.РЯ XI–XVII вв. 7, 250–251), однако Ломоносов использовал русский эквивалент, и слово *колония* вообще не зафиксировано в его текстах, зато термин *переведенцы* появляется шесть раз и применяется не только к античным, но и к новым реалиям: так Ломоносов называет переселенцев внутри государства и переселенцев в другие части света (европейцев – в Америку, французов – на Бурбонский о-в (совр. Реюньон) в Индийском океане).

В другом примере из Цицерона (Cic. In Ver. V, 117–118) термин греческого происхождения Ломоносов в итоге и вовсе опускает, но в первоначальном варианте он перевел его, также избежав кальки (лат. *nauarchus* ‘командующий флотом’):

Заключаются осужденные в темницу, казнь им узаконяется, но страдают и бедные <i>их</i> <в рукописи 1747 г.: <i>их</i> вместо зачеркнутого <i>мореплавателей</i> > родители (ЛОМОНОСОВ 1952 ¹ : 130).	Includuntur in carcerem condemnati: supplicium constituitur in illos: Sumitu de miseris parentibus <i>nauarchorum</i> (CAUSSINUS 1637: 266).
--	--

Можно предположить, что Ломоносов переводил античный текст так, чтобы современник и соотечественник не отвлекался на специфические древние реалии, но следовал за аргументацией автора. То же наблюдается и в другом фрагменте перевода из *Истории* Тацита (Tacit. Hist. I, 79),

⁵ В «Материалах к Российской грамматике Ломоносова имеется переложение имен римских богов на славянский язык: Юпитер – Перун, Юнона – Коляда, Венера – Лада (Ломоносов 1952¹: 618, 708, 709).

который Ломоносов приводит в своих замечаниях относительно диссертации Г. Ф. Миллера *Происхождение имени и народа Российского*:

Тацит свидетельствует, что роксолане при Оттоне, кесаре римском, девять тысяч конных латников ворвались в Мисию и два баталиона римлян побили (ЛОМОНОСОВ 1952 ² : 28).	Eo audentius Rhoxolani Sarmatica gens, priore hieme caesis duabus cohortibus; magna spe ad Moesiam irruerant, novem millia equitum ex ferocia & successu (ТАЦИТУС 1721: 111–112).
---	---

Используя в этом эпизоде словосочетание конный латник, вместо всадника (лат. *eques*), Ломоносов привносит в описание дополнительную деталь, создавая выразительный образ роксолан, которых он считал предками славян, которые даже «языком славенским» говорили (ЛОМОНОСОВ 1952²: 28–29). Таким образом, вероятно, Ломоносов осознанно вносит в свой перевод то, что может помочь ему в аргументировании своих рассуждений⁶. Слово латник зафиксировано в Сл.РЯ XI–XVII вв. (8, 180), в РФС (1, 575), в САР (3, 1144) и в Сл.РЯ XVIII в. (11, 126); всадник – в ЛП, 140; Сл.РЯ XI–XVII вв. (3, 115), в РФС (1, 167), в САР (5, 310) и в Сл.РЯ XVIII в. (4, 137).

Слово когорта, которое бы точно передавало лат. *cohors* в оригинальном тексте, зафиксировано историческими словарями, но в сочинениях Ломоносова не употреблялось. В русских текстах других авторов XVIII в. оно использовалось как историзм (когорт с нач. XVIII в., когорта – с сер. XVIII в.). Наряду с ним, для обозначения римских военных подразделений (чаще – пехотных) иногда использовалось слово батальон (заимствованное из французского или немецкого языка): в Сл.РЯ XI–XVII вв. (1, 79); в РФС (1, 28), в САР (1, 109) и в Сл.РЯ XVIII в. (1, 150).

В переводе фрагмента из *Истории Александра Великого Македонского* Квинта Курция Руфа (IV, 13, 4) Ломоносов переводит относящееся к Пармениону, македонскому полководцу, соратнику Филиппа II и Александра, словосочетание «*peritissimus inter duces artium belli*» (CURTIUS 1724: 265) как «искуснейший из генералов» (букв. 'опытнейший между вождями военных искусств'). По данным САР, «генерал собственно значит начальный, главный» (САР, 2, 32). Генеральский чин в России был введен Петром I, а в отношении иностранцев он использовался и раньше (Сл.РЯ XVIII в. 5, 100). Таким образом, выбирая слово генерал Ломоносов «приближает» античную реальность к своей современности, создавая отчетливый, простой и понятный образ военачальника. Другие античные полководцы в текстах Ломоносова также названы «генералами», например: Эней – «генерал (в соч. 1759 г. исправлено на «князя») троянский», Азиний Поллион – «славный генерал римский», Сципион – «генерал римский» (ЛОМОНОСОВ 1952¹: 201, 94, 342).

Рассмотренный материал показывает некоторые тенденции в передаче античных имен и терминов в русских текстах М. В. Ломоносова. Во-первых, особенное значение имела латинская литературная традиция, воспринятая новоевропейскими культурами. Это заметно как в выборе римских эквивалентов имен греческих мифологических персонажей, так и в калькировании латинской словообразовательной модели в образовании этнонимов. Во-вторых, при передаче античных терминов Ломоносов нередко передавал их соответствующими словами русского происхождения или вошедшими в русский язык иностранными словами, отражавшими современные реалии, понятные читателю.

Словари

ЛП = ПОЛИКАРПОВ Ф. *Лексикон трехязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище*. Москва: «Печатный двор», 1704.

САР = *Словарь Академии Российской*. Т. 1–6. Санкт-Петербург: «Имп. Академия Наук», 1789–1794 гг.

Сл. РЯ XI–XVII вв. = *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Москва: «Наука», 1975–.

РФС = БАБАЕВА Е. Э. *Русско-французский словарь Антиоха Кантемира*. Т. 1–2. Москва: «Азбуковник»; «Языки славянской культуры», 2004.

Сл. РЯ XVIII в. = *Словарь русского языка XVIII века*. Вып. 1–6. Ленинград: «Наука», 1984–1991. Вып. 7–21 – Санкт-Петербург: «Наука», 1992–2015–.

Литература

Будилович 1869 = Будилович А. М. В. *Ломоносов, как натуралист и филолог*. Санкт-Петербург, 1869.

Виноградов 1934 = Виноградов В. В. *Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.* Москва: «Высшая школа», 1934.

⁶ В замечаниях М. В. Ломоносова на указанную диссертацию Г. Ф. Миллера родился спор о варягах, продолжающийся по сей день, см. об этом, например, Клейн 2009.

- ДАМАСКИН 1778 = ДАМАСКИН (СЕМЕНОВ-РУДНЕВ Д. Е.) *Покойнаго статскаго советника и профессора Михайлы Васильевича Ломоносова собрание разных сочинений в стихах и в прозе*. Кн. 2. Москва: «Имп. Моск. Ун-т», 1778.
- ЕГУНОВ 1962 = ЕГУНОВ А. Н. Ломоносов – переводчик Гомера. В кн. БЕРКОВ П. Н., СЕРМАН И. З. (ред.) *Литературное творчество Ломоносова*. Москва; Ленинград: «Изд-в АН СССР», 1962. 197–218.
- ЖИВОВ 2017 = ЖИВОВ В. М. *История языка русской письменности*. Т. II. Москва: «Ун-т Дмитрия Пожарского», 2017.
- КАЗАРЦЕВ 2013 = КАЗАРЦЕВ Е. В. "Die gekronte Hoffnung des Russischen Keisertums..." Готлоба Юнкера в переводе М. В. Ломоносова. *Русская литература*. 2013/3: 99–111.
- КЛЕЙН 2009 = КЛЕЙН Л. С. *Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон*. Санкт-Петербург: «Евразия», 2009.
- КОРОВИН 1961 = КОРОВИН Г. М. *Библиотека Ломоносова*. Москва; Ленинград: «Изд-во АН СССР», 1961.
- КУТИНА 1964 = КУТИНА Л. Л. *Формирование языка русской науки. Терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII века*. Ленинград: «Наука», 1964.
- КУТИНА 1966 = КУТИНА Л. Л. *Формирование терминологии физики в России. Период предломоносовский: первая треть XVIII века*. Ленинград: «Наука», 1966.
- СУХОМЛИНОВ 1895 = СУХОМЛИНОВ М. И. *Сочинения М. В. Ломоносова с объяснительными примечаниями академика М. И. Сухомлинова*. Т. 3. Санкт-Петербург, 1895.
- СОМТЕТ 2012 = СОМТЕТ R. Mixail Vasil'evič Lomonosov (1711–1765) et le latin. *Revue des études slaves*. Т. 83. Fasc. 2–3. Paris, 2012. 691–707.
- КАПЕРТ 1981 = КАПЕРТ Н. М. V. Lomonosov als Übersetzungstheoretiker. *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. Bd. 27 Wien, 1981. 27–48.

Источники

- ЛОМОНОСОВ 1778: ЛОМОНОСОВ М. В. *Собрание разных сочинений в стихах и прозе*. Т. 2. Москва: тип. Моск. Ун-та, 1778.
- ЛОМОНОСОВ 1952¹ = ЛОМОНОСОВ М. В. *Полное собрание сочинений*. Т. 7. Труды по филологии. 1739–1758 гг. Москва; Ленинград: «Изд-во Академии наук СССР», 1952.
- ЛОМОНОСОВ 1952² = ЛОМОНОСОВ М. В. *Полное собрание сочинений*. Т. 6. Труды по русской истории. 1747–1764 гг. Москва; Ленинград: «Изд-во Академии наук СССР», 1952.
- ЛОМОНОСОВ 1954 = ЛОМОНОСОВ М. В. *Полное собрание сочинений*. Т. 5. Труды по минералогии, металлургии и горному делу. 1741–1763 гг. Москва; Ленинград: «Изд-во Академии наук СССР», 1954.
- ЛОМОНОСОВ 1959 = ЛОМОНОСОВ М. В. *Полное собрание сочинений*. Т. 8. Поэзия. Ораторская проза. Надписи. 1732–1764 гг. Москва; Ленинград: «Изд-во Академии наук СССР», 1959.
- CAUSSINUS 1637 = CAUSSINUS N. *De eloquentia sacra et humana libri XVI*. Lugduni, 1637.
- CURTIUS 1724 = CURTIUS R. *De Rebus gestis Alexandri Magni, Regis Macedonum. Curavit et digessit H. Snakenburg. Delphis, & Lugd. Bat.: apud A. Beman, S. Luchtmans, 1724.*
- DEMOSTHENIS ET AESCHINIS 1572 = DEMOSTHENIS ET AESCHINIS, principium Graeciae oratorum, opera. *Per H. Wolfium Oetingensem, utriusque linguae in Augustana Schola professorem*. Basileae, 1572.
- GOTTSCHED 1736 = GOTTSCHED J. Chr. *Ausführliche Redekunst*. Leipzig: Bey Bernhard Christoph Breitkopf, 1736.
- НОМЕРУС 1606 = НОМЕРУС, quae exstant omnia. *Cum latina versione omnium quae circumferuntur emendatis, aliquot locis iam castigatiore. Perpetuis item justisque in Iliada simul et Odysseam Io. Spondani Mauleonensis commentariis*. Basileae: Per Sebastianum Henricpetri, 1606.
- ТАЦИТУС 1721 = ТАЦИТУС. *Opera*. II. *Trajecti Batavorum*. Utrecht: apud Bibliop. J. à Poolsum, et J. Visch, 1721.

В. А. ФЕДОСОВ

Две грамматические традиции

Two grammar traditions

Abstract: According to Russian descriptive grammar traditions researchers should first describe the noun, and then the verb in contrast with Hungarian traditions, where the description of the noun follows the one of the verb. Russian linguists focused on subject-verb agreement, while Hungarian morphologists took into consideration that it is the verb that carries almost all the forms in the sentence.

Keywords: grammar, tradition, noun, verb.

1. Русская и венгерская традиция

В соответствии с русской традицией грамматика (морфология) описывается, начинаясь с именных частей речи: считается, что в речи, в предложении, сначала идет существительное, называющее предмет, а затем – глагол, называющий действие предмета. В соответствии с венгерской традицией морфология описывается, начинаясь с глагола, так как в венгерском языкознании принято считать, что в речи, в предложении, главным словом является глагол, называющий действие предмета, а существительное, именуемое предмет, конкретизирует действие.

Венгерский языковед Й. Балашша пишет: «Главнейшей частью речи является глагол ... Глагол и без других частей речи может образовать предложение: *Írok* ('Я пишу')» (БАЛАШША 1951: 76–77). Й. Балашша приводит пример: *Az ember az erdőben vágja a fát* ('Человек в лесу рубит дерево'), в котором центром предложения, по его мнению, является глагол *vágja* 'рубит', существительное же при глаголе может быть любым членом предложения: субъект действия (*az ember* 'человек'), обстоятельство действия (*az erdőben* 'в лесу'), объект действия (*a fát* 'дерево').

В русской традиции глагол, называющий действие, считается признаком предмета, а именно «процессуальным признаком» (КРАТКАЯ ГРАММАТИКА 1996: 263). При этом признак этот не является единственным: у предмета есть еще признаки, называемые прилагательными, числительными и др. Этот факт соответствует объективной действительности, в которой сначала обнаруживает себя предмет, а затем – его признак. Соответствует этот факт и языковой действительности: в предложении глагол (сказуемое) согласуется в формах с существительным (подлежащим).

Глагольной лексики действительно много, но предметной лексики все же больше, что тоже говорит о том, что предметная лексика в предложении более важная, чем глагольная, называющая действие предмета.

Венгерские грамматисты, начиная с глагола, описывают морфологию не только венгерского, но и русского языка, например (ДЕЖЁ 1984); (ШАЛЬГА 1984) и др. Исключение составляет *Курс современного русского языка* под ред. акад. Ф. Паппа (КУРС 1977), в котором сначала подробно описываются именные части речи, а затем – глагольные. Соответственно русские грамматисты, начинающие описание русской морфологии с существительного, в такой же последовательности описывают и морфологию венгерского языка, см. например (МАЙТИНСКАЯ 1955; 1959; 1960).

Некоторые венгерские грамматисты в описании русского языка отходят от венгерской традиции, обращаясь к русской традиции. Например, венгерский языковед И. Пете в своей *Морфологии русского языка* пишет: «Существительное называет независимый предмет. Глаголы называют действия предметов, которые происходят во времени, т. е. процессуальные признаки предметов» (ПЕТЕ 2005: 9). Первый том своей *Морфологии* И. Пете посвящает существительному, а второй том – глаголу. В ранних изданиях этой же *Морфологии русского языка* существительное и глагол располагались в обратном порядке, см. (ПЕТЕ 1991). И. Пете – глубокий, обстоятельный исследователь, и надо полагать, что замена у него венгерской грамматической традиции на русскую традицию отвечает объективной реальности языка.

2. Категория лица и категория времени

Когда порождается (и воспринимается) предложение, то начинается это вовсе не с существительного или глагола, а с предложения в целом. В самом начале предложения образуются пространственные и временные ориентиры того, о чем говорится в предложении. В связи с этими ориентирами появляются и составные части предложения – подлежащее и сказуемое (существительное и глагол).

Существительное, называющее предмет, получает в предложении пространственную характеристику, а глагол, называющий действие предмета, характеризуется во времени. Пространственные ориентиры в предложении формируются как *категория лица*. Лицо, которое создает предложение, – это 1-ое лицо. Тот, кому адресуется предложение, – это 2-ое лицо. Лицо, о котором говорится в предложении, – это 3-е лицо. В роли 3-го лица могут выступать и неодушевленные предметы. Время в предложении формируется как *категория времени*. За точку отсчета времени принимается время создания предложения 1-ым лицом. Если время действия предмета речи (3-го лица), совпадает с моментом речи (1-го лица), то это действие – настоящего времени. Если действие предмета (3-го лица) предшествует говорению, то это действие – прошедшего времени. Если действие предмета (3-го лица) следует за говорением (1-го лица) то это действие 3-го лица – будущего времени. Время действия 3-го лица, о котором сообщается в предложении 2-

ому лицу, составляет часть информации о действии предмета (3-го лица), основная часть информации – это сообщение о предмете действия (3-ем лице).

Носителем категории лица в предложении является существительное (одушевленное и неодушевленное), а носителем категории времени – глагол. Однако маркеры (формы) как той, так и другой категории сосредотачиваются в глаголе. Категории пространства и времени присутствуют вместе в одном предложении, а глагол как процессуальный признак предмета, следует за своим предметом, поэтому глагол и собирает в себе маркеры (формы) обеих категорий. Так, на двери врачебного кабинета в студенческом общежитии было написано: *Kopogás után kérjük várjon* 'После стука просим ждать'. Существительное *kopogás* имеет две очевидные формы: 1) имен. падеж, 2) ед. ч., – в то время как глагол *kérjük*, – имеет, по меньшей мере, четыре формы: 1) 1-ое лицо, 2) наст. время., 3) множ. ч., 4) объектное спряж. Столько же форм и у глагола *várjon*: 1) 2-ое лицо, 2) наст. время, 3) един. ч., 4) повелит. накл. Явно, что у глагола больше форм, чем у существительного, в том числе и таких важных и обязательных, как формы лица и времени.

Надо полагать, что убеждение в том, что действие – более важная категория, чем предмет, а глагол – более важная часть речи, чем существительное, сложилось в венгерском языкознании под воздействием того, что почти вся грамматическая маркировка в предложении (как в венгерском, так и в русском языке) сосредотачивается в глагольном слове; существительное же в меньшей мере «нагружено» грамматическими формами, чем глагол.

3. О последовательности предложений

Традиционная грамматика, в том числе и в русской, и венгерской традиции, при описании предложения основывается на формальной логике, которая исключает развитие своего предмета. В традиционной грамматике поэтому не описывается то, как развивается предложение, как оно начинается при его порождении (восприятии) в речи, как развертывается, как заканчивается. Самое большее, что утверждается в плане развития предложения, – это то, что сначала в предложении появляется одно слово, затем к нему присоединяется второе слово, потом третье и т. д. Какие при этом происходят качественные изменения в предложении, не описывается.

О многом в развитии предложения может свидетельствовать генезис предложения, образование предложения в детской речи, см., в частности (ГВОЗДЕВ 1981), становление предложения при усвоении второго (иностранного) языка (ФЕДОСОВ 2007). Сначала употребляется *полусловное* (междометное) предложение, например: *Ма-а!* Это еще не слово, но функционально это уже слово: оно выполняет коммуникативную функцию и даже именуется нечто в этой коммуникации (ФЕДОСОВ 2009). Затем следует *однословное* предложение, например: *Мама!* Чаще всего это предметное слово (ФЕДОСОВ 2008). После появляется *полторасловное* предложение: обычно это название предмета в сочетании с различного рода указательными словами (место-

имениями, частицами), готовящими появление второго слова: *Вот мама!* (ФЕДОСОВ 2008б). Наконец, формируется и настоящее *двухсловное* (потом и многословное) предложение с полноценными определителями предмета (и действия), например: *Мама, иди!* (ФЕДОСОВ 2012).

Таким образом, описание грамматики, если ее описывать в развитии, начинается не с существительного и не с глагола, а с предложения в целом. Описывать предложение в развитии – не значит описывать его в диахронии. Диахронию тоже можно начинать с существительного или глагола, как и синхронию. Диахрония – та же синхрония, представленная в виде «синхронных срезов». Развитие языка – это представление языка в том виде, как он проявляется при порождении (или распознавании) предложения, например: однословное предложение, полуторасловное, двухсловное и т. д., – в виде ряда единиц, из которых каждая последующая единица является усложнением предшествующей единицы. Развитие языка – это и не история языка, которая, впрочем, есть развитие языка в конкретно-историческом виде.

Литература

- БАЛАШША 1951 = БАЛАШША Й. Венгерский язык. Москва: «Издательство иностранной литературы», 1951.
- ГВОЗДЕВ 1981 = ГВОЗДЕВ А. Н. *От первых слов до первого класса: дневник научных наблюдений*. Саратов: «Издательство Саратовского университета», 1981.
- ДЕЖЁ 1984 = ДЕЖЁ Л. *Типологическая характеристика русской грамматики в сопоставлении с венгерской. Простое предложение*. Будапешт: «Танкёньвкиадо», 1984.
- КРАТКАЯ РУССКАЯ ГРАММАТИКА 1989 = ШВЕДОВА Н. Ю., ЛОПАТИН В. В. (ред.) *Краткая русская грамматика*. Москва: «Русский язык», 1989.
- КУРС 1977 = БОЛЛА Л., ПАЛЛ Э., ПАПП Ф. *Курс современного русского языка*. 4-ое издание. Будапешт: «Танкёньвкиадо», 1977.
- МАЙТИНСКАЯ 1955 = МАЙТИНСКАЯ К. Е. *Венгерский язык*. Том 1. Введение. Фонетика. Морфология. Москва: «Издательство АН СССР», 1955.
- МАЙТИНСКАЯ 1959 = МАЙТИНСКАЯ К. Е. *Венгерский язык*. Том 2. Грамматическое словообразование. Москва: «Издательство АН СССР», 1955.
- МАЙТИНСКАЯ 1960 = МАЙТИНСКАЯ К. Е. *Венгерский язык*. Том 3. Синтаксис. Москва: «Издательство АН СССР», 1955.
- ПЕТЕ 1991 = ПЕТЕ И. *Морфология русского языка в сопоставлении с венгерским*. 2-ое издание. Будапешт: «Танкёньвкиадо», 1991.
- ПЕТЕ 2005 = ПЕТЕ И. *Морфология русского языка*. Сегед: Szlav Intézet, 2005.
- ФЕДОСОВ 2007 = ФЕДОСОВ В. А. Последовательность типов простого предложения при овладении иностранным языком. *Studia Slavica Savariensia*, 2007/1–2: 136–146.
- ФЕДОСОВ 2008 = ФЕДОСОВ В. А. Однолексемные предложения в венгерских школьных учебниках русского языка. *Вестник. Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания*. 2008: 26–32.
- ФЕДОСОВ 2009 = ФЕДОСОВ В. А. Междометные предложения в русском языке (в венгерских школьных учебниках русского языка для начального обучения). *Slavica XXXVIII*. 2009: 217–238.

- ФЕДОСОВ 2009б= ФЕДОСОВ В. А. Полуторасловные предложения (в учебниках русского языка для начального обучения). В кн.: *Языковые категории и единицы: синтагматический аспект*. Материалы восьмой международной конференции (Владимир, 24–26 сентября 2009 года). Владимир: ВГГУ, 2009: 372–377.
- ФЕДОСОВ 2012= ФЕДОСОВ В. А. От слова-предложения к сложному предложению (при описании русского предложения). *Studia Slavica Hung.* 57/1. 2012: 111–126.
- ШАЛЬГА 1984= ШАЛЬГА А. *Венгерский язык в зеркале русского языка. В помощь преподавателям русского языка, обучающим венгерских студентов*. Будапешт: «Танкёньвиадо», 1984.

Ю. В. ХРАМОВ

К этимологии русского *морюшка* "Rubus chamaemorus"

On the Etymology of the Russian *морюшка* "Rubus chamaemorus"

«Только всего-то навсего –
Тундра, морюшка мразена...»
(Марина Цветаева: Сибирь)

Abstract: In modern literature on the etymology of the word *морюшка* "Rubus chamaemorus" its Finno-Ugric origin is accepted. However, this version of the explanation is still not fully developed. It seems expedient to return to the proper Slavic etymologization of this word and pay attention to its multivariance in Russian folk dialects. The cloudberry is called *моховая смородина*, *морозка*, *смородка*, *сморожка*. It is possible that the modern *морюшка* is a reinterpreted form of *смородина* according to the following model: *смородина* → *сморожка* → *морозка* → *морюшка*. Also possible is the motivation of the name of the plant as a northern berry, a winter-hardy culture or a plant exposed to spring frosts: *морозка* → *морюшка* → *морюшка*.

Keywords: borrowing, multiple etymology, East Slavic languages, dialects, plant names.

В связи с публикацией новых выпусков Словаря русских народных говоров (далее – СРНГ), различных диалектных, исторических, двуязычных словарей русского и других восточнославянских языков меняется представление об этимологии многих русских слов. В качестве примера мы разберем русское слово *морюшка*, имеющего соответствия в восточнославянских языках (укр. *морюшка*, блр. *марюшка*), а также в польском и чешском (польск. *mroszka*, чешск. *toroška* рассматриваются как заимствования из русского).

В современной литературе об этимологии слова *морюшка* "Rubus chamaemorus" закрепилось его финно-угорское происхождение (ФАСМЕР II: 658; КИПАРСКИЙ III: 89; ЭСБМ VI: 236; МАСНЕК 1954: 102). Примеры: фин. *tuurain*, *tuurama* 'морюшка', карел. *tuuroan*, эст. *turakas*, манс. *morax* то же и др. (лексемы восходят к предполагаемой древней уральской форме **mura* 'болотная ягода, клюква' (КЭСЛЯ: 183–184, ШЭСЛЯ: 131–132, NSES: 750). Однако данная версия объяснения до сих пор разработана не до конца (АНИКИН 2000: 392). Самая близкая к *морюшка* форма – мансийская. Однако если иметь в виду тот факт, что ударение в манс. всегда падает на первый слог (ЯЗЫКИ 2001: 262), форма *морюшка* не выводится из *morax*. Должна

быть *мо́рох*. В русских говорах Карелии встречается подобная форма, но она чуть ли не единственная и не полностью ясная (о ягоде ли идет речь?): *мо́рох*, м. *Морошка* (?). А на раде *мо́роха* нет. *Онеж.* (СРГК III: 259). По данным СРНГ, *мо́рох* обозначает мглу, туман, мелкий частый дождь, облако, тучу (СРНГ XVIII: 275). В. Меркулова, рассуждая о логичности и правдоподобности финского происхождения *морошка*, говорит о том, что рассматриваемое слово «имеет русский облик» (МЕРКУЛОВА 1967: 227). В. Меркулова пишет: «Финские заимствования в названиях ягод многочисленны» (МЕРКУЛОВА 1967: 225). Однако при анализе материала оказывается явное преувеличение финского элемента: см., например архангельское онежско-кемское название спелой морожки *рыхлица*. В. Меркулова даже в этом случае допускает калькирование определения спелой морошки в финских языках: ср. фин. *turakka* ‘хрупкий, рыхлый, ломкий’, эст. *mure* ‘рыхлый’, *turakad* ‘морошка’. Стоит заметить, что в 1967 г., когда была опубликована монография В. А. Меркуловой, славянские этимологии слова *морошка* рассматривались в качестве малоубедительных по причине неучета авторами финно-угорского материала. Сейчас ситуация несколько иная: при наличии финно-угорского материала расширился и собственно славянский словарный фонд. Нельзя сказать, что этих данных достаточно для определения окончательной этимологии слова (особенно жаль, что не хватает исторических памятников народно-разговорного языка), однако, пути этимологизации, как мы покажем далее, очертить все-таки можно.

Автор статьи разделяет ту точку зрения на проблему заимствований, при которой сама ее возможность возникает только в том случае, если исчерпаны все ресурсы объяснения слов в рамках одного какого-либо языка, см., например, мнение Ю. В. Откупщикова (Откупщиков 2005: 207).

Представляется целесообразным вернуться к собственно славянской этимологизации этого слова¹ и обратить внимание на его многовариантность (в плане формы) в народных говорах русского и других восточнославянских языков.

Мы не ставим задачу обоснования одной-единственной этимологии, мы критически оцениваем гипотезу о заимствовании и на основании имеющихся языковых данных пытаемся определить пути этимологизации. В свое время В. Н. Топоров, отстаивая синхронный подход к этимологии, по сути, говорил о разной мотивированности слова в зависимости от того синхронного среза, на котором оно этимологизируется (ТОПОРОВ 1960: 49–53). Мы разделяем идеи В. Н. Топорова о множественной этимологии (ТОПОРОВ 1960: 44–59) и придаем особое значение различным народно-этимологическим осмыслениям какого-либо слова. Ассоциативно-смысловые связи слов в народных

¹ См. гипотезы Г. Ильинского (связь с *марать*), Р. Брандта (связь с *моросить*), Ф. Миклошича (связь с укр. *морква* ‘болото’, лит. *mirkti*, *mirksti* ‘мокнуть’). Если постулировать это соотношение, то, как пишет А. Преображенский, «*морошка* из **морочка*» (ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ 1914: 558). Авторы ЭСУМ предполагают, что слово *морошка* связано с укр. *морох* ‘плесень, мох’, которое, по ЭССЯ, относят к *моросить* и под. (ЭССЯ 19: 222).

говорах, на наш взгляд, могут указывать на подлинную этимологию слова. Итак, перейдем к фактам.

В русских диалектах морошку называют *моховой смородиной* (взаимодействие наименований смородины и морошки можно проследить уже по словарю В. Даля, см. *мохóвка* ‘черная смородина, растущая на болоте, во мхах’ Сиб. (СРНГ 18: 312), а также нем. *Moosbeere* ‘клюква, буквально – моховая ягода’), *морóгой* (ЯОС: 59), *морóжиной* Верхне-Тоем. Арх., 1963–1965, *морóзкой* Твер., *морóской* Твер., *мурóшкой* Тюменская обл. (КОШКАРЕВА 1997: 64), *морóхой* Онеж. Арх., 1878. Мстин. Новг. (СРНГ XVIII: 271, 275), *смородкой*, *сморожкой* Жигал. Иркут., 1963 (СРНГ XXXIX: 44, 45). Здесь обратим внимание на диалектные формы, связанные с взаимодействием *смородина* и *морошка*, а также на возможное образование *морошка* от *мороз* и *моросить*, отдельно скажем о лексеме *морóга*.

Теперь посмотрим на ареал распространения *Rubus chamaemorus*. Это арктические и субарктические области северного полушария. Распространен в арктической и субарктической Европе, Азии и Северной Америке. В Америке в Гренландии, Аляске, на юге не идет дальше Орегона; на востоке до штатов Мэн и Нью-Гемпшайр. В Европейской части России и в Сибири занимает громадные пространства и на север поднимается за полярный круг. В большинстве случаев растет на болотах (КФ XVI: 170–171).

В рус. яз. отмечается в памятниках с XVI века в формах *морошка*, *морожка*, *марушка*, *морушка*, *мурушка*, см. материалы КСРС; СлРЯ XI–XVII вв., IX, 267; ЭСРЯ, X, 317. В имеющем большое значение для изучения истории русского языка Словаре М. Ридли встречаются формы *мороска* ‘a kind of red berry’ и *моруськ ягодъ* ‘atut, morus celsi’ (RIDLEY 1996: 221, 508). В Словаре Р. Джемса находим форму *moroska* с шепелявым *c*’ (ЛАРИН 1959: 49, 71).

Не исключено, что современное *морошка* – переосмысленный вариант *смородина* по следующей модели: *смородина* → *сморожка* → *морожка* → *морошка*. Судя по ареалу распространения этой модели (Сибирь) и имея в виду тот факт, что русские познакомились с морошкой при продвижении на север на территории финских племен (МЕРКУЛОВА 1967: 229), речь идет о более позднем ассоциативно-семантическом осмыслении *морошка* (если говорить о множественной этимологии, то здесь налицо поздний этап этимологизации).

Также возможен и вариант, связанный с обоснованием мотивации названия растения как северной ягоды или растения, подвергающегося весенним заморозкам: *морозка* → *морожка* → *морошка* (любопытно, что еще В. Даль рядом с формой *морошка* указал возможный вариант *морожка* (Даль 1905/2: 911), *морошка* – холодостойкое растение, низкая урожайность которого объясняется тем, что оно рано цветет и часто повреждается весенними заморозками (ИГНАТЕНКО 1991: 39–40). В связи с таким осмыслением *морошка* стоит обратить внимание на укр. диал. *морóз* ‘морозостійкі квіти; напр., айстра верболиста; *Aster salicifolius*’ (АРКУШИН 2000: 320), укр. диал. *морóз* ‘раст. *Colchium autumnale* L., безвременник осенний’ (ЛИСЕНКО 1974: 128),

русск. диал. *морóзовик* ‘осенний гриб’, русск. диал. *морозы́ль* ‘белые флоксы’ [ССГ: 109], диал. *морóз* ‘раст. Портулак крупноцветный, *Portulaca grandiflora*’ [БТСДК: 287]. Любопытно, что *морошка* – это еще название других растений, распространенных на Севере: *Rubus arcticus* L. (княженика) и *Maianthemum bifolium* (майник двулистный) (СРНГ 18: 277).

Возможен и третий вариант: *морошка* связана с *моросить*, см. блр. диал. *марóшка* ‘мелкий дождь’ (РСВ: 18), русск. диал. *мóрошь* ‘пасмурная погода’ (том.) (СРНГ 18: 277) (о других подобных формах см. ЭССЯ 19: 241). У гипотезы Брандта есть экстралингвистические основания: внешний вид плодов морошки напоминает облако, тучу (см. англ. *cloudberry* ‘морошка’), еще одна особенность зрелой морошки – хрупкость, рыхлость (отсюда русск. диал. *рыхлица*). Однако на третий вариант номинации нет таких примеров, как во втором рассмотренном нами случае (нет славянских названий растений от *моросить*, но есть названия от *мороз*), поэтому связь с *моросить* может быть менее правдоподобной.

Стоит обратить внимание на русск. диал. *морóга* ‘ягода морошка’ (Ярославский областной словарь). В СРНГ есть такие примеры: *мóрог* и *морóг*. 1. Мóрог. Растение *Senecio arcticus* Rupr., сем. сложноцветных; крестовник арктический (свердл.). 2. Морóг. Трава, дерн (свердл.) (СРНГ 18: 269). См. также данные ЭССЯ, взятые из диалектных словарей восточнославянских языков: *морóга* ‘молодой мох’ (ЭЛИАСОВ 1980: 210), укр. *моріг* ‘мурава, трава’ (ГРИНЧЕНКО/II: 445), укр. диал. *морожок* ‘луг вообще’ (ПЭС: 180) и др. (ЭССЯ 19: 237). Все эти формы в конечном счете возводятся к **marati* (см. этимологию *морошка*, предложенную Ильинским) (ЭССЯ 19: 238). Несмотря на семантическое обоснование (‘моховая ягода, ягода, растущая на мху’), эта версия объяснения *морошка* не подтверждается историческими данными (см., например, форму *мороска* в словаре М. Ридли).

Русск. диал. *мóроух* ‘малина’. Кедабек. Азерб. ССР (СРНГ 18: 279), так же как и *моруськя ягодь* atut (RIDLEY 1996: 221), на наш взгляд, по причине, скорее, экстралингвистической (южное растение) следует отделить от *морошка* и рассматривать в связи с лат. *mōrus* ‘тутовое дерево’ (откуда чешск. *toruše*). См. также ст.-русск. *моруша* ‘плод шелковицы’ (?) (Козмография, 1670) в СлРЯ XI-XVII вв. IX: 269.

Итак, мы рассмотрели четыре варианта объяснения *морошка*, в настоящий момент можно отдать предпочтение первому и второму объяснению (связь с *мороз* – первичная, связь со *смородина* – вторичная), к тому же, на наш взгляд, гипотеза о заимствовании должна быть отвергнута.

Сокращения

англ. – английский
блр. – белорусский
диал. – диалектный
карел. – карельский
лат. – латинский

лит. – литовский
манс. – мансийский
нем. – немецкий
польск. – польский
русск. – русский
ст.-русск. – старорусский
укр. – украинский
фин. – финский
чешск. – чешский
эст. – эстонский

Словари

- АНИКИН 2000 = АНИКИН А. Е. *Этимологический словарь русских диалектов Сибири*. Москва–Новосибирск: «Наука», 2000.
- АРКУШИН 2000 = АРКУШИН Г. *Словник західнополіських говірок*. Т. 1. Луцьк: «Вежа», 2000.
- БТСДК = *Большой толковый словарь донского казачества*. Москва: «Русские словари–Астрель–АСТ», 2003.
- ГРИНЧЕНКО = ГРИНЧЕНКО Б. Д. *Словарь украинского языка*. Т. 1–4. Киев: «Друк. акційного товариства Н.Т. Корчак-Новицького», 1907–1909.
- Даль = Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Издание 3-е. Санкт-Петербург–Москва: «Т-во М. О. Вольф», 1903–1909.
- ЕСУМ = *Етимологічний словник української мови*. Т. 1– . Київ: «Наукова думка», 1982–.
- КОШКАРЕВА 1997 = КОШКАРЕВА А. М. *Материалы для областного словаря: Специальная лексика северных районов Тюменской области*. Ч. 3. Нижневартовск: «Изд-во Нижневарт. пед. ин-та», 1997.
- КЭСЛЯ = ЛЫТКИН В. И., ГУЛЯЕВ Е. С. *Краткий этимологический словарь коми языка*. Москва: «Наука», 1970.
- ЛАРИН 1959 = ЛАРИН Б. А. *Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619)*. Ленинград: «Издательство Ленинградского университета», 1959.
- ЛИСЕНКО 1974 = ЛИСЕНКО П. С. *Словник поліських говорів*. Київ: «Наукова думка», 1974.
- ПЭС = *Полесский этнолингвистический сборник*. Москва: «Наука», 1983.
- ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ 1910–1914 = ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ А. Г. *Этимологический словарь русского языка*. Т. 1–2. Москва: «Тип. Г. Лисснера и Д. Собко», 1910–1914.
- РСВ = ДЗЯДОВАЙ А. С. *Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны*. Ч. 2. Віцебск: «ВДУ імя П. М. Машэрава», 2014.
- СРГК = ГЕРД А. С. *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей*. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербург, ун-та, 1996. Выпуск 3.
- СРНГ = Ф.П. Сороколетов (ред.) *Словарь русских народных говоров*. Вып. 1–. Москва–Ленинград–Санкт-Петербург: «Наука», 1965–.
- ССГ = *Словарь смоленских говоров*. Выпуск 6. Смоленск: «Изд-во Смоленского гос. пед. института», 1993.
- СлРЯ XI–XVII вв. = *Словарь русского языка XI–XVII вв*. Вып. 1– . Москва: «Наука», 1975–.
- ФАСМЕР = ФАСМЕР М. *Этимологический словарь русского языка*. Том 2. Санкт-Петербург: «Терра – Азбука», 1996.

- ШЭСКЯ = *Школьный этимологический словарь коми языка*. Сыктывкар: «Коми кн. изд-во», 1996.
- ЭЛИАСОВ 1980 = ЭЛИАСОВ Л. Е. *Словарь русских говоров Забайкалья*. Москва: Наука, 1980.
- ЭСБМ = МАРТЫНАЎ В. У., ЦЫХУН Г. А. *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы*. Т. 1–. Мінск: «Навука і тэхніка», 1978–.
- ЭСРЯ = ШАНСКИЙ Н. М., ЖУРАВЛЕВ А. Ф. *Этимологический словарь русского языка*. Вып. 10. Москва: «Изд-во МГУ», 2007.
- ЭССЯ = ТРУБАЧЕВ О. Н., ЖУРАВЛЕВ А. Ф. *Этимологический словарь славянских языков*. Вып. 1–. Москва: «Наука», 1974–.
- ЯОС = МЕЛЬНИЧЕНКО Г. Г. *Ярославский областной словарь*. Выпуск. 6. Ярославль: «ЯГПИ им. К. Д. Ушинского», 1987.
- NSES = HÄKKINEN Kaisa. *Nyky-suomen etymologinen sanakirja*. Helsinki: WSOY, 2007.
- RIDLEY = STONE G. (ed). *A Dictionarie of the Vulgar Russe Tongue: attributed to Mark Ridley*. Köln, Weimar, Wien: Böhlau, 1996.

Литература

- ИГНАТЕНКО 1991 = ИГНАТЕНКО М. М. *Ягоды наших лесов*. Ленинград: «Лениздат», 1991.
- КФ XVI = ВУЛЬФ Е. В. (ред.) *Культурная флора СССР: Ягодные*. Том 16. Москва–Ленинград: «Гос. изд. совхозной и колхозной литературы», 1936.
- МЕРКУЛОВА 1967 = МЕРКУЛОВА В. А. *Очерки по русской народной номенклатуре растений*. Москва: «Наука», 1967.
- ОТКУПЩИКОВ 2005 = ОТКУПЩИКОВ Ю. В. *Из истории индоевропейского словообразования*. Издание 2–е. Москва: «Академия»; Санкт-Петербург: «Филол. фак. СПбГУ», 2005.
- ТОПОРОВ 1960 = ТОПОРОВ В. Н. О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа. *Вопросы языкознания* 1960/3: 44–59.
- ЯЗЫКИ 2001 –ЯРЦЕВА В. Н. (ред.) *Языки Российской Федерации и соседних государств*. Том 2. Москва: «Наука», 2001.
- KIPARSKY 1975 = KIPARSKY V. *Russische historische Grammatik III. Entwicklung des Wortschatzes*. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1975.
- МАШЕК 1954 = МАШЕК V. *Česká a slovenská jména rostlin*. Praha: Nakladatelství Československé Akademie Věd, 1954.

Л. Г. ЧАПАЕВА

**Западник: словарные значения и узус
в диахроническом аспекте**

**Westerner: dictionary meanings and language usage
in diachronic terms**

Abstract: The article tells about the history of the word *Westerner* in Russian culture. The lexeme appears in the 40-ies of the 19th century in the context of ideological disputes with the Slavophiles, and in modern usage the meaning of the word retains the ideological connotations. The purpose of this article is to show the semantic development of this lexeme, the development of polysemy and homonymy, to identify occasional values that are not marked dictionaries.

Keywords: *Westerner*, meaning of the word, language usage, ideological connotations

В русской культуре и лексико-семантической системе русского языка и слово *западник*, и содержание, которое за ним скрывается, неразрывно связаны с эпохой 30–40-х гг. XIX в., когда философские, идеологические, культурологические споры оформляются как два самостоятельных течения – славянофильство и западничество. Номинации оппонентов приобретают статус идеологем, а подчас и формальных маркеров, эмблем, ярлыков с обобщенным значением, а для того, чтобы получить такой ярлык, совсем не обязательно иметь стройную и последовательную систему взглядов, соответствующую тому направлению, к которому относят того или иного человека¹.

«Ничто не может быть бесцветнее и неопределеннее общих выражений: обскурант, прогрессист, либерал, консерватор, славянофил, западник; эти выражения нисколько не характеризуют того человека, к которому они прикладываются; они надевают непрошенный мундир на его умственную личность и вместо живого человека, мыслящего и чувствующего по-своему, показывают нам неподвижную вывеску замкнутого круга убеждений», – писал Д. Н. Писарев в статье 1862 года *Русский Дон-Кихот* (НКРЯ).

¹ Идеологемы как символы или маркеры приобретают значимость в конкретном контексте идеологического дискурса, а маркером «слово делает именно идеологическая установка – оценка политического противника с позиций своей группы «наш – не наш» (Шейгал 2004: 132). Другими словами, идеологема нацелена на то, чтобы маркировать ту или иную идеологию, а не объяснить ее сущность; идеологема воспринимается не с точки зрения ее словарного значения, эксплицитного смысла, а с точки зрения того, что вызвано ассоциациями и дополнительными коннотациями.

История лексемы *западник* – и в словарных дефинициях, и в узусе – представляет научный интерес, так как на протяжении более полутора веков ее существования в русском языке она не только сохраняет первоначальное значение, постепенно становясь историзмом, но и наполняется новыми смыслами, развивает многозначность и лексическую омонимию. Цель статьи – показать семантическое развитие лексемы, выявить значения, не отмеченные словарями.

Слово *западники* впервые употребил Н. В. Гоголь в одиннадцатой главе книги *Выбранные места из переписки с друзьями* (1843–1847):

«Споры о наших европейских и славянских началах <...> показывают только то, что мы начинаем просыпаться, но еще не вполне проснулись <...> Все эти *славянисты* и *европеисты*, – или же *староверы* и *нововеры*, или же *восточники* и *западники*, а что они в самом деле, не умею сказать, потому что покамест они мне кажутся только карикатуры на то, чем хотят быть, – все они говорят о двух разных сторонах одного и того же предмета» (ГОГОЛЬ 1952: 261–262).

Однако широкое распространение идеологема *западник* получила значительно позже, не ранее середины 1850-х гг. В 1840-х гг. противников славянофилов называют обычно западным направлением, *западной партией* или просто *западными*. Славянофилы, по свидетельству А. И. Герцена, предпочитали называть их *европейцами* (см.: ГЕРЦЕН 1955–1958: 234). Сами западники говорили о себе как о *противниках славянофилов*. Но позднее и они принимают это название: «Одним словом, мы были приверженцы западной цивилизации, так называемые западники» (ГАЛАХОВ 1999: 148).

Любопытно, что слово *западник* не имело столь сильной негативной и ироничной коннотации, как *славянофил* и *славянофильство*, и если сторонники славянофильства постоянно сопротивлялись такому названию, пытались объяснить и доказать его узость и неадекватность, то их оппоненты сами называли себя западниками:

«Я бросился вниз головою в «немецкое море» <...>, и когда я, наконец, вынырнул из его волн – я все-таки очутился «западником», и остался им навсегда <...> И я не думаю, чтобы мое западничество лишило меня всякого сочувствия к русской жизни» (ТУРГЕНЕВ 1981: 146).

Споры между западниками и славянофилами касались самых разных сфер: общественное сознание, история, культура, литература, литературный язык, но основные разногласия касались отношения к прошлому и будущему России, а с этим неразрывно было связано отношение к религии. В прошлом по-разному оценивалась деятельность Петра и все связанные с его реформами изменения; будущее одними виделось в возврате к идеализированному допетровскому времени, другими в продолжении петровской линии развития и приближении к Европе. Западники обвинялись славянофилами в отсутствии религиозных убеждений, в безверии, бездушии.

В конце 80-х гг. XIX в. критик К. Арсеньев в статье *Глеб Успенский* дал, пожалуй, более или менее точное определение «западника»:

«Быть *западником* – это значит быть сторонником той совокупности идей, понятий, воззрений, которые выработаны вековой *западной* цивилизацией, быть солидарным с тем безостановочным развитием, которое совершается в *Западной* Европе в сфере политической, социальной, религиозной, нравственной жизни европейских народов, купивших право на такое развитие ценою величайших усилий науки и искусства, величайших переворотов и жертв» (см.: МИХЕЛЬСОН 1912: 254).

Надо сказать, что уже начиная с 60-х гг. XIX в. идеологема *западники* применяется преимущественно по отношению к деятелям сороковых годов, поскольку западничество как относительно единое течение исчерпало себя в 1848 г. Противники славянофилов разделились на либералов и революционеров-демократов, их стали называть *прогрессистами* (см. ГАЛАХОВ 1999: 225) как наследников западного направления. Постепенно слово *западник* приобретает более узкое значение как обозначение либерально-консервативного крыла прежде единого направления.

Прежде чем рассматривать словарную историю слова *западник*, стоит обратить внимание на то, что, во-первых, идеологема *западничество*, *славянофильство*, *западник*, *славянофил* обнаруживают потенциальную возможность перейти в историзмы²; во-вторых, наблюдается синонимизация отношений между словами *западник* и *либерал*³.

Лексема *западник* впервые зафиксирована в СД с достаточно расплывчатым значением ‘защитник и последователь обычаев Запада’ (СД: 611); в словарной статье на слово *западать*); в издании, отредактированном И. А. Бодуэном де Куртенэ, уточнено: [противник славянофильства. *Спорь славянофиловъ съ западниками*] (СДБ: 612)⁴. В словарях русского языка конца XIX – начала XX вв., толковых и узко специализированных, общей семьей оказывается ‘сторонник западничества’ и ‘противник славянофильства’, что доказывает включенность лексемы в антонимическую парадигму со словом *славянофил* в привативной оппозиции: каждое из именованных объясняется через противопоставление с другим. Кроме того, до начала XX в. в некоторых толкованиях общественно-политическое содержание *западника* и *западничества* совмещается с культурно-литературным; это объясняется тем, что участниками споров 30–40-х гг. были в основном литераторы – критики и писатели. См., например, в *Словаре русского языка, составленном Вторым отделением Императорской Академии Наук*: ‘последователь литературной школы, признававшей Западную Европу идеалом, к которому должна стремиться Россия’ (СРЯ 1902: 37).

Опираясь на словари современного русского языка, можно вывести общую и повторяющуюся дефиницию *западника*: ‘сторонник западничества’, при этом *западничество* определяется только как ‘общественное течение в России в 40–50-х гг. XIX в., сторонники которого выступали за развитие

² Правда, помета *истор.* (*историческое*) есть только в Толковом словаре под ред. Д. Н. Ушакова: «Сторонник западничества; *противоп.* славянофил (*истор.*)» (СУ: 995).

³ Заметим, что слово *либерал* раньше зафиксировано словарями: ‘политический вольнодумец’ в Словаре церковнославянского и русского языка (см.: СЦРЯ 1847 II: 253).

⁴ В третьем издании все уточнения внесены в квадратных скобках.

России по западноевропейскому пути' (см., например, БАС 2006: 386–387). Совершенно очевидно, что в данном значении слово является историзмом, несмотря на отсутствие словарной пометы. Актуальное для современности значение зафиксировано лишь в *Толковом словаре русского языка (Языковые изменения конца XX столетия)* под ред. Г. Н. Складневской с пометой *публ.* (публицистическое): 'политик-реформатор, выступающий за сближение России с Западом и перестройку российской экономики по западному образцу' (ТСС: 277), но в *Стилистическом словаре публицистики* 1999 года под редакцией Г. Я. Солганика слово отсутствует.

В современном узусе в качестве синонима, как и в XIX в., используется лексема *либерал*:

- (1) Вот какой любопытный субъект: лакей, западник, либерал и злодей! [М. А. Антонович. Мистико-аскетический роман (1881) НКРЯ].
- (2) Сахаров не скрывает, что он – западник. Да и едва ли не все наши либералы тоже западники ([Б. Б. Вахтин. Этот спорный русский опыт (1978)] НКРЯ).
- (3) Ее не обсуждали в печати ни либералы-западники, ни националисты, ни коммунисты ([Рой Медведев. Русский вопрос по Солженицыну (2002) НКРЯ].

При этом в словарях между словами *западник* и *либерал* корреляция лишь косвенная: если считать, что *либерализм* – 'идеологическое и общественно-политическое течение, объединяющее сторонников парламентского строя, широких политических свобод и частного предпринимательства' (СК: 496) – это часть идеологии западничества, то *западник* по отношению к *либералу* будет выступать как гипероним к гипониму.

Любопытно, что в словарях XIX и начала XX вв. (впрочем, как и в позднейших изданиях) не зафиксировано узуальное разговорное значение, лишь скупо отмеченное в СД: 'последователь *обычаев* Запада' (выделено нами. – Л. Ч.). Только в СУ отмечено как *разговорное*: «Поклонник форм западноевропейского культурного и общественного быта (разг.). *Неисправимый западник*» (СУ I: 995). О давнем существовании такого значения можно судить хотя бы по цитате из романа «Дым» (1867) Тургенева:

- (4) Да-с, да-с, я западник, я предан Европе; то есть, говоря точнее, я предан образованности, той самой образованности, над которою так мило у нас теперь потешаются, цивилизации... [И. С. Тургенев. Дым (1867) НКРЯ].
- (5) Это был убежденный западник, западник по вкусам и привычкам [Георгий Флоровский. Пути русского богословия (1936) НКРЯ]

С. С. Аверинцев отмечал: «Слова „славянофилы” и „западники” систематически употребляются нашими современниками не в терминологическом, а в разговорном смысле как расхожие (если не бранные) клички теперешних умонастроений» (АВЕРИНЦЕВ 1988: 21). Бытовое и упрощенное понимание идейно-философского смысла как славянофильства, так и западничества приводит к выхолащиванию значений, упрощению смысла слов, когда под словом западник понимается все, что можно считать современным, модным, противопоставленным старому и традиционному.

На одном из интернет-форумов рассуждения о семейных отношениях:

- (6) «Западники» считают, жизнь брака длится 10–16 лет, а потом можно заводить новую семью», в то время как «славянофилы» в этом отношении выступают за устойчивость традиционного брака; получается по принципу: «плохой муж – значит западник» [Женщина + мужчина: Брак (форум) (2004) НКРЯ].
- (7) Тут и борьба западников (новые модные улы) со славянофилами (деды с колодами), и попутные уроки этики («почему пчеловодство есть самое нравственное из занятий») ([Между (2002) // «Известия», 2002.07.07. НКРЯ].

Лексема «западник» в современном узусе может иметь значения либо разговорного, либо окказионального характера, лишь частично отмеченные в словарях. В частности, значение, включающее территориальную сему, т.е. ‘человек, живущий в странах Запада’. Впервые как жаргонное *западник* в данном значении фиксируется в *Словаре русского арго* В. С. Елистратова: ‘Человек с Запада, западноевропеец или американец’ (ЕЛИСТРАТОВ 2000: 158).

Затем значение ‘житель Европы, европейских стран и северной Америки’ как *разговорное* отмечено в словаре *Новые слова и значения: словарь-справочник по материал прессы и литературы 90-х годов XX в.* под ред. Т. Н. Бурцевой и Е. А. Левашова, правда, начальная форма дана во мн. ч.: «ЗАПАДНИКИ, ов, мн. (ед. западник). 1. Жители, представители Запада – стран Западной Европы и Северной Америки (*разг.*)» (НОВЫЕ СЛОВА 2016: 609). При этом общественно-политическое значение в этом новом словаре дано как второе с пометой *публицистическое*: ‘2. Политики, выступающие за сближение России с Западом – государствами Западной Европы и Северной Америки, за перестройку российской экономики по западному образцу; сторонники западного образа жизни, западники (*публ.*)’ (НОВЫЕ СЛОВА 2016: 609).

Но если обратиться к современной публицистике, словарные дефиниции оказываются неполными:

- (8) Западники имеют огромные финансовые ресурсы, не сопоставимые с нашими ([Алексей Крашаков. Иностранцы «съедают» наши банки? (2003) // «Аргументы и факты», 2003.01.29] НКРЯ).
- (9) Внимание западников привлекла крупная компания «Глория-Джинс» из Ростовской области, у которой были собственные фабрики [Владимир Ляпоров. Контракт нерезидента (2004) // «Бизнес-журнал», 2004.03.03. НКРЯ].
- (10) Вступая в постиндустриальное общество, мы вдруг решили ускоренными темпами уложить образование в прокрустово ложе индустриальных тестов, от которых никак не могут отделаться западники [Владимир Елистратов. Тест и культура речи // «Наука и жизнь», 2009. НКРЯ].

В первом случае речь идет не о жителях и политиках, а о западных банках; во втором – о западных бизнесменах, а в третьем под словом *западники* следует, вероятно, понимать западные страны.

Не отмечено в словарях значение ‘житель западных регионов России’, а точнее ‘житель Западной Украины’, которое можно считать окказиональным, мотивированным словом *западная* в словосочетании *Западная Украина*. См., например, в произведениях А. В. Жигулина и В. П. Астафьева:

- (11) Он был из западников – дюжий, высокий и жилистый мужик лет сорока; Они только делали вид, что спят, – литовцы и западники, дюжие мужики [Анатолий Жигулин. Черные камни (1988) НКРЯ].
- (12) Боевые эти вояки звались «западниками» – это по селам Западной Украины заскребли их, забрили, немножко подучили и пихнули на фронт [Виктор Астафьев. Веселый солдат (1987–1997) // «Новый Мир», 1998. НКРЯ].

Столь же окказиональным можно считать значение, мотивированное территориальной семой ‘сторона света’, ‘часть территории страны’:

- (13) Эру династий клубов с востока Америки («Филадельфии», «Бостона», «Чикаго») сменила эпоха господства западников – сейчас, напомним, за окном двухлетнее владычество «Лос-Анджелес Лейкерс» [Евгений Чегогов. Гибель богов. Пять открытий регулярного чемпионата НБА (2002) // «Известия», 2002.04.19. НКРЯ].

Таким образом, современный *западник* – понятие многогранное, в каком-то смысле расплывчатое, широкое и узкое в зависимости от контекста, ближе всего к значению ‘сторонник европейских (западных) ценностей’, и в этом значении оно сближается со словом *либерал*. На протяжении существования слова в языке оно прошло долгий путь, несколько раз то сужая, то расширяя значение (от ‘противника славянофилов’ через ‘поклонника европейских ценностей’ до ‘сторонника европейского пути развития’; параллельно прирастая окказиональными смыслами). Современные академические словари не отражают особенностей современного употребления слова, а дают лишь историческое. Слову суждено быть идеологемой, в которой коннотация (аксиологическая оценка) превалирует над денотативным (заметим, часто неопределенным) значением⁵.

Словари

БАС 2006 = *Большой академический словарь русского языка*. Т. 6. Москва–Санкт-Петербург: «Наука», 2006.

МИХЕЛЬСОН 1912 = МИХЕЛЬСОН М. И. *Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний*. Санкт-Петербург: Типография Акционерного Общества «Брокгауз и Эфрон», 1912.

⁵ Подробнее об идеологемах славянофильско-западнического дискурса см. работу (ЧАПАЕВА 2010).

- НОВЫЕ СЛОВА 2016 = БУРЦЕВА Т. Н., ЛЕВАШОВА Е. А. (ред.) *Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX в. в 3 томах.* Т. I. Санкт-Петербург: «Дмитрий Буланин», 2016.
- СД = ДАЛЬ В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка в 4 томах.* Т. I. Москва: «Гос. издательство иностранных и национальных словарей», 1955.
- СДБ = ДАЛЬ В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка в 4 томах.* Т. I. БОДУЭНА ДЕ КУРТЕНЭ И. А. (ред.). Санкт-Петербург, 1903–1909.
- СК = КУЗНЕЦОВА С. А. (ред.) *Большой толковый словарь русского языка.* Санкт-Петербург: «Норинт», 2002.
- ЕЛИСТРАТОВ 2000 = ЕЛИСТРАТОВ В. С. *Словарь русского арго* (материалы 1980–1990 гг.). Москва: «Русские словари», 2000.
- СРЯ 1902 = *Словарь русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук.* Т. II. Вып. 6. Санкт-Петербург: «Типография Императорской Академии наук», 1902.
- СУ = УШАКОВ Д. Н. (ред.) *Толковый словарь русского языка в 4 томах.* Т. I. Москва: «Издательство АСТ», 2000 (1940).
- СЦРЯ 1847 = *Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук.* Т. II. Санкт-Петербург, 1847.
- ТСС = СКЛЯРЕВСКАЯ Г. Н. *Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия.* Москва: «Издательство АСТ», 2001.

Литература

- АВЕРИНЦЕВ 1988 = АВЕРИНЦЕВ С. С. *Попытки объяснить: Беседы о русской культуре.* Москва: «Правда», 1988.
- ГАЛАХОВ 1999 = ГАЛАХОВ А. Д. *Записки человека.* Москва: «Новое литературное обозрение», 1999.
- ГЕРЦЕН 1955–1958 = ГЕРЦЕН А. И. *Собрание сочинений в 9-ти томах.* Т. VII. Москва: «Государственное издательство художественной литературы», 1955–1958.
- ЧАПАЕВА 2010 = ЧАПАЕВА Л. Г. Идеологический дискурс 1830–1840-х гг.: явные и скрытые смыслы лингвоидеологем. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки.* 2010/601: 9–18.
- ШЕЙГАЛ 2004 = ШЕЙГАЛ Е. И. *Семиотика политического дискурса.* Москва: «Гнозис», 2004.

Источники

- ГОГОЛЬ 1952 = ГОГОЛЬ Н. В. *Полное собрание сочинений в 14 томах.* Т. VIII (Статьи). Москва; Ленинград: «Издательство АН СССР», 1937–1952.
- НКРЯ = *Национальный корпус русского языка.* <http://www.ruscorpora.ru/>
- ТУРГЕНЕВ 1981 = ТУРГЕНЕВ И. С. *Статьи и воспоминания.* Москва: «Современник», 1981.

М. ЯКУБОВИЧ

**Развитие семантики русской лексемы *урок*
на фоне других однокоренных лексем**

**The development of the meaning
of the Russian lexeme *urok* in the context of lexemes
which feature an identical root**

Abstract: The article traces the history of the semantic development of the Russian lexeme *urok* ‘lesson’. The purpose of the article was to establish the extent to which the development of the analysed lexeme is associated with the development of words of a parallel structure but which have a different prefix – words which belong to the lexical family *reči* ‘to say’. To this end one presented the historical comparative material of other Russian words which feature the root *rok-*, as well as the equivalents of the noun *urok* furnished by other Slavic languages. The result of the analysis constituted the statement that the development of the modern meaning of the word *urok* is firmly established in one of the developmental trends of this lexical family, namely in the trend associated with the verbal establishment of deadlines, cf. *srok* ‘deadline’.

Keywords: the lexical family *reči*, semantic development

Слово *урок* в истории русского языка пережило особенное семантическое развитие. В *Толковом словаре русского языка* под редакцией С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой дается дефиниция:

«УРО’К, -а, м. 1. Учебный час (в средних учебных заведениях), посвященный отдельному предмету. 2. обычно *мн.* Учебная работа, заданная школьнику на дом. 3. Нечто поучительное, то, из чего можно сделать вывод для будущего. 4. Преподавание школьных учебных предметов частным образом отдельным лицам. 5. Работа, заданная для исполнения в определенный срок (устар.)» (ОЖЕГОВ–ШВЕДОВА 2008: 838).

Слово *урок*, по данным этимологических словарей, связано с глаголом *речи, реку*, принадлежащим к группе *verba dicendi* (напр. ФАСМЕР 1987: 465–466).¹ Апофоническое отношение между глаголом и существительным (*e : o*) является праиндоевропейским наследием. Оно имеет место и в большинстве дериватов, которые возникли уже на праславянской почве. Как непосредственную основу слова *урок* следует указать др.-рус. глагол *уречи* ‘опреде-

¹ Интересно будет сравнить статью, в которой рассматривается семантическое развитие польских лексем из словообразовательного гнезда **rekti* (MITRENGA: в печати).

лить, назначить', хотя не исключается возможность формирования именного деривата уже на почве праславянской. В таком случае правильнее было бы предложить реконструкцию: праслав. *urokъ – дериват праслав. *urekti urečъ, а др.-рус. урокъ – континуант праславянского существительного.

Древнерусские данные получены из трехтомного словаря, составленного на рубеже XIX–XX вв. И. И. Срезневским. Более современный *Словарь русского языка XI–XVII вв.* издаваемый с 1975 г., лишь начинает публикацию буквы У- (СРЯ XI–XVII 30, 2016: "Томь–Уберечися"), поэтому невозможно было им воспользоваться в данной статье. Словарь Срезневского приводит много значений слова урокъ, а именно: 'уговор, условие', 'назначение, определение', 'указание', 'постановление, правило', 'определенное количество', 'плата', 'подать', 'налог', 'пена, штраф', 'судебная пошлина', 'жалование, оклад' и 'срок, определенное время' (СРЕЗНЕВСКИЙ 3: 1257–1259). Семантика *dicendi* видна в значениях: 'уговор, условие', 'определение'. Из значений 'определение чего-нибудь с помощью речи', 'договор между двумя сторонами на счет чего-нибудь' возникли новые значения, касающиеся предмета договора. Это с одной стороны, 'правила, указания', с другой – значения, связанные с определением количества, а именно: 'плата за работу', 'размер налога', 'размер штрафа за определенное преступление', 'срок, назначенный для совершения какого-нибудь дела'. Каждое из этих значений в словаре Срезневского снабжено примером. Чтобы лучше показать развитие значения лексемы урок, целесообразно сравнить ее семантику с семантикой существительного рокъ из праслав. *rokъ, производного от глагола *rekti rek (др.-русск. речи реку)² а также с семантикой префиксальных существительных (многочисленных в древнерусском языке), происходящих от других глаголов, мотивированных глаголом речи, а именно: зарокъ, изрокъ, нарокъ, оброкъ, порокъ, прирокъ, сърокъ, семантику которых проанализируем ниже.

Семантику *dicendi* составляют значения слов нарокъ 'имя, название; звание', прирокъ 'прозвание, прозвище'. Роль речи и влияние слова на реальность (названные ниже слова частично входили в область юрисдикции) видны в значениях лексем прирокъ 'оговор, подозрение', порокъ 'порицание, нареkanie, упрекъ, 'обвинение', зарокъ 'попрек, нареkanie', 'заповедь, закон', нарокъ 'клятва, обещание'. С магической функцией речи связано значение 'проклятие' у слова нарокъ.

Кроме слов со значениями, исходящими непосредственно из понятия речи, особенно заметна упомянутая выше группа с отклонившейся от понятия *dicendi* семантикой счета. С понятием меры связаны почти все значения существительного рокъ, производного от главного глагола словообразовательной семьи *rekti, а именно: 'определенное время', 'срок', 'год', 'мера', 'возраст', 'число'. В случае лексемы оброкъ хорошо заметны звенья цепи развития: 'определение, назначение', 'определенная, назначенная плата', из чего дальше: или 'статья дохода, доход' (и далее 'аренда'), или 'дань; подать, налог', или 'вознаграждение, награда'. Существительное сърокъ,

² Далее, при следующих примерах, опускаются указания на то, что эти дериваты от приставочных глаголов тоже имеют праславянское происхождение.

производное от *съречи*, как в древности, так и сегодня, обозначает ‘срок, назначенное, условленное время’. В цитате, иллюстрирующей одно из значений слова *зарокъ*, видны «зачатки» интересующей нас семантики ‘урок, задание’:

«И по вся дни положи ему *зарокъ*, колико листовъ книгъ прочитати и поколику ни есть и написати божественныхъ писаний, да бы никогда праздень не был» (СРЯ 5: 288). Как видно, производные праслав. семьи **rekti* обнаруживают сильную тенденцию к развитию семантики ‘того, что можно измерить’. Такие значения засвидетельствованы и на последующих стадиях истории русского языка.

Значения других производных нуждаются в особом объяснении. Так, определенная группа слов обозначает разную степень недостатка, порока. Это: *изрокъ* – в словарях это слово приводится только в одном, но не вызывающем сомнений значении ‘грех, порок’: «Въплъщена без издрокъ Бога родила» (СРЕЗНЕВСКИЙ 1: 1078, СРЯ 6: 205). У лексемы *прирокъ* также имеются значения ‘порок’, ‘недостаток’, ‘вина’. Значения др.-рус. *зарокъ* – это ‘нарекание, попрек’, а судя по цитатам: «Нѹсть въ томъ зарока, въ единой купѹли, но первие мужескихъ крестити, потомъ женскихъ», оно может обозначать и причину попрека, т. е. ‘грех, порок’ (СРЕЗНЕВСКИЙ 1: 944, СРЯ 5: 288). Последнее слово *порокъ* ‘недостаток, ущерб; вред, повреждение’ иллюстрируется словосочетанием *безъ порока есть* – ‘не осуждается, позволяется’: «Мирским же мужем с женами ѹсти бес порока ес<ть>» (СРЯ 17: 145).

Среди всех упомянутых слов со значением ‘недостаток, порок’ только существительному *порокъ* ‘недостаток, ущерб; вред, повреждение’ отвечает глагол в соответствующем значении: *поречи* ‘упрекнуть, оскорбить, навлечь оскорбление, выразить порицание, осудить’. Семантически близкий глагол *наречи* ‘выразить порицание, упрекнуть’ (СРЯ 10: 209–210) не имеет существительного в эквивалентном значении. Возможны разные объяснения этой семантической асимметрии. Можно предположить, что древнерусские существительные, как континуанты слов, возникших на праславянской почве, развились независимо от др.-русск. глаголов, но это маловероятно. Более убедительным кажется предположение, что глаголы и существительные с одним префиксом развивались параллельно, а различия в их семантике объясняются или отсутствием письменных подтверждений для одного из соотносительных членов, или развитием одних префиксальных существительных по аналогии с другими.

Развитие слова *урокъ* в XVIII в. прослежено в *Словаре Академии Российской*. По его данным, др.-русск. глагол *уречи* в конце XVIII в. уже не существовал, но в словаре отмечен производный от него итеративный глагол *урекать* ‘назначать’, *урекаться* ‘условливаться с кем в рассуждении чего-либо’ (САР: 1013). В возвратной форме этого глагола еще хорошо видна семантика *verbum dicendi*. Существительное *урокъ* отмечено в значениях: ‘оброк, подать, дань’, которые касаются юридических законов царской России и обозначают натуральный или денежный сбор с крепостных крестьян;

налог, взимающийся с мещан государством, или с побежденных победителем. Второе значение – это ‘определенный оклад или доход’, а третье – ‘назначение кому-нибудь дела, упражнения для исправления в уреченное время на известном условии’ (САР: 1014–1015). Сто лет спустя, в словаре Владимира Даля, который фиксирует живую речь своего времени, на первом месте стоит последнее из названных значений: ‘срочная задача ученику или рабочим’. У Даля впервые встречаются фразы типа «задать кому *урок*», «выучить *урок*», «брать (деньги) за *урок*», например, «По чем он берет за *урок*?» (ДАЛЬ 1882: 523). По представленным здесь звеньям цепи семантического развития можно судить, что значение ‘задача, которую надо исполнить в назначенное или уговоренное время’ существовало раньше, чем значение ‘определенное количество времени, назначенное на изучение отдельного предмета’, другими словами, значение ‘домашнее задание’ древнее значения ‘школьный урок’, которое сегодня считается главным значением слова *урок*.

До сих пор семантика древнерусского слова *урокъ* сравнивалась с семантикой других существительных того же словообразовательного гнезда, имеющих аналогичную структуру, с целью обнаружения общих черт их семантического развития. Далее объектом наблюдения будут континуанты праслав. **urokъ* в других славянских языках. Значение определенного временного предела, кроме русского, имеется в белорусском, украинском и болгарском языках, где оно вероятнее всего заимствовано из русского. В западнославянских языках семантика, связанная с временем, отсутствует (хотя она видна в других дериватах, напр. польск. *rok* ‘год’), но в них можно заметить значения, связанные с определением количества, которые присутствовали в древнерусском. Так, в старочешском уже с XIV в. существительное *úrok* обозначало ‘дань, сбор, ежегодный налог с чего-нибудь, напр. участка земли, плату за что-нибудь, напр. за охрану’ (ESSĚ). Подобные значения ‘дань, сбор’, ‘процент от долга’ встречаются и в древнепольских источниках (SSPROL: 435–436), причем здесь невозможно исключить влияния чешского языка, очень сильного в эту эпоху. В словацком с XVI в. фиксировано значение ‘процент от долга’ (HSSJ: 228). В современных чешском и словацком языках *úrok* обозначает ‘банковский процент от капитала или кредита’. В этом случае семантическое развитие вполне понятно. Все значения касаются определенных, заранее договоренных условий, на которых должник и кредитор распоряжаются доверенными деньгами.

В большинстве языков отмечаются континуанты общеслав. **urokъ* со значениями из области магии. Эти значения существуют во всех южнославянских языках: сербском, хорватском, словенском и македонском (в болгарском plт. *уроки*). Во множественном числе это значение свойственно и восточнославянским языкам, белорусскому и украинскому, а раньше и русскому. В цитированном уже Словаре Академии Российской конца XVIII в. так объясняется слово *уроки*: «у суеверных так называется припадок, которому будто бы подвергается тот, на кого посмотрит кто-нибудь завистливыми глазами или похвалит не от доброжелательства» (САР: 1014–1015).

В словаре В. Даля: урѳк это ‘изуроченье, порча, сглаз, насылка ворожбита’, урѳки ‘о детских болезнях, родимчике’: «урѳки, призоры, прочь отойдите!» (Даль 1882: 523). Среди западнославянских языков только в польском видны следы значения ‘сглаз’. Оно свойственно сегодня прежде всего диалектной речи, а в общем языке употребляется только в устойчивых сочетаниях, напр. *na psa urok!* В польском литературном языке существуют значения: ‘очарование’, ‘обаяние’, ‘краса’, которые возникли из значения, связанного с колдовством, через стадию: ‘быть под сильным влиянием, под магическим воздействием чьей-нибудь красоты’.

Происхождение слов из области магии от *verba dicendi* можно объяснить тем, что в традиционных верованиях вредоносное магическое воздействие на человека и его хозяйство происходит посредством или взгляда, или слов. В этнолингвистическом словаре *Славянские древности* часть статьи СГЛАЗ посвящена лексике этой сферы. О воздействии магии через слово свидетельствуют именно названия с корнем *рек-*, *рок-* (урѳк), *мов-* (бел. *примовки*) и *говор-* (*заговор*) и другие (ср. СД, 2008: 597–598). Кроме слова *урѳк*, к этому полу принадлежит и зафиксированное в XIV в. слово *нарѳкъ*: «*Нарѳкъ* будещи». Ему соответствует греческое слово *ανάθημα*, которое переводится или как существительное со значением ‘проклятие’ (СРЕЗНЕВСКИЙ 2: 322), или как причастие в значении ‘тот, кто навел на себя проклятие, отлученный’ (СРЯ 10: 218–219).

Из приведенного материала видно, что семантическое развитие континуантов праслав. **urokъ*, обозначавшего сначала ‘то, что сказано, слово, речь’, с раннего времени шло двумя, независимыми друг от друга путями. В рамках первого, характерного и для других древних производных от того же словообразовательного гнезда, мотивирующим фактором стала семантика речи. В рамках второго, тесно связанного с фольклором, магией, суеверьем, мотивирующим фактором является ритуальная сила слова. Как одна, так и другая мотивация действовала, по всей вероятности, уже в праславянские времена, что заставляет считать два праславянских слова: **urokъ* 1. и **urokъ* 2. гомогенными омонимами.

Словари

Даль 1882 = Даль В., *Толковый словарь живаго великорускаго языка*, Т. 4, Санкт-Петербург–Москва, 1882.

ОЖЕГОВ–ШВЕДОВА 2008 = ОЖЕГОВ С. И. ШВЕДОВА Н.Ю. (ред.), *Толковый словарь русского языка*. Издание 4-е, доп., Москва: «ИТИ Технология», 2008.

СРЕЗНЕВСКИЙ = СРЕЗНЕВСКИЙ И. И., *Материалы для Словаря Древнерусскаго Языка по Письменнымъ Памятникамъ*. Репродуцировано фотомеханическим способом по изданиях 1893–1912 гг., Т. 1–3.

САР = *Словар Академии Россійской*, Т. 6. Репродуцированы фотомеханическим способом со второго издания 1806–1822 гг. Оденсе: «Издательство при Университете Оденсе», 1971.

СРЯ XI–XVII = КРИВКО Р. (ред.) *Словарь Русскаго Языка XI–XVII вв.*, Вып. 1–30, Санкт-Петербург: «Наука», 1975–2016.

ФАСМЕР 1987 = ФАСМЕР М., *Этимологический Словарь Русского Языка*, Т. 3. Москва: «Прогресс», 1987.

ESSČ = *Elektronický slovník staré češtiny*. <https://vokabular.ujc.cas.cz/hledani.aspx>

HSSJ = MAJTÁN M., KUCHAR R., SKLADANÁ J. (red.) *Historický slovník slovenského jazyka*, Т. 6, Bratislava: Veda, 2005.

SSTPOL. = *Słownik staropolski*, S. Urbańczyk (red.), Т. 9, Wrocław: Ossolineum, 1982–1987.

Литература

СД = *Славянские древности. Этнолингвистический словарь под общей редакцией Н. И. Толстого*, Т. 4. Москва: «Международные отношения», 2009.

MITRENGA (в печати) = *Czasownik rzec i wyrazy przez niego motywowane. O zmianach znaczeń, leksykalizacji i zanikaniu wyrazów*. B. Mitrenga (red.), *Linguarum Silva*, Т. 7., Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego (в печати).

Круглый стол
«Актуальные лингвистические проекты»

Е. В. ГЕНЕРАЛОВА

**Лексикографические проекты Межкафедрального
словарного кабинета им. проф. Б.А. Ларина (СПбГУ)***

**Lexicographic projects of the Intradepartment
lexicographical Studio named after prof. B.A. Larin
(St.Petersburg State University)**

Abstract: The paper deals with the current state of the lexicographic projects created in the Intradepartment lexicographical Studio named after prof. B.A. Larin in St.Petersburg State University – experimental dictionary laboratory, the center of Larin's lexicographic school. The dialectological, historical, phraseological, pragmatic dictionaries are mentioned.

Keywords: lexicography, dictionary, scientific school

Межкафедральный словарный кабинет (МСК) им. профессора Б. А. Ларина был создан на филологическом факультете СПбГУ в 1960 г. как экспериментальная словарная лаборатория. МСК является центром Ларинской лексикографической школы, где разрабатывается и реализуется в конкретных проектах методика создания словарей разных типов. Воплощая основные черты петербургской филологической школы (общий филологизм, историзм, семантизм, лексикографизм), Ларинская лексикографическая школа обладает и собственными особенностями. Для Ларинской лексикографической школы характерно создание словарей полного типа, исчерпывающая семантизация словарной единицы, усовершенствование и выработка новых приемов лексикографического описания языка, университетский характер организации научной работы (тесная связь с учебным процессом, с организацией полевых экспедиций и лексикографической практики) (см. подробнее Герд 2008, Герд, Мокиенко 2010, МЕЖКАФЕДРАЛЬНЫЙ 2010).

В настоящее время работа в МСК ведется по нескольким направлениям, большинство из которых было заложено Б. А. Лариным.

В рамках диалектной лексикографии центральным лексикографическим проектом, создающимся в СПбГУ, является *Псковский областной словарь с историческими данными* (руководитель темы – Лутовинова И. С.). ПОС – уникальный диалектный словарь полного типа, включающий как общеупот-

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 18-012-00224А «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» (восьмой, девятый и десятый выпуски).

ребительную, так и диалектную лексику, как современные данные, привозимые из ежегодных, проводимых с 1945 г., экспедиций, так и исторический материал псковских памятников письменности XIII–XVIII вв. В настоящее время опубликовано 26 выпусков ПОС, к печати подготовлен 27 выпуск, включающий новую Инструкцию по составлению словаря, обобщающую размышления авторов над представлением диалектного материала, а также список всех деревень (часть которых сейчас даже не существует), в которых был собран языковой материал. За прошедший год был также была проведена полная инвентаризация Генеральной картотеки ПОС, насчитывающей 1 200 000 единиц хранения и включающей основную картотеку ПОС, историческую картотеку ПОС, топонимику, новые поступления ПОС, и инвентаризация архива экспедиционных тетрадей (1259 единиц, с 1945 г.), расписка которых и лежит в основе создания картотеки.

Другой интересный реализуемый в рамках направления диалектной лексикографии проект – это близящийся к завершению словарь *Селигер* (руководитель темы – Петрова З. А.), описывающий данные современных тверских говоров: в печати находится 7 выпуск этого словаря (С–У), ведется подготовка к изданию последнего, 8, выпуска (Ф–Я).

Текущим лексикографическим проектом МСК в области исторической лексикографии является *Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.* (СОРЯ) (руководители темы – Васильева О. В., Генералова Е. В.). Проект этого словаря был предложен проф. Б. А. Лариным в 1961 г. в продолжение идей Древнерусского словаря. Задача СОРЯ – максимально полное и системное описание лексики и фразеологии складывающейся в эпоху Московской Руси общерусской народно-разговорной речи, которая далее становится важным компонентом словарного состава русского литературного языка. В настоящее время опубликовано 7 выпусков этого словаря, 8 выпуск находится в печати. Перспективы работы над СОРЯ, с одной стороны, экстенсивного характера: дальнейшее увеличение источниковой базы, Картотеки и электронной базы СОРЯ, в том числе и перевод источников в электронный вид. С другой стороны, это работа интенсивного характера, т. е. дальнейшая научно-исследовательская работа по изучению лексико-семантической системы обиходно-разговорного языка и выработка наиболее адекватных приемов лексикографического описания анализируемого языкового материала.

В МСК ведется также работа над экспериментальными проектами в области писательской лексикографии – в настоящее время это *Идеологический словарь романа М. Горького «Жизнь Клима Самгина»* (руководитель темы – Поцепня Д. М.).

Глубоко оригинальное направление научно-лексикографического эксперимента – двуязычная писательская лексикография (создание толковых двуязычных словарей отдельных авторов), и в настоящее время завершается работа над *Словарем поэзии Николая Вацарова* (опыт лексикографического описания болгарского художественного текста) (руководитель темы – Шанова З. К.).

Под руководством профессора В. М. Мокиенко работает фразеологический семинар, развивающий идеи Б. А. Ларина в этой области лингвистики. В МСК создан и пополняется банк информации по русской и славянской фразеологии и паремиологии (банк данных русских пословиц, поговорок, устойчивых сравнений). В настоящее время ведется активная работа над *большим диалектным фразеологическим словарем*, который должен стать наиболее полным словарем, описывающим фонд устойчивых выражений, бытующих в русских говорах.

Сравнительно новое направление работы МСК – работа над *словарем лексической прагматики* русского языка (руководитель темы – Кузьмина Е. Б.): завершена работа по составлению словарных статей, ведется подготовка словаря к изданию.

Таким образом, Ларинская лексикографическая школа, с одной стороны – это широкое продолжение идей Б. А. Ларина, с другой – постоянное, повседневное и неустанное развитие ларинских идей в новых условиях с применением новых подходов и методов. В Межкафедральном словарном кабинете им. проф. Б. А. Ларина ведется масштабная лексикографическая работа, издаются словари разных типов, разрабатываются фундаментальные проблемы лексикографии.

Литература

- ГЕРД 2008 = Герд А. С. *Ларинская лексикографическая школа Петербургского (Ленинградского) университета*. В кн.: ЧЕРЕПАНОВА О. А. (ред.) *Русская историческая лексикология и лексикография*. Вып. 7. Санкт-Петербург: «Филологический факультет СПбГУ», 2010. 3–23.
- ГЕРД, МОКИЕНКО 2010 = Герд А. С., МОКИЕНКО В. М. О лексикографической школе проф. Б. А. Ларина. К 50-летию Межкафедрального словарного кабинета им. проф. Б. А. Ларина в Санкт-Петербургском университете. *Slavia*. 2010/3–4: 452–458.
- МЕЖКАФЕДРАЛЬНЫЙ 2010 = Герд А. С., ПУРИЦКАЯ Е. В. (ред.) *Межкафедральный словарный кабинет имени проф. Б.А. Ларина. L*. Санкт-Петербург: «Филологический факультет СПбГУ», 2010.

Е. В. ИВАНЦОВА

**Изучение языковой личности сибирского старожила
в рамках формирующейся диалектной
лингвоперсонологии***

**The study of language personality of the Siberian old-timer
within the framework of formed dialectal lingvopersonology**

Abstract: The message is devoted to the details of the project implementation, which has a purpose to research comprehensively the Russian old-timer's language personality in Siberia. The exploration has been making by the scientists, which represent Tomsk dialectological school, since 1981 till nowadays. The author introduces the main results of the analysis of the Siberian peasant woman's idiolect in lexical, linguoculturalological, lexicographical and other aspects. The purpose of the project implementation is to point out the dialect linguo person's phenomenon in the synthesis of typical and individual attributes.

Keywords: language personality, Russian Siberian dialects, dialectal lingvopersonology

Рубеж XX–XXI вв. ознаменован выделением в антропоцентрически ориентированной лингвистике области познания, объектом которой стала языковая личность (далее ЯЛ). Развитие лингвоперсонологии привело к формированию ряда новых направлений в науке. Заметное место в этом ряду занимает диалектная лингвоперсонология (см. обзор: IVANTSOVA 2015).

С 1981 г. лингвоперсонологические изыскания в сфере осуществляются диалектологами Томского государственного университета. Предметом анализа стала ЯЛ сибирской крестьянки В. П. Вершининой (1909–2004).

Источником материала является архив магнитофонных записей речи ЯЛ, собранный в течение 24 лет в близких к естественному общению условиях; в расшифровке – около 10 000 стр.

Комплексное описание ведется в лексикологическом, когнитивно-дискурсивном, лексикографическом и др. аспектах.

При анализе идиолектного лексикона детально рассмотрены его объем, основные классы единиц (диалектная, новая, архаическая лексика, окказионализмы, экспрессивы), их системные связи (варьирование, синонимия, антонимия, мотивационные отношения) (ИВАНЦОВА 2002).

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02043).

Описанию подверглись отдельные поля лексикона (ЗЕМИЧЕВА 2016; ИВАНОВА 2017), топонимы и антропонимы (ИВАНЦОВА 2008; АСТАФЬЕВА 2017), образные единицы (ВОЛКОВА 2004; ГЫНГАЗОВА 2010). Они позволили обратиться к реконструкции миромоделирования носителя традиционного говора. Большой цикл работ посвящен ключевым концептам народной культуры в речи крестьянки; в их числе – ДОМ, ЗЕМЛЯ, БОГ, ДУША, ГРЕХ, ЖИЗНЬ, СМЕРТЬ, ВОЛЯ, ПУТЬ, ТРУД (Гынгазова 2003, 2007 и др.).

При анализе дискурсивной практики диалектной ЯЛ выявлены особенности строения текста, метаязыкового сознания, прецедентных текстов (ИВАНЦОВА 2002, 2009), описана система речевых жанров (КАЗАКОВА 2005). Начато изучение типологических характеристик носителя диалекта, ментальных констант и их трансформаций (ИВАНЦОВА 2014; ГЫНГАЗОВА 2016).

Одно из главных звеньев проекта – лексикографическое. Создан четырехтомный недифференциальный словарь ЯЛ (ИВАНЦОВА 2006–2012), над которым трудились 40 лексикографов Томской диалектологической школы. В серии спутников к базовому толковому изданы словари сравнений, имен собственных и прецедентных текстов (ИВАНЦОВА 2007, 2015, 2016); в планах ученых – частотный, идеографический и синонимо-антонимический словари.

По теме проекта защищено 5 диссертаций, опубликовано около 200 работ 20-ти авторов.

Словари

ИВАНЦОВА 2005 = ИВАНЦОВА Е. В. *Идиолектный словарь сравнений сибирского старожила*. Томск: «Изд-во Том. ун-та», 2005.

ИВАНЦОВА 2006–2012 = ИВАНЦОВА Е. В. (ред.) *Полный словарь диалектной языковой личности*. Томск: «Изд-во Том. ун-та», 2006–2012. Т. 1–4.

ИВАНЦОВА 2015 = ИВАНЦОВА Е. В. (ред.) *Идиолектный ономастикон сибирского старожила*. Томск: «Изд-во Том. ун-та», 2015.

ИВАНЦОВА 2016 = ИВАНЦОВА Е. В. *Идиолектный словарь прецедентных текстов сибирского старожила*. Томск: «Изд-во Том. ун-та», 2016.

Литература

АСТАФЬЕВА 2017 = АСТАФЬЕВА Е. А. *Идиолектный антропонимикон как источник изучения языковой личности диалектоносителя*. Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2017.

ВОЛКОВА 2004 = ВОЛКОВА Т. Ф. *Сравнения в речи диалектной языковой личности*. Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2004.

ГЫНГАЗОВА 2003 = ГЫНГАЗОВА Л. Г. Концепт «Душа» в языке диалектной личности. В кн.: *Теоретические и прикладные аспекты филологии*. Томск, 2003. 151–155.

ГЫНГАЗОВА 2007 = ГЫНГАЗОВА Л. Г. Интерпретация мира языковой личностью диалектоносителя и ее реинтерпретация исследователем. *Вестник Томского гос. ун-та*. 2007/295. 15–19.

ГЫНГАЗОВА 2010 = ГЫНГАЗОВА Л. Г. Метафорическое миромоделирование в дискурсе языковой личности. *Вестник Томского гос. ун-та. Филология*. 2010/1(9). 7–11.

- ГЫНГАЗОВА 2016 = ГЫНГАЗОВА Л. Г., ИВАНЦОВА Е. В. Трансформация сибирской пищевой традиции в дискурсе диалектной языковой личности: продукты и блюда. *Вестник Томского гос. ун-та. Филология*. 2016/6 (44). 20–37.
- ЗЕМИЧЕВА 2016 = ЗЕМИЧЕВА С. С. *Перцептивная картина мира диалектной языковой личности*. Томск: «Изд-во Том. ун-та», 2016.
- ИВАНОВА 2017 = ИВАНОВА Л. А. Семантическое поле времени в идиолекте языковой личности сибирского старожила: границы и структура. *Вестник Томского гос. ун-та*. 2017/418. 24–29.
- ИВАНЦОВА 2002 = ИВАНЦОВА Е. В. *Феномен диалектной языковой личности*. Томск: «Изд-во Том. ун-та», 2002.
- ИВАНЦОВА 2008 = ИВАНЦОВА Е. В. Топонимия русского старожила Сибири: освоение пространства. В кн.: *Человек – текст – эпоха*. Вып. 3. Томск, 2008. 160–173.
- ИВАНЦОВА 2009 = ИВАНЦОВА Е. В. Метаязыковое сознание диалектной языковой личности. В кн.: *Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты*. Ч. 1. Кемерово – Барнаул: «Изд-во АГУ», 2009. 321–356.
- ИВАНЦОВА 2014 = ИВАНЦОВА Е. В. Исследование типологических черт диалектной языковой личности. В кн.: *Языковая личность: моделирование, типология, портретирование*. Москва: «Ленанд», 2014. 309–348.
- КАЗАКОВА 2007 = КАЗАКОВА О. А. *Диалектная языковая личность в жанровом аспекте*. Томск: «Изд-во Том. политехн. ун-та», 2007.
- IVANTSOVA 2015 = IVANTSOVA E. Linguistic personality of dialect speaker as a new object of dialectological researches. *Dialectologia: revista electrònica*. 2016/17. 91–109. <http://www.publicacions.ub.edu/revistes/dialectologia17>.

Е. И. КОРЯКОВЦЕВА

**Глобализация и славянское словообразование:
тематический блок Комиссии по славянскому
словообразованию на XVI Международном съезде
славистов (Белград, 20–27.08.2018)**

**Globalization and Slavic word formation:
thematic block of the Commission on Slavic Word
Formation at the 16th International Congress of Slavists
(Belgrade, 20–27.08.2018)**

Abstract: This thematic session is very specialized event to be held during the 16th Congress of Slavists as a set of presentations that are consisting of the works of particular project of the Commission on Slavic Word-Formation of the International Committee of Slavists. The topics for thematic panel have been decided and are listed on the webpage of the International Committee of Slavists.

Keywords: globalization, Slavic word-formation, innovations

Комиссия по славянскому словообразованию является одной из наиболее активных комиссий Международного комитета славистов (МКС), входящего в систему просветительных организаций ЮНЕСКО. Комиссия по славянскому словообразованию при МКС (46 дериватологов из 17 стран мира) ежегодно проводит научные конференции и семинары, публикуя доклады их участников в виде серии томов¹, а также принимает активное участие в работе крупных славистических форумов, в Международных съездах славистов. Тематический блок «Глобализация и славянское словообразование», включенный в программу XVI Международного съезда славистов (организаторы – Е. И. Коряковцева и А. А. Лукашанец)², – это уже третий съездовский тематический блок³, целью которого является презентация исследований,

¹ См.: <http://iml.basnet.by/be/pracy-kss>

² См. <http://mks2018.fil.bg.ac.rs/program-kongresa/program-tematskih-blokova/>

³ См.: Карпіловська Є.А. (ред.) *Динаміка та стабільність лексичних і словотвірних систем слов'янських мов*. Тематичний блок на XIV Міжнародний з'їзд славистів, 10.09–16.09.2008, Охрид, Республіка Македонія. Київ, 2008; Koriakowcewa E. (red. nauk.) *Słowotwórstwo a nowe style funkcjonalne języków słowiańskich/Word-formation and the new functional styles of slavic languages*. Papers in thematic session. XV International Congress of Slavists, Belarus, Minsk, 20. – 27.08.2013. Siedlce, 2013.

проводимых членами Комиссии. Реализуя научный проект, результаты которого будут представлены на XVI Международном съезде славистов в Белграде, его участники, 10 членов Комиссии по славянскому словообразованию при МКС из 7 европейских стран, ставили перед собой следующие задачи: 1) анализ инновационных процессов с целью выявления общих тенденций развития словообразовательных систем славянских языков в условиях глобализации; 2) исследование прагматилистических свойств неодериватов, их значения для эволюции национальных лексиконов; 3) установление места и роли словообразования в расширении когнитивного пространства современных славянских языков.

В докладе А. А. Лукашанца (Беларусь, Минск) "Проявления языковой глобализации в славянском словообразовании: сущность, масштаб и влияние на систему" на основе обобщения результатов исследования деривационных процессов, связанных с англоязычной экспансией, будет предложена оценка сдвигов, происходящих в словообразовательных системах современных славянских языков.

Доклад Е. И. Коряковцевой (Польша, Седльце) *Язык современных славянских СМИ в эпоху глобализации: инновационные процессы деривации* посвящен сопоставительному анализу инноваций в сфере образования русских, польских и чешских *nomina abstracta*. Исследуются гибридные неодериваты, созданные журналистами и реципиентами медийных текстов с помощью интернациональных терминоэлементов и формантов англо-американского происхождения.

Л. Аризанковска (Македония, Скопье) в докладе *Македонский язык сквозь призму глобализации: словообразовательный аспект* ставит задачу установить, в какой степени глобализация с помощью Интернета и масс-медиа влияет на национально-культурное своеобразие языка македонцев.

В докладе И. Боздеховой (Чехия, Прага) *Словообразовательная адаптация новых англицизмов в чешском языке* исследуются особенности динамики таких словообразовательных процессов, как интернационализация и гибридизация, описываются типы варьирования словообразовательной формы заимствований, источниками которых являются неологические словари и база данных Neomat, а также тексты, собранные в Чешском национальном корпусе.

В центре исследовательского внимания Р. Драгичевич (Сербия, Белград) находится «вклад глобализации в банализацию лексического фонда сербского языка». В ее докладе будут классифицированы новые лексемы, в основном созданные путем блендинга и гибридизации в условиях активизации разговорного и просторечного стилистических регистров.

В докладе М. Пастуховой (Польша, Катовице) исследуется «роль словообразования в процессе стабилизации заимствований-англицизмов в современном польском языке». В качестве объекта анализа избраны такие лексемы, которые уже вошли в словарный запас, став словообразовательной базой гибридных дериватов.

Доклад Е. В. Петрухиной (Россия, Москва) *Интернациональные и национальные аффиксы для выражения псевдореалий в русском и чешском*

языках посвящен детальному анализу аффиксов, в основном префиксов, со значением несоответствия или мнимого соответствия тому, что названо мотивирующим словом (активизация этих аффиксов связана с развитием компьютерных технологий, виртуализацией картины мира и созданием множества симулякров).

И. Страмлич-Брезник (Словения, Марибор) с позиций когнитивизма анализирует в своем докладе «словенские эквиваленты новейших англицизмов-трансплантантов», исследуя базовые профили, прототипы семантических структур, а также их интерпретации (источник языкового материал – интерактивный словарь, размещенный на интернет-портале ZRC SAZU).

В ходе научной дискуссии Н. А. Николина (Россия, Москва) проанализирует «дериваты с интернациональными компонентами в современной русской художественной речи» (причина их образования – увеличение числа стереотипов, передаваемых с помощью англоязычных заимствований). Задача автора – установить, каким образом гибридные дериваты, находящиеся в одном контексте, развивая его сквозные мотивы, порождают т. н. словообразовательные «кусты».

В дискуссии в рамках тематического блока примет участие Л. В. Рацибурская (Россия, Нижний Новгород). В ее докладе *Аспекты глобализации в современном медийном словотворчестве* будут охарактеризованы социокультурные и языковые факторы глобализации, обуславливающие продуктивность интернациональных аффиксов, с помощью которых создаются как узуальные, так и уникальные неодериваты.

Сборник докладов тематического блока *Глобализация и славянское словообразование* будет издан Институтом языкознания им. Якуба Коласа НАН Беларуси в 2019 году.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБАКУМОВА Ольга Борисовна; доктор филологических наук, профессор
Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева
abakumova-ob@mail.ru

АНАНЬЕВА Наталия Евгеньевна; доктор филологических наук, профессор
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
ananeva.46@mail.ru

АНДРИАНОВА Дарья Витальевна; кандидат филологических наук, научный
сотрудник
Институт лингвистических исследований РАН
yakonukdar@yandex.ru

АНДРЮШИНА Наталья Павловна; кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
msu-Andryushina@yandex.ru

БАБАЕВА Елизавета Эдуардовна; кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
llevidova@gmail.com

БАКИЧ (САМЫЛИЧЕВА) Надежда Александровна; кандидат филологических
наук, доцент
Национальный исследовательский Нижегородский государственный уни-
верситет им. Н. И. Лобачевского
nasa85@yandex.ru

БАЛОГНЕ Петкевич Ольга / BALOGHNÉ Petkevics Olga; PhD, доцент
Будапештский экономический университет / Budapesti Gazdasági Egyetem
petkevics@upcmail.hu

ВАРГА Эва Каталин / VARGA Éva Katalin; PhD, преподаватель
Медицинский университет им. Семмельвейса / Semmelweis Orvostudományi
Egyetem
vekati@gmail.com

ВОРОНИНА Татьяна Михайловна; кандидат филологических наук, доцент
Уральский федеральный университет им. первого президента России Б. Н.
Ельцина
tmv313@yandex.ru

ГАРБУЛЬ Людмила Павловна / GARBUL Liudmila; доктор гуманитарных наук,
доцент
Вильнюсский университет / Vilniaus universitetas
liudmila.garbul@flf.vu.lt

ГЕНЕРАЛОВА Елена Владимировна; кандидат филологических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
elena-generalova@yandex.ru

ГРАНЕВА Ирина Юрьевна; кандидат филологических наук, руководитель
Чешского центра
Национальный исследовательский Нижегородский государственный уни-
верситет им. Н. И. Лобачевского
irina.graneva@mail.ru

ДАВЫДОВА Ольга Андреевна, кандидат филологических наук, доцент
Московский педагогический государственный университет
dav.ol@mail.ru

ЕМЕЛЬЯНОВА Наталья Александровна; кандидат филологических наук, стар-
ший преподаватель
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
n_emelianova@mail.ru

ЕНИНА Лидия Владимировна; кандидат филологических наук, доцент
Уральский федеральный университет им. первого президента России Б. Н.
Ельцина
Enina.lidia@gmail.com

ЕСИНА Екатерина Александровна; аспирант
Национальный исследовательский Нижегородский государственный уни-
верситет им. Н. И. Лобачевского
esina93@inbox.ru

ЖДАНОВА Елена Александровна; ассистент
Национальный исследовательский Нижегородский государственный уни-
верситет им. Н. И. Лобачевского
e-a-zhdanova@inbox.ru

ЖУКОВСКАЯ Лариса Игоревна; кандидат филологических наук, заместитель
директора Медиа Центра по общим вопросам
Национальный исследовательский Нижегородский государственный уни-
верситет им. Н. И. Лобачевского
lara_nn@mail.ru

ЖУНУСОВА Жаныл Ныгизбаевна; доктор филологических наук, профессор
Евразийский национальный университет им. Л. Н Гумилева
zhanyl08@mail.ru

ЗАКРЕВСКАЯ Валентина Анатольевна; кандидат филологических наук, доцент
Тюменский государственный университет
zakrev@yandex.ru

ИВАНЦОВА Екатерина Вадимовна; доктор филологических наук, профессор
Томский государственный университет
ekivancova@yandex.ru

КИРШБАУМ Линда / Linda KIRSCHBAUM; сотрудник
Венский университет / Universität Wien
linda.kirschbaum@univie.ac.at

КОВАЛЕНКО Кира Иосифовна; младший научный сотрудник
Институт лингвистических исследований РАН
kira.kovalenko@gmail.com

КОЛОСОВА Валерия Борисовна; кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Институт лингвистических исследований РАН
chakra@eu.spb.ru

КОПТЕЛОВА Ирина Евгеньевна; кандидат филологических наук, профессор
Дипломатическая Академия МИД РФ
csikos@yandex.ru

КОРЯКОВЦЕВА Елена Ивановна / Elena KORIAKOWCEWA; доктор филологических наук, профессор
Естественно-гуманитарный университет в г. Седльце / Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach
elena.koriakowcewa@gmail.com

КРУГЛИКОВА Людмила Евгеньевна; доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Институт лингвистических исследований РАН
lekhospb@mail.ru

ЛАЗУТКИНА Елена Михайловна; кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
lazutkelena@yandex.ru

ЛЕВОНТИНА Ирина Борисовна; кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
irina.levontina@mail.ru

ЛЯВИНЕЦ-УГРИН Марианна / LJAVINECZ-UGRIN Marianna; PhD, преподаватель
Университет им. Лоранда Этвеша / Eötvös Loránd Tudományegyetem
mariann.ljavinecz@gmail.com

МАГОЧИ Нина / MÁGOCSI Nyina; PhD, преподаватель
Будапештский университет им. Корвинуса / Budapesti Corvinus Egyetem
magocsi.nyina@gmail.com

МАЛЫШЕВА Ирина Алексеевна; доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Институт лингвистических исследований РАН
iamalysheva@mail.ru

НАМ Хе Хён / NAM Хе Нуун; кандидат филологических наук, старший преподаватель
Университет Йонсей / Yonsei University
zean01@yonsei.ac.kr

НЕЧАЕВА Ия Вениаминовна; кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
inechaeva@mail.ru

НЕФЕДОВА Елена Алексеевна; доктор филологической наук, профессор
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
nefedova@gmail.com

НОРЕЙКО Лариса Николаевна; кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
nog-larisa@yandex.ru

ОЛЕХНОВИЧ Ольга Георгиевна; кандидат филологических наук, доцент
Уральский государственный медицинский университет
olgaolech@yandex.ru

ПАЛОШИ Ильдико / PÁLOSI Ildikó; PhD, старший преподаватель
Университет им. Лоранда Этвеша / Eötvös Loránd Tudományegyetem
palosi.ildiko@btk.elte.hu

ПАТРОВИЧ Петер / PÁTROVICS Péter; PhD, доцент
Университет им. Лоранда Этвеша / Eötvös Loránd Tudományegyetem
patrovics.peter@btk.elte.hu

ПЕТРОВА Зоя Юрьевна; кандидат филологических наук, ведущий научный
сотрудник
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
zoyp@mail.ru

ПЕТРОВА Наталия Евгеньевна; доктор филологический наук, профессор
Национальный исследовательский Нижегородский государственный уни-
верситет им. Н. И. Лобачевского
Petrjva_ngpu@mail.ru

ПЕШКОВА Наталья Петровна; доктор филологический наук, профессор
Башкирский государственный университет
peshkovanp@rambler.ru

ПОЛЕВАЯ Александра Юрьевна, аспирант
Национальный исследовательский Нижегородский государственный уни-
верситет им. Н. И. Лобачевского
Polevaya.alex@gmail.com

ПОЛЯКОВ Дмитрий Кириллович; кандидат филологических наук, доцент
Российский государственный гуманитарный университет
vbnz2005@yandex.ru

РАДБИЛЬ Тимур Беньюминович; доктор филологический наук, профессор
Национальный исследовательский Нижегородский государственный уни-
верситет им. Н. И. Лобачевского
timur@radbil.ru

РОМАНОВА Татьяна Владимировна; доктор филологический наук, профессор
Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"
tvromanova@mail.ru

РУДЫК Анна / Anna RUDYK; кандидат филологических наук, старший пре-
подаватель
Жешувский университет / Uniwersytet Rzeszowski
annarudyk@wp.pl

САЙГИН Вадим Викторович; кандидат филологических наук, первый проректор, доцент
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
secretar@ahch.unn.ru

СКАЧКОВА Евгения Владимировна, аспирант
Московский Государственный Университет им. М. В. Ломоносова
evgeniyaska4kova@yandex.ru

СМИРНОВА Анна Сергеевна; научный сотрудник
Институт лингвистических исследований РАН
batrachos@yandex.ru

СОМОВА Людмила Александровна; доктор педагогических наук, профессор
Тольяттинский государственный университет
Makso@yandex.ru

ТОРОПКИНА Валентина Александровна, аспирант
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
tva94@rambler.ru

ФАТХУТДИНОВА Венера Габдулхаковна; доктор филологический наук, профессор
Казанский (Приволжский) федеральный университет
favenera@mail.ru

ФЕДОСОВ Виктор Александрович, доктор педагогический наук, профессор
Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых
fedosovva@mail.ru

ФЕДОСОВ Олег Иванович / FEDOSZOV Oleg; Dr. habil., доцент
Университет им. Лоранда Этвеша / Eötvös Loránd Tudományegyetem
fedhod@t-online.hu

ХЕНЦЕЛЬМАНН Мартин / Martin HENZELMANN; PhD, научный сотрудник
Технический университет (Дрезден) / Technische Universität Dresden
martin.henzelmann@tu-dresden.de

ХРАМОВ Юрий Валерьевич; доктор филологии, доцент
Рижский технический университет / Rīgas Tehniskā universitāte
hramov@tvnet.lv

ЧАПАЕВА Любовь Георгиевна; доктор филологический наук, профессор
Московский государственный педагогический университет
lg4@mail.ru

ШЕСТАКОВА Лариса Леонидовна; доктор филологический наук, ведущий
научный сотрудник
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
lara.shestakova@mail.ru

ЮШКОВА Наталия Анатольевна; кандидат филологических наук, доцент
Уральский государственный юридический университет
yushkova-n@yandex.ru

ЯКУБОВИЧ Мариола / Mariola JAKUBOWICZ; доктор филологических наук,
профессор
Институт славистики Польской академии наук / Instytut Slawistyki Polskiej
Akademii Nauk
mjakub7@interia.pl

ЯСАИ Ласло / JÁSZAY László; доктор филологический наук, профессор
Университет им. Лоранда Этвеша / Eötvös Loránd Tudományegyetem
jaszay.laszlo@btk.elte.hu

Содержание

Материалы Международной лингвистической конференции «Русская лексика: история и современность» Будапешт, 20–21 октября 2017 г.

Активные процессы в лексике русского языка

ЕМЕЛЬЯНОВА Н. А.–НОРЕЙКО Л. Н.: Англицизмы в современном русском языке. Основные тенденции в освоении новой лексики	7
ЕНИНА Л. В.: Практики употребления слов <i>русские, россияне, Россия</i> для номинации национальной общности в дискурсе СМИ	15
ЕСИНА Е. А.: Языковые аномалии как средство выражения оценки в медиатекстах Шоу « <i>Уральские пельмени</i> »	21
КРУГЛИКОВА Л. Е.: Источники пополнения словарного состава русского литературного языка на современном этапе его развития: мифы и реальность	27
НАМ НҮЕ НҮУН: Употребление советизмов в современной русской речи как знаковый феномен	35
НЕЧАЕВА И. В.: Новые иноязычные заимствования в русском языке и их письменное освоение	45
РАДБИЛЬ Т. Б.: Активные процессы в лексике современного русского языка и проблема культурной апроприации заимствований	51
ХЕНЦЕЛЬМАНН М.: Гибридность как лексический вариант в русском языке	59

Лексикографические вопросы изучения русской лексики

АНДРЮШИНА Н. П.: Лексикографические аспекты формирования лексических минимумов по русскому языку как иностранному	67
БАБАЕВА Е. Э.: Антонимия: проблемы лексикографического описания (на примере оппозиции <i>правый VS левый</i>)	73

ВОРОНИНА Т. М.: Проблемы представления ситуаций речевой деятельности в идеографических словарях	82
ГРАНЕВА И. Ю.: Русское местоимение «МЫ» в свете проблемы «лексикографического портретирования»	88
ЖУНУСОВА Ж. Н.: Об учебном <i>Русско-казахском идеографическом словаре</i> для адаптации студентов-репатриантов в современном поликультурном казахстанском социуме	94
КОВАЛЕНКО К. И.: Толкование «иностранныхъ рѣчей» в азбучовниках Московской Руси (к вопросу о семантике некоторых иноязычных лексем)	99
ЛЯВИНЕЦ-УГРИН М. А.: К вопросу изучения истории русско-венгерской лексикографии	108
САЙГИН В. В.: Лексикографическое описание ключевых концептов русской традиционной культуры. На примере концептов, входящих в состав концептуального поля «грех»	115
ШЕСТАКОВА Л. Л.: Лексическая структура языка поэзии Серебряного века по данным сводного поэтического словаря	127

Активные процессы в словообразовании русского

БАКИЧ (САМЫЛИЧЕВА) Н. А.: Аксиологический аспект языковой игры в медийном дискурсе	137
ЖДАНОВА Е. А.: Активные процессы в русском именном словообразовании	143
КОПТЕЛОВА И. Е.: Лингвокультурные особенности блендинга в русском языке	151
КОРЯКОВЦЕВА Е. И.: О некоторых инновациях в области субстантивного словообразования в эпоху информационной глобализации	159
ПАЛОШИ И.: Анализ глаголов с циркумфиксальными формантами <i>на-...-ся</i> и <i>пере-...-ся</i> : семантика и словообразование	167
РЕТКЕВИЧ О.: Аббревиационные процессы в современном русском языке: постоянство и динамизм	175
РАЦИБУРСКАЯ Л. В.: Социокультурная составляющая активных словообразовательных процессов в русском языке	183
СКАЧКОВА Е. В.: Система русских аффиксальных деинтенсификаторов	192

ТОРОПКИНА В. А.: Прагматический потенциал заголовочных новообразований в электронных медиа.....	200
ФАТХУТДИНОВА В. Г.: Деривационная динамика глаголов поведения в русском языке.....	206
ЯСАИ Л.: Акциональная характеристика глагола <i>сохнуть</i> в сравнении с его приставочными модификациями	214

Семантические и прагматические аспекты изучения русской лексики

ЛЕВОНТИНА И. Б.: О некоторых значениях частицы <i>еще</i>	229
ПЕТРОВА З. Ю.: Лексика со значением родства: метафорические значения и употребления	230
ПЕШКОВА Н. П.: «Денотативная» и «смысловая» экспрессивность лексических средств текста: аспект восприятия	243
РОМАНОВА Т. В.: Слово по данным ассоциативного эксперимента	250
РУДЫК А.: Лексические показатели чувства радости в русском тексте по сравнению с польским переводом.....	258
СОМОВА Л. А.: Конфликтогенность инвективной лексики в медиа-пространстве и в художественной речи	267

Социолингвистические и диалектологические аспекты изучения русской лексики

ЗАКРЕВСКАЯ В. А.: Многократные глаголы в современном русском языке: употребление в диалектной и кодифицированной речи	276
ИВАНЦОВА Е. В.: Лексикон диалектной языковой личности русского старожила Сибири: опыт комплексного исследования	281
КОЛОСОВА В. Б.: Номинации одуванчика в русских говорах.....	289
НЕФЕДОВА Е. А.: <i>Дух</i> и <i>душа</i> : общерусские слова в системе диалекта....	298
ЮШКОВА Н. А.: Конкуренция и соперничество в интерпретации современной молодежи: к вопросу о формировании ценностных установок	308

Русская лексика в зеркале когнитивной лингвистики

- ЖУКОВСКАЯ Л. И.: Концепт «менталитет / ментальность»: материалы к учебному словарю концептов нового типа..... 315
- ЛАЗУТКИНА Е. М.: Макросемантические разряды лексики как сфера интересов когнитивной лингвистики и лексикографии 327
- ПЕТРОВА Н. Е.: Прилагательные перцептивного состояния с суффиксами *-ем/-им-*. Потенциал семантической деривации 336

Русская фразеология сегодня и вчера

- АБАКУМОВА О. Б.: Эксплицитные и имплицитные способы выражения оценки в пословицах (на материале русских пословиц о правде) 345
- АНДРИАНОВА Д. В.: К вопросу об иконичности фразеологических редуPLICATION в русских диалектах (по материалам картотеки для Полного фразеологического словаря русских народных говоров) 355
- ДАВЫДОВА О. А.: Новые фразеологизмы с колоративом *серый* в русском языке 360
- ФЕДОСОВ О. И.: Фразеология и частотность 369
- КИРШБАУМ Л. И.: Отображение психических явлений человека в русских фразеологизмах с цветообозначениями 377

Диахроническое изучение русской лексики

- АНАНЬЕВА Н. Е.: Производные континуанты от корней **mil-*, **l'ub-*, **lask-* и **kox-* в русском и польском языках 384
- ВАРГА Э. К.: Тенденции наименования и семантического развития русских анатомических 391
- ГАРБУЛЬ Л. П.: Межславянские языковые контакты как источник заимствований в приказном языке Московской Руси 398
- МАГОЧИ Н.: Заимствованная лексика в ЯСЦ «банковское дело» на разных этапах становления российской банковской системы 408
- МАЛЫШЕВА И. А.: Слова с *пре-*, *пред-* в русском языке XVIII века 418

ОЛЕХНОВИЧ О. Г.: Особенности формирования фитонимов с метафорической мотивированностью на примере названий лекарственных растений XVII в.	426
ПАТРОВИЧ П.: «Что старого» в русской лексике? Несколько замечаний по поводу некоторых слов скандинавского происхождения в русском языке	434
ПОЛЕВАЯ А. Ю.: История и причины переименований годонимов исторической части города Нижнего Новгорода.....	449
ПОЛЯКОВ Д. К.: Сложносокращенные слова в русском языке на фоне других славянских	455
СМИРНОВА А. С.: Лексика переводов М. В. Ломоносова (на примере античных авторов).....	463
ФЕДОСОВ В. А.: Две грамматические традиции	468
ХРАМОВ Ю. В.: К этимологии русского <i>морюшка</i> "Rubus chamaemorus"	473
ЧАПАЕВА Л. Г.: Западник: словарные значения и узус в диахроническом аспекте	479
ЯКУБОВИЧ М.: Развитие семантики русской лексемы <i>урок</i> на фоне других однокоренных лексем	486

Круглый стол «Актуальные лингвистические проекты»

ГЕНЕРАЛОВА Е. В.: Лексикографические проекты Межкафедрального словарного кабинета им. проф. Б. А. Ларина (СПбГУ).....	493
ИВАНЦОВА Е. В.: Изучение языковой личности сибирского старожила в рамках формирующейся диалектной лингвоперсонологии.....	496
КОРЯКОВЦЕВА Е. И.: Глобализация и славянское словообразование: тематический блок Комиссии по славянскому словообразованию на XVI Международном съезде славистов (Белград, 20–27.08.2018)	499
Сведения об авторах	502
Содержание	509